

Дневники святителя Николая Японского (1870-1911 гг.)

Оглавление

МИССИОНЕР - БОГАТЫРЬ.....	2
ДНЕВНИКИ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО (1870-1911 гг.).....	46
1870 г.	46
1871 г.	47
1872 г.	49
1876 г.	51
1879 г.	51
1880 г.	63
1881 г.	109
1882 г.	154
1884 г.	162
1885 г.	163
1886 г.	164
1887 г.	165
1888 г.	165
1889 г.	167
1891 г.	172
1893 г.	172
1894 г.	173
1895 г.	173
1896 г.	177
1897 г.	183
1898 г.	191
1899 г.	196
1900 г.	198
1901 г.	203
1902 г.	226
1903 г.	236
1904 г.	281
1905 г.	344
1907 г.	390
1908 г.	390
1909 г.	391
1910 г.	393
1911 г.	394
Словарь используемых японских слов.....	396

*И будет яко древо, насажденное
при исходящих вод, еже плод свой даст
во время свое, и лист его не отпадет,
и вся, елика аще творит, успеет.
(Псалом 1, стих 3)*

МИССИОНЕР - БОГАТЫРЬ

О святителе Николае Японском и его дневниках

Наиболее известный в Японии Николай — это Николай II, последний царь династии Романовых. Впрочем, в степени знаменитости ему не уступает свт. Николай Японский, основатель Японской Православной Церкви. Официальное название находящегося в центре Токио православного храма, — замечательного архитектурного сооружения с куполом в византийском стиле, — «Токийский Собор Воскресения», но все японцы называют его «Николай-до». «До» в японском языке имеет значение «грандиозное здание, религиозное или светское».

Отец Николай, только что окончивший С.-Петербургскую Духовную академию, в 1861 г. прибыл на Хоккайдо в Хакодате, в сане иеромонаха для исправления должности священника в церкви русского консульства. Тогда ему было 25 лет. Открытие Японии для внешних сношений произошло совсем незадолго до этого, страной управляли крупные феодалы во главе с сегуном. Реставрация монархии, именуемая «Мэйдзи исин», состоялась позже, в 1868 г., а официальное разрешение проповедовать христианство было дано еще через семь лет.

Отец Николай еще до отмены закона о запрете христианства в тайне начал вести миссионерскую деятельность. Первым его учеником и последователем стал бывший самурай, священник одного из синтоистских храмов в Хакодате Савабе Такума. Согласно преданию, видя в христианстве еретическое учение, оскверняющее «землю богов» — Японию, Савабе проник к старавшемуся распространить это учение о. Николаю, чтобы его обезглавить. Однако, услышав от о. Николая объяснение христианского учения, он тотчас понял свою неправоту и принял крещение, получив христианское имя Павел. Через несколько лет ему, первому из японцев, предстояло принять сан священника.

Первые годы после реставрации императорской власти стали временем невиданных для японской истории переходных преобразований. Социальный строй Японии в этот период сменился с феодализма на капитализм. Самураи (буси), бывшие прежде привилегированным сословием, столкнулись с необходимостью пересмотра системы ценностей, нравственных критериев, которых они придерживались до сих пор. Буддизм, получивший в феодальную эпоху статус государственной религии правительства сёгунов, в связи со сменой общественного строя на некоторое время утратил общественное доверие. Христианство было с воодушевлением принято прежде всего в среде обедневшей интеллигенции, как руководство для жизни.

Отец Николай, безусловно, обладал горячим религиозным рвением, но главным источником его поразительного успеха в проповедовании Православия было понимание духа японского народа. Сразу же по прибытии в Хакодате он прежде всего с усердием принялся за изучение японского языка, а затем и истории Японии, ее литературы. Он мог читать любые японские тексты — от классических до современных. Разговорным японским языком он овладел настолько, что, хотя и с некоторым акцентом, изъяснялся совершенно свободно.

Высокий, крепкого сложения, о. Николай в глазах японцев был подобен былинному богатырю. Черты лица его тоже были крупными, во взгляде его чувствовалась сила. И то обстоятельство, что Николай, рожденный в глухой русской деревне, целиком посвятил себя служению Православной

Церкви, также вызывает в памяти образ былинного Ильи Муромца. Мирское имя свт. Николая было Иван Касаткин, родился он в селе Егорье-на-Березе Вельского уезда Смоленской губернии. Отец его, Димитрий Иванович, в этом селе был дьяконом. Сам о. Николай в дневниковой записи за 1 января 1877 г. использует слово «богатырь»: «И иди-ка воспитание в направлении природы, из нас выйдут богатыри».

Однако Николай был не просто отважным и непреклонным борцом. За его внушительной наружностью скрывалась поразительно тонко чувствующая натура. Она проявляется и на страницах его дневников — в эмоциональных восклицаниях и выражениях, что к тем же дневникам их самокритично настроенный автор называет «экзальтацией» (запись от 1 января 1872 г.). Иногда он бывал недоволен своими подчиненными, что явствует из дневников, вне зависимости от того, относится ли оно к русским или японцам, будь то лица духовного звания или простые прихожане. И все же его теплая заботливость распространялась на всех прихожан без исключения. В душе этого проповедника-богатыря жила поистине отеческая доброта.

Сердце о. Николая не оставалось глухо и к лирическим настроениям простых японцев. Он положил за правило почти ежегодно отлучаться из столицы, служившей оплотом миссионерства, и объезжать приходы, где жили православные верующие. Во время одного из таких путешествий, по пути в район Тохоку, самую глухую часть Японии, погонщик, которые вел лошадь о. Николая, спел ему несколько народных песен, которые тот записал в дневник вместе со своим русским переводом (4 июня 1881 г.):

Из «Рапорта начальника Российской Духовной Миссии в Японии архимандрита Николая Совету Православного Миссионерского Общества» мы узнаем, что по состоянию на 1878 г., восьмой год деятельности Миссии, руководимой о. Николаем, в Японском приходе числилось: священников-японцев — 6 человек, миссионерских приходов — 31, миссионеров — 73, православных прихожан — 4115, населенных пунктов, в которых проживали православные. — 150.

При Токийской миссии работали Катехизаторское училище (количество учащихся — 28 чел.), Семинария (30 чел.); кроме того, в Хакодате, где находилось первое русское консульство и начиналась проповедническая деятельность о. Николая, также существовала школа при Миссии (40 учеников и 31 ученица).

В 1880 г. о. Николай был возведен в сан епископа. Называемый теперь его именем Собор Воскресения начали строить по проекту русского архитектора М. А. Щурупова в 1884 г., и через семь лет его строительство было завершено. Все расходы по возведению Собора — 225 тыс. рублей — были полностью оплачены из добровольных пожертвований благотворителей-россиян.

В первые десять лет правления Императора Мэйдзи (1868- 1878) христиане различных направлений активно начали проповедническую деятельность, конкурируя друг с другом. На 1900 г. по количеству верующих Православная Церковь занимала в Японии второе место после Католической.

Самым трудным временем для о. Николая была Русско-японская война 1904-1905 гг. Православие считалось всеми в Японии русской разновидностью христианства. Деятельность Японской Православной Миссии оплачивалась из русской государственной казны, из средств Миссионерского Общества и Синода. Сразу после начала войны русский посланник предложил о. Николаю покинуть Японию, на что тот ответил отказом и остался в Токио. Японским священникам и простым прихожанам он велел молить Господа о победе Японии, сам же молился о победе России. Епископа, патриота России, приводили в уныние и отчаяние следовавшие одно за другим поражения русских войск. И даже после начала в Америке Портсмутской мирной конференции между Японией и Россией он еще надеялся, что, «должно быть, скоро будет большое сражение, и в нем, наверное, мы победим» (30 августа 1905 г.). Японцы — ученики о. Николая догадывались о настроении учителя и в присутствии епископа старались по возможности избегать разговоров о войне.

Во время войны были случаи, когда православных японцев преследовали по подозрению в шпионаже в пользу России. Однако Православная Церковь смогла вынести все испытания войны. А когда война закончилась, вновь стали появляться японцы, которые принимали Православие. В 1912 г. (в том году, когда о. Николай окончил свои земные дни) число православных японцев превышало 34 тыс. человек.

Одно из великих свершений, составляющих наследие о. Николая, — перевод Священного Писания. В работе над переводом ему помогал потомок знаменитого в Японии ученого-конфуцианца, крещенный в Православие Павел Накаи. Их совместными усилиями был переведен на японский язык и издан полный текст Нового Завета; кроме того, переведены были обширный Служебник и Закон Божий. В Японской Православной Церкви и теперь используются тексты, переведенные св. Николаем. На-каи — один из тех японцев, чье имя чаще всего встречается на страницах дневников о. Николая.

Японская Православная Церковь выполняла роль «окна», через которое в Японию передавалась русская культура. Из учеников семинарии вышли многие переводчики-русисты, как специалисты по устному переводу, так и переводчики русской литературы. Упомянем, например, Василия Нобори (литературный псевдоним — Сёму), познакомившего японского читателя с творчеством многочисленных современных ему писателей России. Первым переводчиком на японский произведений Чехова стала японка Елена, жена ректора семинарии Ивана Сенума, бывшая выпускница Женской семинарии (ее писательский псевдоним — Сенума Каё).

В 1970 г. епископ Николай был причислен к лику святых. Однако нельзя сказать, что при советском строе личность о. Николая, считавшегося «японским приспешником», вызывала заметный интерес ученых-японистов. В 1980 г. первым заинтересовался его дневниками и стал их разыскивать исследователь творчества Ф. М. Достоевского проф. Кэнносукэ Накамура (тогда сотрудник Университета Хоккайдо, сейчас — Токийского университета). По словам проф. К. Накамура, его интерес к личности о. Николая начался с того момента, когда он обратил внимание на факт его встречи с Достоевским перед знаменитой речью писателя на открытии памятника Пушкину в Москве. После многих мытарств Накамура в конце концов установил, что дневники свт. Николая хранятся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде. Таким образом, ровно через сто лет после встречи Достоевского и о. Николая Кэнносукэ Накамура «открыл» о. Николая. Часть этих дневников, расшифрованная петербургскими исследователями, супругами Ларисой Николаевной и Константином Ивановичем Логачевыми, в 1994 г. была опубликована издательством Хоккайдского университета. В составлении и редактировании этого издания кроме К. Накамура принимали участие также проф. Рёхэй Ясуй, проф. Мицуо Наганава и автор этой статьи. В книгу вошли дневниковые записи 1870-1876 гг. (С.-Петербург и Хакодате), 1879-1880 гг. (С.-Петербург и Москва), 1881 г. (сделанные при обзоре Церковей в областях Дзёсю и Тохоку), 1882 г. (Киото и Токио), 1903-1905 гг. (Токио — накануне, во время и после Русско-японской войны).

Ёсикадзу Накамура, профессор женского университета Кёрицу (Япония),
Иностранный член РАН

Призвание

Иван Дмитриевич Касаткин родился 1 августа 1836 года в селе Береза Вельского района Смоленской губернии. Его отец Дмитрий Иванович Касаткин служил диаконом в сельской церкви. Ребенка назвали Иоанном, в честь славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня. Его мать Ксения Алексеевна умерла 34 лет от роду, когда ему было всего пять лет. Несмотря на вопиющую бедность, мальчика отдали учиться сначала в Вельское духовное училище, а затем в Смоленскую семинарию. С. Недачин пишет: «При отсутствии железных дорог юноша должен был тащиться по ужасным и теперь еще Вельским трощобам к губернскому городу Смоленску для получения

образования в духовной семинарии. Далеко не все семинаристы того времени ездили учиться на лошадях. Очень многим из них, наиболее бедным, к числу которых принадлежал и мальчик Касаткин, приходилось идти пешком на протяжении свыше 150 верст, чтобы явиться в стены семинарии».

В 1856 году он блестяще окончил курс семинарии и был на казенный счет отправлен в Петербургскую Духовную академию, где учился до 1860 года.

Молодой человек выказывал выдающиеся способности; предполагалось, что он останется при Академии для подготовки к профессорской деятельности, однако решение отправиться в Японию совершенно изменило его судьбу.

Оно было принято совершенно неожиданно. По свидетельству самого святителя Николая, ему до того времени никогда и в голову не приходила мысль о монашестве. Однажды же, проходя по академическим комнатам, Иван Дмитриевич заметил объявление с предложением отправиться кому-нибудь из окончивших академический курс в Японию на роль настоятеля посольской церкви в Хакодате. Несколько товарищей Касаткина уже выразили желание ехать в Японию в сане священника. Приглашение это не произвело на юношу особого впечатления, хотя в свое время его сильно впечатлили воспоминания Головнина о Японии. Он спокойно пошел ко всенощной. И вот, во время богослужения, он вдруг решил, что должен ехать в Японию. Вернувшись от всенощной, он в глубоком волнении направился к ректору Академии, преосвященному Нектарию, и заявил ему о своем желании ехать в Японию, но не женатым священником, а монахом. Ректор очень сочувственно отнесся к порыву юноши и доложил о его желании митрополиту. В самый непродолжительный срок судьба Ивана Дмитриевича Касаткина была решена.

21 июня 1860 года юношу постригли в монашество с именем Николай. 29 июня, в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла, он был рукоположен в иеродиакона, а на следующий день, когда праздновался Собор двенадцати апостолов (престольный праздник академической церкви), — в иеромонаха. Епископ Нектарий, постригавший юношу, нарек его Николаем и сказал: «Не в монастыре ты должен совершить течение подвижнической жизни. Тебе должно оставить самую Родину, идти на служение Господу в страну далекую и неверную. С крестом подвижника ты должен взять посох странника, вместе с подвигом монашества тебе предлежат труды апостольские».

В конце июня иеромонах Николай покинул Петербург и три дня провел со своими родными в деревне. Простившись с ними, он отправился в далекий путь. С собою он взял Смоленскую икону Божией Матери, которую хранил всю жизнь.

«Когда я ехал туда, я много мечтал о своей Японии. Она рисовалась в моем воображении как невеста, поджидающая моего прихода с букетом в руках. Вот пронесется в ее тьме весть о Христе, и все обновится... Тогда я был молод и не лишен воображения, которое рисовало мне толпы отовсюду стекающихся слушателей, а затем и последователей Слова Божия, раз это последнее раздастся в Японской стране» .

Дорога в Японию была долгой и трудной. Зиму иеромонах Николай провел в Николаевске-на-Амуре. Здесь он встретился со святителем Иннокентием, просветителем Сибири (в ту пору епископом Камчатским). Последний благословил его на предстоящие труды и посоветовал вплотную заняться изучением японского языка. Видя бедную рясу иеромонаха, епископ Иннокентий купил хороший бархат и сам выкроил из него рясу отцу Николаю. Возложил на отца Николая наперсный бронзовый крест, полученный за участие в Крымской кампании.

14 июня (2 июня ст. ст.) 1861 года иеромонах Николай на военном транспорте «Амур» прибыл в японский порт Хакодате.

Принято считать, что первые европейцы появились в Японии в начале сороковых годов XVI века. В 1543 году на Кюсю появились португальские купцы и вслед за ними — миссионеры-иезуиты.

Франциск Ксавье, распространявший Евангелие в Индии и Индокитае, ступил на японскую землю в 1549 году. Проповедь шла успешно, число христиан стремительно росло (особенно в южных портах, часто посещавшихся португальцами), чему в немалой степени способствовала поддержка нового учения правителями, стремившимися монополизировать торговлю с португальцами (помимо прочего португальцы ввозили в Японию огнестрельное оружие). Отдельные князья переходили в католичество вместе со своими вассалами и крестьянами. К 1580 году в Японии насчитывается уже около 150 тыс. христиан. В 1582 году иезуитами организуется посольство христианских князей Кюсю в католические страны Европы — Португалию, Испанию и Италию. Послов принимают испанский король Филипп II и папа Григорий XIII. Славный Ода Нобунага (1533-1582), положивший начало объединению Японии, не только не мешает миссионерской деятельности иезуитов, но даже покровительствует им. Примерно в это же время в Японии появляются монахи доминиканского и францисканского орденов и, несколько позже, английские и голландские купцы. Преемник Нобунага, Тайко Хидэёси, вначале относится к иезуитам достаточно терпимо, однако уже в 1587 году издает указ о запрещении распространения христианства в Японии и об изгнании иезуитов из страны, предписывающий всем заморским миссионерам покинуть Японию в течение 20 дней. Указ этот не был выполнен — иезуиты скрылись во владениях князей, принявших христианство. Через десять лет были распяты на крестах 6 францисканцев, 3 иезуита и 17 японских христиан. Тем не менее в начале XVII века количество христиан становится еще большим и достигает 200 тыс. (по некоторым источникам — 750 тыс. или даже 1 млн).

В 1611-1614 годах появляется ряд новых указов, направленных против христианства, после чего начинаются открытые гонения. С 1624 по 1638 год издаются указы, которые запрещают иностранцам посещать, а японцам — покидать Японию или же возвращаться в нее после пребывания в других странах. При Хидэятада и Иэмицу гонения достигают апогея. По разным данным, за время гонений в Японии было замучено от нескольких десятков до нескольких сот тысяч христиан. Вдоль проезжих дорог появились бесконечные вереницы крестов. Христиан пытали, распинали, сжигали, заживо зарывали в землю. В 1637 году, доведенные до крайности непосильными налогами, крестьяне острова Кюсю, возглавляемые ронином (самураем, лишившимся своего господина), подняли бунт, известный ныне как Симабарское восстание. Большинство участвовавших в нем крестьян исповедовало христианство, и восстание тут же приняло религиозную окраску. Поддерживаемые ронинами, христиане в течение пяти месяцев удерживали у стен крепости стотысячное сёгунское войско. Сёгуну пришлось прибегнуть к помощи голландцев, разрушивших выстрелами своих корабельных пушек стены твердыни. Практически все население крепости, составлявшее более 37 тыс. человек, было уничтожено (в живых осталось около 100 человек).

Известно, что святитель Николай неодобрительно отзывался об этом восстании, но указывал на мученическую стойкость обманутых своими главарями людей и их любовь ко Христу.

Вскоре после разгрома восстания была введена система обязательной ежегодной регистрации всех японцев в буддийских приходах («домашних храмах»), которая гарантировала непринадлежность членов этих приходов христианской Церкви. Отречение требовалось не только от данного лица и членов его семьи, но и от их потомков в третьем и четвертом колене, при этом отречение должно было повторяться ими раз за разом. Архиепископ Антоний (Мельников) пишет о сохранившихся донные медных иконах Спасителя и Богородицы со стертymi и истоптанными краями. Отрекавшихся понуждали становиться на иконы, но несчастные пытались стоять на их краях.

В 1639 году исповедание христианства в Японии окончательно запрещается. Япония изолирует себя от мира на два с лишним столетия. Сохраняются лишь торговые контакты с протестантской Голландией (судам голландцев разрешен вход в порт Нагасаки), Китаем и Кореей.

Тогда же возникла и японская катакомбная Церковь, открыто заявившая о своем существовании только в 1865 году (в ту пору численность ее составляла около 20 тыс. человек). Катакомбники жили

главным образом на западе Кюсю, в окрестностях Нагасаки и Симабара. После легализации они отказались от воссоединения с католиками и сохранили собственную иерархию, состоящую из мирян. Известно, что в годы гонений они поклонялись Богородице под видом бодхисатвы Каннон.

«Открытие» Японии и последовавшие за ним падение сёгуната и восстановление императорской власти в 1868 году в корне изменили ситуацию. Страна взяла курс «на Запад». В 1873 году антихристианский закон был отменен. В стране появилось множество христианских миссионерских центров. В том же 1873 году японцы перешли с традиционного лунного на григорианский солнечный календарь. Был установлен единый для всей страны выходной день — воскресенье. В 1854 году Япония подписала торговые договоры со США, Англией, Францией и Голландией.

В 1855 году был подписан и договор с Россией, известный как Симодский трактат. В соответствии с ним японское правительство открывало для России три порта: Симода, Хакодате и Нагасаки. В Хакодате было открыто русское консульство. В ту пору население этого города составляло около 6 тыс. жителей.

Хакодате

Первым русским консулом в Хакодате был назначен Иосиф Антонович Гошкевич (1814-1875), личность замечательная во многих отношениях. Он прибыл в Хакодате в третьей декаде сентября 1858 года в сопровождении семьи, морского офицера, врача, священнослужителя (последний по болезни вернулся на родину в год учреждения консульства), четырех слуг и двух слу-жанок.

Еще до прибытия иеромонаха Николая в Японию русское консульство успело построить в Хакодате церковь Воскресения Христова (впоследствии, во время большого хакодатского пожара, эта церковь сгорела, и на ее месте был построен каменный храм). Строил и освящал церковь отец Василий Махов. Болезнь вынудила его уже через год покинуть Японию и вернуться на родину, после чего И. А. Гошкевич и обратился в Синод с просьбой прислать священника с высшим духовным образованием.

Следует заметить, что в эту пору отношение японцев к иностранцам было весьма и весьма недоброжелательным. Навязанные западными странами договоры «о мире» вызывали крайнее неудовольствие у самураев, считавших иностранцев «варварами» и ратовавших за их полное изгнание. Соответственно открытие страны и появление иностранцев способствовали развитию крайней ксенофобии, проявлявшейся порой в открытом насилии. Так, за первое полугодие 1861 года было убито шесть иностранцев. Вооруженные нападения на христиан, в которых японцы видели едва ли не главных своих врагов, происходили в Киото, Эдо и Иокогаме. В Хакодате инцидентов подобного рода не было, однако и к русским японцы относились с ничуть не меньшей, а то и большей подозрительностью, чем к другим иноземцам. Смута, а вместе с ней и антисёгунские настроения усиливались. В 1862 году началась настоящая гражданская война, закончившаяся в 1868 году отставкой сёгуна и созданием императорского правительства. Последним оплотом сил сёгуна волею судеб оказался Хакодате, занятый флотом Эномото. Однако флот этот был разбит императорскими силами уже в мае 1869 года. Император переехал в Эдо, получивший после этого название Тоокёо [Токио], или «Восточная столица». Началась эпоха Мэйдзи — эпоха «Просвещенного Правления».

«Один Господь знает, сколько мне пришлось пережить мучений в эти первые годы. Все три врага: мир, плоть и диавол — со всей силой восстали на меня и по пятам следовали за мной, чтобы повернуть меня в первом же темном, узком месте, и искушения эти были самые законные по виду: "Разве я, как всякий другой человек, создан не для семейной жизни? Разве не можешь в мире блистательно служить Богу и ближним? Разве, наконец, не нужны ныне люди для России более, чем для Японии?" И т. д. Тысячи наговоров выливают тебе в уши, и это каждый день и час, и наяву и во сне, и дома в келье, и на молитве в церкви. Много нужно силы душевной, великое углубление

религиозного чувства, чтобы побороть все это».

О проповеди не могло идти и речи, ибо «тогдашние японцы смотрели на иностранцев как на зверей, а на христианство как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи». Помимо прочего, молодой миссионер не знал японского языка и не был знаком с японской религией, историей и культурой. «Приехав в Японию, я, насколько хватало сил, стал изучать здешний язык. Много было потрачено времени и труда, пока я успел присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему на свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не слившихся в один». «Кое-как научился я наконец говорить по-японски и овладел тем самым простым и легким способом письма, который употребляется для оригинальных и переводных ученых сочинений». Сначала его учил японскому переводчик хакодатского губернатора. По рекомендации последнего иеромонах Николай стал посещать частную школу известного своей редкостной эрудицией Кимура Кэнсяя. Там же он занялся изучением истории и литературы Японии, а также буддизма, синтоизма и конфуцианства. Помимо Кимуры Кэнсяя, его наставниками были Сага Дзюан и Ниидзима Симэта. На кабинетные занятия ушло восемь лет. Практически все это время он занимался по 14 часов в сутки. Тогда же он стал посещать литературные собрания и языческие храмы. Д. М. Позднеев пишет: «Путем постоянного чтения японской литературы и постоянного общения с японцами отец Николай достиг удивительного знания японского разговорного и книжного языка. У него был сильный иностранный акцент, однако это не мешало ему быть понимаемым всеми японцами от мала до велика, богатство словаря и легкость построения фраз давали его речи силу, приводившую в восторг всех японцев... Фразы были краткие, обороты самые неожиданные, но чрезвычайно яркие и сильные».

«Я старался сначала со всей тщательностью изучить японскую историю, религию и дух японского народа, чтобы узнать, в какой мере осуществимы там надежды на просвещение страны евангельской проповедью, и чем больше я знакомился со страной, тем более убеждался, что очень близко время, когда слово Евангелия громко раздастся там и быстро пронесется из конца в конец империи».

Первым обращенным в православие японцем стал Такума Савабе (1835-1913), бывший самурай клана Тоса, жрец старой синтоистской кумирни в Хакодате. Савабе состоял членом тайного общества, поставившего своей целью изгнать всех иностранцев из Японии, и был известен как превосходный фехтовальщик. В качестве учителя фехтования он и приходил к сыну русского консула И. А. Гошкевича. Некогда он странствовал по Японии, зарабатывая на жизнь уроками фехтования. Придя в Хакодате, он женился на дочери жреца синтоистской кумирни и принял не только его фамилию Савабе, но и наследственный жреческий сан и место служения своего тестя.

Подробный рассказ об обращении японца, происшедшем в 1864 году, приведен в книге А. Платоновой «Апостол Японии» (СПб., 1916).

Савабе то и дело сталкивался с иеромонахом Николаем в доме консула и всегда смотрел на него с такой ненавистью, что однажды тот не выдержал и спросил:

— За что ты на меня так сердисься? Последовал совершенно определенный ответ:

— Вас, иностранцев, нужно всех перебить. Вы пришли выглядывать нашу землю. А ты со своей проповедью всего больше повредишь Японии.

— А ты разве уже знаком с моим учением?

— Нет, — смутился японец.

— А разве справедливо судить, тем более осуждать кого-нибудь, не выслушавши его? Разве справедливо хулить то, чего не знаешь? Ты сначала выслушай да узнай, а потом и суди. Если мое учение будет худо, тогда и прогоняй нас отсюда. Тогда ты будешь справедлив.

— Ну, говори!

Слова иеромонаха Николая потрясли самурая. Он испросил дозволения встретиться с иеромонахом вновь и продолжить беседу. Через некоторое время отец Николай уже писал митрополиту Исидору: «Ходит ко мне один жрец древней религии изучать нашу веру. Если он не охладает или не погибнет (от смертной казни за принятие христианства), то от него можно ждать многого».

В письме от 20 апреля 1865 года иеромонах Николай пишет: «Жрец с нетерпением ждет от меня крещения. Он хорошо образован, умен, красноречив и всюю душою предан христианству. Единственная цель его жизни теперь — послужить отечеству распространением христианства, и мне приходится постоянно останавливать его просьбы из опасения, чтобы он не потерял голову, прежде чем успеет сделать что-либо для этой цели».

Об опасности положения Савабе позволяет судить следующий его рассказ: «Открыто читать эту книгу [Евангелие] я не мог, а читать хотелось. Вот я и выдумал читать ее в то время, когда совершал службы в своем мия [т. е. в языческом храме]. Положишь, бывало, перед собой Евангелие вместо языческого служебника, да и читаешь, постукивая в обычный барабан. Никто и не думал, что я читаю иностранную "ересь"».

Вскоре Савабе привел к иеромонаху Николаю своего друга, врача Сакаи Ацунори. Через некоторое время к ним присоединился третий друг — врач Урано. Японцы стали самостоятельно проводить катехизаторские беседы, и к весне 1868 года уже насчитывалось до 20 человек, готовых принять крещение.

В это время в Нагасаки вновь начались гонения на католиков, в Хакодате же прибыл новый чиновник. В апреле 1868 года иеромонах Николай тайно крестил трех друзей в своем кабинете, после чего, переждав ненастье, они покинули Хакодате. Это были Павел Савабе, Иоанн Сакаи и Иаков Урано. Именно тогда, за пять месяцев до наступления эпохи Мэйдзи, зародилась Японская Православная Церковь.

На Савабе тут же обрушились тяжкие испытания. Его жена сошла с ума и через несколько месяцев в припадке болезни сожгла собственный дом. Савабе так и не нашел прибежища и в скором времени вернулся в Хакодате. Теперь он не имел не только средств к пропитанию, но и крова. Тогда же у в 1868 году, он был заключен в темницу. Святитель Николай писал: «Перед моими глазами совершился процесс рождения человека к новой жизни благодатию Божию, а за моими глазами начинался уже другой процесс — процесс испытания и укрепления сил новорожденного Павла». Восьмилетний его сын по наследственному праву стал жрецом той же кумирни, что давало ему средства кормить себя и больную мать. Позднее Павлу Савабе было дано утешение видеть и сына своего христианином. Испытания лишь укрепили ревность Павла, и в 1875 году он был рукоположен во священника. «Вторым христианином был у нас г-н Сакай Иоанн. Это был местный врач и близкий друг г-на Савабе, обращенного в христианство. Савабе старался склонить к тому же и своего друга, но Сакай был силен в диалектике, и трудно было победить его; тогда г-н Савабе стал почаще приглашать его ко мне, и мы вдвоем убеждали его. Наконец и г-н Сакай был крещен и даже посвящен в сан священника, в каковом сане скоро, по болезни, и скончался. Третьим христианином был г-н Урано Иаков, также бывший врач. За ним было совершено святое крещение в Хакодате над нынешним о. Иоанном Оно, а затем крестились и некоторые другие. Но означенные лица были главными из первых наших христиан. После того все более и более увеличивалось число принимающих святое крещение, и стала предвидеться возможность систематического распространения христианской веры в Японии. С этой именно целью, для получения на это официальных полномочий, я отправился на время в Россию и, получив там на это разрешение и благословение у Святейшего Синода, опять возвратился в Японию. По моем приезде, скоро меня навещил г-н Савабе и, между прочим, сообщил мне о странном, во время моего отсутствия из Японии, поведении г-на Сакая, который проводил все время в заботах о

возможно большей выручке денег из своих занятий, тогда как остальные христиане старались, напротив, всем делиться со своими братьями. Услышав об этом, я хотел было обличить г-на Сакая, но с приходом последнего дело тотчас объяснилось. Явившись ко мне, г-н Сакай представил собранные им сто иен (около двухсот рублей), которые пожелал употребить на дела Церкви. Так разъяснилось недоумение г-на Савабе относительно странного, по-видимому, поведения г-на Сакая.

Другой, подобный по своей видимой странности, случай произошел с г-ном Томи Петром. В одно время все заметили его внезапное исчезновение куда-то. Никто не знал, куда он скрылся. Я спросил жену, но и она не знала, хотя ее лицо не выражало ни горя, ни даже особой озабоченности. Все это было весьма загадочно и продолжалось довольно долго. Но вот, спустя 11 дней после этого, однажды вечером, около одиннадцати часов, г-н Петр Томи является ко мне в сопровождении г-на Сакая. Вижу — худ до невероятности, кости сильно выдались на совершенно изменившемся в своем цвете лице; просто жалко было смотреть на него. На мои вопросы — где он был и почему так сильно исхудал, он ответил, что все это время он проводил в воздержании от сна и пищи и в молитве о скорейшем просвещении братьев-язычников тем светом истины, которого он сам недавно сподобился. Услышав обо всем этом, я был очень изумлен столь трогательным проявлением горячей верности по вере. Но все-таки я должен был заметить ему, что такое дело впредь нужно совершать согласно с установлениями Церкви, ибо иначе можно принести сильный вред своему здоровью».

В конце 1869 года иеромонах Николай, испросив отпуск, отправляется в Россию ходатайствовать перед Святейшим Синодом о разрешении открыть в Японии русскую духовную миссию.

В Россию иеромонах Николай приехал в феврале 1870 года. Его ходатайство было удовлетворено. 6 апреля 1870 года Александр II высочайше утвердил определение Святейшего Синода об учреждении в Японии русской духовной миссии в составе начальника миссии, трех иеромонахов-миссионеров и причетника. Половину намечаемых расходов брало на себя казначейство, другая половина была отнесена за счет типографского капитала духовного ведомства. Всего духовной миссии ассигновалось 6 тыс. рублей в год и 10 тыс. рублей единовременно. Миссионерские станы располагались в Токио, Киото, Нагасаки и Хакодате. Начальником миссии был назначен иеромонах Николай с возведением в сан архимандрита. Миссия подчинялась ведению Камчатского епископата. Обязанности миссионеров были изложены в «Инструкции для Миссии», представленной иеромонахом Николаем и утвержденной Синодом. Перед отъездом в Японию архимандрит Николай смог повидаться со стариком отцом.

В Хакодате он вернулся в марте 1871 года. Проповедь Евангелия продолжалась и в его отсутствие. В конце года архимандрит Николай крестил в Сендае одиннадцать человек.

В 1872 году в Хакодате прибыл иеромонах Анатолий (Тихай), кандидат Киевской Духовной академии. Архимандрит Николай отзывался о нем так: «Лучших помощников я не желал бы!» Он оставляет Хакодатскую церковь на о. Анатолия и 4 февраля 1872 года перебирается в Токио.

Токио

Отец Николай поселился в токийском районе Цукидзи, в котором проживали иностранцы — дипломаты и коммерсанты. «Представьте, например, мою обстановку, хотя это одна из последних мелочей. Жара теперь, Боже, какая жара! Перестать работать, конечно, нельзя, не об этом речь; и утром до полудня, и вечером с пяти часов человек 20-30 имеет полное право приходить выслушивать уроки Закона Божия. Но куда приходить? Мое жилище — одна комната на чердаке по точнейшему измерению 11 квадратных футов! Вычтите из этого пространство, занимаемое столами, стульями и подобием сделанного дивана, заменяющего мне кровать; высота — стать в ней во весь рост человеку такого роста (как я) едва возможно. Разочтите, сколько воздуха в таком жилье. И в нем, однако, происходит катехизация 20-ти человек. Сидеть — уже не спрашивайте, как сидеть... К счастью, еще

два окошка, одно наискось другого. Если благотворительная природа посылает ветерок, то ничего. А если нет веяния воздуха — духота нестерпимая. Внимание с трудом связывает мысли; самое горло отказывается служить полтора или два часа подряд».

В 1872 году в Японии вновь начинаются гонения на христиан. В феврале в Сендае за принадлежность к христианству было арестовано и допрошено более 120 человек. В Хакодате поводом к гонениям послужил пасхальный перезвон, привлечший в церковь множество любопытствующих, чем не замедлили воспользоваться катехизаторы. Губернатор приказал арестовать всех катехизаторов, уволил с работы чиновников-христиан и закрыл типографию миссии. Савабе, занимавшийся катехизацией в Сендае, и Сакаи, находившийся в это время в Хакодате, вновь оказались в тюрьме. Их освобождение стало возможным только после обращения архимандрита Николая к высокопоставленным правительственным чиновникам Ивакура Томоми и Кидо Такаёси, которые, помимо прочего, известили его о том, что отношение японского правительства к христианству вот-вот должно измениться.

И эти изменения не заставили себя ждать. Уже 10 февраля 1873 года вышел указ, отменявший антихристианские законы.

«Признаки того, что Богу угодно просвещение Японии светом Евангелия, с каждым днем выясняются все более. Взгляните на этот молодой, кипучий народ. Он ли не достоин быть просвещенным светом Евангелия? С каждым днем ко всем миссионерам, в том числе и к русским, приходят новые люди, жаждущие знать о Христе. С каждым днем число новообращенных растет... Господь попустил нас испытать гонение, но неизбежная туча уже пронеслась мимо...»

Вскоре архимандриту Николаю удалось найти участок земли для будущей токийской миссии. Он принадлежал графу Тода и находился на холме Суругадай. 16 сентября (3 сентября ст. ст.) 1873 года он перебрался на этот участок, открыв здесь школу русского языка и катехизаторскую школу, в которых он сам и преподавал.

На 32 тыс. рублей, собранных среди частных жертвователей адмиралом Е. В. Путятиным, в том же 1873 году было построено двухэтажное здание миссии с домовою церковью, классами и дортуарами (спальными помещениями) школы катехизаторов. На средства О. Е. Путятиной (дочери адмирала Путятина) и графини Орловой-Давыдовой была открыта женская школа на 100 учениц.

В катехизаторское училище принимали мужчин в возрасте от 18 до 60 лет, которые должны были представить рекомендацию и ручательство местных катехизаторов.

В Женском духовном училище изучались Закон Божий, арифметика, японская и всеобщая история, китайский, японский и русский языки, каллиграфия, рукоделие и шитье.

Тогда же была учреждена и Семинария (Сэйкё сингакко). Первоначально она размещалась в нескольких специально приобретенных архимандритом Николаем домиках. Первый выпуск состоялся в 1882 году.

Программа была примерно такой же, что и в русских духовных семинариях, с той разницей, что здесь не преподавались классические языки. Преподавание велось на японском, однако при этом обращалось особое внимание на изучение русского языка. Поступать в семинарию могли юноши и мужчины в возрасте от 14 до 60 лет. Обучение продолжалось семь лет. Кроме богословских предметов в курсе семинарии входили русский и китайский языки (при этом изучалась и классическая китайская литература), алгебра, геометрия, география, китайско-японское письмо, история (всеобщая, японская и российская), психология и история философии. Сам отец Николай в течение многих лет преподавал в семинарии догматическое богословие и всеобщую гражданскую историю.

Большинство поступающих в семинарию не были христианами. После окончания четвертого класса они должны были креститься или же покинуть семинарию и продолжить свое обучение в другом учебном заведении. С пятого класса студентам семинарии вменялось в обязанность ходить в

свободное время по частным домам с проповедью христианства. Младшие же классы в значительной степени носили характер общеобразовательной школы, которая, помимо прочего, давала студентам возможность познакомиться с русской культурой. Об уровне и качестве преподавания в семинарии говорит хотя бы то обстоятельство, что министр иностранных дел Японии Создзима Танэоми отдал на обучение и своего сына, и двоих племянников. Воспитанниками Токийской семинарии были доктор Сато Сесуке, ректор университета на острове Хоккайдо, Абэ Хироси, губернатор Токио, Андо Кенсуке, городской глава Иокогамы, министр Като Масуо, дипломат Омаэ Тайдзо и многие другие.

Среди приглашенных из России преподавателей были о. Гавриил (Гаев), о. Владимир (Соколовский), о. Геден (Покровский), о. Сергей (Глебов), о. Сергей (Страгородский). В 1897 году семинария перешла в новое трехэтажное каменное здание, построенное на личные средства наследника российского престола, будущего императора Николая II.

В миссии были образованы пять отделов: переводческий, издательский, семинария, женская школа, школа для катехизаторов. Кроме того, при миссии существовали детский приют, иконописная мастерская, миссийский хор и библиотека.

Число обращенных непрерывно возрастало. С 1874 года в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла стали созываться поместные соборы Японской церкви, в которых принимали участие главным образом миряне. На соборы допускались без права голоса все желающие, в том числе и язычники. Голосование на этих соборах всегда было закрытым. Проводилось два собора: большой — с участием мирян, представляющих различные общины, и малый, в котором участвовали только священнослужители, — на последнем рассматривались прошения, заявления, вопросы церковного управления и намечались кандидаты в священники.

12 июня 1875 года архимандрит Николай предложил сорока катехизаторам выбрать кандидатов для рукоположения. Было названо три имени, однако согласие на хиротонию дал только один из них — Павел Савабе. Бывший жрец и стал первым православным священником-японцем, друг же его Иоанн Сакаи был посвящен во диакона. Рукополагал их специально прибывший для этого в Хакодате начальник Камчатской миссии епископ Павел. В 1878 году тот же епископ Павел рукоположил диакона Иоанна Сакаи и четверых других кандидатов во священники. Хиротония состоялась во Владивостоке. Теперь среди самих японцев было 6 священников, 27 катехизаторов и 50 помощников катехизатора.

Церковь продолжала расти. В 1878 году начальник миссии поднял вопрос о назначении в Японию епископа. Святейший Синод нашел такое назначение не только возможным, но и необходимым. По телеграфу пришел запрос о согласии архимандрита Николая быть епископом. Он ответил: «Если из России не может быть назначен епископ, я согласен». Таким образом, ему пришлось вновь отправиться в Россию.

Он был хиротонисан во епископа с наречением титула «Ревельского и Японского» 30 марта (ст. ст.) 1880 года (в воскресенье 4-й недели Великого Поста) в Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Хиротонию совершил митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор. Епископ Николай провел в России еще некоторое время, занимаясь сбором пожертвований на миссию, и в конце 1880 года благополучно вернулся в Японию. «Я счастлив, что имею радость служить водворению Царства Божия на земле. Нет важнее сего служения на земле. Для него Бог облекся в человеческую плоть и Сам непосредственно нес его, для продолжения его Он избрал святых апостолов, и они, по Его наставлению, поставляли себе преемников и заповедали делать то же в роды родов и до скончания мира. Поприще сего служения — весь мир, всем народам должно быть проповедано Евангелие Царства Божьего. Не могли мы до сих пор объять проповедью в буквальном смысле весь мир. Времени нашего исторического существования еще недостаточно было для того, чтобы, насколько Бог давал нам силы и открывал возможность, дело Божие мы творили. Мы не можем просить у Бога и Его святых угодников, чтобы они устранили с нашего миссионерского пути все

трудность и все, что может причинить нам душевные страдания, мы можем только молить, чтобы Он облегчил нам несение креста, помогая переносить трудности и сопряженные с ними душевные страдания, какие предлежат нам на миссионерском пути. Наше служение есть рождение духовных чад Богу; какое же рождение не сопряжено с муками? И на них мы заранее должны быть готовы».

Из Петербурга епископ Николай привез нового регента — Дмитрия Константиновича Львовского, ставшего впоследствии протодиаконом. Вместе с первым регентом Яковом Дмитриевичем Тихаев (братом архимандрита Анатолия) он переложил и аранжировал церковные песнопения для исполнения на японском языке. В миссии появились духовно-музыкальная школа и миссийский хор в составе 150 певчих. За смысловой правильностью этих переложений следил сам епископ Николай.

Начиная с 1880 года миссия издает полумесячный журнал «Сэйкё Симпо» («Православный Вестник»), в котором публиковались статьи по вопросам христианского мировоззрения и обзоры жизни Японской церкви и всего христианского мира. В 1893 году появился научно-философский журнал «Синкай» («Духовное Море») апологетического содержания. Женское училище приступило к изданию ежемесячного журнала «Уранисики» («Изнанка парчи»), публиковавшего художественные произведения, статьи общего содержания на духовно-нравственные темы и т. д. Помимо журналов издательский отдел миссии занимался изданием переводных книг и брошюр, также богослужебной литературы. При этом епископ Николай считал своим долгом просматривать все рукописи, предназначенные для печати. Составленным им еще в первые годы жизни в Японии русско-японским словарем пользовались не только в школах миссии. К его помощи прибегал, например, и такой видный переводчик русской литературы, как Фтабатэй Симэй (1864-1909).

Владыка всегда вставал в 5 часов. В шесть к нему являлся с докладом секретарь. В 7 часов начиналась общая утренняя молитва для учеников катехизаторской и певческой школ. Затем до 12 часов епископ Николай читал лекции по богословским предметам в семинарии и катехизаторской школе. С первого до половины пятого часа пополудни он занимался административными делами, как церковными, так и миссионерскими. Епископ диктовал секретарю ответы на поступившую корреспонденцию, давал различные указания (каждый катехизатор и каждый священник обязаны были давать ежемесячный отчет о состоянии дел). Сам он писал ответы очень редко, так как эта чисто механическая работа заняла бы слишком много времени. При этом он прочитывал каждое письмо, обсуждал его с секретарем, диктовал ответ, прочитывал написанное и подписывался под письмом. Помимо прочего, он принимал с докладами глав отделов миссии, редактировал материалы для печати, просматривал японские газеты и журналы. В шесть вечера начинался его «второй рабочий день», всецело посвященный переводу Священного Писания и богослужебных книг.

Очень большое значение епископ Николай уделял посещению церквей. По городу он обычно ходил пешком. Во время же объездов епархии ездил в тележках или верхом. О торжественных и богатых выездах никогда не было и речи. На поездки по Японии у него ежегодно уходило до двух месяцев, при этом в каждой, пусть даже самой маленькой, общине он старался провести не менее двух-трех дней. Его посещения были праздником. Он знакомился с жизнью общины, посещал дома христиан, говорил поучения и утешал своих чад. Он никогда не оскорблял религиозных чувств японцев, никогда не порицал последователей буддизма, и потому даже среди бонз у него было немало друзей. Он писал: «Сердце тут нужно, способность проникнуться нуждами ближнего, почувствовать скорби и радость ближних, точно свои». Служил он очень просто, не торопясь. Д. М. Позднеев пишет, что с особой нежностью святитель Николай относился к старейшей Хакодатской церкви и очень скорбел, узнав о том, что и она сгорела во время большого хакодатского пожара. Он смотрел на Хоккайдо с большой надеждой и всегда говорил, что тамошние жители наиболее склонны к принятию христианства.

«Жизнь человеческая — по преимуществу жизнь духа, и только в области духовной могут быть

связаны и отдельные люди, и целые народы истинно прочной связью. Счастлива будет Япония, если она, помимо католичества и протестанства, прямо примет истинное христианство».

Особой его любовью пользовалась и маленькая община православных курильцев (айнов, переселенных с Сьюмюсю) на острове Шикотан. Выезд с острова для этих бывших российских подданных был запрещен. Правительством были приняты меры к распространению среди айнов японского языка и к насаждению у них буддизма. С этой целью на Шикотан прибыл буддийский бонза, в течение нескольких лет проповедовавший буддизм. Отец Николай вначале послал на остров отца Тита Комацу с переводчиком Алексеем Савабе, затем — катехизатора Саито Раку, оставшегося у айнов.

Отец Тит Комацу пишет: «Когда я прибыл в Токио с Шикотана, то немедленно же доложил о положении дел епископу. Епископ молча плакал и после некоторого времени сказал мне: "Ты их ближайший пастырь и священник и должен осуществлять на деле слова нашего Господа Иисуса, а потому подумай об этом обстоятельно"». Японская Православная Церковь начала сбор пожертвований в пользу шикотанских айнов. С этой поры между маленькой шикотанской общиной и Японской церковью установилось духовное единение, тщательно поддерживавшееся отцом Николаем.

В 1884 году на вершине холма Суругадай началась постройка собора Воскресения Христова, длившаяся семь лет. В основу собора, как и большинства японских православных храмов, положен «классический византийский "минимум" греческого креста с возвышающимся над ним плоским куполом». Освящение храма состоялось 24 февраля 1891 года. На это торжество съехалось 16 японских священников и более 4 тыс. христиан. Пять или шесть дней в Токио было ненастье. Такого же дня ждали и 24 февраля. Однако в этот день погода совершенно исправилась и на куполе величественного собора заиграло солнце. Вместе с епископом служили 19 священников и 4 диакона. Пел хор, состоявший из 150 семинаристов и учениц Женской школы.

«Собор будет памятен, буден изучаем, подражаем многие не десятки, а, смело говорю, сотни лет, ибо храм действительно — замечательнейшее здание в столице Японии, здание, о котором слава разнеслась по Европе и Америке еще прежде его окончания и которое, ныне будучи окончено, по справедливости вызывает внимание, любопытство и удивление всех, кто есть или кто бывает в Токио».

Японцы спрашивали православного епископа, зачем он построил такой огромный храм, и на это отец Николай отвечал, что это сейчас собор кажется велик, а пройдет двести лет — и он будет мал.

Сам епископ Николай занимал в этом соборе две маленькие комнатки, одна из которых служила гостиной (ее единственным украшением была гравюра с «Мадонны» Рафаэля), а другая совмещала функции кабинета и спальни.

Перевод

Главным делом святителя, начатым еще в Хакодате, был перевод на японский язык Священного Писания и богослужебных книг. Еще в 1869 году святитель Николай писал:

«Из всего вышесказанного доселе, кажется, можно вывести заключение, что в Японии, по крайней мере в ближайшем будущем: жатва многа. А деятелей с нашей стороны нет ни одного, если не считать мою, совершенно частную, деятельность... Пусть бы я и продолжал свои занятия в прежнем направлении, но силы одного человека здесь почти то же, что капля в море. Один перевод Нового Завета, если делать его отчетливо (а можно ли делать иначе?), займет еще по крайней мере два года исключительного труда. Затем необходим перевод и Ветхого Завета; кроме того, если иметь хоть самую малую христианскую Церковь, решительно необходимо совершать службу на японском языке; а прочие книги, как Свящ[енная] история, Церк[овная] история, Литургика, Богословие? Все это тоже предметы насущной необходимости. И все это, и другое подобное нужно переводить на "японский", о котором еще неизвестно, дастся ли он когда иностранцу так, чтобы на нем можно было писать хотя

бы наполовину так легко и скоро, как иностранец обыкновенно пишет на своем».

Много позднее он пишет, что в переводческих трудах «заключается вся суть миссийского дела. В настоящее время вообще работа миссии, в какой бы то ни было стране, не может ограничиваться одною устною проповедью. Времена Франциска Ксаверия, бегавшего по улицам с колокольчиком и сзывавшего таким путем слушателей, прошли. В Японии же, при любви населения к чтению и при развитии уважения к печатному слову, верующим и оглашаемым прежде всего нужно давать книгу, написанную на их родном языке, непременно хорошим слогом и тщательно, красиво и дешево изданную. Особенное значение у нас имеют книги, выясняющие вероисповедные разности с католичеством и протестантством».

В Хакодате за неимением перевода богослужение совершалось на церковнославянском языке, на японском же языке пелись и читались только «Господи, помилуй», «Святый Боже», «Верую» и «Отче наш». При переводе молитвы «Господи, помилуй» возник вопрос, как следует переводить слово «помилуй», которое зачастую воспринимается как помилование преступника. Епископ Николай говорил: «У нас таких отношений с нашим Богом нет. Мы возьмем слово "аварема". Так мать "милует" ребенка, "жалеет" в исконном древнерусском смысле». Там же, в Хакодате, святитель Николай начал переводить Писание с китайского языка, однако вскоре убедился в несовершенстве китайских переводов и перешел к переводу Нового Завета со славянского, который считал точнее русского. Каждый стих сверялся с Вульгатой, Септуагинтой и английским переводом. В трудных местах святитель опирался на толкования святого Иоанна Златоуста. За 4-5 часов работы ему удавалось перевести не более 15 стихов. После того как святитель закончил свой труд по переводу Евангелий и Апостола (первый его вариант), они также стали читаться по-японски. В числе прочего в Хакодате были переведены Послания апостола Павла к Галатам, Ефессянам, Филиппийцам и Колоссянам, а также половина Послания к Римлянам. Тогда же им были переведены краткий молитвослов (с китайского), чин крещения и присоединения иноверных, «Православное вероисповедание» святителя Димитрия Ростовского, Катехизис для оглашенных, краткое изложение Ветхого Завета, «Толковое Евангелие» еп. Михаила (Лузина) и «Нравственное богословие» митр. Платона (Левшина).

Переехав в Токио, святитель Николай прежде всего перевел Октоих, затем Цветную и Постную Триоди, одновременно занимаясь новым переводом Евангелия. Из Ветхого Завета им были переведены все части, необходимые для совершения годичного круга богослужения. Он не доверял менее педантичным переводам католиков и протестантов и потому старался даже не читать их, опасаясь подчиниться им или невольно заимствовать из них что-либо. Заветной мечтой святителя был перевод всей Библии. В 1910 году он говорил, что по его расчетам для завершения этого труда ему требуется еще пять лет.

«Не перевод Евангелия и Богослужения должен опускаться до уровня развития народной массы, а наоборот, верующие должны возвышаться до понимания евангельских и богослужебных текстов. Язык вульгарный в Евангелии недопустим. Если мне встречаются два совершенно тождественных иероглифа или выражения и оба они для японского уха и глаза одинаково благородны, то я, конечно, отдам предпочтение общераспространенному, но никогда не делаю уступок невежеству и не допускаю ни малейших компромиссов в отношении точности переводов, хотя бы мне и приходилось употребить и очень малоизвестный в Японии китайский иероглиф. Я сам чувствую, что иногда мой перевод для понимания требует большого напряжения со стороны японцев. Но это в значительной мере объясняется новизной для них самого православия...»

Ряд трудностей и опасностей при переводе был связан и с тем, что многие иероглифы веками использовались буддистами и синтоистами, что придавало им вполне определенный смысловой оттенок, делавший невозможным или рискованным их употребление в православном контексте. В ряде случаев святитель рассылал перевод того или иного стиха или понятия по приходам с обращенной к духовенству и мирянам просьбой высказаться о нем.

В течение тридцати лет ровно в шесть вечера в келью владыки входил его постоянный сотрудник по переводам Павел Накаи, человек прекрасно образованный, необычайно трудолюбивый и всецело преданный православной вере. Он садился на низенький табурет рядом с епископом и начинал писать под его диктовку. Работа продолжалась обычно четыре часа и заканчивалась в десять вечера.

«Передо мной лежат славянский и греческий тексты богослужения, с книгами под рукою, способствующими правильному уразумению его. У моего сотрудника под руками китайские и японские лексиконы и грамматики, также перед нами китайский текст богослужения, заимствованный нами из Пекина от нашей Миссии. Смотря в славянский текст и проверяя его греческим, я диктую перевод, стараясь выразить смысл с буквальной точностью; сотрудник записывает китайскими иероглифами вперемешку с японскими алфавитными знаками. Трудности перевода в этой стадии заключаются в том, что японская грамматика противоположна нашей, т. е. по-японски поставить подлежащее надо впереди, между ним и сказуемым должно вместить все, что есть в переводе, сколько бы ни было придаточных и вводных предложений, все они должны встать впереди главного сказуемого; в каждом придаточном и вводном — то же расположение частей. Когда песнь или молитва продиктована и синтаксическое отношение части ее установлено, тогда начинается отделка написанного, причем моя главная забота — не дать ни на йоту уклониться от смысла текста; сотрудник же мой с не меньшей заботой хлопочет в интересах правильности и изящества грамматической и стилевой конструкции речи. Эта часть работы самая трудная и кропотливая. Тут-то особенно нужна китайско-японская ученость, потому что, во-первых, нужно отчетливо знать смысл каждого китайского знака, чтобы из многих однозначных иероглифов выбрать наиболее употребительный и понятный, во-вторых, нужно обсудить, оставить ли за иероглифом китайское произношение или дать ему японское, потому что иероглифы, переходя из Китая в Японию, принесли с собою китайское однозвучное чтение, которое остается за ними и доселе и которое в полном объеме доступно только глубоким ученым, но которое, грациями сокращаясь и спускаясь вниз, в значительной степени проникло до самых низких слоев народа; в то же время почти каждый знак переведен по-японски и имеет свое японское чтение. Чему следовать? По-видимому, нужно бы держаться чисто японской речи, но весьма часто случается видеть, что японское чтение знака даже для необразованных людей бывает менее понятно, чем китайское. В-третьих, нужно подумать и о том, оставить ли знаки без японской алфавитной транскрипции или, по трудности знаков либо по двусмысленности их, подставить ее и в какой мере. Одним словом, нужно решить, какой язык усвоить переводу. При мысли о важности того, что переводим, любезен нам самый почтенный язык ученый, который не стесняется много ни знаками, ни произношением их и не нуждается ни в какой транскрипции; но этот язык был бы неудобен и для среднеученых, а для малоученых и совсем непонятен. При мысли о том, что переведенное нами должно быть доступно всем и что в этом именно и должно состоять главное его достоинство, влечет нас к себе язык массы, язык народный, но тогда перевод наш вышел бы до того вульгарным, что им сразу пренебрегли бы все, не составляющие простонародья. Положено нами употреблять язык средний. Этому стараемся и следовать, хотя, по неопределенности признаков и неясности границ, здесь широкое поле для нескончаемых споров, в которых я всячески стараюсь отстаивать наибольшую общепонятность, а мой сотрудник — защититься от вульгаризмов и соблюсти изящность речи. Когда наконец все эти трудности удалены, текст перевода установлен и переведена вся книга, мы опять ее проходим, тщательно сверяя с оригинальным текстом, наблюдая, чтобы по всей книге для одних и тех же оригинальных слов и выражений были употреблены и те же переводные иероглифы и чтения».

Из бывших студентов семинарии составилась целый коллектив переводчиков, работавших над переводом не только русской богословской, но и русской художественной литературы (первоначально в переводческий отдел входили только лица, получившие духовное образование в России, затем в нем стали работать и японцы). Среди них были ректор семинарии Иван Сенума и его супруга Анна Лукинична Сенума, профессор философии и богословия семинарии Кониси Масутаро, проведший 10

лет в России (позднее перешел в протестантство), знаменитый переводчик и ученый Нобори Сёму. Святитель писал: «Пусть переводят и читают. Узнав русскую литературу, узнав Пушкина, Лермонтова, гр. Толстых, Достоевского, нельзя не полюбить России».

Война

С 1900 года вновь усилились антирусские настроения, которые не могли не сказаться и на отношении к Церкви. Д. М. Позднеев приводит характерную выдержку из газеты «Нихон»: «Православная церковь является злостным местом, откуда сыплются проклятия на голову Японии и где молятся о ее поражении. Она всегда была центральным агентством шпионов, состоящих на русской службе. Японцам ненавистен купол русского собора, который, возвышаясь надо всем городом, как бы шлет презрение самому императорскому дворцу, ненавистен храмовый колокол, который каждое воскресное утро своим гвалтом докучает мирному сну жителей».

После того как в 1902 году был заключен союз между Японией и Великобританией, стало очевидно, что война Японии с Россией неизбежна. На соборе 1903 года епископ Николай вынужден был отвечать на чрезвычайно волновавший японских православных христиан вопрос: должны ли они участвовать в войне против России, он ответил, что христиане должны будут выполнить свой долг перед своей родиной вместе со всем народом. В случае начала войны они должны будут относиться к России как к неприятелю, но «воевать с врагами не значит ненавидеть их, а только защищать свое Отечество».

5 февраля 1904 года Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. Два священнослужителя, работавших в то время в миссии, вернулись домой. Духовенство и миряне Японской церкви обратились к своему епископу с просьбой остаться в Японии. Епископ Николай отвечал, что он уже принял пред Богом решение остаться в Японии, в своей маленькой квартирке при соборе.

«Я надеюсь, что объявление военных действий не принесет с собою никакой перемены в деятельности нашей Церкви. Катехизаторы будут продолжать проповедовать Евангелие Спасителя, ученики — посещать школу миссии, а я сам отдамся всецело переводу наших богослужебных книг... Сегодня по обычаю я служу в соборе, но отныне впредь я уже не буду принимать участия в общественных Богослужениях нашей Церкви... Доселе я молился за процветание и мир Японской империи. Ныне же, раз война объявлена между Японией и моей родиной, я, как русский подданный, не могу молиться за победу Японии над моим собственным Отечеством. Я также имею обязательства к своей родине и именно поэтому буду счастлив видеть, что вы исполняете долг в отношении к своей стране».

Во все приходы Японской Православной церкви, встревоженные объявлением войны с Россией, было разслано «Окружное письмо», в котором епископ благословлял японских христиан исполнить свой долг верноподданных, но напоминал:

«Кому придется идти в сражения, не щадя своей жизни, сражайтесь — не из ненависти к врагу, но из любви к вашим соотечам... Любовь к Отечеству есть святое чувство... Но кроме земного Отечества у нас есть еще Отечество небесное... Это Отечество наше есть Церковь, которой мы одинаково члены и по которой дети Отца Небесного действительно составляют одну семью... И будем вместе исполнять наш долг относительно нашего Небесного Отечества, какой кому надлежит... И вместе с тем будем горячо молиться, чтобы Господь поскорее восстановил нарушенный мир...»

Святитель прекратил всяческую переписку с Россией и всецело посвятил себя переводческой работе.

Когда в Японию стали прибывать русские пленные (общее их число достигало 73 тыс.), святитель Николай с согласия японского правительства образовал «Общество духовного утешения

военнопленных». Для окормления пленных им были отобраны пять священников, владевших русским языком. Каждого пленного, прибывшего в Японию, Японская церковь благословила серебряным крестиком. Пленные снабжались иконами и книгами. Сам владыка неоднократно обращался к ним письменно.

Деятельность епископа Николая во время войны была крайне высоко оценена не только в Японии, но и в России. Император Николай II писал епископу Николаю в конце 1905 года: «...Вы явили перед всеми, что Православная Церковь Христова, чуждая мирского владычества и всякой племенной вражды, одинаково объемлет все племена и языки <...>. Вы, по завету Христову, не оставили вверенного Вам стада, и благодать любви и веры дала Вам силу выдержать огненное испытание брани и посреди вражды бранной удержать мир, веру и молитву в созданной вашими трудами Церкви».

24 марта 1906 года епископ Николай был возведен в сан архиепископа.

Послевоенное время принесло новые испытания. Поток пожертвований на православную миссию в Японии из России почти прекратился. Вследствие этого миссия вынуждена была уволить 30 катехизаторов и закрыть Катехизаторское училище.

В 1908 году на Киотоскую кафедру прибыл епископ Сергей (Тихомиров). Он быстро овладел японским языком и занялся активной миссионерской деятельностью, разъезжая по всей Японии. Его появление весьма утешило архиепископа Николая, писавшего:

«Теперь я могу спокойно умереть в уверенности, что дело миссии в добрых руках», а также: «...еще бы нам надо двух таких же ревностных миссионеров. Молим об этом Бога и обращаем взоры на Россию».

Последние годы жизни и кончина

В июле 1911 года было торжественно отмечено пятидесятилетие служения отца Николая на японской земле. Епископ Сергей (Тихомиров) писал: «Вот начали съезжаться со всех концов Японии иереи, катехизаторы... Их только одних было свыше 120 человек, а поусердствовали и многие провинциальные христиане. И вот 75-летний старец ежедневно с раннего утра до позднего вечера сидел в своей комнате и выслушивал доклады иереев о состоянии их приходов, рассказы катехизаторов о проповеди в пределах их ведения или любезно беседовал с какой-нибудь бабушкой, прибывшей из далеких краев. Начался собор... А на нем разве мало дела, волнений? Празднование юбилея... В течение одного дня Литургия, молебны, обед в отеле с почетными гостями, музыкальный вечер. Этим мы, молодые, закончили. Но 75-летний старец был приглашен на собрание бывших воспитанниц Суругадайской школы. И пошел. И не столько слушал, сколько говорил и поучал. Нужно было удивляться тому, как мог вынести владыка такой день... А и завтра не обещало отдыха. Долгое, часа на четыре, чтение адресов. А вечером обед на миссийском дворе, с сотнями христиан... Но мне кажется, и этот день прошел бы для почившего сравнительно благополучно, если бы не заключительный момент... Воодушевленный речами, владыка встал, с необыкновенной энергией как-то вздернул головой и голосом, которого достало на всю широкую площадь, занятую обедавшими сотнями христиан, предложил спеть японский гимн в честь Его Величества, императора Японии, благодаря религиозной терпимости которого христианство получило возможность не только распространяться, но и пользоваться если не покровительством, то, во всяком случае, полным благополучием. Нужно было видеть необыкновенное возбуждение владыки, его покрытое румянцем лицо. Нужно было слышать, как владыка не только первый запел гимн, но и пел его до конца... Нужно было видеть этот молодой огонь в столь немолодом уже организме. И тогда ясно было бы каждому, что этот момент не мог для расстроенного сердца владыки пройти бесследно...»

Нервное напряжение и переутомление этих дней обострили сердечную астму, которой страдал владыка. Силы его стали быстро таять.

Незадолго до кончины владыка говорил еп. Сергию: «...Роль наша не выше сохи. Вот крестьянин попахал, соха износилась. Он ее и бросил. Износился и я. И меня бросят. Новая соха начнет пахать. Так смотрите же, пашите! Честно пашите! Неустанно пашите! Пусть Божье дело растет! А все-таки приятно, что именно тобой Бог пахал. Значит — и ты не заржавел. Значит, за работой на Божьей ниве и твоя душа несколько очистилась, и за сие будем всегда Бога благодарить».

В последний раз архиепископ Николай служил в первый день Рождества Христова 1912 года. Через несколько дней его положили в больницу св. Луки в Цукидзи. Однако 5 февраля владыка, спешивший закончить свои дела, настоял на том, чтобы его доставили обратно на Суругадай, и вновь вернулся к переводческой работе. 13 февраля им было составлено последнее донесение Синоду о состоянии дел в миссии. 15 февраля владыка потребовал возобновления проходивших обычно в соседней комнате и отмененных по рекомендации врачей занятий хора и попросил исполнить любимое им «На реках Вавилонских».

Ночью начался бред, во время которого умирающий несколько раз произнес слово «Воскресение». 16 февраля в четверть восьмого зазвонил большой храмовый колокол, извещавший о кончине святителя Николая.

Епископ Сергей пишет: «Не стонет уже владыка. Не делает ему впрыскиваний сестра. Лишь тихое чтение Слова Христова, на служение которому владыка отдал всю свою святую жизнь, нарушает таинство смерти, столь очевидное, у постели еще так недавно, всего вчера, оживленно беседовавшего и составлявшего план на 10-летнюю работу. <...>

Тело высокопреосвященного архиепископа лежало в крестовой церкви... В субботу 4 февраля (ст. ст.) утром и вечером после всенощного бдения, в воскресенье после Литургии и вечером, в понедельник 6 февраля утром и вечером здесь были совершены торжественные панихиды, всегда в переполненной церкви. Владыка лежал еще не в гробе, ибо гроб не был готов. Чудный обычай мне пришлось наблюдать в эти дни, впервые за время своей службы в Японии! Известная группа христиан, по взаимному соглашению, приходит к телу почившего с вечера и бодрствует до утра, слушая чтение Евангелия.

Обычай этот есть и в обычной жизни, при погребении знакомых... Трогательно было видеть старичков и старушек, в полудремоте, но около своего Дай-Сюкео (владыки) проводящих ночь... Умилительны были матери семейств, приходившие со своими грудными ребятками и здесь же располагавшиеся с одеялами... Но мне не забыть одной ночи. Она тем сильнее поразила меня, что была почти неожиданна. Конечно, плохо спалось. Немного нападёт забытьё, — очнешься: через стену в церкви читают св. Евангелие... И с такою горечью в который уже раз почувствуешь, что все это не сон, а горькая действительность... Так было и в эту ночь. Тянуло к владыке. Пошел. Открываю дверь. И что же? Вокруг тела владыки сидят по-японски девочки нашей женской миссийской школы, человек 40. У всех в руках св. Евангелие и зажженные свечи. Все с благоговением в последний раз научаются от безмолвного владыки словесам Христовым. Я обомлел от неожиданности. Заплакал. И возвратился домой... Да, велика и искренняя была любовь владыки к своим христианам, нежна была привязанность его к школам. И поняли это христиане. Почувствовали это своим сердцем ангельские души воспитанниц. Любовь к своему владыке привела их на всю ночь разделить с ним безмолвие смерти. Но говорил им владыка через Христово слово».

Тело владыки было отерто святым елеем от мощей святителя Иоасафа Белгородского. На деньги, пожертвованные А. П. Синельниковой, купили небольшой участок земли на кладбище Янака (район Уено), где 22 февраля и было совершено погребение.

С утра на четырех престолах были отслужены четыре Литургии об упокоении души архиепископа Николая. В 11 часов в соборе Воскресения Христова началось отпевание, совершавшееся, главным образом, на японском языке. Среди прочих венков выделялся венок от

императора Японии — этой чести иностранцы удостоивались исключительно редко. После отпевания гроб был обнесен вокруг собора и установлен на колесницу. Похоронная процессия, растянувшаяся на десять километров, направилась к кладбищу. «Рвет неистово хоругви наши ветер. Пришлось их нести в опущенном положении. Идут воспитанники, воспитанницы. Все в однообразных костюмах. У всех в руках пальмовые ветви, символ веры в победу дела владыки в Японии. Многочисленные цветы, сотни венков. Святые иконы, кресты. Иереи, диаконы в священных облачениях... Многие катехизаторы в стихарях. В полном облачении с посохом в руках епископ. Ордена владыки. Все принадлежности архиерейского сана, носившиеся владыкою. В заключение колесница с дорогим гробом, представитель России в шитом золотом придворном мундире. И лента, бесконечная лента христиан...»

Александр Чех

Япония

Докладная записка

иеромонаха Николая директору Азиатского Департамента П. Н. Стремоухову

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Отправившись в Японию в звании настоятеля консульской церкви, но с миссионерской целью, я старался, в продолжение моего восьмилетнего пребывания там, изучить японскую историю, религию и дух японского народа, чтобы узнать, в какой мере осуществимы там надежды на просвещение страны Евангельскою проповедью. Конечно, в миссионерских видах я никак не рассчитывал на одни собственные силы; но мне казалось святотатством просить себе сотрудников прежде, чем я уверюсь, что их силы, отвлеченные от непосредственного служения России, не будут потеряны для людей вообще. Чем больше я знакомился со страной, тем больше убеждался, что очень близко время, когда слово Евангелия там громко раздастся и быстро понесется из конца в конец империи. Беру смелость изложить перед Вашим превосходительством те наблюдения, которые привели меня к этому убеждению.

В этой 35-миллионной империи Крайнего Востока все как-то чудно, все не по-нашему, но вместе и не по-восточному. Как мы понимаем Восток? Абсолютный деспотизм сверху и безответное раболепство снизу, невежество, отупение и, вместе с тем, невозмутимое самодовольство и гордость, а вследствие этого неподвижность: вот понятия, которые у каждого из нас неразрывно связаны с понятием о восточных государствах. Тем более, по-видимому, означенные качества должны бы принадлежать Японии, как стране очень древней и во все время своего существования имевшей сношения почти исключительно с одним Китаем, отсталость и неподвижность которого вошли в пословицу. И что же мы видим на самом деле в Японии? Императорская династия здесь, правда, имеет, как почти везде на Востоке, божественное происхождение, но деспотами в том смысле, который мы привыкли соединять с этим словом, императоры никогда не были. Я встретил в истории лишь одного императора (и в период наиболее цветущего состояния Японии), который взглянул было на свою власть как на принцип полнейшего самовольства и вследствие того стал охотиться на людей с луком и стрелами, бросать людей в реку, бить их острогою, как рыбу, и делать тому подобные дурачества; но и его постигла внезапная смерть, и история очень недвусмысленно говорит о причине этой внезапности. Другой, наследник престола, показывал наклонность сделаться подобным императором, но за эту наклонность Государственный Совет прямо лишил его права на престол. Вообще об императорской династии в Японии (она одна с самого основания империи, т. е. с 667 г. до Р. Хр.) можно не обинюясь сказать, что она блистательно исполнила свой долг: рядом героев и мудрых администраторов она завоевала страну для своего народа, дала ей очень хорошее гражданское

устройство (лучшее, чем то, которое существует теперь не по вине императоров), доставила народу военную славу завоеванием корейских государств, ввела его в сношение с Китаем и через то даровала стране хоть то образование, которое выработал до нее Китай, и, наконец, жертвуя собой, своим божественным авторитетом, внесла в империю буддизм, более обширную и высшую форму религиозного сознания, чем древнейшая религия японцев — синту (обожение духов предков). Кончив свою миссию и как будто истощенная ею, императорская династия впала в бездеятельность, в апатию, и Япония, не задумываясь долго, создала себе новую форму правления. Это вышло нечто очень оригинальное: император, по-видимому, продолжал быть тем же императором; титулы и почести на словах и в книгах остались за ним, но власть перешла к более живым и сильным деятелям — сёогунам («сёогун» в буквальном переводе: «генерал»). С этими, на свежей памяти и самопроизвольно поставленными своими властелинами Япония уже не много церемонилась: сёогунских династий менее чем в продолжение 700 лет (с 1186 г. по Р. Хр.) у нее перебивало шесть, причем только те из сёогунов держались крепко и прочно, кто удовлетворял национальным потребностям.

Это ли деспотизм? И где же безответственность и раболепство? Начните говорить с людьми разных сословий, спуститесь до крестьянина самого глухого околотка, и вы удивитесь здравому и вместе независимому образу мыслей народа о своем правительстве. Самый строгий образ правления был установлен последнею, низверженною в прошлом году сёогунскою династией: Япония была опутана сетью шпионов; самые суровые меры были приняты для устранения сношений с иностранцами; но первое относилось почти исключительно к обузданию удельных князей, второе (по понятию сёогунов, очень основательному 300 лет тому назад) предупреждало страну от завоевания ее иностранцами. Что же касается до народа, то он имел условий к сознанию своей гражданской свободы гораздо более, чем народы многих государств в Европе. И при всем том, как народ был недоволен существовавшим порядком вещей! Интересно было послушать, как купец негодовал на такие и такие пошрины (правду сказать, вовсе не обременительные), как крестьянин роптал за взимание повинностей, по его мнению, очень тяжелых, как все презрительно отзывались о чиновниках («которые почти все даже взятки берут — такие они негодные!»), как весь вообще народ корил правительство за бедность страны, между тем как нищих почти не видно, а каждую ночь в любом городе улицы увеселительных домов стонут от музыки и пляски. Это ли восточное, безгласное раболепство пред властелинами?

Из сказанного уже отчасти видно, что японцы вовсе и не отупелый и не невежественный народ. Об образовании японцев, сравнительно с европейцами, можно сказать то же, что обыкновенно говорят относительно Америки, сравнивая ее с Германией. Здесь образование невысоко и неглубоко, зато оно разлито почти равномерно по всем слоям народа. Конфуций здесь «альфа и омега» ученой мудрости; зато он, будучи задолблен до последней буквы ученым японцем, небезызвестен и последнему простолыдину, который по нем, большею частью, учится читать и писать. Про другие страны мира до последнего десятилетия и самые ученые японцы почти ничего не знали; зато и в отдаленной деревушке вы не найдете такого невежду, который бы не знал, кто такой Иеритомо, Иосицуне, Кусуноки, Масасинге и прочие исторические деятели, или не сумел сказать, на север или на запад от него лежат Едо, Мияко и другие важные местности. Весной вы идете по улице и видите толпы ребятишек, пускающих змея; вас заинтересовала чудовищная рожа, намалеванная на змее; спросите у ребятишек, кто нарисован: они наперерыв друг перед другом поспешат рассказать, что это Киёмори, или Такаудзи, или кто другой, и, будьте уверены, они расскажут историю удовлетворительно: мать или старший брат, готовя им змея, позаботились в то же время ознакомить их с этими историческими лицами; а часто короткая повесть о них напечатана тут же, на обороте листа. Вот остановились на улице две девушки и рассматривают картинки в книжке; одна из них хвастает своей подруге покупкой, которую только что сделала: это какой-нибудь исторический роман. Покупать книг здесь, впрочем, нет особенной надобности: здесь такое множество общественных библиотек и так баснословно дешево берут за чтение книг, причем даже не нужно трудиться ходить в библиотеки, потому что книги

разносятся ежедневно по всем улицам и закоулкам. Полюбопытствуйте заглянуть в эти библиотеки, и вы увидите почти исключительно военно-исторические романы: таков вкус народа, воспитанный вековыми междоусобными смутами, и книги вы не найдете в девственной чистоте; напротив, они истрепаны так, что в ином месте и невозможно прочесть написанное: несомненный признак, что японский народ читает. Да, число грамотных и читающих в Японии не уступит количеству таковых в любом из западных государств Европы (о России я и не говорю!); и это несмотря на то, что самые простые японские книги писаны наполовину китайскими знаками. Ведь чтобы только овладеть процессом чтения их, нужно убить три-четыре года! И при всем том японцы прилежно учатся читать. Этот ли народ можно назвать оупелым?

Что же касается до гордости, самодовольства и неподвижности, то события последнего пятнадцатилетия служат наглядным доказательством того, что японцам чужды и эти качества в тех размерах, в каких мы приписываем их восточным народам. Правда, у японцев много национальной гордости, и они не могут не иметь ее: в продолжение 25 веков существования их империи они ни разу не согнули своей шеи под чужое ярмо, ни разу даже переменчивый жребий войны не дал им случая усомниться в своем превосходстве пред другими нациями; напротив, всякий раз, когда они сталкивались с айнами, с Кореею и даже с Китаем, они лишь торжествовали успехи своего оружия, и первые окончательно покорились им или ушли от них на Курильские острова, вторая целые века несла им дань; самый Китай по временам заискивал и пресмыкался пред ними — словом, их история внешних сношений до последнего времени всегда неизменно оставалась лишь историей побед и торжества. Прибавьте к этому учение их национальной религии, остающейся и до сих пор и заверяющей их, что они произошли от богов, что Япония — вечная любимица богов, что прочие страны — что-то вроде пустырей, созданных богами как бы случайно и потом заброшенных без всякого внимания. Удивительно ли, что японцы до последнего времени смотрели на иностранцев как на варваров, не очень высоко ценили их силы и даже строили планы подчинения себе всего света? Но, увы! Даже в те времена самодовольства и гордости, в параллель к партии, слишком высоко мечтавшей об Японии, находилась партия, совершенно противоположная ей. Напуганным католическими пропагандистами в XVII столетии японцам глубоко запала в душу мысль, что европейцы непременно имеют намерение завоевать их страну, и в каждом китобое, случайно появлявшемся у их берегов, им беспрестанно мерещился шпион, подглядывающий, что делается у них. А сколько тревоги наделали когда-то наши Хвостов и Давыдов?! Как Япония зашевелилась и стала вооружаться! Какую громкую славу приобрели себе здесь эти два немного взбалмошные лейтенанта и какой ужас навели на всех, начиная от Кунашира до Киусиу! И как они подняли кредит России в глазах японцев! И Англия очутилась одною из русских губерний, и весь свет предпринял завоевать царь наш заодно с турецким султаном! Наконец, чему я не хотел верить, пока сам не прочитал в очень серьезной японской книге, были японцы, до того боявшиеся иностранцев, что предлагали проект: провести по всем побережьям Японии каналы, чтоб избежать плаванья по морю, где ходят иностранные суда; и правительство уже приступало к исполнению этого проекта, по крайней мере, посылало инженеров осматривать места, удобные для проведения каналов. Это ли гордость и самонадеянность?

А что говорят события последнего времени? Едва прошло 15 лет с открытия Японии, и посмотрите, как изменился дух и правительства, и народа. Не говоря уже о правительстве, почти каждый удельный князь выбивается из сил, чтобы завести у себя пароход, достать европейское военное оружие, обучить солдат европейской военной тактике, приобрести молодых людей, сведущих в европейских языках и науках. Как встрепенулся народ, как все ясно увидели свою отсталость и как искренно и энергично стараются поправить дело! Как все хотят видеть, знать, изучить европейское! Живущие в Японии знают, с каким самоотвержением молодые люди добиваются случая попасть за границу. Без преувеличения можно сказать, что, если бы была материальная возможность, пол-Японии уехало бы за границу учиться. Похоже ли все это на Китай, который целые столетия знаком с европейцами и при всем том до сих пор воображает, что не ему следует учиться от европейцев, а,

напротив, европейцы приезжают позаимствоваться от него светом мудрости? Когда-то Япония со всею готовностью и охотою приняла китайскую цивилизацию: 16 веков она неизменно была под ферулою этой цивилизации и проникнулась ею, по-видимому, до мозга костей: везде, начиная от постройки дома до религиозных убеждений, везде и во всем копия Китая; своего собственного японцы не изобрели ров-но ничего, кроме разве сёгунского звания, и то оправдываемого ими на основании подходящих примеров из китайской истории; даже под сомнением — их синту не есть ли тоже заимствование древнейшей китайской религии?

Все это, если хотите, доказывает мелкость японского народного гения (а быть может, и то, что гений народа вообще не может развиваться без взаимодействия других народов); но, вместе с тем, дает случай убедиться, что японцы одарены удивительной упругостью духа. Весь наплыв китайской цивилизации был как будто чем-то, допущенным по уговору на время; теперь она не нужна, и японцы легко и свободно бросают ее, как сбрасывают устарелое платье, и смелой, можно сказать, дерзкой рукою хватаются за все европейское. Взгляните, что делается в настоящую минуту: они не более и не менее, как трудятся пересадить на свою почву английскую конституцию, с ее выборными, с ее парламентом, с ее, лишь для мебели, королевской властью; да говорят, и того еще мало: «Хотели-де ввести американский образ правления, да не могли справиться с ним, немного раненко для страны». Конечно, еще сомнительно, вовремя ли им и английская конституция; их возня с нею что-то очень напоминает мартышку и очки: в одно полугодие прошлого года они уж успели два раза редактировать свою конституцию, не считая разных подскребков и подчисток, встречающихся в официальных газетах. Но я хочу указать лишь на то, как японцы живы и свежи духом и как быстро они откликнулись на призыв европейской цивилизации.

Какая же у этого народа религия и как он относится к ней? Японский народ, наравне с китайским, справедливо укоряют в атеизме или в индифферентности к делам веры. Но что за причина этих качеств, по-видимому, совершенно не свойственных народам полуобразованным? Тот ли это атеизм, что по временам охватывает и европейское общество, приводя в смущение благочестивые души и возбуждая горячую деятельность апологетов веры? Нет, совершенно другой. В Европе атеизм всегда служит характеристическим указателем успеха в науках, поднятия умов на высшую ступень развития. Первые, поставившие ногу на эту ступень, в порывах безотчетной радости, венчающей успех, провозглашают на все лады торжество ума человеческого, его всемогущество, его высшую авторитетность, не хотят оглянуться ни на что другое, хладнокровно взвесить свою находку и указать ей приличное место в кругу знаний человеческих. Толпа сбегается на зов этих глашатаев и вторит им, часто не понимая, в чем дело. Но вот на ту же ступень взошли и люди более хладнокровные, ступили туда, наконец, хранители и истолкователи богооткровенной истины, рассмотрели, в чем дело, сличили новое открытие с учением веры, и (к удивлению массы) это открытие оказалось не только не противоречащим вере, но подтверждающим ее истинность: принимают народы плод науки в круг своих знаний, еще крепче привязываются душою к своей неизменной спасительной истине и продолжают свой путь, и целые века будут идти они. Много раз слабодушные будут иметь случай преткаться на этом пути, но не исчерпают народы безбрежного океана божественной мудрости, не возвысится, не покичится человеческое знание над истинами религии и не истощит человеческая нравственность ее идеалов святости.

Не то в языческих странах вообще, не то и в Японии. Здесь атеизм высших обществ и индифферентизм низших происходят прямо и положительно от недостаточности религиозных учений оттого, что народ исчерпал их до дна и они больше не удовлетворяют его. Вот синту. Что это за религия? Поклонение духам предков, начиная с самых первых богов в мире. Что же это за боги? Видны в них могущество, мудрость, величие и тому подобные качества? Ни одного; это просто слабые смертные, даже без тех чувственно-привлекательных качеств, которыми боги Греции когда-то вдохновляли поэтов и художников к созданию неподражаемых образцов классического искусства. Если японские боги иногда творят, то этот акт совершенно не вяжется с другими их действиями,

обличающими в них образцовое тупоумие.

Самый первый бог явился в мире случайно, уже после того, как хаос разделился и образовал небо и землю; о действиях этого бога и следовавших за ним пяти поколений не известно ровно ничего. Уже боги седьмого поколения начали творить. «Внизу, должно быть, есть земля», — сказал Изнаги, стоя вместе с богиней Изанами на небесном мосту, и он погрузил небесный жезл вниз. С поднятого жезла капнула капля и образовала остров. Изнаги и Изанами сошли на него и стали обходить кругом: он — в одну сторону, она — в другую. Когда сошлись, она первая сказала приветствие; Изнаги рассердился за непочтительность, так как ему должно было принадлежать первое слово, и боги обошли остров снова. На этот раз Изанами придержала язык. После первых объяснений оказалось, что они могут быть мужем и женою; но как? К счастью, откуда-то взялась очень живая птичка, известная в России под именем синицы, села перед ними и своими движениями научила их супружеству. Тогда они стали рождать японские острова. Первороденным они были недовольны, так как он оказался весьма небольшим (Авадзи); они родили побольше и так далее; наконец, родили горы, леса, моря и животных. Из всех их детей Аматерасу оказалась самой красивой, и они послали ее управлять небом: это богиня солнца. Но их сын Сосано, к неудовольствию родителей, оказался совершенным грубияном и забиякой; бить, сокрушать, приводить в слезы было его любимым занятием; родители за это послали его в ад. Пред отходом туда Сосано попросился сходить на небо, повидаться со своей старшей сестрой. Сестра испугалась его прихода, думая, что он замыслил отнять у нее владения, и встретила его, вооруженная с ног до головы. Но Сосано успел уверить ее в невинности своих намерений и оставлен был погостить. Ему, однако, не терпелось без проказ: то он вытопчет рисовые поля сестры, загнавши на них лошадей; то, подкравшись к окну, у которого она сидит за ткацким станком, нечаянно испугает ее до того, что она до крови уколет себе руку челноком. Наконец, он решительно вывел ее из терпения, когда сделал одно крупное неприличие в ее парадной комнате, в которой она приготовилась праздновать осенний урожай; без малейшей опаски она вошла и села, но — о ужас! — запах пренесносный и новое платье все испачкано! Огорченная до глубины души, богиня солнца ушла в пещеру и затворилась навсегда. Можно себе представить, что случилось с несчастным миром: все погрузилось в мрак, ни дня, ни ночи, все бродят ощупью. Боги думали было, что Аматерасу посердится и выйдет; не тут-то было! Она не на шутку рассердилась. Боги были неглупы, знали, чем выманить свою любимицу: они собрались у входа пещеры, насадили зеленые деревья и увешали их разными прелестями, заманчивыми для женского глаза, как-то: зеркалом, ожерельями; тут же посадили петуха, заставили его петь, а сами ударили плясовую. Не вытерпела богиня, отодвинула камень, чтоб взглянуть в отверстие; но в ту же минуту ее рука очутилась в сильных дланях бога силы, который заранее поставлен был на страже у входа. Как ни упиралась богиня, но была вытащена; тут ее окружили соломенной веревкой и пристали с просьбой: «Не уходи, не уходи опять», — и тут же обещались примерно наказать негодяя Сосано. Аматерасу не заставила себя долго упрашивать, и вот мир до сих пор наслаждается солнечным светом. А Сосано пришлось плохо: ему скрутили руки назад, выщипали его длинную бороду и сбросили с неба. Он, впрочем, не потерялся и на земле. Он упал в теперешнюю провинцию Идзумо, здесь набрел на плачущих старика и старуху; при вопросе, о чем они плачут, они объяснили, что семиголовый змей переел всех их детей, теперь очередь за последней дочерью. Сосано обещался убить змея, если они потом отдадут за него дочь; старики с радостью согласились. Тогда Сосано велел построить семь шалашей и в каждый поставить по бочке вина, а сам спрятался и стал ждать. Змей пришел, ощутил запах вина, вложил в каждый шалаш по голове и натянулся допьяна, так что заснул. Тогда Сосано изрубил его в куски; когда рубил хвост, его сабля вызубрилась; он осмотрел хвост внимательно и нашел в нем меч, который и препроводил в подарок сестре Аматерасу. Затем женился, построил домишко и стал жить-поживать, даже сложил песенку про свое веселое житье, известную и донныне. В Идзумо он пользуется особенно усердным почитанием. А Аматерасу продолжала жить по-своему. Воспитав сына Сосано и усыновив его, она хотела было отправить его на землю, но этот отказался, предоставив свои права сыну Ниниги. Аматерасу и послала

Ниниги в Японию, отдав ему эту страну в потомственное владение. С ним она отправила большую свиту, наказав ей хранить господина и верно служить ему; вручила также внуку при прощанье зеркало, меч и осьмигранный драгоценный камень как знаки его достоинства.

Ниниги сошел на землю, заблудился было здесь, но, по счастью, встретившийся без путей Сарудахико проводил его в Хиун-га (на острове Киусиу), где он и поселился. Его дети Хоносусо и Хохадеми разделили между собою занятия: первый удил рыбу, второй охотился за зверями, и каждый из них был очень счастлив в своей ловле. Однажды они для пробы поменялись орудиями охоты: но Хоносусо ничего не достал в горах и возвратил лук и стрелы брату; а Хохадеми не только не поймал на рыбной ловле, но и уду потерял. В вознаграждение он сделал брату новую уду, но тот ничего не хотел вместо своей прежней и настойчиво требовал ее. Хохадеми, в горести бродя по берегу моря, встретился с одним стариком, который, узнав причину его печали, сделал короб и в нем спустил Хохадеми на дно морское. Здесь Хохадеми нашел великолепный дворец морского бога, который хорошо принял его и женил на своей дочери. Чтоб найти удочку, собраны были рыбы; у одной замечен был рот пораненным, и удочка оказалась у нее. Три года прожил здесь Хохадеми и когда наконец захотел отправиться на землю, морской бог снабдил его на всякий случай двумя шариками, имевшими свойство, когда бросить тот или другой в море, возвышать или уменьшать прилив. Возвратясь на землю, Хохадеми, при помощи этих шариков, одолел старшего брата, закрепил за собой власть и стал мирно царствовать. При рождении сына он лишился своей жены. Тоётоми, почувствовав приближение родов, сказала мужу: «Я беременна; выбрав бурный день, построй мне на берегу родильный шалаш и ожидай». Входя в приготовленный шалаш, Тоётоми запретила мужу идти за нею; но Хохадеми, подстрекаемый любопытством, пробрался к шалашу и стал подсматривать. Он увидел лежащего свернутым дракона, обхватившего ребенка. Заметив, что за ним подсмотрели, дракон быстро ушел в море. Так как шалаш еще не успели покрыть, когда Тоётоми пришло время родить, то новорожденный назван был Фуки-аваседзу (непокрытый). От Аматерасу до него включительно пять поколений: это и есть так называемые поколения земных богов. Вот нить главных событий синтуиской космогонии.

Но генеалогия богов этим далеко не оканчивается, а, скорее, только здесь начинается. К семи поколениям небесных богов японцы почти не обращаются; земных богов, за исключение высокочтимой Аматерасу, тоже редко утруждают молитвами: эти области очень высоки и неподходящи для обыденного богопочитания. При всем том Япония полна богами. Откуда же они? Очевидно откуда. С сыном Фуки-аваседзу, Дзинму (первым в ряду микадо), начинается достоверная история Японии. Дзинму перешел с Киусиу на Ниппон, которым тогда владели айны, дрался с этими последними, был на первый раз оттеснен ими, потом успел отнять у них значительную часть территории и утвердился на Ниппоне. Всё это действия, очень обычные для простых смертных завоевателей; но в то же время Дзинму был сын бога, потомок Аматерасу и чрез нее небесных богов; очевидно, что он и сам бог. За ним в той же степени боги — все его преемники, до нынешнего микадо, о котором если японцы выражаются, что «только пожелай он, небесный огонь сейчас же падет и поглотит всех иностранцев», то имеют полное право так выражаться. И вот, следовательно, ряд богов, уже более доступных для каждого, потому что эти боги более знакомы с земными делами. Из ряда императоров-микадо ознаменовавшие себя чем-либо особенно полезным для Отечества чтутся с особенным усердием. Например, Хациман.

Кто же такой Хациман, которому такое множество храмов в Японии и в честь которого делаются такие великолепные военные процессии? Это бывший микадо Воодзин. Вы развертываете историю, прочитываете про Воодзина и, правду говоря, не находите ничего особенного: был из очень обыкновенных микадо. Но вы забыли главное; загляните в историю предшествовавшего микадо: это была мать Воодзина, Дзингу, завоевавшая Корею; а завоевала-то, собственно, не она, а Воодзин, которым она была беременна в ту пору. Всякому известно, как это было. Императрице совсем уж приходило время родить, когда она собиралась в Корею, но она взяла на берегу простой камешек,

заткнула его за пояс и сказала: «Да не родится дитя, пока я с победою не вернусь в Отечество», — и дитя не родилось, оно только переместилось на более удобную, по его мнению, квартиру. Дзингу во время похода была вооружена; между прочим, один из рукавов ее платья замечали постоянно наполненным чем-то; все думали, что там у нее нужные в походе вещи (ремешки, веревочки и под.), но все ошибались: там и был Воодзин, только не в рукаве, а в руке. И так, не великая ли услуга Отечеству и вместе не дивная ли сила божественная — завоевать государство, будучи еще в теле матернем? Понятно после этого, отчего Хацимана так усердно чтут военные, считающие его, по преимуществу, своим богом. Предки микадо — боги: и самого микадо, и всего народа вообще.

Но с неба, вместе с Ниниги, пришло много великих мужей; их потомки живут и доселе и чтут их как своих фамильных богов; деяния тех мужей принесли пользу всему Отечеству, поэтому и весь народ, за исключением самого микадо, обязан чтить их и чтить. Наконец, весь японский народ, если разобрать его родословную, — божественного происхождения: все в конце концов происходят от Изанаги и Изанами, поэтому все — боги, и каждый человек обязан чтить своих предков как богов, молить их о покровительстве, приносить им жертвы; степень богопочтения к предкам обуславливается для каждого домашнее счастье или несчастье. Входя в японский дом и любопытствуя взглянуть на божницу, вы всегда найдете бумажку с именами и жертвы перед нею; на вопрос о значении бумажки вы узнаете, что на ней имена домашних пенатов. Иногда тут же стоит безобразный, закопченный идол: то непременно предок, чем-нибудь особенно хорошим ознаменовавший себя для рода. Часто этот предок интересует нас своим карикатурным, уморительным видом; вам хотелось бы приобрести его для коллекции редкостей; не стесняйтесь, предложите цену подороже, чем за обыкновенную куклу, вам продадут его. Чем ниже общественное положение человека, тем больше у него богов, потому что кроме своих пенатов он чтит знаменитых предков людей высших сословий; наоборот же не бывает. Для императора было бы постыдно воздавать поклонение предкам какой-нибудь другой фамилии, какими бы заслугами они ни были ознаменованы; некоторые императоры, правда, унижали себя до этого, но это всегда считалось скандалом и возбуждало народное осуждение. Для членов знатной фамилии, например, Фудзивара, Минамото, Такра, было бы постыдно чтить богов какого-нибудь купца. Но есть боги и из низких сословий, чтимые всем народом: это люди, ознаменовавшие себя особенно великими заслугами, например Хилеёси. Есть также множество местных богов, возникших из невысокого звания; например, такой-то открыл в горе золотую руду и потрудился для разработки ее; натурально, что и по смерти он покровительствует этой горе и работающим на ней; местные рудокопы строят ему храм и приносят жертвы; от рудокопов мало-помалу почитание переходит в народ, и вся местность незаметно приобретает нового бога-прогектора. Это делается особенно легко и скоро, если бог заявит себя каким-нибудь чудом; а мало ли средств чудодействия? Присниться кому во сне и сказать нравственную максиму или пропеть стишок, блеснуть под вечер синим огоньком в окрестности, окликнуть кого нечаянно в уединенном месте, прошуметь странным звуком между деревьями, когда нет ветру: бог может быть уверен, что все это приметя в должном смысле, быстрой молвой пройдет в народе, и слава его упрочится.

Наконец, чествуются и боги зловредные, для того чтобы умолить их не делать зла. Например, в эпоху, предшествовавшую возникновению сёгунов, когда придворные сановники завели прекрасный обычай играть особами микадо, как пешками, употребляя для удобства в игре микадо-малолетков, или и взрослых, но слишком явно тупоумных, был один микадо по имени Сютоку; пока он был ребенком, он царствовал, но лишь только достиг совершеннолетия, его убрали с престола. Сютоку был строптив: он поднял бунт, привел в смятение столицу и окрестности; но он не был настолько талантлив, чтобы одолеть врагов: его разбили, взяли в плен и заточили. Покаялся бедный в своем неповиновении, в знак раскаяния переписал один молитвенник вместо туши собственной кровью и послал его в столицу; но ему с презрением отослали этот дар обратно. Тогда он, исполненный отчаяния и неописанной злобы, изрек: «Молю богов, чтоб мне переродиться дьяволом, на мучение Японии»; со скрежетом зубов, с насупленными бровями, из-под которых сверкали самые зловещие молнии, с отросшими волосами, в

лохмотьях, он бродил с этого времени одинокий по дебрям и, наконец, умер в таком состоянии духа. Смерть его не замедлила обнаружиться для Японии самыми бедственными ударами: бунты, голод, наводнения — все свидетельствовало, что Сютoku начал свой страшный расчет с Отечеством. Очевидно, что ему немедленно должны были построить храм, учредить Богослужение, и едва только этим успели унять его свирепость.

Между самими богами существует субординация, так что есть боги начальствующие, есть боги, служащие у других на посылках и побегушках. У некоторых богов служат исполнителями их воли те или другие животные, так что если бог сердит на кого-нибудь, то насылает на него своих посланцев, обезьян, оленей и т. д., которые у наказуемого разрушают дом, портят сад, опустошают поле.

Вот сущность синту. Очевидно, что эта религия может принадлежать лишь очень грубому и невежественному народу, народу, стоящему на той степени умственного развития, когда он, побуждаемый присущим человеку религиозным чувством, ищет предмета поклонения, но не в состоянии возвыситься своим умом над окружающим миром и готов воздать божеские почести всему, что его поразит и возбудит его удивление; в нем умственного сознания пробудилось лишь настолько, что он не кланяется первой попавшейся на глаза старой ели или причудливой формы камню; он безотчетно понял существование другого мира, духовного, и превосходство этого мира над материальным; но дух поразил его лишь в частных, близких к нему явлениях, и он падает и преклоняется пред ними, а себя самого и всю природу ставит в зависимость от них.

Неудивительно поэтому, что синту не оказал почти никакого сопротивления буддизму, при переходе сего последнего в Японию. Японцы в то время завоевали Корею (в 200 г. по Р. Хр.) и познакомились с Китаем: чрез эти столкновения умственный горизонт их невольно расширился, и синту оказался не удовлетворяющим более религиозным потребностям народа. И каким высоким учением здесь должен был показаться на первый раз буддизм, эта лучшая из языческих религий, геркулесовы столпы человеческих усилий составить себе религию, руководствуясь теми темными остатками богооткровенных истин, которые сохранились у народов после рассеяния Вавилонского! Синту почти без ропота и сопротивления уступил свое место новой религии, и, не будь особого обстоятельства, его и следов до сих пор не было бы в Японии. Это обстоятельство заключается в гибкости буддизма и способности его приноровляться к обычаям страны, куда он является; а все это вытекает из его основного догмата — перерождения. «Клянусь, что буду рождаться в разных невежественных странах для привлечения их к спасению», — клялись Будды и Боддисатвы. И так, Аматерасу была тот же Будда, Хациман — тот же Будда, все японские боги — Будды и Боддисатвы, рождавшиеся, применительно к умственному и нравственному состоянию японского народа, совершенно в других видах, чем в Индии, рождавшиеся для того, чтобы «завязать связь с народом» и чрез то приготовить его к восприятию истинного учения Будды. «Связь» (ин-ень) тоже есть основное учение буддизма: не завязавши связи, Будда не спасает никого, а чтобы завязать ее, он может рождаться во всевозможных видах. Таким образом буддизм нарек японским богам свои имена, под этими именами принял их даже в свои храмы и зажил роскошно в Японии. Но синту от этой снисходительности и покровительства приходилось нелегко. Он конфузился пред своим щеголеватым соседом, пред его высокоумием, пред пышностью его храмов, пред обилием его молитвенников; и вот он начал из кожи лезть, чтоб поправиться: построил себе храмы наподобие буддийских, сочинил великолепные церемонии, живописные костюмы; но самое главное — принялся толковать свое учение на всевозможные лады. Если в буддизме поражают вас иногда толстые молитвенники, наполненные не чем иным, как похвалами заглавию этих же самых молитвенников, то у синтуиских экзегетов вы найдете целые томы толкований на отрывки из древней японской истории, толкований, где каждый слог, каждая буква исторического текста дали случай к сплетению самых хитрых и невероятных аллегорий. Но уввы! — по этому скользкому пути со своей легкой ношей синтуиские экзегеты не замедлили спуститься до полнейшего отрицания всего. Самое отъявленное безверие было результатом

их пытливости. «Был довременный хаос; в нем случайно зародились искра огня и капля воды; от взаимодействия этих двух элементов хаос сгустился и принял шаровидные формы; от припёка огнеобильного шара (солнца) на водообильный (землю) в последнем, когда он был еще в состоянии грязи, зародились разные живые существа; человек, как самое высшее существо, образовался в лучшем из болот, т. е. в более мягком и обильном грязию». Вот сущность учения японских материалистов, смею уверить, ни в логике, ни в силе аргументов ничем не уступающих европейским. Синту, по-видимому, должно бы было не поздоровиться от этих дружески-медвежьих услуг, но — ничуть не бывало. Дело в том, что, во-первых, нельзя встретить ни одного экзегета, который бы, при решительном отрицании всего содержания синту, тем не менее не направлялся к поддержанию его и к сплетению ему самых выпренных похвал. Факт, с первого взгляда, странный, но, в сущности, весьма простой и естественный: синту из религии обратился у экзегетов в национальное, чисто гражданское учреждение: всем мельчайшим подробностям его приписано самое высокое значение для поддержания народного духа, для развития гражданских добродетелей и утверждения могущества Японии на веки вечные. В этих видах превозносятся похвалами предки, выдумавшие такое мудрое учреждение, и, в конце концов, синту рекомендуется для вечного хранения и последования. Во-вторых, те же самые приверженцы синту рассмотрели хорошо и буддизм и нашли в нем ахиллесову пята, и не одну; с тою же разрушающей критикой они обратились и к нему, но уже не для поддержания, а для разрушения и поругания его, как иноземного учреждения, зловредного для Японии. Все буддийские чудовищные чудеса, все его безобразные легенды, его скучнейший рай и ни с чем не сообразный ад, все это подвергнуто насмешке и отрицанию, и, таким образом, для буддизма сделалось наконец и невозможным, хотя бы он желал того, окончательно подавить и уничтожить своего противника. В таком виде синту существует и теперь, т. е. по наружности — как будто религия, облеченная во все внешние атрибуты религии; но, в сущности, для рационалистов, — как народная школа добродетелей. Эти рационалисты в то же время хотят, чтобы народ верил в синту, как в религию, но народ настолько же верит, насколько они сами; а вдобавок, не возвысившись до заносчивых тенденций рационалистов, не видит в нем и школы, и вышеприведенное выражение: «Пожелай микадо, и небесный огонь попалит всех иностранцев», — в устах японца имеет самый иронический смысл.

Буддизм, возникший на почве Индии как противодействие браминской кастовости и угнетению низших классов высшими, был в этом отношении проповедью духовного равенства и любви в языческом мире. С другой стороны, как проповедь человека, из наследника престола сделавшегося нищим, он, натурально, явился проповедью суетности всего земного, нестяжательности и нищенства. Эти две характеристические черты, с которыми буддизм явился в устах первого своего проповедника, обеспечили для него будущие успехи: первая влекла к нему сочувствие народных масс, вторая доставила ему множество способных приверженцев и деятелей. В дальнейшем развитии эти черты приняли другой вид и доведены до крайности и нелепостей. Существовавшее в темном предании между индийцами понятие о имеющем явиться на земле любвеобильном Искупителе рода человеческого мало-помалу отнесено было к самому Шакьямуни: в его лице буддисты нашли своего богочеловека, сошедшего с неба и воплотившегося для научения людей. Но так как буддизм явился на почве браминского пантеизма и сам оказался бессильным отрешиться от него, то и в Будде индийская фантазия не могла выработать единоличного владыку мира. Он, правда, является с чертами, свойственными Богу, но, вместе с тем, таких, как Будда, бесконечное множество, и каждый из них дошел до этого блаженного состояния своими заслугами; каждому человеку, в его очередь, также предстоит, рядом множества градаций, выродиться в Будду. Эта лестница, идущая от человека вверх, ведет к состоянию Будды. Но почему же не продолжать ее и вниз? И вот, при склонности к пантеистическому воззрению на мир, при непонимании природы и ее отношений к человеку и при бессознательном, свойственном человеку сострадании к низшим существам окончательно определяется идея метемпсихозы. Весь животный мир, по существу, отождествляется с Буддой; мало

того, лестница простирается еще ниже: изобретаются разных степеней ады, населяются живыми существами и тоже ставятся в связь с Буддой. Дурной человек, в наказание за свои грехи, рождается животным или посылается в ад; спустя известное время, положенное для очищения грехов первого рождения, он снова рождается человеком, и если живет на этот раз добродетельно, то по смерти может опять родиться на земле уже царем или другим великим лицом; если опять ведет себя хорошо, то идет в рай, откуда вновь может прийти на землю Боддисатвой или Буддой. Таким образом небесный, земной и преисполненный миры делаются огромной лабораторией, в которой бесчисленные роды существ кишат, рождаются, перерождаются и, в конце концов, все делаются Буддами. Так далеко зашли последователи Шакиямуни, развивая его простую первоначальную идею любви и равенства.

В развитии другой, столь же простой и естественной, идеи нестяжательности они тоже не замедлили прийти к самым крайним и неожиданным выводам. Труд и везде — наказание Божие за прародительский грех; особенно же труд тяжел на Востоке; там склонность к стяжанию не мучит человека: было бы чем утолить голод и жажду, а затем нет больше наслаждения, как лежать или сидеть под тенистым деревом, предоставив течение мыслей воле фантазии. Но мысли тоже могут иногда или причинять огорчение, или волновать; потому еще лучше, если они как бы останавливаются и замирают в своем течении, или, одним словом, человек погружается в бесчувствие, в бессознательность; тогда он погружается в ничто, но в этом ничто, вместе с тем, — целостное существование человека. Такое бессознательно-спокойное состояние называется созерцанием; ему приписываются высокие качества непосредственного ведения всего и сила управлять всем, так как в этом состоянии, будто бы, человек, отрешась от себя, сливается в одно со всем, а тогда он может и владеть тем, с чем слит. Это состояние поставляется целью всех и всего; Будды потому и Будды, что достигли возможности во всякое данное время погрузиться в это состояние, и оно считается их высочайшим блаженством. Мимоходом, на пути развития этих главных своих начал, буддизм сочинил для своих последователей правила нравственности, поражающие иногда своею чистотою и строгостью, иногда своею чудовищностью; сочинил также чудовищные и самые невероятные легенды и чудеса. Все это, взятое вместе, облеклось в огромную литературу и в правильное религиозное общество, со своим богослужением, со своими храмами, монастырями, наконец, со своими искусствами, живописью, скульптурой и архитектурой. Все это, в период гонения на буддизм в Индии, хлынуло на север и затопило Китай и корейские государства, откуда не замедлило перейти в Японию.

Мы уже видели, что синту без сопротивления отступил на первый раз перед новою верою и японцы с радостью приняли ее. Да и могло ли быть иначе? Вместо слабых, сомнительного авторитета богов буддизм представлял для поклонения высочайшее существо, сошедшее на землю для спасения людей; грубым, почти неоформленным понятиям нравственности буддизм противопоставил свою тончайшую казуистику; пред такими же грубыми формами наружного богопочитания буддизм щегольнул великолепием своей богослужебной обстановки; устным преданиям синту противопоставил буддизм свою широкую литературу, тогда уже переведенную на китайский язык. Последнее обстоятельство имело двойную выгоду для буддизма в Японии: с одной стороны, оно убеждало японцев к принятию буддизма примером Китая, пред цивилизацией которого тогда преклонялись японцы; с другой, оно пресекало для японцев всякую возможность скептического исследования обстоятельств происхождения самого буддизма, так как китайские буддисты переводили на свой язык, натурально, лишь то, что служило буддизму, а не против него. Буддизм, однако, не вполне пришелся по духу японцев. Это обнаружилось скоро же по введении его, когда японцы начали развивать его по-своему, выдумывая одна за другою секты, что, очевидно, обнаружило стремление выработать учение, согласное с коренными свойствами народа. В этой работе японцы не останавливались ни пред какими затруднениями и дошли, наконец, до совершенных противоречий друг другу. Многие секты и в Японии уже забыты. Я укажу из существующих на более важные.

Вот зенсиу. Как секта, перешедшая из Китая, она любит хвалиться <...> своею

неиспорченностью. Очень странная претензия; все, чем зенсиу может похвалиться, это разве древность. Секта эта, очевидно, есть порождение переходной эпохи в буддизме, когда простота первоначального учения Шакиямуни была уже утрачена, но окончательно буддизм еще не определился, еще не выяснилась личность Будды как не только учителя, но и деятельного помощника людей в созидании спасения. Зенсиу составляет проповедь самоумерщвления, в видах достижения способности созерцать; но этот акт приурочен к тому состоянию Будды, когда он сам еще не был Буддой, а только упражнялся в подвиге самоумерщвления; таким образом, здесь человек берет на себя своими силами, по примеру лишь Будды, а не при содействии его, достигнуть верховного блаженства. В практическом применении суть этой секты — зазен, сидение, по примеру Будды, в известном положении, для упражнения в самозабвении и приобретения способности созерцать; чтобы содержать себя во всегдашней готовности к этому подвигу, сектанты ограждены самыми строгими предписаниями касательно пищи и внешнего поведения: дисциплинарная сторона здесь развита до мельчайших тонкостей. По теории все недурно. Но как на деле? Может ли народ предаваться зазену? Это немислимо. Займись Япония зазеном неделю, в другую она умрет с голоду. Соблюдается ли зазен хоть в монастырях? Говорят, будто есть такие монастыри, где назначается в году несколько недель или дней для зазена; в это время монахи, ежедневно по нескольку часов, сидят, собравшись в одной комнате, и предаются созерцанию, причем, так как под тяжестью блаженных ощущений головы монахов, особенно молодых, начинают клониться, то игумен с одним орудием, очень чувствительным для бритой головы и плеч, беспрестанно ходит между ними и вызывает созерцателей к действительности. И на эту ничтожную формальность сведено все учение зенсиу. При всем том это одна из самых распространенных сект в Японии!

Монтосиу, другая весьма распространенная секта, обязана своим происхождением Японии и составляет совершенное противоречие зенсиу. Монтосиу отбросила весь буддийский аскетизм и ухватилась лишь за идею любви Будды к миру. Здесь о самоумерщвлении и помину нет: сами бонзы женятся, едят мясо и все что угодно. Все подвиги человека представляются ничтожными: для спасения требуется лишь вера в Будду; будь человек неслыханнейшим злодеем, но скажи только раз: «Наму-Амида-Буцу» (поклоняюсь Будде Амиде), — и он спасен. Учение о любвеобилии Будды, о готовности его спасти человека по первому призыву, о недостаточности собственных сил человека для спасения и о благодати (тарики) невольно изумляет; слушая в храме иную проповедь, можно забыть и подумать, что слышишь христианского проповедника. Уж не от христиан ли заимствовано это учение; при исследовании же оказывается, что оно решительно самобытное в Японии и составляет лишь развитие идеи об искупительной миссии Будды. Но при этом возвышенном учении о любви Будды к миру сам Будда нисколько не изменяется: он остается тем же мифически безобразным и невероятным лицом. Оттого-то монтосиу, со своим высоким учением о благодати, принесла Японии гораздо больше зла, чем все другие секты. Допустив семейное состояние бонз, эта секта тем самым разрешила им все материальные заботы и поставила их наравне с мирскими людьми. Это, по-видимому, неважно; при возникновении секты всем даже представлялась лучшая сторона ее именно в этом, так как здесь устранялась зазорность поведения бонз всех других сект; но никто не предложил вопроса: что будет, если бонзы монтосиу выступят на поле деятельности во имя освященных сектою и народным сознанием материальных интересов, но с неверием в душе ни во что? Никто не подумал, как страшна в устах бонз может быть фраза: «Сколько ни греши, скажи только: "Наму-Амида-Буцу", и все прощено». Действительно, в период долгой неурядицы, бывшей пред династией Токугава, бонзы монтосиу двигали целыми армиями и притом под собственным флагом: «шаг вперед — в рай, шаг назад — в ад», — кричали они своим войскам и производили страшные битвы, страшные грабительства и опустошения: сами не веруя ни во что, но двигая невежественными массами увлеченных фанатиков, они грозились ниспровергнуть все государство. Только Нобунага мог унять их, и то какими средствами! Раз две шлюпки были наполнены отрезанными ушами и носами у побежденной их армии и отправлены в их главную квартиру, а когда взята была и она, то 200 тысяч

бонз и их защитников сожжено разом!

Вот еще секта, хоккесиу, тоже получившая начало в Японии. Эта составляет дань хвалы и удивления японцев одному молитвеннику, по имени Мёохоренгекё, тому самому молитвеннику, в котором Будда, собираясь умирать, объявил торжественно, что «все, чему он прежде учил, все это ложь, что он лишь старался красивым сплетением обманов привлечь к себе людей, как увлекают детей игрушками, что истинно только то, что он скажет теперь, а теперь он скажет вот что: "Все люди сделаются Буддами"; что "это учение до того важно, что стоит только назвать имя молитвенника, в котором оно изложено, и человек спасен"». Молитвенник наполнен самыми нелепыми чудесами, вроде следующего. К Будде, когда он преподавал это учение, прилетели с неба, в своих великолепных дворцах, два другие Будды, давшие клятву всегда слетать на землю для слушания учения, к изложению которого теперь приступил живой Будда. Сидят они рядышком, и живой Будда проповедует. Когда он высказался, ученики, естественно, были ошеломлены и казались неверившими. Вот трое Будд, для подтверждения истины, высунули языки, которые оказались до того длинными, что пронизали 10 тысяч мировых сфер; в таком положении они просидели перед учениками 10 тысяч лет; затем втянули языки обратно и крикнули все разом, отчего потряслись все миры; в заключение щелкнули пальцами, отчего также потряслись все миры. Могли ли после этого сомне-ваться слушатели и можно ли не обожать книгу, учение которой засвидетельствовано такими чудесами?

И каждая из сект опирается на незыблемом для буддиста основании: каждая имеет свои символические книги в каноне священной буддийской литературы. Эта литература так обширна и разнообразна, что в ней есть книги, совершенно противоположные одна другой или даже прямо отвергающие истинность учения других книг, как только что упомянутый молитвенник Мёохоренгекё. Это как нельзя лучше обличает происхождение буддийской литературы от многочисленных авторов, часто враждебных друг другу; но каждый автор, стараясь придать вес своему произведению, озаботился приписать его Будде, так что по наружности все и вышло учением Будды, изреченным лишь в разные времена и при разных обстоятельствах. Таким образом, на основании одного и того же учения Будды можно воздвигать самые противоречащие секты, и никто не смеет укорить за это, так как каждая секта укажет на непререкаемый довод в Священной Книге. Нет ничего резче, например, этого нововведения, как женитьба бонз в монтосиу, тогда как до монаха Синрана никто из бонз никогда не думал жениться; но посмотрите, как легко было сделать и этот шаг на основании буддийской литературы. В одной из священных книг, перечисляющих обеты Боддисатвы Кваннона, есть обет его: «Буду воплощаться и в теле женщины, чтобы руководить смертных». Правда, этого еще недостаточно, чтобы Синрану жениться; но в каноне есть также неисчислимое множество примеров явления Будд и Боддисатв святым людям во сне для сообщения им своей воли. Отчего же и Синрану не увидеть чудесного сна? Он и увидел: является ему Боддисатва Кусе (другое имя Кваннона) и вручает четыре стиха, значение которых следующее: «Подвижник, женись в награду за твои подвиги! Я сделаюсь телом драгоценной девицы и сочетаюсь с тобой; изукрашенная, я буду вести людей к рождению в рай». Синран в то время был еще послушником и не имел особенного авторитета. Но нужно же было так случиться, что в ту же ночь и его учитель, всеми уважаемый старец Хоонен, увидел во сне то, какой сон снится Синрану. Нужно же было такое стечение обстоятельств, что на следующее утро Хоонена посетил один из первых придворных сановников и завел разговор такого свойства, что в заключение сам предложил одну из своих дочерей в замужество какому-нибудь монаху, и нужно же было этой дочери называться именно «драгоценная девица» (Тамахиномия)! Разве во всем это не ясно как день промышление Кваннона о спасении людей? Конечно, Синрана женят, как он ни уклоняется от этого! И новая секта пошла щеголять по свету. Вообще, в буддийском каноне столько чудес и столько нелепости в этих чудесах, что мало-мальски смыслящий человек не может не считать их за басни; а так как он видит, что эти басни позволены себе самим Буддою, который прямо высказывает и иезуитское правило: «Обманывать людей, чтоб привлечь их к себе», — то и он, на том же основании, считает себя вправе делать всевозможные благочестивые обманы во благо ближним. Я не

говорю уже о тех, которые, как большинство бонз, обманывают народ чисто злонамеренно и своекорыстно. Возьмем еще пример «Нембуцу» (спасение чрез благодать) в той обширности, в какой оно развито Хооненом и Синраном; правда, учение новое, но все же оно довольно твердо может быть основано на некоторых молитвенниках из самого канона, если взять их безотносительно к другим. На что бы, кажется, искать других оснований? Но посмотрите, на чем оно больше всего опирается. Вот один послушник, сгоравший желанием узнать, каким путем легче всего достигнуть блаженства будущей жизни, затворившись в кумирне Аматерасу, молится об откровении ему этого пути; после семидневной молитвы, ночью, он видит наяву: открываются дверцы кивота, где была статуя богини, выходят два мальчика и говорят ему: «Аматерасу теперь нет дома, но она нам наказала, что если в ее отсутствие кто станет молиться об указании верного способа к избежанию будущих перерождений и смерти, то чтобы мы учили: отвергнув собственные тысячеобразные действия, всем сердцем призывать Амиду, всюо душою подвизаться в Нембуцу; этим непременно достигается рай будущей жизни и высочайшее успокоение». Вот другому является сама Аматерасу и поет: «Кто призывает Будду Амиду, тот не говори, что я богиня этого государства». Вот во время спора Хоонена с другими бонзами о своем Нембуцу статуя Амиды издает ослепляющий блеск; вот четки одного последователя Хоонена сияют лучезарным светом в ночной темноте; вот Хоонен своим «Наму-Амида-Буцу» вызывает из озера дракона и проч. Нет возможности перечислить всех выдуманных чудес, снов, песен богов. Все секты наперерыв одна перед другой стараются щеголять чудесами, одни других нелепее, одни других фантастичнее. Наглость дошла до того, что указывают чудеса там, где каждый собственными глазами может видеть или ушами слышать, что чуда нет. Там на морской воде написаны китайские знаки: «Мёо-хо-рен-ге-кё»; здесь птицы поют: «Наму-Амида-Буцу»; там в небе, при заходе солнца, постоянно является фигура Амиды и проч. Бонзы до того привыкли к выдумкам и обманам, что расточают их даже там, где нет никакой нужды в них: я читал одно жизнеописание Будды, где автор пренебрежительно уверяет, что за матерью Будды в приданое даны были, между прочим, семь полных возов «голландских» редкостей; а когда она забеременела Буддой, то другая жена царя из зависти, чтоб убить младенца в ней, обратилась к одному из христиан, которые, как известно, все колдуны, чтобы при помощи его волхвований испортить свою соперницу; и с мельчайшими подробностями описан способ волхвований христианина, приложен даже его портрет и изображено, как он погиб среди волхвования, пораженный небесными силами.

Кроме синту и буддизма, в Японии существует еще конфуцианизм, хотя не в виде особой религиозной секты, а в виде нравственно-богословской школы. Я считаю не лишним сказать несколько и о нем. Конфуций привлекает прежде всего красотой своей литературной речи; его фраза исполнена лаконизма и силы и по временам блещет красками остроумных метафор. Все это делает Конфуция неподражаемым образцом литературного языка в Китае вот уж более 20 веков. Если заглянуть под эту привлекательную оболочку, то вы увидите почти всегда какую-нибудь мысль, прямо или непрямо направленную к утверждению системы пяти отношений. Эти отношения (госпоина и слуги, отца и сына, мужа и жены, брата и брата, друга и друга) и составляют сущность Конфуциева учения, то, что доставило Конфуцию славу величайшего мудреца, неподражаемого учителя, полубога. Вокруг этого столпа мудрости толпятся тысячи комментаторов, принося ему в дань свои таланты и всю свою жизнь; каждое слово его учения разобрано и истолковано на тысячу ладов; н каждой фразе, случайно вымолвленной им, найден глубокий, многообразный смысл, и вы, читая, невольно и сами находите его и удивляетесь глубине мудрости, сами не замечая того, что удивляетесь, быть может, не Конфуцию, а его остроумному толкователю. Это дерево конфуцианизма, питаемое постоянно приливом свежих соков и разросшееся в течение веков до невероятного объема, составляет действительно нечто величественное и грандиозное; так мы любуемся устарелым вековым дубом, обросшим десятками плющей, с их обильною и свежею листвою. Но что в самом деле сделало Конфуция таким великим в Китае? Он жил в одну из самых тревожных эпох китайской истории, когда государство, бывшее прежде монархическим, разделилось на множество независимых княжеств;

князя непрерывно ссорились между собою, народ стонал от опустошительных войн и всякого рода безурядицы. Такие времена всегда сопровождаются нравственным упадком: вероломство, эгоизм всех родов, забвение даже кровных отношений и связей — самые обычные явления в это время, и никто не думает горячо восставать против них, потому что всякий думает о себе и готов для ограждения собственных интересов употребить те же орудия. В такое-то время явился Конфуций. Он не был творцом какого-нибудь нового учения, да Китай и не был расположен тогда слушать что-либо новое. Он лишь тронут был до глубины души бедственным состоянием своего Отечества, грозившим из хронической болезни обратиться в смертельную, и старался вызвать к сознанию соотечественников времена здравого состояния Китая. Как великий человек, он не только инстинктивно понял, но и сознательно выразил духовные потребности и идеалы китайской нации; но, как истинный китаец, не способный к высокоидеальному мышлению, он не дал своему Отечеству системы учения, построенной строго логически, по всем законам формального мышления; он, напротив, держался всегда самой твердой, практической почвы.

Он изучил и изложил древнюю историю Китая и древние обычаи, которыми, по его понятию, поддерживались добрая нравственность и благосостояние государства, церемонии, музыку, поэзию (народные песни); ученики же его, кроме того, постарались записать его нравственные афоризмы, которыми он постоянно обмолвливался, и представили таким образом в более наглядной форме его учение, почерпнутое из изучения древнего быта китайцев. Таким образом, в книгах Конфуция выразился не частный человек, но выразился сам Китай в его характеристических хороших чертах, в том, что он выявил доброго из своей натуры и что, следовательно, может и должен хранить, как свое собственное. В эпоху материального и нравственного истощения Китая пред ним поставлен был живой портрет его самого во времена физического и нравственного здоровья. Мог ли Китай не узнать сам себя и не полюбить себя в прежнем виде, а полюбив, не поставить себя пред собою как образец на вечные времена? С течением веков, быть может, характер китайцев мог бы принять новые оттенки, нравственность определится точнее, формы жизни изменятся; но уже писания Конфуция успели сделаться канонически-непогрешимыми, их предписания — обязательными, сам Конфуций — предметом религиозного поклонения.

В конце III столетия по Р. Хр., при первом знакомстве Японии с Китаем, Конфуций с братией не замедлил переплыть в Японию. Но странно было бы думать, что он займет здесь то же место, как в Китае. Здесь его учение было пересадным растением и сам он явился не как представитель народа и истолкователь его мыслей ему самому, а просто как знаменитый ученый, пред которым, конечно, не могли не благоговеть необразованные в то время японцы, но который не поразил их до забвения личных чувств и мыслей. Его творения, по совершенству языка и нравственному направлению, легли в основу школьного образования, его легенды дали начало кое-каким суевериям; но школа у японцев вовсе не имеет такого великого значения, как у китайцев, где все государство управляется школярами; суеверий у японцев своих и буддийских так много, что два-три Конфуциевы в этом числе — как капля в море. Таким образом, влияние Конфуция, собственно, на народ в Японии очень слабо. Гораздо больше его влияние на так называемый «класс ученых» (дзюся), существующий здесь хотя не в виде правильно организованной корпорации, но с правом наследственности и с некоторыми особенными гражданскими правами. Это класс, можно сказать, есть дань Японии китайской мудрости и особенно Конфуцию. Для «ученых» писания Конфуция имеют, или, по крайней мере, должны иметь, такую же силу непререкаемого авторитета, как для бонз буддийские молитвенники, для синтуистских жрецов кодзики (самая древняя история). Главная обязанность этих ученых — быть преподавателями в дворянских гимназиях. Здесь-то, в этих гимназиях, молодые японцы, по кодексу Конфуциевых церемоний, научаются тем приемам вежливости и внешнего благоприличия, которые нас так удивляют в них и которые дают им право с честью занимать место между образованными европейцами; здесь они научаются слагать китайские песенки, что также считается необходимым для образованного человека; наконец, здесь же уясняются в их сознании правила нравственности и гражданских

добродетелей, начертанные в человеческом сердце. Но дает ли Конфуций ответы на разные теоретические вопросы, так же присущие душе человеческой, как и понятия нравственности? Учит ли о начале мира и человека, о Высшем Существо, о назначении человека? Нисколько. Известно, что при вопросах своих учеников о подобных предметах он отделялся самыми уклончивыми ответами, вроде следующего: «Мы не знаем и земного, какая же польза говорить о небесном». Его «небо», употребляемое им для выражения всего высшего, имеет до того неопределенный смысл, что невозможно понять, разумеет ли он под ним что-либо личное или безличное. Итак, его последователи, пробуждаемые к умственной деятельности разными сентенциями, вызывающими на размышление, но оставляемые без руководства в самом начале умственного самоопределения, берут каждый для себя, что кому нравится: то случай, то жизненный дух, то личное или безличное небо, и, варьируя на разные лады свой принцип, решают сами, как умеют, философско-богословские вопросы о мире и человеке. Благодаря Конфуцию, они стали выше синту и буддизма: он дал им оружие диалектики, развил в них критический дух, побуждающий их относиться с насмешкой или презрением к этим учениям; но, разрушив прежние религиозные верования,

Конфуций в то же время ничего не дал в замену их: ум его последователя — пропасть, покрытая сверху легким хворостом его собственных умствований; при первом прикосновении здравого смысла хрупкая поверхность ломается и открывает пустоту. От того-то в Японии никто так не способен к принятию европейских учений, как последователи Конфуция. Веками приученные ставить себя высоко над другими по своему умственному превосходству, они, обыкновенно, свысока относятся и к европейцам, пока не попадет в их голову какая-нибудь европейская мысль: тогда их теории разом летят вверх дном, их прежний кумир разбивается вдребезги, они смиренно низводят себя на степень учеников и делаются искренними и горячими приверженцами нового учения.

Все, сказанное доселе, можно формулировать в следующих словах: японский народ слишком умен, развит и свеж, а его религии слишком отстали и нелепы, чтобы могли удовлетворять его.

Но показывает ли японский народ склонность к принятию христианской религии? Обратимся к фактам, прямо отвечающим на этот вопрос.

В 1570 г. в первый раз испанское судно пристало к берегам Японии. Японцы так хорошо приняли иностранцев и показали им так способными к принятию христианства, что Франциск Ксаверий, друг и сподвижник Игнатия Лойолы, при первом известии о них вскипел желанием посвятить себя апостольскому труду между ними. Блестящий успех сопровождал его труды. По следам его нахлынули толпы монахов разных орденов, и все имели успех: в 25 лет христианство охватило весь юго-восток Японии. Уже европейские проповедники стали вести себя как дома, уже прелаты с пышностью являлись среди народа, уже они отправили японских князей к его святейшеству в качестве смиренных поклонников и по пальцам рассчитывали время, когда вся Япония будет у подножия престола наместника Христова. Вдруг страшное гонение, и в Японии — ни души христианской. Что за причина? Взглянем на тогдашние события японской и испанской истории.

До появления европейцев Япония долго была терзаема непрерывными междуусобиями: то было несчастнейшее для нее время правления сёгунской династии Асикага; императоры давно были заброшены, и о них никто не думал; сёгуны наслаждались выгодами своего положения и не имели ни времени, ни охоты вникать в дела правления; кванрёо (регенты), на попечение которых оставлены были дела правления, но которые, как богатые князья, и сами имели средства жить не хуже сёгунов, тянулись за последними; забытая и брошенная власть не находила себе приюта. А между тем в стране уже определилась удельная система: Япония была полна князьями, имевшими свои собственные поземельные доходы, свои армии и свои широкие права; почти не чувствуя над собою контроля, князья, естественно, дрались, кто с кем хотел и кто с кем мог, дрались без усталости и без всякой жалости к народу. За князьями дрались и бонзы, и как дрались! Горе тому, против кого они вооружались: это были самые злые и неотвязчивые враги. В это время всеобщей драки и сумятицы в

незаметном уголке Японии явился крошечный князек, который, когда все дрались один на один, задал себе задачей драться со всеми и всех одолеть; он дрался со всеми, одолел всех и сделался властителем Японии, хоть и не принял титула сёгуна, который тогда был слишком опошлен, чтоб заинтересовать Нобунагу. При этом-то Нобунаге показались в Японии европейцы. Он оценил пришельцев, понял выгоду сношений с ними и приветствовал их. Скоро между этими пришельцами замечены были проповедники новой веры. Нобунага, конечно, не верил ничему из отечественных религиозных учений; он не был расположен принять и христианскую веру (его боевая натура была неспособна к мирным религиозным размышлениям), но он не мог не понять неизмеримое превосходство христианской религии пред японскими суевериями. Притом же ему так надоели его вечные враги бонзы и из-за них он так возненавидел буддизм, что, не думая долго, он со всею охотою дал европейским миссионерам полное право распространять новую веру, даже сам построил для них христианский храм в столице (в 1574 г.). Преждевременная смерть положила конец деятельности Нобунаги. Ему наследовал Хидеёси, сын простолюдина, пробивший себе дорогу к верховной власти. Он также на первый раз казался покровительствующим христианству; между тем он зорко следил за пропагандистами и изучал их. А последние уже успели выявить все те качества, которые были причиной изгнания католических миссионеров в разные времена из многих стран. Выходя из правила «цель оправдывает средства», миссионеры без зазрения совести показывали народу разные фокусы под видом чудес; необразованный народ верил чудодейственной силе патеров и толпами вербовался в христиане, а образованные люди сомнительно качали головой, и иные прямо угадывали обман, иные же окрестили патеров названием «колдунов», продавших душу дьяволу. С умножением христиан высшее общество вдруг почувствовало присутствие в стране нового рода аристократии и было до глубины души возмущено и оскорблено; от князей стали поступать жалобы, что христианские епископы при встречах не уступают им дороги и вообще ведут себя крайне заносчиво и гордо. Наконец, не ограничиваясь делами религии, католические епископы стали являться и на поприще политических интриг; еще Нобунага пользовался их сладкоречием и нравственным влиянием для привлечения на свою сторону князей-противников. Но все это еще не составляло особенной важности: при всех своих непривлекательных качествах, христианские проповедники стояли еще гораздо выше туземных бонз, и их не выгнали бы из страны, если бы не особого рода соображения.

Тот век был веком непрерывного открытия новых стран и вместе веком ужасающих политических неправд. Испания, одна из самых могущественных держав того времени, была особенно бичом Божиим для новооткрываемых народов. Вспомним, для образчика, разрушительные подвиги Кортеса и Пизарро. В 1522 г. пала мексиканская империя, а в 1533 г. — перуанская. Обе эти империи в цивилизации и силе мало чем уступали Японии и с таким же гостеприимством, как последняя, приняли испанских рыцарей, за что эти рыцари отплатили им бессовестнейшим коварством, попранием всех прав туземцев, подчинением их иноземному владычеству и обращением всех граждан в самых несчастных рабов. Не забудем при этом, что с завоевателями всегда неразлучны были миссионеры религии любви и мира и что даже сами завоеватели действовали, главным образом, во имя креста. Мог ли гениальный Хидеёси не узнать и не оценить как должно этот дух европейской и, по преимуществу, испанской политики, не вывести из примера других новооткрытых стран назидательного урока для своего Отечества и, вследствие того, не принять решительных мер к ограждению его от участи завоеванных государств? Европейские писатели взваливают вину изгнания христианства из Японии то на одного испанского капитана, расхваставшегося пред Хидеёси обширностью владений своего короля и объяснившего ему способ завоевания Нового Света, то на англичанина Адамса, интриговавшего против испанцев; мы думаем, что ни тот ни другой не заслуживают чести или бесчестья считаться виновниками такого важного исторического события. Хидеёси и следовавший за ним другой гонитель христиан, Иеясу, были вовсе не такие лица, у которых можно перевернуть всю систему убеждений одним хвастливым разговором или пустой интригой. Хидеёси, для которого было мало Японии, который еще генералом в армии Нобунаги строил планы

расширения японского могущества завоеванием иноземных государств (планы, впоследствии отчасти и приведенные им в исполнение завоеванием Кореи), конечно, с первого появления иностранцев не мог не заинтересоваться ими, не изучать их нравов, намерений и их политики. «Христианская религия хороша, но она не годится для моей страны», — был короткий ответ Хидеёси одному епископу, протестовавшему против его запретительных эдиктов. И этот ответ достаточно характеризует образ мыслей Хидеёси. Он знал христианство и ценил его, но в то же время находил нужным изгнать его. Какая причина? Иной не могло быть, кроме той, что он считал христианство опасным для страны. Ему нужно было не собственно изгнание христианства, а изгнание европейцев, прекращение интимных сношений с ними и чрез то ограждение страны от их алчности. Будь в Японии истинные проповедники истинной веры Христовой, их дело не было бы смешано с политикой и при изгнании европейцев они были бы оставлены в стране; не остались бы и они, осталась бы вера между туземцами. Пожаловаться на безрезонность и самодурство японских гонителей христианства нельзя: это не были взбалмошные Нероны, Галерии; они считали обязанностью сами знакомиться с христианством и изучали его так беспристрастно, что прямо находили его хорошим и не стеснялись говорить это самим врагам. Но что же делать, если из-за христианства они увидели еще католичество? Чья вина, что христианство являлось им наполовину политической интригой самого опасного свойства? Или это неправда? К несчастью, существуют некоторые факты очень недвусмысленного характера.

Вот наиболее известный и достоверный из них. По смерти одного удельного князя, когда имущество его за некоторые вины было конфисковано, в его доме совершенно неожиданно найден был сундук, наполненный драгоценными заграничными подарками и корреспонденцией, открывшей, что князь был в самых интимных сношениях с Папой и собирался предать свое Отечество во власть иноземцев. Итак, пусть католики клянут Хидеёси, как изверга; мы, не стесняясь, скажем, что он, напротив, заслуживает уважения, как орудие Промысла Божия, видимо, сохранившего Японию от ужасной участи стран Нового Света. А кто возразит, что, при всех гражданских несчастиях, которым Япония могла бы подвергнуться от испанцев или других европейцев, она все-таки имела бы выгоду быть страной христианской, тому мы укажем на состояние христианства между современными мексиканскими туземцами: если кому нравится иметь таких христиан, то в добрый час сетовать на Хидеёси и на Иеясу, так как христианство далеко не было подавлено строгими эдиктами первого, и Иеясу, сподвижник и наперсник Хидеёси, хорошо понявший его планы, издал новые эдикты против христиан. При Иеясу европейские пропагандисты принуждены были окончательно удалиться из страны; но туземные христиане еще находили возможность скрываться на юге Японии. В правление внука Иеясу, Иемицу, спустя 25 лет по изгнании европейцев, несколько авантюристов, бежавших на юг большей частью от политических преследований, вздумали затеять восстание против правительства. Местные обстоятельства как нельзя лучше благоприятствовали им: удельный народ двух местных князей был раздражен против последних за дурное управление; множество тайных христиан, рассеянных по ближайшим округам, было крайне недовольно правительством за религиозное гонение. Предположив одинаково воспользоваться двумя этими обстоятельствами, зачинщики восстания озаботились дать своему делу, для большей его прочности, чисто религиозный характер: из-под руки сделаны были некоторые чудеса и пущено в ход подложное пророчество, указывавшее на это время, как самим Богом определенное для завоевания христианами себе религиозной свободы. Когда такими способами народ был достаточно наэлектризован, зачинщики дела открыто взяли себя его руководителями, и Симабараское восстание [1637-1638] вспыхнуло. Против горсти христиан, построивших себе крепость и затворившихся в ней с женами и детьми (всего до 80 тысяч), двинуты были регулярные войска сначала ближайших князей, потом более отдаленных, наконец сёюгун должен был послать самых опытных и искусных своих генералов и огромные военные силы: но и тут осажденные уступили скорее голоду, чем силе и искусству противников. Наконец, крепость была взята и 80 тысяч человек, все до одного, казнены, так как никто не хотел пройти по образу Богоматери с Младенцем и тем засвидетельствовать свое вероотступничество. С этих пор на

христианскую веру легло новое нареканье, будто она учит противлению властям, и она запрещена под строжайшими угрозами: «Пока солнце восходит с Востока, христианский проповедник не явится более в стране»; «...хоть бы сам Бог христианский пришел в Японию, — и ему голова долой». В таких и подобных выражениях написаны последние эдикты против христиан. Таким образом, христианская вера — искусство колдовать, христианская вера возмущает народ против правительства, она открывает иностранцам путь к завоеванию страны: вот понятия, которые каждый японец соединял с понятием о христианстве. Под этими видами японец два с половиной века глумился над христианством; под этими видами оно жило в сознании японца вплоть до последнего открытия Японии. Сообразим конец с началом.

Японец предстал пред христианскою верою чистый, свободный от всяких предубеждений против нее и готовый всею душою принять ее, потому что давно тяготился пустотой своих религий; но в сознании его отразилась не истинная вера, которой он жаждал, а католичество, и католичество XVI столетия, и он с негодованием и гневом отверг его. Бог суди нас, мы считаем японца правым.

При появлении американской и русской эскадр у берегов Японии в 1853 г. вся Япония, естественно, была крайне встревожена: люди более образованные ждали от иностранцев неприятельских, завоевательных действий, народ же с ужасом смотрел на каждого иностранца, как на колдуна, и поминутно ждал от него чудес. Но волею-неволею японцы должны были вступить в сношения с иностранцами. При заключении трактатов они покушались, по крайней мере, выговорить запрещение распространять в их стране христианскую веру; но им отвечали, как граф Муравьев-Амурский: «Если я убежден в истинности моей веры, я не могу не говорить этого; от вас же самих зависит, слушать меня или не слушать». И японцы принуждены были дать иностранцам полную свободу в постройке их храмов и отправлении богослужения. Таким образом пришел в их страну христианский Бог, явились и проповедники. Католические миссионеры, вслед за заключением трактатов, толпой нахлынули из Китая. Из трех открытых портов, Йокохамы, Хакодате и Нагасаки, они обратили особенное внимание на последний. В окрестностях его они ожидали найти следы древнего христианства и не ошиблись: несмотря на все ужасы предшествовавших гонений, в народе сохранились еще темные христианские предания. Таким образом, католические миссионеры нашли уже подготовленную почву, и здесь был основан их главный пост под управлением епископа. Чтоб судить об их успехе, выписываю из японской брошюры «Тооёо цыва дзякёо симацу» следующие данные, относящиеся к 1867 г.: «В Ураками (по соседству с Нагасаки) — свыше 2000 обращенных; в поместьях Оо-мура — свыше 100, в Фукабори, в области Хизен, — свыше 1500; в Такахата, Симабара, Амануса, Хирадо — сколько тысяч, в точности неизвестно». В Йокохаме и окрестностях количество обращенных также неизвестно. В Хакодате Миссия основана с 1867 г., и особенных успехов пока не видно. Протестантские миссионеры далеко отстали от католических: они стали наезжать лишь с 1859 г., и насколько успели в бытность тайкунов, данных тоже нет; но что успехи были, об этом свидетельствует та же брошюра: «В то время как католические миссионеры обращали людей низшего и среднего классов, протестантские обращали большею частью людей среднего и высшего классов», — говорит автор. Но что же тайкунское правительство? Чтоб оно, все основанное на шпионстве, не знало об этих действиях миссионеров, нельзя предположить; что же оно сделало во имя своих страшных законов против христианства? Выписываю из вышеупомянутой брошюры то, что служит ответом на этот вопрос. Но прежде считаю нужным объяснить начало дела.

Мать служанки английского консула (в Нагасаки) сделалась христианкою; когда ее соседи по деревне узнали об этом, то стали грозиться, что сожгут ее дом, если она не бросит колдовства, т. е. христианства. Мать пересказала это дочери; дочь пожаловалась английскому консулу, а этот — губернатору. Последний должен был исследовать дело и волею-неволею найти множество христиан. «За вероотступничество в Ураками несколько жителей, по приказанию губернатора, были арестованы 13-го числа 6-го месяца прошлого (1867) года и заключены в тюрьму. При этом в часовне в Ураками

были конфискованы образа и прочие вещи и сданы деревенскому старосте. Полицейские служители вернулись с 70 человеками в место жительства губернатора; 6 или 7 из них, однако, остались в доме старосты в Ураками. Остальные вероотступники, в числе нескольких сот, учинили восстание, напали с бамбуковыми копьями на дом старосты, взяли обратно свои образа и захватили двух чиновников и двух полицейских служителей, о которых объявили, что будут держать их заложниками и не выдадут до тех пор, пока им не будут возвращены их товарищи, заключенные в тюрьму. В этом положении дел остальные вероотступники были предоставлены себе самим, и аресты прекратились. 14-го числа на Козима была поспешно сооружена большая тюрьма, и в нее посажены вышеозначенные 70 и несколько других арестантов... Так как в поместьях Оокура, в Ураками, также оказались вероотступники, то 7-го месяца прошлого года свыше ста человек их было арестовано и посажено в тюрьму. Арестованные и заключенные в тюрьму были ежедневно, по приказанию губернатора, призываемы, и перед ними излагаемо все зло извращенной религии, но без всякого успеха: твердые в своем упорстве, они не показывали никакого знака перемены мыслей; напротив, они просили, чтобы им было позволено свободное и беспрепятственное исповедание римско-католической религии. При таком положении дел, когда губернатор и чиновники не знали, что делать, 14-го числа 8-го месяца были поспешно позваны губернатором жрецы семи храмов синсиу и двух зенсиу, и, когда они явились, у них было спрошено, нет ли какого-нибудь средства заставить этих отступников в Ураками переменить их мысли. Жрецы сказали, что они дадут ответ по внимательном обсуждении предмета. На следующий день они сказали, что употребят все свое старание побудить отступников разом переменить их мысли. 19-го числа дайкван и судьи сопровождали жрецов в Ураками; но, несмотря на всех их увещания, отступники, упорные до крайности, не обратили на них никакого внимания. Их упорство происходит от снисходительности, с которою до сих пор обращались с ними. В половине 9-го месяца заключенные притворились переменившими свои мнения и были выпущены на свободу; но они опять обратились к прежнему, и число их ежедневно возрастает. Выпущенные были просто лишь отданы на поруки в Ураками, и ничего больше. Пользуясь снисходительностию, которую оказывали им, они запаслись из часовни деньгами, разошлись секретно по всем направлениям и делают обращение, или раздавая милостыню бедным, или совершая чудеса, так что в короткое время сотни новообращенных были приобретены в разных местах...»

И вот все, что сделано, тайкунским правительством против христианской веры в продолжение 14 лет. Где прежняя ненависть к христианам, как к колдунам, как к противникам власти и изменникам Отечеству? Ее и в помине нет. Ненависть эта отражается еще в сознании частного лица, автора брошюры, предубежденного против христианства; нагасакский же губернатор, как видно, теснил христиан просто потому, что ввиду закона, строго запрещающего христианство, не мог не сделать что-нибудь после того, как его так неделикатно и необдуманно натолкнули на христиан сами же христиане, и сделал он, нужно признаться, очень мало (за принятие христианства, по древнеяпонскому закону, полагается казнить распятием на кресте и прободением копьями). Все же это (и смотрение сквозь пальцы на умножение христиан, и милостивое обращение с обнаруженными христианами) было, разумеется, не личным делом самого губернатора Нагасаки, а лишь исполнением инструкций, данных из Едо.

Новое правительство, образовавшееся в начале прошлого года, также запретило японцам принятие христианства; но здесь основная причина запрещения совершенно другого свойства, чем ее прежние побуждения. Тайкуна уничтожили; нужно поднять императора, поднять из праха, в котором он пресмыкался доселе перед тайкунами. Но чем подпереть эту дряхлую развалину минувшего величия? Средство под рукой: стоит лишь придать больше блеска и торжественности древней религии, по счастью, еще не совсем погибшей; предмет этой религии — прямые предки императора и, в лице их, сам он. Самый важный и торжественный пункт учения ее — вручение власти над Японией, на веки вечные, праотцу микадо и всему его потомству. Слушая это учение, кто же станет сомневаться в правах императора на власть? И вот громко грянул синтуиский барабан, звонко звякнули литавры,

приосанясь и смело взглянув кругом, затаил свою неизменную героическую песню жрец. Думал ли «путь богов» иметь эту минуту торжества, он, почти издохнувший под ударами буддизма? И теперь им приходится поменяться ролями: буддизм, как тоже иностранная религия, испытывает к себе презрение и пренебрежение, и какое презрение! Императорским указом велено выбросить из синтуиских кумирн все буддийские принадлежности, в течение веков вкравшиеся в них, а буддийским бонзам предписано не сметь молиться синтуиским богам и даже иметь у себя в храмах их изображения. И какое пренебрежение! В новой конституции, разосланной для руководства по всей империи, значится, между прочим, департамент духовных дел, и его попечениям адресованы исключительно дела синту: о буддизме хоть бы слово! И это несмотря на то, что в Японии все, начиная от самого императора до поленика. — буддисты, что буддийскими храмами усеяна Япония, что буддийских бонз сотни тысяч, что, словом, не замечать буддизма в стране может разве сумасшедший. Есть ли же какая возможность христианской вере ждать для себя приязни в это время? И можно ли удивляться, что и новым правительством повторено запрещение принимать ее? Не нужно ли удивляться, напротив, тому обстоятельству, что правительство почти в то же время, как запрещает, дает весьма ясно понять, что оно вовсе не имеет в виду серьезно преследовать свою мысль? А факты как нельзя лучше подтверждают последнее. Укажу эти факты.

Указ, которым новое правительство запретило христианство, начинался так: «Христианская нечестивая вера по-прежнему запрещается». Слово «нечестивая» по всем правилам грамматики относилось к христианской религии. Когда указ был вывешен публично на досках, иностранные министры подали протесты против названия христианской религии нечестивою. Министр иностранных дел Хингаси-Кузе отвечал им. Вот ответ прусскому поверенному в делах, г. фон Брандту: «Я имел честь получить ваше письмо от прошедшего 5-го месяца 26-го числа. Вы выражаете неудовольствие по поводу текста того из указов, обнародованных новым правительством после совершившихся весной наших государственных перемен, в котором говорится, что "христианская религия по-прежнему запрещается" и проч. Но так как это смешение понятий произошло оттого, что до сих пор у нас о запрещенных нашими законами христианской религии и нечестивой религии (нечестивою религиею, дзясю, называется та, которая колдовством и подобными средствами развращает человеческое сердце и проч.) говорили заодно, не разделяя их, то прошу понять, что нечестивою религиею не названа именно христианская религия». Между тем еще до отправления ответов к иностранным министрам новым распоряжением велено было по всей Японии переменить текст указа на публично вывешенных досках, отделив весьма ясно христианскую религию от «нечестивой». Вот другой факт. При сдаче Нагасаки правительству микадо прежний губернатор сдал и нерешенное дело о нескольких христианах, содержавшихся еще в тюрьме. Новый губернатор решил разослать их по ближайшим княжествам и отдать там под надзор местных властей. Когда с этою целью христиане (11 июля прошлого года) посажены были на судно, в Нагасаки разнеслась молва, что их увозят, с тем чтобы часть утопить в море, часть обезглавить, а остаток отвезти на один из соседних островов на каторжную работу. Иностранные консулы, живущие в Нагасаки, послали к губернатору коллективную ноту, спрашивая, с ка-кими намерениями вывезены христиане, и выражая надежду, что с ними не будет поступлено бесчеловечно и бесславно для Японии в глазах образованного мира. Губернатор отвечал, что «христиане вывезены в территории Цёсиу и Бинго, с тем чтоб отдать их под надзор, что японское правительство не намерено оскорблять человечество истреблением невинных людей, что прочие христиане, оставшиеся в городе, не будут притесняемы, что те христиане вывезены с тем, чтобы предупредить беспорядки, могущие возникнуть от столкновения их с последователями других сект в соседстве, что японское правительство благодарит консулов за их добрые внушения и человеческие побуждения» (The Nagasaki times. 1868. July 6-th/18. N 4). Иностранные министры в Йокохаме, встревоженные вестями из Нагасаки, также подали несколько протестов против жестокого обращения с христианами. Хингаси-Кузе в том же письме, часть которого приведена выше, отвечал г. фон Брандту следующее: «Вы несколько раз писали мне касательно христиан, появившихся

в области Хизен, в деревне Ураками, и я до сих пор не отвечал вам. Военные смуты, мешавшие обсуждению дела, были причиной этого невольного замедления. Прошу великодушно извинить. Нечестивая вера, употребляющая колдовство, развращающая человеческое сердце, подрывающая основы нашего государственного быта, всегда была запрещена нашим правительством; но принявших христианство ссылать в заточение, топить, жечь, варить в масле — такие бесчеловечные поступки никогда не были в намерениях нашего правительства, и ваши представления об этом, как я догадываюсь, возникли из вышеупомянутого смешения понятий (о христианской и нечестивой верах) или же неосновательных слухов. Отложите же ваши сомнения и представьте это дело в настоящем свете вашему правительству».

Решаюсь привести и еще письмо Хингаси-Кузе к г. фон Брандту, относящееся одинаково к объяснению вышеупомянутого указа и к оправданию нагасакского дела. «В тексте недавно обнародованного указа касательно христианской религии подряд поставлено: "Христианская нечестивая религия". Отсюда произошло ошибочное понятие, будто именно христианская религия названа нечестивою. После этого та и другая разделены надвое, как вам это известно. Религия, называвшаяся христианскою 300 лет тому назад, употребляла колдовство, развращала человеческое сердце, производила беспорядки, за это она и была строго запрещена; а по всему этому и народ с того времени смотрит на нее как на нечестивую веру. Подобную веру и в настоящее время наше правительство никак не может допустить. Того же, что христианская вера — правильная вера, народ до сих пор не понимает; а в то время, когда он еще находится в таком неведении, вдруг разрешить ее — не согласно с правительственными пользами. Нужно бы было рассудить, разобрать, что правильно и что нечестиво; но этому помешали военные смуты. Поэтому относящиеся к этому предмету постановления не приведены в точность, и нельзя поручиться, чтоб в разных местах государства не был неодинаковый образ действий. Но так как с этого времени мы имеем войти в еще более дружественную связь с вашим государством и так как подвергать жестоким преследованиям наших людей, принявших веру вашего государства, было бы несогласно с дружественностью отношений, то в настоящее время наше правительство рассудило и решило с этих пор не постановлять крутых законов против христиан, а обращаться с ними милостиво» (письмо от 27 числа 11-го месяца прошлого года).

В каком смысле нужно понимать и в каком действительно понимают эти и подобные декларации нынешнего японского правительства представители иностранных держав, миссионеры и японский народ, видно из следующих, небывалых до прошлого года фактов: уже в христианских церквях, наравне с иностранными министрами и другими иностранными христианами, открыто молятся Богу японские христиане (я сам видел это в минувшую католическую и протестантскую Пасху, в Йокохаме); уже о принявших христианскую веру японцах сами миссионеры извещают во всеуслышание в периодических изданиях, называя японцев по именам или описывая их так, что всякий, кто пожелает, тотчас может найти их. (См.: The Record of the presbyterian church in the U. S. of America, for June 1869. The Foreign Missionary. June 1869. New York.)

Что же значит, что японское правительство и запрещает христианство, и в то же время игнорирует заведомых христиан? Что другое, как не то, что японское правительство сознает всю слабость и бесполезность своих собственных указов? В самом деле, стоящие теперь во главе правительства несколько отдельных князей и масса молодежи (успевшей или нет побывать за границей, но во всяком случае знакомой более или менее с иностранными науками и порядками), разумеется, еще не знают хорошо христианской веры (да и когда было узнать ее в 15 лет, в продолжение которых японцы не успели прийти в себя, ослепленные блеском наружных атрибутов европейской цивилизации?), но они видят и чувствуют, что им не защититься от этой могучей силы, которая так властно господствует над Европой и Америкой. Как атеисты, они, по всей вероятности, удивляются последнему факту и готовы предложить иностранцам тот вопрос, который некогда задал

Нобунага католическим миссионерам: «Ужели вы в самом деле веруете?» Но много ли нужно для того, чтобы убедиться, что в Европе и Америке действительно веруют, и веруют искренно и глубоко? Те, которые так быстро перешли от презрения иностранцев к уважению и от ненависти к глубокой симпатии и которые с таким лихорадочным нетерпением стараются перенимать и заучивать все иностранное, разве замедлят окончательно убедиться, что христианская вера вовсе не колдовство, не учение противоправительственное, не орудие к завоеванию чужих стран, а напротив, чистое духовное учение, основа государственного благоденствия, словом, единственная истинная религия на земле? Предположим даже медленный, постепенный ход. Вот взор японцев пока прикован к оболочке европейской цивилизации, пароходам, пушкам, внешней постройке конституций; но все эти молодые люди (их тысячи), изучающие теперь европейские языки, ужели все они и вечно будут заниматься лишь пушками и пароходами? Не пойдут ли они дальше? Не заглянут ли они глубже и в европейскую историю, и в юридическое право, и во внутренний строй европейских государств? И что же они встретят? Везде христианскую религию! И могут ли они отделаться от знакомства с нею — основой всех наук и всего государственного быта Европы, предприняв пересадить к себе и эти науки, и этот быт? Они, если бы и захотели, не могли бы этого сделать; но они и не захотят: японцы очень далеки от раскольнического упорства в невежестве и нежелании знать резоны противной стороны; живущие в Японии знают, как японец рад всегда приобрести Библию и с каким удовольствием он показывает ее и читает из нее тирады своим друзьям. Хотя бы ни он сам, ни его приятели не были нисколько расположены верить в написанное: уж одно то, что эта книга почитается европейцами, магически влечет к ней японца. Что же касается до запрещения христианства во имя синту, из-за необходимости поддерживать авторитет микадо, то это запрещение не устоит долго, как не продлится долго настоящий порядок вещей, если только не ждать окончательного расстройтва Японии.

Чтобы убедиться в этом, взглянем на характер современной японской революции. Сёогуны дома Токугава долго были предметом ненависти князей: больно не по нраву пришлась последним железная рука сёогунов, затворивших их в Едо, как в клетке. Но князья должны были сносить свою участь: на стороне сёогунов была вся нация; пора же ей было, наконец, осушить кровь и перевести дух после долгих кровопролитий, которыми угощали ее князья во взаимных распрях при предшествовавших сёогуновских династиях. Но вот Япония входит в сношения с иностранцами; явились у сёогуна другие дела, повеяло новым духом; оказалось далее невозможным держать на привязи около трехсот удельных князей, скученных в Едо; они были распущены. Некоторые из них, вздохнув вольною грудью, скоро расправили онемелые члены, и пошла работа! Тосама (князья, не созданные династией Токугава, а добывшие себе лены еще прежде ее) особенно не могли простить своего унижения; им нужно было во что бы то ни стало рассчитаться с сёогунами. И вот выступили на сцену все те громкие принципы, которые обыкновенно и прежде пускались в дело при подобных случаях: и восстановление прав ограбленной и униженной императорской династии, и беспорядки правления, и стон будто бы страждущего народа. Было бы ни с чем не сообразной ошибкой полагать, что современной революцией Япония обязана вторжению к ней иностранцев. Эта революция давно уже готовилась: еще задолго до европейцев князья, сколько возможно было, интриговали против сёогунов, подкупами, под ви-дом подарков, завлекали на свою сторону двор микадо, живший и нищете, старались как будто ненамеренно развращать и идиотить сёогунов; приход иностранцев лишь на несколько лет ускорил взрыв. В начале прошлого года наконец произошло открытое столкновение Тайкуна и его приверженцев с коалицией враждебных князей, завладевших императорским флагом; несколько незначущих комбинаций доставили победу последним. Никто не приписал на первый раз этому сражению решительного значения. Сёогун обладал огромной собственной армией и довольно большим флотом, на его стороне были его гофудаи (князья, получившие лены от Токугава) и даже значительная часть Тосама; за него готов был душу положить его удельный народ и особенно его Кдо; сам сёогун на этот раз, как нарочно, был человек известных талантов. Все ждали, что он за стыд первого поражения заплатит врагам сторицей. Но, к общему изумлению, он сложил с себя пласть,

велел разойтись войскам, оставил Едо и, в виде смиренно кающегося в своих преступлениях пред императором, удалился на свою родину, в княжество Мито. Глубокое огорчение и даже ропот большей половины Японии сопровождали его. А враги торжествовали: они великодушно оставили ему жизнь, отнятую было у него императорским указом, и принялись распоряжаться Японией: сочинили конституцию, потом другую, написали к народу множество указов и приказов, показали своего 15-летнего микадо иностранным министрам, переменили правительственные штаты в тайкунских городах, выслав на место прежних, знавших свое дело чиновников каких-то недолетков. По-видимому, все пошло своим чередом. Пред именем микадо все поникло, все, кроме части армии сёгуна, его флота и одного князя, самого рьяного из его защитников. Флот стоял в бездействии; строптивные войска стали действовать врассыпную, но они не страшны были без главы и без определенного плана; страшен был князь, «этот враг Отечества, разбойник, изменник, злодей», как возвеличило его правительство. Но вот и он смирился, подал покорное прошение и наложил на себя арест, вне ворот своей крепости. Множество северных князей, его соседей, стали ходатайствовать за него; умильным «слезным челобитьям» не было конца. Чего бы, кажется лучше? Простить его, доставить мир потрясенной Японии и оставить ее наслаждаться плодами либеральной конституции. Но не то нужно было коноводам движения; не об Отечестве они хлопотали. Я уже сказал, что во главе современного движения стоят несколько сильных удельных князей и образованная молодежь, сбродная из разных княжеств. Сию последнюю вполне можно назвать авангардом Японии на поле цивилизации: она полна платонических мечтаний о будущем величии своего Отечества и в самом деле думает ввести сюда «аглицкую» конституцию. Но она сама лишь слепое орудие в руках другой силы; а эта сила — два-три удельных князя (Сацума, Цёосиу, Тоса), из которых каждый питает самые существенные надежды на преемство упраздненной единоличной власти. Но овладеть верховной властью одному из 300 претендентов, особенно когда многие из них равны между собою по материальным силам, — трудная задача. Древняя практика указала превосходное средство в этом затруднении: нужно ослабить опасных совместников, натравив их друг на друга. И вот начинается травля: Аидзу, несмотря ни на какие просьбы, не прощается; Сендай, Ёнезава, Сёонай и другие сильные северные князья, несмотря ни на какие отговорки, посылаются на Аидзу; послы за послами от этих князей скачут в Мияко и обратно. Уже князья готовы были против своей воли идти на своего собрата — грозное имя микадо нудило их к тому; но одно обстоятельство изменило все. Совершенно случайно открыт был план коноводов революции, имеющий основной мыслью именно ослабить северных князей друг другом. Роли быстро изменились: северные князья казнили или выгнали микадских послов, разосланных для понуждения к скорейшему вооружению, провозгласили со своей стороны южных князей врагами Отечества, соединили свои силы в Аидзу, все вместе заключили клятвенный союз против южан, и полилась кровь. Обе воюющие партии клеймили друг друга самыми позорными именами, и обе в то же время провозглашали своим принципом восстановление императорской власти, очищение Отечества от бунтовщиков и возведение его на высокую степень могущества и славы. Долго разыгрывалась эта кровавая драма.

Южные имели на своей стороне все шансы превосходства; в их руках был император: его имени беспрекословно подчинялись четыре пятых Японии, по его зову шли огромные армии на Север, по его приказу все покорные князья предоставили в его распоряжение свои пароходы и парусные суда, его именем выпускались кредитные билеты, и купцы принуждались менять на них серебро и золото, нужные правительству на военные издержки. Но не столько все это, сколько недостаток общего плана действий у противников помог наконец южанам взять перевес. В конце прошлого года северные князья один за другим покорились. Только Инамото, адмирал Тайкунского флота, выдержал свою роль: с 11 судами, во главе 5 тысяч отважнейших воинов Японии, он выгнал из Хакодате императорское правительство, а из Мацмая — князя, и завладел всем островом Эзо.

Что будет дальше, трудно угадать; но то, кажется, несомненно, что все это лишь начало страшного потрясения. Если южане принудят к покорности и последнего из своих противников (что

весьма вероятно), то война не замедлит загореться на другом пункте. Южных до сих пор связывает общий интерес — общие враги; для общего дела каждый из них пока нетерпеливо прячет своекорыстие под благовидною мантией империализма; не стань этих врагов, они не замедлят перессориться между собою; не перессорься они, выступят на сцену еще другие князья. Кажется, можно сказать наверное только то, что начавшееся волнение уляжется лишь тогда, когда выступит на сцену человек с печатью яркого таланта на челе и в свое собственное имя, а не в чье-либо другое, станет во главе движения, властною рукою укажет всем и всему приличное место и поведет свою нацию вперед. Но такого таланта пока не видно ни на той, ни на другой стороне, и это отсутствие вождя еще заставляет взоры многих обращаться на прежнего сёюгуна; еще не верится, чтобы он погиб бесследно, еще приписывают ему глубокие планы и ждут, что он выступит на сцену, но уже выступит грозно и славно. Или пусть бы этим талантом оказался сам микадо; это было бы истинным благословением неба для Японии; тогда не нужно бы было ни ходуль синтуизма, никаких других искусственных приемов; тогда и без того князья скоро и послушно утихли бы, как утихают расшумевшиеся дети пред грозным учителем...

Пройдут еще три-четыре года, прибудет еще несколько тысяч католиков и протестантов в Японию; случатся опять какие-нибудь столкновения по этому поводу у иностранных министров с японским правительством, и довершат первые свое дело: побудят японское правительство к отмене и последнего слабого стеснения христиан. Еще шире раскинут тогда свои сети католические и протестантские миссионеры...

В письме моем к Высокопреосвященному Митрополиту Исидору, которое его Высокопреосвященству угодно было напечатать в февральской книжке «Христианского чтения» текущего года, на страницах 247-255 изъяснено, чем я занимался, живя в Хакодате, и что сделал. К изложенным там сведениям о трех крещеных, которых я тогда отправил из Хакодате для безопасности их, имею прибавить следующее. Один из них, Павел Савабе, испытал все трудности путешествия по стране в военное время и, убедившись в невозможности пройти до Едо, презрев все опасности, вернулся в Хакодате еще в то время, когда оно занято было правительством микадо; но как оказалось, страхи наши были напрасны: Савабе никто не думал тревожить, хотя все знали, что он христианин; до последнего времени (я получил от него известие несколько дней тому назад) он живет благополучно в Хакодате и занимается катехизаторством. Другой, Иоанн Сакаи, благополучно достиг своей родины в княжестве Сендай и живет там, стараясь (и небезуспешно, как видно из его писем) обратить ко Христу своих родных и ближайших знакомых. Третий, Яков Урано, хотел пробраться также на свою родину, в княжество Кага, но был задержан на пути в одном большом селении княжества Намбу своими родными и друзьями, которые до последнего времени, когда я имел сведения от него, не хотели выпустить его, пока он не передаст им о христианской вере все, что сам знает. К тем семи человекам, о которых я извещал тогда Высокопреосвященного Митрополита, как о имеющих сделаться христианами, прибавился еще один. Из них два молодых человека, которые начали тогда учиться русскому языку с тем, чтобы посвятить потом свое знание служению вере, как подданные сендайского князя (объявившего себя в то время противником партии южных князей, занимавшей Хакодате) должны были, вскорости же после того, вместе со всеми сендайскими, оставить Хакодате. Я боялся, что вдали от меня они забудут те немногие уроки, которыми воспользовались; но опасения мои, по крайней мере насчет одного из них, по фамилии Кангета, оказались совершенно напрасными. Так как северные князья положили оружие пред южными вопреки желанию большинства своего народа и своих войск, то из последних кто только мог примкнул к Инамото и переправился на Эзо; в числе последних оказался и Кангета. Тотчас же по прибытии в Хакодате он и пилясь ко мне в форме полкового адъютанта, и первые его слова были: «До 25 человек из наших офицеров желают учиться вере; и передал им все, что мог». Молодой японец среди тревог военной жизни хранит в памяти немногие полученные им уроки о новой вере и у бивачного огня, забыв труд и опасности только что минувшего боя, говорит своим товарищам о неведомом им Боге, о тайне искупления и спасения!.. И слова его не

падали на бесплодную почву; у меня были 12 из этих офицеров, т. е. все те, которые имели случай быть в Хакодате: каждый из них горит желанием продолжать начатые уроки, а некоторые изъявляли полную готовность посвятить себя делу распространения веры. Их учитель перелил в них не только все свои сведения, но и свой энтузиазм оставил Хакодате, напутствуемый их сердечными желаниями, чтобы то дело, для которого я еду, возбудило в России хоть малую часть сочувствия, которое имеют к нему они: «Тогда бы, — по выражению одного из них, — успех поездки был так же несомненен, как несомненно то, что Сын Божий сходил на землю».

Дело, для которого я приехал, состоит в том, чтобы просить себе по крайней мере трех сотрудников. Когда они будут даны, то называться ли нам миссионерами или только причтом церкви консульства, для сущности дела — все равно, если только позволено будет нам жить в разных местах. Но, мне кажется, гораздо лучше назвать нас прямо миссионерами. В Японии, кроме моего предместника и меня, еще не было ни одного христианского священника, который бы не был миссионер, и японский народ так привык соединять с понятием о священнике понятие миссионера, что из всей империи только в Хакодате, и тут не все, знают, что может быть и священник-немиссионер. Итак, относительно народа, то или другое название ничего не значит: лишь бы быть духовным лицом, в глазах народа неизбежно будешь миссионером. По относительно японского правительства различие в названии имеет значение: так как мы будем заниматься распространением веры, то мы и в глазах правительства будем те же миссионеры, как другие. Только если мы будем и называться миссионерами, наши действия будут согласны с нашим званием; если же не будем, то в наших действиях и звании будет противоречие и в нас самих двуличность. Японское правительство тотчас же поймет это и взглянет на нас не совсем лестно; между тем оно не подало никакого повода думать, чтоб оно смотрело нелестно на современных миссионеров вообще. Не лучше ли и нам быть миссионерами, как все другие, и пользоваться теми же правами, как другие?

Миссионеры должны быть образованные и развитые люди, иначе они не могут приобрести кредит между японцами. Хорошо бы было, если бы в Духовных Академиях нашлись желающие посвятить себя делу миссионерства: если же не найдутся, то можно удовлетвориться и способными молодыми людьми, кончившими курс семинарских наук. О добрых нравственных качествах я и не говорю: без них миссионер немислим.

Миссионеры могут быть монахами, женатыми или неженатыми священниками, даже, на первый раз, пока научатся языку, светскими людьми, как кто пожелает; это для сущности дела не составит большой разности. Но непременно условием, без которого никто не может быть отправлен в Японию в качестве миссионера, должна быть поставлена решимость посвятить всю жизнь на служение православной вере в Японии. Было бы несчастием, например, если бы миссионер, проживши 5 или 10 лет, соскучился Японией или соблазнился желанием получить высшее место, большее жалованье и оставил страну. Такие перемены нигде не могут быть так чувствительны, как именно в Японии, где по крайней мере 5 лет нужно употребить для изучения разговорного языка и по крайней мере 10 — для изучения письменного. Женатых миссионеров, обязанных заботиться о воспитании своих детей, это условие не может смущать: теперь пути сообщения так хороши.

Жалованье миссионеру, по дороговизне всего в Японии, никак не может быть положено меньше двух тысяч рублей, при обеспеченной квартире.

Четыре миссионера должны поселиться в четырех разных пунктах, именно: в Нагасаки, где колыбель христианства в Японии, в Йокохаме или в самом Едо, бывшей столице сёгунов и теперешней восточной столице микадо; в Хёго, близ Мияко, столицы микадо и центра самой населенной части Японии, и наконец, — в Хакодате, где теперь находится Русское консульство и есть церковь и откуда удобно действовать на северную часть острова Ниппона. Тот из миссионеров, который останется в Хакодате, будет вместе с тем и священником консульства. При консульстве же имеет оставаться и псаломщик. Миссионеры в Нагасаки, Едо и Хёго могут быть в первое время без

церквей: но дома для них необходимо построить теперь же: на это потребно, по крайней мере, по три тысячи рублей для каждого. В первый год, пока дома будут построены, им нужно нанимать квартиры, на что потребуется, считая, что квартиры будут до последней возможности скромные, тысяча рублей для троих.

Лет в пять новые миссионеры научатся японскому языку, а я успею перевести самое необходимое из богослужебных книг. Тогда же, быть может, найдется возможность построить небольшие церкви и в прочих трех пунктах. (Если же консульство переведется в Хёго или в Йокохаму, то в одном из пунктов постройка церкви, по всей вероятности, войдет в общий план постройки консульства, что значительно сократит расход собственно на Миссию.)

Таким образом мы все будем в состоянии начать совершение богослужения на японском языке. Если к тому времени дана будет свобода вероисповеданий, то служба может совершаться при помощи японцев; если же нет, то от времени до времени псаломщик может отправляться поочередно в то или другое место для службы или сами миссионеры с этою целью посещать друг друга. При непрерывном пароходстве и при недалекости расстояний эти поездки весьма легки и в денежном, и во всяком другом отношении.

Четыре человека, разумеется, — очень малое число для распространения веры в 35-миллионной империи. Но они мало-помалу могут образовать каждый для себя помощников из туземцев; если каждый из них приобретет себе 5 катехизиторов, то уже будет 25 проповедников, число не совсем незначительное, а его можно постепенно удвоить и утроить. Катехизиторы, конечно, могут действовать не иначе, как под непосредственным руководством миссионера; послать их далеко, для самостоятельной деятельности, нельзя. Но миссионеры могут со временем найти способных мальчиков из туземцев, научить их русскому языку, попросить (и, верно, для этого не найдется препятствий) воспитать их в духовных заведениях в России так, чтобы они могли сделаться священниками. В них миссионеры уже приобретут себе собратий, равных им во всем и способных действовать самостоятельно. Таким образом, маленькое общество из четырех человек может мало-помалу разрастить и сделать, если Богу угодно будет, многое. Итак, для основания Духовной Миссии в Японии нужны:

1) трое молодых человек с богословским образованием;

2) десять тысяч рублей единовременного расхода для устройства помещения им;

3) шесть тысяч рублей ежегодно на содержание их.

Обращаюсь к Вашему превосходительству с усерднейшею просьбою: окажите Ваше содействие к основанию этой Миссии.

Настоятель Японской Консульской церкви
иеромонах Николай 1869 г. Июля 12

ДНЕВНИКИ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО (1870-1911 гг.)

1870 г.

1 марта 1870. Девять часов вечера. Санкт-Петербург. Александре-Невская Лавра

Прилично начать мне свой дневник описанием виденного мною второй и, быть может, последний раз в жизни «Торжества Православия», совершавшегося сегодня в Исаакиевском соборе. Собор был залит народом; то было живое море, тихо, без шума колебавшееся тем колебанием, когда на море видны только легкие струйки. Если в Пасху собор вмещает, как мне говорил староста соборный, до двадцати тысяч народу, то сегодня наверное было не меньше пятнадцати тысяч, так как народ втеснился и на клиросе, и между певчими, и везде, где было место. Трогательно зрелище такой массы народа, стоящей как один человек в молитвенном духе пред Лицем Всевышнего! Не кажется особенно великолепным и Исаакиевский пред этим Живым Храмом; понимаешь тут нужду предстателей пред Богом и правителей Церкви Божией — иерархов и священнослужителей; понимаешь даже нужду сильных диаконских голосов... Но что за трогательная и торжественная минута, когда, в конце молебна, Протодиакон (Пятницкий) взошел на кафедру и запел: «Кто Бог Велий, яко Бог наш; Ты еси Бог, Творяй чудеса Един!» То настала минута, единственная в году, когда Церковь, как Богоучрежденное Общество, торжественно повторяет свои Правила, положенные в основу общества, свой Символ, и торжественно же заявляет, что все, кто не хотят держаться этих правил, отвергаются ею, как не ее члены, а чужие ей, прежде ее слова сами собою уже отлучившиеся от общения с нею. Было время, когда Церковь Божия скрывалась в тиши катакомб и уединенных мест, и тогда у нее было то же знамя, что ныне, и тогда сначала ставших под это знамя, но потом изменивших ему она отлучала от себя — но тогда это совершалось так же тихо и таинственно, как таинственно было существование Церкви; а теперь это совершается вслух всего мира, так как знамя Веры водружено на вид всей вселенной. Не торжество ли это Православной Веры? Было время, когда горизонт Церкви помрачился облаками ересей, верующие ходили в сумраке и не знали, кому и чему следовать; а теперь горизонт Церкви светел и ясен, ярко блистает на нем Крест Христов, ясно начертаны твердо определенные и неизгладимые навеки правила Веры. Не торжество ли это Православной Церкви? По прочтении Символа Протодиакон громогласно прочел: «Сия Вера Православная, сия Вера Отеческая, сия Вера вселенную утверди!» То — твердый голос Церкви, провозглашающей свои правила; нет в нем мягких нот, нежных звуков; нет надежды врагам Церкви на слабость ее, малодушные уступки и сделки; веяние Духа Божия, сказавшего: «Врата адава не одолеют ей!», слышится и ощущается во время того пения. По восхвалении Бога, Зиждителя Церкви, и Святых Отцов, богозданных столпов ее, Протодиакон стал провозглашать: «Неверующим в Бога — Творца вселенной, а мудрствующим, что мир произошел сам собой и держится случайно, — анафема! Неверующим в Искупителя и Искупление — анафема! Неверующим в Святаго Духа — анафема! Не верующим в Святую Церковь и противящимся ей — анафема! Не почитающим святые иконы — анафема! Изменникам Отечеству и Престолу — анафема!» При каждом провозглашении слышалось троекратное пение слова: «Анафема!» Боже, что за впечатление этого пения! Там, среди волн народа, посреди собо-ра виднеется сонм иерархов — Митрополиты Санкт-Петербургский (Исидор), Киевский (Арсений), Московский (Иннокентий), Архиепископы Псковский (Василий), Виленский (Макарий), Рязанский (Алексий) и Епископ Ладожский Павел — и священнослужителей; то Богом воздвигнутые, поседелье в своем служении современные хранители Веры и Церкви и руководители народа; оттуда, как будто от лица их, слышится голос невидимых певцов, подтверждающий голос Церкви, отлучающий несчастных, уже отлучивших себя самих; но то — голос, растворенный печалью и любовью; то — рыдающая мать, отвергающая своих недостойных детей, но еще не без надежды для них; им вслед звучит нота материнской любви, без слова зовущей их опять на лоно матернее — не опомнятся ли несчастные, не тронет ли их скорбь матери, не оглянутся ли они на свое положение и не познают ли весь ужас его?

Без слез, без рыданий невозможно было слушать это трогательное «Анафема!», так чудно петое трио из двух теноров и баса. Я думал, что вслух разрыдаюсь; слезы душили меня; и не я один — много я видел плакавших. Это чудное, и грозное, и любвеобильное «Анафема!» еще звучит у меня в ушах, им полна моя душа, и я плачу в сию минуту слезами умиления. Да не умрет у меня в душе эта минута «Торжества Православия» там, на далекой чужбине! Да воспоминается она мне чаще и да хранит непоколебимым в вере и надежде среди волн угрюмого и мрачного язычества! Не услышать мне, быть может, еще в жизни это пение и не увидеть этой минуты — а как бы хотелось! Для нее одной — этой минуты — хотел бы каждый год переноситься в Православную Россию!

После «Анафемы!» провозглашена «Вечная Память!», пропетая хорами митрополичьих и исаакиевских певчих (царям — греческим Константину, Елене и другим; нашим — Владимиру, Ольге и прочим; Патриархам — восточным и нашим; Митрополитам и прочим); заключено многолетием (Царю, Святейшему Синоду, Митрополиту Исидору — Первенствующему Члену Синода, Восточным Патриархам, причту и всему православному народу) и, наконец, песнью «Тебе, Бога, хвалим!»

Народ хлынул из церкви, но сколько еще осталось молящихся там и здесь у образов и прикладывающихся к образам, — и как молятся! Видно, что человек весь погружен в молитву; проходя, боишься нарушить эту его минуту. Жива Вера на Руси! Живо и действительно Православие — и широкий, царский путь ему на земном шаре!

1871 г.

4 марта 1871. Двенадцать часов ночи. Шанхай

«Когда же это? Боже, когда же? Скоро ль? Да и будет ли это когда-нибудь?» — вопрошаю я, перечитав прошлогодние впечатления и остановившись на последней фразе. О, как больно, как горько иной раз на душе за любезное Православие! Я ездил в Россию звать людей на пир жизни и труда, на самое прямое дело служения Православию. Был во всех четырех академиях, звал цвет молодежи русской — по интеллектуальному развитию и, казалось бы, по благочестию и желанию посвятить свои силы на дело Веры, в которой она с младенчества воспитана. И что же? Из всех один, только один отозвался на зов — такой, каких желалось бы иметь (воспитанник Киевской Академии П. Забелин); да и тот дал не совсем твердое и решительное слово, и тот, быть может, изменит. Все прочие, все положительно, или не хотели и слышать, или вопрошали о выгодах и привилегиях службы. Таково настроение православного духовенства в России относительно интересов Православия! Не грустно ли? Посмотрели бы, что деется за границей, в неправославных государствах. Сколько усердия у общества служить средствами! Сколько людей, лучших людей, без долгой думы и сожаления покидают родину навсегда, чтобы нести Имя Христово в самые отдаленные уголки мира! Боже, что же это? Убила ли нас насмерть наша несчастная история? Или же наш характер на веки вечные такой неподвижный, вялый, апатичный, неспособный проникнуться Духом Христовым, и протестантство или католичество овладеют миром, и с ними мир покончит свое существование? Но нет, недаром Бог сходил на землю; Истина Его должна воссиять в мире. Но скоро ли же? Не пора ли? Да, пора! Вот, Православие уже выслало в Японию миссионера, отца Григория, с которым я теперь еду. Боже, что за крест Ты послал мне! И за этим-то я ездил в Россию? Истратил два года лучшей жизни? Все четыре академии дали пока вот только это сокровище, с которым я теперь мучусь и от разговора с которым, я думал, сегодняшний вечер у меня голова поседеет. Едет православным миссионером, а оспаривает постановления Православной Церкви, непогрешимость Вселенских Соборов; утверждает, что таинства Православной Церкви взяты с языческих мистерий, что Ковчег Завета построен был по образцу египетских капищ, что в Библии кое-что белыми нитками сшито, и прочее. И это человек, бывший семь лет священником и прошедший академическую мудрость! Хороши у Православия

священники и академии! И что за характер у этого человека! Беспечный, каких свет мало создает, — не озаботится узнать ни о Японии, ни о деле миссионерском; о миссионерстве вообще не любит и слушать — когда я рассказываю ему, что видел здесь у миссионеров или что вычитал в миссионерских отчетах, и когда прибавляю, в виде естественных выводов и нравоучений, как и нам следует действовать, он сердится, принимает на свой счет, утверждая, что это я все нотации читаю ему, и никак не желая понять того, что мне просто хочется разделить с человеком свои мысли и чувства. Всякое мое дружеское и простое замечание или совет принимает за кровную обиду себе и сто раз попрекает ею; даже шутки мои запоминает и ставит мне в укор, как обиды, хотя бы эти шутки вовсе не к нему относились. Апатичен до того, что даже в Палестине не хотел беспокоить себя много, чтобы побыть во всех тех Святых Местах, где можно было и где я успел побыть. Не интересуется его ничто окружающее, как ни любопытно наше путешествие. Ленив он до того, что до сих пор никак не могу побудить его заняться ни японским, ни английским языком, хотя мы уже вот около трех с половиной месяцев в пути, на судах, где удобно заниматься. Ни поговорить о чем серьезном, ни пошутить, — Боже, что за человек! Какая мне мука с ним в пути! И при этом еще в перспективе испытанная уже (в Петербурге) его наклонность к пьянству! Хорош миссионер! И такого одного только дала пока Россия? Бывают же случайности, хуже которых и вообразить нельзя. Долго искал и нашел наконец такого, непригодней которого трудно найти, как будто такого именно и нужно было! И еще другое несчастье — из Иерусалима напросился в слуги какой-то пройдоха-послушник (теперь — друг и приятель моего милого отца Григория). Ленивый, беспечный, избалованный монастырскою жизнью красобай, и к тому же — бессовестный лжец. Что ни день, то все больше убеждаюсь, что — самый непригодный слуга, с которым мне еще больше дела, чем без него; а мой собрат на меня же воздвигает бурю, что я журю его, не даю ему покою. Да что же это такое? За что столько бед на мою голову? А! Не кто-нибудь другой виноват! Имей мудрость, умеи выбирать людей! А не сумел выбрать хороших — так постарайся сделать дурных хорошими! Будем стараться, дай Бог успеть! Как ни думаю о том, как мне поступать с моими сокровищами, надумал пока одно — держаться ровней, избегать всевозможных замечаний и резких слов и вспышек; начнешь учить — все равно ничего не выходит (оскорбляются — не только собрат, но и слуга, и поступают еще хуже); начнешь молчать — опять скверно (думают, что сердиться, и поступают опять-таки еще хуже). Да будет слово мое от сего времени — кротость, крайняя снисходительность и любовь. Не выйдет ли проку? А там, быть может, мало-помалу можно направить одного и другого. Если же нет, то слугу можно во всякое время отправить в Россию; отца Григория — тоже в Россию (немедленно после того, как устрою отца Анатолия в Нагасаки и Забелина — в Хеого). Из этих-то, кажется, выйдет прок — особенно из последнего, если только приедет.

18 марта 1871. Ночь. На барке, в четырехстах милях от Хакодате

Тяжело на душе, Боже! Как страстно хочется иногда поговорить с живым человеком, разделить душу — и нет его; с самого рождения моего до сих пор Бог не судил мне иметь друга, единомысленника. В юности, помнится, терзала меня жажда дружбы — и не нашел я друга во всю свою юность. Раз блеснул мне теплый луч солнышка дружбы, но тотчас померк. Теперь нет тех идеальных стремлений; холодная рефлексия заняла место нежных порывов юного сердца и воображения. Но и рефлексия, как живой родник мысли, естественно, ищет сосуда, куда излиться, ищет другого родника, с которым бы слить свои струи, — вместе они сильнее и живее были бы, обильнее бы струились и светлее играл бы на них луч Света Божия. Десять лет в Японии я мечтал о сотруди́нике-единомысленнике — то были лучшие мои мечты, сладкие отдыхи от тяжелых трудов. И вот он — этот вожделенный сотрудник едет со мною. Но Боже! Что это за бедный душою человек и как горько мне с ним! Не делить с ним можно мысли, а скрывать их нужно от него, чтобы избавить святыню от поругания! До того беден он, что страшусь показаться с ним в мою дорогую страну труда. Был случай ехать в Хакодате чрез Нагасаки, Хеого и Йокохаму. Какой прекрасный случай —

мимоходом узнать состояние инославных миссий и сделать предварительные соображения касательно своих станом. Но в числе других причин одна из важнейших, побудившая меня избежать этого пути, — нежелание казать людям такую пародию на миссионера, как отец Григорий. Совестно показаться с ним в люди — ни языка, ни мысли, ни разумного вопроса, ни любознательного взора, ни вида порядочности и благовоспитанности, ни даже наружного вида. Пусть себе заявляется в Хакодате — небольшой уголок, не так страшна компрометация, да и сопоставлять здесь не с кем моего, кроме двоих католических патеров. Чувствую, что не выйдет из него никакого проку, и только то, что не на кого оставить Церковь в Хакодате (Сартов уедет в отпуск), и опасение разных неприятных комбинаций от слишком торопливой поспешности удерживает меня от того, чтобы не отослать его в Россию тотчас же по приезде в Хакодате. Из ста — девяносто девять невероятностей, чтобы он был когда-нибудь миссионером. Куда ему! Простого смысла и логики не хватает у него для обычного разговора (как будто у него вместо мозга разжиженный мусор в голове), через две мысли он уже забывает нить разговора и метается в сторону — куда же ему спорить с крепкоголовыми японскими рационалистами или передавать им смысл Веры! Веру он готов поносить сам же — где же ему возбуждать уважение и сочувствие к ней! Он вообще — ниже общества самой обычной порядочности и недалекой образованности и развитости; общество слуги — вот для него по плечу, денно-нощные разговоры с моим слугой Михаилом (ни к какому делу, впрочем, кроме краснобайства не годным) — вот его пища, услаждение. И дружбу он с таким человеком, и хлеб-соль водить может; штоф сивухи бы к этому — так не нужно, кажись, и рая для отца Григория! Стал бы обниматься, целоваться, брататься с Михаилом; речь — рекой с той и другой стороны, песня, пожалуй, или, по крайности, насвистывание — так как, сколько ни хвалился он, что петь мастер и голосом обладает, до сих пор еще я не мог упросить его спеть что-нибудь... Вот его сфера, его мир. И такому ли человеку — стройная, серьезная, строго упорядоченная жизнь миссионера, всегда — в труде, в сфере мысли и религиозного чувства! Пародия на человека может ли даже мысленно быть поставлена в положение миссионера, носителя и проповедника Слова Божия! И вот, однако, на самом деле эта пародия — в звании миссионера. Сотрудник, собрат, с которым я постоянно — с глазу на глаз. Но — о Боже! Сколько ни принуждаю себя, часто я решительно не нахожу силы сказать слово с ним, посмотреть на него — мутит, «из души воротит», по вульгарному меткому выражению. Что за ничтожество нравственное и бессилие воли и характера! Не может принудить себя решительно ни к чему — способен двое суток пролежать в койке не евши только потому, что одеться и выйти из каюты не совсем удобно по причине качки, хотя и не укачивает его. Упорен, как осел, — на самый ласковый совет отвечает точно собачьим лаем, хотя бы совет клонился к его комфорту и удовольствию. Словом, с которой стороны ни посмотришь, — такое сокровище, что я чуть не схожу с ума. Но — терпение и надежда на Бога! Авось Бог вышлет в Японию миссионеров!.. Несчастный дневник, слушай хоть ты иногда мои терзания душевные! Как-то легче, когда выскажешься хоть тебе — безответному. Больше — некому, да и не к чему; никто не может помочь моему горю, кроме Бога — и меня же самого, если Бог внемлет моим стенаниям и мольбам и пошлет мне терпение, силу и разум.

1872 г.

1 января 1872. В два часа по встрече Нового года. Хакодате

Давно уже нет тех мук, о которых говорилось выше. В конце июня отправил я обоих — о. Григория и Михаила. Прошлый Новый год встречал я в Иерусалиме у о. Антонина. На что было лучше предзнаменований? Святейшее место. Толпою рвущиеся в душу святые мысли, впечатления, воспоминания, картины, неизъяснимо сладкие чувства — радушие прекрасного кружка русских: последний привет удалявшейся из глаз милой родины. И увы! В каком году я был более несчастлив, чем в минувшем? Неприятное — скучно-однообразное путешествие, с горькими мыслями по поводу

неудачного выбора миссионера, отравлявшего мне и последние радости тягостного пути. Неприятности от Михайлы, этого, — по правде сказать, мерзейшего из людей, каких только случалось встречать и каким одарил меня — увы — святой же град Иерусалим (не он, конечно, виноват, а виновата моя экзальтация, поспешность и неопытность, хотя на последнее качество в 35 лет стыдно сваливать, — горбатого могила исправит, знать!). Но что Михайла! Мешает и не служит, как взялся — вот, и делу конец! 200 долларов из кармана за урок, не брать вперед пройдоху — по дороге несколько неприятных выговоров, порча нескольких капель крови — и только. Не то с о. Григорием. Боже, как мучил меня этот человек. Пришлось же ведь нарваться! К делу — ни малейшей способности и охоты. Хоть бы на каплю заинтересовался, хоть бы на волос стал заниматься! Да кроме того — точно помешался на том, что я хочу держать себя его начальником, хоть я был буквально его слугой, — чуть не на побегушках у него. И какая раздражительность — чисто болезненная. Из трех месяцев, которые мы пробыли здесь вместе, три раза мы не говорили с ним без того, чтобы он не пустился бранить меня, — по поводу чего почти все время пришлось молчать с ним: что за жизнь, что за мука! По неделям ежедневно встречаться несколько раз с человеком, завтракать и обедать вместе, жить комната с комнатой и — ни слова! Между тем это был помощник, товарищ святого дела распространения религии любви и мира! Предрешал я дорогой, что будь он хоть самый дурной миссионер, но три года — пока вся Миссия будет налицо — ему должно прожить здесь, — но невтерпеж было прожить в таком аду и трех месяцев, и я, при всех мучительных мыслях касательно будущей судьбы Миссии, при таких решительных шагах, счастлив был несказанно тем, что нашел благоприятный случай отправить его в Россию, снабдив средствами на проезд до Петербурга. Пусть ищет счастья в России, и да простит ему Бог за вред, быть может, невольно причиненный Миссии! И аминь! Баста с ним! Да не всходит он мне никогда на ум! Думать только об нем уже составляет муку! Точно кошмар мне — этот о. Григорий. А там — бесперывные труды по исправлению Церкви, по работам с лексиконом, литографией, учениками русского языка и катехизуемыми! Немалая отрада иногда думать — труды-де не бесплодны; но горем убивает следующая за тем мысль: какие труды! Так ли нужно действовать настоящему миссионеру! Тут просто от обстоятельств Японии зависящий прилив людей, желающих лучшего, чем у них свое! И удовлетворяются ли их желанья? Ничуть! Как манны небесной ждут от меня уроков христианских, а я вожусь с Церковью, с лексиконом. Но как бросить и это? Просто — сплетение мучащих обстоятельств, и нет счастья, нет покоя — ни душевного, ни телесного! Да куда тут счастье! Провались оно совсем. Вались, как пень через колоду, моя судьба! Разбейся, пустой сосуд моей горькой жизни, и чем скорее, тем лучше! Вечно один со своими мыслями, своими неудовлетворяемыми стремлениями, желаньями, начинаниями, мечтами. И все — точно пузыри с горохом: звонки и пусты. И не тешат, а гремят и терзают слух и сердце! Для чего ты породила меня на свет, моя мать! Для чего ты не приняла меня до сих пор, мать-сыра земля? Успокойся бы, уснуть хоть раз без забот! И если милостив Господь, то ужели он пошлет меня на веки в ад?

Хоть бесплодны мои глупые тревоги, но не злонамеренны они, окромя моих разных человеческих грехов! Грехи — грехами, но не ими и не для них я жил, а была у меня идея жизни — служение Вере и Господу, и если бесплодна она была, то моя ль вина, что не было у меня ни сил, ни счастья? Сотвори, Господи, суд и прю! И вот жду, жду я себе другого товарища. Не ждет с таким нетерпением влюбленный жених свидания с невестой, как я жду его! Но мне ли, горемыке, счастье скорого свидания! Исполнится вся мера всех возможных и невозможных препятствия, замедлений, отсрочек, просрочек, и уж когда самая злая и хитрая судьба не найдет больше никаких мер, прибудет он. Но каков будет? Больно уж проучил меня один, чтобы лелеять сладкие мечты насчет другого. Успокойся, моя злая судьбина!

Не жду я себе счастья. Рано покинула меня одного на свете родимая матушка! Не привык я, чтобы чья-то ласковая рука гладила мою русую голову. И не дам ее ласке! Жду всех бед и несчастий! И идите все — все вы, адские чудовища, идите, терзайте: поборемся! Сломите ль? Проклятие, сто раз проклятие тебе, ад! Выходи на борьбу! Готов и в этот год, как в прошлый!

1876 г.

20 декабря 1876 (1 января 1877)

Больно уж хитро закончено начало 1872 года. Эх ведь экзальтация! Она и в гроб со мной пойдет. Чувствую, что и перед самим собой выражаюсь дико, пища дневник, а как избежишь фразы, привитой с детства, вроде оспы? Именно — фраза — мучение — и все, от чего будто бы волос должен поседеть, что — выше. Слава Богу, волос не сед. Значит, природа здравее, чем воспитание. И иди-ка воспитание в направлении природы, из нас выйдут богатыри, взамен мелких теперешних людишек, что пред глазами, — не исключая и себя самого. Да-с, природа родит, — то Божье дело; воспитание или недостаток воспитания — портит, то — несчастье наше. Ну-с, что же природа тебе дала и что воспитание испортило? А природа дала мне — прямой здравый смысл, не совсем дурную натуру, — воспитание же из здравого смысла сделало парадоксальную мечтательность, из доброй природы — тревожную, подозрительную, стеклянно-хрупкую душу.

1879 г.

12 сентября 1879. Среда. С.-Петербург

В 6 часов вечера прибыл в Петербург и в 7^{1/2} часов остановился в Знаменской гостинице. Переодевшись, тотчас отправился к сотруднику Миссии, о. Феодору Николаевичу Быстрову, спросить, не послана ли денежная помощь Миссии в то время, когда я был в дороге, а также, в каком часу лучше всего явиться к Высокопреосв. Исидору. Что за радость свидания с товарищем и другом после 9-летней жизни в чужой стране! Оказалось, что помощь послана двукратно:

1. Из Синода 5 тыс. руб., должно быть, построечные, и от Вы-сокопр. Исидора 2 тыс. руб., всего 7 тысяч посланы в конце июля по почте.

2. 5 тыс. руб. от Миссионерского Общества и 1 тысяча от Московской кафедры, всего 6 тысяч руб. посланы телеграммой 14 августа ст. ст. Значит, телеграммы мои к Митрополитам С.-Петербургскому и Московскому, вопреки нашим мнениям в Японии, не были тщетны, и о. Анатолий на некоторое время обеспечен.

15 сентября 1879. Суббота

Утром был у Преосвященных Викариев Варлаама и Гермогена; первый очень расположен к Миссии; обещался и еще пожертвовать икон. Познакомился с цензорами-архимандритами: Сергием — очень добрым человеком, Арсением — довольно сердитым, и был у Геласия — моего старого знакомого, все еще живущего цензором.

Возвратясь в комнату, застал у себя сестру М. Ал. Черкасовой, ту, что за новгородским помещиком; успокоил ее касательно Марьи Алек, и просил успокоить другую сестру, что за доктором.

В 11 часов был на Акафисте в крестовой. Чудно пели! В церкви столкнулся с архим. Мемноном, очередным, — бывшим наставником в Смоленской Семинарии.

После обеда поехал в Новодевичий монастырь <...>

Заехал к о. Феодору за экзмп. рапорта еще, потому что действительно, как говорил о. Владимир, об Японской Миссии нигде и никто ничего не знают и нужно всем подробно рассказывать, я вернулся к себе и застал здесь человека от граф. Ламберт с письмом, в котором выражается вся ее удивительнейшая доброта: во-первых, она принимает все меры, чтобы дать мне доступ к Императрице, которой, к несчастью, нет в Петербурге теперь; во-вторых, прислала еще 500 руб. на женское училище. Что за люди сеть. Как освежается душа таким теплым участием других к любимому делу! И как

хорошо, что я приехал сюда! Заржавел бы и заостенел бы в неверчивости к людям и подозрительности! Здесь стряхнется это пыльное бремя, воскреснет юношеская вера в людей, и с удвоенными силами хорошо будет вновь приняться за дело. Чувствую, что я приеду в Японию другим человеком, не тем — кисло-жестоким, каким выехал.

В 9 часу, устроив с помощью о. Моисея, чтобы ворота в Лавру не были затворены после 10 часов, я отправился к Гильтебрандгу и в дружеском семействе хорошо провел вечер. Лег спать около 2 часов.

16 сентября 1879. Воскресенье

Чтобы написать статью, положил вставать, как и в Японии, в 4 часа; Андрей и разбудил; но такое полусонное состояние было, что спустя час опять лег. Побыл за ранней Обедней в крестовой. Служил сам Владыка Исидор. Пели, конечно, превосходно. После Обедни отправились с Афонским о. Арсением к В. И. Сушкину. Славный старец, и по лицу — точно праведник, — редко можно видеть такое светлое, тихое, доброе лицо. Пообедали. К сожалению, я скоро должен был уехать, так как хотелось побыть в Академии на магистерском диспуте М. Чельцова, на который еще вчера нашел приглашение на столе и который имел начаться в час. Вернувшись к себе на минуту, был задержан вошедшим Ив. П. Корниловым, который привел с собою еще генерала (в звездах) Ив. Феод. Золотарева; они зашли от Митрополита. Золотарев — горячий старик; слушая о порядках Японии, вдруг схватил меня за руку и воскликнул: «Батюшка, нельзя ли оттуда прислать человека к нам — поучить нас!» Удивительное недовольство у всех текущим порядком вещей! Революция или — важные государств, перемены — в воздухе. Золотарев звал также к себе.

На диспуте приятно было вновь увидеть старых учителей, актовую залу, послушать умную речь Кояловича, взглянуть на молодежь. Защищался магистрант очень плохо; впрочем, провозгласили магистром. Выходя, у крыльца встретился с граф. Путятиным. Встретился точно с отцом родным. Граф зашел ко мне, обещал все содействие; но у него на руках теперь еще дело об Иерусалимской Миссии. Что за возмутительное! Хотят закрыть духовную Миссию, — чем в корень было бы подрезано все православие в Палестине. Авось, граф отстоит ее. Звал к себе в Гатчину; обещался приехать в четверг. Еще когда граф сидел у меня, пришел барон Ф. Р. Остен-Сакен; тоже принимает горячее участие в Миссии, выражается, что это дело мировое. Дал мне благую мысль прямо обратиться к министру финансов Грейгу; кажется, так и сделаю, приготовив записку. Зашел к эконому Лавры, который очень любезно обещал, когда я буду опаздывать из города, свободный пропуск в ворота Лавры, а также предложил пользоваться монастырской лошастью и экипажем для выезда в город, что будет значительным пожертвованием для Миссии, так как расход на извозчиков огромный. Гулял в Митрополичьем саду, о чем мечтал еще в Японии, так как не знаю более поэтического места для прогулок.

18 сентября 1879. Вторник

Утром пришел какой-то преуморительный и замечательный в своем роде субъект — Лазарев, предприниматель устроение Лавры на Елеонской горе, будто бы с благословения иерусалимского патриарха Иерофея. Враль, каких я не видел доселе. Он и поэт — читал стихи свои, и музыкант «чудотворных» пьес, и издатель икон и картин, которые, однако, в Мюнхене, и друг императоров; Наполеон предлагал ему жениться на своей родственнице — но он отказался. И при всем том может быть и вредным человеком; об Антонине — почтеннейшем и добродетельнейшем, говорит мерзопакостно; о Митрополите выражается неучтиво; а невежество всему наглому готово верить; и верит, — недаром у Лазарева багровое лицо, пить на что-нибудь нужно же, — и все то кровь и пот русского невежественного народа. Прискорбно! Таких смердящих людей на каторгу бы или в сумасшедшие дома! А русский народ питает и поит водкой их до сизости. <.,>

19 сентября 1879. Среда

<...> Был у Ив. Вас. Рождественского; принял любезно; говорил, что постоянно хлопочет о Миссии и теперь рад помочь ей; но денег ни в Синоде, ни в Госуд. Казначействе нет; запрещено даже из Госуд. Казначейства просить на что-либо новое; но советовал хлопотать о помощи из лавр и монастырей: напр., в Петерб. Лавре обратиться прежде всего к наместнику, попросить его, — конечно, Лавра может в год тысячи две давать; если наместник согласится, — тогда обратиться к Митрополиту, пот. что Митрополит не знает хорошо денежного состояния Лавры; могут также помочь Троицко-Сергиева Лавра, Киевск. Юрьев монастырь, где 2 1/2 миллиона капитала, Воронежский Св. Тихона монастырь, — Воронежский Епископ-де, будучи здесь, тратил 15 тысяч на одних певчих, — хотел удивить монастырь; на теперешнего Министра финансов — нельзя рассчитывать, — он не войдет в дело, — протестант, — хотя есть и протестанты, хлопочущие о Миссии, как К. Н. Посьет... Сделал визит Высокопр. Аполлосу Вятскому. Старец о Миссии ничего не знает, говорит, недавно и сам в Петербурге; обещался поддержать в Синоде, если нужно будет; заговорил о бедности архиереев, о малости жалованья (он получает всего 900 руб.; а в Петербурге за карету только в год нужно платить 1300 руб.) и проч.; весьма благодушный старец; долго бы слушал его тихую, кроткую речь; но нужно было спешить по предварительному обещанию к В. И. Сушкину, где уже застал о. наместника Лавры и о. Арсения Афонского. Вечер прошел в разговорах и угощении со стороны В. И. Был еще местный о. протоиерей.

20 сентября 1879. Четверг

Согласно данному графу Е. В. Путятину обещанию, утром отправился в Гатчину, но на утренний поезд запоздал; совершенно как с Чичиковым; «не запоздай», — говорил я кучеру лаврскому; «не запоздаю, как можно», — отвечал он и не тревожил свою жирную лошадь; приехали на Варшавскую, при нас машина свистнула; «вишь ты, запоздали», — хладнокровно заметил Семен; приехали на Балтийскую, — «запоздали», — протянул он опять и повернул назад. Возвратившись, встретил несчастную какую-то у дверей; Боже, что за бедность на Руси! <...>

В 11/2 ч. пополудни отправился в Гатчину. Граф и Ол. Евфимовна встретили на станции; остальное семейство на полдороге к дворцу, где живет граф. Что за милое семейство! Полтора дня прожил, точно у родных. К несчастью, все время был болен простудой. Что за парк в Гатчине! Гуляли, но сыро и холодно было, и ломало меня так, что едва терпел.

22 сентября 1879. Суббота

Баня и малина — чудесное лекарство. Проспал ночь без бреда и встал без головной боли. Только слабость. Написал письмо в Японию и приготовил к отсылке деньги по адресам о. Владимира. Но, кажется, нужно будет просидеть дома целый день, чтобы завтра быть здоровым. Ребятишки пред окнами шумят и резвятся, что напоминает Миссию; только ребятишки больше белоголовые, и мелюзга же такая, что заметил некоторых играющих еще в лошадок (час дня).

Всенощная, без звону, с Воздвиженья бывает в Духовской церкви; отстоял там; митрополичьи певчие хуже, чем прежде были; басы довольно плохи; впрочем, когда весь хор поет, сильны. После Всенощной позвал к себе о. Моисей слушать игру на фисгармонике и пение о. Вениамина, иеродиакона, регента хора монахов; артист; но Моисей мешал слушать болтовней.

24 сентября 1879. Понедельник

Сдал письма на почту: денежные о. Владимира в Константиног- рад 75 р., и в Казань 100, и в Японию. В почтамте долго приходится ждать, пока дойдет очередь сдачи. А русский народ что за

адресы пишет! И мне пришлось одному ярославцу переписать адрес, потому что у него там ни слова нельзя было разобрать. Часов до 7 вечера потом провел время у Ив. Ив. Дёмкина. Был с ним в церкви на вечерни; понравились очень маленькие приделы — с одной дверью — северною в обоих. В Японии в маленьких церквах нужно будет подражать; и иконостас занимает весьма мало места:

Показывал он потом свою богадельню: старушки и дети, бывшие бесприютными, живут совершенно счастливо; дети ходят в училище. На втором этаже дешевые квартиры: за 2 1/2 руб. в месяц две жилицы вместе имеют просторную теплую комнату. В кухни проведена вода. Со временем и 2-й этаж имеется в виду отдать бесплатно — бесприютным. Совершенно в духе первых времен христианства: Церковь призывает своих вдов и сирот. В подражание Благовещенской богадельне теперь во всех петербургских церквах заводят такие же. Замечателен великолепный образ святителя Тихона в богадельне: когда Ив. Ив. Дёмкин был очень болен ревматизмом, один прихожанин дал обет построить этот образ и киот, если он выздоровеет. Вот так любят дети духовные своего пастыря и молятся о нем! Началась богадельня постройкой — почти без денег; главный возбудитель и осуществитель доброго приходского дела о. Иоанн Дёмкин. Образцовый пастырь он: вечно — по требам и церковным делам; и всякого приходящего звать его на дело — встречает с такою любовью, каким бы делом ни занят был или как бы ни был уставши в то время: «кого Бог дал там?», или: «а вот Господь и еще посылает дело», только и слышатся его слова. Побольше бы таких пастырей! Оттуда заехал к Ф. Н. Быстрову; взял сборную книжку; испрошу благословение Владыки с нею ездить по гостям; или, быть может, он разрешит сделать другую маленькую книжку, для сбора на храм и женское училище. Отдал ему пока на сохранение 925 р., что М. А. Черкасова привезла сборных в Японию, и 1000 р., что от гр. Ламберт. Опять очень возбудилась мысль — иметь иконы для нашей церкви в Миссийском доме — византийского стиля. Отыщу академика Солнцева и посоветуюсь с ним; если в Петербурге могут хорошо написать, непременно закажу, хоть бы и дорого взяли; в итальянском же — будут в большом храме, — напишут в Новодевичьей обители.

25 сентября 1879. Вторник

Утром было скучно и грустно. Не мог писать статью. Тревожит все время мысль о сущности дела, о постоянной сумме на Миссию. Раздумавшись, написал следующую схему для представления или показывания кому следует в виде memorandum'a. Для Духовной Миссии в Японии необходимы: Епископ 7 миссионеров

3 певчих и вместе учителей пения в Семинарии и Катехиз. училище и помощников преподавателя в Семинарии

Иконописец и вместе учитель иконописи и храмовой архитектор 2 диакониссы. Имеются налицо:

4 миссионера, с содержанием их

1 певчий и регент миссийского хора, без содержания

1 диаконисса, без содержания.

Нужны вновь: Рубли серебряною монетою

Епископ с содержанием каждому 3695

3 миссионера, с содержанием каждому 6000

Содержание нынешнему регенту хора 1500

2 певчих, с содержанием каждому 1200 руб., обоим 2400

Содержание для нынешней диакониссы 1200, и другая диаконисса, с тем же содержанием 2400

Иконописец, с содержанием же 2 500

Итого 18495

На нужды Миссии и Церкви, как изъяснено в моем рапорте Св. Синоду от 18-го января 46000

Всего 64 495

Эту сумму предполагается добыть из следующих источников:

От Рижского викариатства 3695

Обещано

от Св. Синода, из капитульных 3000

от Миссионерского Общества 23800

из Государственного Казначейства 26000

от Александро-Невской Лавры 2000

от Троице-Сергиевой Лавры 2000

от Юрьевского монастыря 2000

от Киево-Печерской Лавры 2000

Всего 64495

Примеч. Больше сей суммы Миссия никогда не попросит никакой помощи ни от какого учреждения. Нужду в построении миссийского храма и женского училища рассчитывается удовлетворить добровольными пожертвованиями.

Вечером, согласно совету о. Протоиерея Ив. В. Рождественского, пошел предварительно посоветоваться с о. Симеоном, наместником Александро-Невской Лавры, касательно возможности Лавры удовлетворить моей просьбе. Он нашел возможным, но предупреждал не говорить о том Митрополиту, обещаясь, если Митрополит спросит его потом, сказать, что можно дать 2 тысячи ежегодных от Лавры. От наместника отправился к гр. Путятину, так как обещался быть там попозднее, ко времени, когда он возвратится от Всенощной. Показал расписание и графу. Он скептически отнесся, сказав, что не дадут, по его мнению, особенно в Миссионерском Обществе.

26 сентября 1879. Среда

В 8 часов утра пошел к Митрополиту. Усадил пить чай с собою. «Вот схема нужд миссии». — «Что схема! Вы думаете, не хотят делать: не не хотят, а нет средств; в Синоде — нет, в Государств. Казначействе не дадут...» И пошел, и пошел. Улучив минуту, я сказал, что просил бы, если возможно, от Лавры 2 тысячи ежегодно. «Я вам дам не от Лавры, а от кафедры эту сумму». Почтительнейше поблагодарил. Все равно, откуда бы ни шло, лишь бы было. «А от Юрьевского монастыря можно ли просить?» — «Там все суммы распределены — что на что; впрочем, из остатков от статей, быть может, найдется». Не запретил съездить мне попросить от настоятеля. «Благословите поехать в Москву, просить помощи Миссион. Общества». — «А я думал, что уже вы там были; я и не знал, что вы здесь». — «Хотел было тотчас же ехать, да сотрудники остановили, сказав, что неловко, приехав в Петербург, не явиться к благотворителям Миссии; визиты и задержали меня».

Так как нашел в комнате письмо гр. О. Е. Путятиной, писанное еще вчера утром, в котором она говорила, что узнает предварительно у К. П. Посьета, когда можно быть у него, чтобы не сделать даром такого длинного конца к нему, так как он часто занят делами по Министерству до невозможности принять, — вчера же вечером я не сказал, что сегодня еду в Москву, ибо и ехать так внезапно сегодня только решился, то нужно было съездить к графу, чтобы предупредить О. Е. осведомляться у Посьета. Не застал дома, были еще у Обедни (День Иоанна Богослова). На возвратном пути купил небольшой саквояж, сапоги и проч. мелочь. Возвратясь и уложившись, опять поехал к гр. Путятину, и простившись, в 3 часа отправился в Москву. На вокзале встретился с Мордвиным, бывшим секретарем Синода, служащим теперь по Министерству юстиции. Растолстел; звал к себе, —

по Знаменской, 8. Соб. дом.

В вагоне 2-го класса сидел в отделении со стариком вдвоем. Спать способно было. Старик угрюмый; разговорами и расспросами не мешал.

27 сентября 1879. Четверг. Москва

Остановившись в Москве, на Никольской ул. в Шереметьевских номерах, по совету моего соседа в Невской Лавре о. архим. Арсения я отправился к сотруднику Миссии о. Гавриилу Сретенскому. Принял по-родственному, он и сестра его. Но немножко многоглаголет. На слова его положиться — станешь на ходулях. «Вы теперь и то и это в Москве...» Верно одно, что дело Миссии любезно всем, а «мы» теперь, как и всегда, — ровно ничего сами но себе, без Миссии; так нужно и смотреть и так бы и говорить ясно и просто. Отправился к Преосвящ. Амвросию; не застал дома. В 4 поехал к Высокопр. Макарию. Необычное время его приема; впрочем, сказали, что доложат. Разговорился старый келейник Высокопр. Иннокентия, — очень сокрушался о смерти его. Приятно было видеть преданность старого слуги. Высокопр. Макарий принял любезно; тотчас же согласился жертвовать от кафедры 2 тысячи в год, заметив лишь, чтобы инициатива шла не от него, «а если Высокопр. Исидор обещался, то и я обещаю». Значит, уважение — к старшим; добрый пример для желающих подражать. Касательно Лавры — Троице-Сергиевской, сказал, что она теперь не в состоянии, так как сама, по случаю произведенных построек, в долгах теперь. Касательно же 23800 р. в год сказал, что он согласен; но, кстати, — завтра заседание Совета Мис. Общества; он скажет, но настаивать не будет, чтобы не стеснить. Я предложил прийти на случай, если бы в Совете понадобились личные объяснения касательно Миссии, но он отклонил, сказав, что будут стесняться выражать свои мнения. Вечером опять был у Преосв. Амвросия. Принял с распростер. объятиями: «ваши письма о нуждах Миссии за сердце хватают»; должно быть, разумел корреспонденцию с дороги. «Рады бы сделать все, что просите, да средств нет; в нынешнем году сбор меньше...» — «Ваше пр-во! Дайте в год 23800 — больше ни копейки не попросим; ведь все равно же, почти столько уже жертвуете, — за прошлый год переслали до 17 тысяч, — но помощь не определена; прибавьте еще несколько и определите твердо, чтобы нам знать, что мы имеем». — «И расписку дадите, что больше не будете просить?» — «С удовольствием; и честное слово вдобавок даю, что исполню обещание. — больше беспокоить не буду; даже все, что будет поступать непосредственно в Мис. Общество для Японской Миссии, пусть будет в числе 23800 р.». — «Я со своей стороны согласен; но согласятся ли члены Совета, не знаю; побывайте у казначея Общества В. Дм. Аксенова, попросите его и скажите, что я согласен; а расписку к завтраму приготовьте». — заклучил Преосвященный, смеясь. Стали к нему сходить для заседания члены Комитета по сокращению епархиал. приходов. Представил всем; познакомил; заставил рассказывать о Миссии, чтобы заинтересовать их, попросил прочитать «Отче наш» по- японски. Тут же пришла ему мысль собрать общее миссионерское Собрание, для того чтобы выслушать рассказ об Яп. Церкви и утвердить смету на нужды Миссии. Когда пришло время Комитету начать свои совещания, Преосвященный сказал о том, и я откланялся. <...>

28 сентября 1879. Пятница

<...> Запустил дневник, а между тем хотелось обозначать каждый день в кратких чертах, чтобы после — в Японии, когда взгрустнется и захочется в Россию, при взгляде на дневник останавливалось прихотливое хотение. «Хорошо только там, где нас нет». В Японии хочется в Россию, а в России прожил ли хоть один день, чтобы не хотелось в Японию? Где счастье? Нет его на земле; везде, где бы ни быть в данную минуту, полного спокойствия и счастья никогда не испытываешь; всегда стремишься к чему-то вперед, жаждешь перемен; а придет перемена, видишь, что не того ждалось, и возвращаешься помыслами к прежнему. В России — лучшие из лучших минут, это, конечно, часы.

проводимые мною у Ф. Н. Быстрова. Маленький земной рай это милое семейство, — и нет, кажется, — не видал лучше его на свете. Что за милый юноша этот вечно вдумчивый и серьезный Коля! Весь рой юношеских мечтаний и идеалов мне чудится на его лице. И благоуханную струю пронесит пред воспрянутым духом свое собственное молодое время, — всегда — вдаль — вдаль; настоящее американское go let, идеализированное и облеченное в лучшие, прозрачно-тонкие, нежные формы человеческой жизни и деятельности. Чистый, девственный румянец лица, скромный взгляд, склонность к музыке, все показывает в моем милом Коле будущего честного деятеля, идеалами руководящегося. Дай Бог ему! И дай Бог родителям вечно радоваться на него. А милый игривый Миша, чистенький и красивый, как зайчик, что за прелестное дитя! Судя по взгляду и по физиономии его, из него выйдет еще лучший юноша, чем Коля. Этот, пожалуй, выйдет в жизни или несколько слаб, или, наоборот, тяжеловат; Миша же — веселый, живой и быстрый, шуткой и юмором будет скрашивать неровности своей жизни и будет, даст Бог, идти твердо и честно к лучшим целям в жизни, — точно так же, как теперь твердо знает, какой у него урок, и честно готовит его, — честно же не утаивает, если по географии двойку получит. Миленькая Людмила — точно хорошенькая куколка; никогда не щбудется прелестная картина, достойная кисти даровитого художника, как она — с большими зубами — на коленях и на груди матери успокаивается и минуту спустя опять обращается в серьезно улыбающегося ангела. Ольга Петровна — лучшая из матерей, виденных мною на сем свете, и конечно — лучшая из супругов. Да и какая супруга не была бы ангелом при таком муже, как мой неподражаемый по доброте и мягкости и вместе честности и твердости во всем добром Ф. Николаевич! Дай Бог, чтобы многие-многие годы это семейство было счастливо и для себя, и на счастье и радость всем, кто имеет счастье близко видеть его! И в Японии я буду отдыхать душою, переносясь мысленно в этот маленький рай земной — на 3-м этаже Михайловского замка! Но все это к слову, а главное-то — относительно моей непостоянной и бесприютной души — расцветаю я душою и согреваюсь в этом милом семействе, — но что и в нем наполняет меня? Та же вечная мысль об Японии и Миссии! Разогретый и расширенный душевно — я становлюсь лучше относительно Миссии; значит, и тут главное Миссия, — и вечно и везде — одна Миссия и Япония, и не скрыться мне от них, и не найти другого — лучшего на земле, другого счастья, кроме Миссии и Японии. Так о чем же я скучал в Японии? Чего искала душа? Не убежишь от того, что приросло к ней, — и счастье мое на земле это — одно — хорошее течение дел по Миссии. Оно и правда! Не был ли я счастлив каждое утро в Японии, — счастливее даже, чем в семействе Ф. Н., — возвращаясь с класса Догматики в Катехизаторской школе? Душа тоже согрета и расширена, и хотелось бы говорить и говорить, хотелось бы поразить все зло, всю ложь, неправду, католицизм, протестантизм, все, что против Христа! Да, так, пожалуй, для меня единое истинное счастье на земле! Дай же, Боже, мне поскорее вернуться туда и никогда уже не скучать там и не хотеть в Россию! При прочтении этих строк, когда какая досада или тоска станут одолевать в Японии, дай, Боже, всегда успокоиться и отрезвиться от недельной мысли искать счастья — хоть бы во временном отпуске в России. Боже, да какое же это счастье! Напротив, не несчастье ли? Дорогой тоска смертная; здесь вот до сих пор мечусь, как угорелый, из угла в угол, — ни покоя, ни отдыха; ласки и любезности — не прелесть, — я наслушался их и в Японии гораздо больше, чем могу слышать в России; свидание с родными — не особенно манит, — вероятно — увижусь — в два дня наскучит; с друзьями, — так вот и с лучшим когда увижусь — только и речи и мысли об Японии же. Э-эх, именно хорошо там, где нас нет! Правда, быть может, перемена мест и лиц много значит в экономии возобновления сил, т. е. отдыха. Но в таком случае можно отдыхать и в Японии, заменяя одно место другим и одни лица другими, т. е. путешествуя по Японии — по церквам или временно уходя в горы. Пусть же никогда, с этих пор — не заскучаю в Японии по России! Оно, пожалуй, не скучал и до сих пор; но множество пережитых неприятностей, необходимость выветрить из головы кое-какие лица и сцены, нужда материальная, недостаток служебного штата — все это порядочно тянуло из Японии сюда. А здесь дай, Господи, — поскорее кончить дела и уехать в мой мирный уголок! Как все там родственно и мило душе! И как здесь все беспокойно и лишено истинного удовольствия!

Устал уже здесь. Вот и теперь, 26 октября, пятница, — вечером в 5 1/2 часов остановившись в Чудове, чтобы ждать поезда, который только завтра в 4 часа утра пойдет в Новгород, скука! Весь вечер глазел, как лакеи вокзала готовили все для гостей, — и вдруг — гости — никто ни одного блюда не спросили; пожимая плечами и переглядываясь, лакеи убрали обратно в задние карманы свои белые перчатки и убрали со стола; только буфетчик был в небольшом авантаже, — человек 7 вытянули по рюмке очищенной. Наконец, все улеглись спать, кроме ночного дежурного; слышался только шум из зала 3-го класса — где много новгородцев, должно быть, ожидают завтрашнего поезда; я лег было на диван, любезно предложенный прислугой в зале; но так как спать не хотелось, принужден был встать и вот теперь пишу сие, под говор и взаимное угощение служащих при дороге, поместившихся у буфета. При всем том нужно, по возможности, восстановить дневник, по дням, припоминая недавно прошедшее. 10 часов вечера 26 окт., спать все не хочется; железнодорожники, выпивая, громко толкуют о своих служебных и всяких других обстоятельствах; съел порцию судака, вы-пил стакан чаю. Скучно, однако. Голова от езды точно деревянная; из Москвы — в понедельник 22 окт. — в 12 1/2 часов; теперь пятница, ночь; в Киеве пробыл с 7 часов вечера 23 окт. до одиннадцати 24-го — все прочее время в вагоне; все дорога, вечно дорога! И вся жизнь наша — одна непрерывная дорога. Скучно! Скоро ль из сей жизни на покой? Часто приходит в голову мысль эта. Быть может — предвестие близкой смерти. Что ж, в тот момент, когда я умру, двое родятся на свет — рождений больше ведь, чем смертей, — о чем же думать? Мысли не стоит; колесо жизни вертится, — мы теперь еще на нем, а завтра, быть может, — под ним и раздавлены будем, — общий удел всего живущего — материального. Что-то с душой будет? О-ох! Да пусть и ее — гибнет, лишь бы Япония сделалась православною. Надоело писать. Попробую спать. Остановился выше на Н. Мих. Иванцеве. Да, так жаль, что при его большом авторском таланте он несколько ленив писать. «О католичестве третью книгу написал ли? — Нет, как уяснишь себе предмет, так и скучно станет писать, — вот и теперь — о ересях — продолжать скучно, потому что предмет для самого себя уяснен». Обещал дать продолжение о католичестве в рукописи. — О. Николай Лавров, сотрудник Алтайской Миссии, прототип и наших сотрудников, принял отечески ласково, обрадовался, стал угощать рябиновкой, пожертвовал иконы. Старенек и слабенец уж. Спасенный человек! — Протоиерей Ив. Ник. Рождественский, тоже старец, обещал и от себя содействие. — Кончив визиты к членам Совета, побывал у о. П. Тюляева, но не застал дома; все разъезжает по монастырям, и ездит, точно Иоанн Калита, с мешком денег для нищих. — С Ферапонтовым опять зашли к Аксенову, в лавку; порядочно поломался старик, пока обещал, что не станет возражать против ассигновки. — Вечер провели вместе с о. Гавр. Сретенским у о. Гавриила Вениаминова, куда едва добрались в темноте чрез бесконечное Девичье поле. Вспоминали про Владыку Иннокентия, незабвенного благотворителя и благожелателя Японской Миссии. Угощали закуской; исподтишка я наблюдал за маневрами доброй и кроткой Катер. Ивановны — чтобы не дать Гавриилу Ивановичу напиться; немножко поставила в графине водочки, — и ту скоро же унесла; поставила и мадеры, но и ее скоро убрали.

29 сентября 1879. Суббота

Положительно, скука и пустота здесь, в России. Встал теперь ночью с 30 на 31 октября, чтобы продолжать дневник; не пишется. <...> Пахнуло Японией; там мои привязанности, там моя работа; и теперь встал в 3 часа — бессознательно природа будит на дело в Японии, а какое дело здесь? Одно в настоящую минуту — лечь опять и заснуть.

28 октября 1879. Воскресенье С.-Петербург

Ночью с субботы на воскресенье прибыл в Петербург. Поезд запоздал. Вечером в вагоне — черкес с рассказами об обвалах на Кавказе; грубость выпившего железнодорожника. Андрей рассказал между прочим, что были два раза из Новодевичьего монастыря. На столе нашел, в числе других, записку К. П. Победоносцева о С. Рачинском.

В воскресенье к Обедне отправился в Новодевичий монастырь. Жаль, что не был извещен об имеющемся на этот день диспуте на Магистра в Духовной Академии — Болотова. Из монастыря заехал к Путятину.

13 ноября 1879. Вторник

Утром пришел Д. Д. Смирнов, чтобы в 10 часов отправиться вместе к ректору Академии Художеств, Федору Ив. Иордану, с которым возобновлено было знакомство 9 ноября, в пятницу, в Новодевичьем монастыре, на именинах Игуменьи Евстолии, и который вместе с его супругой Варварой Александровной пригласил к себе в этот вторник, в 11 часов, обещаясь рекомендовать художника для Японии. Идя заказывать монастырский экипаж, в коридоре столкнулся с Я. А. Гильтебрандтом и его братом, студентом Медицин. Академии, Владимиром. Проболтали до половины 11-го, вспоминая Японию, причем Я. А. явил новый знак сочувствия Миссии, рассказал, что возбудил участие к ней и в Ялте, куда г. эдил с сестрой, по случаю ее болезни, и рекомендовал писать гуду к Софье Ив. Зибер, содержательнице общественной библиотеки и читальни. У Иордана встретила супруга его, заявив, что Ф. Иван, уже оделся и ожидает. Старик, работавший в то время над гравированием портрета В. Князя Владимира Ал., принял задумчиво-просто; бросил работу, повел в гостиную; рассказал, что нашел художника для Миссии, совершенно русского: Ив. Ив. Творожникова; «творог! — то совершенно по-русски!» Варвара Ал. пригласила к чаю, под предлогом, что прозябли (было градусов 10 морозу); дочь их наделала тартинок из икры. Д. Д. отказался от чаю и заинтересовал В. Ал. После чаю пошли осматривать Мозаичное заведение. Сам Иордан повел, представил художникам и рассказывал главное. Художники оставили свою работу и были весьма любезны; один рассказал в подробности у своей работы — бичевание Спасителя — весь процесс мозаичного производства. Все работы для Собора Св. Исаакия. Что за грандиозные произведения! Это — слава России! Нигде в свете нет — лучшего мозаичного заведения! Наши мозаисты и на выставках и de facto — лучшие в мире! Поцелуй Иуды, Великие князья св. Михаил Тверской, Александр Невский, св. Сергей, св. Царица Александра, бывшая на Парижской выставке и получившая первую золотую медаль (были еще состязатели итальянцы, но далеко отстали), св. Ев[ангелист] Иоанн Богослов, — громаднейшая картина, с ангелами, — св. Димитрий Царевич, — все эти художественные создания и через тысячу лет будут свидетельствовать о высоте художественного таланта русских! — На втором этаже, где с лестницы любовались прелестью икон, лежащих внизу, видели под номерами образчики мозаичных столбиков, которых числом по колерам до 20 тысяч, по словам Иордана; потом мелкое мозаичное производство, — небольшая икона в 2 тысячи рублей, — и художник — со странно глядящими глазами, п. ч. на такой работе нельзя не испортить наконец зрение (и будущность бедных художников — ничем не обеспечена! При нас к Иордану приходила вдова мозаиста-художника, третий год уже хлопочущая о каком-нибудь пособии себе, — плакала, бедная! А Иордан: «забыли поместить в уставе о пенсии...»). Были, наконец, в химической комнате, где по требованию художников тотчас же изготавливаются столбики потребных цветов. Мне предложили указать цвет, какого приготовить столбик; я указал на синий, щепоть белого чего-то, ляписа, — у очага в две минуты смесь была растоплена, на вертеле смешана и, по моему же желанию — вытянута в 4- угольную палочку, которая сейчас же была разделана на мелкие куски, завернута в бумажку и отдана на память. Чудо, как все приспособлено! Когда были в химической, пришел Ив. Ив. Творожников: некогда было разговаривать и хорошо знакомиться здесь; но физиономия его с первого же раза мне понравилась. На возвратном пути в комнаты Иордана заглянули в другие мозаичные комнаты, между прочим в парадную приемную, где стол неизвестного происхождения, но великолепной мозаики, и произведения итальянской мозаичной школы по стенам. У Иордана опять был пирог и кофе. <...>

14 ноября 1879. Среда

Утром написал ответ В. Я. Михайловскому на вопрос о здоровье и брату Василию. Поехавши в

город к П. А. Гильтебрандту, видел город, иллюминированный флагами, так как сегодня день рождения Цесаревны. С Гильтебр. к А. И. Резанову, ректору в Академии Художеств по архитектуре. И он хорошо отозвался о Творожникове: «скромный-де, могущий писать в иконописном стиле», — порекомендовал и архитектора — для написания плана нашего храма, — у него же работающего молодого человека; с архитектором условились, что он в пятницу утром придет ко мне с рисунками разных стилей. <...>

15 ноября 1879. Четверг

Утром пришел студент Академии Устинский, изъявивший желание ехать в Японию; отказал ему, — непостоянен и странен. Пришел Творожников, — сам отказался, под предлогом, что хочет ехать в Италию усовершенствоваться в живописи. В то время, когда он сидел, от Митрополита пришли звать. <...>

Когда зашла речь о Государст. Совете, то Митрополит стал пугать, что еще там могут не дать и что нужно попросить гр. Путятина походатайствовать в Департаменте экономии, чтобы не остановили.<...> Рассказал об Елисееве, что строит совсем не-нужную церковь на Охте, над гробом своего брата, тогда как лучше бы построить в Японии. Когда я сказал ему, что завтра придет прхитектор из Академии Художеств говорить со мною о плане церкви, он вытащил заранее приготовленный листок бумаги, с очерком базилики и советовал построить в таком роде; я попросил листок, чтобы завтра показать архитектору. «А правда ли, что у вас там женская школа в таком дурном здании?» — «Правда». — «Детям холодно зимой». — «Это еще ничего, что холодно, и хуже всего то, что здания могут рухнуть от ветра и дети все будут передавлены». — «Ну вот! Как же можно это допустить! У вас там 500 р. от графини Ламберт на женскую школу; я дам еще 500, отошлите, скорей и напишите, чтобы наняли хороший дом для школы».

16 ноября 1879. Пятница

Утром сходил в баню; не успел осушиться, как пришел архитектор, рекомендованный Резановым, — Павел Иван. Реутов. Базилику Митрополита разбил; свой план византийского храма с куполом начертил весьма отчетливо, после некоторых расспросов у меня о местных условиях. Видно, что архитектор — делец, но за план назначил 600 р. (по проценту с 60 тыс.), — говорит, что месяца два придется проработать. <...>

17 ноября 1879. Суббота

Утром испугался, что опухоль под языком делается все больше и больше. Отправился к Ф. Ник. Быстрову, чтобы спросить у него какого-нибудь доктора посмотреть. Пошли к доктору Замка; он успокоил, сказав, что просто «одна железка опухла», и прижег опухоль ляписом; за что я оставил ему 3 рубля. Просидел почти до вечера у Ф. Н., вот. что надоело метаться целый день по городу, да и говорить больно было. На прощание Ольга Петровна дала ромашки — настоять и полоскать во рту. По возвращении, когда пил чай у соседа о. Арсения, во рту распухло еще больше, и сделалось очень больно, так как кожа от прижигания сошла.

Я испугался, что, пожалуй, если опухоль продолжится — задушить может. Послал за лаврским фельдшером, между тем стал полоскать ромашкой, от которой тотчас же чувствовалось успокоение боли. <...>

18 ноября 1879. Воскресенье

Опухоль железы значительно опала; но так как ухо было заложено, и вообще чувствовалась

простуда (в предупреждение которой вперед я вчера, возвращаясь от Ф. Н., купил валенки и шерстяные кальсоны), то я положил целый день просидеть дома. В 9-м часу позвал Митрополит и вручил 500 р. на женскую школу; я захватил с собою рисунок плана Реутова; Митрополит рассказал много случаев, как купола и в России падали и давили людей; опять мои мысли значительно были поколеблены в пользу базилики; советовал Митрополит поговорить с его знакомым архитектором Щуруповым и велел спросить адрес в Секретарской. <...>

19 ноября 1879. Понедельник

Встал совершенно здоровый, кроме небольшой опухоли железы. Напившись японского чая, что еще больше ободрило, напомнив Японию, отправился в город, в монастырских санках. <...>

Побыл в Новодевичьем монастыре, чтобы сказать, что иконы для нашей Домовой церкви, наконец, нужно решить писать на гладком золотом фоне, с бордюром насечкой; решили еще писать на цинке, без шпаклевки.

21 ноября 1879. Среда. Введение

В 7 часов утра в Крестовой Церкви участвовал в совершении Литургии Высокопреосв. Исидором. Как благоговейно старец служит и как раздельно произносит каждое слово! На Часах же передали приглашение Владыки на обед в половине первого.

<...> Обедали втроем (был еще экононом Лавры). Разговор ничтожный, большею частью о рыбе, раках и устрицах. Эконом покушался рассказать чудо о каменном горохе в Палестине, но Владыка заподозрил сказание. Между прочим, Владыка сообщил о новом покушении на жизнь Государя близ Москвы — взрывом нагонов 19 ноября. Я впервой от него услышал; он же сообщил рассказ Государя ему о подробностях покушения Соловьева, — кик действительно чудесно, — только мгновенным отступлением Государя с тротуара он избежал пули. Здесь же, от эконома, услышал, что Мирский помилован — избавлен от смерти и накати каторгой. <...>

22 ноября 1879. Четверг

Утром принесли от Владыки фунт чаю и 10 ф. сахара. Вчера приносили, но меня не было дома. Что за доброта Владыки! С Щуруповым в половине 9-го часа пришли к Владыке. Щурупов показал набросок храма — совершенно в визант. стиле. «Что вы, что вы! Там у них ни копейки; если какой-нибудь богач вздумает строить церковь и вы представите этот план, я вам низенько поклонюсь, а в Японии вроде храма Спасителя в Москве — это невозможно». — «Ваше Выс-во, в Японии кирпич дешев...» — вставил я. «Если ты будешь мешать, то я брошу все, и делай, как знаешь, — ничего не выйдет», — сердито обратился ко мне. «Не буду, не буду», — поспешил я успокоить ворчливость старца, и речь двух старцев продолжалась (Щурупов тоже весь седой). Вытащил Владыка новый набросанный план храма. «Он хочет, чтобы церковь крестом была, вот и крестом». Ни базилика, ни визант. стиль, ни тоновский, но очень практичный храм, с тремя престолами. Долго было объяснение, вставлял замечания и я, а архитектору, видимо, не нравилась неопределенность стиля; но как человек практический он во всем соглашался с Владыкой и взялся сделать карандашом набросок. Владыка все-таки потребовал карандашного эскиза предварительно, — что за опытность, умение говорить с людьми, — словом, целая практическая философия! Хоры, по-видимому, любимые Владыкой, не были забыты в храме; а по поводу их обнаружилось, что письмо о. Владимира о Семинарии, написанное так простодушно-юношески, произвело свое действие; у Владыки засела в голове Семинария, — засело и женское училище. <...>

И пришло мне в голову, что у этих людей, высокопрактических и престарелых, несмотря на то,

что они, по-видимому, о деле мало говорят, — быстро, разом, вследствие безотчетного навыка к комбинированию фактов, признаков, малейших штрихов, являются прямо готовые результаты в виде постулатов к неотложному выполнению, — точь-в-точь как у людей, способных к математике и воспитанных для нее, мимо простых арифметических действий пишутся готовые, мгновенно в голове образовавшиеся выводы. Да, старческая опытность — своего рода гений! Мне вот (должно быть, я слишком плох, если в 43 года поступаю как мальчишка) хотелось бы много рассказывать о Миссии, и я отчасти недоволен был, что Владыка не дает мне разболтаться и высказаться, но у Владыки, по небольшим штрихам, все нужды Миссии — как живые, — и среди тысячи других дел он ясно сознает их и сильно хлопочет! Преклоняюсь пред светлым старчеством и укоряю свое грошовой воодушевление делом — и притом исключительно одним делом, с полным безучастием ко всему другому в мире! Что за бедность, узкость натуры! Знать, для Японии я только и годен, — для незаметного уголка земли! А люди настоящие способны замечать и нас — микроскопических насекомых, и вести дело широкое, дело Православия вообще. Да будет хвала Господу, что всегда есть в мире и такие люди. Иначе мир обратился бы в каплю инфузорий.

<...> Возвращаясь, встретился в вагоне от Никол, моста с японцем Андо; потом хотел зайти в Исаакиевский Собор, но молебен уже кончился. Сегодня молебен служил Митрополит — благодарственный, по случаю избавления 19-го числа Государя от смерти. Пригласили сесть в лаврскую карету возвращавшиеся диаконы; по Невскому нельзя было ехать — весь занят был войсками, ожидавшими приезда Государя. Приезд назначен был утром в 10; но очевидно — с намерением сделана неопределенная отложка. Бедный Государь! Его преследуют, как гончие зайца! Великую душу нужно иметь, чтобы не сойти с ума или не сделаться тираном! Народ, несмотря на мороз, с утра толпился около вокзала и Зимнего Дворца. По возвращении в Лавру, в 4 часа, после вечерни, участвовал в служении акафиста св. Александру Невскому, по случаю завтрашнего праздника. Да не забудется никогда светлый чин и стройность служения! Архиерей (Гермоген), 4 Архимандрита (я стоял против наместника о. Симеона), 4 иеромонаха, Архидиакон — за Архиереем, снимающий митру с него, два диакона, кадящие пред ракой со св. мощами, обратись к лицу святого, два диакона с дикирием и трикирием, стоящие по обе стороны раки пли предходящие Евангелию, послушники в стихарях — за Архиереем и Архимандритами. <...>

24 ноября 1879. Суббота

<...> Постоял немного за Всенощной в Казанском Соборе. Певчие прекрасно пели, особенно щеголяли альты, заглушавшие весь хор. Бросился в глаза глубокий смысл свечей пред иконами: и полутемном храме — потому, чтобы такую громаду достаточно осветить, нужны тысячи свечей, — два подсвечника, — пред чудотворной иконой, и направо пред Спасителем, — точно яркими звездами на небе сияли бесчисленными светами жертвованных молящимися свечей. Когда стали читать Шестопсалмие, отправился в Исаакиевский Собор. Должно быть, более тысячи было молящихся, но Собор казался довольно пустынным. Постояв немного за народом, отправился в алтарь. Служащий протоиерей надоед разговорами в алтаре. Гимназисты Лёля Храповицкий и Дмитриев — из реальной гимназии, пришли из противоположной стороны за благословением, и Лёля зазвал к себе после Всенощной. Подошел под благословение и какой-то католик, попросивший его на французском языке. Начиная с ирмосов вышел к клиросу. Что за чудное пение! А когда сошлись оба клироса для пения «Слава и ныне» пред Великим Славословием», и потом «Слава в вышних Богу», когда запели — среди великолепия храма, когда море голов православных христиан видится тут же — мне казалось, что только великий народ в таком великолепном храме таким дивным пением может восхвалять Бога, — и дрогнуло чувство и религиозное, и патриотическое! Слово «свет» пропето было так сильно и полно и с таким медленным замиранием звука, что мне казалось — в Японии в это время занимается заря и оттуда шлетя радостное известие, что и там — свет! Вот где, в таких храмах можно воспитывать прочное религиозное чувство, основу всех добрых чувств на земле! <...>

1880 г.

1 января 1880. Вторник. С.-Петербург

Только что пробило двенадцать часов ночи на 1880-й год. Встречаю Новый Год в келье Александро-Невской Лавры. Скучно! Не от одиночества. Мог бы встретить Новый Год в обществе. К десяти часам вернулся от графов Путятиных; думал было там встретить — скука; к товарищам в семейства пойти бы — опять скука, в Лавре к кому-нибудь — еще больше скука. И вот общий тон моей жизни в Петербурге — скука. Или уж я сделался не годен ни к чему, что только скука одолевает? Но отчего же, когда или внезапно двинется дело по Миссии, или большое пожертвование кто сделает, точно на крыльях весь день летаешь? То — обман, или это? При скуке думаешь, как бы умереть поскорей, при успехе — рано, еще — куда! И везде-то хорошо, где нас нет, и все то интересно, что предпринято и не доведено до конца. Завтра узнаю, прошло ли дело о двадцати девяти тысячах шестиста девяносто пяти металлических рублей для Миссии чрез Государственный Совет; если да — радостен будет Новый Год; нет — тоска задавит; озлюсь разве на несколько дней, а там — опять скучная процедура. Скоро ль же в Японию! Там хоть дело — прямо к делу, не вялое и выжидающее, а живое и жизненное. О, не дай Бог заскучать в Японии — нет больше спасения от скуки на земле; по крайней мере, в России — всего менее. <...>

5 января 1880. Суббота. Десять часов вечера

Утром в девять часов побыл за Обедней в Духовской церкви. Как славно поют послушники и что за голоса: особенно — первый тенор; заливался, точно соловей. Стоял у входа из коридора; впереди виднелся отец Мемнон, по правую сторону — Архидиакон Валериан в косичках. Съездил купить почтовой бумаги и взять на углу газеты. В газетах везде придавленность видна, точно наступили на хвост. Вернувшись, только стал просматривать, пришел Яков Аполлонович Гильтебрандт — из моряков самый усердный и благожелательный к Миссии. За ним пришла Н. А. Песлян (жаль, что очень пожилая, — с ее духом и характером годилась бы в Японию). Когда она сидела еще, пришел Владимир Александрович Соколов, механик с «Соболя»; тоже необыкновенно благожелательно относится к Миссии, и чрез его тестя — Протоиерея Крюкова — можно, кажется, добыть кое-что для Миссии у знакомых ему петербургских богачей. В два часа началась Вечерня в С-оборе и за ней — Водоосвящение. Совершал Богослужение Высокопреосвященный; я назначен был в служение, в чем и расписался вчера в книге. Ставлен вторым после Наместника. Порядка службы не знаю; спасибо, обок становится ризничий, отец Митрофан, и, подталкивая, напоминает, что делать. Водоосвящение совершается очень торжественно. Благословляет воду Владыка, опуская сложенные для благословения персты в воду, — очень истово, медленно и правильно; подумалось, что совершенно точно так же следует делать это и в Японии, освящая воду для крещения. Крест погружает, держа за верхнюю перекладину, и потом крест лицом кладя в воду и обертывая в воде, после чего стекающую воду принимает диакон в два сосуда; воды стекает много, ибо крест, нарочно для того употребляемый, литой, имеет много впадин. Во время всего Водоосвящения над кадкою воды держат рипиды, а впереди стоят диаконы с дикирием и трикирием; на аналоях: на правом — икона Крещения, на левом — Евангелие; за аналоями и чаном — подсвечник; во время последней ектении и молитвы Владыка кадил. После тоекратного «Во Иордане», в продолжение которого единожды Владыка погружает крест, Владыка, сам, подставив руку под стекающие со креста капли святой воды, орошает себе глаза и лицо и кропит крестообразно церковь и народ, после чего пьет воду из ковшика и идет с кропилом и крестом к Алтарю, кропя по обе стороны народ, затем кропит Святой Престол, весь Алтарь, иконостас и передает крест Наместнику; а с другим крестом следовало бы отправиться мне, но отец ризничий сам отправился; при них — диакон с серебряными сосудами, наполненными святой водой; оба отправляются одновременно в обе стороны церкви и кропят церковь, иконы и народ. Между тем пели в это время. Владыке, стояшу на амвоне, на орлеце, и сослужащим пред амвоном, в порядке соборного

стояния, Архидиакон на Архиерейской кафедре, среди церкви, произносит так называемую «выкличку», то есть, Великое Многолетие Царю, с упоминанием всех древних его титулов, Царице, Святейшему Синоду, Митрополиту, четырем Патриархам, Архиепископам, Епископам и всему освященному чину и всем православным христианам. Уже второй раз я слышал эту выкличку. Первый раз — в Сочельник пред Рождеством, когда тоже служил Владыка Викарий. После Обедни, начавшейся в двенадцать часов тогда, Владыка и все служившие вышли на середину Собора и пропели пред лежащею на аналое иконой Рождества Христова «Рождество Твое, Христе Боже наш», а певчие — большое «Дева днесь», после чего Владыка и все служащие перешли на амвон и к амвону, как ныне, и была «выкличка», после чего — целование креста. <...>

Сегодня при целовании Владыка Исидор окропил святой водой, причем священнослужащие принимали воду на руки. Священнослужащие вошли в Алтарь и разоблачились. Владыка остался давать крест и кропить народ; после его сменил иеромонах. За выкличкой поется многолетие разных композиций, между тем как Владыка крестом осеняет народ на три стороны. Для водоосвящения готовится огромный чан воды, а по левую сторону — огромная чаша для употребления самой Лавры. На чане, обложенном парчой, — переключина для положения креста; чан закрыт также парчой; пока кончается Многолетие, чан закрывают пеленой. Потом чан открывается и народ, ожидающийся с сосудами (какой у кого есть), бросается брать воду. Детей полиция предварительно убирает; около меня стоявшего мальчика увели назад; при всем том и на сегодня не обошлось без детского крика — какого-то мальчика притиснули так, что полиция должна была спасать его. <...>

И все-таки скука и скука! Скоро ль в Японию!

6 января 1880. Воскресенье. Во втором часу ночи

Утром, в шестом часу, привратник подал письмо от Константина Петровича Победоносцева с извещением, что Цесаревна желает меня видеть в понедельник, седьмого числа, в два часа пополудни, но что прежде того мне побывать у него в четыре часа или часов в семь или восемь пополудни сегодня, или от одиннадцати с половиной до двенадцати с половиной завтра. В десятом часу, предварительно приславши одного узнать — «Можно ли?», пришли маленькие митрополичьи певчие пропеть кант Нового Года; они приходили и в Новый Год раза три, но не застали меня дома. Дал четыре рубля на двенадцать человек. В десять часов в лаврской карете с отцом Ризничим и отцом Моисеем отправились во Дворец для участия в Водоосвящении на Неве. До Литургии, в галерее, где собирается духовенство, осмотрел портреты Дома Романовых, начиная с Михаила Феодоровича. Осмотрел еще залу французской живописи, где готовился стол для угощения Митрополитов, Архиереев и их свит, другую залу — русской живописи, где «Потоп» Айвазовского, «Нимфы» Неффа, «Жертвоприношение Авраама» и другие. Попросил, чтобы открыли следующую залу, где «Помпея» Брюллова, «Змей в пустыне» Бруни и прочее. «Помпея» всегда одинаково поражает и привлекает. Между тем началась Литургия в Большой церкви Дворца. Ее совершал Высокопреосвященный Исидор, два Архимандрита и два придворных священника. В церкви стояли Цесаревич, Великий князь Алексей и другие Великие князья и чины. Государя и женских лиц Царской Фамилии не было. Певчие пели неподражаемо, особенно хороши дисканты, нигде не слыхал таких — точно мягкая, бархатная волна переливается. Во время Литургии пришли Митрополиты Макарий и Филофей; прочие Члены Святейшего Синода пришли еще прежде; не было только Ивана Ивановича Рождественского, который прежде отслужил Литургию в Малой церкви. Протодиаконы — Червонецкий (старик), Попов и бывший случайно тверской Протодиакон — поражали басами. Пред «Верую» Архимандриты вышли облачаться; потом облачились Преосвященные. На Апостоле Владыка и священнослужащие не сидели. Наследник во время ектении при упоминании Царских Особ истово крестился. По окончании Литургии открылся Крестный Ход. По случаю холода (было градусов двенадцать мороза), а также, быть может, болезни Государыни парада не было — был скромный ход прямо из Дворца на Неву. По обе стороны, далеко

от хода, жандармы удержали народ, который виднелся на бесконечную линию по Николаевскому мосту и даже по ту сторону Невы. При ходе городское духовенство облачалось и вышло заранее, так что мы увидели его в ризах, стоящим по обе стороны от подъезда до реки. При ходе же впереди шли со свечами, потом певчие, в стройном порядке (маленькие — впереди); все, и регент, были в красных кафтанах; пели «Глас Господень» и прочие стихи; когда дошли до незнакомых на память, опять стали петь «Глас Господень». За певчими — диаконы со свечами и кадилами, за ними — младшие священнослужащие с иконами, потом Архимандриты, Архиереи, Митрополиты и, наконец, Высокопреосвященный Исидор с крестом на главе, ведомый двумя Главными Архимандритами — Наместником, отцом Симеоном, и цензором, отцом Иосифом. За ними — Наследник и Великие князья. По сторонам священнослужащих шли назначенные в процессию из разных министерств (например, около меня случился чиновник из Департамента Личного Состава Министерства Иностранных Дел). В залах, по которым проходили, было почти пусто — стояли только со знаменами, которыми, кажется, и заключалась процессия, так как с этими же знаменами стояли потом на Иордане, позади священнослужащих. На Иордане под куполом поместились священнослужащие, певчие, знаменщики. Стали в таком же порядке, как в церкви, — Митрополит Исидор, по сторонам: первым — Киевский, вторым — Московский Митрополит, и так далее. Под конец, так как места не хватало, стали в два ряда. По самой середине устроен ход вниз на реку, куда и спустились — к самой воде — Митрополит Исидор и Протодиакон. Внизу — стол, водосвятная чаша на нем и впереди — прорубь на воду. Перила завешаны полотном; все место, начиная с крыльца и под куполом, устлано красным сукном. Водосвятие было <сколь> возможно краткое — Апостол, Евангелие, ектения, молитва. По окончании ее, когда началось погружение креста и запели «Во Иордане», дан был знак, и с Петропавловской крепости началась церемониальная пальба, возвещавшая об освящении воды; пальба продолжалась во время троекратного пения «Во Иордане»; с этим же пением тотчас процессия двинулась обратно в прежнем порядке. Наследник стоял в теплой шинели около балдахина. Его и других окропил Владыка. Еще со святою водою и кропилом (из зеленых ветвей) шел в процессии Сакелларий Церкви Зимнего дворца — он и окроплял комнаты Дворца, по которым проходили, а также и почетный отряд, поставленный в одной зале. По возвращении священнослужащие остановились на амвоне, и Червонецкий сказал многолетие; Царской Фамилии в церкви не было. По окончании пения все разоблачились и направились в залу, где приготовлен был завтрак. Закуска и завтрак были превосходные. Икра, кулебяка, уха, жаркое, пирожные, вина — все носило печать царского яства, не знающего оставлять голодным; заведывал угощением Чеботарев, выслужившийся из простых, но, говорят, чрезвычайно распорядительный и честный (что-то — один заказ, за который просили сто восемьдесят тысяч, он исполнил за двадцать тысяч). В центре стола сидел Митрополит Исидор, по обе стороны его — другие Митрополиты, Архиереи и так далее. Протодиаконы и все лаврские были тут же. Когда налили шампанское, Митрополит Исидор провозгласил здоровье Императора и Императрицы; потом провозглашено было здоровье его, Владыки Исидора; потом — прочих Митрополитов и Архиереев; всегда при этом пели многолетие, вставши. По окончании завтрака, при выходе, я познакомился с Чеботаревым чрез отца Иосифа, цензора, и он, Чеботарев, советовал мне обратиться с просьбою о пожертвовании икон к министру Двора. «После Каракозова много осталось», — говорит.

Из Дворца, уже в третьем часу, отправился к Владимиру Александровичу Соколову, бывшему механику на «Соболе», так как обещал быть у него в три часа. Жена, дочь Протоиерея отца Евстафия Васильевича Крюкова (Семеновского Полка), — очень миленькая, и две малютки дочери. Пришли Казначей (должно быть, Семеновского Полка) и отец Протоиерей. Едва ли что можно добыть из их церкви Введения. Впрочем, может, что и найдут; Казначей говорил, что покровов — много у них. К четырем часам был у Константина Петровича Победоносцева. Вот труженик-то, и что за добрый человек! При многосложности своих важных обязанностей еще находит время и сердце хлопотать о Миссии; Наследнице он рекомендовал меня, и я застал его за моим рапортом — готовил послать его к Наследнику. Дал мне наставление; что Наследнице следует рассказать о Миссии, не дожидаясь вопросов.

так как она стесняется говорить по-русски, хотя понимает все хорошо; советовал говорить по-английски, но я стеснился, ибо и сам плохо говорю. Видно, что и поесть ему некогда. — отвернулся в другую комнату и вернулся жуящий что-то; «Я — как белка в колесе», — говорит. Звал к себе по четвергам. <...>

В шесть часов отправился смотреть живые картины у отца Федора Николаевича Быстрова. Показывали «Фортуну и нищего», «Демьянову уху» (из Крылова), «Саула и Самуила», «Купидона», «Ангела-Хранителя», «Девушку у колодца» (при бенгальском огне); распорядительницею и сочинительницею была Анна Петровна Парвова, сестра Ольги Петровны Быстровой и жена Алексея Ивановича Парвова. Не понравилось. В Японии у нас семинаристы, пожалуй, лучше устроят. На будущий год сделаем. Потом были танцы; распорядителем — Петя, сын Алексея Ивановича Парвова; множество французских кадрилей; больше всего понравилась русская, протанцованная несколько раз маленькими гимназистами под музыку гимназиста же. Обещался всей этой «молодой России» прислать по вееру из Японии. Были еще дядя и два двоюродных брата Федора Николаевича; первый — старец, и у него сын — большой, гимназист и музыкант; у вторых дети — мелюзга, гимназисты-танцоры, и один — музыкант; самая занимательная была эта последнего наслоения молодежь. Был еще Разумовский — Протоиерей Смольного монастыря, тесть Федора Николаевича. Начались фанты у молодежи, а мы поужинали и стали расходиться; был еще В. Гер. Певцов — в карты играл со старухами. При прощанье, привыкши в Петербурге целоваться со священниками, поцеловал, забывшись и под болтовню с провожавшим Федором Николаевичем, и жену его, Ольгу Петровну, что пресмешно вышло. Вернулся во втором часу.

7 января 1880. Понедельник. Двенадцать часов ночи

<...> Ровно в два часа был в Аничкином дворце. По докладе Цесаревна приняла в гостиной среди зелени; между прочим, у меня над головой стоял горшок со светло-красной азалией, совершенно такой, как у нас в Японии; вдали виделась другая такая же азалия. Недаром Цесаревну все любят. Как она проста и приветлива, как скромно села на диване, указав мне ближайшее кресло! Сразу развязывается язык, и я без малейшего стеснения стал говорить о Миссии; вытащил из кармана пакет с фотографией группы нынешнего Собора, с номером «Сеогаку-засси», письмом из Японии отца Владимира и в течение речи показывал ей то и другое. Она несколько раз повторяла: «Да, нужно поддержать Миссию, я скажу Великому князю»; о петербургских властях выразилась: «Они здесь спят немножко», хотя я не мог себе дать отчета, о ком собственно говорит. <...> При аудиенции никого не было; по крайней мере, я никого не видал, да и некогда было рассматривать. И эта Императрица будущая огромнейшей в свете Империи — вместе с тем скромнейшая и добрейшая женщина в свете! Дай Бог ей много радостей и много добрых дел! Когда вышел от Цесаревны, было три часа. Вернувшись домой, вечером хотел было идти в город, как пришел Протоиерей Митрофаньевского кладбища, Николай Данилыч Белороссов, бывший брюссельский священник, с которым я виделся десять лет назад в Лондоне у Е. И. Попова, и просидел весь вечер. Учит христианству ныне какого-то графа-немца, который на днях и будет присоединен к Церкви. Рассказывал много неутешительного про своего главного Протоиерея Муретова, бывшего прежде Исаакиевским, и — вообще про духовенство, читал свою недавнюю проповедь, в которой довольно остроумно сопоставление людей, желающих рановременно реформ, с евреями, прогнанными от Кадис-Варни; приводил изречение одного Архиерея, что возвышение начальствующих — не в угнетении подчиненных, а в поднятии их; вспоминал своих академических товарищей — Максодонова, Капитона Белевского и прочих.

8 января 1880. Вторник. Семь часов вечера

Утром написал благодарственное письмо к отцу Косме и отнес к отцу Исайе, вместе с брошюрками для отсылки к нему. Отправился в десять часов к Никандру Ивановичу Брянцеву, чтобы предупредить его насчет обещанного Цесаревной касательно пожертвования. Застал его беседующим

с несчастнейшим по виду персиянином-магометанином, желающим присоединиться к Православной Церкви. Персиянин весьма плохо понимает по-русски и, видимо, хочет креститься для того, чтобы добыть себе какую-нибудь материальную помощь. Вот тут и поступай как знаешь! Отец Никандр — собственно еврейский миссионер; он уже крестил человек шестьсот евреев; но к нему шлют людей всех национальностей, желающих креститься. Рассказал он мне одну очень трогательную историю крещения и венчания одной еврейки, насчет которой отец ее выразился отцу Никандру: «Мне хотелось бы не то что убить ее — это я могу сделать каждую минуту, а хотелось бы изрезать в мелкие кусочки». Рассказывал много о препятствиях на его пути; к счастью, человек — не слабый, и притом глубоко опытный и крайне храбрый; не стесняется ни перед кем (случай его препирательств с С. Бор. Потемкиной, где он просто приказывал ей: «Замолчите»). Тут же пожертвовал на Миссию пятьдесят рублей из суммы, присланной ему для добрых дел Стахеевым из Елабуги, и советовал написать ему. Насчет вещей из Дворца сказал, что много есть икон, которые можно отдать, и обещался поговорить с управляющим Дворца. Насчет моего представления Цесаревне выразился, что это — необыкновенный факт: «До сих пор только двое были представлены и имели разговор с Цесаревной — Митрополит Макарий и Вы». От него заехал к Владимирскому Протоиерею, Благодичному Соколову, чтобы спросить о пожертвованиях из церкви, — дома не застал. Заезжал к Путятиним. Ольга Евфимиевна — преледная и слабая; простудилась, но перемогается; просила меня проверить списанное русскими буквами с японских нот «Хвалите» — японскую азбуку знает верно.

9 января 1880. Среда

Утром пришел отец Николай Ковригин, из Сан-Франциско. Много рассказывал тамошних дряг и оправдывал себя. Бедный, жаль его — семь человек детей; Духовное начальство дало ему пенсию в пол жалованья — тысячу пятьсот рублей в год; но он — без места и без репутации. Обещался говорить за него пред Митрополитом и Иваном Петровичем Корниловым, чтобы ему попасть в Швейцарию. При нем же пришел Член Археологического Общества Александр Николаевич Виноградов, рекомендуя себя в живописцы для Японской Миссии. Говорит красно и учено, Восток знает превосходно, но, кажется, больше теоретик, чем практический хороший живописец. Обещался быть у него сегодня вечером, чтобы видеть его коллекции по иконописи. <...>

В Новодевичьем монастыре показали распоротые ризы и прочие облачения, собранные доселе мною, — оказывается, что почти нее годно только на выжигу. Просил известить, когда мать Ювеналия будет выжигать, чтобы поучиться. От них поехал к Капитону Васильевичу Белевскому, законоучителю Морского корпуса, — не застал; к Иордану — обедали, не захотел мешать; к Виноградову — не застал, ибо немного раньше обещанного пришел; опять к Белевскому — отдыхал, не захотел беспокоить. <...>

10 января 1880. Четверг

Утром позвал Митрополит и объявил, что Обер-Прокурор сказал, что деньги на Миссию вошли в Государственный бюджет. «Значит, можно поздравить», — заключил. Потом заговорил о сборах на Храм — я откровенно признался, что у меня плохо идет. У него оказалось лучше. <...> Вечером заехал к Щурупову; план Храма и нравится, и не нравится; посмотрим, что скажет Владыка; будет строиться так, как он благословит. В восемь часов был у Константина Петровича Победоносцева; расспросил он подробности моей аудиенции у Цесаревны и сказал: «Наследник очень жалел, что не был при этом; он известит, когда можно быть и у него». Я просил доставить мне случай представиться Наследнику. <...>

12 января 1880. Суббота. В третьем часу ночи

Скучный и тягостно проведенный день, как скучно и тягостно и все пребывание в России. Скучал нередко в Японии, скучаю почти всегда в России. Где же лучше? Там и тогда, где есть настоящее дело.

Пусть помнится и чувствуется это, когда буду в Японии. <...> И все-то — благо, все — добро! Но было бы более благо, если бы не быть людям, имеющим серьезную нужду, в положении нищих. Возмущает меня сбор — необходимость стучаться и получать грубые, вроде вчерашних, прогоны (в буквальном значении).

Для приобретения смирения — пожалуй; но что же, если подобные факты возбуждают, как у меня вчера, злой хохот? Я хохотал в нескольких местах, а на дне души — злость, дурной осадок. Ненатуральное, насильственное что-то в этих сборах для собирающих. В Священном Писании нет этого. Давид только предложил. Павел только посоветовал и определил правило. Господь с ним, с этим делом сбора! Не знаю, что из него выйдет; знаю, что в Японии будет Храм, но как устроится — не знаю; нравственного мучения моего в этом деле будет немало, думаю. Что ж? Хоть на куски, лишь бы было Христианство в Японии! <...>

13 января 1880. Воскресенье. В десятом часу вечера

Утром, в десятом часу, позвал Владыка и долго беседовал. Велел отдать из икон, пожертвованных им, Святого Исидора Пелусиота Афонскому Архимандриту Феодориту, по просьбе Афона («Вам»-де «там икон Святых много не нужно»); и рассказывал, что на Кавказе горцы икон женских Святых не чтут — странностию им кажется, по униженному состоянию женщин; чтут больше всего из Святых Илью Пророка (и просят дать дождя), Архангела Михаила (и просят победы), Георгия и прочих. На замечание, что в Японии христиане о житиях Святых еще мало знают, я ответил, что, напротив, христиане ничем столько не интересуются, как жизнеописаниями Святых. О христианских именах — советовал не давать имен труднопроизносимых и рассказал, как один жаловался Архиерею на священника, что дал сыну его имя Иуды («Никто»-де «проходу не дает — Иуду родил»); Архиерей определил пред Причастием переменить имя; а Московский Филарет рассказывал ему слышанное о Московском Платоне — о мальчике Спасе, во имя Спаса Нерукотворенного.

Я выразил сетование, что нет хорошо исследованных житий Святых Апостолов; но, видно, и в самом деле нельзя написать более полных — по совершенному неимению материалов нигде на свете. Владыка сам несколько раз велел Архимандритам, жившим в Риме, достать возможно полное и лучшее жизнеописание Апостола Петра: «Уже, кажись, где бы и быть такому, как не в Риме? Но — нет; быть может, впрочем, и по невозможности доказать двадцатипятилетнее пребывание Апостола Петра в Риме, паписты не написали полного жития его; на каком-нибудь же основании Метафраст перечислял страны, где был он; но более обстоятельных сведений — не известно; то же — и о других Апостолах». И рассказал, как он писал о Петре, что «всегда, как Петру сказано что-нибудь особенное, на что ныне ссылаются католики, тотчас же за сим следует искушение для Петра: "Ты еси Петр" — и тотчас: "Иди за мною, Сатано"; "Молился о тебе, да не оскудеет вера твоя" — и троекратное отречение Петра... (Мф. 16:18, 23). Значит, Петру и говорится особенное по предвидению его падения, чтобы научить смирению его и всех, а не для римских целей». Я рассказал о клевете на меня протестантов по приезде моем в Едо, когда я стал в Сиба изучать буддизм; и о житии Царевича Иоасафа по исследованию Макса Мюллера. Зашла речь о Фомитах в Индии, и Владыка выразил желание узнать обстоятельнее о них. Нужно найти источники сведений и доставить ему и в русскую печать. Рассказал о посещении его в прошлом году английским епископом. «Надеюсь, вы найдете у нас что-нибудь хорошее, а не так, как другие из вас,— называют нас идолопоклонниками за то, что мы имеем иконы, сообразно с Вторым <Никейским Седьмым> Вселенским Собором, имея в них писанное красками Слово Божие и поклоняясь на иконе Богу, как Он явился людям». <...>

15 января 1880. Вторник

Вчера вечером, когда собрался было идти к Щурупову, пришел Александр Николаевич Виноградов и проговорил об иконописи с час. Видно, что — теоретик и археолог по части иконописи превосходный. Если бы оказался и практически таким хорошим живописцем, то лучшего и не надо

для Миссии. У Щурупова спросил о цене плана храма с деталями — запросил семьсот пятьдесят рублей. На мои слова, что — дорого и чтобы он подумал и уступил, рассыпался в болтовне на эту тему, выбежал даже на лестницу, все уверяя, что меньше нельзя. <...>

16 января 1880. Среда

Утром с Щуруповым были у Владыки — план Владыка одобрил. Зашел Щурупов ко мне; тут же пришли граф Евфимий Васильевич и Ольга Евфимиевна от Обедни. Граф едва взглянул на три Алтаря подряд, как и рассердился и закричал, что теснота будет в Алтарях (и руки у него затряслись). Что за раздражительность, в высшей степени неприятная и для других, на нервы как-то действует. По уходе их я стал опять толковать с Щуруповым о цене — просит опять семьсот пятьдесят рублей. Я предложил пятьсот, ссылаясь, что Реутов за более трудный план с деталями просил всего шестьсот рублей. Щурупов рассердился, наговорил грубостей (вроде «Коли нищенствуете, нечего и заказывать», «Художники с собой шутить не позволят»), бросил план и ушел. Видно, что старик очень жаден до денег, и нечестен же притом. Увидим, что дальше. <...>

17 января 1880. Четверг

Утром был отец Исайя, чтобы условиться о времени отправления вместе с ним в воскресенье в Мраморный дворец. Потом принесли шесть икон и два прибора воздуха от Государыни Цесаревны в Миссию, переданные ею Константину Петровичу Победоносцеву и от него теперь присланные. То и другое — в высшей степени изящно. Письмом попросил Константина Петровича поблагодарить Государыню Цесаревну. Дар ее, конечно, будет храниться Японскою Церковью как святыня. <...>

В третьем часу был у Александра Николаевича Виноградова. Тотчас же явился и граф Евгений Евфимович Путятин, по любви к старым произведениям учености и искусства. Пока стемнело, смотрели коллекции по церковной архитектуре и иконографии. Виноградов серьезностью отношения к своему делу все больше и больше нравится мне. Нужно будет, кажется, подвергнуть его испытанию в практике иконописи в Новодевичьем монастыре. Вернувшись в Лавру, побыл у Владыки, чтобы спросить, что делать с Щуруповым, — велел не ссориться. Увидим. Быть может, по пессимизму моего воззрения на людей, Щурупов кажется мне плутом, который еще огреет карман Миссии не на одну сотню, не говоря уже о семистах пятидесяти рублях, которые я должен буду отдать ему, вследствие приказания Владыки не ссориться. Сходил в баню. Явился Обер-Прокурорский курьер. Что? Поздравить с монаршею милостию. Мелочи не оказалось, хотел занять у Андрея — ушел; велел курьеру после прийти. Бедный люд — тоже живет одними подачками, а жалованье поди самое незначашее.

19 января 1880. Суббота

<..> А тоска-то, тоска во все эти дни! Как один с собою останусь, так хоть умирай от недостатка живого дела! Ужель это дело — собирать тряпье по церквам? И как же надоели мне все эти разъезды, всегда почти впустую. Собирать пожертвования — мука. И дают как же плохо. Сегодня, например, адмиральша Рикорд суетилась-суетилась и вынесла пятьдесят рублей, хоть книжка лежала у нее уже три дня. Каждый день — в разгоне, и почти каждый день — нуль!

20 января 1880. Воскресенье

Утром заехал к графу Путятину отдать Ольге Евфимовне «Христианское чтение» за 1838-й год, часть первую, нужное для чего-то графине Марье Владимировне Орловой, и Ветхий Завет в картинах, купленный вчера в музее по просьбе Евгения Евфимовича. Оттуда к Обедне отправился в дом графа

Сергия Дмитриевича Шереметева, по его приглашению. Обедня начинается в одиннадцать часов; служил сегодня старец, отец Платон из Сергиевского собора. Я пришел рано; потому седой дворецкий, держащий себя очень достойно, повел показать Образную графов. Комната по стенам до потолка сплошь уставлена иконами; по одну сторону — иконы, принадлежащие графу Сергию, по другую — юному графу Александру; в смежной, в стеклянных шкафах, — Походная церковь фельдмаршала графа Бориса Шереметева. Есть очень древние иконы — например, благословение от Папы графу Борису с лампадой редкой работы, Мальтийский Крест Бориса; везде блестят бриллианты, аметисты и золото; одна небольшая икона стоит двадцать тысяч. Ровно в одиннадцать началась Обедня. Певчих — пятнадцать человек; голоса — превосходнейшие; управляет Ломакин; певчие — все любители, получающие притом от графа большое жалованье; есть люди в больших чинах — например, один, кончивший курс в Киевской Духовной Академии. Поют, конечно, превосходно. После Обедни граф Сергей позвал к себе. Большое общество. Между прочим — Константин Петрович Победоносцев. Он-то и есть благодетельный гений Миссии, внушивший графу пригласить меня. Прошедши ряд великолепнейших комнат, в одной (должно быть, в библиотеке) все собрались и стали пить чай. Графиня усадила меня около себя. И начались расспросы про Миссию в Японии. Константин Петрович помогал мне, вызывая на рассказы. Все слушали внимательно. Когда зашла речь о католиках и я стал характеризовать их, некоторые из гостей встали и ушли — должно быть, католики, и не по вкусу пришлось; поделом! Не Православию с поля уходить. При речи о протестантах кто-то промолвил: «Вот здесь бы быть редстокистам» (видно, в этом доме нет их). Я уже довольно устал говорить, когда пригласили к завтраку; графиня повела меня впереди и пред столовой предложила закусить — я, кажется, один и воспользовался закуской; стаканчики к водке в виде шариков — впервой видел. В столовой накрыт был огромный стол — и оказалось, что все места не остались пустыми; для детей еще в углу накрыт был другой столик. Завтрак состоял из пирога и рыбы (для меня) и того же пирога и котлеты (для других); из напитков подавали херес, красное вино и пиво. После завтрака подали полоскальницы. Все кончилось весьма скоро; украшений в столовой и на столе — никаких; посуда — очень простая; только дворецкий разукрашен был в великолепную ливрею. После завтрака тем же порядком отправились в прежнюю комнату. Дети шумно разбежались по комнатам; в столовую также вбежали шумною толпою; графиня иногда кое-кому из них делает замечание — тихо. Вообще, счастливее и лучше дома, кажется, и представить нельзя. Граф и графиня — оба молодые и красивые; у них — четверо детей; кажется, — все мальчики; одеты в белых русских рубашках; игривы, милы и хорошо направляются, как видно, — кто подвернется под руку, тотчас же просит благословения и непременно целует руку. В обществе были и старые люди, но больше молодежи. Графиня сама стала варить кофе, а меня опять заставили говорить о Японии. Граф Сергей был особенно оживлен и сказал, что хочет еще поговорить со мною отдельно, для чего спросил, когда может приехать ко мне; я предоставил ему назначить время и заранее известить меня. Должно быть, собирается пожертвовать на Храм.

Авось либо сделает достойное его имени пожертвование. Много интересовались рассказами еще двое мужчин — старик и пожилой (один из них — должно быть, князь Вяземский; другой, пожилой, — как видно, Член Совета Миссионерского Общества, и звал к себе в Москве). Стеснился спросить у них, кто они; нужно будет узнать у Константина Петровича. Граф подарил книгу рисунков храмов и иконостасов, и старик надписал ее — должно быть, он и есть князь Вяземский. Была еще старушка, заговорившая о профессоре Григорьеве, которого я встретил в Японии и который будто бы писал, что японцы называют меня великим мудрецом (!!). Нужно будет побывать у матери Григорьева. Когда я встал, чтобы уйти, попросили по-японски прочитать «Отче наш», что я и сделал; затем раскланялся с графиней. Граф и некоторые гости проводили до лестницы. Что за роскошь везде! Такой богатой лестницы, устланной богатейшим ковром, с превосходнейшими статуями, да и вообще такого роскошного дома никогда еще, за исключением дворцов, не видал. И что за приветливость! Я вернулся в восхищении — конечно, потому что льстится надежда получить от графа на Храм. Без той тайной

надежды, увы, скука одолевала бы и все казалось бы в другом свете. Ведь скучны же дворцы и не манит в них, например, в Зимний (к графине Толстой), во дворец Николая Николаевича (к Бартеневой). И теперь вот в Мраморный (к Илье Александровичу Зеленому на обед) невесело отправляться.

21 января 1880. Понедельник. В первом часу ночи

Только что вернулся от Зеленого. Не столько весело было, сколько удерживало желание наблюдать. Илья Александрович — положительно добрейший человек. Счастлив Константин Николаевич, что напал на такого воспитателя для своих детей. Он — искренен, умен, откровенен; Великие князья, конечно, получали от него самое благотворное направление. Замечательны его характеристики, откровенно высказываемые при гостях, при своих детях: «Великие князья в семействе — как в гостях, и только в своих комнатах — как дома»; «Стесняются до совершеннолетия, как малые дети, а потом разом получают двести тысяч в год в бесконтрольное распоряжение и начинают делать глупости», и прочее. Илья Александрович постарался вести дело так, что князья и в детстве не чувствовали постоянного над собою насилия; оттого старший, сделавшийся совершеннолетним, с недоумением спрашивал: «Да в чем же различие моего прежнего состояния от нынешнего?» И любят князя Илью Александровича искренно, как он говорил. — Константин Константинович при покупке старается тотчас же, не видя вещи, отсчитывать деньги, и прочее. <...>

22 января 1880. Вторник

Утром написал письмо к Щурупову, соглашаясь дать семьсот пятьдесят рублей за план. Пришлось нарваться на человека! Только благодаря вчерашним советам Феодора Николаевича и под влиянием прочитанной за чаем сцены из «Одиссея» (как он укротил свой гнев при виде беспутных служанок, отправлявшихся на свидание с женихами) я осилил себя и написал ласковую записку после грубостей архитектора.

Письмо с приложением рисунков Храма не было отослано тотчас же только потому, что Андрей куда-то отлучился. Вдруг является Щурупов — мягкий, ласковый по-прежнему и волнующийся: «Прошу шестьсот пятьдесят рублей, не хочу стать наравне с каким-нибудь учеником». — «Согласен, но зачем Вы прошлый раз так нерезонно рассердились? Я имел такое же право желать исполнения заказа дешевле, как Вы — ценить свой труд дороже» (из вчерашнего наставления отца Феодора). Щурупов рассыпался в уверениях, что он вовсе не сердится, что у него такой способ говорить, и предложил написать условие, то есть то, чего я сам хотел от него как-нибудь добиться. Я дал ему бумаги и усадил за письменный стол, предварительно удалив копию с письма к нему. Он написал безграмотный контракт, но в нем ясно прописано, что он должен сделать все детали и рисунки иконостасов. Я дал ему сто пятьдесят рублей зазатку; контракт с его подписью остался у меня, а я спищу копию и с моею подписью отошлю к нему (что уже и исполнено). Таким образом, сто рублей, висевшие на волоске, сбережены. Видно, что Щурупов боится Митрополита (то есть чрез него потерять в будущем возможность рисовать планы для духовенства). Андрей захотел отправиться домой, чтобы отдохнуть и поправиться здоровьем; действительно, он истомился, как видно, на трудной службе многим господам. Я уволил его. В половине первого часа пришел отец Иосиф, цензор, чтобы отправиться имеет посмотреть некоторые богоугодные заведения, к которым он близок как член или как участвовавший при основании. При выходе столкнулись с бароном Романом Романовичем Розеном, на днях приехавшим в отпуск из Японии. Весьма приятно было встретиться с японским знакомым. Вернувшись в комнату, полчаса превесело поболтали. Он уже представился Государю; говорил, что утомляется на балах; живет в Hotel de France на Большой Морской, ездит в отличной карете; в Японию, кажется, не очень хочет. Когда еще сидели, пришел посол от Великой княгини Екатерины Михайловны с приглашением сегодня на обед к ней в шесть с четвертью часов. С

отцом Иосифом прежде всего отправились в «Приют Святого Мученика Мефодия Патарского», на Песках. Приют начался лет десять тому назад, почти незаметно, — один добрый чиновник, по имени Мефодий, стал принимать к себе бесприютных девочек, которые прежде просто прислуживали ему, а он их одевал и учил. Девочек стало собираться больше, а Мефодий, постепенно увлекаемый своим добрым делом, пожертвовал всем своим состоянием на приобретение участка земли, построение на нем каменного дома с церковью и разведение сада. Когда все это было заведено, Мефодий подарил свой приют Великой княгине Александре Петровне, которая в настоящее время и есть Главная Попечительница его. Теперь в приюте живут тридцать пять девочек и приходят мальчиков и девочек до пятидесяти. Принимаются в приют дети самые бедные, без различия состояний; имеет право принимать сама Великая княгиня; приходящих принимает ближайшая начальница — Мещерская, которая нам показывала приют (Мещерская сама — вдова; сын и дочь ее живут при ней и ходят в гимназию). Встают дети в половине седьмого, через полчаса — молитва и чай; приходящим дается сбитень; они остаются здесь на целый день и кормятся обедом. На детей, живущих в приюте, расходуется в сутки на пищу тринадцать копеек. Но значительную часть провизии жертвуют случайные благотворители, так что из кассы приюта в сутки выходит на девочку не более восьми копеек. На приходящих в сутки положено расходовать, кажется, по три копейки. Приходят все крайне бедные. По правилу положено, чтобы приходящие все были чисты и чистенько одеты; а иной придет грязный. «Отчего?» — «Воды дома нет». Ему дадут мыла и воды, и он вымоется здесь. Приют уже начинает процветать. Мещерская, видимо, с радостью рассказывала, что за прошлый год уже триста пятьдесят рублей заработано девочками шитьем белья, метками платья (и я заказал себе пометить буквою «Н» дюжину платков, которые просил их же и купить). Деньги заработные оставляются — и после, при выходе из приюта, девочки получают свою часть. В год расходуется на содержание приюта до пяти тысяч рублей, считая тут жалованье начальницы (четыреста рублей в год) и учительниц (по пятнадцать рублей в месяц). Из учительниц одна, в самом младшем классе, — краснощекая серьезная девушка лет семнадцати, уже из воспитанниц самого приюта. Она же — и регентша. Прежде всего нас повели в церковь по лестнице, уставленной горшками с зеленью. Церковь — чистенькая и светлая; народу дозволено приходить молиться, и потому священник и дьякон за службу довольствуются доходами, не имея нужды в плате от приюта. Когда мы вошли в церковь, на хорах раздалось пение «Достойно есть» входного; пели очень стройно, голоса — чистые и прекрасные, особенно сопрано. Затем пропели концерт и «Многая лета». В Алтаре, над Жертвенником, на каменной доске — просьба Мефодия молиться о нем. Против церкви, во втором этаже, — спальни детей, очень чистые; почти над каждой койкой — образок (собственность девочки). Там же — фортепьяно, пожертвованное кем-то; в углу — комнатка, крошечная, учительницы (бывшей здешней пансионерки); Мещерская рассказывала, что она очень рада этой своей комнатке. Отсюда я зашел на хоры к певицам; в это время они неудачно начали «Многая лета»; я просил их окончить петь — но регентша, как видно, не желала кончить так неудачно, переназначила тон, и пошло хорошо; я дал два рубля певчим. Повели потом осматривать классы. Когда мы еще входили в приют, для детей был отдых, и слышалось их пение какой-то песенки и шум. Теперь все чинно сидели по классам; приходящие и пансионерки, мальчики и девочки — все вместе; всех классов — четыре; начали осматривать с младшего; в двух первых спрашивали Священную Историю; бойко рассказывают — с рассказов учительниц; лишь только один запнется, как многие другие поднимают руки, чтобы показать, что они знают и готовы отвечать; в третьем — арифметику (раздробление); в четвертом — более взрослые девочки занимались рукоделием: одна шила на ручной швейной машинке (есть у них и большая, чтобы вертеть колесо ногой, но доктора запретили употребление вредное для развития организма); другая обрубала платки; третья шила шелковое платье. Начальница с гордостью сказала, что им заказывают уже и подвенечные платья, — должно быть, это и есть. Потом видели кухню, еще помещение учительницы (другие учительницы — приходящие) и, наконец, зашли в комнаты начальницы, где угостили нас чаем; у нее — две комнаты (приемная, она же и кабинет — на столе приходо-расходная книга; и спальня, где

кровати для нее и сына). Из девочек назначаются две дежурные, которые в спальнях, когда встанут и уберут свои койки, везде обметают пыль, а в кухне приучаются и помогают стряпать; у них — платица другого цвета и с короткими рукавами, для удобства при работе. Великая княгиня, когда здорова была, часто приезжала в приют и совершенно матерински обращается с детьми; теперь недавно она прислала в приют девочку — двухлетнюю, которую тут же и видели мы. На елку, бывшую в Рождество, разные благотворители надавали больше трехсот рублей; и дети все получили платье, обувь и много конфет; дети приводили своих маленьких гостей, так что яблоку негде было упасть в приюте, — и все были очень счастливы.

Дети гурьбой проводили нас из приюта. Отсюда поехали на Петербургскую Сторону, осматривать Марьинский Приют Красного Креста, куда принимаются дети убитых в минувшую войну офицеров. Он — под покровительством Великого князя Сергея Александровича; главной же начальницей — Софья Ильинишна Ермакова. Ее тоже застали в приюте, и никогда не забыть мне чувств при виде всех этих крошек — мальчиков и девочек, детей наших павших героев. У каждого последняя мысль, верно, была об остающихся сиротах — и вот здесь они призрены и воспитываются. И как же заботятся о них! Везде такая чистота, изящество; пища такая хорошая; при нас они обедали вместе со своими воспитательницами; показывали наперерыв свои тетрадки, пели «Боже, Царя храни» и разные детские песенки, вроде «Ох, батюшка, не могу», «Петушок, Золотой Гребешок»; двое пели привезенную из дома песню «О воле». Трогательны рассказы Ермаковой о детях, как они исправляются, — о двух малютках Оглоблиных из Смоленска, детях капитана, привезенных матерью (один был точно дикарем, теперь — как все). Двое из детей приготавливаются уже к поступлению в военную гимназию. Прочие все — такие малыши; но как стройно поют!

И трехлетние, пищащие, точно комары, поют очень правильно — учатся петь под фортепьяно; показывали еще комнатную гимнастику; казачка Варя (из Ростова-на-Дону), черноглазая девочка лет восьми, была образцовой. Дай Бог процветания этому приюту. В высшей степени отрадно видеть, что дети людей, умерших за Отечество, не бросаются на произвол судьбы. <...>

По приезде домой, наскоро переодевшись, отправился к Великой княгине. Кажется, минута в минуту поспел в четверть седьмого. Были еще барон Остен-Сакен, Саблер, сын княгини (младший), дочь и какая-то дама, и еще в золотых эполетах кто-то; застал всех уже за закуской. Великая княгиня встретила очень приветливо, сама подала тарелку и предложила икры; обед весь был постный и, конечно, превосходный, блюд в семь; но мне едва удавалось отведывать каждого блюда — нужно было удовлетворять вопросам; рассказал о Хидеёси, о харакири; на вопрос княжны, мягки ли японцы; и прочие. После обеда барон Остен-Сакен прочел немецкие стихи, поданные ему княгиней; все похвалили, а я похлопал глазами. Княгиня спрашивала, много ли жертвуют на Храм, — сказал: «Совсем мало». Должно быть, собирается сама пожертвовать; при прощании сказала, что до отъезда в Японию еще увидимся. Сидели после обеда в Красной Гостиной, обитой шелком; на стене — большая картина Архангела Михаила, освещенная двумя лампами. Княжна, по-видимому, — очень простая и милая; князь — молодой офицер, серьезно высматривающий. Минут <через> тридцать пять после обеда княгиня, княжна и князь, вставши и раскланявшись, ушли к себе. За обедом мне пришлось сидеть по правую руку княгини, между ею и княжной. В разговоре все время держались русского языка.

27 января 1880. Воскресенье

Утром с отцом Исаиею отправились в Мраморный дворец к Обедне. По приезде он стал совершать проскомидию, а я осматривал дворец; ротонда, где посредине — яшмовая ваза, направо — парадная столовая (зала, где на хорах певчие спевались к Литургии), налево — семейная комната, несколько зал с книгами и коллекциями монет и медалей, сад и белая зала, где посреди — орган (и каждую пятницу бывают концерты), модели судов, разных машин, пушек, оружие (плеть, которою разбойник убивал до смерти, штык, которым в Риме часовой убил бешеного быка, и прочее), вещи,

поднесенные Великому князю, — два гусара, кадет со штурвалом (серебряные группы), каменные пресс-папье и прочее до бесконечности. В церкви — частицы Животворящего Креста, разных мощей, камней от Гроба Господня и Божией Матери, крест из дерева, срезанного самим Великим князем в Палестине, палец Святой Мученицы Марины, в день которой в 1857 г. Великий князь спасся при крушении; маленькая молельная посредине церкви с множеством молитвенников на аналоях и сиденьями для Великого князя и Александры Иосифовны. В церкви были сам Константин Николаевич и его дети — Константин и Димитрий; Великая княгиня больна рожею на лице и ноге. На Великой Эктении поминали Царскую Фамилию до детей Великого князя Константина Константиновича; на Великом Выходе — до Наследника с детьми, как и везде. Певчие — хороши; иконопись — строго византийская. После службы, продолжавшейся час с четвертью, мы с отцом Исайей выпили по чашке кофе в семейной. Илья Александрович Зеленый звал на будущее воскресенье, чтобы представить Великим князьям. Заехали к Ивану Васильевичу Рождественскому — поздравить его с Ангелом, где застали Чистовича и Нильского; к Жевержееву, где наверху закусили икрой и сардинками; к Протоиерею Парийскому, у Рождества на Песках, который ждал меня обедать, пригласив и серебряных дел мастера Груздева; он у двух женщин своего прихода на Миссию выпросил тридцать пять рублей, которые тут же и сдал мне. В восьмом часу пришел Александр Николаевич Виноградов; вызывается, даже на свой счет, при предполагаемом жалованье, взять техника-живописца в Японию; зашел вновь приехавший очередной Архимандрит отец Аркадий Филонов (смоляк), сосед.

В восемь с Виноградовым отправились к графу Путятину, где я и ночевал, вечером долго проговорив с Ольгой Евфимовной по поводу письма к ней ее духовника отца Ювеналия, довольно сердитого по поводу ее желанья ехать в Миссию.

31 января 1880. Четверг

Утром принесли пожертвование из Екатерининской на Васильевском Острове церкви, куда я третьего дня заходил и где, упавши в воротах, разбил колено. <...> Дмитрий Дмитриевич повез облачения на выжигу или поправку в Новодевичий мо-настырь. <...> Вечером получена записка от Тертия Ивановича Филипова с извещением, что «дело в Государственном Совете кончилось благополучно».

1 февраля 1880. Пятница

Утром, в половине восьмого, был у Владыки с вчерашней запиской Тертия Ивановича о благополучном окончании дела в Государственном Совете и с планом византийского храма Дмитрия Александровича Резанова. Застал его за кипюю бумаг с пером в руке. На извещение, что дело прошло в Государственном Совете, и на последнюю славянскую фразу в записке Тертия Ивановича Владыка улыбнулся; видимо, ему приятно было. Когда показал план Резанова, дал мне нагоняй, так что пот выступил у меня. «Бескорыстным трудом можно пользоваться только тогда, когда прямо можно употреблять его на доброе дело — а тут молодой человек трудился для ничего; оставил бы план свой здесь — быть может, и осуществится когда-нибудь». На мое возражение, что может осуществиться и в Японии, когда, например, крестится император, — «Гордость это; Бог может наказать за нее; нужно молиться Богу». На просьбу поблагодарить от его имени Резанова сказал: «Это можно». На донесение, что пять ящиков с иконами укупорены, сказал: «Что ж не взял иконы Варвары Петровны?» (Базылевской), и обещался прислать их ко мне. Задумался я по приходе от него. «Гордость» — но в чем? Между тем слова Владыки нужно ценить — предостережение и урок. <...>

3 февраля 1880. Воскресенье

Утром, увидавшись в комнатах отца Исаии с новгородским Протоиереем Орнатским и в аллее — с Новгородским Преосвященным Варсонофием (приехавшими ко дню Ангела Владыки), направился

с отцом Исайей в Мраморный дворец. После Обедни, в комнате пред церковью, Великий князь Константин Николаевич очень ласково расспросил «о деле»: «Скоро ль посвящение; ужель назовут немецким? Каким путем опять в Японию?» И сказал, чтобы не уезжать, не увидевшись с ним. Потом Дмитрий Константинович пригласил на завтрак (Константин Константинович был на службе). Пред завтраком Илья Александрович показал комнаты Великих князей — небольшие, но, конечно, изящно убранные; койки — железные, очень просты. С половины завтрака Дмитрий Константинович должен был уехать с Ильей Александровичем на концерт. Я остался наконец с одним гофмейстером — Грейгом (братом министра финансов) и проговорил о Миссии и Японии, пока готов был экипаж, на котором и доехал до Инженерного Замка (виделся еще во Дворце с героем Шестаковым, который припомнил знакомство со мной в Хакодате). От Феодора Николаевича получил письмо, в котором отец Анатолий извещает о покраже у него 500 ен. Вернулся в Лавру ко Всенощной, которая длилась два часа в Крестовой; певчие пели превосходно, особенно ирмосы и «Всяк мужеский пол...» <...>

4 февраля 1880. Понедельник. День Именин Высокопреосвященного Исидора

Только что кончилась Литургия (одиннадцать часов утра), совершенная Высокопреосвященным, ныне восьмидесятилетним старцем, Исидором в сослужении Преосвященного Варсонофия Старорусского, шести Архимандритов, новгородского Протоиерея и трех иеромонахов (всего служащих было двенадцать). Я был в числе служащих. Литургия совершалась в Крестовой церкви; началась в восемь часов. Невыразимое умиление, невольно слезы просятся на глаза — видеть благоговейное служение маститого Иерарха и помышлять, что это, конечно, последняя Литургия, совершенная с ним, в день его Ангела. После Литургии был молебен Пресвятой Богородице и Преподобному Исидору; после многолетия ему, разоблачившись, в мантии, он вышел благословлять народ.

В четыре часа. Сейчас с обеда от Митрополита. Обед был на девяносто пять персон (по восемь рублей на каждого, кроме вин; прислуга и посуда — официантские). Был весь Святейший Синод, Обер-Прокурор, Зуров (немного опоздавший), старейшие профессора Академии, семинарское и училищное начальство, главные лица по Синодальному Управлению, двадцать два Архимандрита, немало почетных Протоиереев и прочих. Обед начали в два часа. Видел в одном фокусе собранное все главное по Церкви Русской. До обеда Владыка был с главными гостями в гостиной, прочие толпились в зале. Во время обеда Владыка провозгласил здоровье «Императора, Императрицы и всего Царствующего Дома» — кое-кто слабо вскрикнул «Ура!». Потом Обер-Прокурор сказал тост за Владыку, пропели «Многая лета»; затем Владыка — «За Членов Святейшего Синода» (тоже «Многая лета»); последний тост сделал Владыка за гостей — опять пропели «Многая лета». Кофе и ликер разносили, когда встали из-за стола; за столом же после шампанского подавали еще «Токайское» (венгерское). По выходе из-за стола гости почти тотчас же стали прощаться. <...>

6 февраля 1880. Среда

Утром пришел старик Вишняков, портной; должно быть, больше по привычке или для говору, хочется, чтобы и я не ушел от его рук; обещался заказать ему хороший подрясник. В начале девятого часа отправился к Николе Морскому, чтобы побыть у Яхонтова, который встретил очень радушно; его супруга — тоже. Когда показывал мне свой кабинет, подана была ему телеграмма; оказалось — приказание Митрополита отслужить благодарственный молебен по случаю избавления Государя от опасности при новом покушении вчера вечером. Здесь я только что и узнал об этом покушении (уже пятом) на жизнь Государя — злоумышленники хотели взорвать Государя во время обеда (причем восемь человек из караула убито и сорок пять ранено); взрыв был из подвала, взорвал над ним находящуюся дворцовую караульную, но над караульной находящуюся царскую столовую немного только повредил; Государь на этот раз почему-то замедлил к обеду на двадцать минут, почему

опасность его нисколько не коснулась; взрыв был в двадцать минут шестого часа и такой сильный, что весь дворец потрясся. Все эти подробности и слышал уже в речи Митрополита на молебне в Исаакиевском соборе, куда отправился из Никольского собора по осмотре с отцом Яхонтовым прекраснейших икон в Алтаре Нижней церкви, и также по осмотре Верхней церкви — удивительно роскошно отделанной... Дорогой в Исаакиевский собор купил бюллетень о вчерашнем покушении (десять копеек листок) и газеты, где в «Новом Времени» глухо сказано, будто вчера был взрыв газовых труб в Зимнем дворце; бюллетень же — уже перепечатка из «Правительственного Вестника». В Исаакиевском соборе собрались на молебен три Митрополита, четыре Архиепископа, несколько Архимандритов (я в том числе) и духовенство собора. Народу было почти полный собор. Вышедши на амвон, Митрополит Исидор, со слезами на глазах, едва удерживаясь от рыдания, сказал краткую речь, начав: «Вот, братия, новое ужасное несчастье посетило нас», и затем рассказал, как злоумышленники вчера произвели взрыв. Упомянув, что Государь почему-то опоздал к обеду, Владыка сказал: «Но вера напоминает нам: "Ангелам своим заповесть о тебе, хранить тя". Они и удержали его». Во время речи оба Митрополита стояли полуобращенные к говорившему. Из священнослужителей Оболенский (Протоиерей) и отец Вениаминов пытались плакать; из молящихся некоторые плакали, особенно женщина, стоявшая за мной. <...>

8 февраля 1880. Пятница

На обратном пути от графа заехал к Груздеву — серебрянику, а по приезде домой сдал посланным от него для поправки серебряные и прочие ризы с икон, кадила, кресты и прочее. Зашел отец Феодорит, афонский Архимандрит, которому Высокопреосвященный Исидор велел передать икону Преподобного Исидора Пилусиота в благословение Афону; взамен ее отец Феодорит прислал мне вчера еще две иконы, писанные на Афоне. Он-то и постригал на Афоне моего бывшего келейника Михайлу и очень огорчился, когда я сообщил ему, что Михайла во Владивостоке уже женился. Пришел на секунду секретарь Владыки показать бумагу о награждении Орденом Владимира Третьей Степени. В двенадцатом часу зашел цензор, отец Иосиф, чтобы вместе ехать в Университет на публичный акт. Приехали во время молебна в Университетской церкви — благодарственного. Служил университетский Протоиерей Солярский и профессор Василий Гаврилович Рождественский; певчие были киевские, в числе которых я заметил и Бережницкого. Молодежь толпилась везде массами, но церковь далеко не была полна молящимися; впрочем, стоявший около меня — видимо, студент — молился очень усердно. По окончании молебна, на котором превосходно было спето «Тебе, Бога, хвалим», все собрались в университетской зале, которая битком и наполнилась публикой и студентами. Хоры вокруг всей залы также полны были студентами. В зале прямо против входа, между двумя колоннами, — огромный портрет Императора; перед ним, подковой, — красный стол, отверстием обращенный к публике (для профессорского персонала Университета, с приколотыми бумажными надписями, чье место); посредине — зеленый стол, на котором приготовлены были золотые и серебряные медали и за которым сидели самые почетные посетители (на этот раз — Преосвященный Гермоген и попечитель Учебного Петербургского Округа князь Вяземский); затем следовали сначала кресла (плетеные), потом стулья — для публики. В полукружии между красными столами и зеленым, немного в стороне, направо от входа, стояла кафедра. Вошедши, все встали, и певчие на хорах пропели «Коль славен», после чего, когда сели, вышел профессор и с кафедры прочел (очень торопливо) отчет о времени с восьмого февраля 1879 по восьмое февраля 1880. Сначала — об утратах лиц за смертью, потом — хозяйственную часть и учебную; преподавательский персонал — из девяносто одного человека, тогда как по штату положено восемьдесят три; студентов ныне — больше восьмисот человек, между тем как в 1861 было менее четырехсот; показано было на доске в рисунке, как шло постепенное возрастание, за исключением времени от 1871 до 1875, когда черта не возвышалась; тут же четыре черты показывали процентное содержание студентов четырех

факультетов. В заключение сказано о хлопотах профессоров вне их прямых обязанностей — в «Журнале Министерства Народного Просвещения» и прочих. По прочтении профессор Ламанский прочел речь о причинах силы турок в четырнадцатом — семнадцатом веках. Латиняне тогда угнетали Православный Восток, Византийский же престол был слаб защищать; поэтому и сами греки, и сербы, <и> болгары скорее; желали турок в Европе, чтобы иметь защиту против Запада, и прочее. Ламанский, смачивая горло водой, читал свою речь очень одушевленно, но довольно монотонно, и сидевшие налево от меня генералы погрузились в сладкую дремоту. По окончании речи, щедро награжденной аплодисментами, вышел профессор Фаминцын и прочитал, кто из студентов и какими сочинениями заслужили золотые и серебряные медали. Это была самая интересная часть Акта. Говорилось, с какими девизами и какого достоинства сочинения были поланы, причем читалась рецензия их. Девизы были характерные; на вторую золотую медаль с начала чтения было сочинение с девизом «Дела не испортишь — мастером не будешь»; еще девиз — «Полюби нас черненькими»; и прочие (так и о чтении было). Сколько внушающей, трогательной скромности показывают такие девизы! Первую золотую медаль получил Владимир, которого в рецензии расхвалили донельзя — «Виден навык к юридическому мышлению», и прочее; приличный молодой человек — скоро вышел, получил медаль из рук Преосвященного Гермогена и сделал наклонение головы, ушел за массу студентов; второй сделал поклон потом профессорам; следующие подражали ему. Больше всех аплодировали первой золотой медали по физико-математическому факультету — как видно, за трудность самой темы (что-то о равновесии твердых тел при разных состояниях жидкостей, причем приведены были формулы из высшей математики); весело было смотреть на получение одной серебряной медали двумя студентами за сочинение, как видно, написанное вместе; мило они вышли и получили медаль, передав друг другу, при рукоплесканиях и улыбке их самих. Аплодисментами награждены все получившие медали — семнадцать человек. Пред окончанием пропето было киевскими певчими «Боже, Царя храни!». Вяло пропето и прослушано. <...> Вернувшись домой, сходил в баню, чтобы вылечиться от скопившейся простуды и боли в правом боку.

9 февраля 1880. Суббота

Вчера получено было восемь писем по городской почте. Между прочим, конфиденциально, — Ненароковаой Евфимии. И до сих пор не дает покою этот господин! Поехал утром по письму Барсова в Знаменскую церковь за пожертвованием. Много и хорошего — Евангелие, хотя и бронзовое, утварь. Староста — рыжий, видно, из простых. Вернувшись домой, вместе с встреченным Дмитрием Дмитриевичем, застал запись, а потом и самую личность Ивана Васильевича Махова. Курьезный господин, хвостун во все сани; отец Митрофан, библиотекарь, между тем прислал из библиотеки проповеди Никанора. Чай — для Махова и отца Митрофана. Акафист, читанный самим Владыкой Исидором; я поспел только к Евангелию. Страх Новодевичьего Монастыря быть взорванным девятнадцатого февраля и наказ чрез Дмитрия Дмитриевича взять миссийские вещи. Около двух часов — завтрак у Михаила Дмитриевича Свербеева по приглашению Катерины Дмитриевны Свербеевой. Господин из Варшавы — отзыв самого Государя: «Один поляк — хорошо, два — заговор, три — один доносит». Бледная Марья Вячеславовна, жена Михаила Дмитриевича. На Всенощной был в Крестовой. После Всенощной прочел фельетон в «Новом Времени», сегодняшней, — «Религиозное врачевание и адвокатура» (о Почетном Члене Академии, Евгении Попове, и цензоре, отце Иосифе).

10 февраля 1880. Воскресенье

Никогда не был в таком скверном расположении духа, как сегодня целый день. Этот дурак Степан вчера вечером жарко натопил обе печи и закрыл трубы рано, отчего я ночью угорел, и если бы не проснулся в первом часу и не открыл на всю ночь окно, то, быть может, и совсем не проснулся бы. Утром в шестом часу пошел гулять по аллее на морозе, чтобы проветрить угар, — тем не менее голова

болела целый день. На Обедню пошел в Николаевскую Единоверческую церковь: пение — странное; на «Достоинно» выходят оба клироса на середину церкви; сообразно было бы выходить на «Тебе поем» (или, как у них, «Поем Тя»); для дьякона на амвоне небольшое четверугольное возвышение, мешающее ходить священнослужащим; для поклонов в землю — подручники, мешающие молиться; проповедь из Иоанна Златоуста по-славянски дьякон полупел (по новости, впечатление — довольно хорошее), как будто отчитывают покойника; перед причастием дают крест целовать и выходят с чашей на край амвона — нехорошо; в конце Обедни, давая крест, священник прежде каждого перекрестит крестом. Был молебен за Царя; на молебне певчие стояли посредине церкви и пели весь канон. После Богослужения священник Алексей Петрович Соловьев пригласил к себе на закуску и обещал из церкви сделать пожертвование в Миссию. После я отправился в Гуслицкую часовню просить на Миссию (уж как же опротивело это попрошайничество, притом так малоплодное!). Главного иеромонаха отца Гедсона не застал — карточку оставил. Зашел в Казанский собор приложиться к иконе Божией Матери. Оттуда — в Певческую Капеллу на духовный концерт. Был и Феодор Николаевич с Ольгой Петровной, Яхонтов, Лебедев (Петр Александрович, кажется), завсегдатель концертов — на том основании, что и сам, мол, композитор. Пели, как всегда, чудно; впрочем, Бахметевское все; скучно. Возвращаясь, не нашел места в карете, поэтому взгромоздился на карету и оттуда глазел на гуляющих по Невскому. Вернувшись голодный, пообедал объедками от обеда Дмитрия Дмитриевича и Степана, напился зеленого чаю. Следует ехать к Посьету и Путятину. Но никуда не поеду — надоело! Умереть бы или в Японию.

13 февраля 1880. Среда

<...> В десять часов Дмитрий Александрович Резанов принес фотографии своего плана византийского храма. Прекраснейший молодой человек; жаль, что в их семействе — двое больных (младший брат его и сестра; оба — в чахотке). <...> В восьмом часу отправился к графу Путятину, чтоб передать Ольге Евфимовне фотографии плана Резанова в слабой надежде, что авось либо старик граф будет побужден собирать на Храм, — тогда бы, конечно, план Резанова мог быть осуществлен.

15 февраля 1880. Пятница

<...> Послушал рассказы отца Наместника в секретарской; охотник рассказывать он. Вернувшись к себе, застал Ивана с коробкой книг и вещей от графини Ольги Евфимовны и получил приглашение от соседа, отца Евгения, выпить стакан чаю, после чего взял от него сегодняшний «Голос», где напечатан «Указ Правительствующему Сенату об учреждении в Санкт-Петербурге Верховной Распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, с назначением Главным Начальником оной графа Лорис-Меликова, которому и дана совершенно диктаторская власть». О temporal.

16 февраля 1880. Суббота

Какая мелочь событий! Дотянувши до вечера, едва помнил, что было с утра. Такая мерзкая, отвратительная жизнь может быть только при неимении настоящего дела. Для чего я тяну здесь изо дня в день? И сам скучаю и бездельничаю, и в Японии по Церкви идет расстройство и ждут меня. Форма заела. Старье, рухлядь все в России; не диво, что и бунтуют. О, как многое нужно переменить и улучшить! Не живем и действуем мы — прозябаем! А тут паника, сумбур... Не диво! Э-эх! Горько, обидно, жалко! Лесть, гнусность, чаянье живой воды везде между строк... Сегодняшние газеты стоит сохранить для воспоминания потом. Потянем ляжку ... Утром — отец Исайя, с крестом... Он пригласил на Акафист, который будет читать сам Владыка. Побыл у Щурупова и сказал, что Владыка не позволил вынести придел в церковь. После обеда ходил по иконным лавкам, чтобы найти икону Святого

Феодора Тирона для подарка завтрашнему имениннику Феодору Николаевичу; не нашел, и потому купил в Гостином икону Тихвинской Божией Матери в серебряном окладе, довольно благолепную (за десять рублей). Проходил все время пешком в холодной рясе, так как была оттепель. На Всенощной был в Крестовой; продолжается часа два с половиной; «На реках Вавилонских» пели хоровое — не особенно понравилось. Как все поздравляют с Владимиром Третьей Степени — вот нашли-то радость! Вернувшись, читал накупленные сегодня газеты. Скверно в России! И скоро ли будет лучше?

18 февраля 1880. Понедельник

Единственное счастье человека на земле — в труде, сообразном с его наклонностями и собственным выбором. Сегодня день был солнечный, прекраснейший; я — совершенно здоров; при всем том, несносно проскучал и был несчастен целый день. Утром пошел пройтись по Невскому, купил газет и сыру. В газетах — льстивая галиматья или полуприкрытая злонамеренность. Пошло как все! После обеда, отдыха и чая, от нечего делать пошел осматривать Лаврский собор. Некоторые картины — высокохудожественны, но кое-что есть слишком реально; например, на правой стороне — снятый со Креста Спаситель, при Нем — сетующая Богоматерь с руками, воздетыми к Небу, и Иоанн Богослов, показывающий Ангелу рану на Лево́й Руке Спасителя; Спаситель здесь изображен просто в виде окоченевшего трупа, поразительно верного природе, но немыслимого о Богочеловеке, в Котором уже на Кресте началось преобразование смертного естества нашего в бессмертное и невообразимо прекрасное, что видно было в излинии из ребра крови и воды — факте, не приложимом к простому мертвецу. На правой стороне собора, у Алтаря, Снятие со Креста — гораздо лучше; кстати, рана в ребре на первой иконе — в правом боку, на второй — в левом (художнические вольности!). Обошел потом кладбище и посетил моих милых ангелов на могилах Константина и Леонида Десим... ангел первого — молится, второго — с беспечнейшею улыбкою смотрит на Небо. Завернул к отцу Иосифу, цензору, чтобы попросить что-нибудь для чтения, и получил последний номер «Христианского Чтения» (январь и февраль 1880 года); за чтением его и убил остаток дня. Потом сходил к Всенощной в Крестовую церковь, так как завтра назначен в служение в Исаакиевский собор. После зашел на Всенощную в собор, там еще читали кафизмы, когда в Крестовой кончилась. Простоял, пока прочитали Евангелие, и вернулся к себе. Ныне, в десятом часу, когда пишу сие, величественный трезвон возвещает, что Всенощная и в соборе кончилась. В ознаменование завтрашнего торжества Владыка Исидор отдал приказание во всех петербургских церквах отслужить сегодня Всенощную со звоном к ней в шесть часов. В Лавре даже иллюминирована была колокольня площадками. Народу, впрочем, очень мало было — как в Крестовой, так и в соборе. Завтра Владыка и все Члены Святейшего Синода служат молебен в Зимнем дворце. В Исаакии же — два Викария и Архимандриты.

19 февраля 1880. Вторник

Восшествие на Престол и Двадцатипятилетие Царствования Государя. В девять часов вместе с отцом Евгением, соседом, и отцом Николаем, Архимандритом Римским, в лаврской карете по- | ехали в Исаакиевский собор. Дорогой видели множество флагов и приготовления к иллюминации. В соборе встретили приятели-гимназисты Пятой гимназии — Соколов, Нефедьев, Храповицкий; все в соборе — как дома; Соколов вызвался держать митру у меня, Нефедьев был книгодержцем у Викария Варлаама, Храповицкий — посошником у главного Преосвященного, Викария Гермогена. Владыка Исидор, и все Члены Святейшего Синода поехали на молебен в Зимний дворец, и Литургию в Исаакиевском соборе совершали оба Викария и все наличные Архимандриты (всего четырнадцать митр) и Протоиереи Исаакиевского собора. Я стоял первым Архимандритом, и Храповицкий со своим деликатным и едва слышным «Тише, отец Николай», когда я спешил пройти в Алтарь, чтобы благословить начало Литургии, показал, что он знает подробности Исаакиевского ритуала так, что может и учить новичков. Мрачно в Исаакии, жалость смотреть на незримые плафоны, расписанные

гениальными художниками и пропадающие даром; печально было мыслить пред самым началом богослужения, что кто-то на молебне в Почтамте, во время самого молебна, вел себя неприлично (за что, впрочем, тут же был арестован); грустно было знать, что первейшие иерархи не могли быть на служении в первейшем российском соборе только из-за того, чтобы быть там, где предполагалась опасность «Хозяину России»; при всем том, тепло и свободно молилось как-то (быть может и потому, что скромные Викарии не стесняли своим присутствием). Певчие (два хора — митрополичий и исаакиевский) пели неподражаемо, особенно «Тебе поем» и «Достойно» (оба хора — вместе на солее, при управлении Львовского); такой силы и полноты в исполнении в свете нет нигде, конечно, и только в Исаакиеве, и при таком пении можно постигнуть всю грандиозность Православного Богослужения! Между прочим, тронула меня молитва посошника Храповицкого; первого посошника видел молящегося усердно. Проповедь говорил Янышев. Голосовые средства — первые в России; при всем том, когда он обращался в противоположную сторону, слов нельзя было разобрать, несмотря на то, что я стоял на солее и внимательно слушал. Невольно приходит мысль о непрактичности больших соборов. Ныне, по словам Протодиакона Оболенского, было не менее шестнадцати тысяч в соборе (а могут быть двадцать две тысячи) — из них половина не могла слышать проповеди. Конечно, не слышно было всего Богослужения, кроме пения певчих. Проповедь — односторонняя, как и вся журналистика, и вся гомилетика, и вся неоткровенная речь нынче. Люди говорят вполнину не то, что думают. Пункты в памяти: «Долг» — буду иметь проповедь печатную... Способ произношения: десять лет тому назад я слышал и видел Янышева на кафедре и меня до слез тронуло — теперь мне иногда было смешно; у нас в Японии тоже жестикулируют при проповеди — и кажется гораздо естественнее. Голоса такого (для такого собора) еще нет в Японии; себя самого я никак не осмелюсь поставить на Исаакиевской кафедре вместо Янышева, но Янышева ни в каком случае я не пожелал бы на японской кафедре — первый Яков Дмитриевич Тихай убил бы своим сарказмом. Нет; неестественно, искусственно (не к делу) рьяное тыканье руками в землю — когда речь не о земле, хлопанье по воздуху — когда воздух ни в чем не причастен. Чтобы заинтересовать публику (согласен), Иван Леонтьевич Янышев — хорош (все же особенность, невиданность, кипение на кафедре); но истинная, живая, от сердца и души, естественная проповедь все еще ждет для себя выразителей в России. Явись неистовый проповедник католичества (вроде Савойяра, или Сайяра, леший их разберет, — я слушал и видел его в бытность в Академии), Илья Леонтьевич Янышев мог бы быть противовесом ему — «Мол, и в нас — тоже», сказал бы православный, мало смыслящий в Православии по духу. Да простит мне Бог — тысячекратные комбинации нашей уважаемой матери, Церкви Русской, совсем не могут идти в параллель с прямым положением Церкви Японской; но мне казалось во все время слушания проповеди, что мы с Павлом Нищума сказали бы совершенно иную проповедь, более полезную слушателям, чем проповедь мною слышанная. <...>

20 февраля 1880. Среда

<...> Услышал о бывшем сегодня покушении на Лорис-Меликова; подробности не забудутся. Вернулся к десяти часам, так как Владыка Исидор сделал выговор за позднее возвращение из города.

21 февраля 1880. Четверг

<...> Вернувшись к себе, нашел карточку Хидемару Маденокодзи, уже в четвертый раз посещающего, при краткости знакомства. Поменьше бы Японии здесь, чтобы вполне предаться Японии в Японии! Помню, с каким неопределенно туманным радостным чувством (ибо туманна была сама погода) я оставлял Японию (Йокохаму, утром). Теперь я скучаю по Японии. Нужно, чтобы наскучался вполне, чтобы уже никогда не скучать Японией в Японии.

22 февраля 1880. Пятница

<...> Пошел к графу Путятину. Ольга Евфимовна крайне расстроена была сегодняшним зрелищем провезенного по Кирочной и Надеждинской на казнь Младецкого (покушавшегося на жизнь Лорис-Меликова); его казнили повешением на Семеновском плацу. Евгений Евфимович показывал свою работу по гравировке, которою только что стал заниматься, — голову серны и миниатюрный портрет Крылова. Скучно было и там — тоска, точно шея, сосала сердце. Развлекла немного группа собора и воспоминание о катехизаторах. Как бесцветна, как противна жизнь здесь без живого дела! Из-за чего держатся? Все сочувствуют Миссии, и дело идет хорошо, но несносная формалистика тянет в бесконечность. Такова система! Хороша ли? И сам-то сделаешься скучным, гадким, точно не живым.

23 февраля 1880. Суббота

Утром — Дмитрий Дмитриевич (на пути к Пашкову, слушать его объяснение Священного Писания); потом — племянница Никандра Ивановича Брянцева, принесшая два прибора сосудов, выхлопотанных для Миссии ее дядей. Она же сказала, что на Смоленском кладбище приготовили порядочное пожертвование. Я — туда, к Главному Протоиерею, отцу Захарии Образцеву. Но сегодня — Родительская суббота, множество панихид и дела. Отец Захарий показал мне ризы и Евангелие одно, приготовленные для Миссии; сказал взглянуть на иконы в коридоре в церкви — оказались годными; затем я просил его, чтобы когда пожертвование совсем будет приготовлено, он дал мне знать. Осмотрел обе церкви кладбища — Большую (направо; два покойника ждали отпевания) и Малую (налево; один из певчих читал Часы, другие к траурных формах бродили по церкви и хорам). Прошелся по кладбищу. Вот крестов-то! И как это осмысленно — ставить крест на могиле; не крест ли человеку — жизнь эта, будь он кто хочет? И вот, с креста — в могилу, а крест, как живое доказательство, что человек был, насколько мог, подражателем Первому Крестonosцу и что, во имя Его Обетований, он ждет себе спасения... Едва достало терпения дойти до конца кладбища по одному направлению; по дороге — балаган, где можно иметь чай. Венков сколько на могилах и крестах, и слезно молящиеся там и сям... Вокруг церкви — памятники богатых, между прочим — актера Каратыгина с его бюстом и усами на лице. Невольно всегда припоминается рассказ, что он живой был похоронен... На обратном пути зашел в одну мастерскую памятников — кое-что, например модели памятников, ангелов, хоть для украшения комнаты покупай. Дорогой туда и обратно перечитывал газеты — между прочим о подробностях казни Младецкого; что он поцеловал крест — утешит Ольгу Евфимовну. Заехал к Феодору Николаевичу, чтобы взять денег. Он долго не возвращался из церкви, так как много усопших нужно было поминать. Вернувшись, рассказал, что болен правым боком, так что вздохнуть трудно. После обеда Коля, идя в лавку купить бумаги, купил и горчичник — готовый. Феодор Николаевич, перекладывая с места на место три раза, продержал на боку минут сорок... Вот беда-то была бы для Миссии, если бы он серьезно захворал! До прихода его Ольга Петровна между прочим рассказывала, что, отпуская Колю в гимназию, когда ему пришлось время определиться, всегда плакала, пока он вернется, и во время классов ходила повидать его; а теперь не знает, куда отдать Людмилу; не решается в институт, так как жить ей там нужно, а без нее для Ольги Петровны будут слезы. Вот примерная-то, нежная мать! И при всем том уже забирает себе в голову некоторые тенденции, могущие впоследствии сделаться источником страданий для нее и детей. Например, думает, что Людмила, если со временем выйдет замуж, то должна выйти не позже восемнадцати лет, а после этого Ольга Петровна не позволит, так как только не позже этого времени вышедши, можно перевоспитаться, если то потребует, то есть приноровиться к мужу. Я старался внушить ей, что не сообразно с Волею Творца так ограничивать дитя, так как Творец вложил в природу людей, как регулирование и освящение времени супружества, любовь; сия же — неизвестно, по разности природы людей, когда и как и к кому возбудится; родители должны только устранять для детей опасные пути, предостерегая от опасных людей, во всем же прочем предоставлять им свободу. Отец Феодор

рассказывал смешные вещи о первом знакомстве детей его с природою: «Ужели и без шляпы можно выходить?» (в деревне, у матери Феодора Николаевича); испуг Коли, когда он в восхищении, что можно бегать по саду (в деревне), упал и оцарапал и загрязнил себе руку (а в городе ему внушаемо было, что если обрежет палец, тотчас говорил бы, чтобы в ранку не забралась грязь). — «Да чего же ты испугался? Это — маленькая царапина». — «А грязь-то?» И Коля был почти без чувств, пока его не успокоили. А что за радость детей, когда им говорили, что можно взобраться на этот камень в лесу! Людмила же, трехлетняя, попав в траву, которая выше ее ростом, вздумала облокотиться на траву и, разумеется, полетела. — «Так отчего же вы каждое лето не ездите в деревню?» — «Средств нет!» Бедный Феодор Николаевич! Как бы хотелось доставить ему средства. А как? Нет средств! <...>

24 февраля 1880. Воскресенье. Заговенье пред Масленой

Утром раздосадован был слугой Степаном, его глупостью, вечным скрипом и стуком его двойной двери, не дающей покоя, и его ротозейством — уходит из своей комнаты, оставляя дверь отпертою и ключи на двери от моей и его комнат, так что могут обокрасть и его, и меня. Согласно письму от матушки Аполлонии, отправился к Обедне в Новодевичий монастырь. Проехал все время на конке, и от Технологического института до монастыря, по неимению места внутри, — на дилижансе (был не в клобуке); созерцание окрестностей развлекало в дурном расположении духа. Поспел к началу Обедни. Пели — как ангелы. В Алтаре — молящийся по-католически, с молитвенником в руках, какой-то молодой генерал, разнивший при подпеванье. Влиянием молитвенной храмовой благодати дурное состояние духа во время Литургии совершенно прошло, и душа сделалась ясна и спокойна. Во время Обедни пришли сказать, что Матушка Игуменья просит после службы к себе, что она — больна. После службы было отпевание какого-то богача — несколько Протоиереев, певчие на обоих клиросах в полном составе; ребенок Груша, с улыбкой расхаживающая от клироса к клиросу; умильное пение ирмосов и «Со святыми упокой». <...> Не дождавшись окончания, отправился к матушке Евстолии; она простудилась двадцатого числа при погребении графини Протасовой, и у нее — грипп: я застал у нее доктора Исаева, в белом галстуке, очень тихого и приличного; разговор о нынешних смутных обстоятельствах. Кроме того, матушка рассказывала, как она в доме Протасовой была приветствована Государем и получила его благодарность за поднесение иконы девятнадцатого числа. «Оробела совсем и только поцеловала руку Государя», — говорила она. При ней, также у Протасовой, была и казначея, мать Агния. Тут же матушка Евстолия дала мне прочесть письмо отца Владимира — и карточку мою, присланную при письме, пронзенную в шею гвоздем. <...> Письмо отца Владимира говорит, что в последнее время на воротах Миссии нередко являются такие казненные мои карточки. От настоящих врагов (язычников или иноверных) — лестно бы; но мелькнула у меня тревожная мысль — не от своих ли это, которые могут быть и хорошими христианами, но в то же время раздраженные и введенные в заблуждение бестактностью отца Владимира, заподозрили меня в служении видам политическим со стороны Русского Правительства на Японию. Эта мысль до того обеспокоила меня, что когда я пришел в комнаты матерей Аполлонии и Феофании и там оканчивал чтение письма, мать Феофания по сумрачному выражению моего лица не удержалась от вопроса: «Вы, кажется, испугались?» Не испугался, а больно уж обидно, если не от врагов; а от врагов, так не более как лестно. <...>

1 марта 1880. Суббота. Масленица

<...> После обеда отправился посмотреть выставку картин Верещагина. Народу была бездна; у русских картин весьма трудно было протискаться; у индийских — свободней. Впечатление не скоро изгладится; невольны слезы навертываются при виде массы страданий и русских, и турецких воинов; неудивительно, что плачут на выставке, как вчера Дмитрий Дмитриевич рассказывал. Цепь, на которой болгар таскали на казнь, какое чувство возбуждает! После русских картин на индийские почти

и взглянуть не хочется; последние и днем освещены электричеством Яблочкова. Возвращаясь, видел множество народу, катающегося особенно на санках чухонцев; погода, кстати, — превосходная; а у балаганов, на Царицыном, издали виднеется море народу. Вернувшись и напившись чаю, пошел ко Всенощной в Крестовую; пришел, когда пели «На реках». «Так не забуду и Тебя, Россия, на реках японских!»; думалось — и слезы невольно катились по щекам. Превосходно поют это «На реках» хорвое — все больше и больше нравится.

2 марта 1880. Воскресенье. Заговенье пред Великим Постом

<...> К восьми часам прибыл в Лавру, чтобы видеть на трапезе прощание братии с Наместником и взаимно. В Лавре братии — до ста человек с послушниками, служащих иеромонахов — до четырнадцати, всех иеромонахов, и с киновийскими, — до тридцати. По собрании в столовую и приходе отца Наместника пропета была молитва, и отцом Наместником благословлена трапеза; все сели; один иеродиакон взошел на кафедру читать; и читал, нужно сказать, вещь очень хорошую — о посте и покаянии. Я сидел по правую сторону отца Наместника, около меня — отец Моисей, налево от Наместника — иеромонахи; Архимандритов было только двое — отец Наместник и я. Кушанья были — холодное из рыбы с хреном, уха и манная каша на молоке, сладкая; перед ужином всем налили по рюмке водки, потом давали пиво или меда в оловянных стаканах и затем по рюмке хересу. По окончании каждого блюда отец Наместник звонил в колокольчик, причем отец говорит: «Молитвами святых отец наших Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас»; Наместник говорит: «Аминь», и он, и все крестятся. Это служит и знаком подавать другое блюдо, и знаком для братии каждое блюдо начинать есть с молитвой. По окончании трапезы Наместник прозвонил в колокольчик, отец: «Молитвами...», Наместник: «Аминь», и пропета была молитва благодарственная, в подтверждение которой Наместник приложился к образам и отошел в сторону за стол; я, за ним, сделал то же и, подошедши к нему, простился с ним, поклонившись ему в ноги (и он — мне), и стал за ним; следующие делали то же, прощаясь с отцом Наместником, мною и становясь последовательно. В это время пето было начатое непосредственно за благодарственной молитвой «Помощник и Покровитель»; пропеты были все ирмосы, пока братия прощалась; отец Наместник иеромонахам кланялся в ноги, затем кланялся, затем просто целовался; я делал то же самое, не имея в чем просить прощения, а привлеченный из мысли — авось, пригодится в Японии. Дай Бог! Через тысячу лет, конечно, и в Японии будет не хуже, чем здесь. За ужином отец Наместник рассказывал, как он в 1877 г., в Благовещенье, Лаврский Престольный Праздник, пришедшийся в Великую Пятницу, сочинил из грибов и манной каши с миндалем стол такой, что «старики: "Что за каша?" — и съели по две, по три тарелки». Во весь Великий Пост в Лавре рыбы не употребляется, кроме праздников Благовещения, Лазаревой Субботы (Храмовый Праздник тоже) и Вербного Воскресенья. При прощании братии интересно было видеть, как, кажется, это был один благочестивый обряд, а не необходимость, — все улыбались друг другу, и вражды не виделось ни у кого ни на кого. <...>

26 марта 1880. Среда. 4-й недели Великого Поста

Написал в день тридцать два письма к разным лицам, просившим известить о времени наречения и хиротонии, так как вчера принесли из Синода официальное уведомление, что наречение назначено двадцать седьмого, а хиротония — тридцатого марта. <...>

27 марта 1880. Четверг. 4-й недели Великого Поста

Утром готовил речь; еще на постели два раза на память прочитал, вставши — третий; потом дописал речь, переписал остаток в свой экземпляр и, призвавши переписчика, дал переписать в приготовленные два экземпляра. Заходили граф Путятин с отцом Амфилохием и, не мешая мне,

потолковали о каких-то своих делах. Прежде того, в семь часов, призвал Владыка и, насчет речи, велел иметь ее наготове, чтобы, если нужно, тотчас же развернуть и читать; велел также произносить не торопясь. В одиннадцатом часу пришел племянник Сергей, и в половине двенадцатого мы отправились на наречение в Святейший Синод (которое имело быть в один час) в карете лаврской. В Синодальной церкви подождали до часу. Собралось много — посмотреть наречение и послушать речь; из светских — Корнилов, Семенов, Саблер, Розен, Коссович, Гильтебрандт (Петр Андреевич) и прочие, из духовных — Яхонтов, Быстрое, Дёмкин, Архимандриты и прочие. Во время наречения неудобное — ходить вокруг стола к Членам Святейшего Синода, чтобы по порядку получить благословение: трогательное — как старцы-иерархи поют молебен. Речь сказал довольно исправно, и она публике, по-видимому, понравилась. Поздравления. Встреча с А. Благовещенским. Отъезд в карете с товарищами к Феодору Николаевичу (с Дёмкиным, Никитиным и Благовещенским). Обед у него. Я рассказал Ивану Ивановичу, как сегодня утром Митрополит спрашивал, не имею ли я в городе кого пригласить на обед, и я указал на него и защищал его от предубеждения против него Митрополита. Иван Иванович опрокинулся на меня же: «Зачем?»-де. На обратном пути завез экземпляр речи в редакцию «Голоса», другой опустил в ящик на имя Каткова в Москву. Домой пришедши, сходил в баню.

30 марта 1880. Воскресенье 4-й недели Великого Поста. День Хиротонии

В восемь часов исповедался у отца Ираклия. В половине десятого — в собор. В Алтаре, между колоннами, увидел улыбающегося Ивана Ивановича и серьезного Феодора Николаевича (первого — в синей рясе, второго — в темно-кофейной). Много приветствий. Преосвященный Гермоген: «Сегодня на вашей улице праздник!» Вона! Подробности посвящения, думаю, не забудутся; притом значатся в книгах. Что до чувств, то вообще, так как я утратил, по-видимому, способность робеть, то все принимал слишком хладнокровно — даже обидно для себя... Быть может, робость была бы причиною более глубоких чувств. Впрочем, во время совершения самого Таинства хиротонии чувства, кажется, без воли человека одолевают его; глаза делаются влажными, душа смущается, все существо под влиянием десниц восьми иерархов, как было сегодня, чувствует претворение. Встаешь совершенно иным, чем опускаешься на колена пред Престолом — невольно должно сознаться в этом. Молился я, как всегда, о просвещении сей страны Светом Евангелия и прочем... Пусть я — ничтожество, и пусть я был недостойнейший, но я не должен забывать (и да послужит это утешением и поощрением в трудные минуты в Японии), что в Алтаре было совсем тесно от народа, на более — тесно, что <это> — благодаря нынешнему посвящению Епископа для Японии. <...> После Литургии Владыка, вручая жезл, выразил: «До конца жизни служи взятому на себя делу и не допусти, чтобы другой овладел твоим венцом». Да памятуется это мне в Японии — всегда среди раздумья, на улицах ли Тоокёо или полях Маебаси и прочих. Там нам иногда кажется, что «вот»-де «мы родину бросаем...». А здесь нам говорят: «Бросаете, так пусть это не будет беспутно». После Обедни и вручения жезла и благословения на все четыре страны с амвона — долгий труд благословения всех желающих принять благословение. Знал я, что Члены Святейшего Синода (Митрополиты) ждут к обеду, но не мог бросить без благословения всех жаждавших принять его, ибо и здесь были, конечно, проголодавшиеся или такие, которых дома ждут... С друзьями целовался. Из дам, между прочим, была графиня Шереметева (к удивлению, что такая нежная и решается выносить такую давку). Когда пришел в залу Владыки, где ожидали все Архиереи, Владыка Исидор шутливо заметил: «А я думал, что Вы ушли в Японию». — и тотчас же закусили и сели за обед. Сиделись, по-видимому, случайно, но вышло все по порядку. Было за столом двенадцать человек — Владыка Исидор; Митрополиты Филофей и Макарий Вятский; Архиепископы Аполлос, Рязанский Палладий, Рижский Филарет, которого нарочно задержали по случаю хиротонии его Викария (а он приезжал в Петербург, как говорил сегодня Чистович, в апреле, по поводу недоразумений с Попечителем Учебного округа); Викарии Гермоген и Варлаам; Протоиерей Быстрое,

Дёмкин и отец Наместник, сидевший супротив Митрополита. Наместник уж на что говорун, а и тот не имел возможности что-либо сказать, так Владыка хорошо исполнял обязанность хозяина, — и это несмотря на то, что он простудился, когда ехал на наречение. За столом, вначале, — между прочим о Миссии и о том, что семинаристы наши прислали ему письмо, вчера полученное. Не доверяет, что это было их письмо — «Вы, может, скажете, что у вас есть Цицероны». Вернувшись в Японию, увидим, кто составлял письмо к Митрополиту; думаю, что это — не подлог, а подлинное письмо именно семинаристов. Вернувшись от обеда, застал у себя разных поздравителей, — между прочим Дионисия Смирнова, который просидел дольше всех, с простодушием семинариста. Получил пять или шесть телеграмм с поздравлениями — между прочим письмо от генеральши Александры Владимировны Лукьянович, не могшей быть на хиротонии по болезни, с куском материи на рясу (голубой). Побыл на Всенощной, так как завтра Владыка назначил служить в Крестовой Раннюю Обедню. За Всенощной отец Мардарий устави́л за Жертвенник, в Приделе Святителя Тихона, на орлец — как у них крестовых, митрополичьих, все благообразно и по чину! После Всенощной был Александр Сыренский с иконами, пожертвованными от разных лиц. Еще — Петр Лебедев с нотами.

1 апреля 1880. Вторник 5-й недели Великого Поста

<...> Вечером скучно было и хотелось курить, а между тем бросил с воскресенья — более чем двадцатилетнюю привычку не легко бросить, и только с Помощью Божиею можно сделать это (епископу же, конечно, курить ни в каком случае нельзя).

2 апреля 1880. Среда 5-й недели Великого Поста

Утром долго гулял по Новому кладбищу — утро было чудно ясное. Кажется, хорошее действие некуренья — то, что, по-видимому, зрение становится лучше.

<...> К семи часам был на Николаевском вокзале; взял билет второго класса. Дорогой — кондуктор: «Не Вас ли спрашивает один господин, в первом классе, худой, бледный»; я отделялся незнайством — но господин наконец, при одной остановке, сам подошел ко мне: «Мне нужно видеться с Епископом Николаем — не доставите ли мне случай?» — «С кем имею честь?» — «Владимир Соловьев» (а его карточку я сегодня же нашел у себя на столе). Я очень обрадовался знакомству. Он едет в Москву на полугодовое поминание своего отца, историка Соловьева, имеющее быть послезавтра, четвертого апреля, и потом возвращается в Петербург, где в следующее воскресенье, шестого апреля, у него диспут на доктора философии — защита диссертации «Критика отвлеченных начал». Ему о чем-то нужно поговорить со мною, что и условились сделать в Москве. Путь до Москвы был покойный и благополучный.

В Москве

3 апреля 1880. Четверг 5-й недели Великого Поста

В одиннадцать часов прибыл в Москву. Я отправился прямо на Саввинское подворье, по предварительному приглашению Преосвященного Алексия, Можайского Епископа. Он был на Литургии; надевши панагию, я пошел тоже в церковь, оставив саквояж у швейцара. Преосвященный Алексей уступил свое святительское место. Что за любезность! После службы и чаю он дал мне карету для визитов; я отправился к Преосвященному Амвросию в Богоявленский монастырь. Он тотчас же подарил панагию — прекраснейшую, московской работы, и пригласил в три часа обедать. К Гавриилу Григорьевичу Сретенскому, сотруднику. Встретила сестра его; рассказала про отца Дмитрия — как, между прочим, у него вытащили кошелек и двадцать рублей (хорошо, если так, не больше ли?).

<... > Вернувшись, застал у Преосвященного Алексия философа Владимира Сергеевича

Соловьева и профессора Павлова. Первый спустился со мною ко мне, чтобы интимно поговорить, и удивил меня, сказав, что хочет постричься в монахи, и на первые годы просится пожить в Миссии — будет полезен в это время преподаванием в семинарии. Я прямо стал отсоветывать ему монашество — на том основании, что и для Церкви полезней, если он, стоя вне духовенства, будет писать в пользу Церкви. Побуждением к монашеству он выставляет «слабость характера своего» — тем более ему нельзя быть монахом. Вообще, эта личность — весьма яркая и поражающая; смотрит истинным философом, довольно мрачным; ему всего двадцать семь лет. Он поспешил кончить разговор, потому что пришел отец Гавриил Сретенский — сей принес книгу адресов купцов и посоветовал кое-что. По уходе его я пошел наверх к Преосвященному Алексию и застал еще там его приятеля — канониста Лаврова; а когда и сей раскланялся, то Преосвященный Алексей, с московскою угостительностью, заставил меня плотно поужинать, хотя есть не хотелось, — после чего не оставалось ничего делать, как лечь спать (что сделал я, однако, перебравшись с подушками и одеялом на диван, ибо в матраце заметил хозяев, которые стали бы угощаться гостем).

4 апреля 1880. Пятница 5-й недели Великого Поста

Погода была скверная — дождь со снегом. Я в пролетке отправился к О. П. Тюлееву — дома не застал, оставил фотографии храмового плана; <.,> От него отправился в Новодевичий монастырь, где Преосвященный Алексей совершает Литургию и панихиду по Соловьеве. <...> После панихиды вышли отслужить Литию на могиле; слякоть и дождь мешали. Нельзя без чувств смотреть на свежую могилу доблестного человека. Вся убрана цветами и зеленым мохом; на кресте — венки из роз и камелий и разных цветов, у подножия креста — горшки с живыми левкоями. По окончании службы пригласили к Игуменье на чай. Просил у нее на Храм — крепконька, ничего не дала. В монастыре — семьдесят штатных монахинь, но всех — до двухсот пятидесяти.

6 апреля 1880. Воскресенье 5-й недели Великого Поста

Утром, приготовившись к служению, составил письмо к ректору Академии с вопросом, не желает ли кто из студентов в Японию; повидался с Преосвященным Алексием, спросил подробности посвящения в стихарь, ибо это предстояло сделать; занял четки (пояс же он предложил в подарок), и в сопровождении лакея Преосвященного Алексия, в карете, в десять минут десятого часа отправился в Чудов монастырь, где был и удостоен совершить вторую Литургию по поставлению в Епископа (и первую в Москве). Под руководством Протодиакона, отца Варсонофия, служение прошло без больших ошибок. Молитвы Святителя Алексия, Митрополита Московского, на Мощах которого была Литургия, страдавшего душою от монголов, конечно, немало способствуют успеху Миссии среди монгольского племени. На Часах было посвящение в стихарь псаломщика в Успенский собор (у которого отец помер и шесть человек семьи осталось). Сослужили Наместник Чудова монастыря, отец Архимандрит Вениамин, и отец

Ризничий Патриаршей Ризницы, отец Иосиф. Певчие, особенно маленькие, пели отлично «Милость» — простую обиходную Литургию Василия Великого. После Литургии — благословение мужчин в соборе и, по выходе за арку, — женщин (которым не позволяется входить в самый собор). <...> К двум часам отправился к Сергею Михайловичу Третьякову, Купеческому Голове; у подъезда столкнулся с Иваном Сергеевичем Аксаковым, который сказал, что сегодня был у меня; и теперь вместе со мной отправился к Третьякову. Роскошный кабинет; мраморный Иоанн Грозный — Антокольского; хозяин — весьма изящный; любезно выслушал и подписал пятьсот рублей; еще два гостя каких-то. В карете ожидал меня Гавриил Григорьевич, с которым отправились к Александре Афанасьевне Богдановой; несколько дам; светлые комнаты, смеющаяся девочка в зеленом платье; расспросы об Японии с большим интересом. <...>

9 апреля 1880. Среда 6-й недели Великого Поста

<...> Нездоровится. Думается все о делах Японии. Дневник этот и пишется, чтобы в Японии потом напоминать, что в Россию — нечего желать, что хорошо там, где насущное дело. Впрочем, дневник ведется только до Японии — там нельзя будет делать это (дневник все-таки отнимает несколько мысли и времени, и притом досужного, когда именно час успокоиться, обдуматься, то есть озираться вперед и назад в интересах немедленного же дела, — а тут час целый припоминай подробности бывшего за день и пиши). Нет, в Японии не до этого будет, там все время и силу — а насущную службу. Японией мы, миссионеры, дороги России (вижу теперь, как дороги, на собственном опыте — на ласках, в таком изобилии встречаемых) — нужно же ценить это и расплачиваться честно с Россией. Да поможет Бог! Часов в двенадцать приехал отец Иоиль. Отправились к Латышеву; принял весьма ласково и смиренно; все говорил: «Так точно», семейство все подвел под благословение — а пожертвовал всего сто рублей; отец Иоиль несколько в смущении. Даром держал долго Латышев, пропустил я визит ко мне Дмитрия Алексеевича Хомякова, который был без меня, потому что я опоздал вернуться к двум часам. Когда мы с Преосвященным Алексием доканчивали обед, сказали, что ко мне прибыл князь Николай Петрович Мещерский, Попечитель Учебного Округа. Спустился вниз и принял его; потом отправился на Угрешское Подворье к отцу Пимену — еще болен икотой; весьма умный старик; надеется, что я в Москве соберу потребное на Храм и Училище. Пришел Александр Алексеевич (Нейдгарт, кажется), которого я видел десять лет назад у графа А. П. Толстого; очень похож на нашего барона Розена, только волоса светлей. Отец Пимен напал на него, чтобы он советовал графине Анне Егоровне Толстой пожертвовать недостающие теперь на Храм двадцать восемь тысяч. В Страстной монастырь — посоветоваться, когда служить. Матушка Евгения и что при ней приняли совершенно как родного; мать Евгения просто засуетилась от радости и забыла, что у нее очки надеты. Служить просили у них на Второй День Пасхи, Позднюю Обедню. В семь часов — к княжне Варваре Николаевне Репниной. Были ее воспитанница, еще дама, еще Анна Христофоровна, еще доктор, желавший познакомиться. С интересом слушали о Миссии. Я просил княжну похлопотать у ее приятельницы, Анны Егоровны Толстой, чтобы пожертвовала на Миссию — обещалась. <...>

11 апреля 1880. Пятница 6-й недели Великого Поста

<...> В одиннадцать часов отправился к адмиралу Ивану Семеновичу Унковскому, согласно записке Ивана Сергеевича Аксакова. В первый раз видел этого человека, так известного в Японии, особенно в Нагасаки. Видно, что любит Японию и что добряк; лицо — простое, приветливое; большая лысина; здесь же был его брат — генерал, по-видимому; и жена — молодая и красивая; рассказывал, как японцы сделали ему модель судна, где — и царапины на машине, и прочее. <...>

12 апреля 1880. Лазарева Суббота

Утром, пересчитавши деньги, нашел, что собрал немножко более пяти тысяч рублей; да у Василия Дмитриевича Аксенова четыре тысячи, итого — девять тысяч. Эти деньги — заимообразно отослать на Миссию отцу Анатолию, пока выдадут положенные с первого января из Государственного Казначейства и Миссионерского Общества. Отправился к Аксенову, чтобы перевести девять тысяч в Петербург на имя Феодора Николаевича Быстрова. Они с братом говели и только что приобщились; застал у него приходского их священника (зятя отца Гавриила Сретенского) и дьякона и кого-то из Риги, ораторствовавшего против немцев, — кажется, тоже сборщик на что-то. Рассердили, что все — с дивана и в даль. Ну, что это! Как будто Архиереем для того делается человек, чтобы от него все бегали! Пришел еще какой-то оратор, кажется Пороховщиков, — может, и хороший человек, но хвастун и все скромно о себе. Аксенов взял вексель на девять тысяч сегодня же доставить мне для пересылки в Петербург. От него — в Воздвиженский Монастырь (предоставленный для помещения

духовенству Успенского собора; монашествующих совсем нет), к Протопресвитеру Михаилу Измаиловичу Богословскому. По дороге видел вербный базар — у стен Кремля: множество вербы на возах и на руках у мужиков и баб, а также брусничнику, который примешивают для зелени в пучки; цветы к вербам продавались в лавчонках под навесами; кстати, и другие лавчонки, с баранками, ситцем и прочим, явились. В Петербурге — иначе; там — верба с херувимами, как-то казистее и щеголеватее, зато здесь — проще и задушевнее. <...>

13 апреля 1880. Вербное Воскресенье

Перед отправлением на служение Преосвященный Алексей принес и заставил взять в подарок голубые шелковые четки — «праздничные», мол, а с черными нельзя сегодня. За семь минут до девяти поехали в Успенский собор в Кремле. Встречали не с крестом, одевали не на главной кафедре, а ступенью ниже ее, во время Апостола сидели не на Горнем месте, а ниже; все это потому, что Успенский собор — Патриаршая Кафедра, или теперь Кафедра всего Святейшего Синода, когда он весь здесь бывает (как при коронации), тогда — Господин собора. Пред служением прикладываются, кроме местных икон, к мощам Святых Петра и Филиппа. Народу был полон собор; сослужащие — Архимандрит Николай, Протопресвитер Михаил Измаилович Богословский и два священника. Протодиакон — плохенек, не по собору и не по москвичам. При воспоминании о Святителях, служивших в сем соборе, особенные чувства наполняют душу. По окончании Литургии Златоуста и Молебна — Царского, при выходе, народ хлынул под благословение; но пришлось благословить не больше сотни людей — полиция, очищая дорогу, скоро вывела к выходу и усадила в карету; было без двадцати минут двенадцать часов. Недовольство мучило, что не удовлетворил религиозному чувству народа, и досадно было, что такая давка, до безобразия, произошла; собственно, следовало бы мне устранить полицию, сказать несколько успокоительных слов народу, остановиться на амвоне и благословлять. <...>

5 мая 1880. Понедельник

День — дождливый. Тоска. Надоело быть сборщиком. Целый день был дома, и сегодня — последний, в который обязан был сидеть дома с семи до девяти утра и с двух до пяти после полдня, по обязательству в газетах, — для сбора. Приходили разные и приносили разное — иконы (ученица Сорокина, Вяземская), облачения (она же), утварь (дароносица для отца Сакая от княгини Мещерской), большая икона от Перфильевой, губернаторши, икона от столетнего старца и прочее. Отец Зернов привез вчера собранные деньги; дети княгини Мещерской — двести рублей от какого-то Нечаева и цветов. Написал прошение в Совет Миссионерского Общества, чтобы выдавали двадцать три тысячи восемьсот рублей серебряными рублями, а не кредитными, и отвез к Преосвященному Амвросию; сегодня вечером у него — собрание Совета Миссионерского Общества, пригласительное пред Общим Миссионерским собранием. Преглупое положение мое — просил серебряными рублями и думал, что дали серебряными, а дали кредитными! И как это вышло, Аксенов или Покровский виноват, — не разберешь. Так как завтра служить в Успенском соборе, по случаю рождения Николая Александровича, то отстоял Всенощную дома. Но что за скука, наконец, в России! Как бы хотелось все разом бросить и уехать в Миссию! Комната моя завалена пожертвованиями, но ценного и истинно нужного — немного.

7 мая 1880. Среда

Утром разбудили в шесть часов к Утрени, ибо сегодня нужно служить в Малом Вознесенье, на Большой Никитской, у отца Гавриила Григорьевича Сретенского — день памяти его сына (записано восьмого мая вечером). Отец Гавриил в церкви встретил с волнением, речью, в конце которой было:

«Благословен грядый во Имя Господне». Я мало слушал, а обдумывал, что сказать в ответ. Так, должно быть, и все, которых встречают речами и которые на них отвечают. Я стал говорить в ответ — и не только не волнуюсь, а, напротив, уж слишком спусти рукава; во время речи даже стал мечтать о чем-то. Японская кафедра уж слишком приучила не стесняться публичным говорением. После Обедни — панихида о рабе Божиим Петре, сыне отца Гавриила. После у него — поминки (блины и прочее). За столом, между прочим, — тесть отца Гавриила, магистр, священник, и его двое малюток, дети дочери отца Гавриила, которую я знал десять лет назад. Бедный вдовец! Недаром он всегда угрюм, и бедные дети! С Преосвященным Алексием — на экзамене на Арbate, в школе Катерины Николаевны Самариной. Девочки, нисколько не робея, превосходно отвечали. Новая метода — учение всех уроков со слов учителя, а не из книги (учитель рассказывает раза два, за ним — лучшие ученицы, и так далее; книга дается больше для имен только). Прекрасные результаты — самообладание, всегда настроенное внимание, складность речи. Экзамен русского языка. Запись в книге на память. Осмотр рукоделья и рисованья, причем мы с Преосвященным Алексием получили от Катерины Николаевны по дюжине платков на память с метками учениц. Превосходный обед. Осмотр приюта старушек во втором этаже — четыре комнаты. Дома встретила фура с иконостасом из Новодевичьего монастыря. Догодили! Куда девать! Не спросясь прислали! Преосвященный Алексей посоветовал «забыть» здесь этот подарок. Маленькие князья Мещерские, Александр и Петр, принесли дароносицу для отца Павла Савабе и кадило для архиерейского служения. Голова что-то разболелась, и ко Всенощной не мог идти, а лег отдохнуть; после позвали к Преосвященному познакомиться с графом Толстым, автором «Русской Церковной Истории». Собрали в Вознесеньи двести двадцать один рубль сорок восемь копеек.

8 мая 1880. Четверг

Отстоявши Раннюю Обедню, на которой Преосвященный Алексей поставил одного диакона, поехали встречать Высокопреосвященного Митрополита Макария, сегодня приехавшего из Петербурга, после зимнего пребывания в Синоде в Санкт-Петербурге. Вся духовная знать собралась в императорских комнатах — Викарии, Протоиереи, Архимандриты. Митрополит почти всех благословил и тотчас же сел в карету шестерней. Что за прелесть митрополичий цуг в шесть лошадей! И как это пристало Москве! Все, кто встречались, снимали шапки. Прямо видно, что Митрополит едет. Недаром москвичи требуют этого, и когда Макарий стал было ездить на четверке, оскорбились. За ним — карета Викария Амвросия (который обыкновенно ездит четверней, как обычно всем московским Викариям), за нею — мы с Преосвященным Алексием в карете, и потом — все духовенство; по церквам, мимо которых проезжали, — везде звон. Заехали к Иверской, где при пении Тропаря Митрополит приложился; за ним — и мы. В Чудов монастырь, принадлежащий Митрополиту. Все духовенство здесь ожидало уже. Митрополит надел мантию и приложился к иконам, мощам Святителя Алексия и Престолу; Протодиакон сказал ектению, потом — многолетие. Затем Владыка в мантии, благословляя народ, дошедши до порога церкви и снявши ее, отправился в свои кельи; духовенство здесь представилось ему; между прочим Игумении восьми девичьих обителей поднесли просфоры (подносили на блюдах или салфетках; после поднесения просфоры оставляли на столе, а блюдо или салфетку брали с собой). Затем Митрополит, сам севши на диване, главное духовенство пригласил сесть, насколько достало стульев (прочие стояли), и минут семь-восемь поговорил; велел было чаю подать, но чай понесли ему, когда он уже остался один (должно быть, так и нужно — где же набраться стаканов?). <...>

9 мая 1880. Пятница День Святителя Николая

Утром маленький Алеша Муратов принес просфору с поздравлением с Ангелом; он побыл для этого в Ранней Обедне в Страстном монастыре. Потом пришел поздравить с Ангелом и тоже принес просфору отец Сергей, здешний иеромонах. К десяти с четвертью прибыл для служения в Елохово, в

Благовещенскую церковь. Великолепнейший Храм! Огромный, изящно и богаче украшенный. Народу было полно, должно быть, тысячи три. На Обедне сказал небольшую проповедь, но не мог долго говорить (жаль было народ — жарко очень было всем от тесноты). После Обедни всех благословил, причем отец диакон грубенько порядочил. После — на закуску к старосте (мяснику). Хор (причетника, и превосходный) здесь же был. Закуска — кулебяка, свежая икра и прочее. Народ в этом приходе нельзя сказать чтобы богатый, а средней руки, — но каково же благочестие, когда воздвигли такой Храм! И священник (отец Иоанн Березкин) по приходу — человек очень добрый. Пожертвования, собранные для Миссии, обещались после доставить. Вернувшись, принимал кое-какие жертвования. С поздравлением с Ангелом был отец Николай Александрович Сергиевский из Университета. Вечером был у княжны Варвары Николаевны Репниной. <...>

12 мая 1880. Понедельник

Сидел дома; были посетители и жертвователи. <...> В саду было довольно хорошо; но лучше всего — вечером; из гостиной Преосвященного, при виде вдали шпицев Кремля, мечталось. Насыщайся, душа моя, видами русскими, насыть, слух, звуками родных колоколов, и да будят они вечно душу к живой деятельности там, вдали! Куда ни обернешься, везде — все русское, все русые головы и головки, все родная речь! А там-то опять десять лет — все чужое и чужое! Не дай Бог опять скучать! Пусть памятуется, что и здесь, в России, теперь я чувствовал почти всегда одно недовольство и беспокойство. Счастье только в исполнении долга!

14 мая 1880. Среда. Преполование

Поехал к Обедне в Успенский собор, откуда сегодня — Крестный Ход на реку. Служил Преосвященный Амвросий Дмитровский. Во время службы приехал Высокопреосвященный Митрополит. Я также испросил изволения облачиться на Крестный Ход. Что за великолепие этот обряд! Процессия была длиннейшая; сначала — псаломщики в стихарях, потом — диаконы, священники и Протоиереи (все — по два в ряду, должно быть, пар сто в белых или золотых ризах), затем — синодальные певчие (в ряд, в формах), затем — почетнейшие Протоиереи (с иконами Святителей Московских, Корсунскими Крестами и иконою Корсунской Божией Матери), Архимандриты, Архиереи и Митрополит с крестом на голове. Пред процессиею идут по два в ряд с хоругвями, принесенными из соборов и монастырей; хоругви все — металлические, и потому их несут по три человека. За процессией следует Генерал-Губернатор, почетные чины и жандармы. Народ сдерживается натянутыми канатами; народу здесь, в Кремле, по всему пути и за Москвой-рекой было, должно быть, сто тысяч. На реке, под великолепнейшим балдахинном, устроена была Иордань — в воде, в засмоленном сосуде, внутрь которого Митрополит и сходил для погружения креста. Погода стояла ясная. Нет ничего прекраснее и торжественнее подобного зрелища! Назад Митрополит возвращался в митре и с посохом, а крест нес диакон на блюде; иереи кропили по сторонам. <...> Вечером с семи часов был у княгини Мещерской по ее приглашению третьего дня. С детьми продолжали составлять проект Детского Миссионерского Общества. Провел у них вечер почти до одиннадцати часов.

17 мая 1880. Суббота. Во втором часу ночи

<...> Ко Всенощной отправился, как обещал отцу Протопопову, в Николаевский Сиротский Институт, в Воспитательном Доме. Пospел к началу; воспитанницы уже все стояли бесконечными рядами; певчие пропели «Исполла». Пели Всенощную превосходно; образ Благословляющего Спасителя за Престолом, освещаемый сбоку лампой с отражением света, — чудно хорош; Спаситель — точно шествующий. После службы, в зале, все приняли благословение, начиная с маленьких. Потом

я поблагодарил их за пожертвование; море русских головок и белых пелеринок будет вспоминаться в Японии. Воспитанниц тут пятьсот восемьдесят; все — Обер-офицерские дети, сироты. Учат их, по-видимому, прекрасно; видел записки их по физике — и грамотно, и подробно (учебник же физики — Малинина и Краевича). Просили пройти в больницу; больных человек восемь — все почти от утомления пред экзаменами; у одной девочки — «пляска Святого Витта» (нервно дрожит). В Воспитательном Доме — до тысячи грудных детей, и мамок при них — с восьмьсот. Вообще в здании Воспитательного Дома обитающих считается до семи тысяч! Заходили еще к одной больной, чахоточной, — подруга просила благословить; пили чай у инспектриссы Ю. Н. Кауфман, куда воспитанницы тоже приносили пожертвования. Около десяти часов, сопровождаемый толпами их и начальства, прошел по коридорам на подъезд и уехал.

22 мая 1880. Четверг

Боже, скоро ль в Японию! Надоела Россия, то есть надоело безделье, как горькая редька! Кажется, скоро одурею! <...>

23 мая 1880. Пятница

Утром — отец Гавриил Сретенский, принесший восемнадцать рублей; это и есть сегодня за целый день! Значит, истощились сборы! Потом — Игуменья Рождественского монастыря, мать Серафима, привезшая малое архиерейское облачение. Граф Евфимий Васильевич Путятин и Ольга Евфимовна. Обрадовался им очень. Они — проездом в имение Глебово, в Подольской губернии. На Панихиду по Императрице в Чудов Монастырь. Преосвященный Амвросий служил Обедню. Митрополит приехал в середине службы. После Обедни вышли служить Панихиду — Митрополит и три Викария, шестнадцать митр и камилавок (вплоть до Алтаря). В церкви были генерал-губернатор князь Долгоруков, стоявший по левую руку, несколько впереди всех, и все московские высшие власти (в мундирах). После службы — к Преосвященному Филофею Киевскому, сегодня приехавшему из Петербурга, на пути в Киев. Там же был Высокопреосвященный Макарий; пришли сенатор Федор Петрович Корнилов и Грот, академик, — депутаты по Пушкинскому памятнику, открытие которого, значит, откладывается по Высочайшему приказу. Дома — целый день скука. Обед в сообществе отца Ивана — родного Преосвященного Алексия. В восемь часов — к графу Путятину, остановившемуся в доме графа Орлова-Давыдова на Страстном бульваре. Целый вечер до одиннадцати часов провел там.

Разговор о Грузине и проекте Миссионерской Академии Митрополита Филарета, о Пашкове и письме Преосвященного Феофана («попы в черной и белой шляпе»).

26 мая 1880. Понедельник

<...> Осматривал Филаретовское Женское Училище, для духовных девочек. Там теперь живут триста сорок, ходят, кажется, с сотню. Видели девушек — в столовой, за чаем; в церкви, за молитвой; в зале, где я им сказал несколько слов; видели их классы, дортуары, умывальные. Все вообще производит очень хорошее впечатление. Заведение осматривали как оно есть — нас не ждали (разбросанные по окнам учебники)...Чистота везде (и в этом, и во всех женских заведениях) — необыкновенная. Не забыть бы сказать Марии Александровне Черкасовой об ее товарке Заварыкиной: «Пусть»-де «сама о своих нуждах пишет». Велела также напомнить о ней Марье Николаевне Струве — отцы знакомы были, кажется.

27 мая 1880. Вторник

<...> Заехали в Классическую Женскую Гимназию Мадам Фишер. Видели половину воспитанниц. Я поблагодарил их за пожертвование для Миссии. Осмотрели комнаты; попросили

сыграть на фортепиано, что сделали две племянницы Преосвященного Алексея с двумя классными дамами, в восемь рук. Осмотрели сад, видели куропаток. Заведение — очень серьезное. Готовятся женщины серьезные по образованию, которые будут в состоянии готовить и мальчиков к поступлению в гимназии. Дай Бог процветания! Вернувшись, продолжал укупоривать вещи. Была Всенощная — Отдания Пасхи; но я только мимобеганьем слышал пение Ирмосов «Воскресения День»; в церковь, к несчастью, некогда было. Приготовили к отсылке восемнадцать ящиков; гимназисты-карапузы сделали надписи. После Всенощной вечером позвали к Преосвященному, где пили чай m-те Фишер с воспитанницами — человек восемь; они часто бывают у Владыки; «Мы — саранча Саввинского Подворья», — пошутила m-те Фишер. С Филиппычем, келейником Владыки, съездили в баню, на этот раз очень хорошую, только полы и скамейки — каменные (холодно); цена — пятнадцать копеек. Лег спать с головною болью — от усталости, должно быть.

28 мая 1880. Среда. В Троицко-Сергиевой Лавре

Утром отослал ящики на железную дорогу, в товарный поезд. К Обедне не поспел, и тоже только мимоходом слышал пение Пасхальных Часов. Преосвященный Алексей поехал в Чудов монастырь по случаю совершающегося сегодня в Петербурге погребения Государыни Марии Александровны; Митрополит совершает Заупокойную Литургию, а после будет Панихида. Я с двенадцатичасовым поездом отправился в Лавру, вчера предупредив телеграммою Наместника, отца Леонида, о том, что Митрополит позволил мне на Вознесение служить в Лавре. В Посаде, на станции, встретил монаха, и карета была прислана. Комнаты отведены очень приличные. Отец Леонид любезно принял, угостил обедом, после чего я осматривал Лавру в соупутствии келейника, отца Алипия, бывшего на Афоне и в Иерусалиме. Богомольцев столько теперь здесь, что в соборе Преподобного Сергия невозможно было пройти приложиться к мощам; по случаю свободы еще от сельских работ всегда в это время бывает много. Слазил на колокольню и оттуда любовался Лаврой и видами; на восток — скит, несколько правее — Вифания. Церквей видно в Посаде пять, в дальних селах — больше того. Большой собор поправляют теперь — под полом проводят трубы, чтобы не было сыро. В шесть часов началась Всенощная и шла до половины десятого; я выходил на Литию и Полиелей, после чего помазывал священным елеем народ до самого Отпуста, а осталось еще, говорят, на час; меня уже позвали в Алтарь, а жаль было оставить народ — с таким усердием богомольцы подходят. После Всенощной с балкона отца Леонида слушали пение соловья в лаврском саду, причем он рассказывал о себе (как попал в Лавру), о Кротковой и ее интригах и прочее.

29 мая 1880. Четверг. Вознесенье

В Троицко-Сергиевой Лавре. Спал дурно — пуховики были, и вечером чаю напился. Утро — прекрасное. Когда зазвонили, с наслаждением купался в волнах звуков дивного лаврского Царь-Колокола в четыре тысячи пудов. Звуки — чистые, густые, заставляющие воздух дрожать. До службы, с семи часов осмотрел литографию, где был десять лет назад. Всех произведений ее по экземпляру предложили в подарок. В помещение фотографии; предложили и здесь по экземпляру; хорошо, если пришлют. И самого сняли здесь. К Обедне. После службы с час благословлял богомольцев. Обед, на котором был и ректор Академии, Протоиерей Сергей Константинович Смирнов, — простой и дельный человек. Наместник взял меня в карету и повез осматривать Вифанию; в церкви Платона — семинаристы, в соборе — все по-старому, в Крестовой церкви Платона — иконостас из занавеси, в комнатах — Леонид, кричащий. К счастью, отсюда уехал; а я спокойно осмотрел Семинарию с инспектором, Архимандритом. В классе, в жилых комнатах, где и койки же, везде — пыль и бедность; по полу от выбитых сучьев ходить трудно. Бедность поразительная. В библиотеке видел кипы царских писем к Платону; между прочим — письмо Павла с угрозами (что Платон не хочет ордена). Семинаристы очень понравились — бодры, здоровы, лица осмысленные, благовоспитанные, одетые

весьма порядочно. Приглашал в Японию, когда кончат курс в Академии. В скит. С трезвоном встречать и провожать везде велел Наместник; надоели. Осмотрел церкви (внизу и вверху, где все — деревянное, но драгоценное), столовую (где пил квас — весьма хороший); показывал все отец Антоний, Игумен. Потом смотрел древнюю церковь и комнаты Высокопреосвященного Филарета. Простота во всем поразительная. В домик Наместника, против пчельника. Отец Антоний принес подарок скита — резные вещи. Малина и клубника — угощение; чай и мед. Съездили отсюда к Пещерам; осмотрели Пещеры; поклонился Чудотворной Иконе Черниговской Божией Матери и купил за шесть рублей иконку ее. Пономарь подарил свое произведение — живущий в пещере. В Киновии видел трех братьев — основателей ее с отцом (ныне умершим); кладбище лаврских иноков у озера. Вернувшись в Скит, с отцом Леонидом съездили в Пустыньку — верст пять отсюда, в лесу. Женщины здесь, как и в Скиту, не бывают. Но на Пещерах и в Киновии бывают; на Пещерах выстроены гостиницы. Непочтительная дама в белом. В Пустыньку и оттуда ехали шагом; отец Леонид страшно надоед болтовней о своих заслугах и бранью всего нынешнего, в котором забывает себя одного. Тишина в Пустыньке — привлекательная. Едва упросил не звонить. Красоты и великолепия всех храмов здесь и в Москве не опишешь и не упомнишь. Вернувшись в Лавру, у себя виделся с магистром Соколовым, земляком, принесшим свое магистерское сочинение о протестантах; с отцом Иосифом, которого звал в Японию учить певчих (и согласился). К отцу Наместнику ужинать. Странное явление неприличного гнева его, лишь только — о певчих. «Не позволю взять никого! Митрополиту пожалуюсь! Не подговаривайте!» Горькие чувства и мысли испытал я — не за отца Иосифа, которого, возможно, я и не взял бы, а за отца Леонида. Что за феномен! Пожинали мирно, но мне вспомнилось... Вот она, дружба-то! И христианское участие тоже! Как до дела — и не выслушивают, сейчас в бороду готовы вцепиться. Впрочем, — не из духовных, а из военных; шпицрутенное и благочестие. Приятнейший из дней крайне испорчен был под конец. В первый раз в жизни наткнулся на такое непонимание интересов Церкви в лице видном.

30 мая 1880. Пятница. В Лавре и в Москве

<...> Отстояв конец Обедни, вышел служить пред Мощи Преподобного Сергия. Пели все певчие: народу — полон Храм. А мне грустно-грустно было, что до сих пор из Лавры и Москвы нет тружеников для Миссии и, прикладываясь к Мощам Святого Сергия, я не мог воздержаться умственно от жалобы: «Буду судиться с тобою пред Господом — отчего не даешь миссионера в Японию». <...>

1 июня 1880. Воскресенье

<...> Вернувшись, у Преосвященного Алексия встретил знаменитого писателя Фед. Мих. Достоевского. Уверения его о нигилистах, что скоро совсем переродятся в религиозных людей и теперь-де из пределов экономических вышли на нравственную почву; о Японии: «Это желтое племя, — нет ли особенностей при принятии христианства?» Лицо резкое, типичное, глаза гордые, хрипота в голосе и кашель — кажется — чахоточный.

2 июня 1880. Понедельник

<...> Поехал в Данилов монастырь. От отца Амфилохия получил его сочинения — денег, говорит, нет; старец — очень симпатичный и преданнейший своему предмету археолог. Застал его за завтраком; скатерть — грязная, кушанье — простейшее, и тут же, на окне, — только что написанное для печати (у ворот застал и лошадь, чтобы везти в типографию). Поклонился могилам Гоголя, Хомякова, Самарина, Никифора Феотоки. Отец Амфилохий показал Храм; поклонился и помолился Святым Мощам князя Даниила и Чудотворной Иконе Святого Кассиана Римлянина. Отец Амфилохий из окна Алтаря показывал вид, по его словам, восхитительнейший (в сущности — грязнейший) на

Москву-реку. В Донской монастырь. Наместник, отец Аркадий, не имея права без Преосвященного Хрисанфа распоряжаться именем обители, пожертвовал от себя сто рублей. Потом любезно показал Храм Донской Иконы Божией Матери (где в это время работали красильщики); Храм, в котором чернь на хорах нашла в моровой бунт Преосвященного Амвросия и убила, выведши; потом смотрели кладбище, где между прочим могила гр. Мамонова, считавшегося сумасшедшим; видели Теплый Храм, в котором похоронен убитый Преосвященный Амвросий и мавзолеей ему; граф Протасов (Прокурор), Голицын и прочие. Осмотрел потом Донское Духовное Училище. Учеников — около двухсот, из которых половина здесь же живущих. Смотритель — Александр Михайлович Боголюбский, кандидат Московской Духовной Академии, сын Московского Протоиерея и родной племянник Преосвященного Платона Костромского, которого «Догматика» переведена на японский. Училищем он управляет прекрасно. Видели классы, спальни, столовую; все — чисто. Дети с ним — свободно и ласково; показывали на счетах, пели много и стройно.

Мне понравилось это училище больше, чем Заиконоспасское, где все как-то уж очень бедно высматривает. Вернувшись и пообедавши, отправился в Чудов монастырь спросить завещанное от Высокопреосвященного Иннокентия. Получил от отца Вениамина облачение, две митры и посох; дикирия и трикирия нет (говорят, принадлежат Перервину монастырю). <...>

4 июня 1880. Среда

Боже, да скоро ли это кончится русская жизнь! Когда же я буду чувствовать и знать себя опять в Японии? Если опять когда взгрустнется там, пусть вспомнится, что нехорошо чувствовалось здесь. Утром — письма к матушке Евстолии; к отцу Федору Быстрову, чтобы восемьсот рублей передал в Новодевичий, мастеровым по иконостасу; к отцу Исайи с доверенностью на имя отца Федора получать за меня по повесткам — засвидетельствовать подлинность моей подписи в канцелярии Митрополита. Матушка Серафима, Рождественского монастыря, принесла иконы, вчера пожертвованные; мать Рафаила, Ивановского монастыря, принесла в благословение икону Предтечи Иоанна. Обе — еще просфоры. Мать Евгения, Страстного монастыря, зашла от Владыки Алексия и говорила, как народ ропщет, что к памятнику Пушкина будет духовная процессия для освящения его. О том же говорил отец Иоиль, принесший великолепное пожертвование Александры Филипповны Колесовой — двадцать три иконы прозрачные, на холсте, масляными красками. С отцом Иоилем был какой-то подрядчик; тот — в негодовании на освящение памятника: «Вон "трухмальные" ворота Филарет не пошел освящать»-де... Что за многознаменательное явление. Этот — взрыв народного религиозного чувства и негодование на духовенство, что оно собирается (по напечатанной программе) выйти — освятить и прочее! Митрополиту делают поправку. Вот что значит Москва! Благочестие тут как крепко, и как чуток народ ко всему, что может компрометировать Церковь. А дело — не шуточное. Уже Генерал-Губернатор и Обер-Полицмейстер были у Митрополита сказать ему, что народ волнуется и не желает процессии: «Что»-де «нас идолопоклонству хотя бы учить! Идола освящать!»; или: «Церкви и молиться за него (Пушкина) не должно; он — самоубийца, дал себя так легкомысленно убить» (Лузин — Преосвященному Алексию); «Пусть на него хоть бриллиантовый венок вешают, да не освящают идола, а то вон и теперь неверы смеются: "И Пушкин будет чудеса творить — его освящают, как мощи"» (подрядчик); «Что у нас за Архиереи!..» (вслух в церкви Страстного монастыря). Вот те и народный поэт! И как велик нравственный характер мира! Говорят, что другому лицу так бы не сделали, а именно Пушкину. <...>

6 июня 1880. Пятница. День Открытия Памятника Пушкину

День, полный глубоких, неизгладимых впечатлений, которые, конечно, не здесь передать и из которых часть утратится, но остальной части будет достаточно, чтобы доставить еще много

счастливых минут в жизни — минут отдыха от тяжелого труда, минут услады разлуки с Родиной и прочего. Обещал быть верен этим листам, пока в России; но здесь — скелет дней здесь, и притом изломанный и едва частями попадающий в коллекцию. Может, сгодится, чтобы крепче пригвоздить к загранице. Сегодня утром отправил в Петербург четыре ящика; потом с преосвященным Алексием — в Страстной монастырь. Дорогой — множество народу у памятника. В церкви Преосвященный Алексий очень раздосадовал пиханием меня все вперед, что делает он, быть может, и по доброте, но жестоко; я — лицо совершенно случайное, и всегда — впереди здешнего Викария; что за нелепость? Красный от досады и конфуза стоял я сегодня впереди его. На Панихиду мне не пришлось выйти, так как кафедра была тесна для четверых. После панихиды — речь Высокопреосвященного Митрополита Макария о значении Пушкина для русского языка с приглашением благодарить Бога, что дан был России такой талантливый человек. Речь — немножко не по церковной кафедре. Пели чудовские певчие очень хорошо. После Обедни я с колокольни смотрел открытие памятника. Казалось, что вот-вот Пушкин сойдет с пьедестала и пойдет среди бесчисленной толпы, собравшейся у его подножия. Музыка; речь; снятие покрывала в два приема (причем — «Ура» народа); обход вокруг памятника Принца Ольденбургского и всех главных лиц; обнесение знамен и значков; положение венков у подножия от разных лиц и учреждений (от Классической Женской Гимназии Софьи Николаевны Фишер — венок в пятьдесят семь рублей, говорил Ал. В. Мартынов вечером; от венков скоро почти ничего не осталось — все расхватили по цветку на память). Видел славу, олицетворенную; другой славы здесь, на земле, нет; разве — народу больше бы. Но Пушкин стоял со склоненной головою, как будто или он виноват пред народом, или он думает о суете всего происходящего, то есть славе. <...>

К Преосвященному Амбросию. Спустя минут сорок отправились с ним на обед в Благородное Собрание, данный от города депутатам, пришедшим из разных мест на праздник Пушкина. Ожидание в зале, причем знакомство с Григоровичем, писателем, чрез Тургенева (на подъезде столкнулся еще с Достоевским), причем Григорович хотел попросить чего-то для музея, но другие развлекли. Алексей Алексеевич Гатцук предложил для Миссии «Крестовый Календарь» и другие свои издания — лишь бы известить, куда высылать. Семейство Пушкина — его сыны (полковник-гусар и статский), дочери (что за Герцогом Нассауским, бывшая красавица, и бывшая за Гартунгом, седая), внук (офицер Дуббельт — от первой, бывшей за Дуббельтом прежде). Новикова, любезность ее; Софья Петровна Каткова. Обед — по двадцать пять рублей с персоны. Неудивительно. Такие роскоши — редко. Музыка в соседней комнате (удовлетворяющая по исполнению, думаю, и Рубинштейна, которому только что бы представлен); цветы, великолепное освещение. Закуска с лобстерами почти в аршин; за столом, по левую руку, за неприездом Преосвященного Алексия, — прямо старший сын Пушкина, по правую — Яков Карлович Грот, потом — Иван Сергеевич Аксаков; напротив — Князь Николай Петрович Мещерский, Софья Михайловна Каткова. Обед нам с Преосвященным Амбросием — совершенно постный. Тосты: первый, Министра Народного Просвещения Сабурова, — за Государя; второй — за Принца Ольденбургского (Голова Сергей Михайлович Третьяков предложил); третий — за генерал-губернатора Князя Долгорукова; и так далее — за депутатов, за гостей, за дам и прочих. Речи говорили: первую — Иван Сергеевич Аксаков, вставши против пустого места, где назначено было Преосвященному Алексию, и опершись руками на мой стул; и сын Пушкина, с ораторскими движениями, сказал превосходно (Все о свободе! Бедный русский!). Потом следовали речи Каткова, Преосвященного Амбросия и много других, но мало было слышно — гостей слишком было много, и зала большая (гостей больше двухсот было). Словом, видел все, самое блестящее в сем мире, — цвет интеллигенции и талантов (Майков, между прочим, стихи читал, которому, по выражению Каткова, Пушкин спустил золотую цепь), лучший пир в материальном отношении. Бриллиантами горели предо мною хрустали на шандале, мечты разнообразились и искрились, как цвета, игравшие в хрусталах, — но успокоения не было, манило только в Японию. <...>

8 июня 1880. Воскресенье. Праздник Пятидесятницы

Утром, рано вставши и прочитавши Правило, уложил последний ящик с вещами из Москвы (посох, три митры и прочее). В половине десятого отправился в Успенский собор, чтоб отслужить Литургию — в последний, быть может, раз в Успенском. Сослужили Протопресвитер отец Михаил Измаилович Богословский, отец Архимандрит Иосиф, Ризничий и два священника. После Литургии — Вечерня и чтение Молитв Пятидесятницы с амвона, стоя на коленях, лицом к народу. Народу было полон собор, и все больше простой. По окончании службы всем желавшим преподал благословение. Вернувшись домой, был позван пить чай к Преосвященному Алексию, тоже только что кончившему Литургию на Саввинском Подворье; звать прибежали две его племянницы — Саша и Анюта (в мордовских платьях, воспитанницы Классической Женской Гимназии М-ме Фишер, которая и сама здесь же была). Когда уехала она с воспитанницами (из которых одна, тут же бывшая, желает ехать в Японию), я пошел написать письмо отцу Исаяи о ящике и прочем, но пришел прощаться едущий на каникулы в Дугино молодой князь Мещерский, Александр, воспитанник Лицея Цесаревича Николая. Послал с ним фотографические карточки, только что принесенные, его матери и сестре Саше. По уходе его позвали обедать. Русская угостительность — отчасти пренеприятная черта. Мой хозяин до того неотступно всегда угощает, что против воли больше, чем хочешь, съешь и выпьешь (и это каждый раз: сегодня — тоже); поэтому после обеда отдохнул и, окончательно собравшись, в семь часов простился с гостеприимным Преосвященным Алексием в Алтаре, пред началом Всенощной, и отправился на Нижегородскую Железную Дорогу. Дождь шел, и холодно было. Совсем осенняя погода. Взял билет второго класса. Спать почти нельзя было — тесно, притом же крик ребят, которых мать, какая-то офицерша, тут же заставляла делать кое-что неприличное; все это заставило пожалеть, что не взял билет первого класса. Ночью просто озяб, несмотря на то что был в двух рясах.

9 июня 1880. Понедельник. Праздник Святого Духа. На дороге в Казань, на пароходе из Нижнего

Утром в половине десятого прибыл в Нижний Новгород. Здесь же, на станции, послал телеграмму в Казань Высокопреосвященному Сергию, согласно его желанию в телеграмме Преосвященному Амвросию, его товарищу по Академии. Прямо со станции, где купил и билет первого класса на пароход Самолетской Компании «Императрица» до Казани (стоит восемь с половиною рублей), — на Самолетскую Пристань. В одиннадцать часов пароход отправился в путь. Пароход берет пассажиров и кладь на обоих берегах реки. Пассажиров полно и на палубе, и в каюте. Когда выходили, смотрел на Нижний и окрестность, но без прежнего чувства. Целый день — холодный ветер. К вечеру немного прояснилось, и заходящее солнце красиво играло на окнах деревенских домов по правую сторону Волги или на глинистых холмах, придавая невыразимую красоту зелени, покрывающей холмы. Так как день праздничный, то группы народу виднелись по холмам там, где есть деревни.

В Козьмодемьянске на четверть часа остановились, чтоб взять дров, живо нанесенных бабами. В каюте — шестнадцатилетний князек Чернышев, журимый гувернером за то, что натюкался красным вином; крайняя медленность прислуги; порядочная скука. Цвет речной воды — далеко не так красив, как в море, и вечером вода — мертвая, не искрящаяся тысячами звезд, подобно морской.

13 июня 1880. Пятница. В Казани

Утром вместе с Высокопреосвященным Сергием поехали в город. Ко мне пришел Васильев — тенор, семинарист. Понравился, и я заказал ему прийти завтра вместе с Вишневым. Вместе с ним приходил проситься в Японию совсем мальчик — семинарист; отказал, конечно. Получил письмо П. С. Шапкина, а потом и сам он пришел, просит озаботиться постройкой Храма в Ханькоу и снабжением этого места священником; средства и на Храм, и на содержание причта обещаются определенные. Жаль, что не могу ничего сделать — за двумя зайцами... С Высокопреосвященным Сергием побыли с

визитом у Губернатора Скорятина. Дочь — артистка по живописи; показывала картины своей работы. Скорятин рассказывал, как он удерживает студентов Казанского Университета от волнений. Когда собирались уезжать в загородный дом, пришел Владимир Владимирович Плотников с желанием поговорить. Владыка посоветовал пригласить его для того в загородный дом, что я и сделал, пригласив с парохомом в четыре часа. В назначенное время он явился и предложил взять его миссионером в Японию. Пришел Ильминский и стал мешать нашему разговору; Владыка взял его к себе, и мы кончили; я дал ему двести рублей на дорогу до Петербурга и посылку матери. Не понравилось мне, что он хочет держать это в секрете здесь и только из Петербурга написать в Академию. Но пусть делает, как знает. Владыке Сергию он сказал о своем намерении оставить доцентуру в Академии и ехать в Японию, и Владыка одобрил. По уходе его Николай Иванович Ильминский долго занимал разговором, пока наконец уехал со своим «абзой» («дядя» по-татарски, извозчик его).

14 июня 1880. Суббота. В Казани

<...> В Архиерейском Доме: скоро пришли Васильев и Вишневский, пропели «На реках Вавилонских»; бас — не сильный, но приятный. Условились, что я беру их в Миссию, если родители их отпустят. Заехали к Преосвященному Павлу, в Спасский монастырь (где покоятся Мощи Святителя Варсонофия), и — домой (в загородный дом). Была гроза и дождь. Приехавши, сходил в баню, потом пообедали. В семь часов была Всенощная в Крестовой; я стоял в Алтаре; после с Владыкой просмотрели Архиерейский Службник, и он сделал кое-какие замечания.

16 июня 1880. Понедельник. На пути в Сызрань

Утром, уложившись и написавши коротенькие письма к родителям Васильева и Вишневского и надписавши им фотографии собора, в семь часов отправился я в пролетке на Пристань Общества «Кавказ и Меркурий». <,,> Симбирск проехали вече-ром, приставали на тридцать минут — нельзя было посмотреть. Много учащейся молодежи едет на каникулы. Пообедал ухой из стерляди и селянкой, где тоже оказалась стерлядь; везде — она. Заход солнца был очень красив.

Пишется в Рязани, утром двадцать третьего числа, в понедельник

В двенадцать часов тогда <17 июня> был в Сызрани. Прежде того любовались все с парохода на великолепный мост чрез Волгу, еще не доконченный; под пролет наш пароход прошел, не нагибая и флагштока. Сызрань стоит на Волжке; весьма красивое городишко, высматривающий свежо и чисто. Извозчик прямо привез меня к брату, священнику женского монастыря, в домик против монастыря. Брат и его семейство встретили меня весьма радушно; жена его, Марья Петровна, совсем растолстела и обрюзгла; дети — две дочери, Маша, двенадцати лет, и Люба, десяти лет; первая — необыкновенно бледная, но красивая девочка; вторую застал в простуде, лежащую в жару; но когда я сказал, что если она выздоровеет, то пойдем в лавки куклу покупать, то она действительно тотчас же выздоровела — встала, несколько раз ее тошнило, но в постель уже не легла; и мы пошли в лавки и купили куклу, маленький самовар с прибором, мячи и прочее. Я думал, что Маша уже побрезгует куклою, но и она обрадовалась куклам в лавке, почему и ей купили. Обе они учатся очень хорошо в женской школе (которую тут же, проходя, показывали) и постоянно получают награды. Служит священником брат Василий, как видно, усердно и хорошо. Стерлядь, свежей икрой, балыком и прочим закармили они меня.

18 июня 1880. Среда. В Сызрани

Утром сходили к Обедне в женский монастырь. Служил младший священник — в первый раз здесь. После Обедни Игуменья Мария позвала к себе на чай, после чего показала монастырь. После обеда ходили в лавки купить племянницам на платье, причем обе они показали себя очень умеренными

— никак не хотели принять от меня по шелковому платью, а ограничились шерстяными. Вечер провели у брата одни. Хоть кратковременное убежище от официальности!

21 июня 1880. Суббота. В Сызрани и на пути из нее в Рязань

Утром — в Обедне в монастыре, после которой был Молебен Божией Матери. Мать Игуменья позвала к себе на чай и пирог. В двенадцать часов отправились на завтрак к отцу Петру Афанасьичу, который всячески хотел изгладить впечатление от того, что я во вторник застал его с очень красными глазами и носом. На завтраке был и отец Протоиерей с женой и сыном. На возвратном пути зашли в лавки, где я купил по иконе в благословенье племянницам. Купили еще лото — играть им. Вернувшись, смотрели, как Святую Икону Феодоровской Божией Матери торжественно провожали из монастыря в Покровскую церковь. Умилительное зрелище и умилителен дух благочестия, живущий в русском народе! Где, в каком государстве можно видеть, что народ вот два дня молится и воспевает хвалу Богу! Я объяснил Марье Петровне, обиженной моим скорым отъездом, что вот этот-то дух благочестия толкает и меня к делу, не позволяет долго засиживаться для своего личного удовольствия, как ни хотелось бы этого. Сходил в баню, играл с племянницами в лото, закусывал. Когда Василий вернулся от Всенощной, то вместе подъехавшим полицмейстером, в начале десятого часа вечера, они все проводили меня на станцию железной дороги, где неуместное участие очень уж любезного и исполнительного полицмейстера заставило меня взять до Рязани билет первого класса, стоящий двадцать шесть рублей девяносто копеек. Грустно-грустно было расстаться с добрым братом, его женой и милыми их детьми, бледнолицей Машей и вострушкой Любой (семейство, где во всем свете я и могу быть хоть несколько дома), опять лет на десять, если не навсегда! Храни вас Бог, милые мои! И грусть, и скука одиночества в моем роскошном купе, и ночное время заставили меня скоро погрузиться в сон.

22 июня 1880. Воскресенье. На пути из Сызрани в Рязань

Что за богатые, плодоносные места, которыми я проезжал сегодня! Все — чернозем, и везде — поля, бесконечное море полей! Изредка сосновый или березовый леса разнообразят ландшафт, заставляя еще более удивляться и радоваться богатству растительности. В Моршанске и Ряжске была перемена вагонов. Пенза — город, раскинувшийся на полугоре влево от дороги.... Соседи по вагону не мешали ни думать, ни грустить, ни смотреть по сторонам, за исключением двоих, севших за несколько станции до Ряжска, узнавших меня по Москве; и пошло: «А что в Японии грамотность?», «А многие ли знают по-русски?», и так далее — противно! Оттого-то везде и стараешься не сказываться, кто и откуда. Рязань прибыл в один час ночи, что очень неудобно — нужно было стараться не проспать. Извозчик привез в гостиницу Морозова, где за один рубль с четвертью — очень чистенький номер. Остановился я здесь, чтобы повидаться с Катериной Дмитриевной Пеликан, приехавшей недавно из Японии; если она — в городе, то завтра повидаюсь, и вечером — дальше.

25 июня 1880. Среда. Во Ржеве, и из Ржева — домой

Утро — превосходное. Напившись чаю, когда встала прислуга, отправился, по совету слуги, на ту сторону Волги искать для найма ямщика Вящунова. Нашел его в доме Морозова, где, бывало, останавливался и я; подрядил до Березы за десять рублей — на паре. Возвращаясь, любовался на Волгу; видел батюшку в рясе; тип сельских батюшек, должно быть, — такой полинялый, загорелый, жалкий! И все же, однако, — батюшка и почтенный, благодаря рясе и длинным волосам. А сними рясу и остриги волосы — право же, не задумался бы дать милостыню или подумать весьма дурно. И вот для чего, между прочим, нужна ряса и нужны длинные волосы! В лавках купил гостинцев; в одной — ситцев и платков на двадцать три рубля, в другой — шерстяных материй на платье на тридцать четыре

рубля, в третьей — конфет, чаю и сахару на девятнадцать рублей (всего — на семьдесят шесть рублей), в четвертой — еще серег, поясков. Когда был в лавках, непрерывно входили нищие, и какие все древние старцы, какие притом живописные (вот с кого бы рисовать нашим охотникам до итальянских типов)! Видно, что бедность одолевает народ. В лавке, где покупал конфеты, для баб двух, пришедших купить полфунта баранок и задержанных из-за меня, купил два фунта баранок за восемнадцать копеек, для ребятишек их гостинца, — и как же они рады были, как благодарили! Вернувшись из лавок в одиннадцать часов, уже нашел у гостиницы ямщика — старика Сергея, с парюю лошадей и небольшим тарантасом. Как ни хотелось есть (так как и вчера не ел почти ничего, ибо в вокзалах постного нельзя найти), в гостинице опять ничего не могли дать для завтрака, кроме куса соленой белуги. В двенадцать часов отправился на трясучем тарантасе из Ржева. Сначала был сильный жар и ветер, что делало дорогу несносно пыльною; потом сделалась гроза и пошел дождь, заставлявший нас два раза стоять в деревнях под поветью. В последний из этих разов в деревне, принадлежавшей некоему Сеславиному, в двадцати шести верстах от Ржева, я в избе спросил обедать, и не могли дать ничего, кроме хлеба, квасу и соли, каковыми продуктами я и воспользовался. А что за бедная и некрасивая жизнь в деревнях! Хоть бы в этой избе, что я заходил, — идти по навозу, в сенях — гнилушки вместо полу, изба — низкая, жара — невыносимая! А старик — умный и живописный, сноха его — баба хоть куда; и в голову им не придет улучшить жизнь! Лень и невежество! Часа в три остановились в постоялом дворе Баранова покормить лошадей. Хозяин спал и, когда я разбудил его, принял не весьма любезно и попросил занять комнату маленькую, каковая просьба показывает не совсем высокую степень уважения к духовным лицам. Обедать дали пустые щи, крупник со сметками, соленый и невкусный, и гречневую кашу, квас (недурной), рюмку водки (с трудом найденную); после еще — стакан чаю с сахаром вприкуску. Комнаты — очень чисты, хотя мух и комаров — множество. Теперь — пятый час вечера в исходе; ямщик закладывает лошадей. Писанье на постоялине прекращается до благоприятного времени. Солнце опять выглянуло, пыль прибило, ехать будет хорошо, хотя ох какой труд — после чугунок и пароходов ездить в тарантасе по проселкам!

26 июня 1880. Четверг. Из Ржева — домой, и дома

Рано утром ямщик, которому я сдан был, приехал, и я, напившись чаю из грязного чайника и стакана, отправился с ним. В седьмом часу были в Татеве, и здесь у усадьбы Рачинского, против сада, коренная лошадь с каким-то визгом разом повалилась и испустила пар. Отчаяние ямщика и помощь случившихся поблизости мужиков. Я поневоле увиделся с Сергеем Александровичем Рачинским, хотя намеревался заехать к нему на обратном пути. В его тарантасе отправился домой. Вид Березы — зеленая крыша церкви, красная крыша (очевидно, кабатчика) под селом... Дома застал племянника Александра и жену его, Марию Петровну. Отправился тотчас же на реку Березу смыть грязь дороги. На обратном пути встретился с отцом Василием Руженцевым, в рясе. После — свидание с сестрой; в церковь, где отец Василий пел «Исполла»; визит отцу Василию, Марфе Григорьевне — просвирне (которой дочь, Саша, живет гражданским браком с соседом женатым), Лариону Николаевичу и прочим; между прочим, — кабатчику с красной крышей, перекресту, эксплуатирующему Березу, и отказ сделать визит соседним мещанкам-содержанкам... Белиберда — в душе, белиберда — в людях кругом; одна природа искупала тоску и утешала злость; но люди мешали.

27 июня 1880. Пятница. В Березе и на дороге в Пустоподлесье

Утром, отслуживши Панихиду по отце и угостивши водкой причт, отправился в Пустоподлесье

28 июня 1880. Суббота. В Пустоподлесье и в Березе

Рано утром осмотрел село; побыл на колокольне, где понял, что село — именно Пустоподлесье; в двух церквах — Холодной и Теплой — виделся с отцом Жемчужниковым; видимо, — с похмелья;

обещался не обижать тетки и сваливал на дьякона; чрез минуту виделся с дьяконом, который сваливал на священника. Но огород тетке, кажется, дадут. Сын Анны Петровны, Александр, исключенный из училища, производит безотрадное впечатление. Другой сын, идиот Арсений, радостно гукал и усердно носил воду, а при отъезде выразил желание поцеловаться. Дорога обратно — такая же трудная. Покормили лошадей в Пониклях. Обед — хлеб с квасом. Поповны предложили бутылку браги. Домой вернулись далеко засветло. Купался, ел раков, пойманных племянником Иваном, гулял по полю и пепелищу дома. Переливы цветов по полям — чудные.

29 июня 1880. Воскресенье. Праздник Святых Апостолов Петра и Павла. В Березе

Утро — прелестнейшее. Утреню был в церкви. Служба — истовая. Пел по-прежнему на клиросе. После Утрени ходил купаться, где, между прочим, раздавил очки, служившие десять лет; вид Березы — чудный; зеркальная поверхность реки... В Обедне пели ученики — плохо. После Обедни понравились группы празднично разодетых крестьян и крестьянок. Сын отца Василия, только что приехавший на каникулы, зазвал пить чай, где виделся с Василием Георгиевичем Вастеховским. После чаю — к нам, на поминки. Панихида и обед (сытный, но без вилок, ножей и тарелок). Я сидел голодный. После — купаться; в поле на жару заснул; вечером с отцом Василием — на Гайдуново, к Анне Викторовне и Леонтию Иларионовичу Скрыдловым, согласно просьбе первой. Там — мать героя Скрыдлова с вскруженной головой и порядочное общество. Поболтали и чаю напился. Брат Анны Викторовны — несносный болтун. Прогулка на Бутрилово, в дом Матвея Ивановича, сына Березк., и Пшени. Дома поменялись ролями. Вечером поговорил со своими и дал им малость на нужды. Поражает бескорыстие родных, везде только: «Не нужно — Вам самим нужно».

30 июня 1880. Понедельник. В Березе и на пути из нее

Утро — скучнейшее; сборы в дорогу; нужно бы выехать в восемь часов, а выехали в одиннадцать — благодаря «Лошадям овса нужно дать», «Еще не спеклось на дорогу». Попрощавшись со своими и всем селом (по домам), отправились, и часу во втором были в Татеве. Обед. Великолепный сад. Ожидание сбора учеников и прогулка по саду. Училище — действительно, образцовое. Прежде того — в церковь, где ученики пели Литию; в школе пели концерт, «Херувимскую» и прочее; точно, очарование — мужичонки, поющие труднейшую музыку... Скучная дорога и ночевка на постоялом, где жена — больна горячкой. Немного заснул на сене, на полу.

1 июля 1880. Вторник. На пути в Ржев, и из Ржева — в Петербург

По ухабистой и пыльной дороге добрались в Ржев. Здесь — процессия (проводы Чудотворной Иконы Божией Матери в село); посмотрели; потом купили ножи, вилки, на сюртуки, к окнам и прочее. Остановливались на постоялине Морозова. В третьем часу — на станцию железной дороги. По ней — в Осташкове; здесь — ожидание почтового поезда. Теснота на поезде и — негде заснуть.

4 июля 1880. Пятница. Санкт-Петербург

Скука и апатия весь день. Утром — Яков Аполлонович Гильтебрандт и Дмитрий Александрович Резанов; проболтали до десяти часов. Потом — день, разнообразимый приходом случайно заходящих. В четыре часа был у Константина Петровича Победоносцева — не было дома, хотя вчера говорили, что в четыре часа будет. Возвращаясь, зашел в сапожный магазин выбрать сапоги; до Лавры доехал в дилижансе, читая дневные газеты. Отправился к отцу Иосифу, цензору; говорили об «Истории» Голубинского. Доложили, что меня ждут к отцу Александру, брату, что там студент один желает меня видеть. Оказался — Плотников. Дай Бог ему. Весьма симпатичная личность. Очень не нравится мне

только одно, что он в Казани до сих пор держит необъявленным свое поступление в Миссию. Что-то чуть-чуть иезуитское; дай Бог, чтобы это было простодушно русское, то есть человеку до сих пор совестно сказать: «Не хочу я служить здесь, хотя вы желаете»; словом, или чрезвычайно деликатное, или... По отправлении его к себе в гостиницу я сходил в баню, потом слушал из-за стены игру на пьянино.

5 июля 1880. Суббота. Санкт-Петербург

Продолжается уже 22 октября, среда, 1880 года, на пути из Сингапура в Гонконг, на судне Tenser, Ocean Steam-Ship Co, капитан — Power. В Петербурге тогда просто опротивело вести дальше дневник — вечно одни и те же пошлые чувства недовольства собою и всем на свете, одна и та же суетня и одна и та же пустота. Собирался в дорогу. Укупоривал вещи, что из Москвы и Казани. Служил раз в Исаакиевском соборе Литургию; в Казанском — Молебен вместе с Высокопреосвященным Исидором, на Праздник Казанской Божией Матери; в Лаврском соборе — Акафист Успению в одну субботу. Был на обеде у Великой княгини Екатерины Михайловны в Ораниенбауме, представлялся Государю Императору в Царском Селе; покупал книги, иконы, хлопотал в Синоде (между прочим, об Архимандритстве отца Анатолия, о прогонах и подъемных отцу Димитрию). Между тем к Плотникову приехали мать и сестра и отговорили его ехать в Японию; видимо, стал колебаться; я подал в Синод, чтобы остановили дело о производстве его в члены Миссии. Просился один из Лавры учителем пения, но тоже потом стал колебаться, и оставлен. Митрополит Исидор все время был чрезвычайно ласков и заботлив — точно отец родной о чаде, заботился о Миссии, обер-прокурор Константин Петрович Победоносцев тоже весьма просто и ласково делал для Миссии в Синоде все, что нужно. Собирался первого августа выехать из Петербурга; потом — десятого; наконец, пятнадцатого, отслуживши Обедню в Крестовой церкви вместе с Высокопреосвященным Исидором и напутствованный им, после обеда у него, иконою Покрова Божией Матери, с вечерним поездом отправился в Москву. Благословляя иконою, Митрополит сказал: «Искренно желаю, чтобы Покров Божией Матери был над Японскою Церковью». Дал потом трость, принесенную ему кем-то из Иерусалима. Когда я, откланиваясь, сказал, что даст Бог, чрез десять лет буду иметь счастье опять увидеть его, он промолвил: «Нет уж, мне не дожить; а услышите, что помер, — отслужите панихидку». Это были последние слова его. И в самом деле, едва ли уже мне услышать что-либо лично из его уст — ему восемьдесят два года. И при таких летах — такая деятельность, бодрость, свежесть. Вот с кого брать пример! С Ольгой Евфимовной Путятиной простился в их квартире, она больна была и грустно-грустно расставалась; у них такое домашнее несчастье еще — болезнь графа Евгения. На железную дорогу провожали отцы сотрудники, Варвара Александровна Иордан, племянник Сережа, брат отца Димитрия — Дионисий Смирнов. Шестнадцатого августа был в Москве, опять на Саввинском Подворье. Преосвященный Алексей принял ласково и сказал, что нужно сегодня же побыть у Митрополита Макария: «Он»-де «пеняет, отчего тогда, пред отъездом из Москвы, не по-был у него» (а он тогда был в Троицко-Сергиевой Лавре). Отправился я в Черкизово. И вот-то попал на сцену! Давно уже со мной никто так не говорил. Митрополит Макарий как раскричался на меня! И за что же? Мое письмо из Петербурга, в котором я извещал, каким путем пересылать в Японию деньги, обещанные им на Миссию, он принял за настойчивое требование этих денег: «Ко мне»-де «никто так не пишет!» Ну и мелочен же он! Правда, должно быть, что, кто повыше, перед теми он угождает до невероятности. Взял я в Москве Святого Мира и частиц Святых Мощей, для чего нужно было подавать прошение в «Московскую Святейшего Правительствующего Синода Консисторию», купил атласу на сто антиминсов и попросил в Синодальной типографии отпечатать их — без надписей на русском языке, а с пробелами. Федор Николаевич Самойлов еще на Миссию пожертвовал десять тысяч рублей, которые и посланы были мною в Хозяйственное Управление на хранение. Еще набралось и пожертвованных вещами немало, так что двенадцать ящиков пришлось отослать в Петербург отцу Федору для пересылки оттуда в Японию.

15 сентября 1880

Прибыли в Константинополь. Отправились в Буюк-дере, к отцу Смарагду. Вечером я обедал у посла Новикова. Вместо приветливости Посол за столом стал подсмеиваться. Ночевал у отца Смарагда. Назавтра осмотрели Святую Софию и — на судно, а часа в четыре следующего дня отправились из Константинополя.

16 сентября 1880

Отправились из Константинополя дальше. В Дарданелльском проливе видели наш новый пароход Добровольного Флота, не пропускаемый турками, так как имеет военную конструкцию (таран). Заходили в Смирну, где осмотрели старую крепость на горе, место мученичества Святого Поликарпа, и две греческие церкви.

20 сентября 1880

Пришли в Александрию и, не сходя на берег, тотчас же перебрались на другое судно «Общества Пароходства и Торговли», отходившее в Порт-Саид.

23 сентября 1880

Отправились по каналу. Превосходная погода, интересные ландшафты, множество миражей: налево будто вода и острова, направо — озеро с лодками, точно чайки, и бесчисленным множеством птиц. Встречи с пароходами и остановки. Ночевали на якоре у Измаилии и назавтра <пришли в Суэц>.

24 сентября 1880

Пришли в Суэц и, остановившись часа на два, продолжали путь дальше по Суэцкому заливу. В Красном море было очень жарко. Около маленьких островков там видели два разбившиеся английских парохода. Видели Сокотру — остров. Проходили около Цейлона и видели роскошную растительность острова.

16 октября 1880. Четверг

Пришли в Пенанг. Около берега виднелись мачты и верхушка трубы английского грузового судна, разбитого в то же утро другим пароходом, наткнувшимся на него; ящики с грузом проплывали мимо нас. Вышедши на берег, ездили смотреть водопад. Дорогой — поля, целые растения «Не тронь меня», кокосовые рощи; мы за шиллинг получили два огромных кокоса, за которыми при нас слазил малаец; молоком из одного напился все трое. Пообедали в гостинице, потом ходили смотреть туземный и китайский город — очень людный и неопрятный. <...>

18 октября 1880. Суббота

Прибыли в Сингапур. Остановились мили за две до города, у доков. Осмотрели Ботанический Сад роскошнейшей растительности. В саду — клетки обезьян и птиц, в пруду — лебеди и утки. Дорогой, в шарабане, обедали бананами.

19 октября 1880. Воскресенье

С отцом Дмитрием отправились в англискую епископальную церковь. Просторно и прохладно, множество огромных вееров, которыми малайцы, стоя вне, машут. Скучно стало, и пошли в

католическую — там служба еще не начиналась; зашли в туземную — должно быть, епископальную же; туземный проповедник бойко говорил проповедь конгрегации из девяти взрослых и четырех детей; захали в пресвитерианскую — проповедник сонно говорил проповедь, расставив руки с кафедры, на которой он полулежал; конгрегация, человек из тридцати, зевая, слушала; и тут махали веерами. Поехали в Сад Вампоа. Множество человеческих и всяких других фигур из зелени. Дорогой купили бананов: ветка плодов двести — за десять сентов. Ананасы — по пяти сентов. Вечером раздосадовал Львовский, вернувшийся поздно из города совсем пьяным. Боюсь, что разовьется у него страсть пьянства. На судне каждый день пьет бутылки по четыре пива и все старается, чтобы не видели это. Дрянной знак!

20 октября 1880. Понедельник

Дождливый очень день. После обеда отправился пешком в город, чтобы и посмотреть город, и сдать письма на почту. Случайно около почтамта наткнулся на сцену встречи раджи одного, приехавшего из своих владений (на материке, выше Острова Сингапура) на пароходе. На пристани, под навесом, стояли, должно быть, официальные лица — англичане, порядочно народу; три маленьких пушки. Но дождь — ливень; едва могли салют сделать из двенадцати выстрелов. Дорогой оттуда заходил в один из браминских храмов — в соседнем были еще завчера. С правой стороны храма — бассейн с водой, где брамины, как утки, полоскались. Чтобы осмотреть внутренность, нужно было снять сапоги, что неудобно было. По ночам здесь — мучение от москитов, таких же, как в Японии.

22 октября 1880. Среда

Погода — прекрасная. Тихо. Интересно управляются англичане с китайцами. Множество понатакали на мостик и привязали косами вверх к бимсам. За что? А осматривают билеты, и если чуть что покажется подозрительным, и привязывают; наполовину потом оказывается — билеты исправны и привязывать было не за что; оказавшиеся без билетов держатся привязанными, пока заплатят за проезд. К счастью, все они с деньгами, ибо едут с заработков. Есть на судне и японцы — с прусского торгового судна, разбившегося у Сокотры.

24 октября 1880. Пятница. На пути из Сингапура в Гонконг

Написал сегодня письмо Высокопреосвященному Исидору и приложил при нем два рапорта, в одном прося о награждении сотрудников Миссии, в другом — матери Евстолии и других в ее обители. Написал еще письмо матери Евстолии. <...> В море сегодня видна была скала; издали — совершенная башня, когда поравнялись — впродоль точно гроб исполина. Уже становится прохладней. Идем меньше обыкновенного — мешает противное течение, так как теперь северо-восточный ветер; при юго-западном же течение бывает обратное теперешнему. Китайцы кейфуют на палубе, но вместе и шумят; сегодня из-за чего-то одного из своей братии поколотили.

25 октября 1880. Суббота. На пути из Сингапура в Гонконг

Спал плохо от катара; встал с головною болью и вялостью; целый день ничего не мог делать. Перед вечером взял у отца Димитрия вермуту и выпил рюмки две, и на желудке сделалось лучше. От скуки прочитал попавшийся под руки третий том какого-то романа аглицкого; а писем писать не мог. Ну уж этот катар! И не знаешь, как и отчего, — вдруг целый день ни к чему не годен. Вечером просматривал аглицкие святцы: на каждый день года — имена знаменитых людей, сколько могли собрать (человек пять-шесть, с портретиком одного какого-нибудь). Из русских в святцы попали Петр Великий, Екатерина Великая, Иван Андреевич Крылов, Александр Второй и Костюшко. Доктор

(пассажир, едущий в Сватау) подходит и спрашивает: «Когда ваше рождение?» — «А на что?» — «Да вот посмотрим, каких знаменитых в тот день». — «Тринадцатого августа» (нового стиля). Открыли — все дрянь какая-то. Против каждого числа оставлен пробел — вписывать имена желающим. Святцы — приличные протестантству и язычеству.

26 октября 1880. Воскресенье. На пути из Сингапура в Гонконг

К утру разыгралось довольно большое волнение. Укачало отца Димитрия, доктора и его жену, и меня — тоже, почти до рвоты. На палубу захлестывало, и жаль было бедных китайцев, совсем плававших в воде. Наконец, их поместили у трубы, на мостике. Вот народ-то будущего — величайшего из всех судеб, достававшихся на долю других народов. Великий народ, и теперь бы могущий задавить весь свет, — а как он мирен! Негде жить ему — а разве он подумал о завоевании Кохинхины, Сиамы, Бирманы? Какой же другой народ на свете удержался бы? Из европейских ни об одном и представить себе этого нельзя. Вот французам — на что Кохинхина? А взяли же. Китайцы же со своим терпением, своим трудолюбием, экономией, честностью (ни с чем иным, в смысле завоевательных наклонностей) идут Бог весть куда зарабатывать себе хлеб и мирно живут под всяким правительством, не думая грабить под свое. Да, привить Христианство этому народу — и он именно будет водворителем на Земле того высшего блага, что «будет Едино Стадо и Един Пастырь»; но не завоеваны будут все народы для этого, а мирное влияние христианского Китая будет таково. Это восстанет великий учитель, который будет учить народы своим примером, — и как будут представляться тогда, с тогдашней точки зрения, теперешние завоевательные страсти аглицкие, французские и всякие другие? Но не скоро еще будет это, к несчастью! Однако думать о водворении Христианства в Китае, думать Православной Церкви. — пора. <...>

27 октября 1880. Понедельник. На пути из Сингапура в Гонконг

Несноснейшая качка и невозможность что-нибудь делать целый день. Решительно, можно устать от такого времяпрепровождения. Почти все время в койке. Отец Димитрий и докторша страдают до слез. Отец Димитрий два раза просил куриного супу, а ему делали какие-то помои. Китайцы, бедные, жмутся кое-как у трубы на мостиках или стоят внизу, на палубе, а им моет ноги волной по колени.

28 октября 1880. Вторник. На пути из Сингапура в Гонконг

Качка несколько не ослабела к утру. Сегодня нужно было прийти в Гонконг — но противный ветер замедляет ход, придем только завтра утром. Несноснейшая усталость от качки и неспособность писать письма.

Одиннадцать часов вечера. Подходим к Гонконгу, идем между островками, так что тихо, почти как на рейде. Наконец-то ушли от этого несносного трепанья из стороны в сторону. Часов в двенадцать остановились на якоре, милях в семи от гонконгского рейда, и завтра утром войдем на рейд. Последние часы пребывания на «Тепсег». С двенадцать второго сентября здесь, больше месяца. Спасибо ему — доброе судно, и плавание было самое счастливое, за исключением качки последних трех дней. Только время в дороге вечно какое-то потерянное, точно дыра в существовании. Как-то придется из Гонконга до Йокохамы? О, поскорее бы только до места!

Написал сегодня письмо Феодору Николаевичу Быстрову — больше ничего не мог делать. Мысли, сегодня полученные, — Спасителю, по человечеству, более шло и, вероятно, более нравилось бы быть, как его Праотец Давид, пастырем овец до общественного служения; и, однако, он был древоделом; какой урок нам — не своему собственному вкусу подчиняться, а тому, что нужно. Еще — Спаситель на Кресте висящему с Ним сказал: «Днесь со мною будеши в Раи»; и нам нужно быть на Кресте со Спасителем, чтобы услышать этот зов.

29 октября 1880. Среда. В Гонконге

Ночью остановились вблизи Гонконга, и утром рано, часов в семь, перешли на рейд. Утро было прекраснейшее. Позавтракавши, мы втроем съехали на берег. Жалость возбуждают живущие на лодках китайцы — огромное семейство, ребятишек — куча, но все владение их в сем мире — крошечная лодка: тут они рождаются, растут, помирают. Не удивительно, что рабочих китайцев такая бездна везде: хоть бы с этих лодок не отправляйся на заработки выросший люд, они одною тяжестью своих тел потопили бы их родных. Зато в какой же чистоте и холе они держат лодки! У иных тут, по сторонам лодки, еще маленькие курятники устроены. На берегу осмотрели общественный сад. Что за прелесть! Какое богатство кактусов! Как чисто, порядочно! Из животных видели в саду огромную ящерицу в периоде линянья, кенгуру, страуса, павлинов. Зашли к агенту взять билеты. До Йокохамы стоит шестьдесят долларов, но так как у нас были билеты до Шанхая, то приплатить пришлось всего по тридцать пять долларов. Позавтракали в Hong-Kong Hotel. После надоевшего судового стола очень понравился завтрак. Затем до вечера ходили по городу, покупали вещи (особенно отец Димитрий). Съездили на судно, чтобы оставить вещи, и опять вернулись на берег — гулять и пообедать. Гуляли до усталости, так как обед в Hotel'e в половине восьмого часа. Какой богатый здесь китайский город! Сколько ни бродили сегодня, видели только отличнейшие магазины или конторы, видимо, богатых оптовых купцов. Вернувшись на судно, долго разговаривали с капитаном Power'oM об Англии и России. Даже и он неразумно верит в завещание Петра Великого о завоевании всего света. Не диво, что англичане не любят русских. Принес капитан книгу, чтобы показать, по течению разговора, как велик аглицкий торговый флот: действительно, судов — двадцать четыре тысячи торговых в Англии. В каждый год строится и выпускается их не меньше тысячи. Стоимость всего торгового аглицкого флота — не меньше девятисот шестидесяти миллионов фунтов стерлингов. Военных судов в Англии свыше шестисот... Ночь была чудная. Долго гуляли по палубе, наслаждаясь видом города и окрестностей при свете луны и при газовых рожках, эффектно блистающих на всем пространстве города, растянувшегося в гору и широко по побережью.

30 октября 1880. Четверг. В Гонконге

Утро было прекраснейшее. После завтрака мы переехали с «Тепсег» 'а на «Нектор» — той же компании, отправляющийся завтра утром в Йокохаму. «Тепсег» передает ему весь груз, который имеется для Йокохамы (в том числе — и наши двадцать два ящика), а с него берет груз, идущий в Шанхай. Этим и заняты суда теперь. С «Гектора» мы отправились на берег гулять и покупать, кому что нужно. Я между прочим и вчера, и сегодня купил магнезии, так как желудок причиняет головную боль. А надеялся было я, что не нужно будет магнезии никогда. Эх, придется и умереть, видно, от желудочного катара. <...>

31 октября 1880. Пятница. На пути из Гонконга в Йокохаму

Утром, в половине седьмого, снялись с якоря в Гонконге и пошли по узкому проливу между китайским материком и островом. У китайского берега целый день и всю ночь — множество рыболовных джонок под парусами, так что вечером «Гектор» несколько раз давал свисток, чтобы не наткнуться на джонку, хотя ночь была светлая (до того густо было джонок). Я читал купленную в Гонконге новую книжку доктора Легга о конфуцианизме и таоизме и их сравнении с Христианством. Ветер — уже очень холоден, так что на палубе в легком платье — нельзя. Море — довольно бурливо. Пассажир японец, семь лет обучавшийся в Англии минному инженерству, — самохвал и из недалеких; сразу объявил, что у него девятнадцать дипломов (?) и что он до того многому учился, что голова уже не может вмещать сведений, а забывает, что вновь слышит. От него первого услышал о смерти старика Брауна, американского миссионера в Йокохаме (последний раз видел я его мельком в деревне, недалеко от озера, на пути в Идзу). <...>

1 ноября 1880. Суббота. Путь из Гонконга в Йокохаму

Погода — пасмурная, ветер — холодный, море — бурливое. Идем в одиннадцать часов дня все еще в виду китайских берегов, и кое-где видны джонки. Целый день читал книжку Легга; весьма легко читается; видно еще, что знаток своего дела (то есть религий китайских). — недаром сорок лет прожил в Китае. Море целый день неприятно качало; ветер — сильный.

2 ноября 1880. Воскресенье. На пути из Гонконга в Йокохаму

Дай Бог, чтобы это было последнее воскресенье в море. Целый день неприятно качало, и ветер дул сильный; все еще идем между Китаем и Островом Формозой. Быть может, лучше будет, когда выйдем из этого пролива и возьмем на восток. Книжку Легга кончил. Последняя лекция производит неприятное впечатление. Тотчас видно протестанта — не умеет обращаться ни с Христианством, ни с язычеством, и мешает то и другое. Бедный, уж он защищал-защищал свои верования! Как будто кто нападает на него; сам же договорился, начал «сравнивать» — как будто можно несоизмеримые вещи сравнивать; а начал — то и отделяйся; стал на одну доску с язычниками и поднял потом тревогу доказывать, что он — не язычник.

3 ноября 1880. Понедельник. На пути из Гонконга в Йокохаму

Уж действительно, так надоело море и морское путешествие, что выразить нельзя. И угораздило же отправиться не на почтовом судне! По крайней мере, десятью днями короче было бы путешествие. И я, и другие со мною — просто больны. Господи, скоро ль это кончится, это мученье! Вот машина всего двести пятьдесят сил — скоро ль она довезет при противном ветре еще; капитан говорит, что в будущий понедельник придем в Йокохаму, но придет ли еще! Вчера — сто двадцать миль в сутки, сегодня — сто сорок только. Состояние духа и тела сквернейшее! Делать ничего нельзя от качки — в шахматы разве играть. О, горе!

5 ноября 1880. Среда. На пути из Гонконга в Йокохаму

Море — совсем тихо; чуть-чуть качает; ветерок — такой, что два паруса можно было поставить в помощь машине. С вечера вчера молодой шалопай, едущий изучать винную торговлю в Йокохаме, не давал спать безумным криком и песнями; утром сегодня стюардесса (отвратительный кусок мяса в очках) распелась спозаранку, ходя по кают-компании, и помешала сну. А днем, когда осмотрелись, оказалось, что крысы поиспортили сапоги у меня и у отца Димитрия; у последнего, в новых сапогах, в одном передок совсем съели. И сердится же он! Весь завтрак ворчал уморительно. «Хоть бы вам головы так поотъедали», — говорит, разумея судовое начальство, хотя оно ни в чем не виновато. Если погода продолжится такая тихая, то придем в субботу, да еще до полдня, так что можно будет ночевать в Тоокёо. Дай Бог! <.,>

6 ноября 1880. Четверг. На пути из Гонконга в Йокохаму

Утром видели уже Киусиу. Море — тихо, погода — хорошая; уставшая птичка, вроде чижики, села на палубу и дала взять себя в руки; мы посадили ее в клетку околевших канареек отца Димитрия — до первого близкого берега, где выпустим. С полдня до Йокохамы осталось всего четыреста сорок миль; значит, послезавтра утром должны быть. Читал аглицкую книжку. Вечером раздумался о том, что следует заняться авторством. Отрывочные мысли об этом никогда не оставляли меня, но все некогда было. И теперь будет некогда, знаю, — но ради отдыха и развлечения нужно собирать материал для книжки какой-нибудь. В отдалении мелькают перспективы. Бог знает, выйдет ли что путное. Но хорошо бы писать о следующем:

1. Япония — в географическом, этнографическом и историческом отношении.
2. Христианство и нехристианство, где — католики и протестанты, — вроде обличительного богословия.
3. Миссионерство, то есть миссионерский дневник, и об инославных Миссиях все, что можно собрать.

Миссионерский дневник будет составлять ежедневную запись в книжке происходящего по Миссии. По прочим предметам не иметь записных книжек, а писать на листках все, что случится узнать или надумать, с заглавием впереди, — так, чтобы легко было потом подобрать в порядок. Если будет время, хорошо бы составить программу вопросов в возможно полном объеме предположенных к рассмотрению предметов. Думаю, что все это не невозможно, так как мои занятия по Миссии все почти более пассивные, чем активные, не исключая переводов и лекций, о которых тоже не нужно думать всегда, а лишь во время самого акта; значит, для свободной производительности время будет, лишь бы не жить мыслию, спуская рукава. Конечно, мысль не должна быть отнята от построек, например, от переписки с Россиею; но, правду говоря, на все времени должно хватить. Теперь, против прежнего, есть некоторые шансы большей производительности и свободы во времени. А как это будет освежать и поддерживать! Не даст погрузиться в рутину и говорить, что все — одно и то же; всегда будет свежая струя мысли, и не одна. А чрез десять лет, если придется посетить Россию, будет что напечатать. Итак, займемся, с Божией Помощью!

7 ноября 1880. Пятница. На пути из Гонконга в Йокохаму

Десять с половиною часов утра. Идем около берега Ниппона. Погода — ясная; ветер — легкий, северный, несколько холодный. Переношусь мыслию за двадцать лет назад. С каким трепетным чувством я приближался тогда к Японии! Такое высокое (не могу иначе назвать, как целомудренное) настроение было тогда: крайне боялся чем-нибудь не понравиться японцам. Помню в Декастри, чтобы сделать визит на японское судно, сразу самую богатую и дорогую рясу (бархатную) надел, и с первого же слова подарил доктору Фукасе-старшему компас, быть может, жизнь мне спасший в пургу на Амуре. Так и казалось мне, что вот уже становлюсь на почву Евангельской проповеди, и ни волоском повредить не хотелось восприимчивости слушателей. Юношеское увлечение, взгляд сквозь розовые очки! Восемь тяжелых трудовых годов пришлось провести, пока явился спрос на проповедь, и тогда желающих слушать уже никакие мелочи не могли отвлечь. Десять лет тому назад, тоже не без волнения и достаточной еще свежести чувства, я подъезжал к Хакодате на парусном судне, в холод. Ярko горела вечерняя звезда на небе — ее я спрашивал, мне ли она предвещает добро? Да, она была доброю предвестницею. Еще восемь трудовых лет прошло. Вот теперь в третий раз я приближаюсь к Японии. Нет юношеского волнения. Охладили кровь лета. Есть только нетерпеливое желание поскорей кончить надоевшее путешествие, да радостно думается о свидании с друзьями. Завтра увижу я их. Посмотрим и сравним, приятней ли свидание с друзьями в Петербурге или — обратно в Японии. И в каком виде я найду Миссию и Церковь? Вероятно, много и неприятного встречу — запущенность, опустелость и тому подобное. И что-то обещают ближайшие десять лет? Будет ли еще после них путешествие в Россию или — на том свете? Если — в Россию, то с каким настроением придется приближаться к Японии в четвертый раз? Бог знает! Бог начертывает будущее, и дай Бог, чтобы в нас самих ничто не мешало исполнению Его Воли над нами! Бедная эта минута, но пусть удержится она в памяти со всею обстановкою. Напротив меня, наискось, несколько влево, за столом отец Димитрий, диакон, сидит и пишет что-то; направо, в открытую дверь, видна синева моря, с зайчиками кое-где, и выше — голубое небо; прохаживающийся Львовский мелькает иногда, закрывая вид. <...> Настроение духа — ни дурное, ни хорошее.

8 ноября 1880. Ночь часов вечера

Последние часы путешествия. Целый день сегодня провел, думая о Миссии. <...> Осталось до Йокохамы миль восемьдесят; с полдня было всего сто восемьдесят. Часа в три остановились, чтобы утром, часов в девять (должно быть) в Йокохаме стать на якорь. Вечерняя звезда, единственная, видна сквозь туман, и высоко-высоко поднялась и ярко светит под туманной дымкой; луна, полным кругом, также хорошо освещает нам путь. Завтра — на месте; и опять, как ни в чем не бывало, — прошлогодние заботы, уроки, переводы и прочее на плечи. Дай, Господи, бодро нести бремя! На усталость теперь пожаловаться не могу. Отдохнул — пятнадцать месяцев ничего не делал. Перемены желать также не могу — нигде не нашел лучше, как в Миссии, за обычным трудом. Везде до сих пор скучал, с тех пор как оставил Японию. Итак, опять к желанному. Прощай гулянье, прощай путь, прощай скука! С Богом, бодро за любезный труд!

17 (29) ноября 1880. Понедельник.

В Миссии на Суругадае

8/20 ноября 1880 года, в субботу, утром пришли в Йокохаму. Съехавши на берег и пропущенные около таможни с нашим «тенимоцу», мы направились на станцию железной дороги. Крыжановский и Львовский уехали несколько вперед, а я, пропустив их, чтобы заехать в меняльную лавку, из-за секунды этой, встретился с отцом Анатолием, который приехал в Йокохаму по поводу денег, присланных из Хозяйственного Управления, — тех, что должны были прийти при мне. Удержанный отцом Анатолием в Йокохаме, увиделся здесь со Струве и Пеликаном, у которого и обедал в гостинице. В Тоокё, на станции, встретили ученики и христиане. Со станции — к Струве; в Миссии, в церкви, отслужили благодарственный молебен. Радостное чувство было — несравненно выше и сильнее, чем при всех свиданиях в России. Доказательство тому — что голова даже разболелась от волнения! Всенощная — дома; так уютно и приятно было слушать ее.

Назавтра, в воскресенье, — множество христиан. Я сказал несколько слов за Литургией, в мантии и митре, — но тяжело было так, голову ломило и плечи. После Обедни с сотнями христиан раскланивался.

В понедельник ученики отправились гулять. Во всю неделю неприятного было — жалобы на отца Владимира, что он — лжец, что притесняет при расплатах, что бестактен в Семинарии и прочее. Говорил с ним; должно быть, поправится. А странен, в самом деле. Сам встретил его на железной дороге в спальнях сапогах и счел нужным указать ему это, чтобы не отказался. Совсем не такой отец Димитрий. Из этого, если даст Бог, выйдет настоящий миссионер, которому мы в подметки не годимся. Смирением, кротостью сделался уже любимцем учеников; сразу привык ко всем японским обычаям, касающимся внешности: ест, например, совершенно японскую пищу, причем и палочками владеет не хуже японца. Отец Анатолий все время занят отчетами, которые с собой и повезет в Россию. Вчера, в воскресенье, служил отец Владимир — и преплохо: до сих пор даже служить не научился, такой рохля.

Сегодня христиане справляли в Уено угощение по случаю моего приезда и отца Анатолия и Якова Дмитриевича отъезда. Было четыреста восемьдесят человек. Отец Савабе говорил речь, в которой отца Анатолия назвал «матерью», а Якова Дмитриевича — «перлом». Было много речей (энзэцу) катехизаторов и учеников; бросаньем апельсинов немножко испортили рясу. После, дома, сицудзи, пришедшим благодарить, я сказал о Храме, чтобы искали место для него; дай Бог! Вечером прибыл отец Яков Такая из Осака.

1881 г.

7 (19) мая 1881. Четверг. В Кумагая.

Утром в 5 часов вставши и уложившись в дорогу, застал несколько Обедни, которую служил о. Гавриил, после чего отслужен был напутственный молебен. Ученикам и ученицам дана была рекреация, по какому случаю ученики отправились в Итабаси, где имели и обедать, — для каковой цели выдано было Никандру 15 ен на 50 человек. Голова несносно болела; приходившие прощаться мешали укладываться. К 9 часам собрался совсем. <...> Ученицы простились в Миссии, они отправятся гулять в Уено и там будут обедать, на что дано им 10 ен. Провожали все (члены и ученики) до Итабаси, где в начале 11-го часа, простившись, пустился дальше с певцом Романом. В Урава были в 12 часов. Переменили тележки и пообедали (17 сен, обед очень хороший). <...> Вольные ямщики и здесь, как у нас в России, норовят слупить, только здесь делают это мягче и не так нахально. Дорога была очень хорошая, только целый день несносная пыль. Начиная от Куге — на два ри от Кумагая дорога насыпная; насыпь сажени три вышины и так широка, что две коляски свободно разъезжаются не мешая пешеходам. Дорога эта сделана в 8 веке. Весьма почтенный труд! Так как дорога идет зигзагами, то ее больше, чем на две яп. мили. По окраине дороги — внизу, в мочеvine [?], много тальника, любимое местопребывание для соловьев, и сколько же их зато здесь! От Куге до Кумагая едешь среди непрерывающегося концерта соловьев. Жаль только, что здесь они не так хорошо поют, как наши, напр., курские. Один из везших меня ямщиков, пробежав 10 ри и не переставая бежать, пред Кумагая, стал вслух восхищаться горами направо! Как тут не сказать, что японцы — народ, расположенный к поэзии и мягким чувствам! В Кумагая добрались еще засветло, но остановились на ночлег, так как дальше нет хороших мест для ночлега, а до Маебаси нельзя сегодня добраться. В гостинице прямо объявили, что с иностранца за ночлег 50 сен.

Комната порядочная; дали теплой воды вымыть голову. Ама [Амма?]*, мужчины и женщины, три раза уже приходили набиваться своим искусством. Спать хочется; но заснуть едва ли скоро придется, так как кругом гомон и шум. Роман в соседней комнате тоже, по-видимому, пишет дневник или записывает расход.

8 (20) мая 1881. Пятница. В Маебаси.

Утром встали в 5 часов и через полчаса отправились в тарантасе на одной лошади. До Маебаси за 13 миль. Дзинрикия не соглашались меньше, чем за 6 ен (4 человека). В Синмацзи, за 4 мили от Маебаси, встретили: три старшины и катехизатор (Иов Кацуяма, Давид Като, Конст. Оокура и Спиридон Оосима). Проехавши немного, встретили еще толпу христиан, в числе которых между прочим был готовимый в ученики Семинарии Климент Намеда. За 1 х/2 мили встретил о. Павел Савабе в подряснике, в котором, говорит, часто ходит и никто не находит этого странным. В Маебаси — у города встретила еще толпа, так что пришлось выйти из экипажа и идти пешком.

Церковное место, здесь купленное христианами 947 цубо — в середине города, с домом — большим и еще весьма хорошим. Здесь живут: о. Павел Савабе, катехизаторы Оосима и Мацуи и семейство Намеда, хозяин которой [sic] — больной человек. Молитвенная комната обита белым холстом, — престол покрыт яп. парчой, — в стороне наугольником — небольшой жертвенник, — справа для риз; место алтаря задергивается завесой из белого холста и устлано коврами. Полный дом христиан встретил; о. Павел — в епитрахили с крестом.

Зашедши направо в приготовленную комнату, чтобы надеть рясу и панагию, вышел к кресту, отслужил литию; приветственная речь; предложил, чтобы старшины заявили нужды церкви. Потом сели попросту, я с ними, и в простой речи толковал, что христиане не должны жалеть своего достояния для Церкви, приводил примеры из книги Деяний Апост. и также из современной христ. жизни, как, напр, в Москве жертвовали в прошлом году на Японскую же церковь. <...> Пообедавши

приготовленной по- иностранному пищей без хлеба и начиная с жаркого и кончив супом, отправились делать визиты старшинам, которых здесь 9 человек. У Капуяма Иова его шелкоразматывают. работы вчера и сегодня были остановлены (вчера — так как по ошибке вчера меня ждали), чтобы дать возможность христианкам участвовать во встрече. Там, отслуживши литию, тоже сказал небольшое слово, взяв подобие шелков, червя, как он усердно тянет свою прекрасную нитку. У Фукузава Иоанна — тоже лития; там видели воспитывающихся червей. Всех не успели обойти. Вернулись, чтобы подготовиться к Всенощной и отслужить ее. Служил о. Павел. В конце я рассказал житие Святителя Николая. После Всенощной не вдруг разошлись. Потом мы с о. Павлом и катехизаторами долго проговорили.

9 (21) мая 1881. Суббота. День Святителя Николая. В Маебаси

Утром — холодно, едва можно терпеть. Приготовившись к Обедне, пошел гулять, обдумывал проповедь и чуть не заблудил. Попавшая навстречу христианка вывела на дорогу к церковному дому. О. Павел сам напек просвир — в котле, вместо печи, совершенно прелые были. До Обедни пришел Андрей Сасагава из Такасаки — спросить, когда туда, и после Обедни вернулся. Обедню служил я один, причем, так как (диаконские) ектений забыл, то на них несколько путался. Приобщались больших трое и много детей. Проповедь сказал, по совету о. Павла, больше к женщинам, так как много фабрич. мастериц, — Пресвятую Богородицу представлял как высочайший образец для подражания Ее чистоте, смирению и проч. добродетели, также мироносиц жен. После Обедни дал певчим на конфеты 4 ен, а также, по поводу именин, 3 ен на конфеты к чаю братьям, — но им пришлось долго ждать, пока принесли — без обеда они были все время. Отправились в толпе посетить оставшихся вчера сюцудзи. Потом поехали в Секинемура, где 24 христиан и христианок, из коих 17 девушек, — а им учение преподавали две дочери Иоанна Фукусава — Феодора и Мария. За деревней устроена фабрика для разматывания шелка, а немного подальше, среди прекрасной равнины, засеянной туловицей, здания для выводаки коконов (из 20 листов в этот год). Работающих там и здесь до 100 человек. Все заведение принадлежит Ною Кувадзима и Иоанну Фукасава; сын Ноя — Павел по субботам отправляет молитвословия; есть еще там из Кумамото один хороший христианин — Павел Катаяма. Осмотревши коконный завод и сказавши небольшую речь девицам-христианкам, поехали домой. В Маебаси сошли с тележек (всех было 12 в поезде), чтобы, пользуясь хорошим вечером, погулять в общ. саду, или по крайней мере на месте, где предполагается сад. Нехитрое место, зато вечер был чудный. Посидев и поговорив об Асама-Яма, постоянно дымящейся, а 14 лет тому назад имевшей такое извержение, что пепел летел в Маебаси, — чрез туговое поле в ложбине вернулись домой. За всенощной, отслуженной о. Павлом, я рассказал житие преп. Таисии, а также муч. Софии, Веры, Над. и Любви. Пред всенощной пришел катехиз. Фома Маки, в варадзи*, с бородой, загорелый, — отлично работающий молодой человек. Всенощные здесь начинаются в 8 часов, раньше работы мешают народу собираться.

10 (22) мая 1881. Воскресенье. В Такасаки

Утром, подготовившись к Обедне, отпустил Фому Маки, сказав, когда буду в его места. Раздал образки певчим и кое-кому из особенно трудящихся для церкви. Обдумал проповедь — на Евангелие о Самаряныне; но постоянно приходили за благословением. Служил Обедню, за которой тоже приобщились трое больших, много детей, после — проповедь. После службы христиане и христианки прощались. В два часа отправились в Такасаки — на 3-х дилижансах. Огромнейшая толпа провожала до моста.

Часа в 4 прибыли в Такасаки, в квайдо, помещающееся в доме Матфея, старого христианина, портного. Меня принял к себе Иосиф Суто — меняла. — прекраснейший новый дом. — видно, что

богач. Побыли у сюцудзи, которых здесь трое. Потом у Иосифа предложена была ванна, в которую и сходили все гости, начиная с меня. Обед, оставшийся почти нетронутым с моей стороны. Старшины пришли, после своего совещания, просить не отнимать у них Андрея Сасагава. Обещал на соборе ходатайствовать об этом.

О. Павел предложил еще приезжать каждую неделю — служить здесь Литургию. Так. обр., Господь даст, и эта Церковь поднимется. В упадке же она потому, что до сих пор здесь все были переменные катехизаторы, и притом иной раз весьма плохие, вроде Симада. Всех крещеных здесь больше 50; но иные приходили из других мест, иные теперь вышли по своим делам в другие места; здесь собственно христ. домов с 12, христиан человек сорок, но из них половина никогда не покажется на христ. собраниях. — значит — в упадке Церковь была до сих пор. Около Такасаки есть деревня — несколько чё, — Тоёока, где есть уже двое христиан — и тоже место удобное для проповеди. Город Такасаки живет торговлей, поэтому совершенно отличен от Маебаси, живущего шелков. червем; и Маебаси — множество тутовых садов, и каналы для проведения воды — движущей силы на заводах; здесь в Такасаки, в городе, зелени не видно. Маебаси был далеко незначительней Такасаки, и только теперь поднялся, благодаря заграничной торговле шелком. Такасаки собственно важней Маебаси, и потому здесь Церковь непременно нужно постараться поднять. Вечером — в 9 часов сказал проповедь в доме старшины Петра Ямагуци. Народу собралось — полный дом. Говорил на Евангелие о Самаряныне, применительно к местной потребности. <.,>

11 (23) мая 1881. Понедельник. В Аннака

Утром, в 6 часов, раздавши иконки и 3 иконы хозяевам и старшинам, выехали в Аннака и приехали в 8-м часу.

Молитвенный дом — новенькое чистенькое зданьеце. Христиан всех 24, в 7 домах, сюцудзи 2: Захарии Иеда и Иоаким Судзу-ки, пожертвовавший и землю под молельню. В 9 часов отслужил часы и рассказал жизнь сегодняшнего святого — муч. Мокия, причем мешали язычники, останавливавшиеся у дверей. После Часов о. Павел Савабе окрестил младенца у Исайи и Юлии, живущих около церкви; дали имя Мокия. Обед по-японски — очень хороший, пожертвованный, между прочим, родителями Марфы, прежде гонителями ее, теперь расположенными слушать учение. После краткого отдыха, понудили христиан сделать прогулку вдоль Аннака — до сада, где разводят груши, по аллее из высочайших суний в которой проходит Накасендо. Спустились в ложбину, прошли бесконечными туковыми садами, потом — по заречью — полем, — в город опять и кончили визиты. Последним посетили Захарию Иеда; он и жена Елисавета — чрезвычайно радушны, угостили ванной и ужином, от которого отказался. Видел огромнейшие кеяки* — на корню. В 8 часов положена была проповедь, начата в 9 и при всем том беспрестанно мешали входами и выходами, так что рассердили; проповедь поэтому была плохая. После обеда решили: Фоме Мацуда проповедовать в Томиока, а в субботу вечером приезжать в Аннака, чтобы совершить молитвословие в воскресенье, и вечером в воскресенье вернуться в Томиока.

12 (24) мая 1881. Вторник. В Никкава

В 7 часов утра отправились из Аннака. Прошлый целый вечер и всю ночь шел дождь. Но сегодня целый день выдержало без дождя, хотя было пасмурно. От смеси пищи и напитков желудок сильно расстроился, хоть ем всего раз — в полдень. Катехизатор и христиане из Такасаки опять встретили далеко за городом. В Тоёокамура у самого Такасаки заехали к христ. Кириллу; всего христиан в деревне два семейства. В Такасаки заехали к старшине Якову Самада, где угостили кофеем, а я сказал собравшимся братьям небольшую речь: утром сегодня еще в Аннака была тоже простая проповедь, — рассказано житие Св. Епифания Кипрского. Братья проводили за город. О. Павел Савабе потерял было

дароносицу, но она оказалась им же заложенною в узелок с облачением, каковая забывчивость его самого так поразила, что он не мог успокоиться, пока не получил в Маебаси разрешения этого греха чрез исповедь. Братья из Маебаси тоже встретили еще далеко за городом; особенно усерден Иов Кацуяма. В церкви, в Маебаси, также многие собрались. Приготовлен был заранее обед по-иностранному и чай. После обеда, простившись — в церковном доме и в доме Кацуяма отправились в Касукава, 4 ри от Маебаси, — деревня в 120 домов. Христиан здесь 6 человек, желающих креститься 3. Катехизатор Фома Маки и христиане встретили далеко до деревни. Зашли в дом главного христианина, младший брат его желает в Семинарию, или в Катехизаторскую школу; через год будет годен в последнюю.

Маленькая проповедь — и дальше — до Никкава. Здесь 230 домов; христиане в 6 домах, всех их 21, из них 8 — в доме Давида Йосида — местного богача и старшины, — но, кажется, не совсем исправного христианина, — крестится плохо, и скуп, говорят. Принял отлично. Ванна, обед (которого я не ел). В V2 9-го проповедь в молитвенной комнате, — в 2-м этаже деревенской конторы, — о молитве, крестном знаменнии и проч. Было человек 25. Очень поздно везде собираются, так как пора рабочая; оттого скоро начинают уставать и засыпать, — один сегодня даже захрапел. Представили двоих в Катехизаторскую школу. Поручил о. Павлу испытать их. Одного в Семинарию, негоден, так как и из простой школы вышел по болезни (видимо — малокровие). Хорошие христиане здесь, по-видимому, три брата Такеноуци.

13 (25) мая 1881. Среда. В Мидзунума

Утром отправились пешком в Мидзунума, чрез Сиозава; вещи отослали прямо в Кириу, взяв нужное с собою. До отправления говорил Давиду Ёсида и собравшимся христианам о нужде для них построить небольшую церковь, — непременно всем вместе, а не одному Ёсида или одному Такеноуци, хотя они могут.

Дорогой проходили чрез Оомама — небольшой город у подножия гор. Непременно там нужна проповедь. Перед подъемом на горы перешли реку, — вид — очень похожий на один из видов — когда идти к Хаконе.

В 1/2 ри от Никкава — Сиозава, где 42 разбросанных по ущелью дома. Христианских 3 дома; в одном 4 христианина, мною крещенные в Мидзунума, — Иоаким 79 и Анна 73; их дети Петр и Евфимий очень усердные; далеко встретили меня и целый день провожали. В доме у них все мастерицы — христианки. Всех христиан 23. Пообедали здесь бедненько.

Дорогой до Мидзунума, — отсюда тоже 1/2 ри — расспрашивал у Петра — как подати теперь платятся? 21/2 со стоимости земли; оценку же производят выбираемые самим народом старшины, в присутствии чиновника; пересчитывают каждые пять лет. Бывают ли несостоятельные платить подать? Бывают — по лености или пьянству. Что с ними делают? Отвечает за каждого общество из 5 семей, к которому он принадлежит. Продают имущество; редко доходит до продажи дома. — Сколько правительство берет с шелку пошлины? 1 сен — с мотка — там, где разматывается при помощи водяного или парового колеса, — и ничего — кто — вручную; покупщики же платят установленный процент с суммы покупки.

Дорогой по ущелью обращают внимание толчеи.

В Мидзунума пришли в дом Иоанна Хосино. Христиан всех — крещенных в Мидзунума 66; из них 15 — из других мест были крещены. Из числа крещенных девицы, кроме того, 8 были из Мито и возвратились туда, — об них Фома Маки напишет М. Ни-ва, — 4 — в Маебаси, 1 в Тоокёо и 1 в Ивасиро (Фукусима-кен). Всех христиан налицо в Мидзунума 37; из них 9 девиц и 1 мужчи-на (Алексей) не ходят на молитву и не обнаруживают себя христианами, по расстройству в поведении, а Алексей по незнанию учения. Вообще Церковь в упадке. Было гонение: Чеотаро Хосино, начальник

фабрики, стал запрещать заниматься изучением христианства — потому, что у него паровая машина все останавливалась. Мариамна, начальница мастериц — из-за твердости в вере должна была оставить фабрику; я ее видел здесь и пригласил в Миссию изучить еще лучше христианство под руководством Черкасовой, чтобы потом преподавать другим. Проповеднику Чеотаро запретил вход на фабрику; девицам разрешается только по воскресеньям на молитву ходить в дом Иоанна Хосино, где Фома Маки и совершал молитву.

Утром встают, вечером кончают работу в 6 3/4 > в 9 должны спать готовиться, т. е. должны быть дома. Поэтому я мог поучить их сегодня только с 7 до 9; самые усердные прибежали, по окончании работы, не обедавши. Все собрались в начале 8-го; дал всем по образку Б. М. и говорил потом, чтобы соблюдали молитву, а также христианское поведение берегли.

14 (26) мая 1881. Четверг. В Асикага

Утром было крещение 4 молодых людей. Совершил о. Павел Савабе; я сказал краткое наставление. Ласточки — в доме. Дом Иоанна Хосина проводил до реки. Усердные Петр и Евфимий, вновь прибывший из Сиозава — Иосиф (вчера не могший быть со мною, так как должен был присутствовать по обязанности на открытии дерев, училища), также проводили с самого Мидзунума.

В Сиозава почти не останавливались, а простившись с провожавшими и всем домом Иоакима пошли дальше. У реки пред Оомама встретили Яцуки, Кубота, и двое христиан из Кириу. От Оомама поехали на дзинрикия. Река глубоко внизу и горы по ту сторону — очень красивы.

От Оомама до Кириу ри полторы. У реки пред Кириу встретили два старца, принадлежащие к Церкви в Асикага: Лука — врач и Марк; Лука — с тележкой, запряженной ослом, которую и предложил мне.

В Кириу 1200 домов. Христиан 3 — в 3-х домах; слушателей вновь нет, кроме семейств христиан. В деревне Ообара есть 5 слушателей. Туда катехизатор Павел Кубота ходит два раза в неделю, возвращается в тот же день. Еще в деревн Хисаката 1 ри — два христианина, Иоанн и Яков Аоки. Отец их очень не любит христианство, и потому там проповеди не может быть, а люди Аоки, приходя в Кириу, заходят к Павлу Кубота слушать учение, — люди же там — ткацко-фабричные, так как Иоанн Аоки начальник общества, заведшего ткацкую.

В Кириу 4 года тому назад Андрей Яцуки, будучи в то время в Уено-мура, несколько проповедовал, и слушателей было много. Потом не было возможности поместить проповедника, и протестантские проповедники секты пресвитериан, пришедши после Яцуки, сделали всех его слушателей своими. Теперь здесь протестантов 50 человек. Впрочем, по словам Яцуки, и у них плохо. Народ привык к проповеди, так как проповедники говорят с открытыми дверями и все проходящие, останавливаясь, слушают. Конечно, ничего не поймут и не обоймут разом, а уходят с убеждением, что и они слушали христ. проповедь. Проповедь по такому способу имеет в самом деле ту большую невыгоду, что обращается в слишком малозначащую в глазах народа вещь, наравне с театральными рассказами на рынках. Выгода этого рода проповедования единственно та, что она популяризирует имя Христа и делает, что все отзываются «учение, мол, хорошее». Пусть протестанты оказывают здесь эту услугу христианству, мы же должны заниматься серьезным научением.

Яцуки устроил и здесь проповедь, наняв довольно большой дом; в 1 ч. назначена была, но никто не собрался; а — 3-го я стал говорить и продолжал с небольшим перерывом почти до 4. Слушателей набралось наконец целый дом. Но проповедь не могла быть живою и последовательною, пот. что начатая пред малым числом она, пока закончилась, д. была сообразоваться с движением наличного состава. Во время проповеди глаз был порадован знакомым предметом: вошла откуда-то взявшаяся Тоокейская христианка из Ситая — Анна Муракама и перекрестилась по-православному.

Дом для постоянной проповеди и для катехизатора в Кириу в середине города; нанимает за 2 х/4

ен единственный тамошний ревностный христианин П. Кобаяси. По соображению Яцуки, держать там постоянного проповедника не стоит, а нужно иметь постоянную квартиру, и проповедник д. по временам приходить.

В 5-м часу отправились в Асикага. Местность весьма живописная. По левую сторону кряж гор, выходящий навстречу путнику, по правую — горы вдали. Поля возделаны, — пшеницы и ячменя больше всего, как везде до сих пор. В деревнях везде — против каждого дома почти — мидзугурума, для сучения бумажных ниток, приводимая в движение водой проходящей вдоль селения канавы.

Христиане встретили огромнейшей толпой — с детьми и женщинами пред городом, вышедши из ущелья. О. Павел Савабе до Асикага ехал на докторском осле и производил эффект, везде на него смотрели больше всего, а ребятишки долго бежали вслед; и он еще сам по себе эффектен, в подряснике, измятой шляпе, бородке, с зеленой широкой лентой на шее от дароносицы. <...>

15 (27) мая 1881. Пятница. В Асикага

Утром — христиане, в одиночку приходящие за благословением; между прочим — параличный старик. Иные пренесносно лижут руку вместо того, чтобы поцеловать, чего делать не умеют.

Чтобы не забыть, — записать — что нужно будет внушить на Соборе (катехизаторам на Соборе):

1. Не допускать к крещению без знания наизусть Символа, Молитвы Господней и 10 заповедей. Прежде и было это внушаемо, да забыли, и правило упало. Вчера в Мидзунума — как посмотрел — крестится молодой человек без малейшего понятия о Символе — наизусть.

2. Приготавливаемых к крещению, кроме того, научить предварительно хорошо делать крест; иные и давние христиане — не умеют креститься. Должны также наставить катехизаторы — как носить крест на шее; многие видны без крестов, которые сняты и повешены дома на стенке, или же вешают кресты на длиннейшей нитке; наставить — как принимать благословение у священника, — не креститься пред благословляющим человеком, сложить руки и проч. Наставить, как держать иконы в доме, не развешивать их в разных местах — по разным стенам одной и той же комнаты.

3. Снабжаться катехизаторам книгами для раздачи даром, если кто не может платить; но вообще всем иметь заботу, чтобы по крайней мере краткий катехизис и молитвенник были в каждом доме, — первый же — у каждого ребенка, умеющего читать. При этом внушать родителям, чтобы они заставляли детей учить катехизис. Катехизаторы д. быть озабочены, чтобы дети знали его, и притом разумно. Благочинный при объездах и Епископ впоследствии будут экзаменовать детей по церквам, и родителям будет стыдно, а катехизаторы будут виновны в небрежении, если дети не будут знать катехизиса.

4. В церквах везде должны вестись отчеты. Должны быть в церкви, молитвенном доме или у катехизатора 3 книги: 1. Для метрики—о родившихся, браком сочетав, и умерших; 2. Приходо-расходная; 3. Памятная книга в церкви, в которую д. вносить все замечательное, случающееся в церкви, начиная с ее основания. Копии всех д. б. представляемы в Консистирию к началу 6-го месяца, чтобы время было составить отчет до Собора. Теперь записи по церквам или ведутся неисправно, или нет их совсем.

<...> Приехали в квайдо: в захолустье — дряннейший, старый домишко, закопченный, словом, беднее и грязнее быть не может; здесь стоят аналои и иконы, все в беспорядке еще по новости. Я полюбопытствовал узнать цену дома в месяц: Судзуки уклонился от ответа. Я потом еще спросил, — и о ужас! 20 дней только назад здесь человек от долгов, не зная куда деваться, деревянным молотом ночью размозжил головы жены и двух детей ниже 10 лет, а потом себе разрезал горло, но не умерши с первого раза, бросился в колодезь и там кончил. Дом этот теперь никому нельзя отдать в наем, пот. что никто не захочет войти в это ужасное гнездо дьявольской работы. Хозяин рад бы был даром отдать

его в жилье, чтобы люди обжились в нем, но никто не берет и не захочет взять долгое время.

Но нашелся человек, который польстился на даровщину, — Судзуки, старшина Церкви в Татебаяси, от лица избравшей его Церкви и занявший дом под катехизаторство и молитву. Т. е. мерзостнее не может быть поступка! Злейший враг не мог бы придумать более лучшего средства унижить проповедь и Церковь в Татебаяси; разумеется — туда никто порядочный не пойдет слушать проповедь из омерзения к дому.

Я велел тотчас же убрать иконы и церковные принадлежности отсюда в дом какого-нибудь христианина, а христианам собраться в дом, нанятый для сегодняшнего собрания, так как тот домишко, к довершению всего, еще по малости не пригоден для собрания даже и церкви из 40 человек. Но слишком возмущен был, и чтобы — в сердцах — не сказать или не сделать чего-нибудь очень резкого, поручил отцу Павлу устроить дело, а сам вернулся тотчас же в Асикага, и се пишу, голодный — во 2-м часу дня, пока принесут обед из какой-нибудь харчевни, и с сквернейшим расположением духа. Когда бываешь в хорошем настроении, непременно тотчас же нужно ждать какой-нибудь мерзости; так именно — в это время. Дело о Павлу я поручил устроить в таком виде, чтобы — собрать христиан в каком-нибудь христ. доме, так как нельзя же публично разбирать мерзости, — и предложить христианам сменить Судзуки со старшинства, так как он компрометирует Церковь, и избрать на место его другого; а впредь наказать христианам не делать ничего касающегося всей местной церков. общины без согласия катехизатора, которому поручена Церковь, и без совета с ним.

В Уцуномия. Часу в пятом явились из Татебаяси сицудзи: Судзуки и Кобаяси с кем-то вместо Накаяма в сопровождении Яцуки с объяснением, что вышеизложенный поступок сделан по оплошности и в поспешности, что они очень жалеют, и чтобы загладить, решились тотчас же приступить к постройке нового молитвенного дома, — уже и землю для этого взяли. Такое быстрое произрастание добра из зла меня несколько удивило, и я сказал, что если они благое намерение доведут до конца, то в их деле обнаружится один из путей Промысла — зло обращать в добро — ко благу людей.

<...> Вернувшись, долго еще видел вокруг сновавших христиан, и уж как надоедает эта публика, глазеющая непрерывно во все скважины окон и дверей! Точно зверя заморского в клетке смотрят.

16 (28) мая 1881. Суббота. В Уцуномия

Утром выбрал из чемодана менее нужное, чтобы отослать в Тоокёо, и тем облегчить чемодан для удобства движения. Вообще, в таких путешествиях как можно менее нужно брать вещей; нужно рассчитывать, напр., по одной рубашке на неделю, — нечего делать, хоть и грязненько будет. Вышло так, что я с моим чемоданом могу ехать в одной дзинрикися, хотя имею с собою все необходимое для совершения Литургии, т. е. утварь и облачение, и запас белья — на месяц. В 8-м часу утра простился с Асикага. Христиане огромною толпою провожали за черту города. Нужно заметить, впрочем, что у них теперь, не как у других — самое свободное время; они... ткачи бумажных материй; а подвоза ниток еще нет в это время.

Кругом Асикага заняты сучением ниток для бумажных материй; нити же выписываются из Америки, так как японские хуже и дороже.

<...> Проезжая в Сано, заехали в Оокубо (деревня 130 дом.) к врачу старику Луке. Он ждал стоя — далеко за деревню. Пред деревню замечательная дорога, прорезанная в горе, наполовину — скале. Зашли к Луке; он и жена — Анна — не знали чем угостить. Лука — видно — истинно благочестивый; вчера о. П. Савабе рассказывал, как он нередко дает ему деньги — раздавать бедным, скрывая свое имя, как жалеет дзинрикися, ходя больше пешком, как с молитвой делает каждое лекарство. <...>

17 (29) мая. 1881. Воскресенье. В Сиракава

Утром Павел Сибата ни свет ни заря притащил всю свою Церковь; темно еще — говорят — такой-то; мешают только эти кейтеи своими ни к чему не служащими вежливостями, — тут бы заснуть оставшийся лишний полчас, чтобы после носом не клевать в телеге, а они лезут с усердием непрощеным — провожать. Пришли — сели, и ну — молчать, изволь еще разговором занимать их, когда собираться нужно. Нечего делать, в виде награды за их усердие спросил и для них завтрак и накормил их. Поехали сегодня на бая. Вместе сидели трое чиновников с женою одного из них и какой-то купец, все дремавший. Тесно, жарко и пыльно. Так как немало было за день подъемов в гору и неудобных мест, то много пришлось вставать и идти пешком. Больше, чем за 2 ри пред Сиракава встретили первые — катехиз. Петр Кавано с одним из христ., и — потом, на всем протяжении 2 ри до города, встречали все группы христиан и христианок. При второй же встрече пришлось — нечего делать, оставить совсем тарантас и плестись с кейтеями пешком; в деревне я велел посадить всех на телеги и отправились было, но сейчас же за деревней опять встреча, опять вылезай и плетись пешком, ибо нельзя же, как-то неловко бросать их и драть самому впереди, особенно когда между ними есть в почтенных летах. Таким образом, до Сиракава я устал ужасно и сбил вдобавок одну ногу. И их-то, бедных, жаль — ведь усердие какое! С ребяташками тащатся далеко-далеко встречать, но любезность эта вместо удовольствия причиняет досаду, пот. что мучает их и тебя. Ревность не по разуму! Или глупость и малорассудительность катехизаторов! Сколько раз было говорено и толковано, что не нужно вовсе выявления усердия в таких видах, пусть бы усердствовали перед Богом и в благоповедении христианском! Не верят, думают — все-таки приятное сделать. Нужно будет на Соборе натвердить ясно и положительно, что вовсе не нужно делать такие вещи; а нужно собираться, в ожидании Епископа, у церкви, или в том месте, где собираются для молитвы, и встречать Епископа так, как это делают в России. Нужно будет рассказать им порядок путешествия Епископа в Русской Церкви и отношения его при этом к народу, и народа к нему, и твердо поставить на вид, что и здесь должен быть вводим этот, а не другой порядок. Причем сказать, что если даваемая инструкция будет нарушена, то катехизатор будет виноват в непослушании.

Пришли наконец в Сиракава, в дом сицудзи — Петра Накано — продавца иностранных часов. Я был такой усталый, что попросил, чтобы указали какой-нибудь угол, чтобы переодеться и несколько успокоиться — до 7 часов, с какого времени назначил быть вечерне и затем проповеди и разговору с братиею. Сказали, что ванна готова, — воспользовался ею, потом за неимением чаю напился теплой воды с прибавлением какой-то кислой влаги — в бутылке под названием иностран. вина, — вместо ужина съел каких-то тяжело сделанных конфет. Богослужение началось почти в 8, так как братия разбрелись по домам обедать, и нескором собрались. Отслужили вечерню, и сказал наставление, обращаясь наполовину к собравшимся в значительном количестве язычникам, наполовину — к христианам; продолжил беседу с час, расспросил потом о состоянии Церкви и предложил заявить нужды ее. Христиан в Сиракава 47 только, но число это имеет значительно увеличиться уже потому, что христиане большею частью по одному в доме, и остальные члены семейств — в непродолжительном времени д. б. крещены. Сицудзи 1: Петр Накано, в доме которого и собираются для молитвы; катехизатор же помещается в другом месте. Церковь состоит из людей б. ч. серьезных, в летах, и кажется в цветущем состоянии по расположению христиан. Задумывали уже христиане, чтобы построить молитвенный дом, но Петр Куд-зики (бывший здесь катехизатором до последнего времени, ныне отставленный на время, если исправится от склонности пить, так как пьяный — на второй день Пасхи — прибил своего же приятеля-протестанта) смутил их: «стройте, мол, храм вашего сердца, а наружный храм строить не нужно еще». Если даст Бог, эта Церковь будет расти, судя по всему; в проповеди между прочим советовал им выразить свою любовь к Богу — жертвованием на постройку квайдо. На побуждение заявить нужды Церкви христиане, посоветовавшись между собою, просили на Соборе хлопотать им в катехизаторы Петра Кавано, которого они, кажется, действительно любят. Обещался хлопотать об этом. Постоянный катехизатор здесь решительно

необходим, чтобы Церковь не остановилась в росте. В 12-м часу успокоилось все. Для меня нарочно устроили чудовищнейшую кровать — длинный широкий мелкий ящик, наполненный спальными принадлежностями, в головах и у ног — открытый, — так что я должен был ковчег этот притащить к стене, — о усердие!

18 (30) мая 1881. Понедельник. В Фукусима

Утром в 6-м часу отправились дальше; взяли с собою и катехизатора Фукусима — Петра Кавано. День был пасмурный; много подъемов в гору, при которых нужно было сходить с тележки. Перед вечером проезжали Нихонмацу; но катехизатор оттуда ушел, видимо, чтобы избежать встречи со мной, так как целый год очевидно ленился: два верующих, говорят, приобрел; к одному из них мы заезжали, должно быть, к лучшему, но его не оказалось дома, — или, быть может, не сказался дома. Василий Сукей, по рассказу Кавано, помещен был сюда при старании сего последнего, для водворения христианства на находящейся в городе шел- коразматывательной фабрике, но это не удалось почему-то. Сукей между тем остался для проповеди в городе, кстати же, это его родной город, — получал ежемесячно большое содержание, — ну и проповедовал двоим верующим, из коих нет ни одного. Сам удрал — всего 2-3 дня; пришел к Кавано: «нет, мол, дела в Нихонмацу — что делать?» Кавано послал его в Сакуяма, т. е. спрятал от меня, пока я буду проезжать здесь. Не знаю, что делать с таким господином, как Сукей; посмотрим на Соборе; нужно будет оставить в Тоокёо для испытания или же совсем бросить.

<...>Проповедь в Фукусима началась чрез некоего Павла Касай, служившего здесь чиновником; он начал здесь говорить о христианстве и многих из своей братьи увлек, — все больше молодые люди и чиновники или учащиеся. Потом прислан был сюда, за неимением лучшего, плохой проповедник Петр Бан; по лени, он не утвердил приставших к христианству в знании его; а между тем всем им преподано было крещение, или по крайней мере оглашение. Когда сердечное увлечение прошло, а знания настоящего не было, тогда — натурально — немало из них охладело к христианству и даже совсем перестало считать себя христианами. После назначен был сюда Иоанн Катакура и, как основательный проповедник, вновь произвел движение между людьми, способными к принятию христианства, и приобрел многих, но большею частью совершенно новых, — прежде же охладевшие так и остаются чуждыми Церкви. Из них иные рассеялись по разным странам, так как были пришлые здесь (чиновники), иные остаются в Фукусима, но на молитву не приходят и христианами себя не высказывают. Двое из таких были здесь же в доме, куда я пришел; но оставались в группе язычников, когда я совершал вечерню и потом говорил с христианами; обращаясь по временам к язычникам, я и не подозревал, что иной раз в упор смотрю на своего же христианина и говорю ему, что он остается во мраке.

Всех крещеных и оглашенных в Фукусима: 101 чел. Но из них только 24 человека теперь постоянно собираются на молитву по праздникам и составляют собою здешнюю Церковь. Кроме них насчитывается до 12 чел. охладевших к христианству; еще в деревне Оомори, 1 ри от Фукусима, 8 христиан; никто не заботится об них; но они не бросили учение. В Вакамацу 3 христианина: Павел Хаяси, брат и жена, торговавшие в Фукусима и перешедшие в Вакамацу. Они требуют проповедника туда.

О разошедшихся по разным странам поручено Петру Кавано собрать сведения и приготовить ко времени моего обратного следования или же доставить мне, когда придет на Собор. Всех таковых не только из здешней Церкви, но и из всякой другой нужно держать в виду, чтобы помогать им содержать себя христианами. В тех местах, где есть проповедники, им поручать пришлых, где нет, — наблюдать, чтобы с ними сносились их священники. Об этом нужно будет сказать на Соборе. <...>

19 (31) мая 1881. Вторник. В Сендае

Утром еще спали, как христиане и христианки собрались провожать, хоть я с ними распрощался вчера. Нужно было угостить их завтраком, вместе с Романом и Кавано. Распрощавшись потом с Кавано и христианами, мы вдвоем с Романом отправились дальше, в Сендай, до которого от Фукусима 22 ри. Целый день был пасмурный и холодный; после же 3-х часов зарядил дождь на все время. В 8 часов, при фонарях, грязные и иззябшие, мы прибыли в Сендай и остановились в гостинице. Христиане не были предупреждены, и потому не было встреч, и кстати: без помехи погрелись и отдохнули. Первым делом было послать Романа купить по теплой шерстяной рубашке мне и ему, — стужа просто нестерпимая. За записыванием дневника скоро заснул.

20 мая (1 июня) 1881. Среда. В Сендае

Утром в 6 часов послал Романа за И. Оно, который сейчас и пришел; потом прибыли о. Матфей и несколько других христи-ан. С ними отправился в церковь. Здание то же, что видел 4 года назад, старо и черно; впрочем, церковь держится чистенько. Метрические записи ведутся, но так, что и сами катехизаторы долго не могли добиться, сколько всех крещено в Сендае и сколько крещено в нынешнем году. Нужно будет настоятельно подтвердить на Соборе, чтобы исправно вели метрики, и непременно отпечатать и раздать формы книг. Всех крещенных в Сендайской Церкви 545. В год со времени прошлогоднего Собора крещено 45 чел; оглашенных теперь 15. Брак в год был 1, умерло 9. Старших в Церкви для текущих дел 10, для особенных 20. Первые совещаются каждую субботу после вечернего Богослужения; но не всегда есть дела; в последнюю же субботу месяца непременно делают собрание после Всенощной. Когда дело особенной важности, напр., выбрать представителей на Собор, тогда собираются все 20 сицудзи.

Богослужение совершается каждую субботу вечером в 6 часов, собираются христиан от 50 до 100, в воскресенье летом в 9, зимою в 10, собираются от 70 до свыше 100. Проповедь — при каждом Богослужении; говорит Оно или о. Матфей; вообще же проповедь — служение И. Оно. Певчих 9 человек; пение перенято от Василия Кикучи и других. Управляет певчими мальчик Иннокентий Накагава.

Двух проповедников Оно и Катакура довольно для центральной части города; но их совершенно недостает для «Минами-ката», части города, начинающейся от Нагамацзи, — предместья Сендая со стороны Тоокейской дороги. <...> Там всего теперь 4 христианина; а люди, у которых возбуждено желание слушать, бросаются на произвол судьбы или отдаются католикам, которые в этой части теперь особенно усиливаются. Все это заставляет настоятельно требовать, чтобы ближайший собор непременно назначил одного проповедника исключительно для «Минами-ката», вместе с 2-3 окрестными деревнями.

От христиан в год собрано 123 ен на особенные церк. нужды, напр., платить проценты; пока уплачены были деньги за землю.

В кружку же собирается в год не больше 6 ен. — что мало для мелочных расходов на здание церкви. Нет ни одного христианина в Сендайской Церкви, бросившего учение, — что показывает хорошее управление Церкви.

Но бросаются в глаза некоторые вещи, напоминающие об язычестве. Меня сегодня угостили совсем мясным обедом; я ел кое-что особенно, одно рыбное блюдо, но должен был потом заметить Оно, что следует соблюдать среду и пяток. Он же оправдался — «мол, слышал, что в дороге пост разрешается»; видно же просто, что о посте сегодня никто из них не подумал. Впрочем, думаю, что это не по недостатку уважения к церк. правилам, а просто потому, что у них всегда пост, так как [нет] мясных блюд; так им не приходится и думать о правилах поста, поэтому не вспоминают о посте и там, где следовало бы это. Еще: будучи у И. Вакуя — вдруг вижу приготовленную невесту для моего

ученика Александра Мацуи. Так отец-Вакуя женил, да еще по-язычески, старшего сына Василия, когда тот был у меня в школе, и я уже через год узнал о том; теперь то же собирается сделать с младшим, хотя этот отдан в другую фамилию. Приготовлена какая-то толстая молодая баба — дочь Хосоя, тюк мяса, — и связан молодой человек по рукам и ногам! А я еще собирался послать его в Петерб. Академию! Прощай, ученость! Совершенное язычество! В доме Овата — тоже нашел приготовленную невесту для Иоанна Овата — молоденькую девочку, которой, обратно, по-видимому, Овата не будет стоить. Это в Сендае, кажется, особенно в сильном обычае. Говорил Оно, чтобы он убеждал христиан не связывать так своих детей; Оно говорит, что он и так делает это, да не слушают. Хорош также брат о. Якова Такая, бывший больной — чахоточный; здоров и — больше года, как женился по-язычески, — а все получает 6 ен — на болезнь — из-за о. Якова. Просто совесть возмущается таких негодяев содержать на счет Церкви, и придется сказать о. Якову, что не могу этого делать, пусть сам зарабатывает себе хлеб — брат его.

Католики в Сендае в последнее время очень усилились. Во втором месяце у них было до 150 христиан. На Богослужение собираются до 100 чел. всегда; построен молитв, дом; живет в Сендае постоянно патер; недавно был здесь их Епископ; между их проповедниками один — младший брат нашего Романа Сибата — умершего.

Протестанты здесь двух сект — епископальной и баптистской; живут между собою дружно; обращенных у них чел. 20, — два проповедника; иностранный миссионер один по временам приходит.

Расспросивши о состоянии Церкви, отправился посетить катехизаторов, семейства катехиз., проповедующих в других местах, и сицудзи. Всех за день сделал 25 визитов. Действительно, бедно живут сендайцы. Трогательно положение жен и детей, мужья которых — катехизаторы — живут далеко, как Спиридона Оосима жена и три малютки, Петра Сасагава мать, жена и трое малых детей. И рад бы помочь и лучше обеспечить, да как это сделать? Другие, и не имеющие нужды в помощи, потребуют то же себе. Трудная задача — сделать безобидно и правильно распределение содержания катехизаторов. Скромные молчат и не требуют себе, а нахальные требуют больше, чем сколько нужно. Определить же содержание, как чиновникам, с повышениями окладов и различием для разных степеней и лет катехизаторства, рано и опасно; катехизаторство может обратиться в бездушный формализм. Не знаю, на чем остановиться. Верно только то, что мне нужно знать яснее семейные обстоятельства катехизаторов; а для этого, кажется, придется предложить им написать о себе формулярные списки. <...>

21 мая (2 июня) 1881. Четверг. Праздник Вознесения. В Сендае и Дзёгецудзуми

Утром, подготовившись к Литургии, отправился кончить визиты. В доме Овата, среди беднейшей обстановки, где самим, кажется, едва есть чем перебиваться, нашел уже питаемого подростка: «невеста И. Овата!» Девчонка лет 12. Странный народ — японские родители; большей частью дают своим детям слишком много свободы; нередко приходится слышать о каком-нибудь сопляке лет 12: «да он этого не хочет», напр., поступить в ту-то школу или заняться этим-то делом: там, где именно родители должны бы рассудить за ребенка и направить его, они вполне распускают вожжи, — отчего и пропадает столько японской молодежи, т. е. ходя по улицам — собак бьет, ничего не делая, или развратничает, коли есть средства; а тут, в деле брака, где именно должен быть свободный выбор, родители распоряжаются судьбой детей, и не думая спрашивать их.

Спрашивал Оно, как он думает распорядиться собою по поводу выбора его в священники, — жениться ли или в монахи поступить? Еще не решил; говорит — «к Собору решит». Стал было убеждать его поскорей строить храм, — обещался пожертвовать со своей стороны 100 ен и ручался еще за столько же со стороны других членов Миссии, — т. о., мол, половина почти обеспечена, остается другую собрать с христиан; но Оно испугал меня огромностью суммы, нужной на храм.

Говорит, что без 5 тыс. ен нечего и приступать. В Исиномаки-де маленькую церковь построили, и та стала тысячи полторы, а в Санума — 5 тыс. Действительно, цены страшно поднялись на все. Оно показал мне записи пожертвований, — они уже давно думают о постройке храма и собирают деньги; для этого даже составилось общество: члены его вносят непременно определенную сумму; затем желающие (юуси) жертвуют. Набралось — кажется — ен 80 уже.

В 9 часов началась Литургия. О. Матфей в это время служил Литургию в Петропавловской церкви в Хараномаци. Приобщалось очень много детей; видно, что дети приучены к этому. В церкви было до 100. Но для такого большого праздника это было мало, и потому проповедь сказана преимущественно о необходимости соблюдать праздники.

Простившись с христианами в церкви и пообедавши в д. Андрея Янагава, отправились в путь. По дороге заехали в Хараномаци кёоквай проститься с верующими. Яков Асай отправился вместе, чтобы познакомиться с соседней церковью в Дзёгецудзуми. По дороге, милях в 6 от Сендая, проезжали Мацусима, — знаменитое по красоте местоположения место: у берега группа островов числом 808; все они до того малы, что домов нигде на них нет; на ближайших к берегу только виднеются кумирни; одну из этих кумирен, по преданию, построил и в ней жил Кообоодайси. Для всех островков или для отдельных маленьких групп их придуманы остроумные названия; напр., островок несколько побольше и около него 12 маленьких называются «император и 12 жен его»; группа семи островков носит имя «7 мудрецов». Островки покрыты вековыми соснами. Видно, что здесь был когда-то берег с сосновым лесом, размытый наступившим морем. В селении замечательный буддийский храм Дзуйхоодзи; когда идти к нему направо — в отвесной горе, состоящей из мягкого песчаника, высечено много пещер, — то упражнения буддийских отшельников. Говорят, много их здесь спасалось и уморило себя голодом, чтобы попасть скорей в рай. Пещеры эти теперь, увы, служат для сжигания соломы на удобрение полей. Печально стоят высеченные каменные статуи, в глубоком размышлении о превратности судьбы. Храм — огромный, и много в нем замечательных древностей, — напр., картины, писанные знаменитыми людьми, резьба — знаменитого резчика; но все крайне пришло в упадок и обветшало. Микадо целый день отдыхал в этом храме, когда 4 раза путешествовал на север; теперь в той комнате на столе — доска — надпись которой гласит, что это — место покоя Высочайшего; и перед ним всегда стоит жертвоприношение, состоящее из чашки воды. Но к чему служит эта лесть! Получил храм от императора тогда 1 тыс., — о чем извещает крупнейшая надпись над самым входом в храм, — и будет; больше, вероятно, никаким угождением не вызовет к себе внимания, как и весь буддизм вообще. Падает он, видимо, отслужил свою службу, — и пора в сторону.

При храме молодые монахи, сказывали, чел. 12-13 бонз и престарелый осё. В храме этом чтились сендайские князья, где великолепные их ихай и доселе.

Зашли в гостиницу на 3-й этаж, чтобы взглянуть на вид островов, — действительно великолепный.

И вчера целый день, и сегодня — только и видно, как по улицам и дорогам тянутся лошади, навьюченные рыбою «сиби» (осенью ее же зовут «магуро», оттого что вкус в разное время разный — осенью лучше), которую ловят именно в это время — множество в заливе Исиномаки и по всему этому побережью. Теперь рыба идет с юга на север и заходит в заливы; осенью обратно — с севера на юг; впрочем, ее меньше попадает в заливы. А теперь, думаю, тысяч 20 рыбы провезли только вчера и сегодня по дороге в Сендай.

Местность гористая. На берегу моря делают соль. Скоро за Мадусима — город Такаки, где есть два христианина; за городом находится дом Иоанна Такахаси, к городу же принадлежащий. И. Такахаси — это тот, что был катехиз. и начал Церковь в Дзёгецудзуми; живет, говорят, очень бедно. Уже когда смеркалось, прибыли в деревню Дзёгецудзуми, ри на 12 отстоящую от Сендая. Деревня разбросана в ущелье гор. <...> Проповедник здешний Павел Кодзима несколько разладил с некоторыми из христиан; и поэтому он большею частью был на проповеди в новых местах. В

Дзёгецудзуми, призван был христианами Иоанн Такахаси, который и жил здесь с 8-го месяца прошед. года в доме Стефана Ицидзё; он здесь был питаем на счет христиан, за что проповедовал (хоть плодов не видно) и совершал молитву; ушел лишь вчера домой; Кодзима же завчера только прибыл из Никадзима для моего приезда.

<...> В Дзёгецудзуми на короткое время остановились в доме Стефана Ицидзё. Здесь и находится обыкновенно квайдо; но теперь комната, определенная для молитвенных собраний, занята шелкович. червями, и потому квайдо на время воспитания их перенесено в дом его брата, в полуверсте отсюда. Угостили спутников обедом, а меня чаем и кипятком с красным вином, провели в квайдо, где я нашел собравшихся христиан человек 30. Отслужили вечерню, и сказано было поучение. Между прочим внушаемо было построить поскорее отдельный молитвенный дом, — что здешним христианам особенно легко, так как у них и лес свой, и плотники есть. В других деревнях тоже определены места для квайдо; но не было правильных молитвенных собраний.

При вечерне пели трое — очень стройно; мальчик — сын Стефана (племянник Павла Кикуци), отлично сам усвоил пение, д. б., от Василия Кикуци, и умеет передать другим. Во время Богослужения пришел из Фукуда-мура Онисим Накано с одним христианином, были и из других мест христиане.

<...> Кодзима не годится больше для этого места, его нужно куда-нибудь в другое; он и сам не желает здесь, хотя, по-видимому, основывался надолго, даже дом купил и жену поселил. Онисима Накано, кажется, совсем нужно будет выключить из проповедников. О. Матфей жалуется, что он ленив и дурно ведет себя. До Собора, впрочем, оставлено все, как было.

22 мая (3 июня) 1881. Пятница. В Исиномаки

Утром, в сильный туман, спустились с гор; прояснилось, когда переезжали реку; недалеко виднелся город Нобиру; при перевозе простился с Накано, который отправился в Фукуда-мура. В 11-м часу прибыли в Исиномаки, — на 5/2 ри от Дзёгецуд-зуми. Так рано нас не ждали, и потому никто не встретил, и мы застали Павла Цуда и христиан, убирающих квайдо. Крещено за год: в Исиномаки 16 чел. В Минато 3 года спали, в год же крест. 27 чел. В Исиномаки всех христ. 116; из них муж. 65, женщин 51. Налицо теперь 82; прочие по своим делам в отлучке. Человек 5-6 охладели к вере, — принявшие без достаточного научения, а из языческих каких-нибудь видов; у некоторых из таковых, впрочем, после взгревается огонь веры.

<...> В Исиномаки постепенно проповедовали: Петр Кудзики и П. Авано, Ямамура, Сасагава, Исии, Павел Таде 1 год, и теперь Павел Цуда с прошлого Собора. Он жил здесь с женой (сестрой Петра Оокава, из Идзу), которая обучала девочек шитью; но в начале нынешнего года она скоропостижно померла.

Певчих 4 человека. Обучала Дарья Кудзики, и поют весьма стройно; обедницу безукоризненно пропели; вечерню — полуту-нили несколько.

Приехавши, отслужил обедницу с проповедью; после завтрака сделали визиты старшинам, сходили в Кадоноваки, в якусё, где проповедь бывает в училище — тут же; потом поднялись на гору посмотреть вид на море и окрестности, — оттуда сходя — видели тюрьму, где сидел Кудзики за погребение по христ. обычаю: небольшое здание, говорят, — битком набитое (наши бы преступники в первую ночь разломали и ушли). Побыли в Кадоноваки у чиновника. В 4 часа — вечерня и проповедь в катехизаторской; было много язычников; между прочим — местные власти.

После проповеди, в сопровождении толпы христиан и христианок, отправился в церковь города Минато, 595 домов — по ту сторону реки. В Минато 70 христиан — 36 мужч., 34 женщ. Город состоит из рыбаков, земледельцев и торговцев. Все христиане налицо, и все усердны, никто не охладел. Сицудзи 5 чел. Квайдо в доме Сергия Кацумото. Он крещен на Суругадай и не-которое время жил в Катехиз. школе; потом охладел к вере, а теперь очень усерден; служит здесь учителем в школе. Обещал

землю пожертвовать под храм, и христиане Минато уже думают о постройке храма.

Служба церк. в Исиномаки бывает в субботу вечером в 8 часов, в воскресенье утром в 10 часов; а в Минато в воскресенье вечером, и Цуда ходит туда с певчими из Исиномаки. В Исиномаки на молитву собираются 30 чел. дзенго, в Минато 20 чел. дзенго. В Исиномаки все купцы, и немного ремесленников; время проповеди здесь все равно — во все части года. В Минато тоже, но немного есть крестьян; для них теперь очень некогда, ибо настало время посева риса; осенью, во время жатвы, тоже некогда.

В Исиномаки, как рейдовом городе, — много разврата, в Минато — нравы лучше. <...>

23 мая (4 июня) 1881. Суббота. В Вакуя

Утром огромной толпой христиане из Исиномаки проводили далеко за город. В Вакуя прибыли около 11 часов; расстояние 5 1/2 ри. Проезжали между прочим город Хиробуци, 130 дом, 3 ри от Исиномаки; в 2 ри отсюда Хиробуцисинден, где христиане — Никанор и его сын. Не доезжая 1 ри до Вакуя, вправо, недалеко от дороги, деревня Майяци-мура, откуда катехиз. Иоанн Отоко-зава; его семейство все православное. Родителей нашел потом в Вакуя, пришедших повидаться со мной. Почти за 1 ри до Вакуя братия, Стеф. Яирацука, — довольно оправившийся, но все еще с частыми головными болями, и худой и бледный — значит, не идущий для катехиз. службы, требующей умственной работы, — и другие. Между прочими был Яков Ооцуки — катехизатор из Мориока, пришедший за 40 миль спросить, какой дорогой я пойду в Намбу — большой или бережной. Вот нелепость-то! Нужно будет сказать на Собрании, чтобы катехизаторы отнюдь не отлучались с мест своей службы для таких причин.

Вакуя — город — с 500 домов и домов 700 дзёнаи, всего с 1200 домов. <...>

Теперь чрез каждые два вечера — проповедь вечером в квайдо; собираются 5-6 новых слушателей и несколько христиан. В Нигоу-мура, 1 ри от Вакуя, есть также 4-5 слушателей учения. Вакуя дало катехизаторов: Савву Кимура, который и служит здесь же, Бориса Ямамура, Илию Додо (теперь в отставке, за пре- досудит. поведение) и Стефана Хироцука (очень способного, но, к сожалению, не могущего служить по болезни); в 2 ри отсюда деревня, из которой Тимофей Мурасава, также бывший в Катехиз. школе, — теперь питает отца, обрабатывая поле. В Семинарии из Вакуя Петр Мурата, которого мать-христианку видел здесь, и был Павел Кимура.

Для квайдо нанят старый дом. При служении обедницы певчие так зарознили, что пришлось сказать Роману, чтобы один он пел. Видно, что и понятия не имеют о спевке или о нотах, хоть все ноты держат в руках. Пока — в первой этой церкви встречаю таких нелепых певчих. Обещался прислать слепца Александра из Санума — понаучить певчих. В Вакуя первый проповедовал Сергей Нумабе, проживший здесь 3 года. У катехиз. Саввы Кимура отец и мать еще язычники; отец — старик — доктор и кит. ученый. Детей у Саввы Кимура 9 чел.: две старшие дочери замужем, сын Павел, бывший в Семинарии; остальные — мелюзга. Живет землю, которую отдает обрабатывать с половины; также разводит кайко. У Бориса Ямамура — прекрасный дом, много земли и целая гора с лесом. В семье: мать, жена, сын Стефан 10 л. и еще дитя малютка.

Посетил всех сицудзи и немало христиан; был в домах катехизаторов. Прекрасное устройство жилья — сизоку. — все окружены садами, как в Сендае. — Выходили на холм, чтобы посмотреть окрестности, а также взглянуть на пепелище прежнего владельца этого города. Стоит один остов кумирни, предпринятой было к постройке в честь предков владельцев от лица их кераев (в каковой складчине, впрочем, христиане не участвовали); и остов этот можно купить теперь ен за 100. А владелец живет у подножия холма в зданиях таких же, в каких живут зажиточные крестьяне; он слушал раза 2-3 христ. учение; но окружающие его не любят христ-ва.

<...> Вообще — Церковь вяла, что совершенно определяется характером здешнего катехизатора.

Когда вернулся в квартиру (тут же около квайдо, в гостинице в 3 этаже), один школьный учитель, отец христианской девочки, представил сикуси, в котором между прочим спрашивал, как ему воспитывать дочь, потом пришли несколько женщин-христианок, из которых жена Саввы Кимура, по-видимому образцовая мать и хорошая христианка: «мы только пишем сыну, чтобы он не забывал Бога», а у самой слезы.

Ночью несносно разболелись зубы — от простуды.

24 мая (5 июня) 1881. Воскресенье. В Такасимицзу

В туманное утро христиане проводили до дороги в Фурукава, до которого отсюда 61/2 ри (кажется). Андрей Ина встретил несносно далеко (приходится возить их в таком случае, потому что встречаются пешком, только обременяют). Прибыли в 9 часов утра. Фурукава — торговый город — самый большой по дороге из Седея до Мориока; домов в нем 926. Крещеных здесь 63 человека, но приходит на молитву не больше 12-13 человек. Прочие охладели (за исключением не принадлежащих к Фурукава, хотя и крещенных здесь; таких, кажется, 9 человек). Причины охлаждения следующие: 1. При прежних здесь катехизаторах: Нумабе, Додо, Ямамура, некоторые крещены недостаточно знавшие учение. 2. Между христианами был большой позор (блуд, доведший до суда), давший и язычникам повод хулить их, и им самим смутиться; иные из них и кроме того дурного поведения. 3. Развращенность нравов города и вместе сильная привязанность жителей к идолам, — вследствие чего на христианство здесь постоянно гонение, не прекращающееся и поныне; а если бы христиане здешние не были сами хозяевами домов, то им и жить было бы невозможно, ибо язычники с ними и дела не хотят иметь. Запугиванию христиан особенно помогло гонение на них, бывшее, по поводу христианских похорон, года три тому назад; многие христиане, и без того слабые, этим гонением расстроены и охлаждены были. Язычники: «Ясо макета», — и этот один бессмысленный крик уже достаточен для того, чтобы рассеять робких. Бывшее три месяца тому назад погребение жены Иоанна Оидзуми доказало это вновь. Родствен.: «если бонза не будет, не приду». До этого погребения было много слушавших учение в городе; но с погребения рассеялись, ибо тоже было затруднение для христиан и они должны были отдать тело на время бонзам для совершения над ним буддийских обрядов, после чего уже отпели и похоронили по-христиански. С преданностью язычеству соединено, по большим прибойным[?] городам, развращение нравов. По этой-то причине по большой дороге так трудно устрояемы церкви. В Каннари, напр., тоже почти нет уже церкви по тем же причинам. И здесь, в Фурукава, если бы Иоанн Оидзуми смутился и пал, то вероятно, и остающиеся теперь христиане рассеялись бы. Теперешние охладевшие, впрочем, не могут считаться бросившими христианство, и, вероятно, Бог даст им время и побуждение покаяться и одушевиться опять христ. духом.

Сицудзи здесь двое: из них главный Иоанн Оидзуми, очень усердный христианин, содержащий прежде денкёоя у себя в доме.

Так как, по причине гонения языч. на христ-во, нигде нельзя было найти место для сбора христиан на молитву и для проповеди, — язычники не отдавали в наем своих домов для этого, то христиане, 10 человек, сложились, купили дом и на земле Иоанна Оидзуми, пожертвованной для этого, построили квайдо, в котором и катехизаторы живут. Все здание, с переноской, стоит больше 200 ен, кроме личного труда христиан. К сожалению, квайдо несколько в стороне от больших улиц города, так что для незнающих довольно трудно найти ее. Общественная молитва — в субботу вечером в 10 часов, и в воскресенье утром в 11 часов. Читают, не поют. Собираются 10 человек. Проповедь в квайдо — в субботу и воскресенье, и в городе в двух местах: в якуба (магистрате), где слушают: Захария — старшина городской и 6 чел. новых, и в училище, где слушают учителя. Выходит туда Андрей Ина, — раз в неделю по четвергам. Вообще новых слушателей человек 10. В год крестились 3 человека.

<...> Фурукава — город торговый, и потому здесь всегда время проповеди: по деревням же везде

земледелие и разведение шелков. червя: в 6-м месяце очень заняты, и потому с 1-го до 20-го всех, ри за 1 !/г. В город ведет аллея великолепных сосен — на большом пространстве; вообще местность очень живописная. Квартиру дали в доме одного доктора христианина; сходил в ванну, чтобы от простуды полечиться. Зубы и вправду перестали ныть.

25 мая (6 июня) 1881. Понедельник. В Такасимицзу

Целый день шел дождь, и из Такасимицзу никак нельзя было выбраться. Утром о. Матфей совершил крещение, в церкви, 6 человек. После мы вместе с ним отправили обедницу, за которой причащены были новокрещенные запасными Св. Дарами (ибо просфор не могли приготовить для Литургии); после — проповедь, говорить и слушать которую мешал рубивший по крыше дождь. После, перешедши в комнату к Никанору, расспрашивал о состоянии церкви, — то уже изложено выше. Тут же рассказали о двух церквях: в Цукитате и Мияно. Так как их проезжать не придется, ибо нужно свернуть в Санума, то о них здесь замечается.

Цукитате, город, 260 дом., от Такасимицзу 2^{1/2} ри по большой дороге. Христиан 11 чел; 6 чел. из них — хорошие христиане, приходят часто в Такасимицзу к Богослужению. 4 христианина — охладели от недостатка учения и церк. управления там. Сегодня еще 2 чел. из Цукитате крестились, — всего там теперь 13 христиан. В Цукитате прежде всех проповедовал П. Цуда, потом Иоанн Сакай жил там с год. Из тамошних христиан особенно ревностный был Яков Яекасива, очень заботился о распространении христ-ва там; из его дома Иоанн Сакай взят был в тюрьму, и Яков — с ним ЖБ взят был. Теперь Яекасива помер; его заменить для церкви некому, и нет там никакого центра, где бы группировались. Дочь Якова, христианка, с печалью рассказывала об этом (муж ее сегодня крещен, — сельский учитель).

<...> После обеда, несмотря на дождь, сделаны визиты во все дома катехизаторов и их семейств, чтобы видеть их состояние и расспросить о составе семей, — и всем сицудзи и некоторым уважаемым христианам. Если бы не мерзейшая грязь, прогулка среди садов была бы истинным удовольствием, — везде аллеи зелени и озера воды (зеленой, впрочем) для поливки полей (ее пускают на поля по мере нужды; в случае засухи воду делят).

К вечеру едва окончены были хождения. К счастью, Матфей тут напоил чаем, который он берет с прибытия сюда из Тоокей, и взялся привести сапоги в порядок.

Никанор спрашивал совета насчет мужа-язычника, прогнавшего жену-христианку и женившегося уже на другой; разумеется, такой должна быть предоставлена свобода выйти замуж; — насчет мужа-христианина, прогнавшего жену под влиянием отца и женившегося на другой, сказал, что пусть ходит в церковь; но лет 10 ему должно не давать Приобщения Св. Тайн, — так как явный блудник, по слову Евангелия. Везде труднее всего с японск. семейною жизнью и браками.

26 мая (7 июня) 1881. Вторник. В Санума

Утро сырое; дорога дурная. Часов в 6, простившись с христианами в церкви, отправились в Санума. В 5 ри от Такасимицзу. Местность прелестнейшая, лощина, где все рисовые поля; по горам роскошная растительность; ехали среди непрерывного пения соловьев (и кваканья лягушек, впрочем). Дорога гористая, часто приходится выходить из тележки и плестись по грязи пешком. У города встретили прежде всего группу детей — девочек-певчих и других, потом группу христиан; у входа в город — катехизатор Елисей Кадо, старшины и множество христиан и христианок. К сожалению, благословивши их, пришлось опять сесть в тележку, ибо идти пешком по такой грязи в сапогах решительно не было возможности.

Санума торговый город, в котором, притом, так же как в Вакуя и Такасимицзу, много сизоку-

байсин. Всего домов: 860. Христиан здесь: 319 — с 1875 года; но из них 15 умерло.

Церковные службы всегда совершаются по субботам и воскресеньям. <...> Начинают Богослужение и здесь, и в Исиномаки, как в Суругадай, по маленькому звонку. Бывает по воскресеньям 30-50 человек, по субботам больше.

Хор из семи девочек поет стройно. Слепец Александр подучил их. В церкви — полная утварь (та, что пожертвована из Владимир, церк. в СПб.), ризы — новые (пожертвов. Крупениковым в Казани) и старые. Икон полный состав; на север., и южных дверях Архангелы, заклиросные — Александр Невский и св. Николай. На солею — три исполинские ступени, а в Царские Врата нужно гнуться. Впрочем, церковь красива, особенно при вечернем освещении. Поместиться могут человек 500. Никогда не бывает полна.

Церковь еще не совсем кончена: снаружи не обложена внизу черепицей, внутри нет рам для иконостасных образов, но до сих пор стоит 2600 или 2700 ен. Земля под церковь нанята на 50 лет; платится по 2 ен в месяц. Кругом церкви разводится сад. У церкви — дом для прислуги и кухни, около нее небольшое здание для ванной. Все это в числе вышеозначенной суммы.

<...> По приезде в Санума отслужена была обедница и сказана проповедь. После обеда — посетил всех 19 сицудзи; все живут очень достаточно; почти все имеют лавки и отличные дома.

Вечером отслужена вечерня и вновь сказана проповедь.

Вечером пришел из Иокояма Павел Исии — спросить, когда буду там. Буду на обратном пути.

Александр-слепец приходил сетовать, что в Каннари Церковь совсем в упадке, по причине тамошних притеснений христиан. Обещал купить ему ручную фисгармонию — помогать ему обучать пению. Теперь же пока он пойдет в Вакуя.

27 мая (8 июня) 1881. Среда. В Савабе

Утром о. Матфей совершил крещение 14 человек с детьми. После я отслужил обедницу, за которой новокрещенные были крещены [причащены?]. После проповедь. Христиане, и я в том числе, снялись группой около церкви, затем, напутствованные добрыми санумцами и простившись с ними уже за городом, мы направились в Вакаянаги, — от Санума 3 ри.

Прибыли во 2-м часу. За городом встретили дети. В городе тотчас наткнулись на пьяных, что — редкость в Японии. Для Вакаянаги дурной знак. Странное здесь распределение земли и название участков; пространство в 30 квадр. чё называется Вакаянаги-мура; в этой мура всех домов 1100. Из них здесь в городе Вакаянаги-мацэ 700 домов, — значит, город в деревне, которая (мура) очевидно принимается здесь в другом смысле, чем селение. Внутри же этой Вакаянаги-мура есть Дзюумондзи-мура. в которой всех 19 домов. Христ. домов в Вакаянаги 20; всех христиан здесь больше 90 чел.<...> Из них, по словам о. Матфея, теперь только человек 20 с детьми принимают Св. Таинства, т. е. исповедуются и причащаются. На молитву по праздникам, по словам сицудзи, собираются не больше 7-10 чел. Но нет ни одного здесь бросившего христианство и обратившегося к идолам, они только охладели, по тем же причинам, как в Фурукава, т. е. от языческих притеснений, и вообще от дурного нравственного состояния окружающей среды. Прежде всех здесь, еще в 1872 г., проповедовал И. Сакай. Потом постепенно были: П. Цуда, Ниццума (о. Павел), Яков Кавата, Хиватаси, Таде (Пав.), И. Оно, В. Хириу, М. Кангета, П. Кангета (в 1878 г.), Додо, Ямамура, Накано, Варнава Иمامура и Петр Обара, по распоряжению о. Матфея сменивший Иمامура после Пасхи. Когда был здесь П. Кангета, то бонза приходил спорить с ним публично, был разбит, и христианство тогда очень было в славе в городе.

П. Кангета потом — подговоренные, должно быть, пожарные схватили в квартире и тащили чрез весь город на позор народа, в квартире же разбили стекло на иконе. После они взяты были полицией

и наказаны. Тогда П. Кангета жил в доме теперешнего сицудзи Захарии Кикучи.

Теперь в Вакаянаги квайдо в доме Михея Судзуки, во 2-м этаже, — обстановка бедная. Икона литограф. Казанской Б. М. Со-бираются на молитву в то время, когда Обара приходит, человек 10 по субботам; после молитвы он говорит им проповедь; в воскресенье же не говорит, ибо совсем не приходят на молитву, кроме домашних Михея. Обара живет здесь иногда по неделе; в это время по вечерам приходит к нему человека 3-4 христиан, и он им объясняет Священное Писание или занимается разговорами о вере (сицумон)*.

<...> Прибывши, мы отслужили вечерню, после которой сказана была небольшая проповедь. Собравшихся было всех человек 50 с детьми. Расспросил потом о состоянии Церкви, убеждая ободриться и воспрянуть. Затем отправились в деревню Дзюумондзи, в 10 чё от Вакаянаги. Здесь, как сказано выше, 19 домов всего, — из них 73 человека христиан, — исключительно земледельцев.

Проповедовали здесь те же, что и в Вакаянаги. Христиане здесь несравненно усерднее, чем в Вакаянаги. В субботу на молитву собирается гораздо больше, чем в Вакаянаги; в воскресенье — немного, ибо заняты работами. Вообще видно, что праздники нигде еще не научились наблюдать. Нужно будет на Соборе поставить это особенно на вид проповедникам, чтобы исправилась погрешность.<...> Квайдо в доме старика Якова Сато, живущего на покое, очень почтенного на вид и благочестивого (сын его Александр — хозяин). Квайдо в очень приличной чистой комнате. Только иконы у них нет, теперь поставлена занятая у кого-то. Просили икону, обещал после Собора прислать.

Христиане здесь уже 6 лет как собирают моми (рис в шелухе); уже собрали 65 коку. О. Матфей, очевидно, хотел похвалить их и похвалиться, когда говорил мне: «а здесь есть кое-что хорошее», — и рассказал о сборе риса. «Для какой цели?» — спросил я. О. Матфей ждал, должно быть, «для церкви»; но ответили — «на случай голода». Что ж, и это хорошо. Я похвалил. Собирают еще какую-то сумму (47 ен есть), но раздают ее в Долг. — «Нет ее на руках», — отвечает поспешно. Уж не боятся ли они, что с них тотчас потребуют рис или деньги на церковь? И не служит ли и это к упадку церковью здесь, что везде в этих местах катехизаторы уже на содержании самих христиан и из Тоокёо получают по 5 ен только на мелочные расходы?

В Дзюумондзи тоже отслужили вечерню и сказана была проповедь; собралось до сотни. Пришли между прочим из Мияно: старший брат о. Иоанна Сакай-Ной, еще оглашенный, с двумя своими сыновьями, просить крещения; из Исикоси отец и мать (с малюткой) секретаря Иоанна Такахаси. Отец по профессии врач; земли у него нет, кроме огорода; живет бол. частью разведением кайко*.

После проповеди, в простом разговоре, убеждал христиан Дзюумондзи и Вакаянаги поскорей построить храм, это будет способствовать и оживлению христианства в них. А оба места могут иметь один храм.

<...> Поздно пришлось лечь спать, чтобы завтра раньше отправиться в Каннари, где соберутся несколько для принятия крещения.

28 мая (9 июня) 1881. Четверг. В Ициносеки

Утром отправились из Савабе, встретился на улице с протест, миссионером Потом, кажется; говорил, что ждут меня в Мидзу-сава и др. местах; а он уже пятый раз путешествует с проповедью по этой дороге. В руках Библия; физиономия мирная, а страшно ругается и злословит Православие на своих катехизациях. До Каннари от Савабе 20 чё. Приехавши туда, на веранде, на чемодане, записал дневник, а о. Матфей совершил крещение 7 человек; 3 из Мияно.<...>

Каннари — место родины о. Иоанна Сакая — город, 370 домов. Жители бол. частью земледельцы. Христиан до 70. Из них 3 дома вышли — в Савабе, Ивагасаки и проч. Благочестивых христиан только 9 чел., из которых 6 человек в одном и трое в разных. Прочие не приходят на молитву.

Богослужение совершалось, когда было квайдо, в доме Петра Сакамото. Но его дом продали за долги, а он перешел в Савабе. Квайдо был его собственный дом, христиане же только участвовали в приведении его в должный порядок. По уничтожении квайдо, в Каннари не совершается Богослужения, а ходят верующие в Савабе к службе, которая в Савабе всегда бывает, когда там катехизатор. В Каннари прежде всех проповедь начал И. Сакай, когда бежал из Хакодате в 1868 г.; проповедовал потом Т. Хариу, затем многие переменились. Хорошо служил Иов Мидзуяма; при нем устроилось квайдо. Вообще четыре года тому назад здесь все были благочестивы. Под конец служили Илья Додо, Имамура и Обара — теперь.

Из охладевших в Каннари есть совсем возвратившиеся в язычество; так, дом Алексея Киёвара сделался синтоистским. (В селении Казава некто Лука, бывший бонза до христианства, опять сделался бонзой.)

Охлаждению в Каннари много способствовали гонения от язычников. Выражением неприязни язычников служит, напр., следующий факт. В прошлом году, в один буддийский праздник, несколько хике-си (пожарных) ворвались в квайдо и — как будто заведши между собою драку — разбили все, что попало под руку, и изрезали татами. Впрочем, после принуждены были полицией откупить все, что и исполнили. Потом похищена была ночью икона из квайдо, и до сих пор не нашедшаяся. Теперь Церковь в Каннари принадлежит к Церкви в Савабе; в субботу христиане туда ходят на молитву. Христиане в Каннари наполовину купцы и наполовину земледельцы. Селение выглядит бедным.

<...> В 11 часов отправились из Каннари в Ициносеки, — от Каннари 5 ри. Дорога — чрез горы; в Арикабе пообедали. В 3-м часу прибыли в Ициносеки. Ициносеки — огромный город, состоящий из мац* и дзёнаи*. Жителей — тех и других домов от 1200 до 1300; одних дворян, домов 700.

<...> Помехи христианству в Ициносеки и Яманоме от язычества никакой нет; гонений — никаких; язычество здесь в упадке; Илья Сато говорит, что с прихода сюда, после Собора до сих пор он не слышал здесь ни об одной языческой секке.

Сицудзи на запрос мой, не имеет ли Церковь какой нужды, выразили желание, чтобы о. Матфей или другой священник, когда бывает здесь, останавливался подольше, на неделю и более, для проповеди, так как сизоку пренебрегают молодыми проповедниками и желают слушать кого постарше; иные так и выражаются: «послушаем Кангета, когда приедет». Вообще здесь желателен проповедник в летах. Христиане здесь больше из сизоку.

Ициносеки место важное, составляющее центральный пункт для многих других местностей и могущее влиять на них, и потому заслуживает особенной заботливости.

Отслуживши здесь вечерню в квайдо и сказавши маленькое слово, отправились в Яманоме, чтобы и там отслужить и пови-даться с братиею. В Яманоме приехали прямо в церковь. Церковь здесь построена еще в 1877, когда проповедником здесь был Никита Мори. Христиане Яманоме и Ициносеки тогда сложились, человек 20, собрали 140 ен (причем один Моисей Ямада, сицудзи в Яманоме, дал больше 60 ен) и построили эту церковь. Землю под нее дал другой сицудзи в Яманоме, Исая Кангета (брат катехиз. Павла Кангета и племянник о. Матфея).

<...> Христианство труднее распространяется в Яманоме, ибо народ не так развит, как сизоку, хотя крепче держит веру, когда делается христианином.

Икона в храме небольшая — Богоматери в серебряной ризе. Нужно еще икон сюда, а также нужно снабдить храм облачениями для священника и св. утварью.

Отслуживши вечерню и сказавши назидание, отправились посетить сицудзи и вместе несколько ознакомиться с городом. В доме Моисея Ямада тронул 80-летний старец, его дед, ждавший меня сюда; обещал скоро креститься от о. Матфея. Вечером собралось язычников — полный дом внизу. Проповедь продолжалась два часа, с перерывом для отдыха минут в 15.

29 мая (10 июня) 1881. Пятница. В Иваядо

Должно быть, комар укусил верхнюю губу; распухла безобразно; если не пройдет скоро, скверно, именно в то время, когда больше всего глазают — это такое безобразие — к общей безобразности вообще моей рожи. Встал в 3 часа, чтобы записать дневник. Утро недурное. Что Бог даст днем?

Между Ициносеки и Маезава находится Канзан (секияма), гора, знаменитая буддийскими монастырями, секты Тендай. Во времена Хацимантаро (лет 900 назад) прислан был управлять севером, в качестве губернатора, Фудзиварано Киёхира. Но он стал разыгрывать здесь сам роль императора; «Хигасияма» — назвал округ по ту сторону реки в подражание местности около Кёото. Канзан устроил в подражание Кооейдан. Он сам построил храм Циузондзи, который мы осматривали и в котором погребены: он и его сын Мотохира и внук Хидехира; храм небольшой, но он весь был снаружи раззолоченный, и назывался «Хикари доо»; и теперь еще видны на наружных щитах следы позолоты; есть в храме драгоценными камнями украшенная колонна. Чтобы от влияния погоды храм не разрушился, спустя 280 лет после построения один из Фудзивара построил внешний храм, в виде футляра. В храме под идолами будд похоронены вышеозначенные трое и еще голова Тадахира, 3-го сына Хидехира, отличавшегося повинованием отцу. При сыне Хидехира, Ясухира, Иоритомо разрушил покушение этой фамилии на независимость, разбил их войска и уничтожил их власть. А силы этой фамилии были немалые; мы переезжали пред Канзан гору, называющуюся «дзюуман», — потому именно, что здесь сто тысяч войска для защиты от Иоритомо. Цветущее время силы этой фамилии было при Киёхира и Мотохира. Хидехира уже впал в роскошь и тем ослабил силы своего государства. Во время Хидехира на Канзан было 300 храмов, значит — огромное количество бонз. Теперь всего 22 бонзы на всей горе, живущие земледелием, так как от казны не получают ничего, а богомольцев мало. Император во время путешествия на севере был здесь и велел хранить все древности сохранно; для этого в Циузондзи заперли на замок решетки, ведущие внутрь храма. В другом храме видели два экзмп. превосходнейшего письма золотом на черном фоне Иссайкёо, пожертвованных — один от Киёхира, другой — Хидехира; В третьем храме показывали мандара — изображения 10 верхних пагод — на черном фоне золотом; но золотые черты — все состоят из мелкого письма молитвенников Ханьякёо; каждое мандара — фута 4-5 высоты и фута 2 ширины; изображения на бумаге — китайской работы, но кругом широкий бордюры — иллюстрирующий то, что написано в молитвеннике, — иллюстрации исполнены самим Киёхира, очень искусно. Тут же на горе видели храм, посвященный Бенкею, сподвижнику Иосицуне, с фигурой Бенкея — «та-цидзини»*, изображающей, как он умер стоя в реке, и с двумя старинными шкапчиками, которые тогдашние воины носили на спине, в виде ранца, со всеми необходимыми в походе вещами; один из них приписывается самому Бенкею, которого рост и сила должны были быть немалые, судя по размерам ранца. Иосицуне также разгуливал на этих горах, когда был гоним братом.

Яков Кубо, катехизатор из Маезава, встретил далеко до города, потом Адриан Сунгиноме и другие братья.

Маезава город, в котором 700 домов, из них 200 — дома бывших кацую, байсин (так как здесь был каро сендайского князя, хотя не такой большой, как в Вакуя, Мидзусава и Иваядо) и домов 12 кисеи (одолженных офицеров, — киусуру и си, — даваемых на время, по нужде); — к числу последних принадлежит и Адриан Сунгиноме, женатый на сестре о. Павла Ниццума, и которого дочь — Ольга — в школе на Суругадай.

Христ. домов 11; христиан 16 чел. Христиане все из бывших дворян, за исключением двух молодых людей — горожан (чёонин). В год здесь было крещений 6; оглашенных теперь 5 чел.; новых слушателей 4-5 человек. Многие и кроме того желают слушать, но не находят удобства к тому, так как нет в городе постоянного проповедника.

<...> Мидзусава (2 ри, 28 чё от Маезава) город, в котором не меньше 1000 домов, в том числе до

400 домов — байсин бывших — сендайского каро.

Христианское учение в 26 домах. Христиан 19 и оглашенных 17 чел. Сицудзи 3: Петр Томизава и проч.

Христианство здесь водворено 3 года назад Павлом Кангета, который, между прочим, обратил к христианству старую княгиню, ныне Елену, 81 года, бабушку нынешнего князя Русу Мото-хару (Русу получал прежде 1 ман 6 сен коку). Князь сам также слушал от него правосл. учение; прежде того он слушал католическое, а теперь слушает протестантское, при котором изучает и аглицкий язык.

<.,> Местность — трудная для проповеди, по отзыву катехизатора и сицудзи, ибо буддизм еще силен здесь, особенно «нембу-цу» (монто). Нравы, впрочем, не очень испорчены.

Требуют отдельного проповедника и для Мидзусава; и это тем основательнее, что и отсюда можно много иметь учеников для Катехиз. школы, если тронуть еще не подавшуюся здесь массу бывших кацу.

Приехавши, я застал на чердаке, где живет катехизатор (платя в месяц с пищей 6 ен; хозяин — теперь уже христианин) и где собираются христиане для молитвы, между прочим старую Елену — княгиню, что особенно трогательно, потому что она и ходить уже почти не может. Но по отзыву о. Матфея, крестившего ее, она чрезвычайно усердная христианка; расспросила подробно о всех христианских обычаях и правилах, которые ей соблюдать нужно, и все тщательно соблюдает. Теперь она в дзинрикися с трудом приехала в сопровождении своей престарелой камеристки, также сделавшейся христианкою, и лакея, чтобы получить благословение; привезла в подарок кучу сахарных бисквитов. По наружности в высшей степени благообразная, настоящею Божьей старушкой высматривает. Наверное, будет в Царстве Небесном! Отслужил обедницу и сказал проповедь, которую Елена, по старости, как сама призналась, не могла хорошенько расслышать. Слушателей набрался целый чердак. Яков Кубо писал прежде и теперь говорил о каких-то учениках в Семинарию и Катехизаторскую школу; но никого путного не показал; видел только одного малого лет 17 с глубокой усмешкой на лице, видимо, малоспособного и не подходящего притом по летам ни к Семинарии, ни к Катехиз. школе.

Угощение предлагали — скоромное — яйца; в Маезава тоже было. Все больше и больше видно, что катехизаторы не заботятся учить о постах (потому, конечно, забывают, что у японцев всегда пища постная, не по чему-либо другому, — впрочем, забывчивость, во всяком случае долженствующая быть исправленной). <...>

30 мая (11 июня) 1881. Суббота. В Мориока

Утром пришли 4 человека христиан из Хитокабе и просили дать им денкёоса для их места. Обещал заявить их просьбу на Соборе.

О. Матфей и Мефодий Цуция проводили до перевоза чрез реку. Здесь я простился с о. Матфеем и вместе с церковью «Кенъейквай».

Выезжает он из Сендая для совершения крещений, исповеди и приобщения христиан два раза в год: в Великий пост и Рождественский пост, но выезжает гораздо раньше постов, чтобы успеть до праздников везде побывать и вернуться в Сендай.

В нынешнем году он не везде побыл даже и два раза, потому что в Рождественский пост из Яманоме внезапно потребован был к больному в Ионеока. Приехавши, начинает не служением, а проповедью; следует начинать Богослужением. Приобщает везде запасными Дарами, по невозможности иметь просфоры. Придется, кажется, при Миссии завести просфорника, который бы заготавливал просфоры и рассылал к священникам для их объездов.

На пути в Мориока два места, где есть христиане: Ханاماки и Коорияма. Ханاماки — город с

1200 домами, из которых домов 200 — сизоку.

Проповедь здесь когда-то начал Петр Оодадзуме. Тогда были слушатели; один из них, и теперь единственный из двух здешних христиан — Матфей Кодадзима; из домов слушателей между прочим тогда были взяты Петром Оодадзуме для школы на Суругадай — ученики Моисей Теруй и Евгений Хебигуци.

Теперь Иоанн Сайкайси прошлогодним Собором назначен был сюда и прожил с 9-го месяца — целый год, ровно ничего не делая, между тем как в месяц получал 15 ен. Теперь есть 5 оглашенных, но четыре-то из них — домашние Матфея Кодадзима, значит — прежде всего другим, а не ему обязаны, если сделались верующими; один 5-й оглашенный — не знаю, насколько принадлежит ему. И это — за целый год! Говорит — не было слушателей. Конечно, если лениться, то никогда не будут. А если в самом деле никто там не расположен слушать учение, то давно следовало известить об этом, назначен был бы в другое место, в проповедниках везде такой недостаток. Встретил, впрочем, меня как ни в чем не бывало, сам в своем лице составляя Церковь. Потом куда-то отлучился и привел Матфея Кодадзима. Не мог я сдержать и на лице, и в словах выражения неудовольствия. А он, желая поправиться, на вопрос: «Что делал год?» — «А вот и в протестантской квайдо проповедовал, вот там насупротив гостиницы, звали-де». — «Так вы кому же служите, Правосл. Церкви или протест.?» — «Я думал, что это можно». Непроходимый дурак — не разберет даже и того, что протест, ездили на нем, как на осле: иное бы дело протестанты приходили его слушать, так протестанты просто заставляли его служить себе, употребляя, когда им то заблагорассудится, вместо своего катехизатора. Что за олух! Как тут не досадовать. Все равно, что мы обязались содержать проповедника для услуг протест, секты — баптистов, а наш проповедник этого и понять не может! Своего же прямого дела за целый год — хоть шаром покати.

Пообедав в гостинице и побыв в доме Матфея Кодадзима, по его просьбе, отправились дальше — в Коорияма. Матфею Кодадзима я обещал, что после Собора здесь, в Ханамаки, или будет хороший проповедник, или не будет никого — до времени, так как Ханамаки никак не может быть оставлено совсем, отсюда многие могут найтись и для Катехизаторской школы, — сизоку много.

<...> Сицудзи Коорияма требуют проповедника для Коорияма.

Требуют они также священника для всей этой местности (ци- хоо-сисай). И правы в требовании.

31 мая (12 июня) 1881. Воскресенье. День Сошествия Св. Духа. В Мориока

Утром, приготовившись к Литургии, поучил убирать церковь цветами и зеленью, чего еще не знали делать в этот день. Литургия. Проповедь, продолжавшаяся больше часу, историческое и догматическое объяснение празднуемого события. После обеда предполагалось посетить в городе дома катехизаторов и старшин; но целый день шел дождь — непрерывно. Поэтому принужден был ограничиться отдыхом и распросами о состоянии Церкви.

В Мориока домов больше 10000. Из них сизоку: 1700 д., доосин: 1500. Доосин теперь обращены в хеймин. Христианских домов: 132. Христиан: 264; из них — мужчин 152, женщин 112.

Из этого числа: 3 чел. завлечены в католичество; слепец Иоанн Ицинохе, Петр Тоёкава и Иоанн Ямае, — причину ухода туда, сказывают катехизаторы, дурное поведение их и деньги со стороны катол. Миссии.

10 ушли в протестантизм, все, действительно, едва ли исправимая дрянь, или — домашние — последовавшие за вожаками: Хара — 5 человек — дом, Ингари 2 чел., Тацибана — баба и ее сын 2, и Петр Мори (на Суругадае приходивший проситься опять в Православие). Прежде сии люди старались завести смуту в Церкви и отклонить христиан от повиновения о. Иоанну Сакай, — особенно Хара — старался верховодить. Когда не удалось, то Хара со своими людьми, под предлогом, что о. Иоанн

отлучил их от Церкви, тогда как этого о. Иоанн отнюдь не делал, удалился к католикам; но и там его или не приняли, или выключили из Церкви; теперь он с своими — у протестантов, у баптистов.

46 человек уже 4 года как совсем не приходят в церковь; из них есть даже возвратившие кресты (1 дом, — 6 чел.). Но вообще этих людей нельзя считать бросившими христианство: между язычниками они говорят о христианстве и выставляют себя христианами, — насколько это известно. Охладели, вероятно, по недостаточному знанию учения или же от увлечения мирскими заботами. О. Иоанн часто увещевал их, но бесполезно; их трудно вернуть.

49 человек — учителями, полицейскими и чиновниками — в других местах. Сведения о них, кто — где, имеются. Или перешли на жительство в другие места по роду ремесла, для торговли. 4 человека — в солдатах — отбывают повинность, — в Тоокёо, Аоморе и Сендае.

Всего выбывших: 112.

Итого всех христиан налицо в Мориока (264-112) 152 чел. И завтра утром будут крещены (уже крещены, — пишется 2 чел.) 10. Всего: = 162 чел. христиан. Все эти христиане усердные; в церковь ходят, исповедуются и причащаются. Есть из них кое-кто, показывающийся в церкви только в такие Праздники, как Пасха и Рождество, но это больше по незнанию еще, как необходимо соблюдать праздники, и по множеству дел.

Сицудзи: 11 человек. Избирались постепенно; переизбраний не бывает. Сицудзи из себя избирают каждый год: кайкейка* (казначеев).

Собираются для рассуждения — сицудзи, — когда есть дело. Постоянных проповедников, никуда не отлучающихся из Мори-ока, теперь здесь двое: Стефан Нараяма и Яков Ооцуки. Делают они следующее. В церковном доме, кроме времени Богослужений, проповеди не бывает, потому-де, что дом позади улиц, никто не приходит. А имеется в церковном доме училище. Преподается Тоокёосоокан* и Свящ. Писание. Учеников теперь 6 человек. Приходят утром и уходят вечером. Катехизатор объясняет им урок, а они потом, делая между собою ринкоо, повторяют его. Бывает также содоку* (т. е. простое чтение) Свящ. Пис. Один из предметов до обеда, другой после обеда, т. е. или Тоокёосоокан до обеда, а Свящ. Пис. после, или наоборот. О. И. Сакай установил этот порядок.

На вопрос: куда эти ученики готовятся? — отвечают: в Катехиз. училище или в Семинарию.

Но в таком случае труд здесь излишний, ибо в обоих училищах преподается гораздо обширнее то, что преподают здесь. Если же эти ученики — так — для себя изучают, то они входят в разряд других, учащихся христианству, и для них училища заводить не стоит, и катехизатора содержать для этого училища не следует, так как действительно один катехизатор посвящается здесь совершенно этому училищу. Оба катехизатора по очереди проводят, никуда не отлучаясь, целый день в училище именно для вышеозначенных учеников. Ревность не по разуму, или глупость. Обезьянничают Суругадай бессмысленно. Тогда бы, конечно, училище это имело полный смысл, если бы предположено было прямо здесь готовить местных проповедников. Тогда бы можно было не пожалеть для него и человека, и расходов. Но этого <нет> и в мыслях; а просто, зря гноят силы людей — тот же катехизатор мог бы быть несравненно полезнее в другом месте, где действительно требуется проповедник, а таких мест не занимать-стать, здесь же ни за что ни про что губит целый год на дело, которое мог бы делать один вместо двоих, и приучается к лени, опускается, каких я теперь и вижу Нараяма и Ооцуки, просто лежебоки и дармоеды. В городе проповедь в скольких местах? «В 6 местах», — отвечают. Стоит записать, чтобы показать, какова проповедь.

1. В Синден-мац. Была до января. Только для христиан; новые иногда приходили. Производилась по вечерам в 1-е и 6-е дни. Ходили на проповедь попеременно. По бесполезности прекратили.

2. В Уеда-мура. Была до января. По вечерам в 3-е и 8-е дни. Попеременно ходили. По неимению слушателей прекратили.

3. В Сакана-чѐ. Была до марта. Ходили через вечер, попеременно. Были два новые слушателя, но и те ушли, хотя приняли оглашение. По бесполезности прекратили.

4. В Нада-чѐ. Была до конца февраля. 8 раз в месяц, — по воскресеньям и средам. Петр Сато, завтра имеющий креститься, там слушал (и по испытанию, почти нисколько не знает учения). Прекратили, за неимением слушателей.

5. В Коку-чѐ. Начали с 10 января. Туда ходил Нараяма до болезни о. Иоанна. Оттуда 1 оглашен. За неимением больше слушателей прекратили.

6. В Микода-мура. (Тут же, в конце города, где дом Александра Сасама.) Ходил Яков Ооцуки с 10 января до болезни о. Ио-анна. Было 5 новых слушателей; из них 4, и при них 2 ребенка, вероятно, сделаются христианами. После Пасхи слушателям не-когда стало слушать, и потому приостановлено.

<...> Новых слушателей нет — решительно ни одного. Два ученика каких-то только приходят в церковный дом по временам, но ненадежны. В городе же ни единого. Я. Оцуки говорит, что нужно новые средства придумывать для отыскания слушателей; по его мнению, или проповедовать открыто на улицах, или входить в языческие дома прямо с проповедью. Но в последнем случае по меньшей мере прогонят; в первом — опыт ихний же доказал бесполезность меры; они в прошлом году проповедовали открыто в Иокочѐ; слушателей останавливается множество, но ни один не заинтересовался и не попросил продолжить научение; напротив, все уходили, как только были приглашаемы войти в комнату для дальнейшей беседы.

Средство-то, собственно, есть, да не им воспользоваться, средство это — одушевиться самим и одушевить христиан.

<...> Церковь устроена по-настоящему, только икон настоящих, иконостасных нет. Поставлены — какие случились. Самая большая — запрестольная — литограф, образ Спасителя, благословляющего хлебы при преломлении. Нужно будет озаботиться снабжением церкви настоящими храмовыми иконами.

Все для совершения Богослужения имеется в церкви: утварь и облачение; мирница и дароносица также есть. Только антиминос я взял, вручен будет священнику, когда поставится для этого места. Русское Евангелие на престольное также есть. Крест — финифт. образками очень неизящными. 12 икон литограф, на холсте двенадцатых праздн. — есть, за исключением иконы Сошествия Св. Духа, которую нужно будет доставить. Домовых икон на бумаге — Спасит. и Бож. Матери здесь порядочный запас. Пасхальный трехсвещник есть.

Церковный приход двух родов: 1. Накопление основного капитала (сихонкин) и 2. пожертвования желающих (юуси)* на текущие расходы.

1. Основной церковный капитал почерпается из двух источников: а. Из учреждения ицимонсен. С января 1880 г. христиане положили, чтобы каждый член Церкви (желающий, конечно) вносил на Церковь 1 рин (1/10 часть сена) в субботу и 1 рин в воскресенье, всего 2 рин в неделю. Собирают казначеи (кайкейката)* эти деньги на руки или каждую субботу и воскресенье, или — с тех, которые так хотят, раз в месяц. Где в домах несколько христиан, отдается с дому за всех разом. Теперь этих скромных взносов накопилось 8-9 ен.

б. С 7-го месяца 1879 г. христиане стали разыгрывать мудзин*, беспроигрышную лотерею. Собираются для того каждый месяц в среднее воскресенье после Богослужения. Участвующих в мудзин 35 человек. Каждый вносит по 50 сен; т. о. выигрыш составляет 17 ен 50 сен. Выигравший затем каждый месяц вкладывает от себя 5 сен; эти-то 5 сен, составляющие, так сказать, процент за пользование взятыми на время деньгами, и суть доход Церкви от мудзин. Теперь вынужденных свой жребий 22 чело-века; значит, месячный церк. доход 1 ен 10 сен. Все вынимают мало-помалу выигрышный жребий; но вынужденные уже не участвуют в дальнейшем вынуждении, между тем как ежемесячно вкладывают 55 сен. Всего двумя означенными способами собранных денег теперь 20 ен.

Эти деньги отдаются на проценты, по 20 сен за 10 ен в месяц (и, вероятно, скоро лопнут где-нибудь, как это сплошь и рядом бывает у слишком уж предприимчивых моих братьев). Теперь ими пользуется один из сицудзи, Петр Савано. Из кружки высыпают в год 3 раза, и деньги присоединяют к основному капиталу. В год высыпается всего с 1 ен; раз, впрочем, кто-то опустил 5 ен.

2. Ежемесячные пожертвования желающих — на текущие расходы, как-то: на масло, свечи в церковь и т. п., составляют средним числом 1 ен в месяц.

Кроме этих постоянных родов пожертвований с христиан, на нужды особенные, напр., на поправку крыши, окраску комнат, татами, собираются пожертвования особо, по представлении нужды. Так, в последнее время — на ремонт церкви и дома внут-ри собрано и издержано 13 ен. (Церковь и дом, действительно — везде чисты и заново.)

<...> В окрестности Мориока:

1. В Нагаяма, 4 ри от Мориока; домов 400 [?], 3 христианские дома, 8 чел. христиан. Там прежде некоторое время Павел Эсаси- ка пропове довал; затем 1 христ. дом из Мориока перешел туда.

2. В Ямагата, небольшой деревне, 1 /2 ри, 3 христианина, родные Петра Савано; но из них только 1 приходит сюда в церковь.

Католики в Мориока проповедуют уже 14 лет, и у них, говорят, 300 христиан; но в церковь ходят чел. 60-70; прочие, по- видимому, охладели. У них здесь два приюта; для мальчиков и девочек, в каждом детей по 30. Воспитатели(-ницы) — японцы. Кроме того, есть школа шитья, где обучаются девочек 8. Постоянно здесь живет один французский миссионер, под предлогом преподавания законовещения. Недавно был здесь Епископ ихний. Есть 1 катехиз. из японцев; но не слышно, чтобы было где- либо место проповеди, за исключением времени Богослужения. Для Богослужения построена церковь.

Протестанты здесь, кажется, баптисты, — м. б. Пота; но у него говорят, и нет никого, кроме наших отщепенцев, о которых выше говорено. Часто бывают здесь их книгоноши и случайно проповедуют.

В 6 часов начата была Всенощная, после — проповедь; за нею тут же в церкви испытание желающих завтра креститься. 3 ученика приготовлены хорошо, 4 другие желающие — очень плохо, 2 из них даже совсем не открыли рта. Я устранил их от крещения; но за одного старика (45 лет) катехизаторы очень стали просить, и он, видимо, так хочет поскорей омыться[?] от грехов, притом же он и отвечал кое-что из вероучения, а в церковь, говорят катехизаторы, давно уже постоянно ходит, так что я не мог отвергнуть их общей просьбы и сказал, что завтра преподам крещение и ему, если катехизаторы ручаются за благонадежность желающего и за то, что он после восполнит недостающее ему знание. Они поручились.

О. Иоанн Сакай (или собственно Кавамата), вернувшись 23 января из Хацинохе, с 24 числа начал свой сорокадневный пост. Не ел ничего, а пил воду, в день небольших чайника два выпивал. 4 недели, по обыкновению, служил по воскресеньям Литургию, пятую неделю — на службе всю диаконскую часть велел говорить Нараяма, а сам от слабости не мог, говорил только возгласы. Катехизаторы сначала убеждали его есть, но он — «пусть будет воля Божия»! Кончил пост 4 марта утром, приобщился запасными Св. Дарами и совершил благодарственную молитву за благополучное окончание своего подвига. Потом угощал катехизаторов вином и просил их радоваться вместе с ним окончанию его поста. В этот день ел: каю (2 чашки), 7 бейю (2 хай), молоко (1), яйца (2), каю (1 зон) и яваракай меси. Еще — вечером — угощая кого-то, выпил и сам чашку вина. Быть может, это обильное принятие после поста произвело такой роковой переворот в его организме. Ночью увидели его с искаженным лицом и в беспамятстве от страшных желудочных болей. В желудке были страшные судороги, а он в беспамятстве твердил: «сатана сиризоке», или делал бессознательные движения. До 8 числа не говорили доктору, боясь огласки и скандала для Церкви, а о. Иоанн не приходил в сознание;

раздевшись донага, сидел скорчившись и делал разные движения, напр., поминутно брал чашку — пустую и воображал, что пьет из нее; выпивши, ставил, потом сейчас же опять пил; если перед ним ставили воду, то он и в самом деле пил, и так много, что должны были устранять воду; ел также бессознательно все, что давали. А раз забрался в церковь, опрокинул престол, так что с него все упало, антиминс, запасные Дары и проч.; затем стал утверждать, что Бог ему велел съесть антиминс; и действительно — отправил в рот губку и стал жевать ее, уже силой вытащили ее (я нашел три клочка губки в антиминсе, по этой-то, значит, причине). 8 числа позвали доктора, но он отказался понять болезнь и стал лишь наблюдать, пригласив и другого, оба лучшие доктора в городе; по их единогласному определению, кроме чрезмерного физич. истощения они не находят в организме других причин болезни. Между тем о. Иоанн все эти дни не спал. Доктора дали ему морфия, не действует; удвоили прием, тогда он заснул несколько, и тотчас же сделалось ему лучше, стал сознательней говорить; дали еще — тогда он проснулся уже в сознании. Но глаза, после морфия, очень потускнели. 12-го числа прибыла из Хакодате его жена Елена, извещенная телеграммой о болезни о. Иоанна, и стала ухаживать за ним. О. Иоанн, пришедши в сознание, был тих, рассказывал какие-то странные сны (видно было, что еще не вполне освобожден от прилива крови к голове) и постепенно слабел. По рассказу Елены (в Тоокёо — мне, когда она туда вернулась), 14-го утром он велел умыться себя, сказав, где мыло для этого, помолился потом, а в 12 часов 3 минуты скончался.

17 (марта) прибыл о. Матфей Кангета для погребения его. 18-го его похоронили на кладбище за городом. Христиан было на погребении 156 чел. На погребение они собрали между собою и издержали 35 ен.

Теперь собирают на памятник: 10 ен прислали христиане Яма- да, 3 ен — Камаиси. Я дал сегодня 25 ен, но с условием, чтобы тотчас же заказан был камень, иначе протянут и забудут, и могила зарастет травой; кстати же кладбище, хоть княжеское — князя Намбу и дворянское — его сизоку, но страшно запущенное. Видно, что Синто — не очень в моде в Мориока.

Отслужили панихиду на могиле о. Иоанна.<...> Во время поста своего о. Иоанн, пока мог, все писал свои записки или читал. Записок он здесь оставил 6 книг, которые мне передали, а я возьму в Тоокёо для хранения при Миссии и напечатания — если что годно для напечатания. Но много книг своих записок он пожег или бросил в воду.

Тут же на кладбище, осмотрели снаружи новый храм в честь предков князя Намбу, построенный князем недавно. Это, кажется, последняя любезность настоящего и грядущих поколений отжившему феодализму и вместе синтоизму. И то в иных местах эта любезность остается недосказанною, а замершею — как неудачное чихание, как в Вакуя, напр.

Взошли на холм — по каменной лестнице ступеней 60 — посмотреть могилы князей Намбу и вместе вид сверху. Надгробные памятники — из беловатого гранита — с каменными же оградами для самих князей, и без оград — для их супруг и детей. Для каждого князя, его жены и детей отдельная площадка, выровненная и обделанная (теперь, впрочем, все заросло травой и опустилось). Мориока — резиденция Намбуских князей — лет 200(?), — прежде того они жили и Санно-хе, и могил здесь множество, — так что всех невозможно было обходить. Впрочем, все — одинаковые, так как форма памятников — определенная сёгоном* сверху и соглашением с народом снизу, ибо расходы были — с народа.

<...> Кружась по городу, чтобы посетить 11 сицудзи, пришлось взглянуть на город — за городом еще виднеются развалины крепости Абено-сада [тоо], некогда хотевшего сделаться здесь самостоятельным. Хацимантаро разбил его. В городе — дворец князя Намбу — тоже в развалинах; остатки роци показывают место, где наслаждался своим положением довольно сильный вассал (20 ман коку). В окрестности дворца были большие дома его главных кераев; и здесь теперь — новая жизнь: отличная кенчё, великолепное среднее училище (циугакко), дальше — большая фабрика шелковых ниток, и тут же заведение для воспитания червей, образцовая ферма, дом губернатора.

Бордюром города, собственно торговой и ремесленной части, служат улицы сизоку и доосинов (бывших, — теперь хеймин). Сизоку почти все имели земли и сами строили себе дома по своему вкусу, хоть и определенной формы; дома эти — так же как в Сендае — в садах; некоторые только сизоку не были землевладельцы, а прямо получали содержание рисом (курамае были). Для доосин — всех — выстроены были дома от князя — одних и тех же размеров и форм, с некоторым различием — починам среди их; при домах — небольшие огороды, и затем для своего содержания доосин'ы получали — фуци рисом. Оттого их улицы теперь — в струнку длинные-предлинные тянутся рядом одинаковых домиков. Это — настоящие военные поселения. Назывались доосины еще — матакациу*, так как подчинены были кациу — сизоку, ходили пред ними с копьями и проч.

<...> Судя по сицудзи, народ здесь небогатый и немножко бесцветный. Один же из сицудзи, Иоанн Мук подал в отставку след. способом: сошел с ума, не был устережен, утонул — дней 15 тому назад, и 3-го дня был найден — изгнивший на дереве. Вчера похоронили его. За Литургией он был помянут за упокой; сегодня же в доме его отслужили по нем панихиду; семейство, видимо, в печали немалой. Пред образом горят свечи, курится много благовонных палочек и стоит чашка с водой, как жертвоприношение; последнюю я велел убрать. <.,>

4 (16) июня 1881. Четверг. В Хацинохе

Утром отправились на лошадях; впервой пришлось сесть на японское простонародное и вместе грузовое седло; едва взобрался, чуть не упавши при первой попытке. Сидеть так широко, что мило проехавши, как некоторую отраду и успокоение употребил путешествие пешком, после которого, однако, пришлось сесть опять, хоть погонщик сделал несколько удобнее, пристроив веревочные петли под каблук сапогов. К счастью, погонщик попался веселый и умный. На расспросы отвечал дельно; так, благодаря ему я знаю, что с этих мест лаку привозится в Хацинохе до 1000 верховых грузов; на 100 тыс. ен, — так как на лошадь нагружается лаку на 100 ен (не врет ли?). Лаковое дерево воспитывают лет 15, пока начинают получать с него лак; с хорошего дерева собирают лаку 2 1/2 ен. Но если не надрезать дерево и не выпускать лаку, то дерево гибнет скоро само собою. Погонщик объяснил: «как женщина до 20 лет, если не замужем, теряет цвет лица, так и дерево, — тот же закон». Много деревьев, впрочем, губится без толку. Закупщики лака приходят из Эцинго и откупают деревья совсем, тогда они надрезают кору со всех сторон и выпускают весь сок, но зато дерево засыхает, таких множество виднеется везде, — про зверей погонщик рассказывал, что в этих местах, особенно около Кудзи, много волков, что они портят скот и даже нападают на людей, но что волк никогда не нападет, если человек тащит за собой конец веревки: «зверь боится, что человек свяжет его», — объяснил он; что 4 года тому назад правительством назначено 8 ен премии за каждого убитого волка и путевые расходы в город и обратно для заявления шкуры, каковая премия аккуратно и выплачивается всякому; что много также в этих местах кабанов, но на них делают облавы сами крестьяне, по окончании жатвы осенью, что неподалеку есть места, где много и обезьян, что обезьяна, увидевши человека с ружьем, вабисуру, но что ее все-таки убивают для употребления в пищу. Когда не болтал погонщик, то пел звучным речитативом множество песен.

На всем протяжении от Фукуока до Хацинохе путника не оставляет река Мабуци, сначала небольшая, потом от приема в себя встречных потоков увеличивающаяся, у Хацинохе, до 100 кен ширины. Недалеко от Фукуока в этой реке по обсохшему дну находят множество камней с вкрапленными в них окаменелыми морскими раковинами. Этими камнями, между прочим, торгует Фукуока. Особенность этих мест еще, что для удобрения рисовых полей во множестве употребляют зеленый лист — дубовый и всякий другой, целые груды листа зеленого, как сорван, навалены везде в рисовые болота. Для размягчения земли на рисовых полях употребляют лошадей, кружат их на одном месте, пока земляные комки обратятся в тесто. Вся лента ложбины между гор превосходно возделана. Везде, где только можно провести воду, рис, где нельзя — пшеница и ячмень. Из пшеничной муки

крестьяне пекут лепешки — вкусом хоть куда: только — не кислые и не поднявшиеся, а соленые. Мой погонщик, угощаясь сам, угостил и меня, и я нашел, что можно бы довольствоваться таким хлебом и на обед.

В 1 ри 30 чё от Фукуока — деревня Киндаица, домов 200. А не доезжая до Саннохе 1 ри 12 чё — граница губерний Аомори и Иваде. И сейчас же весьма крутой подъем на Минога сака. На вершине, с канготатеба* — место остановки носилок, превосходнейший вид вниз на возделанную долину с деревнями Каемазава, через которую путь лежал и Оке-но ситазаки, правее от дороги. Заворачивающаяся здесь вправо Мабуци дает полную форму полукруга, радиусы которого составляют межи. Все в совокупности, с далеко внизу плавающим в воздухе ястребом, при прелестной сегодня, чисто летней погоде составляет очаровательный вид.

Саннохе растянулся по дороге длиннейшею линиею. Вправе — почти отвесный холм, на котором стояла крепость Намбуского князя, до его перехода отсюда в Мориока. В Саннохе домов 750. Земледельцы и торговцы; есть 130 домов бывших сизоку и 30 д. соцу, но они перечислены в хеймин. Как все намбуские сизоку, кроме Мориока, уволены были, то князь не мог взять их с собою в Сиромае, когда за войну против Импер. лишен был Намбуск. княжества и переведен туда. После «иссин» сизоку, взятые из Мориока, вернулись домой. Всех крещено в Саннохе: 86 чел. — из них собственно жителей Саннохе 79.

Но из этого числа: 9 выселились в другие места и теперь не считаются здесь, 8 умерло; остается налицо 62 человека, в 15 до-мах. Но 36 христиан не приходят в церковь; из них 3, в двух домах, даже поставили идолов; прочие не бросили христианство, а только охладели.

Сицудзи 2: Иоанн Мацуо (старший брат Евгения Таира) и Ила-рион Сато (отец бывшего в Катехиз. школе Никиты). Проповеди теперь нет, так как катехизатора нет; но Богослужение — каждую субботу, в 6 часов, и воскресенье, в 10 часов, отправляется. Собираются христиан обыкновенно больше 10 чел.; и Никита Сато или кто-нибудь другой читает молитвы; что нужно петь — поют; певчих 4 человека, и поют стройно. После службы Никита Сато рассказывает житие Святого.

Начал в Саннохе проповедь Спиридон Оосима, присланный из Хакодате лет 10 тому назад, много поревновавший для этой Церкви, теперь умерший. Петр Кавамура от него слушал учение. Теперь из его слушателей остался один — Никифор Конда. Восставшее тогда на христианство гонение разогнало его слушателей. Тогда, между прочим, у Спир. Оосима украдена была икона, после, однако, возвращенная; тихонько подброшена была в дом Петра Кавамура; возвращена в совершенной целости; вор, говорят, поверил Спиридоиу, хваставшему, что икона стоит 300 ен; но убедившись, что серебряный оклад небольшой иконы вовсе не так ценен, не захотел бросить или испортить икону, а добросовестно возвратил ее по принадлежности. Эта икона до сих пор украшает молельную. Я ее видел. Молельная — в квартире семейства катехиз. Петра Бан, который сам родом из Хацинохе, но будучи в прошлом и запрошлом годах здесь на проповеди, переселил сюда и свое семейство — жену и дитя; квартира в очень приличном доме, платится за который 3 ен в год — собственно на расходы по молельной — на свечи и масло; житье же — даром, для компании владельцам дома христианам — старухе с ребенком.

После Оосима, лет 8-9 тому назад, был здесь с проповедью Павел Савабе. Тогда окончательно научен Кавамура, обращены семейства Илариона Сато, Мацуо и большая часть нынешних христиан. В то же время в Фукуока был на проповеди Иоанн Са-кай, и они иногда менялись. После были здесь катехизаторы: Павел Окамура, Алексей Хиватаси, Яков Такая 3 месяца, болезнь брата вызвала его в Сендай, — Стефан Эсасика года два, Петр Сато (из Хацинохе) 2 месяца, и Петр Бан — 2 года. Эсасика и Бан выходили отсюда и в окрестности. С весны 1880 года здесь никого не было. Прошлогодним Собором также никто не назначен, а предоставлено озаботиться проповедью в Санцохе о. Иоанну Сакаю.

Церковный приход: христиане каждое воскресенье с дома жертвуют по 1 сен; каждое воскресенье сицудзи собирают это пожертвование; теперь накопилось 15 ен. Главное занятие жителей Саннохе — земледелие и разведение шелкович. червя, поз-тому в 6 месяце — совершенно не время для проповеди. Родом из Саннохе катехизатор Стефан Эсасика, из бывших сизоку. Впрочем, отец его уже 7 лет как переселился в деревню Аинай-мура, в 2 ри от Саннохе на пути в Хацинохе. В семействе у них все христиане: отец и мать, жена, мальчик-приемыш лет 3-х (сын Иоанна Оомори из Кеманай) и тетка; всего 5 душ, сам Стефан Эсасика — 6-й. Отец имеет в деревне землю, которую и обрабатывает. В городе Саннохе еще есть дом их.

Из Саннохе же родом — Поликарп Исии, бывший в певческой школе (и теперь обучающий пению в Хацинохе). Отсюда же — ся своими, то варадзи пришлось неудобно для ног и ноги немало потерпели от этого.

От Секи до Оою — по ту сторону Райманзан 6 ри; от места ночлега Яманака до Оою 3 ри. Перевалили без труда, тем более что здесь несравненно больше спуска, чем подъема. Оою — деревня в 160 дом., в том числе прежн. сизоку дом. 40. Христиан здесь 3. Крещены о. Иоанном Сакай; учение же слушали 2 — от Стефана Эсасика, 1 — от Якова Саваде, теперешнего тамошнего катехизатора. Оглашенных: 12 чел. Все они дети, за исключением одного, которому 18 лет. Учил их и в марте огласил Яков Саваде. Саваде по временам приходит сюда и живет дней 10, в доме Петра Сан- га, в котором и я минут на 15 был, чтобы расспросить о состоянии места. Расспрашивал же у молодого христианина Тимофея Циба (23 лет), которого с другим юношей встретил еще у подножия горы, шедших при лошади, нанятой для меня Петром Ван и посланной в Яманака — к сожалению, поздно.

В доме же Петра Санга собираются, когда Яков Саваде бывает здесь, и для молитвы — по субботам и воскресеньям; иногда, впрочем, совсем не собираются. Раза два-три собирались для молитвы на горе. Тимофей Циба выдумал это; говорит — «свободней молиться».

Из больших в Оою никто не слушает учение, хотя отзываются о нем хорошо, почему и не мешают детям своим слушать. Теперь новых слушателей нет совсем.

Домов, куда вошло христианское учение чрез христиан и оглашенных: 13.

К Церкви в Оою принадлежит рудник Фуругура. Христиан там 2, оглашенных 5 — прежних, потом еще оглашено 12-13 чел.

Учение вошло туда чрез Павла Таира, когда он жил там; он же и учил, а Стефан Эсасика после только огласил наученных. От Оою рудник 3 ри. Верующие имеют сношения с Як. Саваде.

Все означенное здесь я узнал от Тимофея Циба и мальчиков — оглашенных, которые были здесь. О Саваде узнал, с сожалением, что он уже ушел в Тоокёо на Собор. Так рано оставлять свой пост — значит небрежно относиться к своему служению; не говорю уже о том, что он д. б. дождаться меня, чтобы показать мне свою Церковь и свой труд.

<...> Проходили (пешком, в варадзи, за невозможностью достать лошадей, по теперешнему горячему рабочему времени; хорошо еще, что от Оою до Кеманай пришлось проехать на нанятой нчера Баном лошади) прелестнейшую долину, всю возделанную под рис; рис почти весь посажен, и поля зеленеют свежеею зеленью; кое-где еще лошади утаптывают навоз или люди равняют болото, или ряд крестьян и крестьянок дружно работают над засадкой зелени. Крестьяне, однако, здесь живут совсем не так, как следовало бы ожидать при виде роскошных полей. Зашли в один дом, чтобы осмотреть жернова, которыми из моми делают рис, отделяя шелуху зерна; старик вьет соломенные веревки, старуха копается у котла, — дощатая настилка, покрытая грубыми мусиро, вместо циновок, которых и признака нет. Все грязно, грубо, в высшей степени непривлекательно; и при всем том дом не выглядывал особенно бедным; что же сказать о небольших лачужках-мазанках, которых множество виднеется, когда едешь внутри страны и не по большой дороге! Чистенький японский домик с циновками — далеко не общая характеристика японской жизни, нет.

Ханава, город, в котором домов 1000, в том числе бывших байсин и сизоку 100 домов. Христ. домов 5 (т. е. домов, имеющих быть христианскими); христиан еще нет; оглашенных 5 чел., из них двое хозяева домов, трое старшие сыновья в домах; все, впрочем, слишком молодые люди. Священника не было еще, чтобы преподавать крещение.

Учение в Ханава очень не любили и клеветали на христиан; но теперь по крайней мере клеветы прекратились, нет гонения, и есть надежда, что вперед проповедь пойдет успешнее. Между тем, однако, и до сих пор денкёся на квартиру не пускают; поэтому он принужден жить в хатагоя*, занимая комнату. Сюда к нему приходят слушать учение. Гостиница, в которой он живет, не особенно в моде, поэтому ему не тесно, да и не очень дорого: квартира 2 комнаты и стол все вместе в месяц стоит: 6 ен (пища же в месяц в собственной отдельно нанятой квартире стоила бы 4-5 ен.)

К Ханава принадлежит медный рудник: Осаризава-доозан, 1 ри от Ханава, с 300 домов — служащих, или рудокопов (коофу). Христиан там 4, — один из них старший брат Якова Саваде — I Гетр; оглашенных 3. Они хотели ввести христианство в Осари-зава и собирали слушателей, а Петр Бан приходя производил катехизации; но весной управляющий рудником (сахайнин), из сизоку Мориока родом, воздвиг гонение, и все 5 человек христиан и оглашенных, состоявших на службе при руднике, лишены мест; человек 20 слушателей, собиравшихся слушать проповедь, уstraшенные, перестали собираться, и Петру Бану пришлось [прекратить] свои посещения Осаризава. Впрочем, христиане и оглашенные, потерявшие места из-за своей ревности, нисколько не ослабели в вере, а напротив, окрепли. Рудник Осаризава разрабатывается уже лет 600. До последнего времени принадлежал Намбускому князю; но за войну против Императора отнят, во время гоиссин. Некоторое время правительство разрабатывало его, но вскоре, однако, передало его компании Коогёо-квайся'А', которой он и принадлежит в настоящее время. Рудокопов больше 1000 человек, все из древности, из рода в род там живущие и работающие, причем — все заняты обыкновенно и женщины и дети — свойственными всем делами по руднику. Все зависят вполне от компании, потому что все там или служащие по руднику, или коофу, и 3-х домов нет самостоятельных; не даст компания работы, и человек, оставаясь там, должен с голоду помереть; поэтому-то гонение на христианство от компании так страшно.

Добывается в Осаризава, кроме меди, еще золото, и последнее в таком количестве, что его совершенно достаточно на все расходы по руднику, так что медь — чистый барыш компании. Для постановки паровых машин на руднике приглашаем был иностранец; обыкновенно же все служащие и управляющие — японцы. <...>

7 (19) июня 1881. Воскресенье. В Иппонги

Целый день сегодня пришлось идти пешком, лошадей трудно добыть, так как на полях спешные работы; едва можно застать носильщика для вещей. От Юзе до Анигава, 2 ри прошедши, давал носильщику 1 1/2 ены, чтобы шел с нами дальше, и то не согласился, — говорит — «дома нужно работать» (впрочем, не согласился, как видно было, больше по глупости и неумению сообразить вдруг, как для него выгодно было бы идти, после — по роже видно было, что, раздумавши, сильно жалеет).

От Анигава до Хосоно, 4 ри, лес. Здесь — баба не дала ни коней, ни человека; последний едва нашелся потом; баба едва смилостивилась дать нам по чашке вареного проса, иначе хоть с голоду помирай. От Хосоно до Мацуо — 3 ри (?) — едва добрел, ноги поистерты. Здесь спасибо дали лошадей до Иппонги, куда прибыли в сумерки и где заночевали. Лечил ноги теплой ванной, распухли страсть, почти не могу ходить.

8 (20) июня 1881. Понедельник. В Кавауци

До Мориока от Иппонги — 4 ри — нашлись тележки. Приехали часов в 8. Катехизаторы, по-

видимому, спали еще и только что были предупреждены и разбужены (да и что же делать больше?). Здесь же нашел Якова Саваде, который говорит, что он отправился на Собор и никак не ожидал, чтобы я посетил его Церковь, иначе он дождался бы меня.

Куплены были сапоги, наняты тележки до Мияко за 30 ен, 5 человек, трое для моей тележки, двое для Эсасика, и почти в 11 часов мы снова тронулись в путь. Собрание мориокских сицудзи и христиан обещало что-то решить до моего приезда, кажется насчет выбора проповедников и священника для Мориока, но ничего не решило.

От Мориока до Мияко 25 ри; условия, чтобы быть там не позже 2-х часов завтра, иначе 4 ен вычета. Дорога везде до того хорошая, что можно не выходя из тележки пробраться. Только один горный перевал большой очень (вершина в 6 ри, кажется, от Мориока), но и он до того отлог, что можно в тележке взехать до вершины. Местах в пяти пришлось по всей дороге выйти из тележки, чтобы люди перенесли ее через вымоину или камень, но и это больше потому, что теперешними дождями дорогу очень испортило.

Ночлег в Кавауци, небольшой разбросанной деревеньке среди гор, был неудобен тем, что пришлось быть через перегородку от ямщиков, которые страшно гомонили и не давали покою. Кавауци в 12 ри от Мориока. Дорога идет почти все время по берегу ручья; слоистое строение здешних скал, размываемых дождями, дает множество обломков для дороги и выкладки окраин обрывов.

9 (21) июня 1881. Вторник. В Ямада

В Мияко прибыли до 2-х часов, хотя непогодь много мешала удобству пути. Дорого взяли дзинрикия, зато хорошо везли. Мияко — небольшой город на берегу моря; рейд хороший; но судна ни одного на нем не видно, изолированное положение города и трудность сообщения с внутренними местами, доставляющими предметы торговли, делают рейд малополезным. Город, говорят, не отличается хорошими нравами, все исключительно заняты добыванием денег; оттого проповедь здесь трудно водворима; до сих [пор], по крайней мере, здесь нет христиан. Нашедши лошадей, тотчас же отправились дальше. Холодно нестерпимо было от моря. В 2 ри от Мияко в деревне Капебама-мура побыли у Якова Урано, здесь докторствующего; жена и 5 чел. детей. Опустился; о христианстве своем чуть ли не забыл совсем; на иконе св. Апостола Иакова наклеен у него и портрет императора и императрицы. Сам, кажется, поглупел, едва можно добиться ответа на самый простой вопрос. Долго-долго стоял на берегу моря и смотрел вслед нам, когда мы уезжали, не шевельнулись ли воспоминания о прежних лучших годах?

В Ямада приехали, когда уже совсем темно было. Впрочем, ожидавшие христиане встретили далеко до города с фонарями. <...> Остановившись в доме Ноя, содержателя хатагоя, и переодевшись, отправились в квайдо, небольшой дом на берегу моря; во втором этаже полно было христиан; отслужили вечерню, потом проповедь. За нею разговор и расспросы о состоянии Церкви. В 1-м часу вернулись в гостиницу; кейтеи тоже было расселись глазеть и слушать, но я, усталый донельзя, без церемонии заявил, что спать пора.

10 (22) июня 1881. Среда. В Камаиси

Утром, полюбовавшись рейдом из окон катехизаторской комнаты, — для чего, по просьбе христиан, следовало сходить в нее, отправились дальше. Рейд, действительно, превосходный, со всех сторон закрытый горами, исключая узкого входа, но тоже, как и в Мияко, совершенно без судов, — одни рыбацьи лодки смотрятся в него с берегу. Трудность сообщения Ямада с внутренностью страны делает рейд бесполезным.

От Мияко до Ямада было 5 ри, дорога немного гористая; моря не видать было после Мияко до

самого Ямада.

От Ямада до Ооцуцу также 5 ри; дорога очень гористая, но не узкая, не грязная, кое-где только немного каменистая, вообще для езды верхом удобная; все время в виду моря, около заливов, при одном из которых и Ооцуцу стоит. Но дороге из Ямада, в 1 ри от него, при заливе деревня Сонохана-мура, в которой 2 христианина, принявших крещение в Хакодате; один из них лежит больной, другой — плотничает на стороне.

Между Ямада и Ооцуцу в нескольких местах производится выпаривание соли из морской воды. В один из шалашей мы входили посмотреть: огромнейшая глубокая железная сковорода, дно которой, чтобы не упасть, поддерживается привешенными с потолка деревянными крючьями; под нею разведенный огонь; сжегся хворост, которого груды навезены около шалашей; в сковороде — наверху — белая накипь, которою отделяются вещества, чуждые соли. Соль осаждается внизу. Выпаривается сковорода воды в сутки; мы видели в мешках полученную отличную соль.

По дороге встречались группы разряженных богомолок, плетутся куда-то около Ямада — к идолу, кажется — Дзидоо, покровительствующему жатве. Это после посадки риса — молиться, чтобы был урожай; а главное — чтобы прогуляться, должно быть. Но замечательна вообще эта повсеместная потребность народа в богомольных хождениях. Ее нельзя не иметь в виду при водворении христианства между народом.

В 17 чё от Ооцуцу проехали мимо деревни Андо, в которой водворяется христианство.

Около полудня прибыли в Ооцуку и остановились на постоялом.

Ооцуку — город с 800 домов; жители торговцы, рыбаки, ре- меслен. и земледельцы; дворян нет. Христ. домов 25. Христиан 48 душ; оглашенных в Ооцуцу 17, в Андо 4, всего 21 чел. Новые слушатели есть как здесь, так и в селении Андо. Христианство здесь началось от Моисея Хасегава (Тосима, бывшего учителя о. Анатолия в Хакодате, теперь — где находящегося, к сожалению, неизвестно). Он, будучи здесь учителем в школе, стал говорить о вере, и когда возбудил любопытство, и у него стали расспрашивать подробней, отозвался неведением и попросил из Хакодате христ. книг, а из Мориока — проповедника. С ним же говорил о вере и возбуждал любопытство к дальнейшему изучению ее — Капитон Касивазаки (глухой), лакировщик, живший долго в Хакодате, крещенный там и поселившийся в Ооцуцу. Из Мориока, по требованию Тосима, прислали Луку Исикава; это было 4 года тому назад. Из нынешних христиан больше всего слушавших учение у Луки Исикава. Потом некоторые время был здесь Яков Конги.

<...> В суб. собираются 17-25 чел., в воскресенье приходят только дети, набирается чел. до 16 с домашними в квайдо. После службы в суб. Илья объясняет Евангелие, в воскресенье не бывает никакой проповеди.

Поют 5 чел. детей, — плохо, не имея никакого понятия о нотах, так что и здесь я советовал выбрать кого-нибудь и послать на некоторое время в Тоокёо, в певческую.

При Павле Эсасика христиане здесь были очень одушевлены, и так как негде было молиться, то вздумали построить церковный дом; купили дерева с горы на 3 ен, ибо продавалось весьма дешево дерево, негодное для делания маса; между христианами свои же плотники, сами работали. Прочие христиане помогали — кто чем мог, и таким образом в продолжение 30 дней построен был нынешний церк. дом; обошелся он всего в 40 ен. В два этажа. Внизу помещается катехизатор, и в отдельной комнате семейство квайдомори, которым — вышеозначенный лакировщик Капитон; семейство же его состоит из жены и 5 детей. В верхнем этаже — мастерская Капитона, туда и лестницы нет, или ее отняли, а Капитон спускался, как кошка. В помещении катехизатора собираются для слушания проповеди, а равно для молитвы. Здание вообще очень бедненькое; над ним развешается небольшой белый лоскут холста с черным крестом посередине. Кусок земли под храм одолжил один из церк. старшин Фома Синада. Помещается квайдо в неудобном месте, в стороне от большой улицы, за школой.

Церковного капиталу есть 40 ен. Христиане в прошлом году, при Минамото, сложились и составили его. Теперь отдают его на проценты — одному язычнику. Процента получается 1 ен в месяц, каковая сумма и употребляется на масло и свечи для церкви; недостающее на циновки, щиты и проч. раскладывается на христиан и вносится ими. Сицудзи 3. Один из них еще оглашенный (Иоанн Ито), и притом его и в городе нет, а находится он в Мориока, так как избран в народный совет.

<...> Гонений от язычества теперь нет. Когда остановились в хатагоя, Ст. Эсасика сходил за Ильею, который тотчас же и пришел; собрались и христиане. Отправились в церковь, где совершена была обедница и сказана проповедь — отчасти к язычникам, так как из школы пришли учителя, собралось и еще несколько язычников. Так как время проповеди затянулось, то Ст. Эсасика с лошадьми пришел к квайдо, и мы прямо отсюда отправились дальше в Камаиси: христиане проводили за город.

В 6 часов вечера прибыли в наход. 3 ри от Ооцуцу Камаиси. Дорога пролегает чрез Тооя-зака — очень высокий хребет, впрочем, для восхода до того удобный, что на лошади без труда можно взобраться; спуск еще удобнее. Были в облаках и выше облаков, которые тянулись по ущельям хребта, обдавая холодом всегда, когда находили на нас. Но какой чудный вид с вершины горы на стелющееся внизу облако; ровная и такая мягкая и легкая масса; так и ждешь, что кто-нибудь чудный и дивный являсь станет шествовать по этой небесной долине, и каков он был бы — тот, кто достоин был бы и мог бы здесь шествовать! И птица, когда летит, то кажется тяжелою и недостойною виться над этою поверхностью. Жаль, что холод мешал мечтать и наслаждаться чудным видом.

Камаиси стоит также при заливе, с рейдом, на котором виднелось одно судно иностранной конструкции, японское торговое.

В Камаиси домов 800, торговцы, рыбаки и рудокопы; дворян домов 10.

В 2 ри от города огромное заведение совершенно иностранной постройки, где плавится железо, добываемое из рудника близ Камаиси.

Для доставки руды с рудника в плавильню построена железная дорога, которая в другой конец тянется до рейда, где, по построенной пристани, подводит вагоны к самым судам, давая удобство т. о. нагрузки железа и выгрузки предметов, нужных на заводе или руднике.

Христ. домов в Камаиси больше 20. Христ. 48. Оглашенных 25. Еще есть новых слушателей 5-6. Но теперь в самом разгаре ловля сибя (иваси?)* и акацо (акауо? кацуо)*, поэтому слушателям некогда собираться на катехизации.

<...> Служба бывает каждую субботу и воскресенье. Собираются по субботам, когда свободное время, как с 12-го месяца до конца весны, человек 30, а осенью, когда купцам особенно недосуг, чел. 20. В воскресенье приходят всего 7-10 человек.

Есть 5-6 человек, которых в их домах язычники притесняют или которые в приемыши вышли к язычникам, такие приходят в церковь только в самые большие праздники, как в Пасху и Рождество, в прочее время не видны. Совсем бросивших учение или охладевших нет.

Для церкв. дома нанимают дом у язычника; внизу живет квайдо-мори с семейством (Лука Курада, еще только оглашенный). Во втором этаже живет проповедник и собираются для молитвы.

За год крещено 4. К крещению приготовлено 3 и дети христиан. (Отчего же не все оглашенные? Хороши, должно быть, оглашенные, когда сам катехизатор находит их не готовыми к крещению!)

Христиане больше из торговцев и отчасти рыбаки.

Сицудзи 3: Павел Мацумура, Петр Ивама и Яков Ивама. Избраны однажды. Собираются, когда дело.

Церковный доход состоит из пожертвований юуси (желающих), по собственному определению — сколько. Собирается обыкновенно 2 ен в месяц. Казначеем избран Петр Сиракава. Он за эти деньги

нанимает церков. дом; недостающее на церков. расходы, — на свечи, масло, уголь и проч. собирается с христиан особо.

По нравам Камаиси — место довольно распущенное. В доказательство этого Конги рассказывал, что он, часто бывая у Павла Мацумура (жена которого бывшая дзёоро), встречается у него со многими богатыми язычниками, которые все — слушая учение, находят его прекрасным, но принять его мешает им то, что у них наложницы или что любят разгульную жизнь.

Свидетельством распущенности нравов в Камаиси может служить и следующее: квайдо-мори поставлен оглашенный — Лука Курада; жена его из бывших дзёоро; оба они оглашенные. У Луки есть младший брат; у его жены от первого мужа дочь; и хочется очень Луке перевенчать своего брата на своей падчерице. Жена его не желает этого брака; брак этот даже и по японским гражданским законам непозволителен. О. Иоанн убеждал Луку оставить его намерение. Но все тщетно. Обручены молодые, еще будучи в язычестве; сделавшись христианами, они никак не могут бракосочетаться, если хотят остаться христианами. Но Лука упорно держится своего намерения. Я хотел говорить с ним; но ни его, ни младшего брата его в Камаиси в это время не было. Жена очень хочет креститься. Я наказывал ей чрез одного христианина, чтобы она, прежде чем будет крещена, показала, что уважает христ. закон, и решительно не позволила своей дочери вступить в незаконный брак, а отдала бы ее за другого. Хороши и христиане, которые такого человека, как Лука, держат в церковном доме, как квайдо-мори!

Прибывши в Камаиси, воспользовался остатком дня, чтобы осмотреть город. Несколько домов высматривают щеголевато; в одном из таких мы остановились — в хатагоя, прочее все -линия по обе стороны обычных японских зданий, захолустьем выглядывающих. По выходе из города — направо — как-то особенно приветливо выглядывают признаки европ. цивилизации — вдали виднеющиеся здания железоплавильного заведения и линия железной дороги.

<...> Когда стемнело, пошли в церк. дом, отслужили вечерню, после которой еще я крест давал целовать, как застучали трубки; тоже было и в Ооцуцу. Я без церемонии велел как там, так и здесь табакобоны удалить и внушил, что в месте молитвы и в месте проповеди курение трубки решительно не должно быть допустимо. Мацумура возразил, что это язычники; я сказал, что язычники, придя сюда, должны быть так же приличны, как и мы сами, а если не хотят, то могут не приходить. Сказал про-поведь. После нее стали говорить о нуждах здешней Церкви; советовал христианам послать кого-нибудь для изучения пения в Тоокёо, так как поют ужасно. Я должен был остановить всю многочисленную ораву дерущих зря глотку и оставить только двоих, которые хотя тоже зря пели, но не так раздрачительно выходило (и замечательно, что тетрадь нот почти в клочки изорвана).

11 (23) июня 1881. Четверг. В Сакари-мура

Все утро испортил мерзейшим впечатлением этот негодный сицудзи, Павел Мацумура. Опять стал приставать, что им нужно на церковные расходы, на масло, уголь и т. п. Я сказал, чтобы тратили — сколько могут; вместо трех ламп и нескольких свечей вчера в церкви могла все освещать одна лампа или свеча, угля вчера могло не быть совсем; он все-таки приставал, пока я, чтобы не вспылить и не выругать его — что ни к чему бы не послужило, — замолчал. Едва ли будет прок из этого человека; просто, кажется, ему хочется хоть откуда-нибудь, хоть какую-нибудь сумму заполучить <...> Господь его знает; но я почувствовал отвращение к этому человеку. Дай Бог, чтобы я ошибся.

Забыл вчера записать. Во время проповеди является Капитон — из Ооцуцу; после объясняет мне, что пришел поговорить со мной о деле, которое состоит в следующем: квайдо в Ооцуцу и тесен и неудобен; а продает один язычник дом за 300 ен, так не дам ли я эти 300 ен — церкви в Ооцуцу — чрез него, Капитона, а он ручается, что этот долг будет выплачен мне в 10 лет, по 30 ен в год. Но я ответил, что в долг не даю, помочь же рад чем могу; обещаю дать от себя 2/ю суммы, т. е. 60 ен; пусть христиане соберут от себя 8/ю.

Вид гор, когда утром выехали из Камаиси, рассеял тяжелое впечатление от Мацумура. Особенно красиво видеть зарождение облака, как тонкою свежеею струею тянется из залива в долину легкий пар, чтобы потом сгустившись стать сначала ватообразной массой, а затем свинцовой тучей.

Дорога от Камаиси до Кодзирабама (3 ри 17 чё) все горная. (Пренеприятно ехать с пустым желудком и недоспавши — на ужаснейшем седле, чрез горные перевалы!) Кодзирабама на берегу моря; нидел здесь, как срезали хрящи с костей акулы. Позавтракали рисом. От Кодзирабама, проехавши Тооно-мура, перевалили чрез Оокандай — огромный горный кряж; немного менее Тоозаки и пришли в Иосисама-мура, немного удаленную от моря; 2 ри от Кодзирабама. Отсюда, проехавши 4 ри 2 чё, прибыли в Сакари- мура, где и остановились ночевать, так как до следующей станции засветло никак нельзя было добраться. Всего за этот день проехали [1 нрзб.] 10 ри. Грузовая японская лошадь идет очень медленно, обыкновенно 1 ри в 1 час, тогда как пешком мы шли 1 1/2 ри в 1 час, а дзинрикия идут 2 ри в 1 час. Ночлег в Сакари был очень спокойный; кроме того, сходили здесь в ванну. Сакари — селение большое, должно быть, не меньше сотни домов. Следовало бы поставить проповедника и в этих местах.

12 (24) июня 1881. Пятница. В Оохара

Выехали в 5 1/2 часов утра. До Сакари тянется от моря узкий залив полосой — наподобие реки, верст 7 длиной.

Множество в этих местах фазанов, с разных сторон из чащи кричащих своим двукратным горловым, несколько хриплым, дискантом. Тетерев... курлычет из лесу, горлицы воркуют на высоких соснах, мелкой птахи, беспрестанно кричащей, бездна.

<...> Приехали в Оохара в 5 1/4 часов. <...> Оохара — город с 300 домов. Вокруг города рассеянного мура также около 300 до-мов. Христиан, домов в Оохара 19.

Христиан 22 чел. Кроме того, здесь крещены 2 чел., принадлежащие к Усугину-мура, 6 ри отсюда.

Учение началось здесь чрез Петра Сайки, который в первый раз, кажется, от Павла Окамура слышал о нем. Потом здесь проповедовали: Павел Окамура, Иов Мизуяма, Петр Обара и Варнава Имамура. О. Тимофей Хариу крестил здесь первых христиан, потом крестил о. Матфей Кангета.

Сицудзи и севанин здешней церкви один: Петр Сайки; он и учение объясняет, и общественную молитву в его же доме совершает. Служба бывает в субботу и воскресенье с сумерек, раньше по делам не могут собираться; приходят 7-8 человек. Службу читает Петр Сайки или Илья Накагава (юноша 19 лет, учитель местной школы, сын местного торговца, объяснявший мне излагаемое состояние церкви). После службы и проповедь бывает, — Сайки говорит. Петр Сайки здесь учителем в школе. Но он выбран в народный гиин, по какому случаю теперь находится в Мориока, где я его видел. В Оохара, как видно по всему, он очень уважаем.

Здесь, в Хигасияма, науку, как видно, действительно любят крестьяне и торговцы. В Оохара сизоку нет, а между тем здесь из одних христиан только 4 учителя в школе, и все местные люди, за исключением Иоанна Мацумото, тоже родом, однако, из ближней местности.

Пока Илья Накагава объяснял мне все вышеозначенное, пришли два полицейских: Ёсита Тенто, служивший прежде два года в Ямада и там от Нараяма изучивший христ. учение так хорошо, что может быть крещен, — чего он, по-видимому, не желает, родом он из Мидзусава; другой — Мацумото Сингоку, родом из Мориока. Полицейских всего трое на всю эту местность, и тем делать нечего, так народ ведет себя хорошо; только и есть дела, что по затруднениям в уплате долгов.

Все вместе отправились в дом Сайки, уже когда стемнело. Илья уверял, что соберутся христиане. Отправились, чтобы от-служить вечерню и сказать проповедь. То и другое сделали. Но за

исключением семейства Сайки и нас пришедших, [2 нрзб.] числе, почти никого не было. Народу действительно теперь некогда; и здесь, как везде, для земледельцев и разводителей шелков. червей вместе свободное время для слушания проповеди с 10 месяца, когда уберутся с полей до начала 3-го, когда поля начинают готовить под посев. Только нужно иметь в виду, что здесь, в Хигасияма, все производится дней на 20 раньше, чем в Мидзусава и вообще на той линии.

13 (25) июня 1881. Суббота. В Фудзисава

Выехали из Оохара утром в 6 часов, в сопровождении шедшего пешком учителя Согейской школы, одного молодого христианина, каждый день совершающего это путешествие к месту своей службы и обратно.

К церкви Оохара принадлежит селение Орикабе, 3 ри от Оохара, и 2 ри от Согей-мура. В Орикабе до 100 домов, все земледельцы. Домов 70 вместе, прочие разбросаны. 2 христианина, оба хозяева домов; учение слушали от Павла Окамура; иногда приходят в церковь в Оохара.

Дорогу в Орикабе мы оставили слева и проехали прямо в Согей-мура, 1 ри от Оохара.

Согей-мура — с 90 домами, разбросанными в ущельях и долинах среди холмов. В 3 чё от дороги в Окутама находится дом старика Авраама Яманоуци, сын которого, Яков Яманоуци, учился в Катехиз. школе и служил до последнего времени кате-хизатором; теперь же в военной службе — в Сендае (не теряет благочестия, что видно в письмах домой). Вместе с домом Авраама Яманоуци подряд почти стоят еще 7 домов; один из них тоже христианский. Старику Аврааму уже 67 лет; жена его старуха Анна; старший сын — Иов — болен ногой, так что едва может ходить; жена его Мария; всех в семье 7 человек христиан.

Здесь же, в доме Авраама, собирается для молитвы по субботам и воскресеньям; собираются, кроме домашних Яманоуци, человек 7-8. Всех же крещено в Согей 32-33 человека. Учение в Согей пришло из Окутама, от Павла Окамура. <...>

В Согей крестьяне также любят науку. Примеры — Яков Яманоуци, сын крестьянина; и ученики, поступающие отсюда в другие школы; так, один ученик-христианин теперь в Сендае, в китайской школе, и там прилежно также ходит в церковь.

В полчаса побывши в доме Авраама Яманоуци, кстати сказать, большом и, по-видимому, из богатых в селении, — отправились дальше в Окутама. Старик Авраам и учитель, приезжавший из Оохара, проводили по проселочным тропинкам до дороги в Окутама, до которого от Согей-мура 1 ри 8 чё. <...>

Домов в Окутама 450. Земледельцы, за исключением вышеозначенного небольшого города, где земледельцы и вместе торговцы. Христиан, домов 16.

Христиан больше 60. Из них только в доме Авраама Кон 12. Все христиане налицо в Окутама. Кроме того, здесь принимали крещение люди из других мест: 2 из Орикабе, 2 из Теразава, так что всех крещенных в Окутама 70 человек.

Вошло в Окутама учение следующим образом. Петр Сато (сын Авраама Кон, вышедший приемшем в дом Сато в Магоме, — бывший в Катехиз. школе и теперь состоящий катехизатором) пять лет тому назад, будучи в Сендае, слушал здесь учение от католиков, уверовал во Христа, получил крест, но не сделался еще католиком. Вслед за тем ему случилось быть в Сендайской же провинции в тоодзиба* (на водах, по поводу болезни его приемной матери); как раз в это же время был здесь для поправления здоровья Иоанн Сакай; последний увидел у Сато крест; а Сато заметил в Сакае тоже не совсем обыкнов. человека. Познакомились, и Сато там же принял от Сакае оглашение. Возвратившись с вод, Петр Сато отправился в Санума для подробнейшего изучения христианства, прожил здесь 50 дней и там же был крещен о. Анатолием. Так как у него возгорелось желание ввести христианство в

родной свой дом, то он написал к отцу — нынешнему Аврааму — письмо, прося у него на время помещение для себя или, если сам не придет, для Тимофея Хариу. Хариу действительно пришел в Окутама, был принят отцом Сато, стал проповедовать здесь и обратил Авраама и весь дом его в христианство.

В то время, когда здесь был Тимофей Хариу, прислан был также для этих мест Павел Окамура; он учил в Согей и Оохара. Хариу же из Окутама ходил в город Кесеннума — домов 1000 (нравы развращенные и буддизм силен) на берегу моря, в 6 ри от Окутама, а там тоже плод его проповеди был, именно: 8 человек, слушавших учение от Хариу и от после его бывшего там Окамура, приняли оглашение; но так как после того не было в Кесеннума проповедника, то и неизвестно, что там эти оглашен-ные делают; впрочем, после еще оттуда один был в Окутама, чтобы принять оглашение. Там же Иоанн Ендо (доктором родом из Иокояма и крещенный в Иокояма. Итак, нужно и в Кесеннума послать кого-нибудь).

Хариу был в Окутама в промежутки между двукратным путешествием в Россию для приятия Священства.

При Хариу же пришел в Окутама о. Павел Савабе и преподавал крещение — первым крестившимся здесь — старику Кон — нынешнему Аврааму и всему его дому, как-то: старшему сыну Давиду, младшему — Иоанну (бывшему в Катехиз. школе), матери их и проч.

Вместе с о. Павлом прибыл сюда проповедником Павел Сано, — так как Тимофею Хариу нужно было отправиться отсюда. Потом, в запрошлом году, был здесь проповедником Петр Обара: в прошлом году — Варнава Имамура, присланный вновь сюда в последнее время о. Матфеем. (В последнее время он был в этих местах всего 48 дней до своего отправления нынешним утром на Собор в Тоокёо. Я не застал его несколькими часами; прислан был сюда о. Матфеем, по настоятельной просьбе Авраама Кон дать проповедника для этих мест.) В Окутама Варнава имел проповедь только по субботам и воскресеньям после Богослужения. Кроме того, будучи в Окутама, объяснял вероучение Малахии Кванно, здешнему уроженцу, и Петру Кумагай, из Орикабе, крещенному в Хараномаци, в Сендае — готовящимся в Катехиз. школу. Затем, каждую неделю Варнава обходил Орикабе, Мацукава и др. места.

В Окутама новых слушателей нет; но Авраам уверяет, что спустя немного, должно быть с досугом, опять будут новые слушатели.

В Орикабе новых слушателей было 5-6, но теперь за недосугом от ёосан и ноодзи и они перестали слушать. Авраам между прочим хвалит прилежание Варнавы, — дай Бог, чтобы похвала была совершенно справедлива! О. Матфей иначе отзывается. Богослужение в субботу и воскресенье всегда бывает. В субботу с сумерек, в воскресенье между 10 и 12 часами. Собираются теперь человек 10-12, ибо недосужно, а обыкновенно приходят человек 20 (из 60 христиан — весьма мало!). В субботу собираются больше, чем в воскресенье. После Богослужения Варнава объясняет Апостол или Евангелие.

Поют 3: Иоанн Кон и 2 девочки, учившиеся пению от Василия Такеда. Девочки поют хорошо. Кон же до того дурно, что во время Богослужения я должен был попросить его перестать петь и удовольствоваться одним чтением; читает же он хорошо. Скоро у них пение будет в более исправном виде, когда вернется из певческой школы Андрей Абе, родом из этой деревни, племянник и воспитанник Авраама Кон, им же и посланный учиться пению.

Церковь в доме Авраама Кон: комната разделена надвое, чтобы отделить алтарь, в который ведут царские врата и северные и южные двери, — первые с зеленым[?] вырезным[?] крестом, довольно оригинальным, вторые с черными крестами; икон на иконостасе, цар. вратах и дверях нет; в алтаре — престол и жертвенник; аналои и столики все есть. Иконы: за престолом — большая — моление в Гефсим. саду, литография, и 2 — небольших комнатных — в алтаре же; больше в церкви — никаких

икон; на престоле деревянный безобразный трехсвещник. Иконостасную перегородку (весьма неуклюжую, делающую вход в алтарь похожим на вход в кладовую), потолок в церк. комнате, кресты везде, в том числе на немалом числе фонарей, висящих здесь же в церкви, — делали все своими руками Петр Сато и Авраам Кон.

Церковь снабжена из Миссии полным прибором утвари для совершения Литургии, медным позолоченным; нет ковшичка; нет также кадила. Снабжена также священническим облачением (старым), но подризника недостает.

Обещано прислать: икон для церкви, одно полное священническое облачение, кадио и если найдется — трехсвещник.

Сицудзи 2: Авраам Кон и Давид Циба. Прежде были еще сицудзи: Илия Сисидо и Иосиф Онотера, но они захотели служить полицейскими. Я видел их в Мориока; на место их избран Давид Циба.

Церковный приход. Для зарабатывания денег для церкви в прошлом году построили здесь водяную мельницу на 5 толкачей обталкивать рис. Дерево для этой мельницы доставило буддийск. капище, принадлежавшее Аврааму и стоявшее на его земле; кроме того, христиане собрали с себя на производство постройки 100 ен. С прошлого года мельница работает, и теперь выработанных денег уже около 30 ен; часть их отдана под проценты в долг, часть употреблена на лотерею (мудзин; при объяснении этого я говорил, что не сообразно с достоинством Церкви рассчитывать на случайный доход с лотереи, что нужды Церкви должны быть радостно удовлетворяемы свободным приношением христиан). Мельница может доставить в год, за всеми расходами на ремонт и проч., 30 ен. Деньги эти будут собираемы на построение здесь храма.

В кружку, хотя она и сделана, не попадает ни копейки.

Расходы на церковь все почти удовлетворяются самим Авраамом Кон; христиане почти не жертвуют. Еще не заведен порядок того. И тензей на главный стан (3 сен и 5 сен) начали собирать только с прошлого года.

Церковными деньгами заведует Давид Циба, в качестве избранного от христиан кайкей-ката*. Церкви в Оохара, Согей, Орикабе и Окутама составляют собственно одну Церковь — Сей-боквай*. Центральное место ее в Окутама, так как здесь первоначально и христианство водворилось и отсюда перешло в другие места. Кроме означенных селений, есть начатки Церкви еще в следующих:

1. Мацукава, 21/2 ри от Окутама, дом. 100. Там один дом — весь христианский, и притом очень ревностный; это — дом млад-шего брата Иоанна Сасаки, что в Исиномаки.

2. Теразава, меньше 1 ри от Окутама, 150 дом. (собственно в Теразава 3[?] деревни). Там 1 христианин и 1 оглашенный.

3. Фудзисава, 3 ри от Окутама, 120 дом. Христианин 1, — принял крещение в Цуягава от о. Тимофея Хариу. Потом из Окутама в Фудзи сава послан был проповедник, и имел 12-13 слушателей; но проповедник не мог остаться там долго, и слушатели остались без научения.

Примеч.: Цуягава — город, 5 ри от Окутама, дом. 50. Там же еще христ. Петр Онотера и вообще человек 5 христиан.

Примеч.: Ооинукавара 150 дом, от Окутама 61/2 ри, от Магоме 21/2 ри. Туда выдана замуж родственница Авраама Евдокия; муж ее желает слушать учение, и там должна возникнуть церковь.

На нынешнем Соборе отсюда не будет представителя; но просят непременно катехизатора для этих мест, и желают именно Варнаву Имамура, по словам Авраама и его сына Иоанна, «нес- синнисите кёо-кей-о севасуру-моноо». Обещал об этом сказать на Соборе.

Авраам Кон в прошлом году за погребение Елены, жены его сына Давида, по христиан, обычаю, потерпел гонение от бонз; но зато теперь они совершенно оставили его в покое, он же публично

отказался от буддизма. Гонений на христианство вообще в этих местах в настоящее время нет.

Во всех этих местах нет ни одного сизоку, все крестьяне; но замечательно, как любят образование! И живут также весьма достаточно. Я осматривал дом и все заведение Авраама Кон, настоящий помещик средней руки: здания на широкую руку, с амбарами, кладовыми, сараями, хлевами; есть даже здание для курения вина, которое, если курит, то выкуривает б огромней-ших чанов. Поля в отличном состоянии. В настоящее время еще дом полон шелковичным червем. Словом, можно подивиться зажиточности и порядку, хотя, говорят, дом значительно упал от дурного поведения Авраамова старшего сына — Давида, — множество долгов было сделано, которые истощили дом (это было в язычестве Давида; теперь он ведет себя хорошо).

Один сын Авраама, где-то состоящий на службе, — католик; надеются сделать его православным, когда он придет домой на каникулы в нынешнем году.

В Окутама отслужена была обедница, сказана проповедь. Авраам Кон рассказал о состоянии Церкви, угостил обедом, показал своё хозяйство, после чего отправились дальше.

В 1 ри от Окутама проезжали город Сенмая, домов 180. Отсюда родом Сираиси, бывший некогда в Катехиз. школе, лентяй и с низким характером, ушедший из школы не сказавшись. Здесь он также живет праздно. А хорошо бы и в Сенмая начать проповедь.

На ночлег остановились в Фудзисава, от Окутама 3 ри. Насилу нашли комнату в одном постоялом (хатагоя), и в ту можно было войти только по высокой, снаружи приставленной жидкой лестнице, так как комната во 2-м этаже, — по лестнице же снизу в дом нельзя взобраться, так все наполнено везде шелков, червями, которые именно теперь занимают больше всего места, так как время делания коконов. — Взобрались, расположились. Я думал, здесь по крайней мере та выгода, что никто не потревожит. Как бы не так! Едва расположился писать дневник, как поднимаются на лестницу два кейтея из Окутама — Василий и Иов Ивабуци; они не застали меня в доме Авраама в Окутама, поэтому поспешили сюда, чтобы принять благословение. Долго сидели они, так что и ужином пришлось угостить их. Лишь только ушли они, как пришел некто Саеима — полицейский, познакомиться и поговорить. Наконец около полночи легли мы спать. Но лишь только заснули, как будят; пришел еще кейтей и требует свидания, — это Малахия Конно, готовящийся в катехизатор, школу и живущий у Авраама в Окутама; он был в отлучке, когда я был там, и теперь явился, чтобы доставить мне удовольствие не лечь спать без его лицезрения.

Я, впрочем, отказался от сего удовольствия, сказав без церемонии, что завтра увижусь, теперь же спать до смерти хочется.

14 (26) июня 1881. Воскресенье. В Сидзугава

Утром познакомился с Малахией и угостил его завтраком. Действительно, как отзывался Авраам, не хитрый человек. Лицо уж больно неумное, речь тоже. Впрочем, Господь знает, может из него выйдет и хороший служитель Церкви! В Катехиз. школу, как видно, он очень хочет попасть. Обещался сказать о. Матфею, чтобы испытал его и, если найдет годным, прислал в Катехиз. школу.

Когда собрались в дорогу, оказалось, что Малахия и единственный христианин Фудзисава Павел — тоже с нами — пешком (тогда как мы с Эсасика верхами — на вьючных седлах, разумеется) провожают нас; я стал было отказываться от такого труда их, но Малахия прямо объявил, что ему так велел Авраам; против этого нельзя было возражать; черта повиновения, как видно, развита у Малахии, и ее портить было бы грех и вред; Павел жв ска.- зал, что у него, кстати, есть дело в Магоме, и против этого нечего было сказать. Уезжая из Фудзисава, видели рынок, на котором больше всего в продаже листа туговицы, которым торгуют подгородные крестьяне, продавая его в городе для людей, которые разводят шелков, червей, а своих деревьев не имеют. Продают туговичный лист: 5 кванме за 1 ен; дорогой догоняли крестьян, уже продавших товар и возвращавшихся домой; у одного спросили: «За

сколько продал?» — «За 2ен», — был ответ. Ноша листа — за столько, нельзя не назвать промышленность выгодною. Вместе с тем выгодно и покупателям. Иначе — каждый из них должен бы иметь свою туловицу, ухаживать за нею, да, наконец, нанимать людей рвать лист, если червей воспитывается не очень немного.

Часов в 10 прибыли в Магоме, 4 ри 8 чё от Фудзисава и 5 ри от Иокояма, от моря 1/2 ри.

В Магоме домов 96, разбросанных; есть в нем и город (маци). Мы прибыли в Хигаси Магоме, в дом Моисея Сато, где молитвенная комната для собраний христиан. Христ. домов в Могоме 7.

Христиан 17. Оглашенный 1 (младенец Петра Сато). Христиане все — земледельцы, как все вообще обитатели Магоме.

От Петра Сато в Магоме началось христианство. Он призвал Тимофея Хариу проповедовать здесь; потом учил здесь Павел Окамура. Теперь сам Петр Сато занимается здесь проповедью.

Проповедь у него, по его словам, постоянно ведется, исключая этого времени, когда совсем некогда, от ёосан.

Молитва бывает только в субботу; собираются после сумерек. В воскресенье никто не приходит. В молельне иконы маленькие, но хорошо украшенные рамками (почти все собственноруч. работы Петра Сато). Во время службы один поет; я не слышал его пения, так как он в отлучке сегодня. В субботу, после службы, Петр Сато говорит проповедь.

Кроме того, у него в городе (в котором 40 домов, стоящих вместе) производится проповедь по средам, вечером, в доме Андрея Миура; бывает немного и новых слушателей, но уверовавших еще не видно.

Успеха проповеди здесь нет потому, как утверждает Петр Сато, что «тайко-тадаку сюси» (Хокке) очень здесь сильна; народ привержен к Хокке, и верующие Хокке заключают между собою ренго* (союзы) не слушать христианство и не принимать его. Впрочем, открыто христ-во не гонят. Мне кажется не Хокке виновато в малоуспешности, а то, что проповедник плохой.

Сицудзи 3: Моисей Сато, в дом которого мы приехали, где молитв, комната, сын его Павел Сато, — тот самый, который слу-жа учителем в Рёоиси, проповедует там христианство, и Андрей Миура.

Для приобретения церковного капитала здесь есть тоже «мудзин» (или иначе называющееся «таномоси»), т. е. христиане собрали с себя 8 ен и на имя одного из них взяли билет в лотереи у язычников, здесь же, в Магоме; если вынется билет, то для Церкви будет выиграно 200 ен; а не вынется, 2 ены ни в каком случае не пропадут.

Отслужили обедницу, причем оказалось, что Петр Сато решительно не знаком с богослужбной книжкой, что не знает на память Символ Веры, да едва ли знает и «Отче наш»; по крайней мере, когда нужно было читать Молитву Господню, он долго рылся и, не находя ее, никак не решался читать ее на память, хотя я говорил ему, чтобы он читал; уже Стефан Эсасика прочел наизусть.

Советовал прислать кого-нибудь для изучения пения и порядка Богослужения в Певческой на Суругадай. <...>

15 (27) июня 1881. Понедельник. В Иокояма

Иокояма-мура, а в ней маци. Домов всех 240. Земледельцы и отчасти торговцы.

Крещеных в Иокояма 20, из них 14 христиан здешних, прочие — из других мест. Христианских домов 6. Оглашенных 13 чел., из которых 10 — мастерицы из шелкоразматывательного заведения.

В Иокояма давно делались попытки водворить христианство; так, здесь был несколько лет тому назад с проповедью Иоанн Отокозава, были и еще кое-кто, но тщетно, успеха никакого не было. Христианство же началось здесь с 10-го месяца запрошлого 1879 года благодаря следующему

обстоятельству. Санумское общество «Кооцууся» построило в Иокояма шелкоразматывательное заведение, привлекая к участию в своих делах чел. 6-7 местных богатых людей. Эти люди, часто бывая в Санума, видели там Богослужение, слушали проповедь, все это им понравилось, и они решили, что и в Иокояма нужно проповедника. Прислали им Савву Кимура, в 10-м месяце 1879 г., и он проповедовал здесь 3 месяца. Когда ему нужно было вернуться домой, пришел на его место Никита Мори, из Ициносеки, но о. Матфей Кангета скоро же нашел, что Мори еще нужней на своем месте в Ициносеки; поэтому он вернулся туда, а на его место прислан был Павел Исии. Он прибыл в Иокояма в апреле 1880 г. Но в самый же день его прихода Общество «Кооцу[у]ся» лопнуло, — и слушатели рассеялись, ибо, по неразумию, приняли Церковь за Общество и подумали, что Церковь разрушилась. Некоторые, впрочем, почувствовавшие интерес в христианстве, продолжали неизменно слушать.

Первое крещение в Иокояма о. Матфей совершил в 1879 г., в 12-м месяце; окрещено было 16 человек. Еще 2-е приняли крещение в Санума; наконец, в 4-м месяце текущего 1881 г. еще окрещено 2 человека.

Павел Исии здесь неизменно состоял проповедником с 4-го месяца прошлого 1880 г.

Когда позвали сюда проповедника и прибыл Кимура, тогда поместили его было в училищном здании; но люди, неприязненные к христ-ву, скоро выжили его оттуда под предлогом, что школа — здание народное, а народ построил ее не для христиан, проповедника. Кимура поместился на квартире, но его выжили и оттуда. Тогда один из участвовавших в Кооцууся, Сайдзё, дал ему помещение у себя в доме. Здесь и до сих пор помещается катехизатор, производит здесь катехизации и совершает обществ. молитву. Старик Сайдзё еще не сделался христианином, но слушает учение, заботится о Церкви и всегда удерживает у себя катехизатора. Дочь же Сайдзё и ее муж — приемыш к ней — христиане: Илия и Марфа.

Проповедь обыкновенно бывает каждый вечер — у катехизатора в квартире, в доме Сайдзё. В другие места никуда не может выходить для проповеди. В «сейсидзё» (шелкоразмат. заведение) не допускают, с тех пор, как оно перешло к Гинкоо (банк), и передано от Гинкоо обществу «Сейсися», так что мастерицы, слушающие учение, должны в свободные часы собираться к нему; в домах, где прочие христиане, они по одному или по два в доме, прочие же домашние — язычники, зло настроенные против христианства, так что христиане здесь большею частью терпят домашнее гонение, и приходить к ним в дома для проповеди нет возможности. Вообще в Иокояма еще много ненависти к христианству. В настоящее время, по недосугу для слушателей, проповедь приостановлена.

В субботу и воскресенье собираются для обществ. молитвы; в суб. человек 12-13, в воскресенье 6-7. Теперь, во время ёосан, Богослужение также не совершается, по недосужеству. Во время Богослужения читают; некоторые из коодзё поют только «Господи, помилуй»; и поют смело, громко и отличными голосами, как сам слышал. В субботу П. Исии рассказывает житие святого или объясняет Правосл. Исповедание, в воскресенье — толкует рядовое Евангелие или Апостол.

<...> Между крещенными из других мест здесь есть Андрей Такахаси — родом из Канга, преподаватель шелкоразматывания; ему еще два года служить здесь, после чего он вернется в Канга; чрез него имеется в виду начать христианство в Канга.

Другой крещенный здесь из Синано, туда и вернулся, — Петр Накано. Нужно не потерять его из виду, как вообще нужно иметь в виду всех христиан, отлучающихся в места, где нет церкви; нужно не терять сношений с ними и поддерживать в них христианский дух; все они дети Церкви, и мы ответим за них, если дадим им заглухнуть среди язычества.

<...> Прибывши в Иокояма, мы остановились на постоялом и послали за Павлом Исии. Он тотчас пришел; пришли еще учитель Павел Фукацу и Андрей Такахаси с шелкоразматыв. заведения. Последний предложил осмотреть заведение, что и было сделано.

Заведение перешло от Кооцууса к Гинкоо в плату долга, всего в счет 4 тыс. ен, что, по-видимому, очень дешево, так как тут, кроме земли и зданий, паровая машина. От Гинкоо оно передано, за плату, для пользования обществу «Сейсися». Членов «Сейсися» 25 чел., в числе которых 8 из бывших членами Кооцууса (напр., старший брат Исаяи Камогава, главного виновника крушения Кооцууса). Это заведение гордится тем, что оно — единственное в провинции Мияги; «есть-де в Мориока, в Иваде-кен, такое же заведение, но там оно правительственное, а здесь — народное». Полный состав работников в заведении: 100 девиц; но мы видели только половину этого количества, так как другие 50 коодзё теперь по своим домам помогают ухаживать за шелк, червями.

В год производится в этом заведении 100 коори (коробов) ниток, по 9000 ме в коори. Идет шелк отсюда во Францию и в Америку; продается в Йокохаме. Во Францию идет нитка тонкая — из 4 коконов, в Америку же толстая — из 5 и 6 кокоцов. Толщина нитки самого кокона также разнится, смотря по качеству червей; для определения толщины нитки кокона служат весы; сделанная из одних коконов нитка разнится от другой в весе, смотря по качеству кокона,

Длина же нитки одного хорошего кокона 550 кен. В 1 коори 15 связок мотков, по 600 ме связка. В каждой связке 30 мотков, по 20 ме моток. В моток идет 3 сё коконов; в 1 сё входит 300 коконов обыкновенной величины; если кокон большой, то 250, если, напротив, малый, то 310-320 коконов. В день одна мастерица — обыкновенная, т. е. не очень плохая и не очень хорошая, разматывает 6 сё коконов, т. е. производит 2 мотка ниток, всего же в год, во все рабочие дни, делает средним числом 450 мотков.

Цена шелка в нынешнем году: 670 ен коори. Время мастериц в заведении, в Йокояма, расположено следующим образом:

5 часов утра — встают

5 1/2 ч. — приступают к работе

7 ч. — завтрак

8 ч. — работают 9 1/2 ч. — отдых 10 ч. — работают 12 ч. — обед

1 ч. — работают 3 1/2 ч. — ОТДЫХ

4 ч. — работают 6 1/2 ч. — работы заканчивают 7 ч. — ужин

9 ч. — спать.

Жалованье полагается с самого определения на фабрику. Сначала дают в месяц сен 20 — на мелочные расходы. Лучшие же мастерицы получают 5 ен в месяц. Содержание пищи готовое.

Осмотревши заведение, отправились в школу. Павел Фукацу очень радушно предложил поместиться на сегодняшний день в школе, так как убедили остаться до вечера, чтобы повидаться с христианами и оглашенными, которым днем совершенно некогда собраться. В школе учение теперь не производится — тоже все из-за шелков, червя: до того теперь люди нужны собирать лист туговицы и ухаживать за червем, что даже малые дети в работе и некогда им ходить в школу. Приятно видеть по всем большим селениям училищные здания — положительно — лучшие здания в селениях, устроенные на иностранный лад, с окнами и стенами, обыкновенно оштукатуренные. И все это — народными деньгами: Правительство разве советом участвует. Содержатся учителя также на народный счет. Делается раскладка по домам, смотря по состоятельности, сколько каждый должен давать на училище, и все безропотно и с охотою дают, хотя бы у кого и некого было посылать в школу. И сколько же зато учатся в этих сёогакко! Везде сотнями считается мелюзга — ученики.

Лишь только я расположился было в училище, как Исии пришел просить перейти к нему, в дом Сайдзё, — все-де нарочно устроено, и стул, и стол есть. Перешел. Поговорил с немногими собравшимися христианами о состоянии церкви; затем писал дневник и отдыхал до вечера.

Вечером пришли 10 девиц — с фабрики — оглашенных, собрались и почти все христиане;

отслужена была вечерня и сказана проповедь, отчасти направленная к язычникам. К сожалению, нужно было сократить слово, так как к 9 часам мастерицам нужно было вернуться на фабрику; христианам также нельзя было долго оставаться, за множеством работ дома.

16 (28) июня 1881. Вторник. В селении Оно

<.,.> Обещана икона в шелкоразмат. заведение для молитвенной комнаты мастериц-христианок. — Для молельни в Иокояма большая икона Воскресения Христа — литографированная есть.

Когда уже выехали, получено было приглашение сегодня вечером сказать проповедь в шелкоразмат. заведении для всех мастериц; вместе с этим извещено, что всем мастерицам позволено, кто желает, изучать и принимать христианство, что, словом, начальство заведения свое нерасположение к христианству отменяет и позволяет с этих пор проповедь в заведении. И приглашение и известие были очень приятны; к сожалению, нельзя было остаться, по необходимости спешить, в Тоокей; поручено же Павлу Исии открыть проповедь для всех желающих в заведении.

В 3 чё от Иокояма осмотрели храм Фудоо, говорят, второй по знаменитости и уважаемости в Сендайской провинции. Идол считается вывезенным из Кореи. В праздники! [?] во 1, 3, 5 и 9 месяцах бывает огромное стечение народа. Бонз 3. Храмовой двор содержится чисто, что редкость теперь, при упадке буддизма. <...>

Между Иокояма и Янаицу — искусственное озеро, снабжающее водою для поливки рисовых полей 11 селений, лежащих в этой долине.

Заехали в Янаицу, в дом Иосифа Мурата; здесь же живет и имеет мастерскую напилков Аояма; минут на 10 остановились.

Дальше по пути лежат почти сплошные огромные селения. Проповедника здесь непременно нужно. Это не то, что по разбросанным селениям — гоняться из дома в дом; здесь, если Бог пошлет успех, в каждом селении может быть огромная церковь.

Было много за день дождя, грома и молнии. Наконец ливень заставил нас остановиться на ночлег — несколько ранее, чем бы хотелось, — в селении Оно, несколько менее 10 ри от Иокояма.

Вечером пришли человек 7-8 жителей Оно, прося свидания. Принял. Разговор о Вере. «Не знаем, какому христианству следо-вать, их много». — «Испытайте, для того дан разум; Бог откроет истину, если будете ревностно искать». Просили написать для памяти. Написал 4 листа. Говорили, что слушали на днях Энзецу Онисима Накано и нашли неудовлетворительным. Тема была: «Не должно злоупотреблять тварями». «а он говорил о том, что следует только заботиться о пище и питии, об излишнем пещись не должно». Говорили они также, что «их смущает преступление христианина Ицидзё в Дзёгецудзуми (близком отсюда), что от христианина они не этого ожидают; также, что в истории видно, как христиане за веру жгли и губили друг друга». — «Это не истинное христианство, а по подобным историч. признакам, напротив, можно отличить извращенное христианство от истинного». Желают они в эти места проповедника, только — лучшего, чем Онисим Накано. И так, при распределении проповедников нужно иметь и это место в виду. Вообще нужно вести линию от Иокояма доселе. Здесь в соседстве находящиеся Фукуда-мура и Дзёгецудзуми должны подать руку Церкви в Иокояма.

18 (30) июня 1881. Четверг. В Мотомия

Пред Фукусима (9 ри от Сироиси) встретили идущих в Ямада Павла Абе (сына Исайи Абе) и некоего Иеремию. Сказал Павлу Абе, что может поступить в Семинарию. — малолетков не набирается сколько нужно, и согласно обещанию, данному прежде его отцу на усиленные его просьбы принять сына в Семинарию, я теперь говорю ему, что может поступить, если все другие условия поступления

с его стороны исправны.

В Нихонмацу встретил христианина, одного из двух здешних, Петра Кимура, сучителя ниток; другой здесь — аптекарь, Иоанн Фудзие. Крещены они в минувшем марте, в Фукусима, о. Павлом Савабе. Есть еще 2 оглашенных. Больше слушателей нет. Слушатели обыкновенно раза два-три послушают и говорят: «такое трудное учение исполнить не можем». — и с сим прекращают посещение катехизаций.

У Василия Сукея, по словам Кимура, проповедь была каждый вечер, хотя бы для двоих только. По субботам и воскресеньям также совершалось служение, когда был тут Сукей. И теперь Кимура говорит, что с одним из оглашенных по праздникам они совершают вместе молитву; аптекарю же-де некогда.

<...> Христиане и оглашенные здесь все в разных домах; значит, домов верующих 4. Гонения — от домашних. Христиане здешние слушали учение от Сукея и Петра Кавано.

Проповедника в Нихонмацу непременно нужно; только, конечно, не Василия Сукея.

19 июня (1 июля) 1881. Пятница. В Асино

Из Сиракава 5 ри ехали в бая; дорога в этих местах очень плохая, ухудшаемая еще тем, что в процессе поправления по случаю имеющего быть скоро путешествия Императора, направляющегося в Камаиси — посмотреть тамошний железный рудник со вновь устроенными плавильнями и железною дорогою. Говорят, заедет даже и в Иокояма посмотреть тамошнее шелкоразматы- вательное заведение. По дороге уже расписано, где кому останавливаться на отдых, как мы видели это в Сиросака, где над воротами и дверьми висят прилепленные листы с надписями: «Министерство просвещения» (Момбусё), «Канцлер» (Садайд-зин), «Кунайсё» и т. д.

Японские постояльни пренесносные тем, что в них шуму и гаму не оберешься. Дом полон народу, остановившегося на ночлег; вероятно, всем хочется спать в это время, в 11-м часу; но одному выпившему пришла фантазия позвать геек[-о], и он позвал, и все вместе там в комнате бренчат и орут песни, хохот и гвалт, и все должны терпеть. <...>

20 июня (2 июля) 1881. Суббота. В Уцуномия

Из Асино до Кицурегава пришлось проехать в тарантасе; дорога прескверная; размочило все дождем, кроме того, везде поправки — кучи свежей земли и щебня; если бы не на лошадях, дольше бы пришлось тащиться. В Оотавара думал застать Василия Сукея и расспросить его о состоянии этих мест: Оотавара, Сакуяма, Кицурегава, а также при помощи его найти и повидать кого-нибудь из здешних христиан; к сожалению, Сукей вчера ушел в Тоокёо.

<...> В Акуцу, 2 ри от Уцуномия, и около Акуцу по дорогам множество разряженного народа, особенно женщин и детей, все богомолицы, стекающиеся к Инари в Акуцу; с прошлого года прославился этот Инари, во время холеры-де было несколько чудесных исцелений от него (вот тебе и раз!). А факт все-таки тот, что молящегося народу бездна, значит религиозное чувство в этой местности живо, нужно иметь это в виду, чтобы не опустить назначить проповедников в Уцуномия и Кицурегава.

21 июня (3 июля) 1881. Воскресенье. В Тоокёо

На бая благополучно прибыли в Тоокёо, в 8 часов вечера, отправившись из Уцуномия в 6 часов утра. Сначала имели дождь, и дорога была плохая; потом прояснилось, и по прекрасной дороге, начинающейся с Оёома[?], весело было ехать. В Тоокёо все, слава Богу, благополучно.

8 (20) августа 1881. Суббота. На пути из Тоокёо в Хакодате

Человеческая жизнь состоит из такого разнообразного сочетания мыслей и чувств, что решительно не поймешь, каким это чудом паяется и продолжается непрерывно эта цепь, называемая душевною жизнью. Не мало искусства нужно, припаять разом железо к золоту, соединить органически бриллиант с кремнем или булыжником, а в душевной жизни эта работа производится кем-то и как-то так искусно и незаметно, что только ахнешь, осмотревшись и увидевши себя чрез день, даже час совершенно в противоположном состоянии духа.

После записанного на предыдущей странице много прошло мыслей и чувств очень разнообразных: были экзамены, сбор катехизаторов, Соборные заседания; все с перемежающимися добрыми и дурными впечатлениями, хорошими и дрянными чувствами. Все прошло. Потянулись затем каникулы, с жарами и проч. дрянью. В прошлую субботу был я в Тооносава, у о. Владимира, теперь еду и уже подъезжаю к Хакодате, но с какими дрянными чувствами! Что за мерзость — душевное состояние. Сошел с ума сослуживец, так нужно его взять из Хакодате, увезти в Тоокёо и оттуда — отправить в Россию. Что за отвратительное дело! Мало всегдашней возни с дураками или поллецами, нужно еще явиться на дороге и сумасшедшим, — «и с ними-де поянчись». Э-эх, горькая судьбина! А в Хакодате затем остаться некому; церковь и вещественная и невещественная может пойти на ветер. Но что лучше, возвышенной, благородней, по-видимому, служения миссионерского! И оно-то вот так тянется и само себя ослабляет и укорачивает. В 20 лет, кого сотрудников приобрел? Или флюгера, или интриганы, или полусумасшедшие, или совсем рехнувшиеся. Я почти в отчаянии! Едва ли выйдет что из Японской Миссии! Совсем потерял бодрость. Посмотрим еще, потянем лямку. Хотя как же мерзко, бездушно она тянется. В 20 лет можно ослабеть и состариться, какими бы идеалами ни был заряжен. Вот — к месту моей молодой жизни приближаюсь; если бы все хорошо было, как бы радостно было окунуться в воспоминания, а тут, кроме мерзейшего, отчаяннейшего состояния духа, ничего не вызовешь! Да и как вызвать: первое, с чем столкнуться придется, отвратительная рожа сумасшедшего, которого нужно будет ласкать, чтобы окончательно не взбесился и не наделал больших бед! Эх, головушка моя бедная, доля моя несчастная! Хоть бы сжалился Бог и немножко бы дал бодрости!

13 (25) августа 1881. Четверг. На обратном пути из Хакодате в Тоокёо

Слава Богу, хоть умопомешательство у о. Димитрия спокойное. Ничем не выбьешь из головы уверенность, что чрез 313 дней от 28 мая будет светопреставление, но симптомов бешенства никаких не видно. Авошь, Бог даст, не будет из-за него позора Церкви. А взять его теперь из Хакодате не решился, за неимением кем заменить. Обстановка и все действия — свойственные помешанному. Строит второй этаж над домом, когда дощатый дом от старости готов рухнуть и проч. Церковная крыша покрыта железом и брошена без покраски, отчего железо проржавело. Двор запущен страшно; в комнатах — как будто завтра будет светопреставление. В церкви на престоле, жертвеннике и везде — стеарин; служит нелепо-своеобразно, и с особенностями, по которым можно счесть его еретиком, — напр., приобщается какими вздумает частицами, после приобщения тотчас же льет теплую воду в потир. Японского языка не знает и выражается: можно-де без языка. Церковных дел не знает до того, что о синудзи и не слышал до сих пор, сколько у него христ. домов, сколько христиан — понятия не имеет. Не знаю, как Бог сохранит Хакодатскую Церковь, а взять его оттуда, никем не заменив, нельзя; заменить же, напр., о. Гавриилом, значило бы бросить все планы — о посещении юго-западных Церквей, об открытии Катехиз. училища в Оосака и проч.

Если бы еще день пришлось быть, не знал бы, что делать с собою. С о. же Димитрием достаточно побеседовать два дня, больше не выдержать, отвращение такое берет, что одолеть сил нет. Ни одушевлять его, ни убедить ни в чем, ни просто разумно побеседовать — нет возможности; к каменной стене обращаться лучше, чем к нему. Да исчезнет он, впрочем, из памяти! Потерпится все, пока можно будет заменить его кем-нибудь. А там — пусть он и в мыслях не мешает более Миссии!

1882 г.

1 (13) января 1882. Пятница. Дух. Миссия в Тоокёо. Суругадай

Предыдущие 10 лет прошли для северо-востока Японии. Наступающие 10 л. должны быть употреблены преимущественно для юго-запада. Это общая мысль будущих десяти годов. Частности же кто уследит в прошедшем и кто назначит для будущего?

Душа человеческая ежедневно призма, отражающая — не 7, а 700 цветов с их бесчисленными переливами. В предыдущее десятилетие я вступал — с каким чувством острой боли! И как же разнообразно оно было — это 10-летие — чувствами, мыслями, действиями! В следующее — теперь вступаю с вялым ощущением. — Уже в усталости жизнью и службою? И сам себе не могу еще дать отчета. Быть может, у всех 45-летних бывает это какое-то спокойствие жизни, происходящее от того, что все определилось, — не ждешь ничего неизвестного, все знаешь наперед за день, за месяц, за год; мудрость эта житейская — так и называется она; только не лучше от нее, не теплее на свете. Не знаю, что-то напишется по истечении еще 10 лет, если рука не будет в то время в гробе. А ныне — что-то серо, незначительно, нерадостно, хоть и манит даль, и есть не сокрушимая ничем уверенность в общем успехе в будущем. Ничтожность я сушая, — так и сознаю себя искреннейше; но уже не я один, — ради моей ничтожности не может остановиться дело. Играет луч света, если оглянуться кругом, и на том, и на этом, и на другом; тут, видно, дело не личностей, а дело дела, дело Божье и дело массы. Будем довольствоваться и тем скромным упованием, что из-за нашего недостойнства Господь не остановит Своего дела и спасения многих.

Утром обычные поздравления учеников, прислуги и др., причем и обычные расходы на гостинцы. Обедня была начата за полчаса до 10 час., чтобы успеть потом служить молебен в посольской церкви. После завтрака у Струве хотел было отправиться и Йокохаму, чтобы разом кончить все визиты, но так как гости заявили, что собираются к нам, то и нужно было вернуться домой, чтобы принять. Из иностранцев был Германский посланник. Плохой по погоде день кончился довольно вялым вечером.

11 (23) января 1882. Понедельник

<...> Из писем, ныне прочтенных, поражает Ефрема Ямазаки из Акита; пишет, что там обычай убивать детей свыше 2-3; у христиан, мол, нет уже этой жестокости; но один христианин ныне состоит под этой необходимостью — убить дитя, так как его родители еще язычники (дед и баба имеющего быть умерщвленным младенца); просит Ямазаки написать письмо христианину, чтобы не поступал по-язычески. К сожалению, нет ни имени этого христианина, ни других подробностей. Завтра же письмо пойдет — на имя Ямазаки — с возможным убеждением не убивать дитя. Экое варварство еще в этой стране! <...>

12 (24) января 1882. Вторник

Из Хакодате приехал о. Димитрий. С о. Владимиром никак не хочет жить. «О. Владимир-де пустил обо мне молву, что я сумасшедший. Жить с ним значит согласиться с ним, а после он будет хвалиться, что вылечил меня от сумасшествия». — «Сами вы пустили о себе молву; одна ваша телеграмма домой, чтобы приготовились к светопреставлению, посланная чрез офицера с Стрелка до Владивостока, сделала то, что теперь и на обоих военных судах на рейде, и в Посольстве и в Консульстве думают, что вы помешались». — «Телеграмма ничего не значит, смысл ее нужно читать между строками, — ее понимают только посылающий и получающий» и т. д. Разговор, ни к чему не ведущий. <...> Господь с ним, пусть едет в Россию. Как там говорил, что «в Академии нечему учиться», так здесь думает и на деле показывает, что «в Миссии ему нечего делать». Жаль потраченных на него денег. По моей же вине, — я выбрал (т. е. выбирать-то не из чего было, а взял), так поди, проникни сердце человеческое! За это, должно быть, и на Страшном Суде не будут судить, — безвинно виноват!

14 (26) января 1882. Четверг

<...> Получена почта; о. Федор между прочим советует заняться воспитанием о. Димитрия. Воспитание здесь русских никогда не входило в мои планы. Русские здесь должны прямо учить, а не представлять зрелище, как сами учатся, — для этого есть Россия.

16 (28) января 1882. Суббота

Из писем — самое неприятное, что о. Павел Таде очень болен, лежит в госпитале в Оказаки. Оборони Бог — помрет!

После Всенощной, на которой была вкратце рассказана жизнь Св. Антония Великого. В 11 часу приходил Антонин Така-мура (22 года от роду) проситься в монахи. Сказано, что раньше 30 лет нельзя сделаться монахом, пусть свое намерение хранит в сердце, и если воля Божья, в должное время может он быть пострижен в монахи, но только пусть это не мешает ему исполнить самое первое и высшее его намерение — служить Церкви проповедником, потому пусть хорошо учится. Ушел со слезами умиления, видно, что был в истинно-хорошем настроении.

Из Идзу очень просят икон разных святых; но так как их нет, а просят часто и другие, то мы сегодня делаем попытку литографировать иконы здесь со святцев. Хорошо, если бы удалось.

О. Владимир приходил сетовать на о. Димитрия, что тот стащил у него из стола письма — свои и его, и пытался разломать ящик. Платится о. Владимир за свою самонадеянность наставить еще о. Димитрия на путь истинный.

18 (30) января 1882. Понедельник

Японский праздник — память о. Императора; и потому не учились. После полдня был в Йокохаме взять у Пеликана паспорт в Россию о. Димитрию; да и попался: Пеликан попросил в долг тысячу долларов. «Истратил-де деньги Софии Абрам. Алексеевой, и жена посланника теперь гору роет». Дал 500. Что будешь делать? Не нашелся отказать, а до смерти жаль денег; уже, значит, 1200 доллар, он мне должен, и едва ли когда отдаст, потому картежник, от таких людей взятки гладки. Экономись тут до того, что вот сегодня едва решился истратить 60 центов на гребенку по крайней нужде в ней, экономись, конечно, не для денег, а для Миссии, и вдруг этакую сумму в трубу ни за что ни про что! Просто потому, что ближнему не повезло в карты, и из- за того, что сему ближнему не повезло в карты, нескольким десяткам японцев нужно отказать в помощи по воспитанию или по чему другому, — и Церкви изъян!

19 (31) января 1882. Вторник

Извещение, что о. Павлу Таде все хуже и хуже. Послали сегодня письмо к его жене, чтобы оставила ребенка (трехлетнего) на руки бабушке и поспешила сюда и отсюда в Оказаки ухаживать за больным. Вот беда!

О. Димитрию выдан паспорт, так как не обещает ни заниматься яп. языком, ни слушаться вперед, и выдано на дорогу, до Марсея по 2 классу: \$332, и жалованье за январь \$125; значит — до Петербурга — с избытком; тут же, впрочем, несмотря на мой протест, он стал распоряжаться деньгами по-своему: «Мне, мол, хоть в 4 классе». Господь с ним, лишь бы освободил от себя Миссию поскорей!

Из Мориока прибыл, по отзывам, замечательный по способностям ученик Оосима.

Василий Кикучи умер, сегодня известили телеграммой. Ухаживай тут за семинаристами! Лишь только польза от него, глядь, и нет его! Виссарион Авано тоже близок к тому; сегодня из Тоносавы извещал, что ему и Павлу Морито нужно по 14 ен в месяц, не жаль, пусть лишь будут здоровы; да едва ли оправятся! Этакие слабые организмы! Не знаешь, учить ли или получить!

22 января (3 февраля) 1882. Пятница

Кончил корреспонденцию, отослал на почту, кстати, и «Сей-кёо-Симпо» № 26-28.

Сегодня о. Димитрий уезжает в Йокохаму, а завтра утром на французском пароходе отправится дальше. Все-таки грустно расставаться. Э-эх, человеческая жизнь! Точно слепец — бредешь — наткнешься и, так как внутренних глаз нет, столкнешься, да потом-то уже, когда начинаешь ощупывать, точно улитка слепыми щупальцами, находишь, что или жестко, или колет, или не по месту, ну и назад, щупальцы спрячешь, и бежишь. Так я уже от четверых убежал (о. Григорий, Евфимий, Моисей, Димитрий); первых двоих сам же первоначально принял. Если бы прозорливость, внутреннее око, видящее более или менее душу ближнего, разумеется, ни мне бы ломки, ни мне бы горя и печали не было. Очевидно, для Миссии они все не годятся; но для чего же нибудь годятся; не брать бы их в Миссию, служили бы они инде и, может, с большою пользою для себя и других... Но знать, *ergare humanum est* — всякому суждено повторять из глубины глубокой глубины души.

В 7 часу вечера о. Димитрий приходил прощаться, принес крест и отчеты. Жаль очень стало его, и от всей души я советовал ему вновь поступить в Академию, чтобы довоспитаться, говорил ему, что написал к Высокопр. Исидору и к сотрудникам Миссии о том же (письма — уже отправлены); и ему, как видно, не весело; но все-таки не признает себя ни в чем виноватым, значит «я», «гордость», ледяною корою стоит между ним и делом, каким бы ни было. Ну и Господь с ним! Пусть с миром уезжает; для Миссии же он не годен, и печалиться о нем нечего, мир ему и нам!

23 января (4 февраля) 1882. Суббота

Menzalet сегодня утром увез о. Димитрия от берегов Японии. Господь с ним! Одним беспокойством меньше; полно и думать о нем! Уже ли же Господь никогда не пошлет настоящего миссионера в Японию? Не может быть, — приедет, явится он наконец, где-нибудь растет и зреет он. Будем терпеливо ждать. Какие качества д. б. настоящего миссионера? Да прежде всего смирение. Приедет он смиренным, незаметным, молчаливым. «Что и как здесь? Научите, пожалуйста», — да в год, много в два овладеет языком, завоюет симпатии всех христиан, войдет в течение всех дел по Миссии, все узнает внутри и вне; при всем этом ни на волос не будет в нем заметно усилие проявиться, дать себя заметить. Он будет, напротив, везде устраниваться, стушевываться. «Я, мол, только учусь»; но сила будет говорить сама за себя и будет возбуждать к себе доверие и симпатии. Мало-помалу он скажет: «Позвольте мне заведовать тем-то (напр., изданием газеты, преподаванием такого-то предмета, таким-то проповедническим пунктом)». «Сделайте одолжение». Заведуемое идет гораздо лучше, чем прежде; все видят это и ценят; быть может, у кое-кого и зависть возбуждается, и недоброжелательство шевелится, и змея противодействия и вражды родится, но обстоятельства говорят сами за себя, — их ни изменить, ни вырубить нельзя (как теперь, напр., нельзя уничтожить явления, что о. Павел действительно превосходный священник и проповедник, а как бы многим хотелось затереть это!); миссионер молчит, — себе ничего не приписывает, простодушно не замечает, если есть недоброжелательство; а дел открывается все больше и больше. Кому же? Да ему, — он охотник делать; и понемногу дела стягиваются в его руки, п. ч. другие руки и рады выпустить все, там только язык силен болтать. И глядь, миссионер, сам по скромности не замечая того, оказывается центром, около которого вращается все, сила из него истекает и вращает все и придает жизнь и быстрое движение всему. Много бы можно пофантазировать, да где он? Будет ли когда?.. А сам ты отчего не такой? Куда нам! <...>

24 января (5 февраля) 1882. Воскресенье

Утром, когда прогуливаясь обдумывал проповедь (неделя блудного [сына]), Нумабе остановил возражением: христианин из Оотавара с женой вчера исповедались, чтобы сегодня приобщиться Св.

Тайн, но сегодня утром, зайдя в Женскую школу, нечаянно, по неведению, выпили по чашке чаю. Так как жена имеет остаться в Женской школе (для изучения церковного пения), то ей — приобщиться в следующее воскресенье, мужу же, который сегодня возвращается в Отавара, попросил о. Анатолия, вчера его исповедовавшего, разрешить его грех неведения — принятием от него вновь исповеди и прочтением разрешительной молитвы. За Обедней муж и приобщен. Христианин из Мукоодзима приходил просить послезавтра сказать у него в доме проповедь; обещано. <...>

25 января (6 февраля) 1882. Понедельник

До полдня окончил перевод и приготовил к переложению на ноты катавасию «Отверзу уста моя». После полдня проверил и сдал в печать обряд оглашения, потом посетил больного о. Павла Ниц-цума. Дай Бог ему выдержать себя; а искушений немало; и тревога проникает в душу, не поспешно ли было пострижение? Впрочем, Господь милостив; хорошо то, что и откровенен о. Павел.

27 января (8 февраля) 1882. Среда

О. Павел Ниццума исповедался. Укрепи его Господь противустоять разным искушениям.

Хакугоку приходил просить за бабу Вас. Авано; две дочери у ней за чиновниками, а питать некому, одна так жестоко обращается, что старуха не может жить у ней; другая держать не хочет, мол, тесно в доме (это для матери-то нет места!); сосовывают старуху на руки внуку, а этот еще и сам требующий питания птенец, к тому же больной; уж несколько лет по 5 ен ежемесячно шло бабе на содержание от Миссии, и при этой помощи все-таки дочери не хотят держать старуху. Ну уж и народец японцы! Благородства чувств — с огнем поискать. Миссию эксплуатируют все, и настолько, насколько есть хоть малейшая возможность! И тут, не будь Виссарион — воспитанник миссийской школы и не получай на бабу 5 ен в месяц (дело единственно христианского сострадания, — равно как бывшее содержание его безногого отца, под предлогом катехизаторства его — безногого отца!), дочери держали бы мать, а теперь как не попытаться добыть еще больше от Миссии, не то совсем спровадить старуху; вот она, пресловутая конфуцианская любовь к родителям! Нет, пока христианство не преобразует японцев, вечно у них будет так поражающая нас теперь низость чувств, двоедушие, сердечное варварство. Велел поискать поблизости к Миссии квартиру для старухи, нечего делать.

С пустым внутренним содержанием и полированным внешним видом, японцы ужасно надоедают иной раз; вчерашние, у кого проповедовал, целою гурьбою пришли благодарить сегодня, — ну что за нелепость! И сами время теряют, и тебе мешают! Пусть бы пришли и язычники, которым можно бы было при этом назидание сказать, а то — катехизатор, старшина церков. и христианин, у которого была проповедь. И улыбайся им, и раскланивайся! А сказать, зачем, мол, попусту бродите и мне мешаєте. — не поймут и обидятся. <...>

29 января (10 февраля) 1882. Пятница

Так как Игнатий, маленький сын Тихая, сегодня именинник, то купил ему на рубашки кусок шелку и игрушек.

Телеграмма из Хакодате дать 200 ен на покупку земли в Суду, для постройки дома проповеднику; а по предыдущему письму о. Гавриила же, в Суцу слушателей — ни единого. Что за нелепость!

Покупаем здесь, на Суругадай, место для семинаристов... место Оохара, за 7000 ен. Хорошо, если все благополучно состоится. Хорошо бы еще купить внизу место для храма, а через дорогу, внизу или вверху, место для женской школы; подряд же с Оохара хорошо бы приобрести место, бывшее Оокуса, для Семинарии. <...> Конечно, место для храма нужно бы приобрести на наше имя, а не на Японское, чтобы не был подвержен храм нелепым случайностям; но дипломатия наша согласится ли? Вот еще

болячка России! Ее пролежень, ее вонючий струп, заставляющий подозревать, что Россия больна и слаба, — коли вовсе этого нет! Ох, эти немцы, с царем полунемцем во главе! Когда Россия освободится от этой больной головы и от этих ноющих членов! Надежда в перспективе на К. П. Победоносцева; не без хитрости, однако, д. б. ведено дело, если на то пойдет (на приобретение куска земли под храм); но как это противно русской натуре! А что поделаешь, коли немцы, как вши и клопы, разъедают тело России!

<...> Э-эх, кажется, терпение скоро оборвется, и уеду из Японии! Вечно в грязной луже стоять — очень уж опротивело. Хоть бы какое благородство чувства здесь, о благочестии и упоминать уж нечего! Постоянно корысть, тунеядство, надувательство, низость, свинство, — из души воротит!

1 (13) февраля 1882. Понедельник. Масленица

Целый день сидел на 3-м этаже, убирая ризницу и разбирая иконы, в которых постоянный недостаток и спрос. За обедом пришел Илья; опять бесконечный гам[?] касательно покупки; а глуп порядочно он! Совершенно не понял или извратил меня; решил 14-го числа покупку без отношения к сроку очищения зданий от жильцов, и оказывается теперь, если не заключить купчую 15-го числа и не выдать 6500 ен, то задаток — 500 ен пропадут. А купит, потом до 25-го числа все таки нельзя войти в здания. Нечего делать, приходится выдавать деньги, хоть с риском будущих затруднений и неприятностей. Дай Бог, чтобы все обошлось хорошо.

3 (15) февраля 1882. Среда. Масленица

Сегодня состоялась покупка земли и строений Оохара, для школы, Айайся, священника и проч., за 7 тысяч ен; Илье за хлопоты дал 50 ен; еще 50 обещал, когда он передаст покупку о. Сато и Ниццума и Хорие, если только можно будет это сделать (неизвестно еще, может ли покупка быть совершена на имя многих лиц).

Слава Богу! Теперь будет не тесно со школой. Семинаристов нужно будет переселить туда, авось будет меньше больных; может быть, и правда, что заболевают головой отчасти от непривычного помещения в иностранном доме. Дня через два, когда выберется оттуда Санкан, пойду, чтобы распорядиться насчет необходимых приспособлений; баню для учеников также нужно будет там устроить, авось меньше будет чесотки.

<...> Каталог библиотеки сегодня совсем кончил, отчего и ложусь в 4-м часу.

Библиотека, как оказывается, довольно почтенная. Кроме того, запасная библиотека очень обильна. По обычаю, сегодня закончили классы, чтобы дать ученикам остальные два дня Масленицы и воскресенье погулять и отдохнуть. <...>

4 (16) февраля 1882. Четверг. Масленица

Оказывается книг в основной библиотеке: по Богословск. Отделу — названий: 2097, томов: 2503

7 (19) февраля 1882. Воскресенье. Заговенье пред Великим Постом

Нехорошо сказал проповедь в церкви. Бесцветно проведенный день, да и погода была дрянная. Вечером прочитал Достоевского — «Униженные и Оскорбленные».

8 (20) февраля 1882. Понедельник 1-й недели Великого Поста

В первый раз осматривал место и здания, купленные у Оохара на имя Илии за 7 тыс. ен. Внутри

места главное здание — новое и огромное; можно поместить все Айайся с Хорие и всеми переводчиками; для о. П. Сато также есть помещение — отдельный небольшой дом; для семейства о. П. Савабе — тоже; но нагая, где предположено поместить учеников, [1 нрзб.] старое здание, придется заново переделывать. Вечером переведил прокимны и проч. для переложения на ноты Тихаем и о. дьяконом.

9 (21) февраля 1882. Вторник 1-й недели Великого Поста

Слава Богу, пришел и ящик с сосудом для Св. Мира. И красоты же необыкновенной! Дорогие деньги — 5 тыс. руб., но и стоит! Дай Бог сохраниться ему долго-долго, многие столетия! И да благословит Бог добрых жертвователей!

Расположили, кому и где поселиться в купленных домах; а двое переводчиков уже поселены в главном здании, чтобы хранили его, пока с места выберутся старые жильцы, и оно окончательно будет принято нами.

Из Хиросима А. Яцуки и Канамори извещают, что там поднялось гонение на них; избili несколько слушателей, поломали дом и вещи. Но зато, по этому случаю, и вновь прибавилось много слушателей, так как заговорили о проповедниках по всему городу; они же, кстати, хорошо держали себя, спокойно выдержали нападение.

13 (25) февраля 1882. Суббота 1-й недели Великого Поста

Плотники принялись за переделку большого дома, чтобы приспособить к школе. В Нагая одно помещение отдал Никанору — повару. Опасно, как бы не подожгли из ненависти, пока дома будут пустые. <...>

Пришли из Ягенбори просить похоронить младенца; а потом пришли известить, что он не крещен! Какая беда и жалость! Виноват катехизатор Исаяя Ооцуки, что, зная о слабости младенца и о том, что он не крещен, не позаботился о крещении. Родители же думали, что о. Павел Сато окрестил его, тогда как он дал только молитву и имя. И вот от каких причин у новых христиан могут умирать некрещеные! Виноваты мы, что слабы в учении и наблюдении. Священник, конечно, не может отпевать, а сказано, чтобы катехизатор проводил до могилы и совершил молитву с родичами.

14 (26) февраля 1882. Неделя Православия

За Обедней освящен был сосуд для Св. Мира, пожертвованный И. И. Павловым и М. О. Романовой; пред освящением сказа-но христианам о нем. Три разбитые стекла в футляре вставлены за 15 ен. Сосуд — красоты редкой. Дай Бог, чтобы тысячелетия хранился на пользу Церкви и во славу Божью!

Христианин из Микавадзима, около Тоокёо, вместе с катехиз. приходил просить купить там участок земли для постройки молитвенного дома; сказано, что об этом должны позаботиться сами местные христиане; если же еще не в состоянии, то, значит, рано думать им о постройке, а должны все усердие употребить на увеличение своего числа.

15 (27) февраля 1882. Понедельник 2-й недели Великого Поста

Утром о. Анатолий опять отправился в Йокохаму на военные суда: «Азию» и «Стрелок»; на «Азии» половина команды будет говеть первые три дня недели (другая половина — 110 человек отговела на прошлой), на «Стрелке» вся команда будет — остальные три дня. О. Анатолий говорит, что команда и офицеры говеют с благоговением. Так не жаль его и отпустить для их душевной пользы.

Здесь некоторый урон для занятий катехизаторских учеников, да что же делать!

Из Хиросима Яцки извещает, что волнения против христианства продолжаются; бонзы составили противохристианское общество; из квартиры Андрея Яцки выжили, так как все соседи жестоко напали на хозяина, чтобы прогнал. Но все это послужило только к славе имени Христова. — «теперь желающих слушать о христианстве — несравненно больше прежнего, и непрерывно прибывают». «Так, видимо, руками злых людей Господь возвышает Свою Церковь», — прибавляет Яцки. <,,>

Из Сиракава Савале извещает, что тамошние христиане, несмотря на свою малочисленность и бедность, предприняли постройку молитвенного дома, и к Пасхе он будет готов. Пишет еще об одной бедной вдове, оставшейся после мужа, на днях умершего, с пятью малолетними детьми без всяких средств. Нужно послать частно кое-что и написать, чтобы, по примеру Апост. Церкви, берегли своих вдов и сирот.

Целый день читал сочинения учеников Катехиз. школы.

18 февраля (2 марта) 1882. Четверг 2-й недели Великого Поста

Готовил корреспонденцию в Россию.

Получил от Rev. Garalt поздравит, письмо, что избегнул опасности быть убитым. В недоумении, послал ему записку, благодаря за добрые чувства и прося изъяснить, какая опасность. Оказалось, впрочем, по словам о. Владимира, расспросившего учеников, что на днях было в какой-то газете, что воры хотели меня убить и ограбить. В добрый час бы.

Искал в лавках safe'a для хранения сосуда для мира. За 300 ен можно купить в японском магазине очень большой; жаль только, что японской поделки, — замок испортится и safe придется ломать.

19 февраля (3 марта) 1882. Пятница 2-й недели Великого Поста

Отвез в Йокохаму на почту приготовленные письма, и искал safe'a для сосуда. Подходящего не нашел. В Йокохаме тоже поздравляли с избавлением от смерти. Оказывается, что в японской газете «Ёмиурисимбун» напечатано, будто на меня на улице напал с обнаженной саблей японец и что я поспешил укрыться за ограду своего места; газетная эта утка перепечатана в английские и франц. газеты в Йокохаме, где я и видел статейку в фран. «Echo du Japon». Вернувшись домой, нашел и от Harrett'a известия о том же и вырезку из яп. газеты. Сказал Оогое-ю, чтобы завтра сходил в редакцию «Ёмиурисимбун» и попросил поместить опровержение.

2 (14) марта 1882. Вторник 4-й недели Великого Поста

В Посольстве Царский Молебен. Дома лень и апатия. Икона, написанная японцем, оказывается негодною. Впрочем, отошлю экземпляры в Россию, — мол, если дешевле и лучше нельзя там, то и здесь можем.

27 мая (8 июня) 1882. Четверг. Каконгава

<...> В ближайшем будущем Накаи не видит здесь надежды на быстрые успехи. Но теперешних христиан нам беречь нужно, отчего и после Собора проповедник здесь необходим.

Жители здешние христианства еще очень не любят. Христиане терпят немало <...> огорчений из-за веры, но все твердо хранят ее, — нет ни одного ослабевшего.

Народ здесь весь поглощен материальным, о каких-либо духовных интересах и помину нет. <...>

Но распушенности нравов и разврата здесь нет; народ только груб и подавлен материальными заботами, неразвит, но не испорчен. Значит, время для христианства еще придет.

1 (13 июня) 1882. Вторник. Оосака

<...> Чтобы взглянуть на Оосака с высоты, заехали в какие-то улицы, где множество храмов — буддийских и синтоистских, — и храмы все богаче; в одной мия видели, между прочим, «миямакри»: повивальная бабка, через 40 дней по рождении ребенка, приносит его в мия, чтобы освятить его и испросить для него милость богов; с ребенком на руках бабка садится на соломенном кружке пред кумирней, а каннуси в кумирне читает молитву; потом бабка входит в кумирню с младенцем, где каннуси оканчивает обряд потрясением бубенчиков над головой последнего. При всем повреждении человек, как видно, никак не может истребить в себе потребности быть посвященным Богу и быть вместе с Богом.

С высоты Оосака представляется городом, скученным в одну группу; здесь не жили князья и нет потому пустырей, как в То-окео; население сплошную массу заняло побережье, прорезанное рекою и каналами. В Оосака невольно обращаешь внимание на необыкновенную чистоту, с которой содержится город; улицы выметены, точно аллеи отлично содержимого сада: о богатстве города нечего и говорить, о нем свидетельствует как наружность домов, так и обилие лавок, а в них товаров.

О. Яков рассказал замечательный случай исцеления, принесенного неисцелимому больному приобщением Св. Тайн. <...> Здешний врач Лука Мацусима заболел «какке», болезнь развилась наконец до такой степени, что лечившие его врачи признали его безнадежным и перестали лечить. Лежал уже он неподвижно, — ничего не мог проглотить — все рвало вон. Наконец и он сам, и окружавшие его родные нашли, что пришел его последний час. Послали за о. Яковом, чтобы его напутствовать. О. Яков оставил проводившуюся в то время катехизацию и, поспешив на зов, застал больного еще в памяти и, исповедав его, потом приобщил; к удивлению всех, причастие он проглотил и удержал в себе, назавтра ему было лучше, а... призванные опять врачи объявили, что с ним произошла совершенно неожиданная и удивительная перемена. <...> Через несколько времени Лука был совсем здоров, каким пребывает и сегодня.

8 (20) июня 1882. Вторник. Ооказики

Здесьние местности знамениты в японской истории тем, что самые крупные личности последних веков — родом отсюда. В 1 ри от Нагоя на запад находится деревня Накамура (домов 60), в которой родились Тайко Хидеёси и Каийо Ииёмаса [?]. В Ооказики родился Токугава Иеасу. Нобунага также из здешних мест. Сегодня в 5 ри от Нагоя проезжали местность, покрытую невысокими холмами, с одного из них, как снег на голову, спустился Нобунага с маленьким своим войском на погруженный в сон огромный стан Имагава Ёсимото; на месте, где стояла палатка Ёсимото и где ему отрублена голова, стоит надгробный памятник ему. Здесь ярко расцветает звезда Нобунага, к сожалению, так рано погибшего в Хонноодри.

<...> Нравы в Ооказики гораздо лучше, чем в Нагоя, но также немало распушенности. Впрочем, народ Микава еще не потерял своей репутации «честного народа», до того установившейся, что в Тоокео, например, довольно назвать себя жителем провинции Микава, чтобы успокоиться насчет честности. — Вместе с тем жители Микава отличаются неразвитостью, что — не в пользу христианства.

2 (14) июля 1882. Среда. Киёто

<...> Дайбуцу. Огромнейших размеров бюст Будды Таико Хидеёси отлил. Лишь только был

сделан и поставлен этот идол, как землетрясением опрокинуло его; Хидеёси рассердился и стрелой из лука наказал Будду, приговаривая: «Если ты сам себя не можешь сберечь, то что проку от тебя!» Впрочем, идол опять был поставлен. А после Хидеёси его разбил и обратил в металл для отливки монеты, на месте же его сделали деревянное подобие его, весьма грубое, которое стоит и поныне. Посмотревши en face на Будду снизу, всходим по лестнице, чтобы заглянуть с затылка, но там только видна сплошная сеть лесов, на которой утверждена передняя обшивка лица из досок.

1884 г.

16 (28) апреля 1884. Понедельник Фоминой

«Церковь в упадке», — Савабе клеветет. Не в упадке — она и не поднималась высоко, чтобы упасть, а слаба как дитя, как юное деревце. И они... бьют еще это дитя, ломают ветви малого слабого деревца, — а сами кричат — в упадке! Что за ослепление! Видно, что враг рода человеческого начал свою борьбу и против Церкви, как ни слаба она. Подкрепи ее Бог!

16 (28) июня 1884. Суббота

<...> Да разве Христос обещал нам что-то другое, кроме креста, в сей жизни? И так — что же смущаться и робеть? <...>

22 июня (4 июля) 1884. Пятница

(Из речи катехизаторам)... Все вы, когда выходите из школы, — ревностны. Отчего? Благодать, призываемая вашим желанием, возбуждает вас и дает огонь; кроме того, смирение еще есть в вас, которое и не мешает действовать благодати. Что же значит, что, послужа, вы слабеете? Дух угасили, обеднили, а иногда и выродились, — благодать и оставила вас. «Духа не угашайте» — вот средство, ревность не ослабляйте. Скажите — трудно? А вы хотите только легкого труда, хотите пряников всегда по-детски, не хотите взрослой пищи, хотите широкого пути, а указанный Спасителем узкий путь вам не по вкусу, — а крест нести и за Спасителем идти не нравится. Если окончательно так, то лучше не служить. Но ведь не так? А просто слабость? <...> Говорят — надоедает, но разве надоедает матери всегда одинаково кормить детей или учителю? Что ж, иногда и почувствуешь усталость, — так средство здесь же, около тебя... мысленно призови помощь благодати... и бодрость с тобой. Вы видели ли, чтобы я без улыбки входил в класс или на кафедру? А разве мне тоже не надоедает всегда одно и то же? Так на что же молитва? «Проси и дастся, толки — отверзется» — разве пустые слова? Что же не просите? Что не употребляете силы, которая с вами и при вас? <.,,> Что до учености, то не придаст она силы, а уменьшит, ибо развлечет, оттянет много мыслей, сердца — на предметы мирские. <...> Ученость совсем не нужна для успеха проповеди. Кому нужна вера, тот возьмет от вас веру и не станет требовать науки, зная, что для этого есть другие источники: и вы, преподавая одну веру, будете сильнее, сосредоточеннее, сердечнее. Между Апостолами один Павел был учен, и того называли сумасшедшим за ученость. Невелика корысть! И не даром это написано, а в поучение нам. Но Апостолы были облагодатствованы? Так будьте и вы! Благодать открыта и для вас. Вам нужно только ясно усвоить вероучение, — нужно также знать отличие и превосходство Православия над инославием. <...>

9 (21) сентября 1884

Бонзам, наподобие сегодняшнего пламенного возражателя: Вы набрали полные карманы камешков и погремушек и с пренебрежением смотрите на золото: «у нас-де полные карманы». Да

выгрузитесь, освободитесь из-под хлама на время и тогда сравните ваш камень с нашим хлебом жизненным, вашу змею с нашей рыбой.

...Бог дал человеку легкие и создал воздух, дал глаза и создал предметы зрения, дал разум и велел назвать имена животных, точно так же дал свободу — и указал древо познания добра и зла — без сего последнего так же не ощутил бы себя свободным, как без предметов зрения — ничего бы не увидел, без земли под ногами не ходил и т. д. <...>

29 сентября (11 октября) 1884

<...> Как начинать речь с неверующими? Хоть со следующего образа. Представьте себе, что за дверьми этого дома вас ждет одно из трех: или вы убиты будете при выходе, или взяты в тяжелый плен, или приняты в светлое царство. Вы не знаете, что же именно. Но знаете, что из этого дома вам выйти непременно. Не будет ли неблагоприятным, если вы беспечно направляетесь к двери, не думая и не исследуя? Или вы уверены, что непременно будете убиты? Но на чем же основана эта уверенность? Не нужно ли проверить, прочна ли основа? Спросите у людей. Тут вся вера веков и народов против нас. Стало быть, нужна проверка, и нет нужды важнее этой. <...>

2 (14) октября 1884

Мы когда мечтаем о деле, то оно нам нравится, а принялись — прескучно. И это естественно: в думах нам представляется дело целостным, с его успехом, благими результатами и проч. благами, а станем делать... процесс надоедлив, ну и скучно. Дума нас не обманывает: когда кончим дело, тогда получим удовольствие, о котором мечтали, — но изволь-ка добратся до него! Торопливость мечты тут скорее вредна, чем полезна, — когда она покажется нам радужным крылом, тогда ползти червем уже и [нрзб.] — ну и бросаешь часто, и скверно бывает!

1885 г.

21 июня (3 июля) 1885

Если бы предстояло претерпеть за Христа 3 секунды невообразимо лютых мучений, разве не согласился бы (разумеется, испрося помощи Самого Христа)? А если бы эти мучения разбавлены были на 3 минуты, причем лютость их соразмерно уменьшилась бы, будто отказался бы? Если бы разбавлены были мучения на 3 часа, разве бежал бы? Если бы на 3 дня, — на 3 месяца, на 3 года, на 30 лет — причем в той же соразмерности убавляема была и мучительность их, так что 30-летнее мучение было бы просто то, что называется трудностями житейскими, — разве отрекся бы Христа? — Вот же, однако, отрекаюсь! От многих трудностей отрекаюсь! От повреждения своих страстей, от труда изучения письменного японского языка, от сочинения апологет, статей, от писем окруж. и проч. — Помоги же, Боже! Избави от Петрова отречения! <...>

7 (19) июля 1885

Печатается Псалтирь. Что дальше переводить? Думал было Требник и Служебник, но оставить сие и иметь в памяти, что через три года будет готов Храм, стало быть Богослужение д. б. правильное, как вообще в Православном Храме; для сего же нужно: в три года приготовить: Постную Триодь, Цветную Триодь (обе вместе составляют треть годового Богослужения); Праздничную Минею и Общую Минею. После этого уже можно и должно перевести Требник и Служебник. <...>

Затем, к тому времени, как будет готов Храм, нужно приготовить и храмовое (соборное)

духовенство. <...> Пишется сие красными чернилами, чтоб не забыть сих двух предметов — Богосл. книг и духовенства, а всегда иметь их в виду, ибо касательно особенно последнего — не знаешь, где потеряешь, где найдешь.

1886 г.

31 марта (12 апреля) 1886

И для чего бы я поехал в Россию? Свидания и посещения, это — такие эфемерные удовольствия, что в воображении они лучше, чем на деле. Не забывать опытов предыдущих поездок.

17 (29 ноября) 1886

<...> Мучительные сомнения — не загублена ли даром жизнь и, вдобавок, множество русских денег? Станет ли Православие в Японии? Кому работать для этого? Ведь вот один как перст, ни единой души русской больше в Миссии. Да что здесь! И в самой России штундисты и прочие секты с ножом к горлу лезут, а миссионеров — один о. Арсений Афонский на всю Россию нарасхват, и нет помощников, учеников у него, жалуется, бедный, и ищет, и едва ли найдет! Итак, не рано ли еще пускаться русским в заграничное миссионерство? Колоссами высятся везде католичество и протестантство! Какие массы людей! Какие неувядаемые, неисчерпаемые фаланги деятелей! А здесь хоть бы кто на помощь (настоящую помощь, разумеется). Что мы? Как брызги, которые бесследно всосутся в песок! Как не закручиниться, как не прибединиться! Разве чудо Господь сотворит, направив Японию на Православие? <...> Но достойна ли Россия того и достаточна ли Миссия? <...> Боже, Боже, как громадны, неистощимы средства... и ресурсы — и материальные, и нематериальные — у католиков и протестантов, и какая бедность... у нас, не имеющих ровно ничего, кроме Истины, без малейших средств и ресурсов даже заявить ее! <...> Скоро прот. и кат. сомнут нас под ногами и оставят далеко позади себя! А там что — ничтожество и исчезновение? Ужели это? Итак — жизнь загублена! Множество русских кровных денег брошено в огонь! Какое мучение может быть горше этой мысли! <...> Боже, не дай совсем ослабеть! Если же в самом деле я здесь совершенно бесполезен, то укажи путь в Россию!

18 (30) ноября 1886

Вчера написанное — одно малодушие. Нашей нетерпеливости хотелось бы, чтобы перед нашей секундой бытия сейчас же и развернулся весь план судеб Божиих. Вероятно, во всем есть смысл, что намеренно сам человек не ставит в противоречие разуму Божию. Ведь я же не для себя, не по самоволию поехал в Японию, а мне хотелось сделать какое-то добро, — так отчего же не положиться на волю Божию? Вероятно, и моя жизнь имеет какой-нибудь смысл и какую-нибудь пользу, ну хоть бы даже ту, чтоб показать, что в России нет миссионеров. Если в простой былинке, которую мы небрежно растаптываем, все-все клеточки имеют свое назначение и приносят свою... пользу, то человек неужели бессмысленнее и захудалой клеточки? Подумал бы так, значит уже разом отказался бы от всякой логики и всякой веры. Итак, нужно... стоять на посту и спокойно делать, что под рукой, не заботиться о прочем: мы рабы — Хозяину виднее, Он пусть заботится! Но и не безучастно относиться к своей службе, как то делают дрянные рабы, а влагать сердце и душу в нее, — но спокойно, от неудач не опускать голову и руки, от удач не поднимать выше обыкновения голову и не давать пульсу биться сильнее, — Хозяин-то правит ладьей жизни нашей, — и, затишье ли, быстрое ли течение, — все это его дело, — а наше спокойно грести, не выпуская весла, пока смерть не выбьет его из рук. Ныне мало верится в обращение Японии в Православие: слишком уж много здесь прот. и кат.

миссионеров — до 500 человек; и слишком Япония во всех решительных отношениях увлечена цивилизацией протест. и католич. стран; английский язык повсеместно изучается, школы... обычаи, войска, дома, фабрики. — все, все-все копии с прот. и католич. образцов; с России же ныне ни при чем, ни в чем, — ни слова, ни мысли, одна речь о России — с голоса иностранных газет... словом, — свет и тьма — вот для Японии другие государства и Россия. А чтоб веру взять, нужно любить, уважать ту страну, откуда взял!

Но, быть может, для Японии ныне и нехорошо и бесполезно брать Православие?

Она желает ныне веры иностранной... как ресурса для подъема своей государ. жизни; для такой же цели действительно больше годятся идущие на всякие мирские сделки инославия.

Православию же нет тут места. Православие д. б. принято как Вера Христова. <...> Слишком замучено! Пусть отстоится, успокоится — глубже и яснее будет видно внутрь. <...> Тогда придет очередь и Православию... бесконечно высокому. <...>

30 декабря 1886 (11 января 1887). Вторник

<...> Придет время: образованные умы, ныне служащие инославию, сами же разнесут его по клочкам как ложь, а наши невежественные умы православные — разовьются и отразят весь блеск Православия, и пойдет оно волнами света по лицу Земли, — не облаками и тучей. Вместо католич. рабства узнают люди подчинение истине, вместо протест. своеволия возлюбят свободу. <...> Мир принадлежит истине, а не лжи, истина же в Православии, но нужно, чтобы истина постепенно овладела миром: скороспелое и насильственное завоевание непрочно. Правосл. Миссионерство должно быть делом всей Русской Церкви. <...> Но нужно, чтобы в сознание Русской Церкви вошла обязанность Миссионерства.

1887 г.

5 (17) июня 1887. Пятница

День был сырой, со свинцовыми тучами все время. И на душе было с утра целый день так сыро, так свинцово-тяжко, что таких дней в жизни мало, — а если б было больше, то ада не нужно бы другого. Так грустно, так печально, так безотрадно и теперь, что — д. б. это вот и есть то страшное состояние, когда Благодать Божия совсем отстает от человека, только — Боже — за что же это? Ужели и без того бедному человеку так мало страдать, что Ты еще бичуешь его — к ранам раны прилагаешь! Но за что же? Что, мы разве виноваты, что грех прежде нас существует и что мы, рождаясь, точно в кипящий котел попадаем? — Какая причина грусти сегодня? Да много причин.

1888 г.

4 (16) марта 1888. Пятница на Масленой

Гулял в Уено, в моей любимой тихой широкой аллее; изредка только прохожие прерывают течение мыслей; а шум верхушек почтенных сосен или разом брызнувший сноп лучей на прогалинах... такие успокаивающие и светлые мысли навевают. В прошлом и позапрошлом году почти в это время (в Рождеств. отдых) там же гулял, — и почти те же мысли, то же настроение; от той же апатии и уныния старался отделаться. Ныне что за уныние все эти дни, навеянное письмом Победоносцева. <...> Прогулка изгнала сплин. Но надолго ли? Я, кажется, все больше и больше теряю душевную упругость. Положил на этот раз следующее: 1. Молиться всегда, не в пост только, молитвой св. Ефрема: «Господи

и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния...» Боже, помоги! И без того я один на Миссии, а уныние и последнего отнимает от дела Божия! Праздность — вследствие уныния — как она вредна и для Миссии, и для меня же самого — расслабляя и без того слабую душу! И что приятного в праздности? Ну вот вчера — отдыхал от занятий, читал, — думал успокоиться нервами; разве чувствовал удовольствие? Чувство человека на приятной лужайке, но с загрязненными сапогами. <...> 2. Стараться приобрести «кротость», которой у меня решительно нет. <...> Поступаться нравом своим в пользу любви и кротости, которые суть благое иго, даруемое Спасителем. 3. <...> Стараться поскорее закончить постройку собора. <...> 4. Завтра — ежедневно, несмотря ни на какие дни, вставать в 3 часа, — ложиться между 10 1/2 — 11 час., и после обеда не отдыхать, а если сон станет очень клонить, прилечь на 1/4 часа. Помогите, Ап. Павле! <...> Помогите и вы, свв. братья Кирилл и Мефодий, житие которых проф. Малышевского только что прочитал!

Говорить со всеми... кротко, разумно, от любви, — тогда слово большею частью будет производить хорошее действие, по крайней мере, не будет вредить; говорить же гневно, гордо, нетерпеливо, — слово будет гнилое — люди так и примут его, и хорошего ничего не выйдет; попробуй гноем кто брызнуть на кого — всяк вознегодует, станет смахивать, противиться; душевные болячки — гнев, лень, гордость, нетерпение, злоба, ненависть и проч. — не менее гадки, чем телесные, — из гнойной раны — гнева, гордости и проч. брызжущее слово — вонюче, мерзко, оттого и у людей возбуждает противодействие — тоже гнев, злость и т. п., — как и лошадь — лягнет, когда ее хлыщут. Итак — слово кроткое, любовное, разумное — ко всякому; и кто его не примет — ему же хуже, — а мне вреда не будет.

9 (21) ноября 1888

Интересный и вместе с тем ужасный тип русской женщины сегодня встретил. <...> После службы у меня за чаем был, между прочим, след. разговор: «Говорят, буддизм сходен с христианством», — начала <...>. — «В нравственном учении буддизма действительно есть некоторое сходство с нашей религией, да и в какой же языческой религии его нет? Нравств. учение язычников черпается из совести, которая и у них не потеряна». — «Но и веру учение Христа заимствовало из буддизма». — «Ну, это говорят люди, не знающие хорошо ни учение буддизма, ни учение Христа». — <...> «Да отчего же Христу и не заимствовать из буддизма, если ему то понравилось? Он, Христос, был человек умный». — «Христос был Бог и изрекал Свое учение, как Божеств. Повеление; Будда же, как и все в мире, и весь мир перед Ним — ничто», — оборвал я, чтобы прекратить это изливание нечистоты из клоаки генеральского разума... Прощаясь, адмиральша, видимо, чтоб сгладить дурное впечатление своих отзывов о Христе, выпалила еще: «Я ведь большая поклонница Христа!» Долго уже я живу на свете, а все приходится удивляться. И это христианка! <...> Так-то высший класс у нас в России невежествен, хуже... чем необразованные мужики, касательно Веры. В школах долбят кое-что, но... скоро забывают, а позже вся эта сально-грязная струя низменных хлячких французско-немецких мыслей и словес хлещет в их мозги и сердца, и делаются они смрадными... до гнилости и отупения. <...> Грустно! Мучительно! Скорей бы России дунуть с себя эту накипь и нагар!

21 декабря 1888 (2 января 1889). Среда

<...> Какой сулил Бог быть Японии — православной или инославной, — кто знает? Материальна и мелка она очень, на внешнее очень набрасывается, — а видимость при сотнях миссионеров, учителей, учительниц со всеми обаяниями цивилизации, — у инославных. <...>

29 декабря 1888 (10 января 1889). Четверг

Утром гулял в Уено, в моей аллее-советнице. Решил: в будущем году усиленно позаботиться об устройении своей внутренней жизни. Все до сих пор шло спустя рукава; нужно же, наконец, взять

инициативу. Да поможет Господь в наступающем году особенно одолеть этот корень всех зол — «леность». Ведь, в самом деле, если бы человек во всякое время употреблял все данные ему Богом средства и силы, как много человек сделал бы! Отчего же нет этого? Ответ один: леность заедает! И во мне — как много этого зла! Скажут, что вовсе нет, но сам же я в себе гублю по крайней мере одного человека: если бы не лениться, все равно было бы, что двое нас, а теперь и один-то через пень-колоду. И грех, и стыд. Итак, помоги, Господи, — в будущем году соблюдать: в отношении к Богу — молитву и чистоту... в отношении к людям — терпение и приветливость, к себе самому — прилежание и умеренность! Внешним признаком заботливости о сем да будет — с нового года ежедневное (и в Воскресенье) вставание в 3 часа и неотдыхание после полдня. <...>

А-ах, Господи, сколь благ для нас Закон Твой! Для избранников Твоих он не важен — «праведнику закон не лежит» или особенно злому человеку «закон не писан» (что, вероятно, принадлежит его уродству, и Ты, конечно, милосердно рассудишь сие); но для нас, для посредственников — Закон Твой — вся надежда наша на Жизнь! Не будь его, — все мы — растаяли бы телесно и изгнили бы душевно, — но Закон Твой — узда для нас, — и мы — повиновавшись позорными мыслями и чувствами, все же остаемся не очень уклоненными от пути, не расслабши телесно, — не исключая и обычных немощей, — не изгнившими вконец душевно. Все это не мешает нам быть последними из грешников, — не об этом речь теперь, не о гордости и смирении, а о благе Закона Твоего, Господи.

В 1859-й год я вступал в Академию.

В 1869-й в Хаколате — и скверно было!

В 1879-й — здесь, и тоже печально было, хотя, однако, тогда было 4000 христиан, а в 1869 — всего 3, — разница в 10 лет очень резкая <...>.

В 1889-й год вступаю здесь — не радостно; Собор не кончен; христиан сравнительно мало, инославные массой давят.

По предыдущим примерам судя, следовало бы и в нынешнем году отправиться в Россию, но для какой же цели? Если только не по вопросу водворения Православия в Японии, то не желаю, и не дай Бог ехать в Россию. Мой единственный смысл жизни и радость — просвещение Японии Православием, и я верю, что сие будет, верю так же твердо, как верю в Бога, но достойна ли Япония принять Православие, или ей еще сужден полумрак, — Господь весть! <...>

1889 г.

2 (14) января 1889. Понедельник

Был с новогодним визитом Соесима, граф. На вопрос мой: «Верно ли в Парламенте... будет поднят вопрос о вере для Японии?» — отвечал: «Не будет, ибо вера не касается Правительства; вера будет оставлена на произвол каждого». — «Но какой же веры будет Император?» — «Это его личное дело». — «Однако же вера весьма важна и с точки зрения государственной, и Правительству нельзя относиться к ней безразлично; Япония теперь в периоде искания веры для себя, только Правительство имеет возможность исследовать и определить, какая же вера истинна; для частных лиц это весьма трудно, средств не хватит, да и частное лицо, нашедши истину, не будет иметь авторитета, чтоб преподавать ее государству, если Правительство не поможет народу в этом деле, наедут сюда все возможные секты, раздробят и поделят Японию и т. д.». Уже не в первый раз я ему толковал все это, а ныне рассказал, как наш св. Владимир отыскал истинную веру; говорили о разности отношений различных христианских исповеданий к Правительству; если войдет сюда католичество, то Япония завтра делается рабом <...> Папы; если протестанство — вера будет на посылках у Правительства или же — как ныне в Америке (хвалятся — «свободная вера в свобод, государстве») и Франции —

будет раздавлена Правительством. Все это граф слушал вперемешку со своими непонятными возражениями: «я, мол, сам сочиню веру» и под., или же, — по-видимому, слушал, кажется, ничего не слыша, а думая... свое, — ибо — ни на волос он не поддается никаким религиозным убеждениям вот уже сколько лет.

И, смотря на него, грустно становится за Японию; один из лучших людей Японии он, — и, кажется, — может быть принят за представителя и выразителя духа народного; ужели же и вправду, как почти все иностранцы отзываются о японцах, — народ сей совсем безнадежен в религиоз. отношении, индифферент или невер по природе? Чуть ли не больше по нему Найт, унитарий из Америки, проповедующий в Тоокёо и, говорят, всегда имеющий большую аудиторию и последователей из высшего класса! <...>

5 (17) января 1889. Четверг

Прочитал «Афоризёмы» и «Максимы» Шопенгауэра. <...> Учение его, что «зло позитивно, а благо негативно» и что несчастье и страдание — общее правило и даже цель сей жизни, что за дикое ученье! Оттого он и сходится с буддизмом. Буддийское изречение: «Это есть сансара, мир похоти и вожделения, и скорби; мир рождения, болезни, одряхления и умирания... мир, который... не должен существовать», советует повторять всякому четыре раза в день. От него-то буддизм вошел краешком своего тумана в... пустые головы в Европе и Америке, — а отсюда и в Японии, — «буддизм-де будущая религия Европы, на место исчезающего Христианства». <...>

7 (19) января 1889. Суббота

Утром урок с... проповедниками. Частный и Общий Суд: воины, возвращающиеся поодиночке с поля битвы, и торжество по окончании всей войны... Когда Общий Суд — мы не знаем, как не знают рабочие, когда будет окончено здание нашего Храма и в каком он виде будет: каждый делает свое дело, но общего плана не знает... Но признаки есть, когда будет окончено, — это — когда все ремесленники внесут свою долю труда — когда останутся только негодные отбросы материалов, наконец, когда леса станут разбираться; так и там: когда все народы, услышав Евангелие, внесут свою долю в создание Церкви, когда на земле останутся одни негодные отбросы — злые последователи антихриста, и когда звезды спадут и проч. <.,> Искупитель наш д. б. всемогущим для того, между прочим, чтобы истинно возводить и перетворять нас, иначе, напр., св. пророк Давид мог ли бы наслаждаться блаженством при сознании своих грехов, или Моисей Мурин, или разбойник с креста. Но чувство греха и страдание у них погашено, ибо они ветхого человека сбросили и родились во Христе, ничего не ощущая боле от своих прежних падений — не равно человек не ощущает боли от падения и ушибления, когда он был 5-летним — отчего? Оттого, что он совсем новый человек, возможно, он только помнит, что ушибся тогда, но боли не чувствует... Нужно так душе нашей возрасти во Христе — это великое таинство, — и все, что в Св. Писании о возрождении говорится — великая и отрадная истина, истина буквальная...

12 (24) января 1889. Четверг

Этакое несчастье! Сегодня в храме плотник Хирата, 30 лет, из деревни Симабура... из разбиравших подставки оборвался по неосторожности и убится до смерти, упав на кирпичный помост под аркой (с север, стороны). У бедного остались жена и трое детей. Товарищи его, положив труп на сколоченные доски, унесли домой. Быть может, из детей кто будет годеи в одну из наших школ. Хоть бы этим помочь. Грустно! <...>

13 (25) января 1889. Пятница

Протестантов и взаправду, кажется, уже близко 30 тысяч в Японии, — все восхваляются этим в газетах. А года 3 назад было вдвое меньше, чем у нас; теперь же мы наполовину отстали, ибо у нас всего 15 тысяч. Впрочем, и это сопоставление далеко не в похвалу протестантству, если принять во внимание, что у них одних иностранных... миссионеров до 300 душ, тогда как нас всего трое, и с о. Сергием, всего три месяца назад прибывшим. Впрочем, нет сомнения, протестанты все больше и больше будут нестись вперед и обгонять нас, прыгая и резвясь. <...>

Они совершенно как блудные дети, радостно несущиеся вдали от родного крова в восхищении, что имеют в руках часть наследства и свободу тратить его как хотят. С какою радостью они толкуют о христианской свободе и как наивно пользуются ею. <...> Бедные! Как видимо беспутно расточают сокровище свободы, данное Отцом Небесным! Смешивают свободу с безалаберным самопроизволением и тем сами себя обедняют. Свобода есть беспрепятственное движение и жизнь в законных пределах; выскочишь из них — значит, лишишься свободы. Рыба — свободна и счастлива в своей стихии — воде; но если бы она под тем предлогом, что свободна сделать это, выпрыгнула на берег, то попала бы в стихию, которая не свойственна ей, которая бы <...> сковала ее, сделала ее жизнь на время мучительною, а со временем и совсем лишила бы ее жизни. Так и с протестантами, выпрыгнувшими из Церкви; они сами лишили себя благодатной атмосферы Церкви, и бьются, и трепещутся — точно рыба на песке, — чему верить? Не знают! Чему следовать? Не ведают! Все перемешалось и перепуталось во взаимных недоумениях и спорах; а неверие, точно шумящая и ревушая волна, хлещет все выше и свирепее и рвет из рук у них последнее весло — надежду — Свящ. Писание...

В Европе и Америке прот. мир все более и более приходит в сознание окончательной своей несостоятельности и уже почти совсем отрекся от Христа Бога. (Elsmer — выражение прот. сознания, потерявшего веру в божество Иисуса Христа.) Но щепы от разбивающегося протестантства еще заносятся сюда в виде миссионеров — с ревностью набрасывающихся на Японию в таких количествах. И здесь японцы, точно дети в куклы, с восторгом начинают играть в пасторов, учителей, проповедников, диаконов и все — с неограниченною свободой толковать Свящ. Писание по- своему и творить новые секты сколько душе угодно. В добрый час! Видно, так лучше, блудный сын пусть поважничает, растратится и почувствует свое убожество. Или этого не будет? Не опомнится? Но ужели японский дух — ни к чему не годен? Совсем не на счету у Провидения? Кто жил и умер только с ложью на устах и в душе, — все равно что не жил. Нет — не верится этому. Много хорошего, полезного Богу из японцев, которым не дай-то Бог умереть во тьме или полутьме. А это значит, что настоящие и будущие протестанты и католики здесь, избродив глухие тропинки, вернутся наконец на истинный и прямой путь, ведущий в Царство Небесное. Итак, будем трудиться и с помощью Божию строить здание Правосл. Церкви с твердою верой, что этим полагается камень в основание дома истинного прибежища для всего японского народа.

Но, Боже, взгляни же скорее оком милосердия на сей народ! Жизнь сия уподобляется плаванью в море или путешествию, но разве есть пловцы или путники, отвечающие на вопросы: «Куда направляетесь? Какая цель пути вашего?» — «Не знаем, не знаем!» А здесь у всего этого моря людей если спросить — что за гробом? Какая цель вашей жизни и т. д.? Никто не ответит как должно; все скажут: «не знаем», почти все — «и не хотим знать», — а иные, вроде здешних университет. ученых, засмеются на вопрос и назовут его глупым, мол-де — «с жизнью... человека все кончается — душа его исчезает». Что за ужасное состояние! <...> Именно «люди, сидящие во тьме и сени смертной!» Боже, засвети здесь солнце истинного Твоего Евангелия скорее!

«Церковь своим руководством стесняет-де», — блядословят неразумные протестанты. Ну да! А в темноте-то предлагающий руку надежный путеводитель тоже стесняет? Лучше лоб расшибить об стену либо ногу сломать? «Теперь-де не тьма, а цивилизация». Пусть. Но и среди бела дня разумные

мореходы разве не берут лоцмана — там, где путь небезопасен или неизвестен? «Но и без лоцмана ходят и приходят». А Церковь-то разве насильно и... непременно навязывает свое руководство? А как же по 40- 50 лет жившие в пустыне отшельники плыли по житейскому морю? Не самостоятельно ли? Да еще и святыми стали, еще и книги, полные руководственного света, для других написали. Так и теперь, хочешь самостоятельно жить и думать — живи и думай, — Церковь будет радоваться за тебя, если будешь право идти; это-то, собственно, и цель Церкви — возрастить всех до самостоятельности (в меру возраста... Христова — значит до высочайшей, идеальной самостоятельности). Но дело в том, что Церковь — всегда во всякую минуту готова поддержать, помочь, наставить, — чего в протестанстве нет и быть не может (читай Св. Писание и понимай как знаешь).

2 (14) февраля 1889. Четверг

Что за мерзкое сочинение Соловьева «L'Idée Russe»! Такую наглую и бессовестную ругань на Россию изрыгает русский! Католики зато как рады! Но не на свою ли голову радуются? Пусть Россия плоха... но разве следует из этого, что Православие плохо? А Японии нужно Православие и ничего боле, — никаких... окрасок веры, ни русских, ни равно римских. Развить эту идею и поместить в нашем журнале.

23 марта (4 апреля) 1889. Четверг

Пожаловаться хоть бумаге на свое горе, коли живым людям некому. А горе делается легче, если оторвешь его от сердца и поставишь пред собой — бессильной делается эта змея, перестает сосать кровь сердца, потом и совсем замрет. Горе же мое великое и нелегко и не всякому сказуемое. Пусть же оно здесь будет повергнуто, — к несчастью, не могу сказать — погребено. (троки эти если и попадутся кому, то разве после моей смерти, и «мертвые срама не имут», — притом же тогда и дело будет яснее, тогда как теперь — темна вода во облацех... Горе мое — сомнение в успехе дела Миссии. Третьего дня вечером при чтении писем... от катехизаторов и священников со мной чуть не было истерики; ударил же я по столу так, что от сотрясения лампада загасла <...> Вскрикнул неистовым голосом: «О, Боже мой, Боже!», а потом пошел браниться по-японски <...> «Все только деньги и деньги!» Во всех почти письмах — просьбы денег или трактаты о деньгах. <...> Новое требование 20 ен дорожных <...> и было соломинкой, переломившей хребет верблюда, для меня. 11<> это только вспышка, а постоянная, гнетущая мысль: будет ли и в самом деле какая-то польза из всех этих трат на Миссию? <...> Или я всю жизнь мою граблю Россию, бедную Россию, столь нуждающуюся в воспитательных средствах, на — ни что путное, ни служение материальным вождениям!..

Боже, мысль эта может... свести с ума!.. И мысль эта гнетет меня — она и есть то мученье, которое заставляет меня сравнивать себя с мучениками, — без надежды мучеников на будущее.

30 марта (11 апреля) 1889. Четверг

(Ровно 9 лет, как рукоположен в Епископы в Ал.-Нев. Лавре)

Однако же, если спокойно рассудить, то и не очень я могу винить себя... как выше сказано. Как я уехал сюда в 1860 г.? Самое нипгонамренное и какое-то неудержимое желание служить Церкви... неудержимое, говорю, ибо все-все до единого кругом удерживали от этого шага (собственно, от монашества, ибо тогда было время самое антимонашеское). <...> Дальше, кто до сих пор держал в Японии? Тоже не самолюбие, не желание самоугождения.

<...> С самого приезда в Японию до сих пор я не помню времени, когда не считал бы себя счастливым, если бы что хоть против воли моей вызвало меня из Японии. Но сам никогда не мог и теперь не могу уехать. Отчего? Да ужасаюсь греха пред Богом — самоволия. Бросить пост, когда нет

причин к тому, а причин нет, всегда есть некоторое движение вперед. — значит, что-то толкает вперед — так же как (только более скоро) толкнуло в Академии. <...> Уйти, вот хоть бы теперь, когда давит дума — не бесполезны ли все траты? Но кто же мне скажет, что действительно бесполезны? Быть может, если не здесь полезны, то в России? Кто знает, какую нравственную пользу приносит Миссия одним своим существованием?

Материальные расходы <...> Если подумать, что ежегодно миллионы текут из России в Европу на прихоти моды, то можно и не так мрачно смотреть на миссийские расходы. <...>

4 (16) августа 1889. Пятница

Недавно... кончился Собор здесь. На нем и после него, до сих пор, сколько я страдал. Боже упаси! Церковь приводит в отчаяние. Кажется по временам, что ничего ровно, кроме пены, — дунуть — и все исчезло. <...> Как я счастлив был бы, если бы какое-либо не зависящее от меня обстоятельство вызвало меня из Японии и обратило на другой путь службы! Самому же бросить Японию страшно: не людей страшно, — хоть и совестно было бы, несказанно совестно сказать в России: «Напрасно вы наделись на Яп. Миссию — ничего из нее не вышло, — только деньги истрачены», но Божьего Суда страшно: что-то еще невольно удерживает в Японии, быть может, это 30-летний навик, а быть может, и воля Божия. В первом случае уехать из Японии было бы хорошо, — но кто же поручится, что это не последнее? Так или иначе, но выехать самопроизвольно отсюда я считаю для себя так же невозможным нравственно, как если бы ангел с огненным мечом стоял на пороге Японии и преграждал мне выход. Итак, нужно мириться с жизнью и деятельностью здесь. Но как же помириться? Сегодня я опять был в Уено, в моей алле-советнице, и вернулся оттуда несколько успокоенным и с просиявшим взглядом. Япония — страна, очевидно приготовленная Промыслом к принятию христианства. Высший класс здесь, правда, погружен в туман земных удовольствий, не видит нужды ни в какой религии, средний — уже лучше — считает религию нужною по крайней мере — как средство управления народом и т. п., — но низший, простой класс народа прямо и просто считает религию необходимою душевною потребностью, — и потому — или еще от сердца держится буддизма, или, почувяв недостаточность его, — льнет к христианству. Итак — христианство сюда непременно должно войти. Какое же? А кто предскажет это? Систематичности от Яп. народа ждать нельзя — он изменчив, как струя воздуха. Давно ли, напр., ликовали все, что пересмотр трактатов успешно сделан с Америкой и Германиею, — а теперь почти все поголовно против пересмотра трактатов. Нет, — протестантство забирает силу благодаря массе миссионеров и средств, — но кто же поручится, что волна эта... будет идти поступательно, а не отбросит ее какое-нибудь неожиданное обстоятельство назад? Кроме изменчивости, еще черта Яп. народа — послушность влияниям Правительства. Кто же уверит, что тут же через какие-нибудь 5 6 лет не произойдут такие политические комбинации, что Яп. Правительство найдет полезным прильнуть к России, наподобие того, как теперь льнет к Германии и Англии, — и не даст чрез то толчок народу хлынуть к Православию? В руце Божией жребий народов; ныне жребий России и Японии — далеко друг от друга, но — одним сотрясением длани — они могут очутиться одно возле другого, другие же отброшенными в стороны далеко. Итак, нужно отдаться на Волю Божию. Или же нет совсем признаков благоволения Божиего к Православию здесь? Этого, по совести, я не могу сказать; напротив, во многих обстоятельствах почти наглядно является это Благоволение... Терпеть же дальше и стоять крепко на вверенном посту! По течению или ветру и бездушная лодка плывет, без бури и ветра и гнилой столб стоит. Но против течения или без попутного ветра может плыть только человек — от бури не упасть может только [нрзб.], имеющее в себе устойчивость. Ленивы мы! Богом данных сил не хотим двинуть — оттого и падаем, нужно, чтобы тащили и радовали нас благоприятные обстоятельства, тогда мы... плывем: «мы-де!» Гадко! Пусть и целые Церкви отпадают, катехизаторы уходят, священники гниют, — стоять и работать бодро, не обращая ни на что внимания, — не давая себе падать, уходить в уныние, гнить без деятельности — то и будет подчинение

воле Божией. — а там, что ей угодно! Итак, Господи, дай же и никогда не отнимай от меня мир и бодрость! Дай быть Твоим верным рабом! Жаждет сего душа моя, — только не может без Твоей помощи!

24 августа (5 сентября) 1889. Четверг

Такое уныние, такое уныние, что не знаешь, куда деться! Никто в Японии так не страдает, как я. У японцев все дела определены, ограничены, — у инославных миссионеров — у всех свое общество, — если и есть горе, делят его друг с другом, и легче. Я вечно один, не с кем разделить дух, печали, тяжелые душ. состояния; а дело неопределенное, не знаешь, так ли оно идет, будет ли из него прок; если есть хорошие признаки — счастлив, если дурные — страдаешь, как в аду.

И дело неограниченное — никогда не скажешь, что сделано, — сколько ни думай, сколько ни трудись, никогда не скажешь даже, что начало положено.

— Боже, где люди для служения Тебе здесь? Священники и катехизаторы — ни один... не утешает. <...> Ученики — все бездарность и убожество, к нам идут в школы только те, которым больше некуда деваться.

Итак, я один и нельзя ожидать людей! <...> А тут строится Собор и скоро будет готов, — кто в нем будет молиться? Не на позор ли Православию он строится? Но в таком случае, зачем же все удавалось? Ужели это не Божья помощь была, а искушение? Но для кого же? Меня нечего бить, я и без того весь забитый. Православной Церкви еще заушина! Но, Господи, не жестоко ли рабу [нрзб.] до конца, и еще бить и бить, — не дать ему ни в чем утешения! О, горе, что за страдание! И еще, быть может, лет двадцать такого адского мучения!

1891 г.

18 (30) сентября 1891. Среда. Мияконёдзё и Сёонай

<...> С 7 часов назначена была проповедь для язычников. Слушателей собралось полный церковный дом и коридор, много стояло и вне; слушали очень внимательно, только мальчишки снаружи мешали криком; продолжалась 1 ч. и 20 мин. <...> Когда язычники разошлись, сказано еще было, но только к христианам и готовящимся к христианству, о необходимости Христ. веры для блага Яп. государства, что Яп. народ, несомненно, скоро может сделаться богатым, но если в то же время не примет христианства... то от роскоши и упадка нравов скоро погибнет...

1893 г.

9 (21) июня 1893. Среда. Касимадай. Оомацузава. Фурукава

Опять целую ночь шел дождь, поставив нас в затруднение, как продолжать путь; хотел было обуться в варадзи, братья настояли ехать до Касимадай в тележке. <...> Прибывши же, мы попали в затруднение: что делать с собой, куда деться? В доме Ивана Са-саки, где молельная икона, все полно шелков, червем, — и там теперь самая горячая работа — отбирать и пристраивать червя, готового плести кокон, и кормить большого червя еще не готового. Другие христиане все также по горло заняты или червем, или посадкой риса. В самом деле, это время — самое неудобное для посещения Церквей; просто совестно — мешать христианам своим приездом. <.,.,>

15 (27) июня 1893. Вторник. Фукусима. Тоокёо

<...> Итак, почти все Церкви, существующие в Японии, осмотрел. Остальные досмотрю после Собора.

Общее впечатление, что Господь хочет быть Его истинной Вере в Японии. Везде по Церквям есть <...> хорошие христиане; везде видны следы благой помощи Божией. Но жатвы много, а делателей мало; их бы и достаточно, пожалуй, да плохи очень. <,,> Господь 12 Апостолами просветил мир, но у 12 чел. была сила 12 тыс. чел. Здесь ныне 120 катехизаторов, но у них силы, во всех вместе, нет и 12... Одна надежда на Господа Спасителя. Твори, Господи, волю Свою и здесь, как творишь ее на небе! Являй силу Свою и здесь, как являешь ее во всем мире! Просвети страну сию светом истинного Твоего учения, молитвами Пречистой Твоей Матери, свв. Ангелов, свв. Апостолов и всех святых!

1894 г.

19 сентября (1 октября) 1894. Понедельник

Япония — золотая середина. Трудно японцу воспарить вверх, пробив толстую кору самомнения. Послушав иностранных учителей и инструкторов по разным частям, атеистов, что-де вера отошла, а коли держать что по этой части, так свое, они возобновили синтоизм, хранимый теперь Двором во всей его точности; послушав некоторых недоверов-иностранцев, что буддизм выше христианства, и посмотрев, хоть с усмешкой, как сии иностранцы (Олкотт и под.) кланяются порогам буддизма, они вообразили, что христианство им совсем не нужно, неприлично. И ныне плавают в водах самодовольства, особенно мелководных, благодаря победам над китайцами (три победы одержали), — и нет границ их самохвальству! Интересную коллекцию можно составить из... статей ныне, доказывающих как дважды два, что японцы — первый народ в мире по нравственности. <,,> Нахлобучили, вероятно, не на малое время на себя шапку европ. и амер. учителя по предмету атеизма и вражды к христианству. Тоже — золотая середина! Она еще большее препятствие к истинному просвещению в высоком значении, чем в низменном! Что может быть хуже, прелестнее и вреднее гордости! А она — синоним пошлого самодовольства. <...>

22 сентября (4 октября) 1894. Четверг

«Шедше во вся языки, проповедите» — сказано по настоящему времени никому иному на земле, как нашей Правосл. Церкви, преемнице Церкви Апостольской; и именно Русской Церкви, пот. что Греческая бедна, не может по этой простой причине рассылать миссионеров. <...> На дело проповеди в России средства найдутся — в этом и сомнений не может быть. Но как подвинуть проповедь? Как исполнить заповедь Христову?

1895 г.

11 (23) июня 1895. Воскресенье

Католики дают цену добрым делам пред Богом. Но разве добрые дела как некое сокровище человек понесет на плечах за гроб? Нет, он не понесет ничего, кроме собственной души. Наги все предстанем пред Господом. Что это значит? А вот что. Я трудился в Японии, хоть и плохо, все же трудился, 35 лет; умри сегодня — что будет явлено завтра на Суде Божиим? Явлено будет, нажил ли я смирение или гордость; если последнее... то Япония, значит, не только не послужила мне самому во

спасение, но, на-против, погубила меня. Иуда был апостол и спас, вероятно, многих, но это послужило ему к тягчайшему осуждению, когда он предстал пред Судом Божиим своею нагою душою, такою, как она значится в Евангелии...

25 июня (8 июля) 1895. Понедельник

Прочитал в газетах, что меня причислили к ордену Владимира 2 ст. Гораздо приятнее было бы прочесть, что мы уже выросли до того, что нам все эти цапки не нужны. 35 лет тому назад, когда я ехал в Японию, в одном месте, в Сибири... мне мелькнула мысль: хорошо бы навешивать человеку кресты, когда он кончает воспитание и вступает в жизнь, и потом, по мере исполнения человеком своей службы, снимать с него кресты, — так, чтобы он ложился в могилу с чистой грудью, знаком, что исполнил возлагавшиеся на него надежды, насколько Бог помог ему. Это было бы по крайней мере разумно...

25 сентября (7 октября) 1895. Понедельник

Приходил епископальный катехизатор, по имени Оокура.

— О чем вы хотите побеседовать?

— Смушает меня нынешнее состояние христианства в Японии — это множество разделений и сект.

— У нас, слава Богу, их нет. А у вас, протестантов, секты — самая натуральная вещь, и странно было бы, если бы их не было. Вы понимаете Слово Божие так, другой иначе, третий, четвертый еще иначе и т. д. Все вы видите в Слове Божием уже не Господа Бога, а ваше собственное разумение, и все тем более стоите на свое... свое роднее. Вот вам и секты. У нас не так. Кроме Свящ. Писания мы имеем еще Св. Предание, т. е. живой глас Церкви от времен Апостольских донныне и во все века. <...> Если мы чего не понимаем в Писании, мы спрашиваем у Церкви, как это должно понимать, то есть, как это понимают ученики апостолов, ученики учеников их и т. д. <...> Это и делает нас свободными от заблуждений, по слову Спасителя — «истина свободит вы». Вы же, напротив, в оковах самомнений или сомнений, недоумений, исканий... несчастное состояние!

И т. д.; объяснил я ему разность с ними в понимании мест, на которых зиждуются 7 таинств, указав, что незаконно у них священство... нет поэтому у них и таинства Евхаристии.

На второй: признаю ли я возможность спасения в протестантстве?

Отвечал: как же я могу решить это? Мне сказано: «не суди чужому рабу — сам он стоит пред Господом», — и я поэтому предоставляю суд о том, спасутся ли протестанты, католики и проч., Богу, не дерзая сам и коснуться сего моею мыслью и словом. Одно могу сказать, что протестантство в большой опасности. Мы стоим на прямой и верной дороге к небу, а протестант пробирается трущобами и всякими окольными путями; разумеется, что ему заблудиться и запутаться в своих или чужих измышлениях весьма легко. <...>

29 сентября (11 октября) 1895. Пятница

Из церковных писем сегодня в одном между прочим извещается о чудесном исцелении, именно в письме из Накацу тамошнего катехизатора Матфея Юкава.

Есть в Накацу Ной и Любовь Маябаяси, люди бедные, живущие дневным трудом; родился у них ребенок, но скоро помер, ибо у Любви испортилось молоко и на груди появились нарывы; расхворалась и вся она, так что отнялись у нее ноги; лечили ее, но безуспешно; врачи признали, что какой-то неизлечимый ревматизм лишил ее ног. Долго лежала она, крайне обременяя мужа, который

без устали должен был работать, чтобы прокормить ее, больного отца и себя. К прошедшему празднику Воздвижения Креста Господня прибыл в Накацу о. Петр Кавано. Христиане по обычаю собрались на исповедь. Принес на спине и Ной свою жену Любовь в церк. дом, чтобы исповедаться. Но в этот вечер, накануне Праздника, о. Петр не мог всех поисповедать и оставшимся сказал, чтобы завтра утром собрались; в том же числе была и Любовь. Ной опять понес ее на спине домой; а на Воздвиженье — рано утром принес обратно в церковный дом. О. Петр исповедал ее и вместе с другими приобщил: после чего Ной понес ее домой и уложил в постель. Уставшая Любовь проспала часа два, но, проснувшись, почувствовала силу в ногах; она попробовала протянуть их, потом встать на них, потом пойти. — и какова же была радость ее, когда увидела, что все это может, что ноги ее целы, как будто никогда не были больны! В восторге, возблагодарив Господа, она отправилась к доктору, который лечил ее грудь. Дорогой встретил ее христианин, который вчера и сегодня видел ее без ног; он зазвал ее пойти в дом, потом все вместе пошли в церковный дом, откуда оповестили катехизатора и христиан, — и все, собравшись, принесли благодарение Господу за это явное чудо милосердия Его. <...> язычники, которые с радостью воспользуются нашими услугами. Но так ли? Несомненно одно: в Семинарию станут принимать детей испорченных, воришек, завзятых лентяев и сорванцов и т. п., вроде бывшего Василия Катаока, сына нынешнего камергера Катаока. Несомненно то, что если не все, то некоторые из них исправятся у нас, как исправлен был Катаока (к сожалению, ныне умерший...). Но испорченные, даже и те, которые исправятся, успеют привить свои болячки немалому числу здоровых детей, — так что в этом отношении — плюс за минус — в результате нуль. А здоровых нравственно детей язычники будут ли отдавать в нашу Семинарию? Сомнительно... у нас... школа — определенно и неуклонно конфессиональная — духовное заведение для воспитания служащих Церкви; ни малейшей уступки никакому веянию мирскому, ни малейшей подделки. <...> Поймут ли это японцы? Да кто же из язычников в состоянии понять это?

Итак, не праздная ли и грозящая только неудачами моя мечта о расширении Семинарии? Передумать, вновь все обдумать и не дай Бог ошибиться! Не поздно еще. Никто почти и не знает о моих мечтах. <...> оно несомненно будет, ибо за спиной у мирских воспитанников будет стоять целый светский мир с бесчисленными служебными путями, один другого выгоднее и заманчивее, — а у наших бедных питомцев что? 8-12 ен жалования в месяц и какое-то неясное для японцев дело. Возвышенность, идеальность этого дела многих ли завлечет? Самородки для этого нужны, но их еще пока нет. Простых же наших воспитанников с мало-мальски порядочными способностями будут похищать у нас, и мы будем догадываться об этом лишь тогда, когда они похищены, ибо медленно долбящей, как капля камень, работы отвлечения, производимой товарищеской, ежедневной беседой, мы не можем ни видеть, ни предупредить. И теперь бывают случаи с поступившими в Семинарию воспитанниками, что чуть только обнаружил незаурядные способности, глядь, его уже нет у нас, а торчит в каком-нибудь мирском заведении, это значит — родные спохватились, может-де впоследствии быть более выгодною дойною коровой. Итак, открыть двери Семинарии для язычников — значило бы поставить наших церковных воспитанников среди двух батарей: с одной порченые будут обдавать их картечью дурных поступков и слов, с другой — непорченные палить бездымным и бесшумным порохом ласк, зазываний и отвлечений. Благоразумно ли с нашей стороны употребить такую тактику, самим врага звать и принять в свою крепость? Нет, пусть в Японии переменится ветер: теперь он совсем неблагоприятен для дела, о котором я думал; пусть пойдет на прилив, — теперь еще отлив. А ось настанет и такое время, когда язычники сами станут стучаться в нашу дверь, тогда будет время для других мыслей и планов. А теперь — идти скромно тем путем, который, видимо, Господь указывает нам...

6 (18) октября 1895. Пятница

<...> Лелею я мысль, лишь только появится у нас хоть мало-мальски сносный педагог...

расширить Семинарию, открыв ее для язычников. При этом, конечно, Семинария ни на йоту не должна утратить своего специально-церковного назначения. Для язычников было бы только объявлено, что желающие воспитать своих детей нравственно-религиозными могут определять их — на полном своем содержании — в Семинарию; здесь дети язычников पहले всего непременно должны сделаться христианами; затем, по окончании курса, они свободны идти на свои пути, причем желающие продолжить образование в высших заведениях всюду будут приняты (если только хорошо учились в Семинарии), ибо образование семинарское вполне равняется — если не выше — высшему гимназическому.

7 (19) октября 1895. Суббота

<...> Продолжаю о Семинарии. Главный наш элемент в Семинарии, если и расширять ее, будет тот же, что ныне: довольно плохой народ, самая заурядная посредственность и ниже ее; но все же из этих людей те, которые дотаскиваются до окончания 7-летнего курса, делаются порядочными служителями Церкви; замечательных людей они еще из себя не выделили, но, смотря на них, мне, тем не менее, иногда приходит мысль о «худородных, буйих и немощных» Ап. Павла.

Итак, поступающие к нам японцы без развлечения, прямо и неуклонно влекутся к цели заведения — воспитанию служащих Церкви, и лучшие из них этой цели не минуют.

Будет ли так, когда в Семинарию войдут и язычники, наметившие себе разные жизненные пути, но не церковные? Но мечтать ли, что наши воспитанники будут влиять на них и притягивать на свой путь? Нет, за такую мечту я уже поплатился когда-то. <...>

15 (27) декабря 1895. Пятница

Часа в 2 был Rev. Taft, баптист. <...> Между прочим спрашивал:

— Признает ли наша Церковь иерархию епископалов?

— Нет. Да и как же мы поставим их священство наравне с нашим, коли они сами не допускают сего, отвергнув таинство священства?

— Перекрещиваете ли вы при переходе к вам тех, которые крещены обливанием?

— Нет, если они крещены правильно во имя Св. Троицы. Это делаем на основании Символа Веры, где мы исповедуем «едино крещение». А что крещение чрез обливание есть тоже крещение, на это мы имеем убедительные примеры у первенств. Церкви, где иногда, напр., заключенные за веру в темницах крестились чрез обливание, не имея и возможности креститься иначе. Случается и ныне прибегать к обливанию, за невозможностью погружения. Напр., мне самому здесь пришлось крестить одну больную женщину, лежавшую почти без движения, по горячей просьбе ее мужа и желанию ее самой. Как ее погружать? Да и во что — в японском доме? Притом нужно крестить спешно, ибо больная в опасности... Я не сумнясь и крестил ее чрез трехкратное обливание во имя Отца и Сына и Св. Духа.

— Католики не позволяют своим христианам читать Свящ. Писание; ваши как обращаются с ним?

— Нашим христианам внушается иметь всегда Св. Писание в руках и в уме, как живое и руководственное Слово Божие.

— Католики уверены, что кроме них никто не спасется; меня один патер уверял, что я непременно пойду в ад. Вы как думаете об этом?

— Мы твердо уверены только в том, что, кроме Христа, нет другой двери в Царство Небесное, а также в том, что пред нами самый прямой путь к этой двери, но попадут ли в эту дверь из окольных путей, мы не знаем и предоставляем судить об этом Богу, страшась сами делать это.

1896 г.

10 (22) января 1896. Среда

Душевная жизнь слагается из ежедневных, ежечасных, ежеминутных мыслей, чувств, желаний; все это — как малые капли, сливаясь, образуют ручей, реку и море — составляют целостные жизни. И как река, озеро светлы или мутны оттого, что капли в них светлы или мутны, так и жизнь — радостна или печальна, чиста или грязна оттого, что таковы ежеминутные и ежедневные мысли и чувства. Такова и бесконечная будущность будет, — счастливая или мучительная, славная или позорная, — каковы наши обыденные мысли и чувства, которые дали тот или иной вид, характер, свойство нашей душе. В высшей степени важно беречь себя ежедневно, ежеминутно от всякого загрязнения.

11 (23) января 1896 г. Четверг

Увеличиваются ли шансы на распространение христианства в Японии? Напротив, уменьшаются. Прежде стоявшие во главе государства, вроде Соесима Ивакура, были люди умные, но без европейского образования; не веровали, но оставались под сомнением — «быть может-де, и со стороны науки вера предписывается». Ныне же универсально образованные начинают пробиваться на вершины, вроде Канеко из Харварда, эти уже неверы решительные, отрицающие веру «во имя всесветлой-де науки». Японцы же такой стадный народ: лишь бы кто с закрученными рогами да из своих пошел вперед, толпой повалят за ним.

14 (26) января. Воскресенье

<...> Был молодой бонза Ито, из Кёото, секты Киси Хонгван- дза, направляется из России в Сибирь изучать нашу веру; предварительно будет в Индии и Персии еще знакомиться с магометанством. Посылает его начальство. Какая цель, не говорит он. Вероятно, — в том или другом виде — противодействие христианству. Во всяком случае — легкомыслие.

4 (16) февраля 1896. Воскресенье. Заговенье перед Великого Поста

Пред Вечерней был офицер с «Амура», князь Святополк-Мирский, любит говорить; о положении Церкви в государстве ничего не знает; с католических книжек утверждает, что у нас Церковь не православная, а русская, в смысле государственного учреждения, правит ею Обер-Прокурор, Царь в ней самовластен и под. Ах, как у нас светский мир вообще невежествен в религии! И посланник, и секретари, и... путешественники, все-все порют дичь о своей вере и своей Церкви, хотя назвать их безрелигиозными нельзя, никак нельзя, — но религиозных знаний, кроме ходячих или, так сказать, висящих в воздухе — ни на грош; а кто же не знает, что наш светский воздух заражен миазмами инославия. <...> После Вечерни и Повечерия было прощание; я сказал несколько слов и потом, попросив у всех прощения, поклонился до земли; потом священнослужащие простились со всеми и взаимно. <...> оркестру играть вечер за обедом в гостинице в Йокохаме; гостинник, для удовольствия жильцов (во время обеда), заикнулся адмиралу: «не пришлете ли, мол?» — «Отчего же», — отвечал русский адмирал, разыгрывая подлейшую роль обезьяны. И никому в голову во всем русском флоте и во всех... посольствах... не приходит, что мы, русские — унижаемся и сокрушаем себя подобными поступками. <...>

5 (17) февраля 1896. Понедельник 1-й недели Великого Поста

Начались великопостные службы для говеющих, которые, впрочем, почти одни только учащиеся, даже учителя-академисты отсутствуют, видел только после часов двух-трех, да и те пришли, кажется, больше для того, чтобы показаться мне на глаза, в чем и успели. Утренняя начинается

в 6 часов и кончилась сегодня в 40 мин. 8-го; часы в 10, продолжались тоже час и сорок минут; повечерие в 6 1/2 часов, кончилось в 7 1/2 часов.

10 (23) февраля 1896. Воскресенье

<...> Наш военный агент приезжал проститься. — едет в Россию. Очень недоволен, что Япония так быстро двинулась вперед, что в некоторых отношениях ныне даже выше России. Я ему напомнил, что Япония 1200 лет назад уже была образованным государством, когда России на свете и вообще не было; доказательством первого могут служить ему многие предметы, выставленные в Музее в Уено; там есть множество буддийских монет и принадлежностей 1200-летней давности столь изящных, что их можно принять за произведения настоящего времени. Между тем Япония в настоящее время куда меньше и слабее России! Итак, «наша отсталость» кое в чем от Японии не есть отсталость, а «недогнанность», весьма натуральная при сопоставлении наших взаимных возрастов. Кое в чем, например в грамотности народа, Япония едва ли не впереди и всех европ. государств. Ходячие библиотеки, еще 35 лет тому назад поразившие меня в Хакодате, и наблюдение, что все пользуются ими.

13 (25) февраля 1896. Вторник

В ныне полученном № «Акита-симбун» говорится, что в греческой вере совсем слиты светская и дух. власть, что русский Император — безусловный начальник всех душ, принадлежащих к этой вере, русские ли то, греки, сербы, румыны, китайцы, японцы и под. Не стоит опровергать такую дичь в «Сейкё-Сим-по». Отдал газету младшему классу Катехиз. школы, чтобы ученики коллективно отписали в редакцию, что они не только не слышали, но и вовсе не видали такого учения.

Был некто Сагара, посещающий меня уже лет 15, но не поддающийся никаким религиоз. убеждениям. Человек почтенный, уже седой, в иностранном платье, толкующий о Правительстве, к членам которого и сам принадлежал, и о разных высоких материях. Ныне он только что с остр. Эдо... рассказывал, между прочим, об айнах и пресерьечно уверял, что они произошли от сосланной японки и собаки, приласкавшейся к ней, в доказательство чего выставял, как неопровержимый факт, что череп айна без швов. Это мне напомнило высокообразованного японского судью, с которым я трактовал на судне отсюда в Оосака, — авторитетно утверждавшего, что люди разных стран различны по происхождению: родоначальники японского племени зародились и произошли в Японии, русского — в России, американские аборигены в Америке и так далее. На вопрос: откуда же и как они родились? из ила ли, из земли, воды или как иначе? почтенный судья определенного ответа дать не мог, но, тем не менее, остался с поднятою высоко головою.

3 (15) марта 1896. Воскресенье

В церкви на мужской, правой стороне стоят сначала певчие, потом ученики, за ними христиане. Но ученики всегда прячутся назад, оставляя большое пространство между собою и певчими. Сколько раз я наказывал... им лично, чтобы не делали этого! Раз станут как должно, а потом, смотришь, опять — пустыня среди церкви. Учителям бы подавать пример стояния в церкви, так куда! Их почти никогда ни одного в церкви нет, — а придет кто — становится у порога, около ленивой скамейки; сколько раз их убеждал становиться ближе, — даже и по разу-то не послушали! Пришел я сегодня в церковь в хорошем настроении; кстати и наших матросов увидел в Соборе много — думал, хорошо помолимся. Но пустыня направо, между певчими и учениками... беготня среди этой пустыни грязных уличных мальчишек — до того расстроили меня, что я потерял все молитвенное настроение и впал в отчаяние: когда же Господь даст мне помощников, и даст ли? Ужели моя непрерывная молитва о сем, и почти о сем одном, — тщетна? Вот и академистов сколько воспитал, чая в них помощников себе, и ни единого! Хоть бы кто близко принял к сердцу дело Церкви, дело церк. школы, дело воспитания

служителей Церкви! И так, ужели и Церковь здесь рушится с моею смертию, как чают католические патеры, точно вороны, ждущие моей смерти? <...> Как не прийти от сего в уныние! Я почти полумертвым двигался по Собору и еле ворочал языком, чтобы произносить то, что необходимость заставляла произносить.

«Призри с небесе, Боже», — произнес точно во сне таким вялым и низким голосом, что певчие сбились. <...> Никогда еще не было этого со мной, — никогда не впадал в подобное отчаяние. В середине Литургии едва несколько оправился, и какая мысль подбодрила? <...> Обижен я, что из японцев нет мне помощников, но если бы я сказал им о сем и если бы они ответили мне: «А из русских-то помощники у тебя есть?», что я возразил бы им? И так, Господи, когда же воспрянет Россия к делу Православия? Когда же явятся православные миссионеры? Или Россия и вечно будет производить все таких же самодуров и нравственных недорослей, какими полна доселе и каких высылала сюда немало? — вечно, пока так и не погибнет в своем нравственном и религиозном ничтожестве к страшному своему осуждению на Суде Божьем за то, что зарыла талант? <...>

13 (25) марта 1896. Среда

Кончили перевод книги Деяний св. Апостолов, — и этим до Пасхи завершили дело; Накаи проверит переписанное, чтобы в Пасхальную ночь... читать Деяния по новому переводу.

15 (27) марта 1896. Пятница

Дал Тимофею Саки для перевода 1-й том творений св. Ефрема Сирина. Благослови, Боже, переводить сего св. отца! <...>

16 (28) марта 1896. Лазарева Суббота

День в обычных занятиях... с 6 час., Всенощная, на которой, как всегда, было много молящихся. Особенность ныне та, что христиане, по незнанию ли или по нетерпению, зажгли свои свечи к своим вербам гораздо раньше освящения воды; сначала на мужской половине, потом и на женской свет разлился еще до чтения Евангелия. Думал обернуться и сказать «еще рано, загасите», — загасили бы, но зачем? И самому так радостно было — осажденному светом!

После Всенощной слушал причастные молитвы вместе с завтрашними причастниками; по левую руку позади меня кто-то все время славленно плакал; значит, есть и между японскими христианами глубоко кающиеся.

17 (29) марта 1896. Вербное Воскресенье

<...> Была жена врача Пантел. Иванно, сына Анны, начальницы нашей Женской школы; привезла из Оосака (где муж — главный врач городского госпиталя) сына Иону в одну из здешних гимназий. Как уроженка Оосака, долго потом жившая в Кёото, она отлично знает оба эти города и в болтовне, на которую великая мастерица, преумно охарактеризовала их. Кёото — это город, бывший столетия под гнётом сёгунской власти: и Император, и народ привыкли к смиренной, униженной жизни, поэтому народ — трудовой, не знающий и не любящий роскоши; там на лавках торгуют женщины, чего в Оосака нет; вообще женщины стоят на одном уровне с мужчинами; труд равняет их; при этом, так как влияние буддизма было многовековое и во время Сёгуната оно не было преследуемо, то народ привык и привержен к буддизму, вообще же, постоянен в своих навыках и привязанностях. Трудно там ныне приобрести христиан, но если они будут приобретены, то будут уже прочные, неизменные христиане, не то что в Оосака, где народ непостоянен. <.,> Народ в Оосака вообще живет подвижнее, восприимчивее и изменчивее. Отчего? Да там в самих обстоятельствах жизни много элементов,

воспитывающих сии качества. Сегодня — богач, завтра — бедняк, но с надеждой послезавтра разбогатеть. Человек приходит в Осака ни с чем, только с руками, и он не помрет с голоду — тотчас же найдет работу для своих рук, — а в Кёото он может и помереть; там труд вековой и продолжающийся в одном семействе или в известном составе лиц, к которым разом присоединиться нельзя. <...>

19 (31) марта 1896. Великий Вторник

<...> 16-летний мальчик Ватанабе пишет письмо, над которым, по-видимому, много потрудился: судя по каллиграфии и по же это будет не христианство, а полуязычество и под., о чем и говорить не стоит.

— Думаете ли вы, что Япония сделается христианской?

— Без всякого сомнения! Сто лет не пройдет, как Япония вообще станет христианской страной. Смотрите, с какою легкостью распространяются здесь самые нелепые секты вроде «Генрикё»; значит <...> японская душа в религиозном отношении пуста, — ничто не наполняет ее, — изверились старые веры, — открыто место для новых верований. «Генрикё» и под. удобно распространяются [потому], что слишком легко принять их... простые, неглубокие... слишком мало содержания в них; не так легко принять Христианство, требующее усвоение его всеми силами души; но зато «Генрикё» скоро и исчезнет, а Христианство, мало-помалу проникая в душу Японии, водворится навсегда. А что японский народ способен к глубокой религиозности, на то существуют неопровержимые доказательства в лице многих достойных христиан из японцев. <...>

И рассказана была жизнь вышеозначенного Исаяи Конда.

23 мая (4 июня) 1896. Четверг

Какая великая скорбь! Ждешь самых радостных известий. — и вот: по вчерашней телеграмме 2100 человек убито и ранено на празднике Коронации, по сегодняшней 1300 убито! И когда это прекратят этот устарелый и столь вредоносный обычай угощать народ натурой! Хорошо это с небольшой дружиной, вроде Владимировой, или с очень дисциплинированной средой (которая, впрочем, где?). <...>

24 мая (5 июня) 1896. Пятница

Начали разводить садик вокруг собора; сегодня первое дерево перенесли с семинарского места и посадили по левую сторону от собора у ограды — клен. Имеется в виду — вокруг стен собора развести цветы, а по ограде посадить деревья.

25 мая (6 июня) 1896. Суббота

Моисей Минаро пишет о христианах-курильцах на о. Сикота- не, где он с ними провел зиму. — хвалит их глубокое благочестие (недаром принадлежали к пастве приснопамятного святителя Иннокентия) и трогательные христианские обычаи, например, на неимением священника для исповеди по местам. — они друг другу исповедуют свои прегрешения и получают временные наставления, особенно это делают младшие пред старшими. Пасху ныне праздновали особенно торжественно, т. к. катехизатор Моисей был с ними. К письму Моисея приложено писанное по-русски письмо Якова Сторожева; но из него ничего нельзя понять, кроме того, что их — всех христиан на Сикотане — ныне 58 душ и что желают они, чтобы Моисей опять был прислан к ним.

Православия, — «свято оно!» — Но почему же вы не являете его миру? — Ответит на сей вопрос Св. Синод?

19 июня (1 июля) 1896. Среда

<...> Заход солнца, при многих облаках, дал столько и таких прекрасных цветов на небе, с радугой еще на востоке. <...> Туда бы, в те облака света, — купаться в них, забыть все горести и мелочи жизни сей! И сподобит ли Господь когда? Уже 60 лет, не-далеко от края — что-то будет? <...>

1 (13) июля 1896. Понедельник

Какой-то иеромонах Викентий из Свяжского монастыря прислал прошение на службу в Миссию. Но слишком крючковато и игриво написано. Не нужно такого.

6 (18) июля 1896. Суббота

Вот это называется трудовой день: с 5 ч. утра до 10 с лишком вечера точно в котле кипишь! Таков всегда следующий день после Собора; катехизаторы массой стремятся разлететься; с каждым нужно попрощаться и сказать каждому то, что именно ему следует, и дать каждому, что ему нужно. <...>

31 мая (12 июня) 1896. Пятница

Непрестанно занимает мысль о том, что при Св. Синоде д. б. миссионерский комитет: 1. для зарождения и воспитания миссионерской «мысли» (не говоря о «стремлении» — того нужно еще сто лет ждать) в дух.-учеб. заведениях; 2. для зарождения и развития заграничных Миссий. Сколько уже перебивало здесь миссионеров — «quasi»! Но от о. Григ, до о. Серг. был ли хоть один миссионер настоящий? Ни единого. Оттого все и уехали. Почему это? Очевидно, потому, что в дух.-уч. заведениях в России и мысли нет о миссионерстве! Шедше, научите вся языки — как будто и в Евангелии нет. Хотя слышат это все и знают наизусть. — И нет у нас иностранных Миссий! В Китае, Индии, Корее, здесь — моря и океаны язычества — все лежит во мраке и сени смертной, — но нам что же? Мы — собака на сене! Не моги-де коснуться.

7 (19) июля 1896. Воскресенье

<...> Если позволяется и миссионеру иногда уставать, то сегодня я могу сказать, что устал. <...> Что страшнее смерча? А отчего он? От встречи двух ветров. Итак, если дует ветер злобы, подлости, глупости, то не возмущаться и не воздымать навстречу ветер гнева; тогда дрянной ветер разрушится сам собою в ничто; а иначе — ломка и гибель, а после угрызения и терзания. Сохрани меня, Господи, от гнева и дай спокойствие капитана, плывущего по беспокойному морю!

11 (23) июля 1896. Четверг

<...> Петру Исикава, редактору «Сейкё-Симпо», дал мысль, чтобы он к Собору 1900 года написал историю Правосл. Церкви в Японии. За четыре года может корреспонденцией с Церквами собрать материал.

Может даже для того сделать путешествие по Церквам, чтобы на месте лучше все узнать и записать. Теперь еще живы старики — первые христиане — свидетели первых следов благодати Божией, созидающей Церковь. Нужно собрать именно живые факты, знаменательные случаи, чудесные явления, которых немало уже было. Лет через 10-15, когда первое поколение христиан сойдет в могилу, почти все это будет утрачено и, вместе с тем, сколько назидательности будет утрачено!

13 (25) сентября 1896. Пятница

Вчера кончили Послание к Галатам; сегодня приступили к Посл. к Ефесеянам и за все утро, с половины 8-го до 12, только 8 стихов перевели, на 9-м остановились, и, кажется, годы думай — не переведешь; все тексты сличил,- все толкования пересмотрел и до сих пор не знаю, к кому «благоволение» относится, к Богу Отцу или Сыну. Накаи, укладывая письм. принадлежности, смеясь, заметил: «Так-то трудно Св. Писание для понимания, а чаще всего приходится слышать, <будто> оно такая легкая для чтения и понимания вещь, что об ней уже и говорить не стоит».

15 (27) сентября 1896. Воскресенье

О. Павел Морито просто морит меня своими письмами! О самом простом и несложном предмете валяет всегда убористым почерком многие листы. <...>

16 (28) сентября 1896. Понедельник

1-я глава Поел, к Ефесеянам до того неодолима для понятного перевода на японский, что я впал в отчаяние — вся энергия пропала, рука опустилась, и я бросил на сегодня переводить <.,,>.

21 сентября (3 октября) 1896. Суббота

Между грехами несомненно будут взысканы с нас и грехи глупости; совесть про то говорит... разум — самая первая наша способность, и если не пользуешься им, значит виноват. По глупости ведь большая часть болезней у нас, по глупости вот и я простудился и ныне д. б. скучать весь день. <.,,>

9 (21) октября 1896. Среда

Был Оосакский Bishop Awdry, просил стат. данных нашей Церкви, я дал ему книжку год. отчета нашего Собора нынешнего года. Заговорил он о взаимных симпатиях наших Церквей — англиканской и греко-российской.

— Знаю, и памфлет о сем читал, но подвинулись ли мы на один шаг друг ко другу с тех пор, как стали объясняться во взаимной любви? Нет! Отчего? Оттого, что совершенно косны в другом отношении. Вера Христова не любовь только, но и истина, — и даже прежде истина, потом любовь. Вы старались ли уяснить себе это? Мы вас знаем, — вы знаете ли нас? Знаете, что у нас

Христова Истина хранится так, как она дана Христом, так что вы каждый наш догмат можете по векам довести до уст апостольских; заветы, что изрекли уста апостольские... не до точности ли сохранились у нас? Доказательства, что именно у нас живая и действенная Христова Истина, у вас перед глазами, вы найдете [их] в Книжке протоколов статистики нашей Церкви. Подумайте, кто творит успех нашей Церкви? У вас под рукой сколько миссионеров?

— 12 священников, много миссионеров...

— У вас одного?

— Да.

— Стало быть, в пять раз больше во всей епископальной миссии в Японии. У нас нет ни единого русского. Я один, но и то не занимаюсь проповедью. Кто же делает нашу Церковь такою, как она есть? Очевидно, сама Истина, живущая в Правосл. Церкви.

16 (28) ноября 1896. Суббота

Серг. Вас. Муяки пишет из Кёото, что был в Оцу, в доме, где перевязана была рана наследника

Цесаревича; есть надежда, что дом можно купить; хочет купить его на имя о. Симеона Мей, а потом, когда иностранцам можно будет приобретать землю, перевести на свое имя: устроить витрину в комнате с вещами, служившими при перевязке, поселить в другой комнате катехи-затора и проч. Я ответил, что дай Бог ему с о. Симеоном привести дело к... осуществлению.

26 ноября (8 декабря) 1896. Вторник

Сегодня утренним занятием мы с Павлом Накаи закончили перевод Нового Завета. Начали в сентябре прошедшего года; значит, много больше года употреблено. Ежедневно сидели с половины 8-го до 12 и вечером с 6 до 9. Теперь больше года еще займет исправление перевода, пока решимся напечатать. <...> Перед нами были: 3 греческих текста, 2 латинских, славянский, русский, англ., франц., немецкий, 3 китайских, японский, толкования на русском и английском; все лексиконы; и каждый день почти каждый час приходилось копаться во всем этом. — словом, добросовестность не нарушена, и при всем том перевод плох, хотя, конечно, лучше китайских и японского, — последний вульгарностью своею немало иногда потешал нас; из китайских — наш пекинский также потешен; лучший из китайских — тот, что ныне в общем употреблении и в Японии, и при всем том... таков, что Накаи... из 10 [стихов] 8 не понимал; из 10 стихов 5 не понимал даже и по японскому (вульгарному) переводу. Можно себе представить, насколько ясно понимают Свящ. Писание не столь ученые японцы, как Накаи!

<...> Наш перевод, по крайней мере, ясен, и связь мыслей в нем по возможности соблюдена... по возможности, конечно, напр., у Ап. Павла длинные его периоды необходимость заставляла разрубать на части, причем оригинальное течение речи и мыслей никак не могло быть соблюдено. — Помогите, Боже, теперь исправить, что можно!

29 декабря 1896 (10 января 1897). Вторник

<...> Матфей Ина, женатый на сестре умершего бывшего катехизатора Андрея Ина, отпевает кончину Андрея.

За полчаса до смерти Андрей, уже лишившийся способности говорить, знаками велел женщинам оставить комнату и, потребовав кисть и бумагу, спросил письменно у доктора: «Решено ли?» Тот тоже кистью ответил Конфуциевой фразой, что, мол, «участь человека — умереть, [нрзб.] только научитесь», но к этому прибавил: «Ты же не только научился, но и учил многие годы других», т. е. был много лет катехизатором (доктор хоть был язычник, но знал службу Ина). Поняв из этого уклончивого ответа, что жизнь кончена, Андрей написал... «Кратки дни! Пятьдесят три — вершина! Четырех недостает!» — т. е. умирает 49 лет; положил кисть, перекрестился и испустил последний вздох. За несколько дней он приобщился Св. Тайн, был все время в мирном христ. настроении.

1897 г.

3 (15) января 1897. Пятница

Вчера был молодой американец Mr. John R. Mott <...>.

— Какие препятствия к распространению Христианства в Японии?

— Со стороны японских старых религий больших препятствий нет. Буддизм — мертвец, которого еще не успели похоронить, но это в наступающем столетии сделают; бороться с ним так же не пристало, как бороться с трупом; держатся его кое-где и довольно крепко — невежество. полоса народа, который по мере образования поймет, что буддизм в религ. отношении — суцая пустота, ибо

без Бога какая же религия! Больше препятствий со стороны конфуционизма, но тоже не в религиозном отношении, а в нравственном: он слишком надмевает своих приверженцев; конфуционист почти всегда порядочен, не имеет кажущихся пороков... и вследствие всего этого совершенно самодоволен: на все другие учения смотрит свысока и недоступен для влияния их; проникнуть христианству в душу конфуциониста так же трудно, как воде в твердый камень. Синтоизм совсем не религия, а глава древней Японской истории; предписывает уважение к предкам, что совсем не противно христианству. <...> Самое большое препятствие — косность и индифферентизм достаточных классов, им слишком хорошо на земле, чтобы думать о небе. В это состояние косности они пришли постепенно, перерывая свои старые религии, состоящие из человеческих измышлений, а ныне еще больше усыпляет их проповедь иностранных безверов, которых они видят и у себя в лице разных наемных профессоров, и за границей, во время своих путешествий. Потому-то и христианство принимают здесь исключительно люди, душа которых глубже затронута и всколыхнута — трудами, скорбями и разными невзгодами мира сего. Кто у нас христиане? Наполовину люди интеллигентные, дворяне, но какие? Обедневшие от последних переворотов с трудом добывающие себе насущное пропитание, наполовину — еще более трудящийся народ — фермеры, ремесленники, небогатые купцы.

— Что, по-вашему, в настоящее время самое необходимое для Японии?

— Конечно, христианство, — даже и в политическом отношении, — для прочного существования Япон. Империи. Ныне Япония лихорадочно бросилась в утилитаризм: нет сомнений, скоро она обогатится чрез торговлю, скоро сделается могучею чрез развитие флота и армии, но при этом, если не будет сдерживающей, всерегулирующей и на добро направляющей внутренней силы, — и богатство, и военная сила к ее же гибели послужат. Когда падали государства, как Финикия, Карфаген, Греция, Рим и т. п.? Когда наружно взошли на верх богатства и могущества, а внутри растлели от роскоши и вечных пророков. Итак, нужна и японскому народу узда против увеличения пороков с увеличением богатства и силы, и этою уздой ничто не может быть, кроме христианской веры.

— Что японцам больше всего нравится в христ. проповеди?

— Догматы. Нравств. учение у них и свое хорошо; любовь к ближнему, например, под влиянием буддизма развита так, что вы не найдете бедного, которому бы в беде не помогли даже такие же бедняки, как он. Поэтому-то универсалисты, унитарии и под., являющиеся сюда по преимуществу только с своей этикой, никогда не будут иметь здесь успеха. Но о Боге Творце Вселенной, о Пресвятой Троице, об Искупителе и проч., что может сообщить людям как непрелагаемую истину только Божественное Откровение, японец с интересом слушает и исполняет.

— Что, по-вашему, вредно для воспитывающегося юношества Японии?

— То, что воспитание совершенно безрелигиозное. Япония покрыта густой сетью школ всех родов, и школы, действительно, хороши во всех отношениях, кроме этого. Нравственности учат, но какая же нравственность без религиозной основы!

— Как думаете о будущности католичества в стране?

— Не думаю, что католичество прочно водворилось здесь. Ему нужно некоторое отсутствие света, чтобы беспрепятственно развиваться, а здесь не то: японцы слишком понятливы, чтобы принимать без размышления, что им говорят, а такие положения, как Папа непогрешим, Богородица не имела первородного греха и под., слишком шатки, чтобы выдержать испытание. Кроме того, японцы слишком патриотичны, чтобы признать над собою кроме своего Императора еще другого, даже высшего, чем их собственный.

— Как вы объясните успехи вашей Миссии, столь заметно превосходящие успехи всех других? У вас два миссионера, у протестантов 600!..

— Дело не в людях, а в учении. Если японец, прежде чем принять христианство, основательно

изучает его и сравнивает: в католической миссии узнает католичество, в протестантской — протестантство, у нас наше учение, то он, сколько я знаю, всегда принимает Православие. <...> Что же это? Да то, что в Православии Христово учение хранится чистым и целым; мы ничего не прибавили к нему, как католики, ничего не убавили, как протестанты. Это отчего? Я вам сейчас объясню. Протестанты принимают одно письменное Слово Божие. Но скажите, почему вы называете Библию Словом Божиим?

— Во-первых, на основании историч. свидетельств, во-вторых, внутренним признанием, в третьих, по ее действию на душу.

— Но история недостаточна; например, Послание к Евреям приписано Ап. Павлу, а история возражает против этого и т. д. Другие две причины сливаются в одну, и обе ослабевают тем, что тут всякий смотрит чрез свои очки (по-вашему, Слово Божие — подобие текста и проч.). Значит, все Свящ. Писание у вас висит на воздухе, и всякий может повергнуть его на землю. — нет для него прочного основания. Но пусть оно принято, как Слово Божие; как вы понимаете это? Как кому угодно! Этим пониманием опять не ниспровергаете ли его с пьедестала в массу человеческих непрочных и неясных измышлений? Оттого и дробление. Ко мне иногда приходят протестанты, просят объяснить какое-либо место Свящ. Писания. «Да у вас же есть свои учителя-миссионеры — их спросите», — говорю я им. Что они отвечают? — Мы у них спрашивали, — говорят: понимай, как знаешь; но мне нужно знать подлинную Мысль Божию, а не мое личное мнение. <.,,> У нас не так, все светло и надежно, ясно и прочно, — потому что мы кроме Свящ. Писания принимаем еще Свящ. Предание, а Свящ. Предание — это живой, непрерывающийся голос <...> нашей Церкви со времен Христа и Его Апостолов донныне, который будет до скончания мира. На нем-то утверждается все в целом Свящ. Писание, оно же помогает нам безошибочно уразумевать смысл Свящ. Писания, — ибо, если дитя не поймет чего в истине Отца, то самое надежное для него обратиться за пояснениями к Матери; Мать же наша — Церковь, в которой невидимо обитает по своему обетованию Сам Христос, и т. д. <...>

9 (21) февраля 1897. Воскресенье

<...> Очень приятно было свидеться с Юсуповым, моим знакомым еще 1862 г., когда он был мичманом и собирал, между прочим, коллекцию монет, — чем и я в то время занимался; мы менялись с ним монетами, причем от него, как кругосветного плователя, перепало мне несравненно больше, чем обратно. После пожара 1865 г. расстроилась моя коллекция, и остаток я подарил какому-то... японцу. <...>

13 (25) февраля 1897. Четверг

<...> А сколько писем и почтовых листов <...> из разных Церквей с сожалениями по поводу недавней опасности для Семинарских зданий от пожара! Обычай вежливости, которому научил японцев Конфуций, — но которому следует сохраниться и в Христианской Церкви.

23 февраля (7 марта) 1897. Воскресенье.

Заговенье пред Великим Постом

<...> был потом в Посольстве, по приглашению Анны Эрастовны «проводить Масленицу». За столом блины общие, потом отдельные: мне постные, всем мясные. Что за нелепость? И это, впрочем, везде и всегда, так что и странностью никому не кажется. Ужели у нас общество совсем уничтожило посты? Впрочем, не совсем; сегодня же кто-то спрашивает за столом Анну Эрастовну: «Вы будете постную неделю есть постное?» — «Да, — отвечает она и, обращаясь ко мне: — Алексей Никол, (муж) любит постное». Утешила! Поэтому только и постное, а о настоящем посте, значит, и мысли нет!

Ужели общество никогда не вернется к соблюдению Церк. уставов? Но тогда плохо — не Церкви, а обществу, которое все больше и больше будет уклоняться от Церкви... куда? В ад! <... >

В 51/2 ч. была Вечерня, потом Малое Повечерие, за которым, по обычаю, следовало общее прощание, пред чем я сказал несколько слов, закончив их поклоном до земли пред всеми с просьбой простить мои грехи.

28 февраля (12 марта) 1897.

Пятница 1-й недели Великого Поста

О. Игнатий Мукояма пишет: Лука Касида, молодой врач <...> болен; тамошние ревнители буддизма, вместе с бонзами, пристали к нему, требуя возвращения в буддизм, собрали сумму денег для помощи ему и лаской и угрозами успели смутить бедного Луку, тем более что он крещен был в детстве, потом учился в школах, чтобы сделаться врачом, и вероучение недостаточно знает. Дал согласие Лука бросить христианство; враги Христовой веры торжествовали: оповестили это всему селению, семейству же Луки строго заказали не иметь больше никакого отношения к катехизатору. Но мать и сестры Луки сильно скорбели от всего этого переполоха и не переставали сноситься в ночных свиданиях с катехизатором Василием Хираи, который ободрял их быть твердыми в вере. По их молитвам все наветы врагов обратились в ничто. Лука, дав обещание отречься от Христа, стал невыносимо этим мучиться, — просил молиться за него, спрашивал, отпустит ли Господь ему этот грех, и... в надежде на отпущение послал к о. Игнатию, просить его приехать, чтоб исповедать его. О. Игнатий, прибывши, отпустил ему грех его слабости и приобщил его Св. Тайн.

Потом и в другой раз был у него вторично, приобщил его Св. Тайн. Соблюди, Господи, овца Своего стада! Отец Луки, тоже врач, недавно умерший, был благочестивым человеком, — я его помню, был в его доме. Должно быть, и его молитвами Лука удержался от гибели. Пошлю Луке икону и письмо.

1 (13) марта 1897 г.

Суббота 1-й недели Великого Поста

<...> Я сказал причастникам поучение, во время Причастна, — потом ушел домой — писать отчеты (собственно говоря, чтобы не видеть причащающихся сиятельных кандидатов, воспитанников русских Академий; учителей Семинарии, которых на службах во время недели я не видел, но которые тем не менее явились сегодня причащаться). Что с ними делать? Не знаю. Учить их — я учил, усовещивать — усовещивал, — что дальше? Запретить — не могу — не знаю их душевного состояния; притом же я и сам — довольно плохой молитвенник; на словах же и даже на бумаге они — самый завзятый православный народ: такие проповеди пишут и произносят о Посте и истинном покаянии... что любо слушать!

6 (18) марта 1897. Четверг

<...> Пришла благая мысль. Дай, Господи, ей осуществиться! Монастырь здесь нужен. О. Сергей Страгородский писал о сем в своих письмах; я думал о том еще раньше, выписывая сюда с Афона неудачного о. Георгия. Если бы ныне вследствие моей просьбы, которая пойдет с отчетами, был прислан сюда добрый иеромонах, который бы сделался моим преемником, положим, через 10—15 лет, то я удалился бы в горы... и стал бы собирать желающих жизни монашеской — а такие нашлись бы, — и образовался бы монастырь. Я в то же время имел бы возможность там продолжить перевод Богослужения. — Пошли, Господи, достойного делателя на ниву Твою! О нем ныне моя... дума и всегдашняя молитва! <...>

23 марта (4 апреля) 1897. Воскресенье

Пересматривая накопившиеся русские дух. журналы, прочитал, между прочим, в «Православном Собеседнике» статью о студенческих миссионерских движениях в Америке, Англии, Германии, Франции. Статья заканчивается воззванием к русским студентам светским и духовным — последовать благому примеру. Но куда нашим! <...> Эх, больно, обидно за наше — ладно бы неразвитие, уже не непотребство ли? Не Богом ли мы брошены за наше обезьянство, неверие, огрубение, материализм, лицемерие и все, за что Бог казнит рабов непотребных? 27 лет я жду миссионера сюда, одного-единственного хотя бы, и все еще жду! <...>

10 (22) апреля 1897.

Великий Четверток

<...> Я приготовил поучение и пошел по трезвону в церковь; возмутила при входе ученая корпорация — профессора Семинарии и другие учителя с ними: сидят себе на лавке, занимая всю ее, тогда как все в церкви стоят и слушают чтение Часов; я сказал им встать и подойти ближе, чтобы яснее слышать чтение; встать встали, а подошли ли — не видал; отвращение берет следить за сими господами, у которых совершенно формальное, внешнее отношение к Таинствам Церкви.

13 (25) мая 1897. Вторник

<...> Сегодня Вас. Ром. Лебедев привез в подарок 3 разных перевода Нов. Зав. на китайском языке, один перевод Ветх. Завета, много христианских брошюр, изданных протестантами в Ханькоу, все в двух экземплярах; привез еще 3 ящика чая. Я особенно обрадовался переводам Нов. Завета. — все новые, у нас еще не бывшие; думал, то-то будет помощь нам с Накаем в переводе! Но какое разочарование! И как я озлился! <...> Ни стыда у людей, ни страха Божия! Слово Божие у них — точно мелочь для игры: перебрасывают фразы и слова, удлинняют, укорачивают, украшают, безобразят, — просто не знаешь, что и думать о таких людях и таких переводах. <...> Розгами бы, или лучше бамбуками всех этих бездарных и безответственных тупиц!

15 (27) мая 1897. Четверг

<...> Много подарков из Иерусалима, от приснопамятного Патриарха Герасима и других:

1. Любвеобильное и благочестивое письмо на греческом языке с русским переводом. <...>
2. Старая икона греческого письма 3-х Святителей из собственной божницы Его Блаженства, — в благословение нашей Семинарии. <...>
5. Самая большая драгоценность и святыня: кусочек камня от Гроба Господня, вделанный в доску из купола Храма Воскресения; сам Патриарх и вделал святыню в доску. Но доска прислана благочестивой монахиней Митрофанией Богдановой, по просьбе которой Его Блаженство пожертвовал и камень. На доске написана в России старанием о. Сергия... икона Воскресения Христова. Будет храниться и чтиться здесь сия святыня в вечное благословение от Гроба Господня Японской Церкви.

6. Наконец, главное, чем Святейший Патриарх благословил Японскую Церковь: Антиминс, освященный Его Блаженством на Гробе Господнем, с Его подписанием. <...> Назначена Патриархом сия святыня для нашего Храма Воскресения Христова, в котором и да сохранит ее Господь на многие столетия в память о любви к юной церкви Матери Церквей!

От монахини Митрофании Богдановой:

1. Металлический ящик с 14-ю частицами Св. Мощей. Присланы Св. Мощи с благословения

Патриарха.

2. Кусок Мамврийского дуба, две иконы с печатью и подписью Его Блаженства Патриарха Герасима. На куске написана в России по за казу о. Сергия икона Св. Троицы.

3. Доска для иконы от древнего купола, бывшего на Гробе Господнем, с врезанным камнем от Гроба Господня. <...>

13 (25) июня 1897. Пятница

<...> О. Метокси пишет из Таката, что Григория Катака, тамошнего катехизатора, застал имеющим школу аглицкого языка из 18 учеников, надеется, что кое-кто чрез это привлечется и к христианству; избитая дорога всех протестантских миссионеров, противная проповедничеству православному; впрочем, хоть катехизатор занят, не развратится от безделья. — и то польза.

27 июня (9 июля) 1897. Пятница

В 9 часов утра начался выпускной акт в Женской школе. Всех ныне учениц 87, выпускных было 7. <...> Сущность моей речи: «Вас мало, — не смущайтесь, — скоро будет много. Народ — живой организм, — и дышит как и отдельный человек, и чем [нрзб.], тем чаще; я здесь менее 40 лет, но 4 раза явственно видел вдохание и выдыхание: сначала открытие Японии, потом стремление прогнать иностранцев, затем явное подражание всему иностранному, ныне: "Христианство не нужно, — у нас своя религия, и мы особый народ, христианство-де вредно для Японии..." Но правда ли? В этих стенах в 25 лет слышали мы хоть слово непочтительное <...>, бесполезное для Японии? Нет! Напротив, не будет ли вредно учение, что Император — Бог; учение это трудно обосновать — шатко оно. Иное дело, если сказать: "Бог велит: царя чтите, за царя молитесь — несть власть, аще не от Бога"; этого никто не может поколебать, ибо это слова Всемогущего... Или: учение, что японцы не братья других народов, а что-то особенное <...> не опасно ли для японцев? Все подобное ложно и потому скоро рухнет, и хлынет после отлива прилив...»

12 (24) июля 1897. Суббота

<...> Эх, Господи! Людей хороших для службы Церкви совсем нет! Ужели Антихрист проглотит эту страну? И Христос не найдет достаточно добрых людей, чтобы из-за них не позволить этого?

Безверие потоком заливают страну, и все лучшие люди Японии считают это эссенцией цивилизации и гордятся этим. Иностранцы же, кроме бедных миссионеров, которых иностранцы в глубине души, а иногда и явно считают париями, — способствуют сему антихристову просвещению Японии.

Темным и тяжелым свинцовым облаком висит над Японией <...> приговор иностранцев: «Не верь Христу, не верь Богу, — все это старо; Европа и Америка ликуют и весело [нрзб.], ибо человек — обезьяна, белиберда, вздор, нуль», — все это буквально и воспринято всею знатью, министрами, профессорами, губернаторами и так далее.

Впрочем, случаются иностранцы, способные удивить своим феноменальным идиотством при цивилизованной внешности даже обезьян. Таков полковник Олкот, обратившийся в буддизм и даже сочинивший буддийский катехизис. <...>

15 (27) августа 1897. Пятница. Праздник Успения Пресвятой Богородицы

Обычная праздничная служба с малым числом молящихся.

Потом заботы по приготовлению здания Семинарии. Вечером опять служба. <...>

Граф Муцу, бывший министром иностранных дел во время войны с Китаем... умер, и завтра будут хоронить его. В болезни любимое положение его было обращенное к дворцу Императора; когда пред самой смертью сказали ему, что Император прибыл (из Кёото) в Токио, Муцу усиливался сделать руками обращенное к Императору молитвенное движение; приводится это... в газетах как... похвала погибшему патриоту. Как это грустно! У лучших японских людей ни мысли о Боге, о душе, о загробной жизни. Что же теперь душа Муцу, излетевшая из тела? Какая ее участь? Душа она хорошая, — зла у ней нет (за исключением глупости — очевидно, неменяемой — по части иностранной политики). Слепорожденная она в том мире, — это несомненно; и ныне, вероятно... протирает глаза, но глаза эти уже не те, что были обращены к резиденции Императора, а глаза слепорожденной кошки. Но ужели навсегда? И кошка же прозревает. Ужели не прозреет Муцу и легионы ему подобных? Боже милосердый! Ты — Судия Праведный... правда и милость дается на Твоем Суде, и милость [нрзб.]!

Ибо все — Твои дети, — и познавшие Тебя, и непознавшие, но все же сотворшие этот их чин по Твоему Закону, — а Любовь к Отечеству не черта ли из оного?

16 (28) августа 1897. Суббота

После обедни освятил все иконы, уже поставленные в киоты и приготовленные к их помещению на приготовленных им местах во всех комнатах новой Семинарии, жилых, классных. <...> При сем еще печально убедился, что правое мое око отказывается больше служить; молитвы по славянскому служебнику не могу читать: темное облако застилает глаз; левый же дальнозоркий, тоже не могу видеть букв; кое-как отслужил освящение..

(Пишется сей вечер, — увы! В первый раз чрез очки и с благосклонной услугой левого глаза; правый же, кажется, подал в чистую. Что ж, спасибо ему и за то, что 61 год честно тянул ляжку. Спал-то и дремал тоже много, и на дурное заирал немало, но все ж и доброе нечто было в его службе, если уповать на милость Божию.)

19 (31) августа 1897. Вторник

Произведен экзамен поступающих в Семинарию. 16 человек собралось только; из них четверо по экзамену очень плохи, четверо других, по освидетельствованию доктором, слабы здоровьем. Сколько же из сих 16 переплывет море 7-летнего учебного плавания и достигнет того берега, откуда начинается путь служения Церкви? И из сих, если оные окажутся, сколько будет достаточных шествовать сим путем? О, Господи! Как в Японии все [нрзб.] в материализме! Где те времена, когда на служение Церкви шло много людей и шли хорошие люди? И не старые ли языческие руководители Японии — синтоизм, конфуционизм, буддизм — давали те времена? А теперь Японию под влиянием новой цивилизации христианской Европы... точно свинец тянет долу и долу!

21 августа (2 сентября) 1897. Четверг

<...> Сегодня день памяти Св. Архим. Авраамия, Смоленского Чудотворца, в монастыре которого в Смоленске помещалась семинария (в которой и я, грешный, учился). Да будет покровителем, заступником и молитвенником Св. Авраамий и токийской Семинарии и да изведет из нее многих делателей на ниву Христову в сей стране!

2 (14) сентября 1897. Вторник

День дождливый, деньги из России все не идут, письма из Церквей все однообразны и скучны, — расположение духа убийственное! Впрочем, занятия переводом идут своим чередом.

19 (31) декабря 1897. Пятница

Георгий Абе, катехизатор в Оотаваре, пишет, что он открыл средство построить со временем церковь в своем приходе. Какое же? Пусть христиане посадят у себя на этот конец кто сколько может отводков дерева «кири» (павловнии). Растет она скоро, когда вырастет — срубить и продать, — деньги! От пня бывают побеги, вырастут они в деревья — срубить и продать, — опять деньги! И т. д. Несколько христиан уже и согласились с ним, и посадили кто два, кто три отводка. Когда же церковь-то выстроится? Недаром Абе, будучи прежде богатым земледельцем, разорился на проектах и предприятиях. Впрочем, я послал его письмо в «Сейкё-Симпо».

24 декабря 1897 (5 января 1898). Среда Рождественский Сочельник

<...> Из церкви зашел ко мне Иоанн Ооцуки, христианин из Такасимадзу, бывший когда-то причетник и катехизатор, но по болезни головы оставивший службу. <...> Говорил он, что собираются христиане Такасимадзу просить для себя священника... и что наметили будто бы Андрея Сасагава для сего сана. Он ныне врач.

— Можно ли совместить в одном лице эти две должности — священника и лекаря? — спрашивает Ооцуки.

— Если считать эти должности равно обязательными, то никак нет. К кому пошел бы священник и лекарь, если бы к нему пришли разом просить — один окрестить младенца, другой помочь больному? Что стал бы делать священник и лекарь, если бы он пришел в храм совершать Литургию и тут же за ним пришли звать его к больному...? Хорошо священнику знать и медицину; и он, будучи врачом душевным, может тогда быть и телесным, но это в исключительных случаях, где нет врача, или где трудно добыть его, или при внезапных несчастных случаях... и все это — осле исполнения обязанностей врача духовного и поколи- ку не мешает сему исполнению. Касательно же Андрея Сасагава есть и другое препятствие. Он служил когда-то катехизатором; потом оставил эту службу без всяких уважительных причин, кроме: «не хочу». Пусть бы у человека были какие-либо... препятствия, напр., семейные обстоятельства, головная или иная боль и т. под. Ничего подобного! Сколько я ни уговаривал его... следовать брату — Петру, который тогда уже был священником, «не хочу!» — и больше никаких резонов. <...> Изучил лекарское искусство, ныне врач и порядочный христианин, и слава Богу!

Пусть и будет сим до конца. Избирать же его священником опасно. Что, как он, прослуживши и священником год-два, опять скажет «не хочу»? Тогда будет нехорошо уже не для него одного, а для Церкви: скомпрометирует он ее немало. Итак... пожалуйста, в священники не намечайте, а ищите кого понадежнее.

25 декабря 1897 (6 января 1898).

Праздник Рождества Христова. Четверг

Пасмурный день по наружности и пасмурно начался на душе: встал с сильною головной болью от чада из печки ночью (уголь вывалился). В начале Обедни христиан почти никого; но тут уже праздничное настроение возобладало, — пред мысленными очами восстало будущее Яп. Церкви, обильной христианами, — и я начал славословить Господа под чтение Часов. Мало-помалу набралось и христиан, так что к концу Обедни была почти полная церковь. Благодарение Господу за это! Всё же христиане не вполне покинуты благодатью Божией и раз-два в году отверзают дверь сердца толкушему в нее Господу. <...>

1898 г.

26 апреля (8 мая) 1898. Воскресенье

<...> О. Петр Кавано пишет: в Накацу теперь слушает наше учение бывший протестант, христианин-методист, бросивший христианство и сделавшийся буддистом и бонзою, бросивший сие звание и поступивший в юридическую школу, провалившийся здесь на экзамене и ныне изучающий Православие с целью, кажется, сделаться катехизатором. <.,> Отец П. Кавано спрашивает: можно ли ему сие? Отвечаю: ни в каком случае! И в Церковь он может быть принят не иначе как по двухлетнем испытании его искренности. <...>

21 мая (2 июня) 1898. Четверг

Протестантская миссионерка Престон <...> пишет: «Так как употребление в причащении вина может породить у причащающихся склонность к пьянству, то нужно причащать виноградным соком», и предлагает покупать оный по 30 коп. бутылка. [Нрзб.], доведенный до нелепости и кощунства. Напоминает того благочестивого пастыря, который предлагал совершать Евхаристию на чае, так как, де, если бы И. Хр. явился в Китае, Он непременно установил бы причащение на чае. <...>

2 (14) июня 1898. Вторник

Утром, за переводом, Павел Накаи, опечалась, рассказал, что здесь, в приходе Канда, прилегающем к Миссии, один бедный христианин, 80-летний старик, от неимения чем жить бросился в реку, вытасен был, но после того все-таки исчез, и месяца два о нем ни слуху ни духу; вероятно, опять бросился в воду и погиб. Ни о. Павел... ни катехизатор Симеон... не заботятся о своем приходе до такой степени! Мать П. Накаи посетила это семейство, живущее в крайней бедности, и рассказала о горе. И меня совесть сильно корит за недосмотр!

9 (21) июня 1898. Вторник. На пути из Хакодате в Тоокёо

<...> В 3 часа ночи, когда я спал в вагоне, вдруг просыпаюсь в Ициносеки от возгласа у окна остановившегося поезда: «Здесь! Здесь!» Отворил дверь, вижу человек 20 христиан и христианок с катехизатором Василием Усуи во главе. Это они ночь не спали, чтобы дожидаться поезда и принять еписк. благословение! Меня истинно тронуло это усердие. <...>

30 июля (11 августа) 1898. Четверг.

Немуро. Утром о. Игнатий Като сообщил сведения о настоящем числе христиан на о. Сикотане: мужчин 16, женщин 24, детей муж. пола (добрачного возраста) 9, женского 13, всего 62 человека в 16 домах. Купил я для них подарков: кадку сахара — белого песка, 16 фунтов зеленого чая, 2 фунта китайского чая, 30 пачек табаку, 3 дюжины платков, 1 штуку ситца в 24 ярда, 5 сортов цветных ниток. <...> Подарки приготовлены, чтобы завтра взять на пароход.

После обеда в 3 часа сходили на кладбище, чтобы отслужить литию по нашим покойникам, которых там человек 20. Есть несколько протестантских могил и одна католическая. Между первыми могила миссионера Карпентера, умершего здесь в 1887 г.; на ней значится, что он трудился 23 года для индийцев (аборигенов в Бирме) и 1 год для айнов и японцев. Жена его живет в Немуро и ждет времени лечь здесь рядом с мужем, — замечательно хранит верность мужу.

Молодые женщины с несколькими мужчинами. На наши вопросы все назвали себя христианскими именами, весьма чисто произнесенными, но никто не мог говорить по-русски: знали, наверное, только по несколько слов. Быстро свезли нас на берег, где мы прежде всего пошли в церковь

и нашли ее очень чистенькою; пол деревянный, без циновок, чисто вымытый; алтарь на возвышении и задергивается занавеской, икон достаточно, священническое облачение есть, на престоле славянское Евангелие; все — присланное из Миссии. <...> Пока светло, пошли посмотреть дома христиан. Всех — двенадцать посетили; один был заперт на замок за отсутствием жителей, еще две семьи живут совместно с другими. <...> Половина домов дощатые, другая половина из соломы и тростника. У всех очаги в передней комнате, кровать во второй, спальные принадлежности плохие и грязные. Дома вообще изобличают убогое бедное существование. <...> У старухи Степаниды — вдовы, трудолюбивой и искусной огородницы — по обе стороны дома отличный огород картофеля. На лугу, за домами, паслись 10 коров. В домах везде мы нашли иконы, но закопченные, нужно прислать им новые, на досках.

Когда стало темнеть, мы все собрались в церкви. Виссарион стал звонить в небольшой колокол, привешенный над входом, и звонил, пока приготовлено было все к началу Богослужения. <...> После Вечери я в епитрахили и малом омофоре сказал небольшое поучение и оделил все дома иконками. <...> На отсутствовавших также даны были, а их оказалось 17 человек, отлучившихся на рыбные ловли. <...> Кончивши все в церкви, мы пошли в дом Якова Сторожева, где были два тюка с вышеперечисленными подарками, и передали их... сказав раздать беспристрастно, что они и сделают, ибо живут весьма дружно, и всякий делится всем со всеми, точно первобытные христиане. Тут же мы с о. Сергием получили от многих подарки — их изделия — разных форм коробки, сплетенные весьма крепко и искусно из соломы; дали им окончательное благословение и простились с ними. <...> Грустно мы расстались с ними. Добрый отросток это знаменитой церкви Иннокентия, славного нашего миссионера. Куда нашим христианам равняться с ними! С коих пор они разлучены с наставниками и со всем христианским миром, и до сих пор какие превосходные христиане! Ни воровства между ними, ни лжи, ни обманов, ни вражды, а правда, честность, любовь, смирение и проч. христианские добродетели. Бедно и невзрачно одеты в доме и на своих делах, а в церковь все идут чисто и в лучшие свои платья одетыми, и идут все до единого, и стар и млад, так что в домах никого не остается во всей деревне. Быть может, им позволят переселиться на прежнем их месте, на Парамушире, тогда, Бог даст, они сохранятся от вымирания... если останутся, вероятно, не долго будет существовать их деревня, уже больше половины по переходу сюда умерло от недостатка той пищи, которую они имели на Парамушире.

1 (13) августа 1898. Суббота. Немуро. Сикотан

<...> В 5 часов вечера были у острова Сикотан, в заливе, где поселение наших христиан-курильцев. Прежде всего бросается в глаза здание церкви, небольшой, но имеющей вид настоящего церк. здания. По берегу видны были люди, бегущие к стоявшей вдали от деревни шаланде. Заходящее солнце обливало мягким светом мирную картину деревеньки, видимо бедной. Долго мы ждали, пока подойдет шаланда, гребцами в которой оказались

3 (15) августа 1898. Понедельник. Рубецу и на пути в Немуро

Утро было светлое; мы с парохода любовались селениями и их окружающими землями. Здесь, кажется было место подвигов наших взбаломошных лейтенантов Хвостова и Давыдова, за каковые подвиги заплатил своими страданиями в плену Головнин с товарищами.

В 9 часов снялись и шли целый день в виду берегов Итурупа и Кунашира.

15 (27) августа 1898. Суббота. Успение Пресвятой Богородицы

Ровно 18 лет, как в последний раз служил с Высокопр. Исидором в Петербурге, после чего

простился с ним и отправился на вокзал для следования сюда. Когда прощались, я упомянул, что «Бог даст мне еще увидеться с ним», он отверг: «Нет, где же? А услышите, отслужите панихидку». Да молит его душа, столь участливая к Японской Миссии, чтоб Господь поскорее просветил сию страну светом Евангелия! За Литургией было так много христиан, что о. Андроник удивился. «Праздник Богородицы чтут так же, как в России». Между прочим, был один патер; сначала стоял в дверях, потом с д-ром Кёбером в правом крыле церкви и проявил себя очень скверно... ни на каждение, ни на благословение не преклонял хоть бы мало голову, а стоял совершенно истуканом; наш бы, православный, непременно отдал [нрзб.] католическому епископу; ведь таинство епископства взаимно нами признается и уважается. Но в этом-то и выражается, что католичество — яд мира, и что ему предстоит то же, что было с ересью Ария, т. е. исчезновение из мира. Протестанство не менее... гностицизм, отливающий всеми цветами красивой ящерицы, и его участь та же. Будущее чревато еще какими-то превращениями и извращениями до Антихриста включительно, — но всех удел — погибель. Только нашему Христову учению суждена несокрушимость. <...>

16 (28) августа 1898. Воскресенье

<...> Катехизатор в Мидзусавва Иоанн Симовара пишет про толки языческих родственников и дворни княгини Анны Русу [?], будто смерть ее здесь, в госпитале, куда она приведена была для лечения от чахотки, ускорена была предложением о. Павла Савабе исповедаться и причаститься. Злостные толки, которыми они стараются отчасти оправдать языческое погребение Анны. Но Господь примет ее душу не по погребению, а по вере.

2 (14) сентября 1898. Среда

О. Андроник пишет тревожное письмо из Осака: «болеет, скучает по России, сомневается, была ли воля Божия на его приезд в Японию; закрадывается мысль об отъезде». Избави Бог! Вероятно, не освоился еще со здешним климатом, да и диавол подбивает. <...>

5 (17) октября 1898. Понедельник

Японский праздник осенней жатвы; классов не было; день превосходный, теплый, солнечный. <...>

13 (25) октября 1898. Вторник

Учитель гимнастики Курата Павел приходил принять благословение; на днях крестился в церкви Коодзимауи [?], наставленный в учении катехизатором Николаем... говорит, что чувствует себя вполне счастливым, и это видно по его лицу и всем его речам. Это радостное, просветленное состояние духа — обычное явление у всех новых христиан по принятии крещения; не явное ли это чудо благодати Божией? Не то же ли, что у нашего Св. Кн. Владимира: «Теперь-то я [увидел] Бога истинного»? Жаль, что потом часто это праздничное состояние души скоро проходит.

18 октября (9 ноября) 1898. Среда

<...> До сих пор у нас с Накаем при переводе возникают грамматические споры. Странное явление, и нигде нет его как здесь: Накай считается одним из очень ученых людей, но не установлен в принципах своей грамматики, да так, что постоянно у нас меняются правила: что считалось правильным год, даже полгода тому назад, потом херится и изгоняется как неправильное. Почему?

— Грамматика так велит.

— Отчего же она давеча это не велела?

Накай молча улыбается или супится на это.

Я должен перечитать накопившиеся в последние два десятилетия японские новосочиненные грамматики, что и начал сегодня.

25 октября (6 ноября) 1898. Воскресенье

<...> Mr. Jefferys не упустил случая польстить:

— Я думаю, что Япония будет православной.

— Почему же вы так думаете?

— Потому что японцы — большие патриоты, а у православных портрет императора всегда следует за иконой Спасителя и Богородицы.

— Огляните мою комнату, — где же портрет императора? И т. д. Я удивился, что даже Jefferys... и тот безнадежно заражен предрассудком о нашей царелатрии . <...>

10 (22) декабря 1898. Четверг

<...> О. архим. Сергей принес для прочтения письмо Епископа Антония (Храповицкого), ректора Казанской Дух. Академии, в котором изложено завещание ему недавно умершего епископа Михаила (Грибановского). Главная мысль в завещании: «Установить Церковь на канонических началах». Но теперь Церковь разве сдвинута с них? Если да, то как остается православною? Нет, твердо стоит она, непобедима даже и для «адских врат». — Разумеют эти... мечтатели и пессимисты, вероятно, возврат к патриаршеству. Но это невозможно и не нужно. Будто патриаршество — канонизм? Но его не было при Апостолах и в первые века. Явилось оно как необходимое, но не как непереносимое, — иначе не позволили бы Восточные Патриархи учреждения у нас Св. Синода. И Синод был, действительно, своевременно учрежден. Одного лица было недостаточно для управления всею Церковью. Не сошлются ли на Папу? Но там не Папа управляет, а целая система; попробовал бы Папа не подчиниться этой системе, он бы тотчас и в Папах не оказался. У нас при царе Алексее и Николае разве система была? И Никон разве хорош был? В отношении к царю он, наверное, и м. б. оправдан, хоть с натяжками, в отношении же к Церкви никак. И разве желательно повторение подобного самодурства, соединенного с расстройством Церкви? Потому Петр был мудр, позаботившись об уничтожении единоначалия в общем управлении всей Церкви. — Но ныне пришло время продолжить преобразования в церковном управлении, нисколько не нарушая канонов. Как? Господь знает как! Но нынешнего Синода недостаточно для доброго управления Церкви — это очевидно. Истинная Христ. Церковь должна радеть о просвещении язычников христианством, но кто же в Синоде озабочен этим? Никто, и идет это дело плохо. Правосл. Церковь должна простереть руку к тянущимся к ней старокатоликам и лучшей части протестантизма, но кто же хочет этого? <...> Церковь должна усилить учительство ввиду удушающего невежества и суеверия народа — но Дух. Учебной Комиссии разве достаточно для этого? Итак, что же делать? По-моему, собрать Собор всех правосл. российских епископов и определить на нем:

1. Синод сделать состоящим не из переменных епископов, а из постоянных членов. Куда епископам епархий заседать в Синоде, когда у них целый воз собственных дел? Оттого и епархии терпят от недосмотра, и вся Церковь от недогляда. Не смущаться тем, что епископы — члены Синода не будут именоваться по епархиям, которых у них не будет. <,,>

2. Епископы члены Синода, д. б. избраны всею Церковью и д. б. избраны для сего мудрейшие между ними, заметные как путные администраторы. Цвет ума, сил... должен стать во главе Церкви. Царь, разумеется, на это с радостью пойдет, — нужно только разумно представить ему это. Какой же у нас царь был против Церкви или не позволил что доброе в Церкви?

3. Прилично быть столичному Митрополиту председателем Синода, но тогда у него должны быть три викария для ведения епархиальных дел, чтоб от занятий его Синод, делами не было ущерба его епархии.

4. Общее заседание всех членов Синода для вершения особенно важных дел должно быть в определенные дни.

Но [пункт] 5. 12 членов Синода д. б. разделены по крайней мере на четыре части: 1. Три человека для ведения текущих дел Русской Церкви. 2. Три — для ведения миссионерства внутреннего — среди раскольников, инославных, буддистов и магометан в пределах России. 3. Три для управления миссионерства заграничного — среди католиков, старокатоликов и протестантов в Европе и Америке, и язычников в Азии и проч. 4. Три для ведения просветительной части среди православных (того, чем теперь заведует Дух. Учеб. Управление). Должны быть четыре присутств. места и канцелярии, с нужным только числом чиновников. <.,> Хотя бы в этом роде. Против канонов — ничего, а улучшение было бы значительное.

21 декабря 1898 (2 января 1899). Понедельник

После обеда сделал визиты: амер. епископу McKim'у амер. епископ, миссионеру Gardner'у, дочка которого приводила потом к епископу Шершевскому. Сей последний — замечательная личность. Родом — русский еврей, из Литвы; 22-х лет в 1852 году эмигрировал из России, сделался протестантом, миссионером, епископом в Китае; хорошо там потрудился; перевел Библию на мандаринский китайский язык, экземпляр которой и мне подарил еще в 1875 г., когда посетил меня здесь, на Суругадае. Солнечный удар в Китае сделал его паралитиком, но он не потерял духа; живя в Америке, перевел вновь Новый Завет на китайский язык; для отпечатания его прибыл в Токио и Новый Завет напечатал; экземпляр его прислан ко мне, и мы с Накаем постоянно, при нужде, справляемся с ним; это действительно лучший из переводов Нового Завета! Ныне трудится над изданием Ветхого Завета, который переведен им с еврейского. <...> Сидит в кресле, руками владеет не свободно, языком тоже, хотя можно понять все, что он говорит. Наружностью похож на раввина, сед, весьма почтенен, с окладистой бородой. Перевод пишет посредством пишущей машины. <.,> Переписчики потом начертывают кит. письмена; удивительно хорошо знает кит. язык, если правда, что в Америке у него помощников из китайцев не было, а сам он один делал свой перевод. <...> Обрадовался моему искреннему участию в его деле; показывал все свои рукописи. Да поможет Господь старцу окончить его издание Ветх. Завета!

23 декабря 1898 (4 января 1899). Среда

Между сегодняшними посетителями был, как значится на карточке: The Rev. Charles F. Sweet, professor of Dogmatic Theology in Trinity Divinity School, Tsukiji. <...> Начался обычный пустой... разговор, перешедший мало-помалу в серьезный.

— Вы, епископалы (говорю я), находите и в нашей Церкви будто бы повреждение и такие пункты учения, которые, по-вашему, следовало бы отбросить. Но что же? — скажите. Ни единым догматом, ни единой чертой в догмате мы не можем поступиться, так как все, что мы сохраним до йоты, — Божие учение, Божий смысл и внушение, данные роду человеческому для спасения. На второстепенных же предметах в области религии, на некоторых обычаях и обрядах мы не настаиваем. Вы можете <...> употреблять при Богослужении орган и проч. под. Но в главном, в догматах, вы должны восполнить то, что утеряли, а не мы бросить то, что крепко держим, — иначе мы никогда не можем соединиться.

— Что восполнить? — спрашивает.

— Возьмите, для примера, хоть учение о Таинствах. У нас 7 Таинств, у вас 2. <...> У вас принято учить, что и у вас 7 Таинств, — только 2 более важные, а остальные 5 не столь важны. Какая путаница в понятиях! Вы благодать Божию точно воду стаканами хотите распределять: туда мы большой стакан, сюда — малый. Не то у нас: совершенно ясное и определенное понятие: благодать, сообщаемая чрез Таинства, — единая, неделимая, непосредственная сила... Божия, непременно ниспосылаемая и действующая, — только у недостаточных к осуждению их («и суд себе яст и пьет, не рассуждая Тела Господня...»), а у достойных к спасению их и чрез них других. В этом смысле Таинство резко отличается от обряда. У нас на Крещение будет водоосвящение; с верою пьющий воду может исцелиться от болезни... неверующий же не получит никакой благодати от воды, она и не будет даруема пьющему св. воду как простую. В Таинстве же благодать непременно присутствует и даруется, почему и осуждение изречено пренебрегающему сим даром, — итак, восполните учение о семи Таинствах.

— И у нас благодать сообщается во всех 7 Таинствах, однако крещение и евхаристию мы называем более важными потому, что они всем нужны для спасения, тогда как прочие таинства не всеобщы.

— Таинство священства вы называете не всеобщим, стало быть, не столь важным; но без священства разве может быть совершаема евхаристия? Не в основании ли оно самых всеобщих и, стало быть, не самое важное?

И т. д. Разговор длился более часа. В продолжение его Свит... стал утирать слезы, причем говорил:

— Скажи мне православный священник или епископ, что я не имею благодати священства, я завтра же приду к вам и попрошу принять меня. Один из моих друзей в Америке ушел в католичество, но я удержался именно потому, что твердо убежден, что я настоящий священник; потеряй я это убеждение, я сейчас же перейду к вам.

Я удержался обратиться к нему прямой зов. Если Богу угодно, благодать призовет его. Приди он завтра и скажи: примите меня в лоно вашей Церкви, конечно, я тотчас же сделаю это. Но воспользоваться тем, что человек расчувствовался, и тотчас на-кинуть на него сеть, — как-то уж слишком по-католически, — претит душе. <...>

Но как же ужасно и как тяжело д. б. состояние душевное преподавать догматы без твердой уверенности в истинности, даже в ясности их! Пот. что сегодня, как ни изворачивался Mr. Sweet, а изъяснялся весьма туманно и запутанно. То ли дело Свет Православия, как радостно быть православным миссионером!

1899 г.

11 (23) января 1899. Понедельник

<...> Не могу ли я пожаловаться иногда моему дневнику? Больше кому же? Чувствуешь себя иногда очень разобраным, как дом разобран и раскидан на части. Что может быть несчастнее такого состояния... Вот в таком я ныне; и раза три-четыре ежегодно бывает такое. Отчего? Нападение ли искушителя? Собственное ли утомленье? Или неободряющие обстоятельства? Возможно, все вместе. Враг нашего спасения разве дремлет? [Нрзб.] однообразием разве нельзя утомиться? А ободряющее где же? <...> И при всем этом — вечное одиночество! Кремень о сталь дает искру; где же моя сталь? <...> Даст ли мне Господь хоть пред смертью видеть здесь сотрудника себе? Или погибнет дело Миссии и с ним моя душа, как бесполезно прошедшая поприще жизни? <...>

13 (25) января 1899. Среда

Утром вид из окон был совсем русский: все покрыто обильным снегом; безветрие позволило снегу держаться на всех ветвях и на всем, куда он падал, что придавало особую прелесть виду. <...>

4(16)апреля 1899. Воскресенье 6-й недели Великого Поста

Господь разрешил, наконец, свою рабу Анну от тленных уз: сегодня пополудни в 3 часа она скончалась. По-видимому, до последних минут сохраняла сознание, хотя едва могла выражать это. Когда зазвонили к обедне, правая рука ее силилась подняться для крестного знамения; когда в 1-м часу о. Павел Сато пришел читать отходную и ей сказали о том, она слабым наклоением головы ответила. Спаси ее Господи! Достояна она милости Божией! Более 20-ти лет трудилась для женской школы; любила девочек и заботилась о них, как родная мать. <.,,>

10 (22) марта 1899. Среда 2-й недели Великого Поста

Разность в чтениях славянского и русского текстов Притчей принудила сегодня натащить из библиотеки все, что можно было добыть о Притчах по части толкования. До сих пор не решил, чему следовать — греческому или Вульгате, беру пока лучшее из того и другого: для церковного чтения это и нужно.

14 (26) апреля 1899. Великая Среда

<...> На Богослужении читают теперь Евангелие по последнему исправлению. И плохой же перевод! Сколько еще нужно исправлять! Во многом, кажется, придется вернуться к старому, напр., «любяй душу свою» у нас так и переведено... а прежде было... «жизнь», и, кажется, так и нужно; держаться слишком узкого буквализма тоже ошибка; ведь по-гречески «психе» значит не единственно душу. <...>

21 мая (2 июня) 1899. Пятница

<...> Профессор Кёбер принес бывшие у него в чтении правосл. книги и возвестил, что совсем решился перейти в католичество. Психологический феномен — замечательный. Говорит и повторяет, что не имеет ровно ничего против Православия, не может опровергнуть ни одного возражения против нелепостей католичества, и при всем том идет туда; говорит, «тянет его туда».

— Да как же вы с завязанными глазами бросаетесь в пропасть? Ведь вы будете отвечать на Суде Божьем; самое первое в человеке — разум, он — светоч на пути нам; в религиозном деле он один недостаточен, — так вот вам Слово Божие, — непогрешимый руководитель. И вы против того и другого! Слово Божие говорит: «от Отца исходящего», Папа поправляет Бога и говорит: «и от Сына»; вы Бога бросаете, переходите к Папе; Бог учит: «пийте от нея вси»; Папа: «нет, не вси, а только духовные»; вы — тоже; Бог дает языки Апостолам, чтоб всякий народ на своем языке слышал Слово Божие; Папа возмущается против этого, отбирает Богом дарованное право у народов, — «пусть-де на одном латинском слышат»; вы на стороне Папы, против Бога; Спаситель совершил вечерю на артосе Папа говорит: «довольно и гостии»; Спаситель собственным примером указал нам образ крещения через погружение; Папа учит — довольно покропить водой; и везде вы с Папой, против Бога, — разумно ли это? Богоугодно ли это? И т. д., и т. д.

Ничего не может опровергнуть, ни против чего возразить, одно твердит: «влечет меня туда, и иду», точь-в-точь, как юноша, влекомый плотию в непотребный дом; разум говорит ему: «скверно и грешно, и опасно — погибнешь», но он все-таки идет и гибнет. И подобен сему слабому юноше —

наш философ Рафаил Густав Кёбер! Извинением для себя выставляет то, что жил за границей, 30 лет молился в католич. костеле, привык-де. Потому и пьяница, привычный к вину, может не бросать его, — привык-де. Прискорбно! Но нечего делать! Насильно мил не будешь. Пусть тащится из света в полутьму. Три года я серьезно и подолгу говорил с ним и убеждал его, не говоря уже о разных мимолетных разговорах о том же. И так, я чист от крови брата сего, совесть меня не укоряет ни в чем относительно его ренегатства.

23 августа (4 сентября) 1899. Понедельник

В школе начались обычные занятия. Мы с П. Накаем принялись за дело перевода Н. Завета. Сегодня закончили проверку слов по 1-му тому Лексикона Гильтебрандта и принялись за второй с буквы «П».

6 (18) сентября 1899. Вторник

<...> Прочел записку барона Розена. Замечательно умная... ясно доказал, что нам ссориться с Японией из-за Кореи нельзя, — иначе Япония, соединившись с Англией, раскачает [?] нас здесь, так как наш флот соединенным двум флотам противостать не может, в соединении же с японским наш флот всегда может грозить здесь Англии.

16 (28) ноября 1899. Вторник

Вечерним занятием сегодня кончен пересмотр слов Нового Завета по Симфонии Гильтебрандта. Теперь некоторые важные слова надо вновь пересмотреть, потом со специалистом по грамматике проверить правильность перевода в грамматическом отношении, потом и печатать; вероятно, в будущем году Бог поможет сделать это.

18 (30) ноября 1899. Четверг

Расчеты... трудность перевода таких слов, как «душа», «дух» с его различными смыслами.

31 декабря 1899 (12 января 1900). Пятница

<...> Серо, буднично, как-то совсем не радостно наступает год, да еще завершающий собою 19 столетие! Вероятно, принесет обычную сутолоку, — вечное корпение над переводом, вечную жажду чего-нибудь доброго в Церкви, вечное томление, что нет ничего такого, — все и всегда так вяло, — служащие неусердны (и сам же первый по всему этому), язычники к проповеди глухи... Впрочем, то же, что выше: переделать все это так, как мне хотелось бы, не по нашим силам. И так, да будет воля Божия! <...> Бодро вперед!

1900 г.

5 (18) апреля 1900. Великая Среда

Обычные церк. службы, ведущиеся правильно и истово. Но мучил сегодня своим вялым служением и особенно безобразным чтением Евангелий о. Петр... уж хуже читать и невообразимо: убивает всякое внимание и чувство. А как его научить читать лучше? Ведь говорил ему много раз — безобразно; поди искорени многолетнюю привычку. <...> И грустно думалось: бредет-то к нам народ все больше ленивый, кто поживее и поумнее — и не думает заглянуть к нам — идут на другие службы.

Впрочем, и в России не то же ли? Не уходят ли и там все лучшие силы в политику, разные министерства, [нрзб.], оставив духовенству лишь нижний слой? Оттого и духовенство у нас плохо, духовная литература мелочна, духовенство... такое, что до сих пор в 30 лет ни одного доброго миссионера не выслало сюда Отечество. <...> Э-эх, грусть-тоска глубокая!

9 (22) апреля 1900. Пасха

Обычное великолепное, высоко душу настраивающее Богослужение. Было тихо, но пасмурно, и чуть-чуть накрапывало, когда был крестный ход вокруг Собора, после сейчас же пошел дождь, и вот беспрерывно идет до сего времени — 4-х часов дня. В Соборе народа было несколько меньше, чем в прошлую Пасху, — налево было достаточно пустого места.

13 (26) апреля 1900. Четверг Светлой Седмицы. В Оказаки

Утром читал Евангелие от Иоанна о. Матфею, катехизаторам и христианам, чтоб узнать их мнение о переводе. Все нашли его удобопонятным и правильным, только слово «нивадзукури» в 1 ст. 15 гл. «Отец Мой Делатель» не одобрили, — советовали «будоо-дзукури».

В 9 часов обедница, отслуженная с о. Матфеем, и проповедь, сказанная мною о плодах Воскресения Христова.

В 11 часов в церкви же начался «симбокквай». Василий Таде, став у столика, на котором была ваза с цветами и стакан с водой (столлик стоит налево, внизу амвона), и отпив глоток воды, чтобы промочить горло, заораторствовал о цели собрания и вдруг неожиданно приплел меня, — «30 лет-де...» и проч.

Я должен был отвечать и сказал, что я не более чем спичка, которою зажгли свечу; спичка после этого сама гаснет, и ее бросают наземь, как ни на что не годную. <...>

21 апреля (4 мая) 1900. Пятница Фоминой

Павел... приходит с огромной рукописью: — Это вот я сочинил проект исправления преступников и задумал основать всемирное общество для сего. Правил 153 пункта. Продам меч и на вырученные деньги переведу проект на английский язык, напечатаю и разошлю по всем государствам, приглашая членов для создания общества. Будет председатель, епископ будет подавать советы...

— А сколько за меч выручите? — спросил я.

— Ен 700-800.

— Так когда будут у вас в руках эти деньги, вы бросьте их в море или в огонь, — употребление будет такое же, как на проект, только для вас меньше будет хлопот. Люди, в тысячу раз умнейшие, чем вы, истощали и истощают усилия для той же цели, о которой задумали вы, и никак не могут достигнуть ее и т. д. <...>

Но удивителен тип рассуждения — ни малейшей, по-видимому, мысли о том, что самому нужно исправиться.

В отчаяние приводит трудность перевода Послания Ап. Петра, — за утро и вечер и десяток первых стихов не исправили, а третий раз исправляем; всякий раз добьешься того, что выйдет отлично, понятно, но вновь принялись, глядь, и сами не можем понять, о чем у нас учит Ап. Петр. Хорош перевод, коли сами переводчики в толк не возьмут, что написано! Боже, что за мучение! Противоположные грамматич. конструкции — изволь тут перевести эту беспрерывную на целую страницу цепь текстов. А станешь рубить — смысл извращается; то — золотая цепь, а это — горсть разбросанных колец. Что делать? <...>

22 апреля (5 мая) 1900. Суббота Фоминой недели

От необоримости трудностей перевода такое убийственное растворение духа, что не смотрел бы на свет Божий! Сколько ни [нрзб.], ничего путного не выходит — как тут не прийти в отчаяние! Перевели мы 1-ю главу Петрова послания — так, что, читая, всякий поймет, но что это за перевод! набросок бессвязных мыслей!

18 (31) мая 1900. Четверг. Праздник Вознесения Господня

На Литургии совсем мало из города христиан. Грустно! Не таков в России этот праздник. Там бы хотелось быть.

8 (21) июля 1900. Суббота

<...> Получен ящик с церковными вещами от о. Иоанна Кронштадтского: Св. Евангелие, 3 напрестольных креста, дароносица, лампадка, 2 священнических полных облачения, 6 приборов воздухов, 2 прибора литургийных сосудов и проч. Все вещи серебряные, шелковые, новые, изящные. Да благословит Бог о. Иоанна еще большею благодатью за его... любовь!

Пожертвование выставлено в крещальной, чтобы показать христианам, которые все знают имя раба Божия о. Иоанна Кронштадтского.

27 июля (9 августа) 1900. Четверг.

В Кёото и Осака

<...> Затем был разговор в присутствии катехизаторов и некоторых христиан. Из последних особенно замечателен Лука Мацукава и его друг, бывший католический катехизатор. Мацукава — настоящий артист по части вязания, и работы его и учеников его украшают церковный дом. В комнате, где проводятся церковные собрания, стоит стеклянный шкаф с большим горшком, в котором огромный цветочный куст, — издали натуральное живое растение: здесь все — цветы, листва, ветки, ствол, сам горшок, даже земля в нем — вязано из окрашенных ниток. <...>

2 (15) августа 1900. Среда

Была хорошая христианка из Касивазаки: Мария... служащая там учительницей школы. «Восстанут дети на мать», — исполняется на ней, — не только родные ее, но взрослые сын и дочь — ненавидят Христову веру и по возможности гонят за нее мать. Она, однако, благодушно выносит все и... прибыла в Токио, чтобы помолиться в Соборе, получить благословение и подкрепить свою веру. Подкрепи ее, Господи!

9 (22) августа 1900. Среда

Какая прекраснейшая погода и какое убийственное расположение духа целый день! Печаль по Хакодатской церкви перешла в глубокую печаль по всей Японской Церкви...

10 (23) августа 1900. Четверг

До обеда занятия в библиотеке, после обеда чтение с Исайей Мид-зусима приготовленных им к печати соборных протоколов; целый день в работе, — это освежительно действует на удрученную душу, точно ванна на вялое тело: равновесие духа восстановлено, — опять оптимистическое настроение, — от Бога ли оно? Бог вещь, но с ним хорошо, — крылья расправлены, летать хочется;

без него — мокрая курица или полураздавленное и прилипшее к полу своими собственными внутренностями насекомое.

22 ноября (5 декабря) 1900. Среда

В сегодняшнем номере «Japan Daily Mail» — перепечатка из «China Mail», из которой явствует, что протестантских миссионеров умерщвлено в Китае в нынешнем восстании сто двадцать девять, детей сих миссионеров — тридцать девять. Там же замечается, что если прибавить к сему число убитых католических миссионеров, которых убито не менее, чем протестантских, то получится двойное вышеозначенного числа (129) количество мучеников-миссионеров.

Протестантских сект в Китае — пятьдесят семь. Миссионеры сих сект, впрочем, живут довольно мирно между собою. Нынешнее же гонение окончательно сблизило их, поровняв несчастьем. Христиане-китайцы заявили себя стойкими в вере — тысячи из них претерпели мученическую смерть за Христа.

25 ноября (8 декабря) 1900. Суббота

В третьем часу был английский епископ Одрей (Awdry), за вчера письмом спрашивавший, может ли он в этот час посетить меня по делу. Дело оказалось следующее: один из методистских миссионеров составил проект — пред наступающим новым столетием соединить всех миссионеров в молитве, подобной молитве Спасителя в Гефсиманском саду, чтобы все ныне разделенные христиане стали одним Стадом. Одрей получил приглашение и дал согласие; и просит ныне Одрей, от лица того миссионера, нас, православных, также соединиться с ними в молитве. Одрей прочитал написанный латинскими буквами японский проект миссионера с сочиненной им молитвой. Читал он с большим чувством, но стоило большого труда не расхохотаться — не над проектом, а над его чтением, до того нелепо и дико это произношение везде на английский манер («ш» вместо «с» и «ч» вместо «ц»). Выслушав все, я нашел предприятие одобрительным и сказал, что отдам проект для напечатания в нашем «Сейкёо-Симпо», к сведению всех наших христиан, — пусть только рукопись доставится мне написанною по-японски. И потом стал говорить епископу, что он предлагает нам делать то, что мы и без того постоянно и неустанно делаем. — в... ектении Церковь провозглашает молитву «О соединении всех», и все наши христиане знают, что это — о соединении всех, разделенных на секты и общества, чад Божиих в одно стадо под одним Пастырем, и творят свою посильную молитву о сем (тут же показал ему в японском служебнике эти слова и, по его желанию, подарил ему самый служебник). «Пусть молятся и все протестанты о сем; они в этом присоединятся к нам, а не мы — к ним. Мы, молясь, твердо веруем, что рано или поздно <это> по молитве совершится, ибо о том же молился и Спаситель, а Его Молитва в то же время — выражение Его Божественной Воли. Но пусть протестанты знают, что не совершится это до тех пор, пока со словами молитв не соединится дело. Мы ныне, молясь, протягиваем друг к другу руки общения, но между нами — пропасть, руки бессильно висят на воздухе; и так будет до того времени, когда заградится пропасть, а заградить ее — ваше дело, не наше. Заградить ее — значит исправить вам то, что вы извратили в Учении Спасителя (например, Учение о Святом Духе, о Благодати), принять вновь то, что вы отбросили из сего Учения (например, Таинства). Пусть ваши церковные обычаи (например, музыка при Богослужении), пусть все второстепенное останется у вас по-вашему, но догматы должны остаться неизменными, а в этом отношении — вам исправиться, не нам. И пока вы <не> исправитесь, молитва "О соединении нас" будет тщетною. Как достигнуть исправления? Прежде всего вам нужно изучить Православие. Образуйте в Англии от лица Церкви авторитетный комитет — так, чтобы он стоял пред лицом всей нации; пусть члены его изучат русский и греческий языки, а чрез них — богослужебные книги и всю богословскую науку Православной Церкви, пусть, по мере изучения, все докладывают английскому народу; этим он будет

подготавливаем к уступкам Истине. Когда завершится изучение и английская нация будет о всем осведомлена и приготовлена, тогда следует собраться Вселенскому Собору, и на нем, с Благословением Божиим, состоится торжественное соединение. Предлагайте это вашим принципалам в Англии. Ваше слово должно иметь вес, потому что, если кто, то мы, миссионеры, больше всего чувствуем прискорбность и неудобства этого разделения, крайне компрометирующего нас в глазах язычников и воспящающего наши успехи», и так далее. <...>

26 ноября (9 декабря) 1900. Воскресенье

До Литургии отец Симеон Юкава крестил семь человек взрослых и младенцев; младенцы были двойня — две здоровенькие девочки; из взрослых одна протестантка, присоединенная чрез Миропомазание.

2 (15) декабря 1900. Суббота

Отец Сергей Судзуки извещает о посещении христиан в Како-гава, Химедзи и Акаси; везде исповедал и приобщил; крещено только в Акаси двое. Пишет еще о крещении в Оосака четырех и присоединении из католичества одного.

3 (16) декабря 1900. Воскресенье

Павел Соно письмом в две сажени отвечает на посланное ему увольнение со службы — за то, что мать свою, христианку, похоронил по-буддийски. С самого начала заявляет, что принимает увольнение, как заслуженное им, но считает нужным объясниться. Объяснение разделяется на две части. Первая состоит в описании, как он старался достать денег на погребение матери, но не мог, потому предоставил погребение собравшимся родным, которые объявили, что по-буддийски похоронят, приняв расходы на себя, если же по-христиански, то они ни сена не дадут на него. «В этой крайности, — пишет Соно, — я должен был согласиться на языческое погребение». Сказал — и соврал. По его телеграмме о смерти матери ему тотчас же послано было телеграммой пятнадцать ен. Во второй части оправдывается против возведенного, будто бы, на него обвинения, что он проповедует ересь. Пред мною отец Кавано в этом не обвинял его. Но в этой части объяснения — немало горьких истин против отца Кавано. В прошлом году Собором Павел Соно назначен был служить в Кумамото; но отец Петр Кавано переместил его в Янагава, так как «Кумамото»-де — «родина Соно; он там дурно вел себя в язычестве — это будет воспящать успехам его проповеди». Отчасти, может быть, и правда; но это до того озлобило Соно, что он в душе сделался врагом отца Петра; и целый год Соно ровно ничего не делал в Янагава, а только гулял и читал буддийские книги, как сам откровенно и несколько раз повторяет это в письме. Тут же описывает, какой отец Петр плохой священник: о проповеди нисколько не заботится; служит по праздникам или слишком поздно, или слишком рано; на Богослужения собираются всего два-три христианина, а иногда ни одного, кроме кого-нибудь из его собственной семьи; главная страсть его — рыбная ловля и возделывание огородных овощей; для той и другого забрасывается всякое церковное дело; в семье — бьет жену. Повторяет Соно несколько раз: «Спросите всех, служивших здесь катехизаторами, — все скажут то же». Обвинение отцом Петром его в ереси вышло оттого, что он, читая от нечего делать буддийские книги, говорил иногда с христианами, что вычитал в них, — но без тени какого-либо притязания на распространение буддийских мыслей, а просто в разговоре, и притом с людьми, знающими христианское учение твердо (не с такими, которые бы могли смутиться). Заключает Соно положительным утверждением, что пока отец Кавано — священником в Янагава, успеха проповеди там не будет и Церковь будет такою же мизерною, какова она ныне. Правда. Но где же тот, кого бы поставить вместо Кавано?.. Отвечено Павлу Соно, что письмо его прочтено и что если он еще желает служить Церкви, то пусть поручит сестру с детьми родным, а

сам едет сюда для службы где-либо вдали от Кумамото, где он скомпрометировал себя (сестре он может помогать отовсюду). В нем есть добрые черты, которыми можно воспользоваться для Церкви.

14 (27) декабря 1900. Четверг

Был сборщик пожертвований на сиротский приют в городе Окаяма. Двенадцать лет этому приюту с основания его; основал сострадательный к несчастию ближних врач по фамилии Исии, протестант секты конгрегационалистов. Начал с принятия на свое попечение двух малых детей вдовы, приведшей их к нему; теперь в приюте — до трехсот сирот мужского и женского пола, и приют этот уже известен на всю Японию. Дети все делаются протестантами, так как учит их вере и молитве один из протестантских миссионеров в Окаяма. Я подписал пять ен в год.

28 декабря 1900 (10 января 1901). Четверг

В четыре часа отправился к английскому епископу Awdry, по его приглашению, «at home» — посмотреть и слушать «Christmas Bells» и «Japanese Top Spinning» (пускание волчка). После любезной встречи и чашки чая Bishop Awdry вернул серьезное: «Я недавно в Мисаки встретил вашего христианина, и он приобщился у нас; Вы ничего не имеете против этого?»

— Там у нас нет церкви, и я не знаю, кто бы это был.

— Один столяр с семейством, лет тридцать тому назад крещенный Вами и с тех пор не выдавший Вашего священника.

— Жаль, что он никогда не извещал о себе, — мы могли бы посылать к нему священника.

— Но он захотел приобщиться у нас — как Вы смотрите на это?

— Приобщился — ну и ладно; запретить я ему не мог.

— Этого только мне и нужно. Желательно, чтобы и Вы также приобщали наших.

Я лишь открыл рот отвечать, как помешали продолжению речи, потому что мы были в толпе. Впрочем, ответ мой ему известен — я несколько раз на подобное заявление епископалов излагал им свою мысль и вместе мысль Православной Церкви. Как они надоедают с этим своим приставаньем!

«Christmas Bells» было перезванивание колокольчиков в руках десятка девиц и отроковиц, выстроившихся в шеренгу и потом грациозно переходивших одна на место другой, одну руку подавая взаимно, другою звеня в колокольчик; мелодичный звук колокольчиков был разных тонов, так что выходило нечто вроде музыки.

1901 г.

2 (15) января 1901. Вторник

Матфей Юкава из Накацу пишет, что на Празднике у него было, кроме своих христиан, четверо католиков, по-видимому, желающих уйти из католичества, по примеру бывшего своего катехизатора, ныне православного христианина.

15 (28) января 1901. Понедельник

Приходил Bishop Awdry поблагодарить за мой визит ему по поводу кончины Королевы Виктории и вместе известить, когда у них мемориальная служба по сему поводу, и пригласить на нее.

— У Вас будет свита? — спрашивает (сказавши, что служба будет второго февраля нового стиля

в Американской Епископальной Церкви на Цукидзи, по причине маловместимости английской церкви в «Сибса-сакайчэо», где живет Awdry).

— Я буду один.

— В облачении?

— Не в богослужебном, а в моем епископском платье.

— Приготовить для Вас место на эстраде?

— Что же я там буду делать? Мне хотелось бы сидеть с простыми верующими: там я внутренне сотворю свою молитву за Королеву, которую душевно уважал.

Епископ Одрей, видимо, хотел моего соучастия с ними, двумя епископами (быть может, и другие соберутся, кроме американского Mc'Kim'a), в их Богослужении в качестве Епископа Православной Греко-Российской Церкви. И его опечалил мой отказ — такое грустное у него лицо сделалось. Мне и самому стало очень грустно. Но что же я могу сделать? Не продавать же Православие за любезность! Догмат у нас — разный; как же бы мы стали молиться единодушно? У нас — молитва за умерших. У них — прославление умершего, что он уже в Царстве Небесном; в послевоскресном номере «Japan Mail» напечатаны в сокращениях все проповеди, произнесенные вчера, в воскресенье, в протестантских церквях по поводу кончины Королевы, и все — настоящий апофеоз ее добродетелей, а смиренной молитвы об упокоении ее — и тени, и намека нет. Где догмат — там нам нельзя ни на йоту уступать или мирволить ни протестантам, ни католикам. Не следовало бы и Преосвященному Тихону, в Америке, являться в мантии на ординации епископального бишопа, как он фигурирует ныне в рисунках по Америке. Таинство Священства — тоже догмат в Православной Церкви, а не простой обряд, каким признается ординация у епископалов, которой поэтому и не следовало публичное уважение и как бы закрепление ее со стороны Православного Епископа.

18 (31) января 1901. Четверг

Утром получил письмо от Rev. H. Loomis из Йокохамы, в котором изъясняет он: «Американская Церковь в Цукидзи слишком мала, чтобы поместить всех, желающих присутствовать при мемориальной службе (Memorial Service) в субботу, день погребения в Англии Королевы Виктории. Потому нельзя ли устроить сию службу в "Greek Cathedral" (нашем соборе), где могли бы участвовать все желающие?» «Я говорю это только от себя, — заключает Loomis, — но думаю, что Сэр Клод Макдональд (аглицкий посланник) был бы рад сему».

Я тотчас же ответил, что «в субботу у нас самих обычно совершается две службы, с некоторым приготовлением к ним. Это делает невозможною еще третью, и потому, к сожалению, я должен отказать».

Лумис и к Епископальной Церкви не принадлежит. Если бы попросил епископ Одрей, то можно было бы подумать, не дать ли. Мне кажется, я согласился бы дать собор для поминальной службы такой исключительной важности, какова нынешняя. Но, конечно, с тем чтобы Алтарь открываем не был и по-протестантски собор убираем не был, то есть скамеек не вносили бы, органа — тоже, а пусть бы вошли в собор, как он есть, и помолились по-своему. Царь Соломон молился, чтобы и молитва ино-племенников в построенном им Храме была услышана, — отчего же и в нашем Храме не помолиться иноплеменникам? Только едва ли они согласились бы не обезобразить наш собор для своей молитвы. Боже, как тягостно, что мы не можем молиться вместе! А как иначе? Они вот хвалебные гимны воспевают своей Королеве, а нам хотелось бы молиться об отпущении ее грехов.

20 января (2 февраля) 1901. Суббота

В двадцать минут одиннадцатого часа отправился на поминальную службу (Memorial Service) по Королеве Виктории, на Цукидзи, в Американский Епископальный Троицкий собор, где была служба

по тесноте помещения Английской Епископальной Церкви в «Сибса-сакай-чёо». <...> Любезно провели на место, где помещался дипломатический корпус и где на начальном месте одной из скамеек приколот был билетик с надписью «Monseigneur Nicolas». Прибыли три японских Великих князя с их супругами; при входе их все поднимались и стояли, пока они проходили к своим местам впереди всех. Вслед за тем все поднялись при входе священнослужащих, в предшествии высоко водруженного креста, и пред епископом Awdry — его посоха, и при пении гимна, напечатанного первым в брошюре. Затем продолжалось пение дальнейшего. Пение большею частью — речитативное. Псалом Девяностый (по-нашему — Восемьдесят Девятый) пропет был особенно трогательно. Затем епископ, став у аналая, прочитал 15-ю главу Первого Послания к Коринфянам, с 20-го стиха до конца, причем все сидели. Гимн. Молитвы «Lord, have mercy upon us» [Господи, помилуй нас] и прочие. «Отче наш». Чтение составленных к случаю молитв (одной — священником, другой — епископом), после чего было благословение епископа; опять пение гимна: бессловный «Dead March» на органе, который послушавши стоя, стали расходиться, чему начало положил Министр Mac Donald, уведший японских Великих князей. Собор был переполнен блестящим обществом. Пение было трогательное. Грустно одно — ни слова не было молитвы за умершую. Мы молились за себя, поучали себя, старались растрогать себя, а до умершей нам не было никакого дела. Правда, упомянули ее дважды в чтомых молитвах, но только для того, чтобы поблагодарить за нее Бога, а не затем, чтобы вознести молитву об упокоении ее души. Каким холодом дышит протестантская поминальная служба! Недаром одно только это отвращает столь многих людей от протестантства.

21 января (3 февраля) 1901. Воскресенье

В церкви было гораздо больше русских матросов, чем японских христиан. И свечей же наставили! Всех и расставить не могли — места не хватило; оставшиеся будут поставлены при дальнейших Богослужениях — так и матросикам объяснено. После Литургии многие из них пожелали отслужить молебен Спасителю. Я спросил:

— Есть ли между вами могущие петь молебен?

— Нет, — ответили.

— В таком случае и священник, и пение будут японские.

— Для нас это — все равно, Господь Бог не положил различие в языке для молитвы.

Да наградит Господь Своею Благодатию такое истинно православное суждение!

23 января (5 февраля) 1901. Вторник

Умер Фукузава, редактор «Дзидзи Симпоо», основатель училища в Мита, автор многого отчасти полезного, ибо был ревнитель европейской цивилизации, отчасти вредного, ибо был проповедник европейского новейшего атеизма, который, благодаря его бойкому перу, внедрен во многие-многие души, до безвозвратной гибели их, вероятно.

28 января (10 февраля) 1901. Воскресенье

За Литургией, вместе с здешним Военным Агентом, полковником Ванновским, был «Военный Агент в Берлине, князь Павел Николаевич Енгальчев». Он был в свите графа Вальдерзее, Главнокомандующего союзных войск в Китае, и ныне возвращается в Европу, к своему месту. К берлинскому отцу протоиерею Алексею Петровичу Мальцеву я отправил с ним книжку наших Соборных протоколов прошлого года. По желанию князя показал ему наши школы. Говорил он между прочим:

— Синод издал странное распоряжение — не отпевать графа Льва Толстого, когда он умрет.

— Откуда Вы взяли это?

— Из американских газет.

— Но как же может знать Синод, что Толстой непременно умрет, не покайся? А если он умрет христианином, как же не отпеть его? Газетная утка эта — злонамеренная клевета на Синод, бьющая на возбуждение вящей симпатии к Толстому, в видах пропаганды его злостной ереси. Было вот что — Петербургский Митрополит призвал петербургских благочинных и конфиденциально сказал им: «На случай смерти графа Толстого предупреждаю — без особого разрешения на то не служить панихиду». Распоряжение весьма благоразумное — если Толстой умрет непокаявшимся врагом Православной Христианской Веры, то навязывать ему церковные молитвы было бы кощунством; Церкви остается только молча поручить его Милосердию Божию, как и всех язычников и врагов Божиих...

31 января (17 февраля) 1901. Среда

Отец Алексей Савабе приходит сообщить, что Петр Маено, из служащих у него катехизаторов, уходит с церковной службы. Этот был когда-то до того дурным по поведению, что отец прогнал его из дома; поступил, по убеждению какого-то христианина, в Катехизаторскую школу, исправился, хорошо учился и сделался проповедником. Но вот, потому что сделался годным на дело, мир и отбирает его себе — уходит, чтобы зарабатывать больше денег, чем сколько дает церковная служба. Лишь только вышел от меня отец Савабе, приходит смотритель Семинарии Иван Акимович Сенума и сообщает, что трое семинаристов бежали из школы, — в светские заведения куда-то поступают (без сомнения, тоже, чтобы добиться со временем более доходной службы, чем церковная). В сущности не жаль никого; Маено все же был плохой катехизатор; из троих учеников один был несколько способный, два — совсем бездарные, так что, если бы вздумали обратно проситься в школу, ни за что не будут приняты; и хорошо, что ушли с хлебов Миссии, которая едва ли когда-либо ими могла бы воспользоваться. Самый дрянной народ поступает в миссийские школы — большею частью отброс других школ; потому если и уходят — не беда. Жалкое положение вообще духовных школ ныне, не наших только, а всех Миссий. Кажется, отлив дошел до последней черты; если течение пойдет еще вниз, то значит, и отброса не будет; школьные здания опустеют. Что ж, если и это будет, — пусть! Не от нас это зависит, значит, не нам и печалиться. Но печально положение Японии. Материализм до того обуял ее, что если не пойдет на прилив, она в скота обратится со всей своей наружной цивилизацией, — и упадет духовно, ослабеет нравственно, огрубеет в чувственности и расшатается, расхлябается физически. Но едва ли это будет! Кажется, Господь не для того начал будить ее; возникнут и возобладают мало-помалу и более благородные стремления, скажется и человеческое достоинство в японском народе также, ныне мнящим себя скотским исчадием, и потому никнущим долу щипать знатную пажить и больше ничего не хотящим. Быть может, из Семинарии менее бежали бы, если бы штат учащихся был более благонастроен. Ныне там четыре кандидата богословия, но ни одного истинно усердного к Церкви; все служат, чтобы получать жалованье; Бог вещь, устояли бы и они, если бы где на стороне могли получить больше — и особенно если бы гораздо больше. Прочие учителя — язычники. Языческая литература вливается в Семинарию; более, чем языческая, — атеистическая. Сенума постоянно требовал, чтобы в семинарскую библиотеку покупались были все новейшие хорошие сочинения по всем отраслям, также чтобы выписываемы были педагогические журналы. Тщетно я говорил, что все это проникнуто нынешним модным атеизмом, утилитаризмом, эволюционизмом и прочим. Ныне он тоже просил денег на дальнейшую педагогическую литературу. Но на мои резоны, что пора перестать отравлять учеников атеизмом, иначе и все разбегутся из Семинарии, склонился наконец и он и не стал настаивать на выдаче денег. Вообще, плохое нравственное состояние Семинарии ныне! И если оно не улучшится, то, пожалуй, и хорошие ученики будут портиться у нас.

1 (14) февраля 1901. Четверг

Целый день не мог отделаться от печали, навеянной вчера неимением в Японии добрых церковных деятелей, и безнадежностью иметь их в ближайшем будущем. Сегодняшняя почта подбавила печали: в «Православном Благовестнике», № 23, прошедшего года, есть статья «Международная Миссионерская Конференция студентов в Лондоне», где протестантство гремит и трещит. Решено на ней — непременно весь мир просветить Христианством в течение жизни и деятельности нынешнего поколения. К числу языческих стран, которые решено просветить, причислена и Россия с Грецией. Гласит статья: «Конференция разделилась на восемь секций, обсуждавших миссионерское положение указанной каждой из них языческой страны. Эти восемь секций — африканская, китайская, индийская, японская, иудейская, магометанская, южноамериканская и грековосточная», к которой кто же мог принадлежать, как не Россия и Греция! Господи, доколе Ты терпишь поношение Твоего Истинного Евангелия? Помоги воспрянуть России, которой Ты вверил Православие! Нечистые насекомые облегли это огромное тело и сосут из него кровь — как Лев Толстой и вся эта вонючая, как клопы, интеллигенция, лакействующая пред Западом. Помоги сбросить эту нечисть!

И Всенощная сегодня была такая грустная-грустная, несмотря на отличное пение! Нет для меня радости, коли нет успеха Православной Веры!

16 февраля (1 марта) 1901. Пятница 1-й недели Великого Поста

Некто, служащий по проповеди у протестантов, рассорился со своим принципалом и просит принять его в православные «бокуси» (пастыри!). Отвечено: пусть пройдет здесь курс Катехизаторской школы и тогда просится на службу здесь.

19 февраля (4 марта) 1901. Понедельник 2-й недели Великого Поста

Был некто Гондо, довольно известный в журнальном мире, поговорить об Японии. Задал вопрос: как я смотрю на японский народ? Вижу ль в нем хорошее, и что? Вижу ль дурное, и что?

Я отвечал, что японский народ — современник древним государствам, которых теперь и следа нет, тогда как японский народ — жив и полон сил; стало быть, в нем есть прочные задатки жизни. Что это? Добродетели, привлекающие на японский народ Охранительную Любовь Бога и Промыслителя Вселенной. Не знают еще японцы Истинного Бога, но «естеством законное творят». Три до-селешние няньки японского народа, каждая воспитала в нем нечто доброе: синтоизм — честность, буддизм — взаимную любовь, конфуцианизм — взаимное уважение. Этим и стоит Япония. Но пора уже Японии узнать своего Отца Небесного, и что она медлит в сем, что холодна к Христианству, это — дурное в ней, и так далее. Разговор продолжался часа два.

17 (30) марта 1901. Суббота 5-й недели Великого Поста

Протестантство — клоака, в которую если порядочного засосет человека, — нет ему спасения. Араи Цуненосин, сделавшийся мистиком в Америке, бродит в тумане (не имеет никаких ясных предметов своей веры) и до того считает себя во свете, что тщится и других тащить в свой мрак; гордость свою считает верою, и глух и слеп поэтому ко всякому слову вразумления и самой очевидной истине. Даже отец Павел Савабе считает его безнадежным, а они — первейшие друзья между собою.

24 марта (6 апреля) 1901. Лазарева Суббота

Отец Феодор Мидзуно вернулся из Коофу; исповедал и приобщил там всех, крестил трех и опять

из католиков присоединил двоих; так или иначе, благодаря отложившимся католикам, позвавшим нас туда, Церковь в Коофу основалась; отец Феодор хвалит ревность тамошних христиан; и новые слушатели есть.

30 марта (12 апреля) 1901. Великий Пяток

Из Йокохамы, из католической школы, прибыли пять русских девочек, чтобы поисповедаться, причаститься и встретить здесь Светлый Праздник. Конечно, не школьное начальство их вздумало прислать их, а консул, князь Лобанов, похлопотал о сем, вследствие моего напоминания ему письмом в среду. Начальство их, напротив, радо было бы не делать сего, то есть не присылать их, как и не прислало еще троих православных, заявивших, что они уходят в католичество; «оно»-де — «истинная Христова Вера»; и это — рассуждение тринадцатилетних девочек! Нужно, впрочем, заметить, что эти девочки или польского, или французского полупроисхождения, то есть, у одной мать — полька, отец — русский и подобное. Чисто же русские девочки все крепко держатся своего Православия. И как эти сегодня обрадовались здесь православному Богослужению, хоть понимают его только по напеву! «Помолиться здесь можно — не то что там, в Йокохаме; там в церкви танцевать хочется, а здесь — молиться», — простодушно выражались они сегодня. С нашими ученицами они, как и всегда бывает, тотчас же подружились, и в восхищении от них; а те, в свою очередь, платят им теми же чувствами. Как бы хорошо было, если б дипломаты Японии и России подражали сим девчатам!

После Всенощной была исповедь двух священников и прочитан Канон ко Причащению и Молитва на сон грядущим иокохамским девочкам.

31 марта (13 апреля) 1901. Великая Суббота

До Литургии исповедал русских пять девочек и прочитал для них Причастные Молитвы. За Литургией они приобщены.

1 (14) апреля 1901. Светлое Христово Воскресенье

В полночь, по обычаю, началась Пасхальная Служба и была очень торжественна. Ночь была тихая — свечи не гасли во время Крестногохода вокруг собора. Русских, кажется, двое было, кроме пяти иокохамских воспитанниц, и те до конца службы не достояли. Кончилась Литургия в четверть четвертого часа.

15 апреля (2 апреля). Понедельник. Светлой седмицы

С семи часов Пасхальная служба — утренняя и Литургия, без перерыва. Кончена в начале одиннадцатого часа. Служили со мной оо. Павел Сато и Роман Циба и два диакона. Приобщено много детей. Русские на Литургии были: полковник Ванновский с детьми и проезжие с военных действий из Китая домой в Россию: подполковник Генерального штаба Александр Петрович Агапеев и доктор Николай Васильевич Гильченко.

Поздравление певчих своих, потом о. Алексея Савабе и его певчих и прихожан из Коодзимацикёквей. Между прочим, нужно было поскорее накормить обедом и отпустить с присланной японкой пять иокохамских учениц Католического пансиона. Они отпущены были до вечера воскресенья, но мне не дано было знать о том из пансиона, а они сказали, что отпущены до вечера понедельника, то есть обманули. За ними вчера приходила японка, но я этого тоже не знал, а они не пошли, говоря, что отпущены до завтра. Сегодня, по выходе из Церкви, я получил письмо из пансиона с просьбой отправить их, и так далее. Я, конечно, поспешил это сделать. Жаль, что наши девочки такие лгуны.

15 (28) апреля 1901. Воскресенье Жен Мироносиц

После Литургии, в один час, была панихида по Василию Оогое, сыну старика Алексея, служашего в Миссии. Умер он в Гонконге, будучи там служащим в Банке Мицуи; там его и похоронили и прислали сюда родителям только часть волос его. Отпели его здесь в Пасхальную Неделю, а сегодня родители принесли в церковь к панихиде в маленьком гробике его волосы; им хотелось непременно похоронить их здесь на кладбище, чтобы иметь могилку, на которую ходить поминать своего сына. Что ж, Церковь ничего против этого не имеет! Собралось на панихиду множество друзей и знакомых покойника, его товарищей по Университету и чиновников Банка Мицуи, и нанесено было множество цветов, которые, впрочем, оставались вне собора. Панихида была отслужена мною со священником, пропел ее хор певчих. В утешение родителей и в назидание присутствовавших язычников я сказал поучение о том, что настоящая жизнь есть только начало вечной жизни и воспитание к ней; о бессмертии души и воскресении. Потом гробик в цветах, как бы и настоящий гроб с телом, понесен был на кладбище — настоящей похоронной процессией, с преднесением креста, певчими, священством в облачениях. На кладбище была Лития. А затем начались речи друзей умершего — язычников; речи — тщательно составленные и написанные, как обыкновенно это делается; но совершенно в языческом духе — восхваления покойника и сетования на безжалостность Неба (мудзёо-но тен), так рано похитившего его; было три оратора, и все в том же духе; слушатели приведены были в слезы, с которыми и зарыли ящик с волосами. Стало быть, впечатление моей речи совсем было изглажено. Жаль. И вот налицо сопоставление Христианства с язычеством: там — светлая надежда и утешение, здесь — мрак и отчаяние. Совершенно как в то время, когда Апостол писал: «Не хочу же вас, братие, не ведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования» (1 Сол. 4:13).

16 (29) апреля 1901. Понедельник

Матфей Юкава, из Накацу, пишет, что там крестился один бонза, ныне Павел Фудзии, вместе со своей женой, ныне Анной. Фудзии родом из города Фукуи, в Едзиген, секты Оотани, Мон-тосиу, и даже приходится племянником главе секты, господину Оотани; имел разные неприятные столкновения с начальством, вследствие чего удалился на Киусиу, в Накацу, где и прожил семь лет. Слушал он учение католиков. Но когда католический катехизатор оставил католичество и сделался православным (ныне Иосиф Окада), он объяснил ему неправость католичества и привлек к Православию. У Матфея Юкава спрошено, не пожелает ли Павел Фудзии продолжить дальнейшее христианское научение в Катехизаторской школе и сделаться потом проповедником.

17 (30) апреля 1901. Вторник

Был русский, барон Борис Александрович Таубе, подполковник, Начальник Штаба у Адмирала Алексеева, в Порт-Артуре, с супругой. Давно и как близко служит от Японии, и о Миссии — ни малейшего понятия! Иностранцы несравненно более интересуются нашею Миссиею, чем русские. Обидно не за Миссию, а за русских.

21 апреля (4 мая) 1901 года. Суббота

Утром, во время перевода ,являются две русские воспитанницы, учившиеся в католическом женском монастыре здесь, на Цукидзи, дочери инженерного полковника Языкова в Хабаровске, — Вера, девятнадцати лет, и младшая сестра ее — очень встревоженные, со слезами на глазах, и рассказывают следующее. Первого мая они вместе со своей старшей сестрой, Марией, которой без двух недель двадцать один год, отправились из монастыря домой, в Хабаровск; для того сели в Йокохаме на пароход, идущий в Кобе. Проводила их на судно монахиня; по уходе ее Мария сказала

сестрам, что у нее «голова болит, поэтому она запретя в своей каюте, чтобы не беспокоили ее». Часа через три, когда они уже были в море, хватились они сестры, но ее и след простыл; ни в каюте, нигде на судне не нашли ее, а нашли письмо, адресованное к сестрам, в котором она объясняет, что «уходит в католичество, потому оставляет их, просит не искать ее, ибо никак не найдут, — она не останется в Японии». Крайне опечаленные этим сестры в Кобе сошли с парохода и по железной дороге вернулись в Токио, и вот пришли ко мне просить выручить их сестру от католических монахинь; жаловались, что они совратили ее, что все приготовили к ее побегу, что теперь они, сестры, поняли, для чего Мария взяла себе отдельный от них паспорт, для чего монахиня отдельно укладывала ее багаж, для чего покупала ей темные очки и прочее.

Я, к сожалению, ничем не мог непосредственно помочь им. Со мной, вероятно, эти фанатики в католическом монастыре и разговаривать бы не стали. Потому я отправил их к Посланнику, а вслед за ними и сам отправился к нему. Александр Петрович Извольский горячо принял их дело; но тотчас же изъявил сомнение, чтобы можно было вернуть украденную монахинями, — вероятно, ее уже успели спровадить из Японии. Он оставил девиц у себя и обещал немедля предпринять все, что возможно, а после известить меня о том, что сделано.

В три часа Посланник, действительно, приехал ко мне и рассказал следующее. Был он у монахинь; начальница и две сестры приняли его. Первая с изумлением приняла рассказ о похищении и, по-видимому, не знала о нем; по лицу же сестер, особенно той, которая совращала Марию, прямо было видно, что они знают и устроили все; но, конечно, зареклись во всем. Посланник им сказал, что «прямо винит их в исчезновении их воспитанницы, которая была поручена им и которая теперь где? Быть может, в каком-ни- будь непотребном месте, по их вине. Вина их тем больше, что воспитанница — несовершеннолетняя, не могущая распоряжаться собою. И потому, пусть они найдут ее и доставят в Посольство или скажут, где находится. Будет он ждать до девяти часов завтрашнего утра их ответа, и если не будет удовлетворен, то отнесется к Японскому Правительству, чтобы пропавшую искали по всей Японии». С этой угрозой Посланник оставил монахинь, потом был у Французского Посланника с просьбою его содействия найти похищенную французскими монахинями. <,,>

22 апреля (5 мая) 1901. Воскресенье

После Литургии был благодарственный молебен по случаю рождения сына у Наследника Японского Престола. Предварительно я сказал несколько слов о том, что Бог хранит Японское Государство, современные которому древние государства давно погибли, — хранит за добрые качества у японского народа, любезные Богу, хотя еще не знакомому японцам; что добром своим японский народ много обязан руководящей его Императорской Династии, — потому должен молиться за нее...

Из церкви между другими японскими гостями зашел ко мне Иосиф Окада, прибывший из Накацу, на Киусиу, просить привилегию на изобретенную им машину вязать сети. Это бывший католический катехизатор, познавший ложь католичества, бросивший его и принявший в прошлом году Православие. Он обратил потом в Православие и живущего в Накацу уже семь лет Фудзии, бонзу знаменитой фамилии. Думал я, нельзя ли из Фудзии образовать проповедника. Оказывается, нельзя. Окада рассказывал, что Фудзии не прочь сделаться служителем Церкви, но «прямо священником». Этой одной черты достаточно, чтобы видеть, что у человека нет христианского смирения нисколько, что он едва ли и понял Христианство и что отец Петр Кавано поспешил крестить его. Сам Окада — человек скромный, почтенный и, по-видимому, искренний христианин.

23 апреля (6 мая) 1901. Понедельник

День тезоименитства нашей Государыни — потому был в Посольстве на молебне. За завтраком и после был горячий спор у Посланника с Ванновским об отношении в России Правительства к

католикам. Извольский винит светское Правительство (совершенно исключая из этого Духовное Ведомство), что оно суровыми и разными нелогичными мерами раздражает католиков и глубже вгоняет в них дух фанатизма и ненависти к России. Ванновский отстаивал строгие меры. Кстати, католические монахини признались, что они способствовали побегу Языковой, — они снабдили ее деньгами на проезд до Парижа и отправили ее на пароходе, ушедшем в Канаду. Значит, *finita la commedia* — девица безвозвратно поглощена мутным морем католичества. Дураки родители, волчицам поручающие ягнят.

24 апреля (7 мая) 1901. Вторник

Утром, во время перевода, сказано, что «два старика, пришедшие из Мгата, в Провинции Акита, желают меня видеть; Иоанн Хатакеяма направил их сюда; они хотят сделаться христианами». На мой вопрос «Не могут ли они пожаловать часа в три — теперь я занят», они ответили, что «придут в три часа». В назначенное время приходят: действительно, очень почтенные, седые; один притом — бывший маленький князек.

— Прибыли взглянуть на Токио? — спрашиваю.

— Собственно к вам, — отвечает князек.

— Очень приятно слышать это. И ваше побуждение?

— Спасения просим (сукуе о негау).

— Еще приятней слышать. Как же вы понимаете спасение?

— Так, что вы поможете нам в жизни.

— То есть?

— Спасите от бедности. Средств нет жить. Я служил городским старостой (чёо-чёо); жалованье — всего 7 ен, а семья — большая, вот я и пришел к Вам проситься в Христианство, чтобы Вы помогли жить, — объяснился князек.

Я так и опешил. Никогда никому Православие такого спасения не проповедывало. Должно быть, смешали его с католичеством. Самым простым и понятным языком я постарался объяснить старикам, что такого «спасения» Миссия не дает и не может дать, что спасение, которое она обещает и дает, совсем другого рода — «душевное, вечное», и прочее.

— Да ведь не даром, а за сабли, — вставил другой старик.

— Действительно, у меня есть хорошие сабли, оставшиеся от прежнего моего достояния; я их Вам отдам, — пояснил князек.

От часу не легче!

— Отдайте их купцу — это несколько и поможет вам. А мне они на что же? Миссия может оказать вам разве следующую небольшую помощь — если хотите, можете отдать одного или двух ваших сыновей в миссийские учебные заведения, но это притом, если пообещаете не помешать им потом поступить на церковную службу.

И так далее. Старики наконец ясно поняли назначение Миссии и ушли.

2 (15) мая 1901. Среда

Был Rev. King, английский епископальный миссионер, вместе с Rev. Sharpe. Последний служит в Лондоне и прислан сюда на два месяца всего — заменить иокохамского епископального пастора, пока этот в отлучке, для отдыха. Вот какая роскошь у них на людей! Ровно пятьдесят человек епископальных миссионеров здесь, с четырьмя епископами в том числе; отлучается в Йокохаме

служащий для англичан пастор — чего бы легче, как заменить его одним из миссионеров на время отлучки? Но и тут шлют для этого особого человека. А у нас-то? Один миссионер — и тот должен быть настоятелем Посольской церкви.

И вот он стал слушать всех, какие попадались ему на пути, католиков и протестантов. Тут было лучше; некоторое удовлетворение чувствовалось, но далеко не полное. Несколько раз предлагали ему креститься, но он удерживался. В последнее время, месяца четыре тому назад, он жил в Ооисо, так как болен грудью. Здесь он слушал методистского проповедника, который квартирует в доме православной христианки; случайно попался ему под руку номер нашего журнальца «Сейкёо-ёова», очень понравившийся ему. «Что это за книжка?» — спросил он методиста. «Коре кусат- та хон» (гнилая книжка), — ответил тот, с сердцем отбрасывая книжку. «Странный отзыв о такой хорошей вещи», — подумал Даде, уже с сомнением о методисте; а старуха Мария доставила ему еще несколько номеров «Сейкёо-ёова», все более и более нравившихся ему, и насколько могла объясняла ему Православие и отличие его от протестантства; в заключение же советовала ему обратиться за научением к православному проповеднику; а когда он пожелал этого, привела к нему Петра Ока, нашего проповедника для Ооисо и Катаока. Даде стал слушать катехизации Ока; и сразу же Православие ему так понравилось, что он не переставал изучать его до полного убеждения в его истинности. Кроме Ока, слушал отца Василия Усуи в Одавара и тамошнего проповедника Стефана Акахира; а в Токио, пришедши в наш Храм, просил указать ближайшего к его дому проповедника, и так как сим оказался диакон Мацуда, слушал учение у него. Наконец, почувствовал он в своей душе полную веру в Христа Спасителя и непреодолимое желание теснейшего общения с Ним, потому на днях прибыл из Ооисо, где, по совету врачей, проводит большую часть времени, и попросил крещения. Я послал отца Романа Циба, в приходе которого находится местность проповеди диакона Мацуда, испытать Даде — оказался вполне знающим вероучение настолько, чтобы без всякого сомнения быть допущенным к крещению, и одушевленным горячим желанием сделать христианами и своих семейных. В семействе у него — мать, два старших брата и другие родные; никто не противоречит его желанию принять Христианство — напротив, кажется, с полным сочувствием смотрят на это. Старший брат один сегодня присутствовал при его крещении, потом вместе с ним стоял на Литургии, а после у меня они оба пили чай. Здесь только я лично познакомился со Стефаном Даде. Не успел еще спросить у него, что удерживало его до сих пор от знакомства со мной, — скромность ли или желание узнать Христианскую Веру из одних японских источников? Во всяком случае, я очень рад видеть, что помимо меня уже японцы, ищущие Христа, находят к Нему путь. Дай же, Боже, побольше сего, чтобы не блядословили католики, будто Православие здесь зависит от человека, а не от своей силы и правды.

19 мая (1 июня) 1901. Суббота

Протестанты в своих газетах и журналах хвалятся необыкновенным оживлением своей проповеди вследствие их особенных усилий ознаменовать успехами начало нового столетия. О соединении своих сект в одно они также очень стараются, но эта часть у них успеха не обещает; в эмпириях плавают, а статья на твердую почву не изъясляют желаний; о дружбе и любви разливаются, о единстве в Учении — ни слова.

29 мая (11 июня) 1901. Вторник

Был русский офицер «Pierre de Langue», возвращающийся из Маньчжурии домой в Россию. Между прочим говорил: «Знаете, кто теперь больше всех ненавидит китайцев и требует жестокости к ним?» — «Кто?» — «Французские католические миссионеры; они только и твердят нам: "Вы мягко с ними обращаетесь — их нужно бить, их нужно убивать"». Объясняет это тем, что немало католических миссионеров в Маньчжурии убито боксерами.

3 (16) июня 1901. Воскресенье

Была M-me Casenave, гречанка, жена французского Секретаря Посольства в Пекине, прежде бывшего Секретарем Французского Посольства здесь. Точно родные мы взаимно обрадовались свиданию — так роднит Православная Вера!

6 (19) июня 1901 года. Среда

Посланник рассказал, что девицу Языкову, секретно отправленную католическими монахинями в Канаду, вернули в Токио; но она, ныне уже совершеннолетняя, заявила свое неперемное желание быть католичкой, потому и отпущена к католикам; мать ее письмом к Посланнику заявила, что не мешает ей перейти в католичество. Посланник читал мне бумагу, приготовленную к отсылке графу Ламдсдорфу, где излагается вся история Языковой и сетуется на недостаток женских учебных заведений в близлежащем русском крае, побуждающий родителей отдавать своих дочерей в католические школы французских сестер в Японии, следствием чего являются соращения в католичество.

17 (30) июня 1901. Воскресенье

Утром крещение нескольких детей. За Литургией был между другими англичанин с женой — епископальный диакон из Кореи, живущий здесь для изучения японского языка, чтобы проповедывать японцам в Корее, на днях бывший у меня и говоривший, что не любит своих собратий — епископальных миссионеров здесь за то, что они «недостаточно православны»; «Мы в Корее, — говорил он, — проповедуем совершенно так, как учит ваша Церковь» (?). Сегодня на Обедне, однако, на мои благословения не кланялся, как обыкновенно делают почти все епископалы, когда бывают в церкви; только иногда полагал крестное знамение на себя.

18 июня (1 июля) 1901. Понедельник

В полдень заявился гость из Америки — иеромонах Антоний (Дашкевич), живущий в Ситхе и имеющий в своем благочинии Церкви северной части Американской Епархии и Аляски; едет, после трех лет службы, в отпуск в Россию; доволен своим местом службы и опять вернется туда, что особенно приятно было слышать; человек умный, из кончивших семинарию, сын священника. Очень хорошо отзывается о христианах Аляски, плохо — о христианах из [?], совсем плохо — об американцах вообще; впрочем, жизнь и службу там делают трудными не столько американцы, как свои собратья-русские взаимными дразгмами и неладями; почти все из служащих духовных там только и делают, что ждут окончания пятилетнего срока, чтобы вернуться в Россию.

19 июня (2 июля) 1901. Вторник

В японских газетах сегодня описывается, как в апреле на Новой Гвинее туземцы съели двух английских миссионеров и как в мае военная английская экспедиция за это наказала их. Мученики ли бедные миссионеры? Но ведь их убили не за веру, а за то, что белое мясо особенно нравится новогвинейцам, как убивают путника за то, что кошелек его понравился разбойникам. С этой точки зрения можно оправдать и вмешательство военной силы.

21 июня (4 июля) 1901. Четверг

Bishop Awdry прислал на японском языке документ о единении всех христиан, поместить который в нашем церковном журнале просил 25 мая/7 июня, когда принес только английский текст

его. Согласно обещанию, я отдал его для напечатания в «Сейкёо-Симпо», о чем и известил Одрея. Документ будет предварен предисловием, что «мы всегда молимся о единении — но вот и протестанты», и так далее.

11 (24) июля 1901. Среда

Расстрига Павел Ниццума прислал письмо, в котором изъясняет, что из одной протестантской секты прислали к нему посла убедить его сделаться протестантским пастором (бокуси), и он, «чтобы не зарыть данный ему талант», совсем было решился принять предложение, имея в виду «всему народу проповедать Евангелие, всех протестантов убедить в действительности Таинств, все протестантские секты соединить в одно и основать катехизаторские и разные другие училища, с американцами соединиться и пронести проповедь по всему Японскому Государству, — пусть-де бранят (сикару) меня православные за преступление их древнего предания, зато весь народ (банмин) уверует и будет спасен Крестом Господним». Но Ангел-Хранитель его явился ему и положительно запретил оставлять Православие. Тронутый сим чудесным явлением, Павел Ниццума удержался от перехода в протестантство и хочет в следующую субботу прибыть, чтобы подробнее сообщить все вышеозначенное. Я ответил чрез брата его, Ивана, принесшего мне это конфиденциальное письмо, что эти дни я очень занят, а потом мне надо отправиться в Кёото, — так после как-нибудь. В сущности, я чувствую непобедимое отвращение говорить с ним. Всячески добивается опять на службу Церкви — но разве это возможно? Говорил ему несколько раз: «Частным образом проповедуй Христа; там — огромная деревня, есть кому слушать проповедь; не теряй даром свое знание вероучения и свою способность красно говорить». Так куда! Ни одного не научил. А вот нужно ему опять церковное содержание, хотя живет вполне обеспеченно со всем семейством, нужно также почетное звание служащего Церкви; но к этому он навсегда пресек себе дорогу. Что протестанты его зовут, — неудивительно: он прежде пользовался отличной репутацией в Православной Церкви, а до того, что он потом покрыл себя стыдом, им, по-видимому, нет дела; что он к протестантам уйдет, — это очень вероятно; и будет им полезен — это тоже вероятно. Но из опасения сего для него ничего нельзя сделать в направлении его поползновений на церковно-служительство. Что до явления Ангела, то истина это, или самообольщение, или прямая ложь — пусть останется нерешенным; я склонен думать, что это — второе.

12 (25) июля 1901. Четверг

В четыре часа был Александр Петрович Извольский, Посланник, с которым я хотел поговорить пред отправлением его в Хакодате. Отправляется он туда завтра, главное — найти место для постройки Консульства, которое оказывается необходимым, по мере увеличения значения Хакодате. Наше Консульство там было до 1872 года, когда оно перенесено в Токио и сделано Генеральным (потом — Посольством). Место, полученное в 1857 году от Японского Правительства для постройки Консульства, ничем не было фактически закреплено за Консульством, как только постройкой зданий на нем. Требовало Японское Правительство тогда, и не раз, плату за него, но Консулы все коллективно согласились не платить: «Для Консульства»-де «место должно быть даровое, или же пусть Верховное Правительство, в Эдо, постановит для того правило». В 1885 году все здания Консульства, за исключением церкви, дома священника и небольшого дома переводчиков, сгорели; в 1867 году сгорел госпиталь, построенный на сто человек, на участке, смежном с Консульством. Оставшиеся на месте Консульства здания, в 1870 году, когда я был в России хлопотать об учреждении Миссии, предоставлены в полное владение Духовной Миссии. Тогдашний Директор Азиатского Департамента, господин Стремоухов, мне лично это объявил. Вот его слова были: «Теперь дело идет о переводе Консульства из Хакодате в Едо; когда это состоится, тамошние здания вполне предоставляются Духовной Миссии». Итак, с переходом Консульства из Хакодате здания — принадлежность Духовной

Миссии, место тоже стало ее местом; но Духовная Миссия уже не могла противиться требованию Правительства платить за него, и она платила ежегодно по 240 ен ренты за место; таким образом, почти в продолжение тридцати лет уплатою почти 7 тыс. ен Духовная Миссия и de facto закрепило место за собою; и теперь взять это место от Миссии опять под Консульство было бы несправедливостью. Соседнее место, через узенькую дорожку от Миссии, что было под госпиталем, по оставлении его Консульством, так как [оказалось] место[м], за которое ни Консульство и никто не вносил платы, тем самым de facto опять поступило в распоряжение Японского Правительства и отдано им под Английскую Епископальную Миссию. Пусть-ко его вернет себе Русское Консульство! Это, конечно, невозможно — никаких основательных причин на то Русское Консульство не представит. А место Духовной Миссии, кажется, имеется в виду взять от нее опять под Консульство; по крайней мере на часть места тамошний Консул, Матфей Матфеевич Геден-штром, уж очень сильное притязание заявил. Вот по этому поводу я и хотел говорить сегодня с Посланником. Я сказал:

— Совмещение на том месте двух учреждений — Консульства и Духовной Миссии — было бы крайне неудобно и в нравственном, и в физическом отношении. Свободного места там, вы увидите, — очень мало (только основание бывшего дома Консула и то, что находилось под службами его, — и то занятое ныне садиком, разведенным отцом Анатолием). Если Консул будет одинокий человек, то он еще мог бы построить себе достаточное для него помещение; но присутствие там одинокого опасно в нравственном отношении (он может вести зазорную жизнь, о чем еще прежде была речь); если будет семейный, места для Консульства — совсем мало; а если будет у него и секретарь, — положительно негде меститься, коли не станете срывать зданий Духовной Миссии.

А здания эти не только нужны Миссии, но, быть может, придется и увеличить их, ибо имеется в виду завести там Женское Духовное Училище. В этом году мы заводим Женское Духовное Училище в Кёото для юго-западных Церквей, так как здешнее наше училище оказывается крайне тесным; а через два-три года, если Бог поможет, устроим училище в Хакодате и для северных Церквей. <...>

13 (26) июля 1901. Пятница

Писал Матфей Юкава, катехизатор в Накацу, что Иосиф Окада (бывший католический проповедник, перешедший в Православие) желает сделаться катехизатором. Отписал я Матфею Юкава — пусть Окада приходит в Катехизаторскую школу, а жене его, если он затрудняется в содержании ее, я буду от себя высылать по 4 ены, пока он будет учиться. И вдруг сегодня от Юкава: «Так как жена Окада — еще католичка, и не хочет, чтобы он сделался православным проповедником, то потребовала развода — и он развелся с нею». Отписано ни минуты не медля: «Так как Окада нарушил Божий Закон о супружестве ("Будета два в плоть едину"), то не может быть катехизатором.

Пусть опять сойдется с женою и мало-помалу обратит ее в Православие — тогда и катехизатором может сделаться; иначе пусть, не нарушая Закона о браке, избрет себе другой путь».

29 июля (11 августа) 1901. Воскресенье.

В Оосака, потом в Кёото

В четыре часа я отправился из Оосака и в семь был в Кёото. Здесь ожидал меня архитектор Мацумура, которому я сказал, что нужно по Храму и переделке домов для училища. Потом был разговор, почти до одиннадцати часов, с Павлом Накаи, проводящим свои каникулы в одной кумирне близ Кёото, с двумя-тремя христианами и с одним протестантом, просящимся в Православие.

3 (16) августа 1901. Пятница

В сегодняшнем номере «Дзидзи-симпо» напечатано интервью корреспондента газеты с

мормонскими миссионерами, на днях приехавшими в Японию. Остановились они в Grand Hotel в Йокохаме, но скоро поселятся в Токио, займутся изучением японского языка и потом — проповедью. Приехало четверо. Один, по имени Грант, — из двенадцати апостолов, другие трое — из семидесяти апостолов. Говорят о своей вере, что «она — христианская, составляет одну из христианских сект, так же как всякая другая секта; что они веруют в Единого Бога, в Иисуса и в Духа Святого; признают Священное Писание Ветхого и Нового Завета; и если чем отличаются от других христианских сект, то только тем, что не признают первородного греха, а также веруют, что предки могут омыться от грехов и получить Царство Небесное по молитвам своих потомков, и, наконец, тем, что, в противность другим христианам, не отделяют церковного служения от мирского, а соединяют их, как соединены тело и душа в одном существе человека. Поэтому глава их секты, ныне восьмидесятисемилетний старец, служит в то же время директором банков и во многих других мирских учреждениях; он, Грант, тоже был директором банка и имел должности по разным учреждениям. Считают, что многоженство неразрывно связано с учением мормонов, но это — неправда. Правда, многоженство — дело законное; Бог велел плодиться, у Авраама, Якова и других было по несколько жен; мужчины, служа вне дома, больше умирают, чем женщины, отчего женщин всегда больше, чем мужчин, — зачем же им оставаться бесплодными? Но Американское Правительство запретило многоженство законом в 1890 году, и мы должны были подчиниться этому закону, как подданные Американского Государства, и с тех пор у нас многоженство прекратилось, так что все, женившиеся с 1890 года, имеют по одной жене, как все мои трое собратий, хотя я имею две, как женившийся прежде издания закона». Такова отповедь Гранта, весьма искусная даже в беглом газетном отчете. Граф Ито когда-то, путешествуя по Америке, был в Городе Соленого Озера [Солт-Лейк-Сити] и разговаривал с некоторыми апостолами; миссионеры привезли рекомендательные письма от сих последних к графу Ито, и, вероятно, приняты будут любезно и начнут свою проповедь по Японии... Как напоминаются Пророчества Спасителя: «Скажут вам: "Вот, здесь Христос", или: "Там"; не верьте, ибо восстанут лжехристы и лжепророки...»

4 (17) августа 1901. Суббота

В «Japan Daily Mail» сегодня негодующая статья против мормонских миссионеров, с выражением надежды, что апостолу Гранту с его свитой не дозволено будет проповедывать в Японии. Американский закон в Японии не обязателен, и свое излюбленное многоженство они поставили бы здесь одним из наиболее навязываемых пунктов учения, а этого ни здравый человеческий смысл, ни гражданский закон нигде не могут терпеть.

7 (20) августа 1901. Вторник

Японские газеты наполнены хвалебными гимнами мормонов самим себе: «Они посылают в мир проповедников по Повелению Иисуса Христа: "Идите во весь мир..."». «Но только они одни поступают при этом совершенно бескорыстно — идут проповедывать на свой счет; все же прочие миссионеры получают жалованье». Особенно они расхваливают многоженство: «Его заповедал Бог, явившись их вероначальнику Смиту совершенно так же, как Он являлся Аврааму и Моисею; многоженством успешнейше исполняется Повеление Божие о населении Вселенной». «Вот смотрите — что может быть восхитительней этого вида?» И апостолы из семидесяти показывают фотографии детей апостола из двенадцати Гранта от его двух жен — группу отроков и отроковиц. «Конечно, вторая жена берется с согласия первой, третья — с согласия первой и второй, и так далее, а все вместе с согласия их родителей», и прочее, и прочее.

8 (21) августа 1901. Среда

Некто Ямаока, богатый землевладелец в Каваци, в трех часах по железной дороге от Оосака,

пришедши в собор, пожелал видеться со мной. Я принял. И он изъяснился:

— Желаю перейти в Вашу Церковь. Я — веры Иккоооу, ветви Хигаси Хонгвандзи, но возненавидел наших бонз; собирают деньги на религиозные нужды, а половину пропивают их в непотребных домах. Со мной перейдет к Вам вся деревня, сто восемьдесят домов; они не могут не послушаться меня, иначе я землю отниму у них — сто двадцать домов у меня арендуют.

— Хорошее дело задумали — войти в нашу Церковь; но это можно сделать не прежде, как узнав нашу Веру и усвоив ее сердцем.

— Я — из тех, кто по имущественному цензу назначаются заседать в Верховном Парламенте; вот мое имя (и он вытащил из ручного саквояжа номер журнала «Сейюуквай» и указал его напечатанным среди сотни других).

— Все это — ладно, но Вам надо послушать нашу проповедь...

— О, эти бонзы Иккоооу только обманывают людей, сами ни во что не верят! Нашего бонзу я выжил из деревни...

И так далее. Сколько я ни старался остановить его мысль на вероучении, — ничего не слушал, продолжал изливать свое негодование на бонз; видно, что до крайности раздражен чем-то со стороны их и хочет отомстить им, перейдя от них. Так как завтра он отправляется в Оосака, то я дал ему адрес наших священников и катехизатора там и снабдил вероучительными книгами. Но едва ли что выйдет из сего.

22 августа (4 сентября) 1901. Среда

Миссию посетили три индийца — врач, служивший два года на нашей Маньчжурской Железной Дороге, студент здешнего университета, ныне уже кончивший курс по технологии, и путешественник, человек образованный и, по-видимому, богатый. Все говорят по-английски, а врач — довольно порядочно и по-русски. Веры двое — магометанской, студент — буддийской. Восхищались нашим собором, расспрашивали про Миссию — вопросами дельными. В заключение пристали с вопросом:

— Почему же Россия в Индии не имеет Духовной Миссии? Все имеют — и американцы, и французы, и немцы, не говоря уже об англичанах, а русской нет — почему? Католики, протестанты многочисленных сект имеют в Индии свои Миссии, а Православной нет — почему?..

Почему, в самом деле? Не пора ли нам шире открыть глаза? Покуда же мы будем краснеть при подобных вопросах за наше немощество?

23 августа (5 сентября) 1901. Четверг

Илья Сато из Акита пишет, что католический проповедник там, некто Нагауци, просится в Православие. Что ж, дело — хорошее; пусть продолжает изучать Православие, и если Господь найдет его достойным, то и введет в дверь Православной Церкви.

26 августа (8 сентября) 1901. Воскресенье

В Катехизаторскую школу прибыл Иосиф Окада (бывший католический проповедник), сошедший с женой и оставивший ее у ее родителей на время своего обучения.

31 августа (13 сентября) 1901. Пятница

В «Japan Daily Mail» сегодня — громовая статья против мормонов, извлеченная из «The Homiletic Review», сочинение Gen. John Eaton. В ней между прочим есть следующее: «Мормоны претендуют на

братство с христианскими Церквями. Общество пресвитерианских пасторов в Утахе, состоящее из способных и умных людей, знакомых со всеми фактами, по тщательном рассмотрении издало десять неоспоримых причин, по которым это невозможно. 1. Мормоны не признают никакой другой Церкви, кроме собственной, и таким образом всех христиан исключают из Церкви; 2. мормоны уничтожают Библию своими так называемыми откровениями; 3. вера в Иосифа Смита как Божия пророка составляет существенный предмет их исповедания; 4. мормоны признают свое священство непогрешимым; 5. в их учении о Богочеловечестве они проповедуют, что человек может сделаться Богом; 6. они учат, что Адам есть Бог и что Иисус Христос есть Сын Божий по естественной генерации; 7. они учат, что богов много, так как люди делаются богами чрез множественные и небесные браки (by plural and celestial marriage?); 8. хотя они допускают искупление, совершенное Христом, от греха первородного, греха Адама, но учат, что от своих личных грехов человек спасается своими собственными добрыми делами; 9. они веруют в полигамию и учат, что Иисус Христос был полигамист; 10. они учат, что Бог Отец есть полигамист». Дальше этой нелепости уже невозможно идти. Тем не менее мормоны, приехавшие сюда, не унывают. На днях, в той же «Japan Daily Mail», апостол Грант, по поводу недопущения их здесь в одну гостиницу и замечания в газете, что из тысячи христиан девятьсот девяносто девять не захотят жить с ними под одной кровлей, иронически возразил: «Быть может, эти девятьсот девяносто девять христиан не захотят войти и в Небесный Иерусалим, потому что на стенах его будут начертаны имена Двенадцати Сынов Иакова, рожденных им от четырех жен?»

3 (16) сентября 1901. Понедельник

Газеты полны траурными статьями о Мак Кинлее. Последние слова умирающего Президента были: «Goodbye, goodbye. It is God's way. His will be done» [Это путь Божий. Да будет Его воля]. Спасет его Господь за доброе служение людям, за благочестие и преданность Воле Божией.

13 (26) сентября 1901. Четверг

До десяти часов утра закончено исправление Первой Книги Паримийника, после чего отправился на Цукидзи, в Американскую Церковь, на Поминальную службу по Президенте Американских Штатов Мак Кинлее. Американский епископ Мак Ким — в отлучке, потому за него стоял во главе духовенства английский Awdry. Императора представлял Великий князь Канин, Императрицу — его супруга. Церковь была полна знатью иностранною и японскою. Служба отпечатана в брошюрах превосходной бумаги и отличного шрифта; совершалась в безукоризненном порядке и импозантно. Жаль только, что они употребляют этот нелепый обычай такого медленного входа и выхода, который даже и черепашьим нельзя назвать, до того он медлен и скучен; еще когда поют при этом, — ничего; а сегодня молча входили и выходили, с преднесением креста, но без епископского посоха. Проповедь сказал миссионер Имбри. В Богослужении, между составленными на случай молитвами, была одна даже за убийцу Президента, но за самого Президента, за упокой его души — ни слова; таков обычай протестантства, холодный, безжалостный к умершему.

15 (28) сентября 1901. Суббота

Посетили Миссию два Посланника — наш, Александр Петрович Извольский, и бывший Пекинский, на пути в Россию, Михаил Николаевич Гире. <...>

Александр Петрович... спрашивал моего мнения насчет места, пожертвованного для постройки церкви в Нагасаки евреем Гинц-бургом: «Можно ли принять это пожертвование?» Некоторые находят неприличным, и ему, Извольскому, сделано указание из Петербурга спросить мнения о сем местной духовной власти.

Я ответил без всякого колебания, что принять можно и должно, — совершенно так же, как мы здесь в соборе ежедневно принимаем пожертвования язычников, посещающих собор и бросающих в нем деньги, совершенно так же, как граф Путятин, когда-то собирая в Петербурге на постройку Миссийского дома, в котором наверху и Крестовая церковь есть, вытребовал и от еврея Штиглица 5 тыс. рублей. Почему мы знаем — быть может, Гинцбург со временем сделается христианином, и это его усердие есть первый шаг к обращению; не было ли бы жестокостью и грехом обидеть его отказом принять его приношение?

17 (30) сентября 1901. Понедельник

Иосиф Окада, что из католиков и недавно оставил Катехизаторскую школу по неспособности учиться за болезнью, извещает, что он вернулся в католичество. Так! Служил первоначально бонзой, потом шесть лет пробыл протестантом, затем десять лет — католиком, да вот почти два года числился православным; теперь опять — католиком, вероятно, под давлением жены и ее родных и патеров, а также и потому, что некуда больше перейти, — новых вер больше нет в Японии. Во всяком случае, вперед урок нам — не допускать легко к нам из других христианских обществ, а по крайней мере года два держать их под искусом, чтобы в точности распознавать пройдох и заграждать им вход.

20 сентября (3 октября) 1901. Четверг

Петр Хисимото, ныне уже бывший катехизатор в Нагаока, — совсем не такой невинный, как я о нем думал, напротив — очень небезвинный. Отец Игнатий Като сегодня прислал огромный пакет дела о нем. В своем письме отец Игнатий извещает, что никак не мог убедить Хисимото остаться на службе Церкви, и прибавляет, что «у него есть на уме что-то другое, на что он решился». <...> Ко всему этому я уже имею ключ в полученном дня три тому назад письме конгрегационалистского миссионера в Ниигата, Mr. Newell'Н: «Он принимает такое сердечное участие в положении господина Хисимото, этого прекраснейшего человека и катехизатора, и вместе в положении нашей Церкви в Нагаока. Путешествуя по тем местам, он входит в дружеские сношения со всеми проповедниками, и католическими, и протестантскими, и православными, и всем равно старается быть полезным в их служении. Так он подружился и с Хисимото, и заметил уже давно, что он тяготится своими отношениями к христианам, и своею службою вообще, и всегда старался уговаривать его продолжать свою катехизаторскую службу; наконец Хисимото не выдержал своих трудностей и подал в отставку, и даже оставляет Вашу Церковь, и хочет перейти к нам; я всячески удерживал его от сего шага, представлял ему, как ему мучительно будет порвать свои связи с доселешними его друзьями по религии, но все — тщетно, и он, Newell, чрезвычайно об этом сожалеет, и вот пишет мне». Все это — так комично; просто стащил человека и хочет замести следы. Но пусть пользуется плодом своего лисьего обычая. У Хисимото, значит, иссякло всякое религиозное чувство в душе, коли он переходит к Невелю потому только, что он — американец, так как нельзя же предполагать, чтобы он действительно предпочел это убогое конгрегацианство Православной Вере. И убеждать такого человека — лишний труд. Тут опять приходится только пожалеть, что нет миссионера, который бы путешествовал по церквам и смотрел за катехизаторами. Ведь не вдруг Newell развратил Хисимото, а постепенно, и началось <это>, вероятно, очень давно; там же был священник, отец Андрей Методки, — и вот, ничего не видел; а может, и видел — но: «Какое мне дело», мол! Эх, горе-священнички! <...>

27 сентября (10 октября) 1901. Четверг

Был Mr. Mott, американский Председатель Христианской Ассоциации молодых людей, вместе со своим помощником, Mr. Fisher'ом. С Mott'ом встретились мы уже как знакомые, и он тотчас же стал предлагать вопросы для уяснения нравственного состояния японской молодежи, проповедывать

которым он приехал сюда. Я охотно отвечал ему.

— Что больше всего мешает учащейся молодежи принимать Христианство?

— Атеизм почти всех нынешних профессоров и учителей ее, японских и иностранных.

— Как успешнее действовать на молодежь — относясь больше к уму или к сердцу?

— К уму, так как японцы — рассудочный народ.

— Что вы находите самым лучшим в японской молодежи?

— Их беззаветное желание служить своей Родине; они и христианами делаются большею частью потому, что находят Христианство полезным для Отечества, смотря в этом случае на Христианство, как на дойную корову, дающую молоко для их Отечества.

— Что, по-вашему, самое дурное в здешних молодых людях?

— Их непостоянство и изменчивость.

— Что вы находите самым большим ободрением для деятельности здесь?

— Уверенность, что Япония в непродолжительном времени непременно сделается христианскою страною.

— Что же внушает эту уверенность?

— То, что японцы изжили свои старые веры и стоят ныне с открытыми дверями сердца для принятия новой, а такую может быть только Христианство.

И прочие подобные вопросы. Ответы он и Фишер схватывали на бумагу. <...>

28 сентября (11 октября) 1901. Пятница

<...> Сегодня в «Japan Daily Mail» говорится, что три Женских Общества Улучшения Нравов (Фудзин кёофуу-квай) подали прошения Правительству о недозволении мормонам пропаганды в Японии. Мотивируют они свою просьбу разными резонами, из коих: первый — хотя мормоны публично отказываются от доктрины многоженства, но это — только из политических видов, в сущности же они продолжают держаться этой доктрины; второй — они держатся принципа «Цель оправдывает средства», вследствие чего история пропаганды их веры обезображена шокирующими делами; третий — мормонская организация опасна для принципа повиновения законным властям, потому что во главе ее стоят пророк и старцы, которым все члены секты обязаны безусловно повиноваться; четвертый — они переселяют к себе в Утах всех прозелитов, которым законы страны в чем-либо не позволяют оказывать старцам (Elders) и пророку безусловное повиновение. Просительницы настаивают, что каждая из этих четырех причин достаточна, чтобы осудить мормонов, соединенная же сила всех четырех — сокрушающая.

2 (15 октября) 1901. Вторник

Коли являющийся горячим приверженцем Веры отступит от нее, то уже делается заклятым врагом ее. Таков Mr. Dening, ныне учитель английского языка в Сендае, бывший епископальный миссионер английской Церкви. Был до того горячим миссионером, что всех, не принадлежащих к одной с ним Церкви, считал дьяволами. «Вон дьявол идет», — получил и я от него однажды комплимент, когда прошел мимо дома, где он при открытых дверях говорил проповедь, в Хакодате. Потом несколько свихнулся в учении, начав с проповеди «условного бессмертия» (conditional immortality — только добрых); уклоняясь больше и больше, он дошел до полного безверия; выключенный за это из миссионеров, озлобился на церковные власти; и вот лет пятнадцать является непримиримым врагом Христианства, пользуясь всяким поводом, чтобы вредить ему и

разрушать его. Недавно Bishop Fyson, бывший товарищ Dening'a по миссионерству, написал письмо в «Japan Daily Mail», в опровержение высказанных перед тем мнений некоторых японцев, что Христианство не заслуживает серьезного внимания, так как в Европе все развитые люди потеряли веру в него; Физон перечислил некоторых ученых авторитетов — глубоко верующих христиан. Этого достаточно было, чтобы Денинг воспламенился гневом против Физона и против Христианства; и сегодня — такая злая корреспонденция в «Japan Daily Mail» в опровержение Физона, что гадко читать. Серьезного в статье против Христианской Веры, конечно, ничего нет, и не может быть, но озлобленность такая дышит из него, что прямо виднеются головы семи бесов, поселившихся в душе Dening'a. Подписана статья «Agnostic», но в подлинном авторе ошибиться трудно знающим его.

3 (16) октября 1901. Среда

Отец Симеон Юкава возвратился с Формозы и дал отчет о своей поездке. Звал туда катехизатора и священника Яков Мацудаира (бывший Нива); но оказалось, что это было делом его одного; никто из христиан об этом не знал, и потому визит отца Симеона почти для всех был неожиданностью. Все христиане, впрочем, очень были обрадованы его посещением. Но нашел он их немного — всего двадцать девять человек, из коих четырнадцать исповедились и приобщились Святых Тайн; шесть не пожелали сего, по неприготовленности и неимению досуга приготовиться, ибо заняты были службой; четырех он не застал дома и совсем не видал их; а пять из протестантов присоединил к Православию и тоже приобщил их Святых Тайн. Последние составляют семейство Якова Нива. Его самого, к счастью, не было дома, иначе он очень помешал бы отцу Симеону, так как пользуется весьма дурной репутацией, и отцу Симеону показаться в сопровождении его было бы весьма невыгодно (Нива теперь здесь, в Токио); его все знают за обманщика и лжеца; у всех деньги занимает обманом и не отдает. Но семейство его состоит из людей хороших; жена, служащая местного повивального бабкою, всеми уважается; ее мать — тоже; сын — шестнадцати лет, но уже служит в банке. Кстати, Нива, как бывший катехизатор, хорошо знает Православную Веру; и хотя сам не исполняет ее предписаний и даже отступил от нее, сделавшись протестантом (по названию), но успел в разговорах со своим семейством порядочно преподать ему Православное Вероучение, так что отец Симеон, по испытании их, не нашел затруднения в принятии их в Церковь — а они усиленно просили его о том; и все христиане в Тайхоку ручались за их благонадежность. Больше всех желала сделаться православною мать жены Нива; а расположило ее к этому то, что в Православной Церкви молятся за умерших, чего в протестантстве нет; дочь ее охотно последовала за нею, дети — за ними.

Разыскивая христиан, отец Симеон проехал от Тайхоку далеко по набережным городам и селениям. Найденные им христиане — почти все служащие или в военной, или в гражданской службе; из первых между прочим — Моисей Асано, бывший семинарист, в Унрин, унтер-офицером в военном отряде, и пользующийся любовью за свое Христианство и хорошее поведение. Вероятно, есть и больше наших христиан; но неизвестно, где они. Из всего, что видел и слышал там отец Симеон, он составил ясное убеждение, что о катехизаторе для Формозы нам пока заботиться не нужно. Японцы там — все временные обитатели и бродячий элемент; сегодня — здесь, завтра — в другом месте; и притом, лишь только хоть немного скопил денег, всякий тотчас же спешит домой, в Японию. Итак, что до японцев, то катехизатор не найдет, кому проповедывать. Можно бы проповедовать туземцам, но для этого надо наперед научиться их языку.

Из туземцев на Формозе христиан много. В прошлом году Правительство сделало перепись христианам, и оказались статистические данные следующие:

в Провинции Тайхоку храмов — 3, мест проповеди — 17, проповедников — 17, христиан — 2260;
в Провинции Тайциу храмов — 2, мест проповеди — 18, проповедников — 12, христиан — 1386;
в Провинции Тайнан храмов — 1, мест проповеди — 12, проповедников — 18, христиан — 3424;

в Провинции Гиран храмов — 9, мест проповеди — 16, проповедников — 16, христиан — 2190;
в Провинции Тайтоо мест проповеди — 4, проповедников — 3, христиан — 160;
в Провинции Боокоотоо мест проповеди — 1, проповедников — 1, христиан — 30.
Итого храмов — 15, мест проповеди — 68, проповедников — 67, христиан — 9450.

Все эти христиане — туземцы острова Формозы; проповедники — тоже образованные из туземцев. Это — плод трудов одного иностранного методистского миссионера, тридцать лет жившего на острове между туземцами, бывшего женатым на туземке и умершего в прошедшем году. Но, рассказывал отец Симеон, из означенных христиан весьма мало усердных; почти все — номинальные христиане; обращались в Христианство в прежнее время главное потому, что находили в миссионере своего защитника в житейских делах и отношениях. Доказательство сему то, что в последние четыре-пять лет, когда Формоза сделалась японскою, жителей никто не притесняет, защиты миссионера им не нужно, обращений в Христианство почти совсем нет.

Кроме означенных протестантов из туземцев, в Провинции Тайциу есть еще католиков из туземцев же 210, католических проповедников — 8, мест проповеди — 7.

Протестантов из японцев в Провинции Тайхоку 170 только.

Конечно, хорошо бы и нам образовать из наших катехизаторов одного в проповедники для Формозы. Но для этого нужно человека весьма твердого — такого, который решился бы всю жизнь посвятить проповеди на Формозе. И притом нужно, чтобы он был человек семейный, ибо там легко развратиться (нравы — очень легкие). Свидетельством последнему служит то, что там все гостиницы — в то же время и публичные дома терпимости, так что и отцу Симеону в Унрин пришлось остановиться в таком доме — только офицер в телефон предупредил хозяина, чтобы его поместили отдельно и не беспокоили.

Итак, достаточно, если мы в год или в два раз будем посылать на Формозу к нашим верующим священника; о катехизаторе же туда пока перестанем говорить, тем более что взять его негде.

Устроил отец Симеон отчасти церковные дела там и на будущее время — по совету с христианами в Городе Тайхоку назначил, где собираться для молитвы, кому хранить церковные книги для чтения, получаемые из Миссии, кому быть корреспондентом с Миссиею и прочее. Стоила поездка его для Миссии 110 ен; кроме того, христиане там на дороге дали ему 5 ен, да из собственного содержания истратил 6 ен.

16 (29) октября 1901. Вторник

Кирилл Сасаба пишет об успехе проповеди в Оби; слушают его там наравне с протестантским проповедником, который очень недоволен, что, послушавши обоих, отдают предпочтение Православию; так к Сасаба окончательно перешел один из давних и усердных слушателей протестанта.

19 октября (1 ноября) 1901. Пятница

Отец Феодор Мидзуно привел ко мне протестанта с карточкой «Rev. Kitano», хотящего поговорить со мною. Говорил он с полчаса о себе; я молча слушал и нашел, что человек развитый, умный и, по-видимому, искренний. Сущность его речи была, что «в Христа Бога он верует и никак не хочет утратить этой веры; но в протестантство потерял всякую веру, хотя по необходимости, для пропитания себя и семейства, служит протестантским проповедником, каковая служба его оплачивается. Воспитался он здесь в протестантской миссионерской школе, потом служил катехизатором, потом отправился в Богословскую протестантскую школу в Чикаго, проучился там три

года и вот, вернувшись, проповедует протестантство, но стараясь не держаться никакой секты, а только вообще Христианства: чувствует, однако, что не стоит на своей почве прочно, и ищет твердой опоры. От Павла Ниццума он несколько узнал о Православии, и нравится оно ему; но он находит два пункта особенно для него сомнительными, и вот пришел просить разъяснения. Эти пункты — во-первых, Православное Учение о необходимости Священного Предания, во-вторых, о Пресуществлении в Таинстве Евхаристии».

Нетрудно было разъяснить его сомнения: после полчаса моей речи он согласился, что действительно необходимо Священное Предание, что без него не стоит и Священное Писание, и все Христианское Учение; также, что Пресуществление Хлеба и Вина в Таинстве Евхаристии есть основная Истина в системе Христианского Учения о воспитании человека для Вечной Жизни (и согласился, по-видимому, весьма искренно).

На мое предложение поступить для основательного изучения Православия в нашу Катехизаторскую школу он поник головой с печальным видом. У него — жена и четверо детей; чем они будут жить, пока он станет учиться? Я предложил ему частно, от себя, некоторую помощь на содержание их — он обещался подумать. Не знаю, какой Промысл Божий о нем, но человек он — симпатичный и желательный для службы здесь.

24 октября (6 ноября) 1901. Среда

Вышла из печати и принесена сброшюрованная книжка «Итан-ся Кисейсики» — «Чин Присоединения к Православной Церкви католиков и протестантов», ныне переведенный мною с Павлом Накаем. До сих пор священники при присоединениях имели лишь письменные наставления.

27 октября (9 ноября) 1901. Суббота

Отец Андрей Метоки... пишет... что христиане селения Вада, в трех ри от Немуро, просят поставить для них катехизаторским помощником Петра Танака. А Петр Танака просит, если просьба христиан будет уважена, позволить ему предварительно побыть в Катехизаторской школе с ноября по май, чтобы и более узнать вероучение, и узнать порядок отправления Богослужений; в другие месяцы-де он, как земледел, не может. Обе просьбы отец Метоки усиливает приложением к ним своего ходатайства. Сейчас же дана телеграмма Петру Танака, чтобы прибыл в школу. Его я лично знаю как человека весьма благочестивого. Ему ныне — лет пятьдесят; в молодости он два года учился в Протестантской епископальной школе, готовясь в протестантские проповедники; но обстоятельства послужили к обращению его к Православию, что он считает Благим Промышлением Божиим о его Спасении и за что не перестает благодарить Бога. Когда я был в Немуро и Вада, он не отходил от меня все время при всех проповедях и Богослужениях; и когда уезжал я, попросил принять его единственную дочь в школу, отдавая ее вполне в распоряжение Церкви, с желанием, чтобы она посвятила потом жизнь свою на служение Церкви. «Мне не привел Бог быть служителем Церкви, так пусть моя дочь послужит, сколько может, за меня, сделавшись монахиней или же вышедши замуж непременно за служителя Церкви, чтобы участвовать в его служении, насколько это дано жене», — были его речи о дочери, когда он поручал ее мне (она и учится ныне здесь в школе).

Исии Августин, католик, просящийся в Православие, трогательное письмо прислал, в ответ на посылку ему мною Нового Завета. Видно, что усерден в Вере. Впрочем, написано отцу Павлу Кагета, при отправлении ему «Чина Присоединения» третьего дня, чтобы всевозможно испытал Исии и допустил его в Церковь только тогда, когда окажется без всякого сомнения вполне понявшим различие Православия от католичества и совершенно искренно отдавшим предпочтение первому, а также ясно усвоившим все главное в Учении Православия; иначе пусть отложит присоединение его — торопиться не к чему.

28 октября (10 ноября) 1901. Воскресенье

Некто Хосино, педагог, приходил для беседы о способах исправления недостатков в воспитанниках. «Злого и непослушного как исправить?»; «Рассеянного — как?» По мере разумения преподавал ему советы. В конце разговора коснулось Христианской Веры — что вот и здесь, к исправлению воспитанников, ему очень сильным орудием могло бы служить Христианство, если бы он внушил своим питомцам, что у них, кроме земных родителей, есть Отец Небесный, Любящий их, постоянно Назирающий их, и так далее. Тут оказалось, что Хосино — сам христианин, но утративший Веру в Личного Бога, а верующий в какую-то мировую безличную силу. Был он протестантом, сначала — одной секты, потом — другой; наблюдал и все прочие секты; видел везде неопределенность учения; на всякий богословский серьезный вопрос и на неудовлетворенность ответом ему говорили: «У тебя есть свой разум — понимай, как знаешь»; так он и изверился, и оказался стоящим в пустоте. Обычное дело с протестантами. Был потом разговор о Личном Боге Творце. В заключение дана ему «Догматика», с советом почаще приходиться для беседы.

4 (17) ноября 1901. Воскресенье

В Миссии получено Правительственное оповещение о привилегии, даваемой духовенству «буддийскому, синтоискому и христианскому», отправляющемуся на остров Формозу для проповеди, — «начальникам сект буддийских и синтоиских» предоставляется на пароходах даровой проезд на Формозу в первом классе; всем прочим делается «нивари» (две десятых) скидки с платы за проезд. Хоть не лестно Христианству быть поставленным наравне с буддизмом и синтоизмом, но важно явное покровительство, оказываемое Правительством христианской проповеди. <...>

13 (26) ноября 1901. Вторник

Был Хакодатский Консул, М. М. Геденштром. Рассказывал между прочим о жалком положении католических трапписток, поселившихся недалеко от Хакодате; три монахини уже с ума сошли и отправлены в Европу; две японки учились подвигу — те тоже с ума сошли. И неудивительно. Летом, при ужасном множестве там москитов, защищаться от них пологом им не дозволяется; зимой, при сильных тамошних холодах, согреть жилье не позволяется; встают ежедневно в два часа утра; с миром — полное разобщение. Траписты не вдаются в такие крайности и потому благоденствуют. Продают уже произведения своих трудов — масло, сыр и прочее; имеют довольно большое училище мальчиков японских. <...>

17 (30) ноября 1901. Суббота

Нагасакский Консул, князь Гагарин, пишет, что предпринятый им матросский дом почти готов, что он ныне задумывает еще постройку и основание русской школы в Нагасаки для русских детей и вместе — для образования из японцев переводчиков; просит советов на этот предмет. Просит еще принять какие-либо меры, чтобы русские священники, случающиеся на судах, заходящих в Нагасаки, не компрометировали русское духовенство своим поведением; уже три случая было при нем, что пьяные батюшки, сходя на берег, учиняли скандалы, к удовольствию собиравшейся вокруг них публики. Придется написать об этом Высокопреосвященному Антонию, Санкт-Петербургскому Митрополиту, и просить, чтобы на заграничные суда назначали священников с более тщательным выбором; больше что ж я могу сделать? Что до школы, то за двумя зайцами гнаться не следует; а если он для русских детей оснует школу, чтоб избавить их от поступления в католические заведения и от соращения в католичество, то это будет великое благодеяние; и он может, с его именем и связями в России. Помоги ему Бог!

19 ноября (2 декабря) 1901. Понедельник

Был молодой человек Юаса, из штаба газеты «Ямато симбун», спрашивал о вере, о различии Православия от католичества и протестантства, и прочее. Удовлетворил его, насколько можно в часовую беседу, и снабдил православными книгами. Религиозные вопросы все более и более занимают текущую прессу. В добрый час!

25 ноября (8 декабря) 1901. Воскресенье

До Литургии крещены несколько человек, в том числе старший брат князя Стефана Даде, нареченный в Святом Крещении Лукою. За Литургией оба брата приобщены Святых Тайн, вместе со многими другими причастниками. Между другими гостями после Литургии был Иоанн Исида, судья в Сидзуока, и говорил, что этот город — плохое место для проповеди; у нас там Церковь не процветает, несмотря на присутствие там священника; но и у других тоже — католики совсем не видны, протестанты, сколько ни шумят и ни стараются, также почти совсем без плода.

7 (20) декабря 1901. Четверг

Был на экзамене по Догматике в Катехизаторском училище, где в старшем курсе ныне — шесть человек, в младшем — семь. В последнем почти все — очень неразвиты, но стараются; лучший — бывший протестант; этот — и способен, и довольно развит.

14 (27) декабря 1901. Пятница

Английский епископ Awdry и супруга его были. <...> Епископ говорил, что супруга его занята в настоящее время положением на ноты гимнов, еще не положенных, почему я, в помощь ей, подарил коллекцию наших церковных нот, всего десять книг. Говорил еще между прочим, что в Китае их, епископальная, Миссия усиливается до удвоения числом епископов и священников против числа бывших до войны. «Таково наше мщение китайцам...»; «Кровь мучеников есть семя новых христиан», — с понятным самодовольствием прибавлял он. А по речи другого протестантского миссионера, сказанной 17 декабря на митинге «of the Missionary Association of Central Japan, at Osaka» и напечатанной сегодня в «Japan Daily Mail», протестантский мир в начале двадцатого столетия стоит пред лицом язычества во всеоружии четырехсот сорока девяти миссионерских обществ со стеною позади их великих церквей и неисчерпаемых источников; 15460 миссионеров на поле действия, 73615 деятелей, посвященных и простых, из самих язычников, 11039 организованных церковью среди язычников и проч., и проч. Кстати спросить — у нас же что против заграничных язычников? А вот что.

В Китае — отец Иннокентий, да и тот еще вернется ли из России, куда вытребован Святейшим Синодом; в Корее — отец Хрисанф; да в Японии мы, бедные, вдвоем с отцом Вениамином, что ныне — в Нагасаки, и годен более для русских, чем для японцев. Итого четыре миссионера. Господи, возришь ли же Ты когда-либо на Православную Церковь, отъяти поношение от Нея?

19 декабря 1901 (1 января 1902). Среда. Японский Новый Год

Литургия совершена тремя иереями при пении хоров. Молебен — соборне. Обычная суতোлка поздравлений. В два часа и я отправился в город. Прежде всего сделал визит князьям Стефану и Луке Даде. Застал первого, и он показал свой сад. Был и в англиской епископальной миссии; там опять — новые члены; Господи, откуда у них берутся люди! А у нас вечно нет никого. Недаром такая грусть одиночества; знать, с нею мне и в могилу лечь придется — не даст Бог утешения видеть выходящими на Поле Христово православных миссионеров, которым, собственно, и предназначено Поле. Что ж,

вероятно, не успеют после выступить. Дай-то Бог поскорее, хоть и после нас! Мы пусть канем, как первая капля, бесследно пропадающая в жаждущей орошения земле.

С 20 декабря 1901 (2 января 1902), четверга, до 24 декабря 1901 (6 января 1902), понедельника перевод расписок к отчетам и мелкие ежедневные дела, не стоящие заметок.

Все время — скорбное, приниженное состояние духа; тяготит одиночество, печалит неизвестность, что станет с моим дорогим, под сердцем выношенным детищем, когда я умру. Вот нет никого, ни единого, кому бы сдать место с утешительной надеждой, что дело продолжится, а не будет ему остановка и разрушение, как каркают эти вороны — католические патеры. В таком угнетенном состоянии духа встречен и Праздник, совсем не радостный ныне; изредка только, как в пепле искры, мелькали огоньки вдохновения и подъема духа во время Богослужений — вчера и сегодня на Литургии.

25 декабря 1901 (7 января 1902). Вторник. Праздник Рождества Христова

С внешней стороны проведен праздничный день, как обычно. С девяти часов — Литургия, в начале которой, кроме учащих, — почти никого в церкви, а в конце — полна церковь христиан. Был, в числе иностранцев, сегодня Bishop Mc'Kim, приехавший в церковь с самого начала, остановившийся в конце собора и все время до проповеди простоявший там; во время проповеди все иностранцы уехали. Неудобное положение иностранцев, в том числе и наших русских, православных, во время здешней проповеди — японцы садятся по-своему и так слушают, а иностранцам приходится стоять, коли никто не хочет сесть по-японски и слушать непонятное для них; оттого почти всегда и уходят все.

1902 г.

1 (14) января 1902. Вторник

Первым приветствовал сегодня с Новым Годом Преосвященный Сергей (Страгородский), ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии, письмо которого я нашел на столе по прочтении Правила пред Литургией. После Литургии еще получил письмо С. А. Рачинского вместе с его брошюрой «Absit Omen». Но печальны известия из России. Сколько там теперь бунтов в учебных заведениях, сколько сектантских беспорядков — Бог весть, скоро ль все это кончится.

13 (26) января 1902. Воскресенье

С двух часов Р. М. сегодня было Собрание молодых людей, на котором и я присутствовал. Главное в нем — православные университетские, и между ними лучший Иван Накагава, уже кончивший курс и состоящий ныне чиновником Министерства внутренних дел; отлично настроен, как православный, что видно было и из сегодняшней его речи. Было на собрании несколько наставников Семинарии. Я в своей речи внушал между прочим всячески стараться находить людей для наших учебных заведений, так как в них — главная надежда на распространение Православия в Японии. Хороший материал для характеристики католиков и протестантов мне дал листок «Voice», полученный за пятнадцать минут до собрания. В этой газетке сегодня помещен отзыв одного католического патера в Америке, что «католики, если бы имели власть, и теперь воздвигли бы гонения на еретиков протестантов, и гонение до смертной казни включительно». Протестант — издатель «Voice»-а, приводя это, заключает свой отзыв словами: «Вот духовенство что значит! Безмерная польза была бы уничтожить все духовенство совсем, а власть, взятую у него, отдать мирскому человеку». Там — фанатизм, противный Духу Христову, здесь — безначалие, уничтожающее основанную Христом Церковь.

18 (31) января 1902. Пятница

Был расстриженный Павел Нищума, ныне находящийся совсем в православном расположении духа, кающийся, что прежде задумывал было уйти к протестантам, говорящий, что и теперь еще протестанты манят его к себе, особенно какие-то мистики. Пришел он, чтобы сегодня исповедаться и завтра за Обедней приобщиться Святых Тайн, а также отслужить панихиду по своей прежней жене. Говорит, что не упускает случаев проповедывать Христа желающим слушать и что этих желающих — ныне везде очень много. И пусть частно проповедует; учение знает, красноречие имеет — это таланты, данные ему от Бога; пусть не зарывает их; если кого обратит, — его заслуга будет перед Богом.

24 января (6 февраля) 1902. Четверг

Был Стефан Даде; предпринимает сказать речь своим бывшим подданным о Христианстве — так рассказать ее содержание и попросить молитвы об успешности ее. В субботу они (три брата Даде и племянник, глава их фамилии) делают собрание для главных из своих бывших кароо и керай; соберется человек сто пятьдесят; тут будут и довольно важные ныне военные и гражданские чины, и большие купцы, и простые дворяне, и студенты. Все, конечно, еще любят и чтут своих бывших князей, все интересуются здоровьем младшего из них (Стефана) и будут очень порадованы видеть его не очень слабым, бодрым и радостным. Он и встретит их при-ветствием, скажет о любви вообще, перейдет к христианской и, по внушению ее, предложит им всем Источник своего утешения, радости и счастья — именно Христианскую Веру; расскажет свой душевный опыт, что он искал успокоения в буддизме — не нашел, перешел к Христианству — на протестантстве тоже не успокоился, а обрел покой в Единой Истинной Вере — Православной; и теперь, несмотря на свою чахотку, живет радостно, вполне предав себя Воле Божией, и готовый умереть хоть сегодня, если то угодно ей. В заключение речи он раздаст всем по книжке «Е-ире сейкёо дайи» (иллюстрированная брошюра «Сущность Православной Игры») с прибавлением листа с адресами в Токио всех служащих Церкви, чтобы каждый знал, где найти дальнейшее научение Игре, если пожелает его. Для чего снабдился отсюда ста пятьюдесятью брошюрами и ста пятьюдесятью листами адресов. Надеет-оі, что хоть маленькая польза от его речи будет, хоть некоторые прощенные семена не пропадут даром. Сам он — в таком радостном и благочестивом настроении, что радостно смотреть на него. Истинно, Благодать Божия осеняет его. Помогите ему, Господи!

27 января (9 февраля) 1902 года. Воскресенье

После Литургии были Даде — Стефан и Лука. Первый совершенно счастлив своей вчерашней речью к собранию своих «кераев» — слушали с глубоким вниманием, розданную потом книжку о Православии приняли с уважением; Стефан уверен, что большой или меньший плод речи будет, и об этом только говорил сегодня.

29 января (11 февраля) 1902. Вторник

Как нужно быть осторожным, чтобы не приптели к чему-ни- будь политическому! Недавно (17 января) побыл в собрании, где говорились речи в пользу страдающих от отравления воды медным рудником в Асио, — и из-за этого теперь таскают мое имя как союзника врагам Правительства. Сегодня от одного христианина очень укорительное письмо пришло — «Зачем», мол, «восстающим на Правительство "светишь дорогу"?» (чёочин-тору). «Это — очень вредно для христианского дела», и так далее. Стало быть, не нужно было принимать приглашения на это собрание. Вперед следует соблюдать это.

2 (15) февраля 1902. Суббота. Праздник Сретения

Были Посланник, Извольский, и князь Лобанов, Иокохамский Консул. <...> Посланник сказал... что Государь Император пожертвовал пять тысяч рублей на постройку Храма в Нагасаки. Значит, Храм там непременно будет построен, и именно на месте, пожертвованном для того евреем Гинцбургом; Государь велел благодарить его за это пожертвование.

10 (23) февраля 1902. Воскресенье

После Литургии Стефан Ладе, зашедши ко мне, рассказал, что старший брат его присоединился к какой-то новой секте, очень странной, — члены ее, собравшись, исповедуются в своих грехах, каждый пред всем обществом; затем что еще бывает у них, во что они веруют, и прочее, Стефан еще не знает; кажется, нет пункта веры ни в Бога, ни в Будду, ни в какое другое высшее существо; «ё-наге» (отречение от мира) — у них главное, но в чем оно состоит — тоже не ясно. Спрашивал Стефан:

— Можно ли ему присоединиться к этому обществу с целью разбить их учение и образумить их?

— Делаться членом общества такого никак не следует. Но вы можете так пойти на их собрание и говорить с ними.

— Они посторонних на свои собрания не допускают.

— В таком случае займитесь обращением вашего брата на путь истинный; этого с вас — пока достаточно. Притом же, если вы образумите брата, то чрез него можете подействовать и на других. Главное же, займитесь обращением ко Христу вашей матери. Ужели вы допустите, чтобы она умерла в слепоте духовной? Истошите всю вашу сыновнюю любовь, чтобы тронуть ее сердце, и прочее, и прочее.

22 февраля (7 марта) 1902. Пятница

Бессовестные католики вечно клеветуют на Патриарха Фотия. Нескончаемая материя! Из одной Церкви просят дать отповедь патерам, которые там усиленно блядословят, будто «Фотий — совсем и не духовный, ибо поставлен светскою властью, без посвящения». Дал я Петру Исикаса книжки о Фотии (Иванцева и Преображенского) составить отповедь. Да и перевести нужно историю Фотия для рассылки по Церквам; слишком часто католики беспокоят сим предметом.

4 (17) марта 1902. Понедельник

Был епископальный миссионер из города Окаяма, Rev. Nind; в течение разговора спрашивает: «Можно ли нашему и вашему проповедникам вместе заодно проповедывать?» Я сказал, что «нельзя», и объяснил причины: «Многие пункты учения у нас так далеко расходятся, что мы, проповедуя сообща, можем и слушателей смутить, и сами стать в весьма неловкое положение. Например, ваш проповедник только что скажет, что источником вероучения служит одно Священное Писание, как наш вслед за ним докажет, что одно Священное Писание — недостаточно; ваш объяснит, что у Церкви — два Таинства, наш потом изъяснит, что у Церкви — семь Таинств, и прочее подобное».

— Так я буду знать теперь, что отвечать вашему священнику. Это он просил нашего дьякона проповедывать вместе с ним. — заключил разговор об этом Rev. Nind.

Хорош отец Игнатий Мукояма, наш окаямский священник! Впервой слышу, что наш священник обращает такую просьбу к протестанту. наших протестанты часто просят; это мне известно, и я думал, что Rev. Nind ведет речь в этом направлении, — а тут совсем наоборот! Надо будет на Соборе сделать внушение, чтобы вперед этого не было. Пусть живут с протестантами мирно и любовно, но пусть проповедуют им, а не с ними. Rev. Nind изъяснял еще, что у них в Окаяма христиан еще нет, а только

место проповеди, что в Тайкёо-дендоо там они, епископалы, с прочими протестантами не участвовали, и прочее.

2 (15) апреля 1902. Вторник

Протестантские пасторы и проповедники, преимущественно из японцев, с одиннадцатого числа сего месяца производят свои собрания в находящемся здесь поблизости доме «Общества молодых людей» (Сейнен-квай). Между разными предметами рассуждений, вотировали вопрос «Иисус Христос — Бог или нет?». «За Божество поднялись сто десять человек, против Божества Его — шесть человек, не решились утверждать то или другое тридцать три человека». Позор для христианской проповеди! Протестантизм разъедается сомнениями, как ржавчиной.

26 апреля (9 мая) 1902. Пятница Фоминой Недели

Отец Симеон Юкава приходил известить, что церковным зданиям в Асакуса и Ситая объявлена подомная «мензей» — свобода от платы правительственного налога на дома. Конечно, то же самое сделано Правительством и для всех церквей по всему Государству (и наших, и всех христианских исповеданий). Слава Богу! Христианство все больше и дальше делается признанною и покровительствуемою верою в Японии. «Кто должен быть представителем церковного недвижимого имущества и завелывателем его пред Правительством?» — спрашивал отец Симеон.

— Конечно, священник, — ответил я.

— Но христиане в Асакуса желают, чтоб к моему имени в этом случае было присоединено три имени тамошних христиан.

— Этого нельзя. И для сношений с Правительством неудобно, и замешательств по экономическим делам Церкви можно опасаться — как было, например, в Хакодате, где три номинальные владельца церковных домов, возмутившись без всяких уважительных причин против священника, истратили церковные деньги на газетные пасквили против него. Законный номинальный владелец церковного имущества — священник. «Если ему вверены души христиан, не тем ли более он достоин доверия относительно церковного имущества?»

28 апреля (11 мая) 1902. Воскресенье Жен Мироносиц

В церкви был, между молящимися, сирохалдеец, иерей Николай, со своим взрослым сыном. Приехали они из такой дали собирать на построение Храма, ибо недавно башибузуки у них сожгли церковь и побили много христиан. После Литургии зашли они ко мне. Я подписал 25 ен, бывшие в то же время у меня барон Кистер — 3 ены, полковник Ванновский — 2 ены; и тому были они как рады! Но в плохое место для сбора приехали — мы сами здесь живем сбором.

4 (17) мая 1902 года. Суббота

Вместе с Иваном Акимовичем Сенума был, с двух часов, на благотворительном, в пользу сирот, концерте в Музыкальной Академии, в Уено. Сиротский приют — протестантский, в Окаяма. Играли и пели лучшие здешние музыкальные знаменитости: японки: Тацибана — на фортепиано из Бетховена, Коода — на скрипке, профессор Юнкер — на скрипке, Кёбер — на фортепьяно. Зал был полон. Должно быть, тысячи две ен собрали, потому что билеты были не дешевы. Мне два прислали — в три и две ены, да еще с наказом в печатном письме: «Если не нужны, пришлите назад». Потому и пошел, пригласивши Сенума для другого билета; совестно было отсылать. В первый раз здесь на светском концерте; впрочем — «благотворительный», и неприличного ничего не было. Мысли же хорошая

музыка возбуждает добрые; думалось, между прочим, — какой высокий дар дан людям от Бога в эстетическом чувстве, и как плохо люди пользуются им! Быть может, в будущем лучше станут пользоваться...

8 (21) июня 1902. Суббота

Англичанка Miss Hughes, прибывшая в Японию «with a com-mission from the Education Department of the English Government» изучить публичное и частное женское воспитание здесь, прилагая рекомендательное письмо от епископа Awdry, просит позволения явиться, чтобы осмотреть нашу Женскую школу. Ответил любезным приглашением в четверг, двадцать шестого числа, с четырех часов — время, указанное ею как одно из наиболее удобных для нее, так как она — очень занята.<...>

4 (17) июня 1902. Вторник

Католический патер, имеющий молитвенный дом в квартале Хондзё, третьего дня поймал одного из уличных ребят, бивших стекла в его молельне, и до того таскал его за ухо, что наполовину разорвал ухо. Это происшествие вот два дня катается по всем газетам, с бранью на патера и насмешками над Христианством; но ни одна газета ни полсловом не заикнулась о том, что следует и ребят обуздывать и наставлять их не творить безобразий. На бедного патера отец мальчика подал иск, и теперь его судят. Газетные вырезки, сегодня поступившие ко мне, все наполнены этой историей.

13 (26) июня 1902. Четверг

В четыре часа, как было условлено, явилась Miss Hughes пос-мотреть нашу Женскую школу. Опасался я женской непоследовательности в разговоре с нею — так и вышло. Приготовила записную книжку — и первый вопрос:

— Сколько миссионеров у Вас заняты воспитательным делом в Японии?

— Ни одного — воспитание ведется самими японцами.

— Как так? Почему? — с удивлением воззрилась на меня.

— Потому, что миссионеров у нас для этого нет.

— Сколько же у Вас всех миссионеров?

— Собственно, можно бы сказать, тоже ни одного. Вот смотрите. Здесь написано четыре (показывая ей статистический лист Миссии), но из них один — священник Посольства, и по Миссии не служит; другой — диакон, тоже состоящий при Посольской Церкви, а здесь обучает только пению; третий — недавно приехавший миссионер, живет в Нагасаки и пока только учится по-японски; четвертый — я, исключительно занят ныне переводом Богослужения. Проповедуют у нас тоже сами японцы.

— Где же у Вас проповедь? Только в Токио?

— У нас проповедь больше чем в двухстах местах Японии. Вот, смотрите в статистическом листе.

Она уставилась на меня, сделав большие глаза, положила на стол записную книжку, подумала и перекинулась:

— А как Вы смотрите на японцев относительно Христианства?

— Я думаю, что в этом столетии Япония вся делается христианскою странюю.

— Я слышала разнообразные мнения об этом — большею частию пессимистические.

— Это — оттого, что Вы возвращаетесь в двух кругах, наиболее не расположенных к Христианству, как и ко всякой другой вере, аристократическом и ученом. Это — саддукеи Иудеи, философы Древней Греции, патриции Рима, все с презрением смотревшие на Христианство. Мы теперь знаем, правы ли оказались они; то же будет и с неверующей сферой японцев, которую Вы разумеете.

— Но ныне оживляется буддизм — как Вы на это смотрите?

— Как на всякую дутую речь. Буддизм умер в Японии; японцы переросли эту религию без Личного Бога; и напрасно толкуют, что он — еще жив и пробуждается к энергетическому действию; то — пустая хвастливость бонз, которые сами не верят тому, что говорят.

— Один миссионер, вернувшийся в Японию после двенадцати лет с тех пор, как жил здесь, находит здесь такую перемену, что ныне при Богослужениях гораздо меньше молящихся христиан, чем тогда было, но что влияние Христианства стало более заметным на языческой среде. Что Вы на это скажете?

Видя, что разговор далеко уклонился от цели ее визита, я без церемоний возразил:

— Оставим этого миссионера при его мнении и его наблюдениях и поговорим о нашей Женской школе, сведения о которой Вы хотели иметь.

— Но я собираю сведения не о женских школах только; я изучаю здесь и мужские школы. Какие у Вас мужские учебные заведения?

— У нас здесь — Семинария для воспитания предназначенных к церковному служению.

— Сколько учеников в Вашей Семинарии? Каких лет ученики принимаются? Сколько лет учатся? Какой курс проходят?

И прочее.

На все эти вопросы я должен был ответить, после чего опять постарался возратить Miss-исследовательницу к ее главному предмету — Женской школе. Она, наконец, несколько удостоила внимания сию материю, и я успел доложить ей, сколько у нас в школе учительниц, сколько учениц, и прочее, и сдать в ее владение документы, специально приготовленные для того — брошюрку школьных правил, список нынешнего состава школы и книжку празднования Двадцатилетия школы при Анне Кванно. Показывая правила, я ей рек:

— Вот здесь — обучение словосочинению, литературе и подобному; и что это — не праздное словоначертание, что у нас действительно развиваются, вот Вам доказательство — издание нашей Женской школой прекрасного женского духовно-нравственного журнала «Уранисики» (и показал ей три последние номера). По программе, например, — обучение вышиванию; что это исполняется — вот вам свидетельство.

И развернул вышитое Женской школою на Престол Пасхальное Облачение; на подкладке главного Облачения и имена всех трудившихся воспитанниц написаны. Работа эта, видимо, поразила ее и находившуюся при ней японку — переводчицу с японского на английский и обратно, безмолвную до сих пор, но разразившуюся при сем ахами.

Miss Hughes, подивившись «Уранисики» и золотому шитью, не преминула уклониться в сторону:

— Любопытствуют ли язычники посещать Ваш собор?

— Так любопытствуют, что в иной месяц бывает до десяти тысяч посетителей.

И у меня мелькнула мысль увлечь ее в собор, чтобы оттуда провести в Женскую школу, иначе и конца не предвиделось ее расспросам, а я опасался, что в Женской школе ее ждут и это производит своего рода неудобство.

— Да вот, не угодно ли взглянуть ныне на собор? Вероятно, и сейчас мы увидим там японцев-посетителей. Вы еще не были в соборе?

— Была на Богослужении в Ваш Рождественский Праздник и видела много христиан в соборе.

— Теперь увидите несколько язычников...

Действительно, в соборе были партии гимназистов и гимназисток и других посетителей.
Остановившись посреди собора, после некоторого разговора, Miss Hughes вопрошает:

— Что особенно нравится японцам в Вашей религии? Вот это (указывая на иконостас) и Богослужение с пением?

— Нравится и это. Но главное — не это, а то, что наша религия стоит твердо; вот что особенно привлекает японцев к Православию.

— Как так?

— Да так, что наши юные, большею частью, и немногие проповедники (всего — сто пятьдесят один человек на всю Японию) стоят против всего язычества, и в виду всего прочего Христианства, католического и протестантского, с сотнями иностранцев у сих, твердо, непоколебимо, с ясно и непререкаемо проповедуемым Учением, и нигде не падают, не отступают; везде, где водворилась Христианская Церковь Православная, она стоит, как бы мала она ни была, чего о других христианских вероисповеданиях сказать нельзя.

— Чему же Вы приписываете это?

— Прежде всего тому, что мы содержим Учение Христово во всей его полноте и целости и никогда изменить или потерять его не можем, — мы принимаем Священное Писание и Священное Предание.

— А! Это — то же, что у католиков; они очень уважают Предание.

— Вовсе не то. Они уважают свои предания в ущерб Священному Писанию. Например, Спаситель сказал о Святом Духе: «От Отца Исходящего», — католики поправляют это, на основании предания: «И от Сына»; Спаситель, установляя Таинство Евхаристии, сказал: «Пийте от нея вси» — католики: «Вовсе не "вси", а только "симпин" — духовенство»... У нас таких кощунственных преданий не слышано, не видало. Наше Священное Предание ни на волос не противоречит Священному Писанию и служит только к дополнению и объяснению его. Наше Священное Предание — это живой Голос Вселенской Церкви, звучащий на все времена. Поэтому-то мы не можем изменить или утратить ни йоту из Христова Учения. Если для нас что непонятно в Слове Божиим, мы спрашиваем Вселенскую Церковь, как она понимала это во все времена, начиная с Апостолов; получаем ясный и определенный ответ и продолжаем веровать и учить неизменно. Это — не то, что в протестантстве, где Священное Писание у каждого в руках не только для чтения, но и для понимания и толкования личного, его собственного. Оттого-то у протестантов столько сект и такая запутанность в учении...

Говорилось все это не для одной Miss Hughes, но и для ее переводчицы, которая придвинулась, чтобы слова не проронить, когда я стал говорить о Предании. Но я не забывал, что в Женской школе нас ждут, и потому, прервав речь, любезно предложил Miss Hughes пойти в Женскую школу.

Там действительно нас ждали. Учащие встретили при входе в дом, ученицы — в своих комнатах, одетые чистенько и вежливо приветствующие. Miss обошла все, в моем и учительниц сопровождении; мимоходом все хвалила, особенно в комнате, где (не для нее, а к экзамену, ныне производящемуся) приготовлены были на столах рукоделья и где особенно понравились ей рисунки учениц и рукоделья шелками и золотом.

По окончании осмотра я предложил ей сказать что-нибудь в назидание учениц (так как в газетах печатались ее лекции в женских высших заведениях). Она согласилась весьма любезно. Вся школа собралась в зале, и она сказала речь. Переводила японка, сопровождавшая ее, оказавшаяся превосходно приспособленною к сему делу. Наставление состояло из четырех пунктов: 1. японской женщине нужно здоровье — итак, занимайтесь гимнастикой; 2. ей нужны искусные пальцы — и

потому прилежите рукоделию: 3. будьте умны; 4. будьте добры (дзэнрё). Ждал я, что заключительным пунктом будет «Старайтесь быть добрыми христианка-ми», но этого не последовало; а на шуточное потом мое замечание ей о сем сказала, что так навыкла говорить в прочих женских школах, еще языческих, где о Христианстве говорить не позволено. После сего мы любезно расстались.

21 июня (4 июля) 1902. Пятница

В половине двенадцатого часа отправился на завтрак, дававшийся для всех русских Великим князем Кириллом Владимировичем в занимаемом им ныне Дворце — «Рикёо». Кроме русских, на завтраке были японские четыре Принца — Фусими-номия, Кан-ин, Арисугава и еще один молодой, военный; было также много военных, начиная с Военного Министра; был Премьер Кацура, Иностранных Дел Министр, и прочие. Все — без лент, только со звездами, почему и я был без лент и орденов, а со звездами, и в клобуке с крестом (привезенном мною в жестяной коробке и надетом в передней, причём в коробку поступила шляпа). За завтраком — между Фусиминомия и Министром иностранных дел; последний словоохотливо сам начинал всегда разговор; первый молчал, но раз пять я с ним заговаривал. <...>

28 июня (11 июля) 1902. Пятница

От отца Игнатия Мукояма узнал между прочим подробнее о девице, желающей монашества, о которой отец Симеон Мии третьего дня рассказывал. Оказывается, что она прежде служила в Армии Спасения здесь же, в Токио; поступила в Армию, не зная различия между протестантством и Православием, думая, что они — одно и то же; очень ревностно здесь пропагандировала учение Армии Спасения, продавала брошюры, собирала пожертвования; но, вникнув ближе в состояние и нравы вождей Армии, нашла много эгоизма, дрызг, неурядицы — потому охладела и пернулась в Сеноо; а здесь, узнавши от катехизатора о различии Православия и протестантства, отправилась в Кёото в нашу Сенскую школу. <.,>

18 (31) июля 1902. Четверг

Утром Посланник, А. П. Извольский, извещая, что у него сегодня в двенадцать часов завтракает Великий князь, Кирилл Владимирович, пригласил и меня к завтраку. Великий князь был очень любезен, спрашивал о Миссии, но в разговоре, за столом, выразил крайнее сомнение, чтобы Христианство водворилось в Японии.

20 июля (2 августа) 1902. Суббота

В исходе третьего часа прибыл с небольшою свитой Его Высочество, Кирилл Владимирович. Я встретил его на крыльце дома, одетый в клобук и со звездами без орденов. Когда он сел на диван с замечанием: «Все так же, как прежде» (что он видел четыре года тому назад), я предложил ему выслушать сообщение о состоянии Миссии и, показывая статистический лист Миссии, где, из сопоставления цифр во всем, виден преимущественный успех Православной Миссии, просил «говорить в России везде, где только представится случай, о необходимости развития Заграничных Миссий».

— Слово Ваше, как лично ознакомившегося со всем заграничным, будет иметь большой вес.

— Но в России никто не думает о Заграничных Миссиях.

— Поэтому-то я прошу Ваше Высочество говорить о них, чтобы стали думать...

Предложил Его Высочеству экземпляр нашего перевода на японский язык Нового Завета,

Псалтири, затем — японский альбом, где между прочим, как одно из знаменитых тоокейских зданий, имеется в голубом рисунке и наш собор. С словами «Вы меня завалите» он все это принял, и приставленный к нему барон Мадено-Коодзи (Сергей Александрович) тотчас же взял книги, также статистический лист и карту Православной Церкви в Японии, чтобы положить в карету Великого князя.

24 июля (6 августа) 1902. Среда

Между сегодняшними письмами одно — от протестантского проповедника; пишет: «Покажите, правильно ли Крещение чрез троекратное погружение; если правильно, то я брошу протестантство». Слишком поверхностен человек; впрочем, послана «Догматика» с указанием, что прочесть. Другое — от язычника, очень умное и красноречивое, ищущее истины; послана краткая «Догматика» и указан ближайший катехизатор. Фома Исида, в Фукусима (а ему перепровождено письмо).

5 (18) августа 1902. Понедельник

Были Rev. King, здешний епископальный миссионер, и Rev. Norris, тоже английский епископальный миссионер из Северного Китая, один из выдержавших осаду боксеров в Пекине. Говорил он, что политика Пекинского Двора ни на волос не изменилась, — все та же рутина, обещающая продолжение нападений на миссионеров и китайских христиан, что если династия не переменится, и всегда будет то же; на перемену же династии пока нет никакой надежды — нигде не видится в Китае сильного человека, который взялся бы за это; притом же это ныне чрезвычайно трудно было бы по осложнениям с иностранными державами...

29 августа (11 сентября) 1902. Четверг. Усекновение Главы Святого Иоанна Предтечи

Из посетителей сегодняшних замечателен Mr. Geil, молодой американец, исследующий состояние Миссий, и это — по всему свету, для чего назначено ему четыре года путешествовать, из которых полтора года уже проведены им в разных местах Океании и в Австралии. В последней им уже напечатан первый том его исследований, раскупленный весь прежде, чем вышел из печати. Исследование Миссий это — совершенно независимое ни от каких взглядов и сторонностей. До сих пор о Миссиях доставляют сведения секретари и ревизоры, посылаемые миссионерскими обществами разных деноминаций, и сами миссионеры. Все эти сведения являются более или менее окрашенными в цвет тех очков, сквозь которые смотрят наблюдатели, натурально, не могущие отрешиться от некоторой деноминационной партиальности. Mr. Geil путешествует в интересах независимого изучения дела всех Миссий. В разговоре со мной он взял от меня статистические данные нашей Церкви здесь; стал было предлагать дальнейшие вопросы: «Как японцы относятся к Христианству?», «Каковы надежды Миссий?», и прочее; к сожалению, помешал один русский посетитель.

Вскоре по уходе Geil'я был его секретарь, которому было дано Geil'ем поручение видеть меня и взять сведения о нашей Миссии; он очень удивился, когда я сказал ему, что Geil сам сделал то, что поручил было ему. Оба они — молодые люди, кипящие жизнью и энергиею. Завидно, что нет у нас вот таких деятелей. наша интеллигентная молодежь изъедена червем своекорыстия, или индифферентизма, или же прямо нигилизма.

6 (19) сентября 1902. Пятница

Был доктор Антон Михайлович Издебский, служащий на Маньчжурской Железной Дороге; просил повенчать его с сестрой милосердия; документы — только его паспорт, на котором означено, что он — холост, и ее билет, на котором даже не прописано, что она — девица; хочет повенчаться для

того, чтобы ее тотчас же отправить в Россию. Конечно, я отказался: во-первых, нет надлежащих документов; во-вторых, если бы и были, венчаются для неразлучного сожития, а не для разлуки. Сам он — католик.

10 (23) декабря 1902. Вторник

При просмотре полученных с почты журналов за живое задело в декабрьской книжке «The Missionary Review of the World» сетование на то, что штундистам в России не дается полной свободы, заканчивающееся так: «Но дело Господне никогда не запоздает (never behind time). "В Твоей руке сила и крепость, и никто не устоит против Тебя" (2 Пар. 20:6). Неослабевающая, решительная, ходатайственная молитва нужна как для устранения препятствий, так и для устройства (building up) религии». Мерзавцы! Россия для них — языческая страна, в которой нет Христианской религии, и вот они только собираются насадить ее! Прогнивший насквозь протестантизм, да еще в худших своих сектах, — таких мнений о себе! И еще Господа Бога призывает! Лицемеры!

Впрочем, и Православная Россия не менее боли возбуждает в душе. В том же журнале, в статейке «Миссионерская ревность в Финляндии», говорится, что «Финляндия, до последнего времени высылавшая миссионеров только в Южную Африку, в эти два-три года выставила почти двести молодых людей и столько же молодых женщин, отдающих себя на миссионерское служение. Первый финляндский миссионер уже прибыл в Китай», и так далее. Ну а Православная Россия много ли дает заграничных миссионеров? Преосвященный Иннокентий недавно привез троих в Китай — отчего же не больше? А Япония все ждет и ждет; хоть бы одного — и нет! Как не болеть душой? Впрочем, буди Воля Господня! Вероятно, в Путиях Промысла наше время еще не пришло.

18 (31) декабря 1902. Среда

Отец Павел Морита из Маебаси... что «неудобен здесь Юлианский календарь — следовало бы праздновать по Григорианскому»; я ответил, что «догматического препятствия к сему нет, но нам приятней праздновать одновременно со всею Вселенскою Церковью, чтоб наше праздничное славословие сливалось в один голос с славословием всех христиан по всему миру; не будет нравственным преступлением для певца, если его голос упредит других в хоре или отстанет от хора, но хороша ли такая дисгармония? Не запротестует ли сам отец Морита против нее?», и так далее.

21 декабря 1902 (3 января 1903). Суббота

За Всенощной сегодня было человек двадцать протестантских миссионеров и миссионерок, из которых один оставил у входа чемоданчик с платьем и Священным Писанием внутри, хватился при выходе — и нет, украл какой-то язычник. Следовало поручить придвернику — тогда этого не случилось бы.

25 декабря 1902 (7 января 1903). Среда. Праздник Рождества Христова

За службой было несколько иностранцев, между коими — два матера, простоявшие до конца, но фанатично не кланявшиеся на мои осенения, тогда как протестанты почти всегда делают вид поклона.

27 декабря 1902 (9 января 1903). Пятница

После обеда я отправился в Йокохаму поздравить русских и, кстати, — по делам в банки. У нового Генерального Консула, Влад. Яковлевича Сиверса, познакомился с его семейством — лютеранским, начиная с него, но добрым и религиозным, кажется.

28 декабря 1902 (10 января 1903). Суббота

Петр Исикава рассказал о публичном чтении (энзэцу), вчера в Протестантском клубе произведенном, по тесноте нашего Клуба молодых людей, состоящего из одной комнаты здесь во втором этаже. Чтений было два. Первое — его, Исикава, о Православном Богослужении, иллюстрацией которого было здесь же пение хора, но не нашего, ибо Женская школа не приняла приглашения идти петь, а коодзимацкого, с участием некоторых наших семинаристов; пели пять раз, в промежутках чтения Исикава; первым было пропето «Благослови, душе моя, Господа», последним — «Ангел вопияше». Исикава говорит, что пели превосходно и слушатели были очарованы, а оных было человек сто, между которыми были и профессора Университета. Последние, должно быть, пришли больше для второго чтения — «О русской литературе», Я. В. Иозефовича, переводчиком речи которого был Марк Сайкайси; и тоже вышло очень хорошо и интересно; говорил о Пушкине, Тургеневе и Гоголе.

1903 г.

3 (16) января 1903 года. Пятница

Был Rev. Pettee, из Окаяма, с другим протестантским миссионером из Кобе, — отбирать разные статистические сведения по нашей Миссии. Показал и рассказал им все, чего они хотели, повел взглянуть и на училища. И охотники же эти протестанты до статистики — то и дело, что собирают и составляют сведения.

12 (25) марта 1903 года. Среда

Из методистской американской миссии в Аояма прислали приглашение на выпускной акт в Аояма Гакуин. В виде привлекательности помещено было в приглашении, что Доктор Ямакава, Президент Императорского Университета в Токио, и Доктор Hall, Президент Семинарии в Нью-Йорке, произнесут речи. Акт был в удобное время — два с половиною часа Р. М. Поэтому я отправился. Но Ямакава сказал всего несколько слов, да и то — по развернутой бумаге, что, мол, «этот момент (окончания курса и получения диплома) — очень важный для вас, воспитанников, и потому запомните его навсегда — полезно будет для жизни». Доктор Hall, с залихватскими жестами, всплескиваниями в ладоши и привскакиваниями, отхватил, действительно, порядочную и длинную речь; но по временам она томила ненужными подробностями, например, что все люди — не похожи один на другого; об этом без нужды ораторствовал десять минут, да и заключил скачком: «Почему не похожи?» — «Потому что есть Бог, и Он этого хотел», — ответил он сам себе. Сердцевина речи — «Бог вручил каждому из вас (воспитанников) сокровище; это сокровище — вы сами; Бог дал вам вас самих». Немножко похоже на каламбур. Президент заведения, Абира, сказал короткое и хорошее напутствие кончившим курс — внушал им «запасть в жизнь мужеством и самоотвержением (юуки и кенсин)». Японка пела два раза — симпатичный и хорошо обработанный дискантик, но такой слабый, что на верхних нотах, где оные случались, совершенной крысой пищала; и неприятно для уха, и жаль становилось ее. Открыт был акт чтением 1-го псалма по-японски и молитвой, после чего пропет был, стоя, Японский Национальный Гимн, кончился тоже молитвой. Было множество миссионеров. Dr. Hall есть нынешняя иовинка в Японии; он путешествовал по Индии, Китаю; ныне в Японии везде гремит своими речами; везде его нарасхват просят; и он, действительно, — блестящий и неутомимый оратор. Тожe порядочная помощь протестантской миссии эти путешествующие ораторы; а их каждый год несколько случается, и миссионеры умеют отлично пользоваться ими. Боже, что за богатый арсенал средств у протестантской Миссии!

15 (28) марта 1903 года. Суббота

После полдня был на выставке в пользу нашего сиротского приюта.

С выставки отправился, по полученному приглашению, вместе с нашим Начальником Семинарии, Иваном Акимовичем Сенума, а Меидзи Гакуин (Сирокане, Сиба), американское пресвитерианское заведение, на выпускной акт. Здесь, для заманчивости, были объявлены речи Вискаунта Ватанабе, недавно путешествовавшего по Америке и Европе, и того же Dr'a Hall'a, который говорил речь в Аояма Гакуин в среду. Президент этого заведения — Rev. Ибука. Порядок — тот же, что я видел в среду. Молитва, музыка и пение, на этот раз — американки, певшей хорошо; в течение акта пел еще один миссионер прекрасным тенором и играли, вместе с японкой, две маленькие американки (все — на скрипке, и очень мило); к сожалению, фортепьяно было до того расстроено, что ухо драло, и игра на нем в четыре руки (было и это) была не музыкой, а испытанием терпения слушателей. Dr. Hall на этот раз говорил еще лучше, чем в Аояма, с более умеренными жестами и более сжато. Объяснял выпускным текст из Послания к Тимофею(1 Тим. 4:12): «Никто да не пренебрегает юностью твоею», и так далее. Говорил между прочим: «Вы — юны, вам недостает знания перспективы; а что такое перспектива? Ближние предметы кажутся большими, дальние — малыми, тогда как ближние, быть может, — только деревья и камни, а дальние — горы; не будьте обмануты...» И рельефно выяснил шесть предметов, в которых они должны быть образцами другим: «В слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте», причем мне не понравилось, что он «любовь» определил только как «мнение» (opinion) — не дурно думать и говорить о людях, «веру» — как «убеждение» (conviction), «дух» — как стойкость и влияние, «чистоту» — как «справедливость» или «правдивость» (righteousness); словом, объяснение было слишком поверхностное и такое, какое язычник мог бы делать, говоря к язычникам; о Христе вскользь упомянул только в самом конце, что Он был образцом правдивости. Но я подумал, что, вероятно, его предупредили, чтобы он не очень напирал на Христианство — заведение здесь не специально богословское, а общеобразовательное, и кончившие курс, должно быть, — еще язычники, хотя, конечно, близкие к Христианству, как воспитанные под влиянием миссионеров. Вообще же, впечатление от посещения подобных актов получается тяжелое — в миссионерских заведениях ожидается, что все веет Христианством, а тут Христианство видится придавленным, как будто не смеющим выглянуть на свет Божий и выглядывающим только где-нибудь из уголка. Вискаунт Ватанабе мямлил, точно корова сухое сено: едва переволокнется от одной мысли к другой; гвоздь его речи — «Знания — кирпичи, для связи их нужно хорошее поведение, иначе доброе здание жизни не построится». Спасибо и за это. Президент Ибука роздал первым по остающимся классам похвальные листы и книги, кончившим — дипломы и напутствовал их небольшою речью. Dr. Hall спросил меня, когда у нас завтра служба, и выразил желание приехать к ней.

8 (21) апреля 1903 года. Вторник Светлой Седмицы

Отправился в Йокохаму поздравить семейство Консула Сиверса, дети которого, несмотря на то что [дети] протестанта, были ночью на Пасхальном Богослужении вместе с иокохамскими христианами.

17 (30) апреля 1903 года. Четверг Фоминой Недели

Из перечитанных сегодня писем — ничего приятного. В Яманаси проповедь — плоха; катехизатор пишет, что у католиков и протестантов — тоже плохо; большое утешение!

26 апреля (9 мая) 1903. Суббота. В Кёото, на освящении Храма

Так как в Кёотском храме престол гранитный, верхняя плита очень тяжела, при укладке ее без

каменщиков обойтись нельзя (что при освящении составило бы большое затруднение), то положено было накануне храмоосвящения совершить положение святых мощей в приготовленное для того место в Престоле под плитой. Сегодня и сделано это. В девять часов священнослужители и много христиан собрались в храме. Я облачился в мантию, священники — в ризы. По прочтении первой молитвы храмоосвящения я окропил снятой водой место положения святых мощей, помазал миром святые мощи, уложил частицу в позолоченный ящичек этот, фарфоровый, нарочно для того сделанный, ящик с крестом наверху, и опустил в четверугольно выдолбленное место в середине престола под плитой. Певчие в это время пели 144-й псалом, кончивши его — 22-й псалом и повторили последний несколько раз, отдыхая в промежутках пения, так как трое каменщиков над укладкой плиты на цементе работали целый час, в продолжение которого мы, священнослужители, стояли в облачениях и ждали. Конечно, все это было бы весьма неудобно в самый день освящения.

Из Химедзи прибыл катехизатор Гавриил Ицикава и принес мне в подарок две пары железных «хибаси» от девяностодвухлетнего старца Меочина Мунёюки, в христианстве Симеона. Меочин — японская немалая знаменитость. Предок Симеона выковал шлем и латы (ёрой и кабуто) для Тайко Хидеёси, и потом эта фамилия до сего времени отличалась выковкою сабель. Сабля работы Меочина — дорогая вещь в Японии. Хибаси, присланные мне, Симеон только что выковал; на них и вычеканено, что [это] работа 92-летнего Меочина Мунёюки. (Среди окружавшего шума тогда не совсем понял рассказ Ицикава. «Хибаси»-то работы Меочина, но прислал их Симеон Ивата, старик, отец катехизатора Якова Ивата, приобретший их от Меочина, который еще не христианин.) Палочки при ударе одна о другую дают мелодичный звук. Я оставил одну пару для употребления в Кёотском храме при возжигании кадила; другая для того же употребления послужит в Тоокейском Соборе.

Так как пред иконами свечи сегодня еще не могут быть зажжены, то положено было начать Всенощную в пять с половиною часов, чтобы, по возможности, завидно отслужить. Служил отец Симеон Мии среди церкви. Певчие пели превосходно. После Всенощной, кончившейся в начале восьмого часа, я с облачального места рассказывал христианам историю построения этой церкви. Начал тем, что: «Сам Бог выстроил ее; Воля Его совершилась. Ежедневно мы молимся: "Да будет Воля Твоя", и эта Воля бывает, если мы сами не отменяем ее упорством в противлении. Ехал я сюда три года тому назад с приготовленным планом молельни, приехал с мыслью построить храм, ибо дорогою совесть меня стала упрекать: в банке лежат построечные деньги, достаточные для храма, и никто не знает про это; Бог дал их, а я скрываю Божий дар, хочу строить не храм во славу Божию, а бедную молельню, что-то вроде шалаша, не грешно ли это?.. Спросил здесь отца Симеона: "Не построить ли нам храм, какой только можем?" Отец Симеон, конечно, был в пользу этого, и о молельне не было больше ни слова, ни мысли, тогда как в Токио я о ней только и думал. Чья же Воля совершилась, если не Божия?... Выбран был план храма из книги планов, почти случайно взятой мною из Токио, призван архитектор Мацумура, и вот существует ныне храм, на который Бог дал деньги, который Бог внушил строить и который Бог помог построить. Что касается внутреннего устройства храма и такого красивого убранства его, то здесь еще яснее видна рука благодетельного нам Промысла Божия. В одном письме, полученном мною из Москвы (от постоянного сотрудника "Московских Ведомостей" Льва Александровича Тихомирова) в марте 1901 года, было упомянуто: "Не нуждаются ли ваши приходы в облачениях и утвари? Если да, то не напишете ли письма на имя Василия Геннадиевича Дудышкина?" А в это время как раз я очень озабочен был мыслью об иконостасе и колоколах для Кёотского храма: делать ли их здесь или заказать в Россию? Первое было бы удобней, но вышло бы некрасиво, неудачно, нежелательно, для второго я не знал, к кому обратиться в России. И вот самое ясное указание. Я написал к указанному благотворителю, но попросил не облачений и утвари, а иконостаса и колоколов, и оные ныне у нас пред глазами; облачения и утварь тоже пришли, — и все такое изящное, такое благолепное! Не дар ли это Божий руками угодных Ему людей? За колокола, правда, еще не заплачено, но, вероятно, найдутся благотворители, которые не допустят Миссию саму уплатить стоимость их 1700 рублей...

И благотворят добрые христиане так, что имена их большею частью остаются неизвестными. Об иконостасе известно, что он от Якова Ефимовича Епанечникова, о металлических хоругвях — что от хоругвеносцев Кремлевских в Москве соборов, о парче — что от Владимира Григорьевича Сапожникова. Но от кого это прекрасно золоченное с эмалью паникадило, эти золоченые подсвечники, другой полный прибор облачений и прочее, и прочее — Бог знает, а мы не извещены, потому что истинные благотворители поступают так, чтобы левая рука не знала того, что творит правая. Больше всех хлопотал о снабжении нашей церкви Василий Геннадиевич Дудышкин, и, должно быть, в пожертвованном есть много лично от него, но что именно, он скрыл. Добрый это пример для здешних христиан: так-то хорошие христиане не жалеют для Бога» — и прочее рассказано было в назидание слушающим о пожертвованиях на Тоокейский собор Ф. И. Самойлова и других.

Потом рассказано о святом мученике Мардарии, частица святых мошей которого положена сегодня в престол. Молитву сего святого мученика христиане всегда слышат при Богослужениях на 3-м часе.

В заключение, обращаясь к христианам Кёото, я сказал, что «так как ныне их храму прилично иметь и диакона, то из двух здешних катехизаторов старшего — Акилу Хирота — я намерен завтра рукоположить в диакона; с священником об этом я уже совещался, и он очень желает этого, находя Хирота достойным диаконского сана. У вас я спрашиваю, не имеет ли кто-либо что-нибудь против сего рукоположения? Если кто знает что-нибудь, воспреещающее сие, то пусть скажет мне, здесь ли, открыто, или наедине». По некотором молчании, я спросил о том в другой и третий раз. Так как не последовало никакого возражения, то я объявил, что «завтра Акила Хирота будет рукоположен во диакона для Кёотской церкви». О другом же катехизаторе, Иоанне Исохиса, сказал, что он завтра будет посвящен в стихарь.

Отец Иоанн Оно поисповедал Акилу и сказал мне, что по исповеди тоже нет никаких препятствий к рукоположению его; и он вместе с нами, священнослужителями, выслушал Канон ко причащению и молитвы на сон грядущим.

27 апреля (10 мая) 1903. Воскресенье.

День освящения Храма в Кёото

Погода все эти дни стояла прекрасная, и сегодня день был отличный, солнечный и тихий. С раннего утра церковный двор пестрел группами собравшихся христиан. Собрались же христиане из 23 окрестных, ближайших на юг и север Церквей, всего 134 человека; кроме того, катехизаторы 18 Церквей прибыли, и 3 ближайших священника сочли возможным оставить на несколько дней свою паству. Вместе с 97 кёотскими христианами это составляло довольно большое для новой, среди язычества возникающей Церкви общество.

К сему нужно присоединить немалое число слушателей Учения, почти уже христиан, также собравшихся и из соседних Церквей, и из Кёото к торжеству освящения храма.

С восьми часов совершено было одним из иереев (отцом Сергием Судзуки) водоосвящение.

В девять часов раздался звон к Богослужению Храмоосвящения и Литургии. Первый звук православного колокола торжественно прокатился по чистому и светлому утреннему воздуху Кёото и достиг уха Японского Императора, который в эту минуту, окруженный 280 высшими лицами империи, трогался из своего дворца, неподалеку от которого находится миссийское место, на станцию железной дороги, чтобы отъехать в Токио. Он обратил внимание, прислушался и молчаливым вниманием узаконил православный звон в его древней столице, японской Москве.

По трезвону в семь колоколов изящного производства господина финляндского в Москве, произведенному опытным звонарем из Токио, епископ вошел в церковь с обычною торжественною

встречею, облачился, и начат был чин освящения храма. Все совершалось, конечно, на японском языке, в переводе, вразумительном для всех предстоящих, и совершалось вполне по чину. <...> Храм был буквально переполнен. Он построен на пятьсот человек, но в нем было далеко за шестьсот. Кроме христиан и оглашенных христианским учением, которых было до четырехсот, здесь было много инославных, особенно протестантов, и больше всего нехристиан. Из последних наиболее почетные занимали большое место за левым клиросом, место, назначенное для них и к которому они были проводимы. Приглашены были к освящению все власти города, числом до сорока пяти лиц, начиная с губернатора Кёото, но, тоже начиная с губернатора, наиболее важные лица все должны были находиться в это время при Императоре, почему и не могли быть у нас; все же прочие приглашенные, в обязанность которых не входило находиться при Императоре во время его отъезда из Кёото, были у нас в церкви. Не вместившиеся в церкви нехристиане теснились у церкви, прислушиваясь из открытых дверей и окон к тому, что поется и читается внутри. Всех собравшихся на освящение христиан и нехристиан было свыше тысячи человек. Во время чтения Часов двое кёотских катехизаторов были посвящены, как предположено было: один — Иоанн Исохиса — в чтеца, другой — Акила Хирота — в чтеца и иподиакона; а на Литургии Акила Хирота был рукоположен во диакона. Молитвенное настроение христиан и священнослужащих во время освящения храма и первой совершенной в нем, по освящении, Литургии, видимо было самое теплое и усердное. Инославные и нехристиане все время соблюдали тишину и внимательно следили за всем совершаемым. По окончании Литургии епископом произнесено было слово, соответствующее случаю. В нем не столько имелось в виду наставление христиан, которым известны истины Вероучения, сколько вразумление инославных и язычников, соблазняющихся внешностью и зло толкующих ее. Кончилось Богослужение почти в два часа пополудни. <...>

Праздничное настроение всех вновь перешло в молитву, когда в шесть часов началась Всенощная. Провинциальные христиане особенно старались не пропустить ни одного момента совершавшихся Богослужений. Им в первый раз приходилось молиться в таком благолепном храме, при таком торжественном Богослужении и прекрасном пении, и потому они все время были в самом высоком молитвенном настроении и в восхищении. «Истинно мы не знали, в теле ли мы, или вне тела, на земле ли, или уже перенесены в Царство Небесное», — признавались многие из них после Богослужений. Истинно благочестивое настроение всегда рвется перейти в благочестивое дело. Здесь было то же. Собравшиеся христиане, видя ликование кёотских, что у них есть такой прекрасный храм, давали себе обет всеми мерами отныне стараться поскорее и у себя построить такой же. И это не праздно. После Всенощной у меня был разговор, между прочим, с христианином из Тоёхаси, Петром Танака, приемным сыном благочестивых стариков Симеона и Нины. Он видимо горит желанием поскорее осуществить давно уже возникшее у христиан Тоёхаси намерение построить храм. Правда, Церковь эта состоит из людей зажиточных, между которыми Танака считается одним из первых богачей в городе, и им нетрудно осуществить это (место под храм у них уже и куплено за 3 тыс. ен); но и возбужденная ревность других, при помощи Божией, принесет со временем такие же плоды; а пока — этот возжженный и ярко пламенеющий в душе огонь сколько осветит и очистит темных уголков в душе и сколько вообще сотворит нравственного блага!

В промежутках между Богослужениями храм постоянно был наполнен как христианами, старавшимися поближе рассмотреть иконы и весь такой прекрасной работы иконостас, так и любопытствовавшими язычниками. Последним давал объяснение и знакомил их с вероучением, указывая на иконы, назначенный для того благочестивый пожилой христианин города Кёото, пожелавший служить Богу именно этим: всегда состоять при открытом храме и любопытствующих посетителей из язычников знакомить с христианским вероучением, иллюстрируя свои слова указанием на святые иконы, в полном составе которых на иконостасе выражены самые важные догматы Православной Христианской Веры. Нужно еще заметить, что иконы сами по себе привлекают всех своим высоким художественным исполнением, а христиан, кроме того, своим истинно

церковным характером. Некоторые из них, как храмовая праздничная икона Благовещения Пресвятой Богородицы, главные иконостасные — Спасителя и Божьей Матери, иконы Святителей Николая и Иннокентия — так прекрасны, что взор не хочет оторваться от них; и тут-то сказывается, особенно для христиан, как важна хорошая иконопись для храма, в котором все предназначается к тому, чтобы очищать и освящать душу, умилять ее и возбуждать к молитве. При взгляде на этого Ангела в иконе Благовещения так и просится на уста благодарение Богу, что у каждого из нас есть Ангел-Хранитель; но, перенося взор на святой лик Пречистой Девы, чувствуешь стыд, что несохранением своей души в чистоте отгоняем от себя этого прекрасного стража, так любовно пекущегося о нашем спасении; от взгляда на кроткий лик Богоматери с Богомладенцем и на учащего Спасителя льются в душу умиление и радость, что Бог так преискренне близок к нам, но и печаль при мысли, что мы ограждаем себя от Него стеною грехов; строгий и вместе милующий вид Святителя Николая Мирликийского, важный и вместе ободряющий лик Святителя Иннокентия Иркутского — все-все и привлекают к себе красотой иконописи, и возбуждают соответствующие чувства и мысли, освежающие и очищающие душу у смотрящих на них.

28 апреля (11 мая) 1903. Понедельник.

В Кёото. Пред Литургией положен на Жертвенник Синодик, в который внесены имена всех известных нам благотворителей и жертвователей, содействовавших построению и украшению Святого Кёотского храма для всегдашнего поминовения их на проскомидиях.

С девяти часов началась Литургия, отслуженная соборне епископом с тремя иереями. Четвертый, лучший из наших проповедников, отец Иоанн Оно вместо Причастия сказал слово о важности настоящего торжества, о необходимости храма для христиан и о том, как пользоваться им для душевного спасения. Храм почти так же, как вчера, наполнен был христианами и не христианами. По окончании Литургии отслужен был Благодарственный молебен, заключившийся молитвою о жертвователях и благотворителях святого храма сего и многолетием им.

<...> С семи часов началась в церкви проповедь для язычников и продолжалась почти до десяти. Слушателей было человек двести, кроме христиан. Сначала говорил, больше часа, осакий катехизатор Фома Танака, на тему «Отношение нравственности к религии». Говорил красноречиво и убедительно, только слишком многословно и в иных местах не в меру резко обличительно, что едва ли убеждающим образом может действовать на язычников. За ним я сказал самое необходимое в первый раз слушающим язычникам о Боге Триедином, о сотворении мира и человека, о грехопадении, о необходимости искупления и о том, что, кроме Бога, никто не может спасти человека, и что Бог спасает его, ставши Богочеловеком, и так далее. Речь продолжалась час и три четверти, слушатели были очень внимательны; видно, что именно за такую, то есть чисто религиозную, проповедь они приходят, а им часто не дают ее, то есть проповедник уклоняется в сторону, говорит Бог весть о чем, только не о Боге — Творце и Искупителе; приходят за хлебом, а им дают камень. Отчасти такова была проповедь Танака. Особенно молодые катехизаторы страдают этим недостатком: уклонением в сторону от единого на потребу — в область физики, истории, этики и тому подобного; ну и бесплодны оттого: слушатель, пришедши раз, в другой раз не завернет.

29 апреля (12 мая) 1903. Вторник.

В Кёото <...> Вечером, с семи часов, в храме была проповедь. Слушателей собралось человек до ста. Говорил сначала молодой проповедник из Вакаяма, Тимофей Ирино, и говорил именно так, как не следует; целый час твердил о «Ямато тамасии», что, мол, гордиться ею не должно, что и у других народов есть своя «Ямато тамасии», что она имеет недостатки, и прочее все в том же роде; через каждые два-три слова «Ямато тамасии» летела у него с языка. Я потерял всякое терпение слушать эту

болтовню, могущую только раздражать слушателей, так как он в глаза ругал их, и два раза посылал отца Мии тихонько остановить его, но поток еще долго лился. Зато потом, когда вышли из церкви, я пред всеми катехизаторами сделал ему выговор. После него говорили Петр Исикава и Василий Таде — более содержательно и полезно, но у первого слишком длинны были подобию, второй уклонялся в стороны, например, в излишне многословный разбор возражений, в роде «зачем нам проповедь из России» и подобное. В заключение отец Петр Сибаяма, священник из Нагоя, протанцевал словом и руками (иначе не могу выразиться) — так он живо и манерно лил свою речь и так быстро жестикулировал руками. Слушатели едва ли уловили смысл говоренного им, — слишком уж быстро и безостановочно все лилось. Ему я тоже сделал после замечание, чтобы «говорил проповедь не как внушает ему очень подвижная и живая его натура, а как требует польза слушателей; иначе вотще пропадает его же труд». Проповедь его сегодня была очень содержательна, а из нее едва ли малая крупица запала в понимание слушателей... Мое имя, как проповедника, не стояло сегодня на выставленных на улице крупных объявлениях о проповеди; но жаль мне стало слушателей, — с таким вниманием они битых два часа сидели и слушали или малополезное, или малопонятное для них. Потому, когда кончил отец Сибаяма, я стал у стола и тоже произнес проповедь, стараясь как можно быть понятней и полезней слушающим. Еще час просидели они с неразвлекаемым вниманием. Я начал словами: «Отец Небесный невидимым прикосновением тронул ваши сердца и побудил прийти сюда». Кончил словами: «Итак, дорожите любовным зовом Отца Небесного; не перестаньте приходить сюда за полным познанием Его Воли и озарением ваших душ Его Благодатию». Между слушателями были богатые купцы, учителя школ и врачи. <.,>

3 (16) мая 1903. Суббота

Послал письмо отцу игумену Пантелеймону, настоятелю Мироносицкой Пустыни в городе Царевококшайске, Казанской губернии. Зову его сюда. Пусть подает прошение в Святейший Синод о назначении его членом здешней Миссии, если желание его не переменялось и если нет других препятствий.

Господь Бог да сотворит Свою Волю о нем!

Кирилл Мори, кончающий курс в Семинарии, сын покойного отца Никиты, приходил просить об отправлении его в Академию, да как хитро!

— Я буду там на своем содержании. — говорит.

— Где же вы возьмете его? — спрашиваю.

— Одно лицо будет давать мне.

— Это так же, как Даниила Кониси? Богач Козаки, его родной, обещал содержать его в Академии и обманул, предоставив мне лично тратиться на то; и мне воспитание Кониси в России стоит около двух тысяч рублей, а он еще, вернувшись, тоже обманул — бросил службу Церкви. Не хотите ли повторить эту историю? Только я не согласен.

— Меня будут содержать не японцы.

— Кто же?

— Не могу сказать. Мне он запретил это.

— Как же вы хотите, чтоб я ходатайствовал о допущении вас в Академию, не будучи уверен, что ваше содержание там обеспечено?

Затем я говорил ему, что ему думать об Академии вовсе не следует: способности у него посредственные, здоровье ненадежное; пусть воодушевится желанием послужить ближним тем, что уже приобрел; ему двадцать два года — служить уже пора и прочее, и прочее. Но едва ли не к стене горюх.

5 (18) мая 1903. Понедельник

Георгий Абе, из Оцу, восхищенно пишет: 17 человек у него крестил отец Игнатий Мукояма, и он счастлив этим успехом своей проповеди. «В Оотавара я умирал от бесплодности моих стараний, здесь же ожил», — пишет. Просит много книг и брошюр, так как еще много новых слушателей у него: послано, хотя не в таком количестве, как просит; он из увлекающихся — не всякое слово надо понимать буквально.

Павел Кацумата из своего захоlustья просит принять двух в Женскую школу. Впрочем, на их содержании; можно записать кандидатками.

9 (22) мая 1903. Пятница.

Праздник Святителя Николая Мирликийского

С семи часов Обедня, молебн, поздравления, угощения. Последние с нынешнего года без вин, ибо прошлогодним Собором определено «угощений вином не делать и не принимать». Очень разумное и нужное правило, которому, конечно, должен следовать и я. И для катехизаторов, особенно молодых, и для самих священников это очень полезное постановление. Пусть оно отныне всегда неизменно исполняется! Лимонад и прочие невинные воды пусть заменяют вина во время угощений, как бы оные важны и торжественны ни были.

10 (23) мая 1903. Суббота

До обеда перевод. С часу — на концерте нашего «Общества молодых людей (Сэйнэнквай)», устроенном в протестантском доме «Сэйнэнквай», недалеко от Миссии, по причине тесноты наших помещений. Устроил Василий Ямада, начальник «Сэйнэнквая», для сбора на расходы по случаю имеющего состояться в июне прибытия сюда русских учеников и туристов из Владивостока, имеющих главною целью осмотреть выставку в Нагасаки, но ожидаемых и здесь. Пели наши семинаристы и старшие ученицы Женской школы вместе с молодыми учительницами и даже некоторыми кончившими курс и ныне рассеянными по городу — или у своих родителей, или и замужем. К семинаристам тоже присоединились из города умеющие петь катехизаторы, и даже совсем посторонние, как Евграф Кураока, когда-то ученик Семинарии, потом солдат, потом чиновник в Хакодате, ныне ученик Русской Правительственной школы. Пели под управлением двух дирижеров — Ивана Накасима и Петра Тоокайрин. Спелись предварительно отлично, каждый день последнее время одна или две спевки слышались здесь, в доме Миссии. Пели: Накасима с хором «Херувимскую», «На реках Вавилонских», один ирмос; Тоокайрин (по-русски): «Милость мира» и «Кресту Твоему». Пропели безукоризненно хорошо. Публика наполняла зал; большею частью была молодежь из разных школ; все пропетое сопровождается аплодисментами. Начали концерт почти в два часа, кончили в половине пятого. Из иностранцев был я один. Вчера посетившая меня Посланица и другие русские из Посольства взяли билеты и деньги заплатили, но на концерте, к сожалению, никто не был. Несомненно были бы многие протестантские миссионеры, так восторгающиеся нашим церковным пением, но объявлений на английском языке не было сделано, да и японские объявления были очень скромны и ограничены: боязнь была, что на концерте могут устроить неприязненную демонстрацию, если станет известно, что дается в пользу русских учеников, — теперь все газеты так неприязненно настроены относительно русских из-за Маньчжурии. В промежутках нашего пения были: игра на фортепьяно, вместе на фортепьяно и скрипке, соло пения Ив. Накасима, игра трех слепцов с пением на кото. Все серьезное и серьезно исполненное.

По окончании концерта все наши певцы и певицы собрались здесь на чай, выпрошенный для них вчера Василием Ямада. Пред чаем Ив. Накасима просил меня поблагодарить их за труд, а также сказать, чтобы вперед, хоть раз в неделю, собирались делать любительскую спевку, на случай

подобных концертов, не как ныне, когда ежедневными усиленными спевками утомили голоса. Чай был приготовлен Никанором с бисквитами в клубе «Сэйнэнквай» — для кавалеров, в противоположащей столовой миссионерской — для барышень. Я вошел, когда еще чай не налит был всем, вызвал всех в соседнюю классную залу и произнес им речь, сущность которой следующая: «Пятнадцать лет тому назад капитан Макаров, ныне знаменитый русский адмирал, услышавши наше пение на Литургии, на которой он был в мое отсутствие, когда я отлучался в Сендай, настаивал, чтоб я заявлял наших певчих вне Миссии — и на пользу Православной Веры, и на пользу эстетического развития Японии. Я отвечал ему, что еще рано. Ныне, по-видимому, настало для этого время. Вы, поя так прекрасно, как ныне пели, действительно и являете, что Православная Церковь обладает самым лучшим способом восхваления Бога и выражения всех других подобающих чувств при Богослужении, чем все другие христианские общины, и служите своему Отечеству ознакомлением всех с самым высшим родом искусства в области музыки... Вокальная религиозная музыка в России из всех стран света наи-более развита, пересаживайте же ее сюда и для пользы вашего Отечества, и во славу вашей собственной уже Православной Церкви. Не нравится мне одно — что вы с духовными песнями в концерте соединили светские; в России это не водится; благочестивые русские осудили бы это. Но здесь пока еще и тени мысли нет ни у кого о неприличии сего. Итак, пусть это на сей раз пройдет незамеченным. Даже и впредь может случиться это. Но желательно, чтобы на нашем духовном концерте вперед пелось одно духовное. Все светское — и кото, и скрипку, и фортепяно, и светские песни — все имеют возможность слышать во множестве других мест. Пусть у нас слышится только духовное, чего не могут нигде в другом месте услышать, и я уверен, что и на наши такие концерты будут собираться не менее, чем ныне собрались...»

11 (24) мая 1903. Воскресенье

Отец Матфей Кангета пишет между прочим о христианах в Оккава, которых там пятнадцать душ в четырех домах, но которые имели усердие уже устроить молитвенный дом, приспособив для того кладовую, и очень ревнуют об умножении членов Церкви, но катехизатор Яков Ивата не отвечает их желаниям, почему они недовольны им и собираются просить себе другого катехизатора. Отец Матфей находит, что Яков Ивата лишен способности управлять Церковью.

13 (26) мая 1903. Вторник

Отец Борис Ямамура пишет, что «Александр Хосокава, катехизатор в Хацинохе, живет с младшею сестрою умершей своей жены к соблазну христиан». Убуждал отец Борис его прекратить скандал, отослать сестру домой, но он не слушается. Просит отец Борис исключить его из числа катехизаторов. Конечно, сейчас же написано Александру Хосокава, что он отставляется от должности катехизатора за бездеятельность и за зазорное поведение.

19 мая (1 июня) 1903. Понедельник

Так как появилась чума (pest) — в Йокохаме тридцать домов, зараженных ею, сожгли, в Токио тоже кое-где видна, то полиция требует от всех обывателей, и от нас в том числе, радикальной очистки домов. Спросили мы: «Нельзя ли до каникул подождать, когда у нас обыкновенно производится очистка и ремонт везде?» — «Нельзя», — говорят. Что же, и дело! Почистимся и мы: ребята пусть повытаскают «татами» из своих комнат и повыбьют пыль из них; в то же время под полами и на потолках все будет очищено прислугой с помощью плотника. В Женской школе девчонки сделают то же. Береженого Бог бережет.

20 мая (2 июня) 1903. Вторник

Так как Антоний Кубота умер заразительным тифом, то тело его из госпиталя, согласно санитарным правилам, препровождено было за город в крематорию для сожжения, и сегодня доставили сюда в небольшой урне пепел, над которым в Крещальне товарищи его усердно читали Псалтирь. Прибыл и отец его, по званию земледелец, — жаль бедного!

21 мая (3 июня) 1903. Среда

В час пополудни отпели Антония Кубота соборне. Вместо гроба стояла на столике урна с его пеплом, покрытая гробным небольшим покровом. Отец его возьмет ее домой, чтобы похоронить на семейном кладбище.

Все эти дни я справлял корреспонденцию в Россию по поводу освящения храма в Кёото — благодарил жертвователей, описывал это освящение для напечатания и тому подобное. Сегодня кончил. И слава Богу! Много времени отнял у меня от дела этот Кёотский храм.

30 мая (12 июня) 1903. Пятница

В четыре часа посетил Миссию сегодня прибывший в Токио русский военный министр А. Н. Куропаткин со свитою, состоявшею из десяти человек, военных и штатских; в числе последних был знаменитый доктор Пясецкий. Министр и все прежде всего зашли в Собор, потом ко мне. Я предложил осмотреть Семинарию и Женскую школу, что и сделали. Министр был очень ласков и любезен. <...>

31 мая (13 июня) 1903. Суббота

Положил с этого времени перевод Богослужения делать полный с показанием всего Устава: где на восемь, там так и писать на восемь, где дважды или трижды стихире повторить, так и упоминать это, словом, все как есть в славянском подлиннике. До сих пор не было этого, так как имелось в виду лишь настоящее время, настоящая немощ исполнять все по Уставу. Но с Праздничной Минеи пора оставить это, а располагать на будущее; в будущем же виднеются и монастыри, где захотят исполнять весь Устав; а где же они возьмут сведения о нем, если не найдут их в переводной книге?.. На ранней Обедне сегодня, во время молитвы, о переводе же пришло это решение.

Сегодняшние газетные телеграммы извещают, что в Сербии Король Александр и Королева, его жена, убиты ночью в постели; Первый Министр и еще разные там перебиты. Войско учинило революцию. На престол вступил Карагеоргиевич. <...>

1 (14) июня 1903. Воскресенье

Приходили из редакции одной газеты спрашивать про религиозность нашего министра Куропаткина: «Слышали-де, что он религиозен, так дайте материал для описания сего». А какой же я материал дам, коли сам ничего не знаю о нем в сем отношении? Да и хороша религиозность: побыл ли он сегодня в церкви? В Посольстве службы нет — там обычай с праздника Троицы затворять церковь до сентября: мол, дачное время. Думал я, что Куропаткин или кто из свиты придут помолиться с нами — ни единого! Хоть бы из любопытства — как это, мол, читают и поют по-японски. И того нет!

2 (15) июня 1903. Понедельник

Собирались сюда из Владивостока в июне человек сто школьников и с ними человек тридцать больших, членов туринг-клуба, посмотреть в Осака выставку, посетить и Токио; подняли тревогу, здесь за них везде хлопотали, чтобы доставить им возможные удобства и облегчения. И вдруг сегодня

уведомление, что не будут — не состоялось почему-то путешествие. Хвалилась синица зажечь море, да так и не зажгла.

3 (16) июня 1903. Вторник

У отца Якова Мацуда, в описании им своего путешествия по приходу, говорится, между прочим, как в Касуяма, у Никанора Акита восьмилетняя дочь Мария, совсем на смертном одре лежавшая, приобшившись Святых Тайн, неожиданно для врачей и всех быстро выздоровела, что родители приняли как явное чудо.

Милости Божией и просили отца Якова отслужить благодарственный молебен.

Отец Николай Сакурай пишет, что в Иванай Петр Сибуя пожертвовал под Церковь участок земли в 455 цубо, за который ему бонзы, которых кумирня прилежит к этому участку, давали тысячу ен. Дарственную на имя отца Николая прислал он для хранения здесь, в Миссии. Да благословит его Бог за усердие к Церкви!

4 (17) июня 1903. Среда

Язычник Капано, в прошлом году почти в такое же время принесший 300 ен пожертвования на Церковь, сегодня принес в девяти конвертиках по 10 ен (только в одном оказалось 5 ен, всего 85 ен) на Церковь и вручил это в Соборе Иову Накацука, который доставил мне.

Отец Феодор Мидзуно вернулся с обзора Церкви в Коофу; говорит, что Церковь несколько оживляется после моего укорительного письма катехизатору Стефану Тадзима за его бездеятельность; есть несколько новых слушателей Учения в Коофу и окрестности, которых Тадзима старается приготовить к крещению. Ныне же отец Феодор крестил только двух младенцев и исповедал и приобщил взрослых христиан.

6 (19) июня 1903. Пятница

Является неожиданно Эраст Миясина, в усах, настоящим джентльменом, а бесплоднейший из катехизаторов.

— По какому случаю?

— Мать больна.

— У священника-то спросились?

— Нет, после спрошусь.

— По проповеди у вас такой же застой, как всегда?

Молчит, потом молвит:

— Переведите меня в Токио (теперь он в Каминохиса, у отца П. Сагава).

— Это чтоб дома жить, ничего не делая, и за это получать содержание?

— Я буду трудиться.

— Да ведь вы же до сих пор нигде не показали признаков труда.

— Здесь покажу.

— Пусть ваш священник на Соборе выскажет вашу просьбу.

Это первый младенец, крещенный мною в Токио. И жаль его, и горе с ним.

7 (20) июня 1903. Суббота

Иоанн Игуци, когда-то катехизатор, потом полицейский, убивший жену другого полицейского, чтобы ограбить его, ныне каторжник в тюрьме на острове Эзо в Цукиката-мура, Кабато-гоори, хочет исповедаться и приобщиться. Ведет он себя ныне хорошо, постоянно просит отсюда то христианских книг, то английских учебников. Но исповедь ему едва ли возможна: по тюремным правилам ему можно говорить со священником только в присутствии надзирателя и вслух его. Надо поговорить с отцом Николаем Сакураи, когда он прибудет на Собор — не может ли он выпросить позволение исповедать Игуци без свидетеля и потом приобщить его Святых Тайн.

8 (21) июня 1903. Воскресенье

Приходил Иван Накасима, регент церковного хора в Коодзимацци и вместе студент японской Консерватории в Уено; держал речь, продолжавшуюся больше часа; я молча слушал. Сущность: «Пение у нас в соборе плохое: переложения Бортнянского все никуда не годятся; учителя пения — Львовский, Обара, Кису — не заботятся о порядочном обучении. Нужно вызвать из России хорошего регента; сделайте это». Мой ответ ему вкратце: «Переложения Бортнянского, быть может, не точны, но не дурны, и исполняются у нас в Соборе порядочно. Вообще пение у нас в соборе можно больше хвалить, чем хулить. Учителя могли бы учить и лучше, но и так, как учат, сносно. Для трех часов в неделю, употребляемых на класс пения, успех, какой есть ныне, достаточный. Больше же употреблять на пение мы не можем, здесь не специальное училище пения. Вы, если можете лучше переложить Бортнянского или других русских композиторов на японское пение, сделайте это. Если выйдет лучше, то все будут рады, и в Церковь можно ввести это. Или же постарайтесь сами произвести что-либо оригинальное. Должно начаться здесь чисто японское церковное пение, как оно началось в России, принявшей сначала греческое. Если сочините что-нибудь удачное, истинно все рады будут. Что до улучшения хорового пения, то образуйте произвольный хор из любителей пения в Семинарии и Женской школе и упражняйте его. Если он станет петь лучше нынешнего соборного, то можно будет ставить его в Соборе на Богослужения. Чтобы вам не мешали образовать произвольный хор и учить его в часы отдыха, не будьте такими жесткими, как костра (отходы после трапезы), а соблюдайте добрые отношения с начальствующими в школах и с нынешними регентами», и так далее.

9 (22) июня 1903. Понедельник

Начальница школы Елисавета Котама приходила с расписанием экзаменов и другими делами и рассказала, между прочим, следующий курьезный факт: четыре ученицы третьего приготовительного класса — Екатерина Хагивара (дочь Текусы, инспек-трисы, внучка отца Иоанна Сакаи), одиннадцати лет; Фива Оно (дочь катехизатора Фомы, внучка отца Павла Сато), одиннадцати лет; Сусанна Огата, двенадцати лет; и Нина Конаса, двенадцати лет — хотели убежать из школы, чтобы поселиться в пустыне, между Аомори и Сендаем, в сделанном ими шалаше, жить там монашками и отмаливать свой грех. Пятая же, Екатерина Имамюра (дочь умершего катехизатора Варнавы), одиннадцати лет, участвуя в заговоре, оставалась в школе только затем, чтобы доставлять им в пустыню для пропитания хлеб. Прочие товарки того же класса, хотя в грехе участвовали, но не решились сделаться монахинями, а только дали слово хранить молчание о поступке бежавших. Грех же, приведший к такому отчаянному решению, заключался в следующем: одна из их учительниц, Христина Хасуике, строго обращалась с ними, то есть бранила их иногда — которую за плохое знание урока, которую за шалость, так как они все в классе, как на подбор, народ очень живой и резвый. Это, наконец, вывело их из терпения, и они сговорились наказать учительницу. Но как? Придумали: олицетворить ее в «сакура» (вишневом дереве, которые у них в садике пред глазами и которые так прекрасно цветут весной) и проклясть. Сказано — сделано: собрались все сердитые и, обращаясь к сакура, молвили вслух: «Пусть

на тебе не будет цветов будущей весной!» Хотели они учинить этот грех тайком от всей прочей школы, но, увы, не удалось! Подслушали товарки первого класса, то есть почти такая же мелюзга, как они сами, только годом старше, и напали на них с проповедью покаяния. Грешницы почувствовали всю тяжесть своего преступления и до того были поражены раскаянием, что решились всю жизнь посвятить на замаливание своего страшного греха; а так как, живя в школе, а потом в мире, это сделать неудобно, то и задумали оставить школу и мир. Так как все они с севера родом, то с пустыней ознакомились еще раньше, из окна вагона; ее и облюбовали ныне под свой монастырь. Все четверо тайно приготовились — понавязали себе в узелки все, что сочли нужным: кое-что из платья — немного (много зачем же монахиням!), а главное — молитвенники, религиозные брошюрки; не забыли и кусочков булки, какие успели пособрать. И вот на днях вечером, когда среди занятий дается полчаса на отдых, двое из них, Екатерина Хагивара и Фива Оно, незаметно, с узелками, выбрались за ворота. Так как в школьных воротах они боялись попасться, то пробрались по залворью школы к воротам у дома отца Павла Сато и скользнули в них; но и здесь были замечены — увидели от отца Павла, что двое маленьких учениц почему-то выбежали; недоумевая об этом, тотчас же дали знать в школу: пересмотреть, все ли дома? Это подняло некоторую тревогу, помешавшую двум другим последовать за товарками; их приготовленные узелки захвачены были у угла школьного здания. Между тем бежавшие товарки их ждали; видя, что их не догоняют, бежавшие, уже спустившиеся было вниз по улице, вернулись на уровень дома врача Сасаки. Здесь они и были захвачены пустившеюся за ними погоней. Погоню эту составляли, по немедленном уяснении, кого нет в школе, дочь и сын отца Павла Сато; последний, то есть сын отца Павла, Иосиф, сам тоже двенадцатилетний, схватив свою племянницу Фиву за руку и ведя ее обратно в школу, всю дорогу делал ей реприманды [внушение], как подобает дяде, рассерженному неприличием поступка племянницы и считающему свою обязанностью учить ее. Из этого реприманда, буквально переданного мне, я между прочим узнал, что мать Фивы, Фотина, в свое время тоже собиралась бежать из школы по благочестивому побуждению (эта вместе с тогдашней своей товаркой по классу Надеждой Така-хаси, нынешней начальницей Женского училища в Кёото, задумывала бежать в Нагасаки, чтобы оттуда пробраться в Россию в какой-нибудь женский монастырь и сделаться монахиней). По водворении бежавших в школе разобрана была вся их история и сделаны соответствующие вразумления, которые успокоили все. Однако же не всем детям это прошло очень легко: Екатерина Хагивара, очень нервная по природе, до того расстроилась, что и до сих пор несколько больна. Последнее обстоятельство послужило и началом всего этого разговора. Я спросил Елисавету: «Отчего в воскресенье не было Кати Хагивара в церкви, не больна ли?» В ответ на что Елисавета и стала рассказывать эту историю. Я заключил наставлением, чтобы учительницы были осторожны в своих выговорах, не раздражали детей и не вызывали их на такие поступки.

10 (23) июня 1903. Вторник

Начались экзамены. Сегодня был в седьмом классе (выпускном ныне) Семинарии, где шесть учеников. Отвечали по толкованию Евангелия толково, но на задаваемые возражения оказались недостаточно рассуждающими. Во втором, тоже выпускном, классе Катехизаторской школы четыре ученика порядочны.

Отец Роман Фукуи пишет, что не мог отправиться на военном судне для посещения христиан-курильцев (с Сикотана) — судно замешкалось, он не мог бы успеть сюда на Собор. Пишет еще, что начальником Сикотана назначен чиновник, у которого жена наша христианка и двое детей крещены; это для христиан Сикотана очень хорошо.

Отец Яков Мацуда просит «назначить одного христианина катехизаторским помощником прямо, без прохождения им Катехизаторской школы — и красноречив-де, и усерден, а в школу не может: семью не на кого оставить». Нельзя никак; подать пример — отбою не будет от претендентов на

17 (30) июня 1903. Вторник

На экзамене в первом классе Семинарии по русскому языку: на память отлично читали разные правила о предлогах из «Грамматики» отца Сергия Глебова, а склонений и спряжений, начиная с третьего ученика, никто хорошенько не знает. Жаль, что я не присмотрел прежде. Ив. Ал. Сенума — теоретик, практически рассуждать не мастер; теперь только и сам убедился, что ненужное заставлял учить. Вперед опять будет употреблен учебник «Краткая грамматика» Кирпичникова.

Отправлены на крейсер «Джигит» русские воспитанники Федор Легасов и Андрей Романовский для следования в Порт- Артур на каникулы к родным, так как «Джигит» уходит завтра. Романовский сказал, что отец его просил привезти для чтения: Жизнь святого Ефрема Сирина, Златоструй и еще что-нибудь из святых Отцов. Я послал ему Добротолубие, Псалтырь, святого Ефрема Сирина и еще две книги святых Отцов. Он служит в Ново-Муклене десятником — донской казак; видно, что настоящий русский благочестивый человек.

20 июня (3 июля) 1903. Пятница

На экзамене в Женской школе по Закону Божию. Сегодня здесь и закончились экзамены. Всех учениц ныне 83.

22 июня (5 июля) 1903. Воскресенье

До Литургии крещены 14 взрослых и детей. За Литургией были русские: студент Восточного института во Владивостоке — офицер и жена его; первый говорил у меня за чаем, что его служба наша взволновала больше, чем когда он был под пулями на Китайской войне; жена его сказала, что она тоже чуть не расплакалась; она тоже была на Китайской войне сестрой милосердия и имеет на груди медаль за службу. Сетовали они, что о Миссии ничего не известно в печати. Не настолько еще возрастна она, чтоб быть известной.

24 июня (7 июля) 1903. Вторник

С 9 час. почти до 11 был выпускной акт в Женской школе. Кончили курс пятнадцать, из них, впрочем, три не были налицо — больны, отосланы на родину раньше. Молитва, чтение списков, раздача дипломов окончившим, похвальных книг другим — первым каждого класса, передача по куче книг — самых главных, религиозных, начиная с Нового Завета, окончившим. Моя небольшая речь им: «Выходите с радостью, но отчасти и с печалью, после столь долголетнего пребывания здесь, выходите на радость, но еще больше на печаль мира, а главное на жизненный труд, который есть долг, назначенный от Бога всем живущим. Чтобы этот труд был легок, посвящайте его Богу. Сказано: "Молитесь непрестанно". Пусть будет ваш жизненный труд так свят и угоден Богу, как молитва, а для сего всегда кладите на него печать Божию — освящайте начало всякого дела молитвой и кончайте его благодарением Богу. Простая бумажка делается почтенным денежным знаком в 5, 10, 100 ен, приняв на себя Императорскую печать; так всякое дело, как бы оно, по-видимому, непочтенно было (например, приготовление пищи, шитье платья), делается святым и угодным Богу, если делать его во Имя Божие. Бог назначил людям все эти дела. Без пищи, без одежды нельзя жить человеку — Создатель Господь так установил; значит, исполняя их, человек творит Волю Божию и этим не только исполняет свято свой жизненный долг, но и готовится для себя Царство Небесное, ибо сказано: "Где Я буду, там и слуга Мой — исполнивший Мою Волю — будет"», и так далее. Потом чтение одной из выпускных (Марией Кангета, дочкой отца Павла) благодарственного адреса; чтение

воспитанницами четвертого и третьего курсов речей, обращенных к выпускным, и пение ими же прощальных стихов своего сочинения. В заключение выпускные пели прощальную свою песнь школе — четыре строфы стихов своего сочинения, весьма милых и трогательных. Затем следовала, в первый раз нынче, игра на кото: принесли четыре инструмента, и на них сыграли учительница Евфимия Ито и три ученицы четвертого класса весьма стройно. Им даны свидетельства об окончании ими ученья на кото. Пропели «Достойно есть»; я дал 6 ен на «симбокквай» ученицам; начальница Ел. Котама пригласила всех гостей в большую классную во втором этаже, где по столе приготовлены были печенья, а выпускные всем разнесли в стаканах китайский чай.

Вечером прибыл из священников первый на Собор отец Роман Фукуи из Немуро и привез в Женскую школу с Сикотана двух курилок — Иулиту, восемнадцати лет, уже жену одного христианина, внука Якова Сторожева, тамошнего старшины, и девочку тринадцати лет, шуструю и умную на взгляд. Обе грамотны по-японски. Муж Иулиты тоже хочет сюда, в Катехизаторскую школу, но его не отпустили; быть может, в будущем году отпустят. Нынче это первый раз, что с Сикотана начальство отпустило сюда и школу; до сих пор почему-то не соглашались, хотя мы каждый год просили. Сикотанцев хорошо подучить вере и церковным по-рядкам, чтобы они не нуждались в катехизаторе из японцев, которые так неохотно идут к ним.

25 июня (8 июля) 1903. Среда

С девяти часов выпускной акт в Семинарии. Чтение списков, объявление, что шесть учеников Семинарии кончили курс; из них два первые — Петр Уцияма и Василий Нобори — оставляются при Семинарии наставниками; Акила Кадзима поступает в общество «Айайся» в качестве переводчика духовных книг; а три — Кирилл Мори, Павел Иосида и Феодор Тоеда — делаются катехизаторами. Из Катехизаторской школы четыре человека, составлявшие второй курс, поступают в катехизаторы. Даны первым ученикам наградные книжки, в том числе и кончившим курс. Начальник школы И. А. Сенума сказал речь, после чего было пение добровольного хора семинаристов. Затем раздача дипломов кончившим курс Семинарии.

Моя речь им. Сущность ее: «Спаситель сказал своим ученикам: "Вы — свет миру". Эти слова звучат и вам в уши. Будьте же светом миру. Начну пояснение сего подобием. Представьте ясную лунную ночь; уже близок рассвет, все в доме встали, но при лунном свете могут ли хорошо работать? Нет: потому, во-первых, что далеко не видно; потому, во-вторых, что неясно видно; потому, в-третьих, что обманчиво видно. Это подобие нынешнего состояния Японии. Здесь широко разлит лунный свет — свет разных наук, и все уже встали: Япония покрыта школами. Но еще солнце не взошло, и потому что мы видим? Во-первых, никто не думает дальше сего мира. Высшие ученые авторитеты Японии объявили человека потомком обезьяны, душу человеческую уничтожимую вместе с телом, личного Бога несуществующим, и взоры всех затуманены этим мрачным учением. Не печальное ли состояние? Все так и идут в тот мир слепцами, навсегда лишенными возможности зреть Бога и все красоты невидимого мира, как слепорожденные никогда не видят солнца. Самые лучшие люди Японии нисколько не заботятся о вечной участи своей души, а ограничены исключительно заботами о нуждах жизни сей, как будто и подлинны потомки животных. Не ужасно ли? Представьте, что при выходе из сего дома налево — тигр или яма; не возьмете ли вы предосторожность уберечься от них? А при выходе из сей жизни или ад, или рай, и никто здесь не думает брать предосторожность, чтобы не попасть в первый, чрез что прямо и попадает в него. Осветите Светом Христовым, который зажжен в ваших душах, дальний горизонт для ваших соотечественников. Во-вторых, свет наук, как лунный, неясно показывает предметы. Довольно в доказательство сего указать на недавний печальный факт, как один студент, старавшийся из философии понять, что такое человек, что такое Вселенная, и не нашедши разгадки мировых тайн и проблем в ней, с отчаяния бросился в водопад, чтоб погибнуть. После него семь других молодых людей сделали то же; сколько еще последует за ними, неизвестно.

Все это лучшие молодые силы Японии. Из-за чего они гибнут? Именно из-за того, что свет солнца не воссиял для них. Мы знаем, что целая вечность пред нами для изучения тайн Божией Премудрости и что самая вечность мала для исчерпания сих тайн, что в открытии нам Божиих истин будет источник вечных райских наслаждений. А они ложкой хотели зачерпнуть безбрежный океан и умерли с отчаяния, что не удастся это. Много ли нужно для вразумления сих несчастных? Объяснение начал Христова Учения, сделанное с внушающею любовью, так, чтобы проникло в их души сквозь лунный туман. Будьте же такими объяснителями, проникнитесь любовью к вашим братьям и спасайте их от бездны. Еще лунный свет наук представляет предметы обманчиво, вместо действительных предметов — призраки, привидения. Не так ли все в Японии погружены ныне в материальный мир и его одного считают действительностью, тогда как он приходит и исчезает для каждого из нас, как призрак... Ваше дело — при Свете Христове представлять людям настоящую цену всего видимого и материального и бесконечное преимущество пред всем этим духовного, нематериального... Будьте же светильниками для ваших братьев, еще сидящих в сени смертной! Старайтесь, чтобы в вас самих свет не погас, а возгорался более и более. "Не угашайте духа". Помните, что вы можете дать свет людям настолько, насколько он сияет в вас самих...»

Потом чтение благодарственных адресов первыми учениками из кончивших, пение песни, сочиненной остающимися в Семинарии в прощание выходящим из нее, и, наконец, прощальная песнь сих последних. Акт начат и окончен пением молитвы.

Начальник Семинарии, господин Сенума, пригласил всех гостей в столовую, где приготовлен был чай и печенье. Всех гостей было тридцать; с кончившими курс десятью, которые тоже были приглашены на чай, — сорок; на печенье Никанор взял от меня по 12 сен на человека. Ученикам на «симбокквай» сегодня вечером я еще вчера (по их просьбе «дать побольше») дал 7 ен.

Возвращаясь с угощения, весьма довольный всем происшедшим, я и не воображал, что мне готовится сейчас же большая неприятность. Вслед за мной пришли в мою комнату двое из кончивших семинаристов — П. Иосида и К. Мори. Посадил их и спрашиваю: «Что скажут?» Мори говорит:

— Мы пришли сказать, что отправляемся в Россию.

— Зачем?

— Поступить в Академию.

— Какие же у вас средства на то?

— Я уже взял заграничный паспорт, платье тоже справил.

— А в Академию как поступите?

— Один человек обещал мне постараться об этом.

— Кто такой?

— Не могу сказать.

— А вы как? — обращаюсь к Иосида.

— Мне родные дают на дорогу.

— А в Петербурге как будете жить?

— Буду работать: наймусь в повара или в слуги.

— Это фантазия; чтобы быть поваром, надо знать поварское искусство, чего у вас нет; даже и место слуги нелегко найдете в Петербурге, но как же вы будете при этом учиться?

— Как-нибудь буду.

С полчаса проговорил с ними, стараясь образумить, — к стене горох! Сказал в заключение, что «моего позволения им нет», что «хлопотать о приеме их в Академию не буду» (это было бы

несправедливостью: если бы посылать в Академию, то следовало бы послать первых из окончивших), что они обрекают себя на большие бедствия, а Церковь на потерю их службы, хотя они и уверяют, что будут потом служить Церкви.

Призвал потом И. А. Сенума и поручил ему уговаривать их бросить их фантастическое предприятие. В Семинарии, кстати, еще были все учителя — кандидаты Академии; они призвали Иосида и Мори, и все вместе целый час уговаривали их оставить их намерение, представляя, что в Академию их не примут без представления и прошения отсюда, что они обрекают себя на бесполезные бедствия и подобное. Ничто не подействовало.

Так-то надежны японцы! Семь лет забот, любви, расходов, надежд — все легкий клочок дыма! А ведь какими надежными казались! Особенно Иосида, всегда являвший себя благочестивым. Мори тоже, как сын священника, по завещанию отца, должен был служить Церкви, хотя и плох по своему заносчивому характеру. Есть кто-то смущающий их; кто бы это?

В три часа приходили за последним благословением двенадцать выпускных воспитанниц Женской школы. Побеседовал с ними и благословил иконами: Божией Матери, Ангела-Хранителя и великомученицы Варвары; дал также фототипии внешнего и внутреннего вида Собора.

Из священников пришли отец Роман Фукуи и отец Андрей Метоки из Хакодате. Выслушал их отчеты о состоянии их приходо-в.

Вечером у учеников был «симбоквай» с музыкой, пением и множеством спичей. Я на него не пошел — раз, нужно было выслушать отца Метоки, потом не прошло неприятное впечатление от уходящих со службы Мори и Иосида.

27 июня (10 июля) 1903. Пятница

Целый день прошел в выслушивании священников об их Церквях. Мало радостного, больше печального: застой в проповеди, запущение в иных местах церковного дела до того, что, например, в Хацинохе, в церковном доме, живут две язычницы, одна из которых еще жена проповедника «Тенрикё», этого нового отпрыска синто-буддизма, до того безобразного, что Правительство едва терпит его. Женщин этих поселил там Павел Минамото; они — сестра его жены с дочерью, которая и есть жена того. И никто там ухом не повел от сего обещания церковного дома, где наверху Молельная комната. Господи, когда же Ты призиришь милостивым оком и дашь добрых христиан Твоей Японской Церкви?

Павел Иосида и Кирилл Мори пришли сказать, что они остаются в Японии и будут служить по проповеди. Хоть это ладно.

28 июня (11 июля) 1903. Суббота

Утром возмутило приведенное в «Japan Mail» письмо графа Льва Толстого о кишиневском возмущении народа против евреев. Этот анафематствованный еретик, как злой пес, не упускает никакого повода лаять на свое Правительство и на духовенство. И нигде во всем нынешнем шуме в газетах о кишиневских беспорядках ни малейшего намека, что евреи сами виноваты в ненависти к ним и в повременных возмущениях против них простого народа: они, как пиявки, сосут кровь окружающего их люда, ну и выводят наконец его из терпения и жестоко платятся за это. Сказал Павлу Ямада, чтобы он написал статью в «Сейкёо-Симпоо» для уяснения подлинных обстоятельств дела.

Выслушиванье докладов священников о заведуемых ими Церквях. После Всенощной — исповедь 8 священников, завтра участвующих в служении Литургии.

Не все еще священники собрались: южным мешает прибыть разлив рек и порча железной дороги на Тоокайдо.

30 июня (13 июля) 1903

Целый день священники употребили на предварительное совещание (найквай) и еще не кончили его; завтра тоже будут совещаться частно, что производится ими в их помещении Семинарии, в большой комнате на втором этаже. Я отдал им на рассмотрение все собравшиеся к Собору письма и предложения. Дело Коодзиматской Церкви и отцов Савабе особенно всех затрудняет; все стесняются откровенно высказываться, так как дело касается самого почтенного в Церкви священника, отца Павла Савабе; он тоже был на собрании, но скоро ушел, и его сын, отец Алексей, тоже скоро вернулся домой. Сендайская Церковь тоже затрудняет: отец Петр Сасагава совсем ослабел и опустил Церковь. Но как устранить такого почтенного священника от заведывания Церковью? Сам же он не осознает вреда для Церкви от того обстоятельства, что он уже давно обратился в труп и только забыли похоронить его.

1 (14) июля 1903

Опять целый день «найквай», и опять ничего путного не придумали отцы ни касательно Церкви в Коодзимаце, ни относительно Сендая и Такасаки (оттуда христиане гонят отца Морита).

Несчастные отцы Савабе! Старик выжил из ума и только капризничает и дуется, сын — глуп как баран и упорен как осел; для него Секи, негоднейший из христиан, патриархом, ему повинуются и никаких резонов не слушает. Придумали отцы вчера за целый день: «Отцу Титу Комацу, как другу отца Павла Савабе, поручить немирную часть Коодзиматской Церкви — он-де, вероятно, умирит ее и опять приведет под руку отцов Савабе. Но так как отца Павла Савабе не было на собрании сегодня, то сегодня некоторые отцы отправятся к нему доложить и сем и испросить его одобрение. По этой причине и завтра не начнется Собор с утра, разве часов с десяти можно будет начать его». Об этом секретарь «найквая», Петр Исикава, прислан был сказать мне. Но, во-первых, отец Тит вовсе не друг отца Павла Савабе, потому что отец Павел все время, пока отец Тит был священником в Сиракава, мешал ему, заправляя издали христианами, которые привыкли к нему за десять лет бытия его священником в Сиракава, когда он произвольно поселился там после неудачного восстания против меня и порядков церковных в 1884 г., — отец Тит мне же жаловался на это и горько сетовал на отца Павла; во-вторых, как это отец Тит будет умиротворять христиан Коодзимаце, будучи священником города Уцуномия? Как он будет приводить их под руку отцов Савабе, когда они рассердились на Ниццума за один только намек на это, тогда как прежде слушать Ниццума пламенно желали? Словом, неудачнее ничего придумать нельзя.

Между тем немирные Коодзиматской Церкви представили сегодня прошение Собору: просят скромно оставить их, как они есть, определив только одному из тоокейских священников исполнять требы у них.

Три священника произвели испытание христианина из Удзума, Якова Хиби, 54 года, в знании Вероучения и нашли, что он может быть принят в число служащих Церкви с званием «ходзё» (пособника); старый, весьма благочестивый христианин, Учение знает, хотя не красноречив и систематично излагать не может.

2 (15) июля 1903. Среда

С 10 часов начался Собор. Уяснено было, сколько ныне христиан в Японской Церкви (27965), сколько служащих Церкви (186). Затем приступлено к рассмотрению дел. Прежде всего — о священниках. Лишь только я объявил это, как встал отец Симеон Мии и произнес:

— Касательно немирных христиан Коодзиматской Церкви и их отношения к отцам Савабе мы решили: поручить немирных отцу Титу Комацу, чтобы он заведовал ими и привел в подчинение отцам Савабе.

Я крайне изумлен был: самый умный из священников, кандидат богословия, да еще после значительного объяснения мною ему дела вчера вечером и вручения для прочтения прошлогодних прошений и разных документов по коодзиматскому разладу, так говорит!

— Все желают этого?

— Все, мы два дня головы ломали и придумали это, — отвечают.

Все еще не веря, чтобы все были согласны на такую плохую меру умирения Коодзимаци, я потребовал, чтобы подтвердили свое решение вставанием. И все до единого встали! Я молвил только: «Пусть будет так!» И, передавая секретарю Фудзисава прошение коодзиматских христиан, прибавил: «Призовите подписавших прошение и скажите, что их просьба удовлетворена

Собором: одному священнику назначено заведовать ими, это — отцу Титу Комацу, — пусть хорошенько слушаются его».

Но восстали и против этого, отец Павел Савабе с совсем сердитым лицом говорит:

— Мы поручили их отцу Титу не вследствие их прошения. Их прошение ни при чем, по нему ничего не сделано.

Я молча взял прошение у секретаря, примолвив: «Скажите им, когда придут, то, что слышали от священников, и пошлите их поговорить с самими священниками».

Затем перешли к другим делам. Церковь в Такасаки, согласно прошению христиан, изъяли из ведения отца Павла Морита и поручили тоокейскому священнику отцу Петру Кано.

Как поднять Церковь в Сендае? Прежде всего обратились к отцу Павлу Савабе: «Поживи там и подними дух Сендайской Церкви». И нужно было видеть, как эта честь тешила старика! Он расплывался в улыбку. Я его тоже просил. Совсем счастлив он был от оказываемого почета; но не согласился. И конечно, хорошо сделал; не оживил бы, а еще больше придушил бы Церковь своим пессимизмом и вечным руганьем всех и всего в служащей Церкви. — Хотели потом отца Морита перевести в Сендай в помощь отцу Петру Сагава. Но я прямо не позволил и много спорить об этом: Маебаси-то как же осталось бы без священника?

В послеобеденных прениях хотели и совсем уж решили было Николая Такаги, катехизатора ныне в Монако, перевести на Формозу; но когда истожились и замолкли прения, я сказал, что «этого нельзя сделать — некого в Монако, а пошлется разве отец Семен Юкава на Формозу посетить христиан и преподавать им Таинства».

До 5 часов продолжалось чтение прошений о катехизаторах попеременно с речами и прениями. И еще не кончено это. <...>

5 (18) июля 1903. Суббота

Священникам понравилось жить в Семинарии: просили и всегда во время Собора помещать их здесь всех вместе, а не с катехизаторами в гостиницах. Секретарь С. Нумабе просил по этому случаю «вперед заканчивать занятия в Семинарии несколькими днями раньше, чем доселе». Этого нельзя, никак нельзя. А священников, как ныне, помещать можно по мере освобождения комнат семинаристами по окончании экзаменов. Порядок течения семинарских занятий важнее, чем случайный визит провинциальных гостей.

После Всенощной десять священников исповедались у меня в Крестовой.

7 (20) июля 1903. Понедельник

<...> Отпуск нескольких священников. Но большая часть батюшек, правду сказать, любят покейфовать и пожить на безделье, омахиваясь веером. Иных, как, например, ленивейшего о. Петра

Кавано, неподвижнейшего о. Иова Мидзуяма, придется, вероятно, и ныне, как прежде бывало, попросить направиться наконец к их паствам.

8 (21) июля 1903. Вторник

Послесоборные дела: рассылка известий о соборном определении и дорожных тем, места службы которых переменены. Таковые ныне только те, кто сами просили о перемещении или которых переменить Церкви просили, как выше это замечено. Церковь в Такасаки просила переменить священника: не хочет быть под ведением отца Павла Морита, просит принадлежать одному из тоокейских иереев. Это сделано.

Кроме того, Церковь в Такасаки перестала давать 3 ен на содержание священника. Отец Павел Морита, видя сокращение своего месячного содержания (30 ен всего) на эту сумму (3 ен), просил меня восполнить ему этот ущерб из миссийских. Я сказал ему:

— Нет! Пусть будет этот ущерб наказанием вам за то, что не стараетесь как должно обращаться с христианами. Зачем возбудили их нелюбовь к себе до того, что они бежали от вас? Вас и в Маебаси половина христиан не любит за то, что вы вмешиваетесь в дела, посторонние для вас, да еще неумением вести их возмущаете христиан против себя; таково, например, ваше сватанье и сведение весьма неудачной пары... Итак, пусть будет уроком для вас нынешняя просьба такасакских христиан. Впрочем, на этот раз восполню вам 3 ен. А вперед этого не будет.

Вновь поступил на службу бывший когда-то катехизатором Иов Хаякава. Был бесплоднейшим проповедником. И отныне, вероятно, будет таким же; но, по крайней мере, хоть чем-то вроде сторожа будет небольшой церкви в Отавара (откуда и сам), Канеда и Сануяма. Катехизатор отсюда взят Собором для более нужного места, и положительно некем было заменить его. Иов же, конечно, не по усердию к Церкви, а по бедности, давно просится у отца Тита Комацу вновь принять его на церковную службу. И вот он вызван был сюда, подвергнут экзамену от священников, не забыл ли вероучение, найден помнящим оно и назначен «денкёо-ходзё» для означенных мест. Он будет «до- цяку», то есть жить на своем месте и заниматься тем, что ныне делает для пропитания своей семьи (6 человек детей, из коих двое, впрочем, давно уже в миссийских училищах). Жалованье от Миссии ему будет 6 ен.

9 (22) июля 1903. Среда

Написанное на предыдущей странице об Иове Хаякава надо исключить — на церковную службу не поступил, ибо сегодня утром является отец Тит Комацу и говорит, что «Иов просит больше содержания, 6 ен ему мало», на что я ответил, что «пусть в таком случае и остается при том, что ныне имеет, — на церковную службу не нужен». Дал ему дорожные из деревни сюда и обратно, и дело с ним кончено. Отставленный за негодностью катехизатор чрез несколько лет не будет годнее, и к таким никогда не надо возвращаться; им только бы сесть на церковное тело и пить кровь, больше у них мысли никакой нет и не может быть.

10 (23) июля 1903. Четверг

И сегодня дело с негодным катехизатором. Есть Стефан Кондо, способный, но плутоватый и своекорыстный. Несколько раз служил катехизатором и несколько раз оставлял службу, чтобы акупунктурой добывать себе хлеб, ибо считает себя искусным «хариися». Искусство это что-то вроде шарлатанства; но в некоторых местностях он успевал приобретать доверие к нему — практики являлось порядочно; тогда он бросал катехизаторство. Когда мода на него проходила, практика истощалась, — снова просился на катехизаторскую службу. Теперь именно один из таких периодов: попросился на службу в качестве «дзикацу-денкёося», то есть «катехизатора на своем содержании».

Уловка уже известная: чрез несколько времени попросит содержание от Церкви. Тем не менее принят. И думал я, что будет он сим «дзикацу-денкёося» здесь или вернется в свои прежние места — Нагаока и окрестность. Но утром сегодня приходит отец Симеон Мии вместе с ним и просит назначить его в Каназава, то есть плутоватый Кондо хотел на хребте Церкви пробраться в новое, весьма многолюдное место шарлатанить своей акупунктурой. Говорю я отцу Симеону:

— Но вы же сами на Соборе утверждали, что к Акиле Обата ныне никого не нужно ставить; старик служит так хорошо, и это обидело бы его. Собор хотел определить туда Никиту Сугамура, но вы настояли, чтобы этого не было. Как же вы хотите ныне отменить определение Собора, вами самими так настойчиво вызванное?

Отец Мии стал было изворачиваться; но я сказал, что никак не соглашусь на отмену соборного определения без достаточного к тому повода. Кондо может отправляться в Каназава без звания катехизатора, удержать его мы не имеем права; но в звании кате-хизатора он не должен отправиться, ибо там соборным определе-нием назначен катехизатором Акила Обата, и он один.

Какая это беда — не иметь достаточно проповедников и быть вынужденным довольствоваться всяким негодьем!

11 (24) июля 1903. Пятница

Перевел с П. Накаем вчера написанное Окружное послание к Японской Церкви о том, чтоб позаботилась о содержании своих служащих Церкви; не вечно же Русская Церковь будет содержать их; а отнимет она свою руку помощи — рухнет Японская Церковь, если будет продолжаться такая беспечность. На этот раз предлагается всем христианам с 7 до 60 лет вносить ежемесячно по 1 сен на образование капитала для содержания служащих Церкви; так определено нынешним Собором. Привьется это — пред примется что-нибудь и больше. Помогите Бог!

12 (25) июля 1903. Суббота

Коли человек бессовестен, так его не удовлетворишь. Павел Сайто, катехизатор в Оота и Мито, получает больше всех других катехизаторов, а именно: содержания 20 ен 50 сен, на квартиру 4 ен 50 сен, на проповедь в Мито 4 ен, на квартиру там 2 ен; да два сына воспитываются на миссийском содержании в Семинарии, получая здесь даже и на мелочные расходы. При всем том прислал мне грубейшее письмо: «Так как Собор не назначил другого катехизатора в Мито, о чем он просил», то «требуется он ныне прибавить ему еще на проповедь в Мито 3 ен и на квартиру в Оота 3 ен». Отвечено отказом и строгим выговором. И ведь плохой ка-техизатор. Так-то доброе катехизаторство не связано с обилием содержания. Напротив, кажется, чем больше прибавляешь, тем больше жадности рождается, как у этого Сайто, например: на-клянчил вон сколько и все еще просит, да еще и других подбивает к тому же; и на нынешний Собор прислал свой доклад, в котором, расписывая все нужды катехизатора, в том числе и выписку светской газеты, требует, чтобы катехизатору было назначено непременно 25 ен в месяц. Конечно, доклад остался пустой бумагой. Но при мысли, что все это из русских денег, отвращение возбуждает эта бессовестность. Таким ли служить в проповедниках Слова Божия и указателях пути спасения? А вот необходимость заставляет пользоваться и оными. Отчего же Господь не дает лучших?

13 (26) июля 1903. Воскресенье

Иосия Сато, сын отца Павла, кончивший курс в университете, приходил сказать, что поступает чиновником Министерства внутренних дел на службу в Канагава. Это хорошо. Спустя три-четыре месяца, в которые он обзаведется платьем и житейскими принадлежностями, можно будет половину

содержания отца Павла с семьей возложить на него. Жалованье будет получать достаточное для того; для больших денег ведь все эти люди и бросают путь служения Церкви. Отец Павел, надо правду сказать, был бездеятельнейшим из иереев, удовлетворявший только главной своей страсти — покупать и читать старые японские книги. А ныне лежит в параличе и получает полное свое бывшее содержание от Миссии — 29 ен и еще частно от меня 5 ен в месяц, занимая еще целый дом при Женской школе, к немалой помехе оной. Воспитал всех детей на церковный счет, служа плохо Церкви, и до сих пор обременяет собою бедную Церковь. Непременно к концу этого года половину содержания его надо возложить на сына; а другой сын кончит университет и поступит на службу — пусть и вполне содержат отца с остальным семейством. Слово Ножье то велит: (1 Тим. 5:8 и 16).

14 (27) июля 1903. Понедельник

Девять учеников Семинарии и три Катехизаторской школы остались не разошедшимися по домам на каникулы. Отправил их в Боосу, в деревню, пожить на берегу моря. По 5 х/2 ен в месяц за квартиру и пищу с человека.

16 (29) июля 1903. Среда

<...> Молодой христианин из Аяси, Акила Нисизава, отправляющийся в Америку изучать английский язык, просил дать ему свидетельство, что он православный, чтобы допускали его к участию в Святых Таинствах Церкви в Сан-Франциско. Сделано.

19 июля (1 августа) 1903. Суббота

Сегодня в России великое торжество: открытие мощей Преподобного Отца нашего Серафима Саровского. Господи, по молитвам святого Серафима, возри и на Японскую Церковь, и пошли ей добрых служителей, и сохрани, и возрасти ее! Ты же, Преподобие Отче Серафиме, моли Бога о сем! Не остави и нас, грешных, твоею любовью и твоим милостивым посещением!

20 июля (2 августа) 1903. Воскресенье

До Литургии было крещение одного медицинского студента, брата врача Пантелеймона Бан из Канада. После Литургии между гостями был врач Александр Сугияма с катехизатором Сергием Сионоя, направляющимся на место своего служения, в Минато, из Сидзуока. Думал, по-видимому, Сионоя, что он переведен за малодетельность по проповеди в Сидзуока, и потому привел Сугияма защищать его. Сей разливался в сказании о болезни его жены и прочее. Выслушавши его и понявши, в чем дело, я успокоил Сионоя, что он переведен в доброе место, к добрым, заботливым о своем проповеднике христианам из-за сострадания всех, рассуждавших о нем на Соборе, к его горю, что, потеряв жену, остался с тремя малютками на руках. Он успокоился. Двух самых малых детей он оставил на руках у родных, с собою ведет четырехлетнюю дочку. Главная причина смерти жены, по словам Сугияма, та, что родила детей без отдыха; оттого, при некрепком организме, ослабела до того, что не могла перенести какой-то пустячной болезни. Так-то воздержанны катехизаторы! И сколько уж таких казусов было!

28 июля (10 августа) 1903. Понедельник

<...> В селении Тамасава-мура, близ Цукитате, начальником школы состоит православный христианин Иоанн Миета. Но совсем охладевший был он христианин, больше 20 лет, по его собственным словам, не участвовал в Таинствах Церкви. Слушая проповеди Оокава, он одушевился и

совсем обновился; ныне вместе с П. Хорикоси громко возвещает Православие и призывает к нему других...

Случаи такого рода действуют освежающе и ободряюще и на нашего брата. Как часто уныние западает в душу от плохого состава служащих Церкви и от видимой неуспешности проповеди! А между тем Дело Божье в тиши действует истинно, как сказано в притче: «Царствие Божье подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает, ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он»... (Мк. 4:26-27)

29 июля (11 августа) 1903. Вторник

Моисей Симономае, катехизатор в Сиракава, в письме излагает абрис сказанной им проповеди об Ангеле-Хранителе и между случаями ангельского хранения вверенного ему человека приводит новейший, бывший недавно в Сиракава: «Есть там очень благочестивый христианин Авраам Хиросава, никогда не пропускающий Богослужение, хранящий воскресные дни и праздники, безукоризненный в поведении; сын его — трехлетний, 22 июля играл на втором этаже, нечаянно сорвался за перила и упал вниз, но платьем зацепился за гвоздь в навесе крыши и повис головою вниз, как будто кукла; на крик его выбежали из дома, поднялись наверх, добрались до него и отцепили, — мальчик оказался без малейшего изъяна; гвоздь оказался едва приметным; а если бы упал мальчик, то о каменные плиты двора, без сомнения, расшибся бы до смерти. Кто же сохранил его, если не Ангел-Хранитель?»

Действительно, в чудесном охранении нельзя сомневаться. И сколько уже чудесных знамений было в юной и простодушно верующей Японской Церкви! <,,>

30 июля (12 августа) 1903. Среда

Михей Накамура, один из переходящих ныне в седьмой класс Семинарии, попросившийся путешествовать по Церквам во время каникул и получивший от меня 10 ен на это, описывает свое путешествие и то, как он с местными катехизаторами показывал собранной аудитории волшебный фонарь со священными картинками и с должными объяснениями в Оомия и Сиракава. Письмо интересно, и путешествие полезно и ему, и местным церквам.

1 (14) августа 1903. Пятница

Вот несчастье! С отцом Симеоном Мии опять нервный удар, и приключился в городском правлении вчера, когда он пошел туда с М. Кавамура совершать купчую, то есть передавать землю и здания на мое имя. Принесли его оттуда домой бессознательным; дома пришел в сознание. Но Кавамура пишет, что хлопотать по совершению актов он, конечно, не может, и потому надо, чтобы кто-нибудь заменил его, как в прошлом году отец Яков Такая заменен был при подобном деле в Оосака. Я тотчас же телеграфировал диакону Акиле Хирота, который ныне в отпуску у своей семьи в Сидзуока, чтобы он вернулся в Кёото по важному церковному делу, а в Кёото написал отцу Симеоноу, чтобы он сделал своим доверенным диакона, и Моисею Кавамура, чтобы продолжал совершение актов с доверенным отца Семена.

Есть вонючие насекомые, которые где побудут, там вонючий след оставят. Есть и люди такие, например диакон Иоанн Оно. Был он в Сиракава, там вонючий след по себе оставил: назлословил о катехизаторе Симеоне Тоокайрине так, что христиане без всякой причины выжили его оттуда, а потом сами же жалели о том. Ныне, оставив Одавара, он оставил не только вонь, но и яд, которым отравлена после него Церковь: ложь и клевета его на отца Василия Усуи, будто он по ненависти выжил его из Ода- вара, тогда как сам просился оттуда, и отец Усуи ничем не причинен, что Собор его перевел, до

того смутили многих христиан там, что они предпринимаяют неприязненный поход на отца Василия. Один из самых ревностных христиан там написал письмо к редактору Петру Исикава, в котором изъясняет, что «будет собрание христиан в Одавара по поводу насильственного удаления оттуда диакона Оно и начнется исследование, почему и как и прочее Собор так поступил» — словом, готовится опять церковный бунт, вызванный ложью и клеветой интригана Оно. <...>

2 (15) августа 1903. Суббота

Из Кагосима пишут: о. Яков Такая: «Как перестроить церковный старый дом? Не так ли? » И указывает способ, лучше которого и нет, поэтому отвечено: «Так!»

Новый катехизатор, Николай Ёсида, «считает за указание Воли Божией, что не удалось поехать в Россию», «сетует, что разлучен с русскою библиотекою», «просит купить фисгармонию, для обучения там церковному пению». Отвечено по-русски, — обещано отсюда высылать русские книги для прочтения, но пусть наперед хорошенько изучит нашу переведенную библиотеку, обещана половина денег на фисгармонию, если соберет с христиан другую половину, и прочее.

4 (17) августа 1903. Понедельник

В полученных сегодня из России «Московских Ведомостях», № 180, 3 июля 1903 года; передовая статья Л. А. Тихомирова «Нужды проповедников Японской Миссии» произвела тяжелое впечатление. Злешнее нытье, что мало содержание, и там откликается. И виною этому нынешний корреспондент «Московских Ведомостей» И. А. Сенума. Мало! Но как же живут учителя японских школ, чиновники средней руки, военные на подобное содержание? Притом же у всех служащих Церкви перед носом своего рода денежный рудник: трудность так, чтобы христиане полюбили, и увеличение содержания само собой произойдет, станут помогать — кто деньгами, кто платьем, кто провизией. Об этом вечно говорится всем служащим; но вот об улучшении своих средств таким способом почти ни один не заботится, а подай Миссия. И дал бы достойному. Да кто же достойные-то? Чуть кто хоть мало заявит усердие и успех в службе, тотчас старается под каким-нибудь предлогом увеличить его содержание. Но, в конце концов, оказывается ныне налицо, что у кого так или иначе содержание возвысилось до значительного превосходства над другими, те-то и оказываются потом самыми бездеятельными; таковы, например, Симеон Мацубара, Гавриил Ичикава, Павел Сайто. Если бы можно было отделить золото от меди, то первое и оценил бы, как таковое, несравненно дороже, чем медь. Но дело- то в том, что золота у нас совсем нет; все — или умственная бездарность, или нравственная вялость. Настаивает Тихомиров в своей статье, чтоб Св. Синод прибавил на Миссию тысяч пятнадцать. Положим, прибавят. Но ведь это, по мысли Тихомирова, на увеличение числа служащих Церкви, стало быть, нынешним служащим прибавить содержание нельзя; а нельзя, — все равно будет продолжаться уменьшение числа служащих по недостаточности содержания; если же прибавить содержание теперешним служащим, то не на что будет увеличивать число их. Словом, как ни кинь, выходит клин. Но Св. Синод и не даст еще 15 тысяч, — об этом нечего и говорить; боязно только, как бы не отнято было то, что ныне дается. 23 года тому назад, будучи в России, я просил содержания только на 10 лет, в полной надежде, что за это время Японская Церковь окажется в состоянии сама содержать своих служащих, и твердо обещал я тогда, что больше никаким образом не попрошу. Но вот уже 13 лет перемахнуло за назначенное мною время, а содержание все-таки идет. Нужно только благодарить Бога за эту милость и всячески стараться изыскать местные средства — сначала на увеличение содержания служащих, если считают его малым, а потом и на полное содержание их. Статистические данные в статье Тихомирова верны; видно, что г. Сенума усердствовал снабдить его, за исключением одной данной: говорится, что «на Миссию идет из России 20 тысяч», тогда как идет больше чем втрое против этого, что г. Тихомиров может видеть в любом годовом отчете отсюда, печатаемом и в «Благовест-

нике», и в «Церковных Ведомостях». Непростительное русское спустярукавь! Вообще, спасибо доброму Льву Александровичу за его усердие и любовь к Миссии вообще, но не спасибо за эту статью. Переусердствовал. Здесь его статья может дурное впечатление произвести, углубив недовольство содержанием.

7 (20) августа 1903. Четверг

В подробных телеграммах газеты «Владивосток», № 30, описывается открытие мощей и прославление Преподобного Отца нашего Серафима Саровского. Сам Государь с Государыней и Великие Князья прибыли в Саров и участвовали в этом торжестве. Народа — тьмы! Совершается множество чудес, которые тут же и записываются. Слава Тебе, Господи! До слез радостно читать все это!

А вот нерадостно письмо отца архимандрита Никона, издателя «Троицких Листков». Жалуется на повсюдный упадок веры и благочестия. Особенно раздражает его в это время, по-видимому, спор за идеал монашества, который он отстаивает против благочестивого, хотя и ошибающегося христианина Круглова и против завирающего архимандрита Евдокима, инспектора Московской Духовной Академии. Отец Никон прислал мне и брошюры свои, из которых весьма ясно видно, что он совершенно прав в своем защищении идеала монашества; что обратить монастыри в места «больниц» и «школ» не должно, — что это значило бы поставить «поделие» на место «дела», — чем последнее унизилось бы и постепенно уничтожилось.

12 (25) августа 1903. Вторник

Опять письма от старших учеников Семинарии, проводящих каникулы в путешествии, довольно интересные и утверждающие меня в мысли, что позволять желающим так делать ладно: полезно и им, и Церквам, где любезно их встречают и где они платят за эту любезность речами, конечно, религиозными. <.,.>

15 (28) августа 1903. Пятница. Праздник Успения Пресвятой Богородицы

<...> Прибыли сегодня и ученики, которых я отправил на каникулы в Бооиси, все со здоровым видом, загоревшие и бодрые. Шутя, я сказал им при отправлении: «Ловите рыбу в море (причем дал на удочку), да и мне привезите»; и они десять живых угрей своего лова готовились привезти мне; на ночь пред отъездом опустили их в ящике в море, а утром хватились ящика — его и след простыл — кто-то стащил их угрей; в огорчении они купили у рыбака дюжину живых раков и их привезли мне; сегодня утром раки были еще точно сейчас из воды. Вели себя ученики так добропорядочно, что заслужили похвалу в местной газете: «Много-де ныне собралось проводить время жаров в Бооиси, но всех лучше и благороднее ведут себя духовные воспитанники с Суругадай».

16 (29) августа 1903. Суббота

Что вчера заметил о пользе путешествия учеников во время каникул, то сегодня приходится отметить о пользе посещения Церквей учительницами. Молодая учительница Марина Мидзу-таки, вернувшись из Окаяма сегодня, с восхищением рассказывала, какое множество христиан и язычников собиралось слушать ее и товарок ее, учительниц Кёотской школы, Любовь Асано и Ольгу Ябе, когда они произносили религиозные речи в Янайбара, куда собирались на погребение Корнилия Асано, и в Нисиура. «Оповещения были о проповеди катехизаторов (говорила она); но, по обыкновению, совсем мало собралось бы слушать их, если бы не упомянуто было в конце, что будут говорить еще такие-то учительницы. Любопытство было возбуждено, и сотни собирались каждый раз. Слушали очень

внимательно. А потом, как слышно было, целую неделю только и толков было у всех, что о женской проповеди. Всем, особенно женщинам, очень понравилось. Христианки же потом пеняли: отчего до сих пор мы не делали этого? И заказывали на будущие каникулы непременно опять посетить их и вести религиозные беседы». И это на будущее время иметь в виду. Действительно, учительницы во время каникул могут быть очень полезны Церквам, если отпускать их в путешествия именно для ведения религиозных бесед. Говорят они превосходно, учение знают ясно и обстоятельно. Пусть объявляют по Церквам, куда придут: «Женские собрания для религиозных бесед»; мужчины тоже будут приходить, и польза будет немалая.

18 (31) августа 1903. Понедельник

Иподиакон Моисей Кавамура вернулся из Кёото, благополучно исполнив все по переводению церковной земли и зданий с имени отца Симеона Мии на мое, причем издержал гораздо менее на купчую и переводную крепость, чем предположено было; потому из 433 ен 50 сен, которые, по его требованию, высланы были ему, 265 ен вернул обратно. Это произошло потому, что удалось ему, по совету с нотариусом и чиновниками, совершить купчую разом на землю и все бывшие на ее участках японские старые здания на мое имя (то есть перевести с имени отца Мии на мое, задним числом, ибо сих зданий ныне давно уже нет), так что мне за нынешние на церковной земле здания, то есть церковь и все перестроенные дома, не пришлось уже расходоваться на купчую вновь. Все прочие дела в Кёото Моисеем также исполнены: ковер послан в церкви; судя по фотографии, вышло очень красиво; звонарь, под его руководством, получен, и теперь будет трезвонить прилично, если опять не забудет своего искусства; две большие иконы, что из Москвы, — копии Иверской Божьей Матери и большого лика Спасителя, — присланы сюда. За все труды дал Моисею Кавамура в награду 50 ен, конечно, не из церковных.

19 августа (1 сентября) 1903. Вторник

Мы с Павлом Накаем, помощью Божьею, начали обычное наше дело — перевод Богослужения — продолжение перевода Праздничной Минеи, — с Богослужения на праздник Преображения Господня. Но предварили это кратким делом перевода тропаря и кондака Преподобному Отцу нашему Святому Серафиму, новоявленному угоднику Божию, прославление которого совершилось в России 19 июля старого стиля, 1 августа нового стиля. В духовных журналах еще нет сего тропаря и кондака, потому мы взяли их из «Московских Ведомостей», недавно полученных. Переведенные тропарь и кондак отданы регенту Алексею Обара положить на ноты и приготовить певчих к молебну, который и будет отслужен в одно из следующих воскресений. <...>

22 августа (4 сентября) 1903. Пятница

В школах начались классы. По пению введен отныне в расписание класс двухголосного пения, и сегодня с 11 до 12 оно уже было. В Семинарии и Катехизаторской школе учителем Алексей Обара, в Женской школе — Иннокентий Кису. Будет три класса и неделю. Учить ему решительно необходимо. До сих пор везде по церквам или все тянут в один голос, или копируют четырехголосное пение, что, конечно, выходит безобразием, — оно может быть только здесь, при Соборе, по обилию поющих и по имению, кому учить. Везде в церквах должно быть двухголосное, но до сих пор, даже хорошо поющие в четырехголосном хоре совсем не знают, как разделиться на два голоса. Рутинер этот Львовский, сколько ни просил его об этом, не позаботился до сих пор. Теперь, кстати, его нет, — еще не вернулся из России, куда отправился устраивать детей по школам, — без него мы и начнем; авось он поддержит, когда вернется. Во всяком случае, отныне класс двухголосного пения должен быть.

23 августа (5 сентября) 1903. Суббота

Ни на волос не мог заснуть всю ночь от нестерпимой боли в ухе, и сегодня целый день боль, хотя постепенно утихающая, что дает надежду обойтись без врача. Работе это немало мешает, хотя и не останавливает ее. <...>

25 августа (7 сентября) 1903. Понедельник

Утром, во время перевода, подали карточку: «Хрисанф Платонович Бирич. Уссуро, о. Сахалин». Приехал с тремя детьми: Емилиєю, 12 л., Сергеем, 9 л., Павлом, 8 л. Первую я уже знаю: мать в это же время в прошлом году привезла сюда определить в Католическую французскую школу и была у меня; а Емилия говела у нас и встречала Пасху. Теперь отец вместе с нею привез и малышей своих в ту же французскую школу католических монахинь. Он богатый рыбопромышленник; у него по найму работают, по рыбной ловле и приготовлению из рыбы «кояси» — удобрения для продажи японцам, больше 700 японцев и больше 100 русских.

— Отчего же вы не отправите детей в какое-нибудь хорошее русское учебное заведение? — спрашиваю.

Объясняет тут же, при детях что он из ссыльных: бывший офицер, за дисциплинарное преступление в 1884 г. был сослан на Сахалин на 3 года, по истечении которых остался здесь поселенцем; так боится, что детей его в русской школе жестокие русские воспитанники будут корить тем, что они дети ссыльного, и тем отравлять их существование. К тому же хочется ему, чтобы дети усвоили французский язык, хотя сам же видит, как это ненадежно в таком возрасте: дочь в бытность дома, во время каникул, уже стала забывать по-французски (тогда как здесь, когда говела, затруднялась говорить по-русски). Обещал я брать в Миссию детей на большие праздники, если не будут брать их в Посольство, как прежде Емилию, на воскресные Богослужения.

Он скромно предложил пожертвование на Миссию — 100 ен, как и жена его в прошлом году пожертвовала 50.

С 11 до 12 часов провел на классе пения вместе с учителем А. Обара показать, как в наших школах учат простому пению. Оказалось, что самые лучшие певцы не в состоянии правильно пропеть «Благослови, душе моя, Господа» в один голос; тотчас же полутонят. По-видимому, они и сами удивлены этим; зато и одушевились желанием отныне правильно учиться. Попросили купить им. в Семинарию, другую гармонику для упражнений, что я охотно и сделал.

26 августа (8 сентября) 1903. Вторник

<...> Николай Абе, бывший катехизатор, пришедший из Вакуя, рассказал очень печальное про сына о. Бориса Ямамура, Стефана: в религиозном помешательстве тянет все со двора и раздает бедным домашнюю птицу, домашние принадлежности, — все, что попадает под руку, да еще упрекает отца и мать, что не исполняют христианской заповеди, не раздают имущества бедным. Кроме того, врывается в дома соседей и разрушает языческие божницы. И справляться с ним трудно, так как обладает большою физическою силой. Детей у него уже четверо. Бедному о. Борису немало горя он причиняет.

27 августа (9 сентября) 1903. Среда

Написал сегодня священнику Павлу Косуги, живущему в госпитале в Оосака, чтоб перешел из госпиталя жить куда-нибудь в другое место, куда сам хочет, что сегодня посылается ему в последний раз на прожитие в госпитале десятидневное 10 ен, вперед будет идти ему одно его жалованье 25 ен в месяц. Ровно год живет в госпитале и ежемесячно получает на это 30 ен, кроме жалованья 25 ен. Поправился, и ныне, по всем сведениям, не нуждается в госпитальном лечении. Пусть для поправления

здоровья живет еще на покое, пока будет в состоянии служить. Но тратить на него 30 ен, кроме жалованья, бросаемого тоже на ветер, так как от него пользы ни на волос (да и во всю его службу, катехизаторскую и священническую, почти всегда было столько же пользы), просто сердце изболело! Кровь и пот русского народа, идущие сюда на Божие дело, бросать на гниль — нравственную и физическую — нестерпимо мучительно!

30 августа (12 сентября) 1903. Суббота

Певчие приготовили к завтрашнему молебну тропарь и кондак Св. Отцу нашему Серафиму Саровскому.

31 августа (13 сентября) 1903. Воскресенье

После Литургии я сказал о Св. Серафиме Саровском, о прославлении его в России, о котором ныне получены все подробности, о множестве чудес от него и прочее. Вслед за этим отслужен был молебен Св. Серафиму Саровскому, кончившийся многолетием.

Вечером должен был прервать занятия переводом от нестерпимой боли в ухе, мешающей соображению.

2 (15) сентября 1903. Вторник

После прекраснейшего лета, жаркого и бездождного, давшего Японии отличный урожай риса, вдруг сделалось так прохладно, что ночью уже хоть и под теплое одеяло. Но отчего это болезнь уха, вот уже две недели мучающая меня, ума не приложу. Нарыв ли там или что другое, только — непрерывный шум, глухота и по временам такие продолжительные и мучительные боли, что или переводить нельзя, или не заснешь ночью. Врача еще не звал; надеюсь, что натура справится сама; главная же надежда, что Господь, по молитвам Св. Серафима, исцелит.

3 (16) сентября 1903. Среда

Послал Надежде Такахаси, начальнице Женской школы в Кёото, по ее просьбе, книги о монашестве: «Игуменья Феофания», «Житие Старца Серафима» (ныне прославленного), «Валаамский монастырь». Не раз уже она просила таких книг. Если бы добрая монахиня из России, то как бы легко было завести здесь женскую обитель! Но куда же надеяться на это, когда и монаха для заведения мужской и в отдаленной перспективе не видно! <...>

6 (19) сентября 1903. Суббота

Был отец Тит Комацу рассказал, что старание его примирить немирных христиан в Коодзимаци с отцами Савабе безуспешно: посетил он всех христиан по домам, собирал их и вместе, чтоб убеждать; не слушают, просят оставить их в покое, «не хотят-де они иметь дело с таким небрегушим о Церкви священником, как Алексей Савабе, будут ходить для молитвы в Собор, принимать таинства от соборных священников, будут помогать своему катехизатору (Ефрему Омата) в проповеди язычникам» и прочее.

Советовал я о. Титу убедить о. Ал. Савабе посетить самому немирных христиан и побеседовать с ними тихо и кротко, как духовному отцу с детьми; пусть оставит гордость и леность, — священник на себе должен подавать пример смирения и кротости. Это — единственный способ о. Алексею умирить свой приход и смыть пятно с себя и своего отца, которого немало бесчестит такое отношение к нему христиан. Советовал я и сам это о. Алексею раз, да не слушается; быть может, о. Тита послушает.

7 (20) сентября 1903. Воскресенье

В газете «Владивосток» прочитал, что какая-то Арионя, русская женщина, «издательница Женского календаря», будучи в Кёото, по просьбе о. Симеона Мии, прочитала «лекцию о русской женщине» для нашей Женской школы, и местом чтения была церковь. Возмутительная практическая глупость отца Мии! Теоретический, ученый ум у него есть порядочный, практического смысла ни на копейку! Ну можно ли допускать такую профанацию церкви? Она исключительно для Богослужений и христианской проповеди. Для лекций нерелигиозного содержания есть школьные комнаты. Написал ему строгое замечание, чтобы вперед этого никогда не допускал.

Прибыли в Семинарию с каникул русские ученики Андрей Романовский и Федор Легасов; опоздали по причине наводнения в Маньчжурии.

13 (26) сентября 1903. Суббота

Иметь твердым и неослабным правилом: не полагаться на христианина-ремесленника, а наперед условливаться о цене, иначе надует еще пуще, чем язычник. До сих пор добросовестного христианина-ремесленника, который бы подгадывал по Церкви, а не старался обидеть ее, я не знаю. И потому стараюсь обыкновенно принимать меры, чтоб милые братья не больно грызли тело Церкви; дело просто: спрашиваешь «цуморигаки» стоимость работы или поделки у христианина, и потом у язычников, или других тоже христиан, и отдаешь работу тому, кому сходнее. Но иногда прозеваешь; сейчас христианин и вопьется тебе глубоко в мясо. Так, переплетчик Хрисанф Миягава теперь переплетает певческие книги по 25 сен за книгу, потому что отдал ему переплестать регент Ал. Обара, которому, конечно, какое же дело до пользы церковных, — соглашается без слова на то, что ему скажут; я же недосмотрел, и «цуморигаки» спрошено не было. Ныне надо отдавать в переплет другие 500 книг, но так как Хрисанф еще завален работой, то Обара условился с другим переплетчиком и принес мне его «цуморигаки» уже по 22 сен за книгу. Но я спросил еще и третьего переплетчика, очень надежного, часто работающего на Миссию; этот дал расчет по 12 сен за книгу, с условием, притом, крепче переплести, чем эти книги переплестает Хрисанфа, у которых тотчас же листы расплзаются.

Итак, только в этот раз любезный брат христианин по чувству родства с Церковью стащил с нее без всякой совести 65 ен. Тоже разумеи и о всех прочих случаях, где не было предусмотрено, что он мерзавец. <...>

14 (27) сентября 1903. Воскресение Праздник Воздвижения

После Литургии Акила Кадзима раздавал при выходе христианам составленную им брошюрку «Синсейдзин отец Серафим». Я служил, едва слыша себя: оба уха все хуже и хуже. Не знаю, как быть.

16 (29) сентября 1903. Вторник

В одноголосном и двухголосном пении очень мало успели за месяц, особенно в Женской школе, где я сегодня был на классе пения и испытывал: только две пропели правильно в один голос и потом могли сладиться в два. Вообще порядочное хоровое пение не есть показание того, что учащиеся обучены пению. С этого времени надо наблюдать, чтоб обучение простому пению шло правильно и безостановочно.

17 (30) сентября 1903. Среда

Расчетный день; как всегда почти, к концу дня совсем потерял равновесие духа и стал сердиться. Расходы огромные, требованиями исщипали. 3500 ен вчера взято из банка, и не достало. На одну пищу

учащихся почти тысяча ен выходит. На лекарство тоже немало, и большею частью совсем даром: шлятся к доктору все, кому вздумается, болен кто или нет. Потому вечером, призвавши о. Федора Мидзуно, надзирателя Катехизаторской школы, и старших, объявил: «Настоящие больные вне речи, а воображающие себя больными или с самым пустячным недомоганьем, решающие лечиться, пусть платят сами за лекарства с этого времени». Поклонились и ушли; но ведь сам знаю, что ничего из этого не выйдет; просто накопившийся у меня за день порох вспыхнул пустым выстрелом. Не впервой ведь подобный заказ.

18 сентября (1 октября) 1903. Четверг

Отец Роман Фукуи оказывается довольно деятельным священником. Пишет подробно о делах Сикотанской церкви: там Курильских христиан ныне только 38 человек, из которых 10 детей (другая часть их на Итурупе для рыбного и звериного промысла); тем не менее, по предложению о. Романа, избрали трех церковных старост, из которых один, впрочем, японец. Вместо умершего старшины Якова Сторожева выбрали Аверьяна. Все исповедались и приобщились у о. Романа; только на одного он наложил эпитимию за прижитие ребенка от девицы. Хотят строить дом для катехизатора и собрали для этого 200 ен, но о. Роман, к сожалению, отсоветовал им: «Сиросите-де епископа прежде». Зачем же? Пусть бы начинали; очевидно, дело хорошее. Хочет о. Роман посетить Абасири, где, между прочим, живет бывший катехизатор Иоанн Нономура, продолжающий быть добрым христианином, и просит 23 ен на путевые расходы. Посланы ему тотчас же. Посетит потом и Кунашир, где тоже есть христиане. Дорожные пошлются.

19 сентября (2 октября) 1903. Пятница

<...> Игнатий Камеи, катехизатор в Огава, пишет, что церковному делу там мешает Даниил Кониси, что воспитан в Киевской Академии для служения Церкви и что с возвращения из России старается пакостить России и Церкви, как будто для того и воспитан. Что делать! Везде есть лающие и кусающиеся злые псы.

20 сентября (3 октября) 1903. Суббота

<...> Американская миссионерка Miss Holland приходила, направленная сюда епископом Mac'KimoM набиваться детскими христианскими книжками, из которых три для образца показала; крошечные по числу листков и самые дрянненькие по формату и наружному виду, с вульгарными фигурами японцев и японок на обертках и внутри, как в самой низменной японской литературе. 30 таких произведено. Взглянувши на образцы, я молвил:

— И у нас тоже издаются детские книги, — и вынес ей попавшиеся под руку четыре брошюры наших детских учебников для воскресных школ.

— А, какая прекрасная печать! — изумилась Miss Holland.

Действительно, наши книжки — аристократы в сравнении с принесенною ею чернью, да еще такой мелкотой.

— Могу я взять? — спросила она.

— Сделайте одолжение; а мне будьте добры прислать по экземпляру ваших изданий для просмотра.

Нужно сказать вообще, что небогата протестантская литература на японском, что весьма странно при таком множестве протестантских миссионеров здесь.

21 сентября (4 октября) 1903. Воскресенье

После Обедни, когда я уже завтракал в 1-м часу, пришли опоздавшие к Богослужению Николай Павлович Азбелев, генерал-майор по адмиралтейству, член Учебного Комитета Министерства финансов», как по карточке, и В. Л. Серошевский. Первый интересуется учебным делом в Японии, почему я сказал ему, что если он зайвится к Посланнику, то барон Розен, конечно, откроет ему всякую возможность к удовлетворению его желания; на заявленное им желание посмотреть наши школы сказал, что во всякое время он может прийти и в подробности осмотреть их. Серошевский исследовал айнов на Хоккайдо, но должен был вернуться, не докончив своего дела, по причине грозящей войны. Действительно грозит. Оба они осведомлены о результате поездки барона Розена в Порт-Артур для свидания с Наместником Алексеевым.

Со стороны России — вот ультиматный ответ на притязания японцев: «О Маньчжурии Россия с вами никаких разговоров иметь не будет — не ваше дело; в Корее вам полная свобода распространять ваше влияние на юге и в срединной части, севера же касаться не смейте — это будет буфер между нами и вами». Если таков, действительно, ультиматум, то войны едва ли избежать при существующем в Японии раздражении против России и при неистовых науськиваниях со стороны Англии.

Что тогда делать мне? Разумеется, постараюсь остаться в Японии, чтоб не расстроилась Церковь и чтоб не прекращать дело перевода Богослужения. Если же придется на время убраться, то во всяком случае постараюсь обеспечить содержание служащих Церкви месяца на три, — на какое время средств хватит, война, вероятно, долее этого не продлится.

До Литургии сегодня о. Феодор Мидзуно крестил четырех взрослых и двух младенцев из Церкви Коодзимацци — немирной части ее; почему оттуда много христиан было в Церкви.

Диакон Акила Хирота извещает, что с о. Симеоном Мии опять параличный припадок. Врач уверяет, впрочем, что при надлежащем лечении болезнь в 2-3 месяца пройдет. Послал я 15 ен на лечение с извещением, что каждый месяц, пока лечится, буду столько высылать.

23 сентября (6 октября) 1903. Вторник

Четыре полицейских приставлено охранять Миссию день и ночь. Анфим, церковный сторож, приходил просить позволение спать где-нибудь в доме, в сторожке нет места, — все занято полицейскими. Видно, что действительно есть опасение, что будет война, и вместе с тем поднимается волна народного раздражения, от которого нашему брату несдобровать без усиленных охранительных мер со стороны правительства. Спасибо за охрану и помилует Бог от войны! <...>

24 сентября (7 октября) 1903. Среда

Насмешка судьбы, сказал бы горькая, если бы я не перестал ощущать и горечь в этом отношении: ждешь миссионера, а тут просится сюда вон какой: «диакон Новгородской Епархии, проживающий в Кирилло-Белозерской Обители, Николай Николаевич Соколовский», о котором, по его форменному прошению, трудно догадаться, совсем ли он сумасшедший или только временно в белой горячке, — такое бессвязное и бессмысленное прошение. — Знать так и умру я, не дождавшись помощника и преемника. Так бедно Православие миссионерами! А инославных, Боже, какое необозримое множество их! И как же они надоедают своими приставаниями: то со статистическими запросами, то с набиванием своими книжками и разными услугами, то с просьбами наших книг, как вот и сегодня некая Miss Palmer просит наше «Сейкёо-Симпо» и других книг в пользу ее класса полицейских, которым, должно быть, приглашена преподавать английский язык.

25 сентября (8 октября) 1903. Четверг

Катехизатор Петр Такахаси пишет из Отака (Соома-гоори), что там один христианин, Иосиф Такахаси, выдерживает домашнее гонение за веру; отец его еще язычник, индифферентный к вере, а мать протестантка; ныне она больна; местные протестанты собираются около ее постели, распевают свои гимны и всячески уверяют ее, что болезнь ее — наказание Божие за то, что допустила в доме ересь, пусть-де сын ее бросит Православие и сделается протестантом, тогда она непременно выздоровеет. Под этим непрерывным пением она насела на сына — брось православную веру; но так как сын, при всей почтительности к ней, в этом одном не слушается ее, то она возбудила отца против него; ныне и отец требует, чтоб он непременно исполнил желание матери, иначе угрожает выгнать его из дома и лишить наследства. Гонение это сделало Иосифа непоколебимо твердым в своей вере, и он готов на все, лишь бы не изменить ей. Хорошо поддерживает его там и наставляет старик врач Яков Такахаси, давний и очень благочестивый христианин.

26 сентября (9 октября) 1903. Пятница

Павел Мацумото, катехизатор в Отару, пишет, что «к крещению приготовлен один чиновник очень хорошей фамилии (Катакура, бывший владелец крепости Сироиси); просит его быть крестным отцом, и нужно ему благословить крестника хорошей иконой; так просит оную отсюда; купить не в состоянии, — просит так». Велел я отдать домовую икону Спасителя, оправить в киоту и послать ему.

Отец Иоанн Оно пишет об о. Симеоне Мии, что у него после припадков его болезни речь несвободна и мысли несвязны. Вот беда-то, если не оправится! Кого на место его в Кёото, решительно не знаю.

29 сентября (12 октября) 1903. Понедельник

Утром неласково принял о. Тита Комацу, который все еще живет здесь и опять пришел просить денег на мелкие расходы. Отказал в просьбе, так как нет резона к исполнению ее. Спрашиваю: «Есть ли хоть малая польза от него для умирения прихода о. Савабе?» Отвечает, что «не заметил еще он никакой».

— Так зачем же, бросив свой собственный приход, жить здесь так долго?

— Завтра уеду, — говорит, — взяв с собою Антония Обата для помещения в Оотавара. Но потом мне хочется побыть в Сендае.

— Это опять бродить (бура-бура суру) по чужим местам, оставив свою Церковь на произвол судьбы? Нельзя, — ответил я и пошел заниматься своим делом, оставив его, а он ушел в свою комнату.

В 12 часов о. Тит пришел заявить, что сегодня отправляется домой, а Антонию Обата дал подробное наставление касательно Церкви в Оотавара, и он один завтра отправится туда. Я с миром отпустил его, дав дорожные в Токио и обратно, и по Церквам. Целый месяц он пробыл здесь, чтоб мирить христиан Коодзимаци с о. Савабе, по назначению Собора, и пользы от этого, по его же словам, никакой. Еще бы! Немирные помирились бы только тогда, когда, по крайней мере, один из отцов Савабе сделался бы пастырем, пекущимся о своем стаде; а так как этого нет, то и ничего нет. <...>

1 (14) октября 1903. Среда. Покров Пресвятой Богородицы

Вчера на Литию во время Всенощной выходили одни священники, без меня; на Величание тоже, как это и в прежние годы было. Сегодня я служил Литургию, с сослужением двух священников; третий, о. Ф. Мидзуно, говорил проповедь.

<...>В 1 час открылось собрание Женского благотворительного общества (Сейкёо Фудзин

Кёодзюцу квай) в Женской школе. Сегодня 17-я годовщина его. По печатной брошюрке отчета, вчера доставленного мне Председательницей Общества Елисаветою Котама, видно, что за год прихода было всего 203 ен 15 сен, на 15 ен больше прошлогоднего, расхода на благотворения и разное 156 ен 14 сен, немного больше, чем в прошлом году, в остатке 221 ен 55 сен, тоже немного больше прошлогоднего. Движение вперед есть, но весьма малое. На Собрание пришло христианок 70. Отец Роман отслужил благодарственный молебен, закончившийся многолетием, потом Литию за умерших членов. Затем Е. Котама предложила мне сказать поучение. Я кратко сказал о том, что «благотворение, как деятельное выражение любви, есть кратчайший и прямой путь в Царство Небесное, как о том Сам Спаситель сказал в речи о Страшном Суде. Благотворительницы стоят на этом пути и идут по нему; но надо признаться, что идут вяло и медленно, как-то видно из отчета о пожертвованиях для Тоокейского Общества весьма скудных. Открывайте сердца и руки шире, да еще хлопчите о заведении таких же благотворительных обществ в провинциальных Церквах; будьте матерью, рождающею чад». Кончив говорить и передав в пакете 10 ен Котама как сегодняшней мой вклад, я тотчас же отправился в Собор, где с 2-х часов назначено было отпевание Софии Миясима, вчера умершей жены Луки, служителя в Семинарии. София была самою первою женщиною, крещенною мною в Токио в 1873 г., как и сын ее, нынешний катехизатор Ераст, — первый младенец, крещенный здесь. Отпевание совершено соборне мною с двумя иереями при пении семинаристов.

К вечернему переводу П. Накаи явился с огромною тушницею, на покупку которой взял у меня вчера 5 ен. Тушница эта китайского произведения, и ей 784 года, как видно из надписи, вырезанной на обороте.

2 (15) октября 1903. Четверг

Из посетителей сегодня был некто Фудзисава, родом из провинции Синано, протестант секты конгрегационалов. Говорит:

— Я желаю принять монашество; но мои религиозные учителя отклоняют меня от этого намерения, поэтому я пришел к вам.

— По каким же побуждениям вы желаете монашества?

— Совестно признаться, но потому, что плотская страсть (дзё-оёку*) меня мучает.

— И вы думаете, что монашество обуздает ее?

— Я надеюсь. Иначе что же мне делать? К какому другому средству прибегнуть?

— Сколько вам лет?

— 31 год.

— Вы одинокий?

— Имею жену и сына.

— Странно, что «дзёоёку» мучает вас, когда вы женаты. Совместная с женою жизнь и есть средство для обуздания плотской страсти, как о том учит и Апостол Павел.

— Но я не разделяю ложа с женою вот уж четыре года.

— Это почему же?

— Я уже 10 лет как женат, и сыну моему 6 лет. Но я узнал, что жена моя до брака со мною имела связь с другим человеком, и у меня родилось недоверие к ней.

— Что же? Имеете доказательства, что она изменяла вам и после брака? Если имеете, то вы можете развестись с нею и жениться на другой.

— Нет, не имею никаких доказательств.

— Значит, ваш беспричинный разлад с женою — не более как добровольно положенный вами за пазуху себе колючий гвоздь, от которого вы мучаетесь, но который почему-то не хотите выбросить. Выбросите его и живите с женою как должно, тогда и «дзёёку» перестанет вас беспокоить.

— Есть еще другая причина.

И рассказывает, что он уже четыре года как влюблен в другую женщину, которая тоже ласкова к нему. Плотского греха между ними не было. Но страсть мучает его до того, что у него открылись головные боли. Усердно молится Богу он об освобождении от страсти; и молитва его несколько успокаивает; но лишь только перестает молиться, как сердце и мысль тянут его к той женщине. И вот он, в отчаянии, что никак не может освободиться от мучающей его любви и страсти, пришел проситься в монахи. Тут начался разговор другого рода; я успокаивал его, как человека, подвергшегося несчастию; убеждал бороться, предаться другим занятиям и проч., и проч. Ушел он несколько ободренный.

Послал сегодня письмо Василию Аркадиевичу Трону, профессору Благовещенской Семинарии, чтобы он вернул мне 100 ен, занятые им при отъезде из Токио 21 июля старого стиля. Обещался выслать, лишь только возвратится в Благовещенск, и до сих пор не шлет. Должно быть, из тех, которым доверять не след.

3 (16) октября 1903. Пятница

Отец Петр Сасагава, Сендайский священник, поправившийся было, опять слег. По словам Сергия Нумабе, секретаря Миссии, близкого друга о. Петра, главною причиною его болезни — скорбь о беспутном сыне, который ни в одном заведении не окончил курс и ни к одной службе не может приспособиться. Вдобавок к своевольному нраву имеет склонность к воровству. Жаль очень! Жена о. Петра дурного нрава; должно быть, она сызмальства избаловала сына. Младший брат о. Петра, Андрей, бывший когда-то катехизатором, ныне врач в Сендае, и Василий Вакуя, воспитанный в Семинарии, ныне тоже врач в Сендае, — оба заведывают лечением его.

4 (17) октября 1903. Суббота

Японский гражданский праздник, школы гуляют, мы с Накаем не переводим.

С 2-х часов был Павел Ниццума, пришедший из своего селения Нанае. Говорит, что управился с полевыми работами и теперь имеет время месяцев пять заняться проповедью. Будет посещать окрестных катехизаторов — Узава, Канасуги и Масуда, и помогать им проповедовать, о чем уже советовался с ними. Кроме того, займется проповедью в селении Миягава, откуда его нынешняя жена и где родные ее самые главные люди в селении.

<...> Он рассказал между прочим следующее: ныне в Симооса один английский миссионер-епископал (он называл его имя, но в японском произношении нельзя разобрать — кто) с помощью миссионерки, тоже англичанки, старается распространить свое учение и рекламирует его так: на бумаге — огромный красный крест и надпись крупными буквами: «сей-коокёоквай но оси-ева рококу-никорай-но осиени арадзу, — доомей-коку-но осие нари» (Святой Кафолической Церкви учение не есть русское Николаево учение, а учение союзного государства). Такие афиши везде по деревням развешиваются, где производится епископальная проповедь; а она производится разом во многих местах, так как миссионер навел с собою туда еще японских своих проповедников. Я и прежде слышал о такой афишировке, но не верил; приходится поверить.

Советовал Ниццума обратить это в пользу православной проповеди. Православные проповедники могут так и начинать свою проповедь: «Наше учение не есть Николаево, не есть русское, как клеветают протестанты, а есть истинное Божие учение, которое, пришедши из Иудеи чрез

Грецию и Россию к нам, не приняло в себя ни малейшего цвета или вкуса Иудей, Греции и России, а блещет таким же чистым Божественным цветом, каким воссияло из уст Спасителя», и так далее. <...>

5 (18) октября 1903. Воскресенье

За Обедней приобщались Павел Ниццума, исповедовавшийся вчера у о. Мидзуно, и еще несколько возрастных и, по обыкновению, много детей. После Обедни, за чаем у меня, Ниццума рассказал следующее. Недавно помер у него в доме 14-летний мальчик, из дома его жены, хорошо наученный вере и благочестивый. Лежа больным, он однажды стал просить предложить пищу гостю, сидящему у его постели, между тем как никакого гостя никто не видал. На вопрос «Что это за гость?» он отвечал, что «молодой и очень хороший на вид и что он часто приходит и сидит с ним». Потом, пред самой кончиной, когда у него уже отнялись чувства, на вопрос «Кто с ним? Видит ли он?», а сидела у постели вся семья, он тихо промолвил: «Ками-но пукай» (Ангел); и это были его последние слова. — Так простым верою и невинным жизнью являются знамения невидимого мира!

6 (19) октября 1903. Понедельник

Нахально воинственный тон японских газет и английской «Japan Daily Mail», которую я получаю, значительно понижается по мере того, как обнаруживается, что Наместник Алексеев не прочь от войны и готов к ней.

7 (20) октября 1903. Вторник

Отец Яков Такая пишет, что всю семью умершего в Хитоёси катехизатора Павла Оциай придется Миссии принять на свое содержание; а осталось четверо детей: мальчик 13 л., девочка 11 л., еще двое меньше, и жена — болезненная. У Павла Оциай есть брат, близ Миязаки, где их родина, но ненадежный человек; жена из Мияконодзё, но бедного дома. Так-то! Проповедовать не находится людей, а есть Миссийский хлеб даром набирается все больше и больше! А как и бросить без призора? Хоть плошайший катехизатор был, все же умер на службе Церкви.

Короткое известие от о. Симеона Юкава с Формозы, что он благополучно достиг, был принят христианами радостно, молился с ними, будет крестить нескольких. Подробности обещает после.

9 (22) октября 1903. Четверг

Из Такусима прибыл в Катехизаторскую школу 18-летний Димитрий Масуда. После приема в начале сентября школа обыкновенно накрепко затворяется; но оттуда священник и катехизатор убедительными письмами настояли принять, мол, и «пламенно желает служить Церкви, и знатного рода». По виду незначителен.

Надоели просьбами — ученики и из Церквей — географической карты Ветхого Завета; протестантские есть, но имена-де непонятны. Отдал сегодня американский Gazetteer срисовать карты, чтоб отпечатать с чтением по нашей Библии имен по-японски. Исая Мидзусима и Акила Кадзима, надеюсь, хорошо сделают это.

10 (23) октября 1903. Пятница

Из России вернулся диакон Димитрий Константинович Львовский, определивший там своих детей — одного в Семинарию, другого в училище, в Петербурге. Виделся там с о. Феодором Быстровым и нашел здоровыми его и жену его, прежде хворавшую. Из Маньчжурии привез известие, что там к войне с Японией готовы, стало быть, можно надеяться, что ее не будет. Из Петербурга выехал

7 сентября, приехал вчера вечером.

Некто Георгий Колесов, коллежский секретарь, человек совершенно незнакомый, живущий ныне на минеральных водах в провинции Ното, близ города Наноо, в Вакура, разухабистым письмом просит взять в Миссию на воспитание его племянника, 8-летнего болезненного мальчугана. Еще бы! Есть тут время и деньги на то! Сейчас же ответил, что никак не могу исполнить его просьбу.

11 (24) октября 1903. Суббота

<...> В «Иорродзу-чёохоо», газете плохой репутации по части правдивости, напечатано вчера, будто я «употребил 20 тыс. ен на подкуп шпионов из японцев в пользу России». Так! Да я бы выгнал японца, если бы он и без всякого подкупа стал набиваться в пользу чужой для него России изменить своему собственному Отечеству!

12 (25) октября 1903. Воскресенье

Был после Обедни Григорий Юхара, некогда ученик Семинарии, родом из Камино-яма, ныне голова в городе Атерасава. Питает надежду сделаться служащим Церкви, сдав хозяйство сыну. Посеянное в юной его душе Слово Благочестия живет, не умирает.

Была еще жена катехизатора Василия Иваиса [Ивама?], просила прибавки содержания. Пусть муж служит усерднее, тогда христиане Такасимидзу станут помогать ему; от Миссии же получает 18 ен, и дочь содержится здесь в школе — больше нельзя.

13 (26) октября 1903. Понедельник

<...> Симеон Мацубара, катехизатор в Аомори, описывает враждебные действия против Православия католических патеров там: всячески они поносят Православную веру, и называют ее «рокёо», и доказывают, что эта русская вера совсем не то, что греческая, которую еще можно бы терпеть, что «рокёо» не более как сеть для уловления в русское подданство и под. Об этом у них и брошюра сочинена, которую везде распространяют. Но замечательно, что она же и вредит им: так, один чиновник там именно ею побужден был узнать Православие и сделаться православным.

Статья в «Ёродзу-Чёохоо» о том, будто я подкупаю японцев шпионить в пользу России, не прошла бесследно: сегодня я получил безымянное письмо с предложением выдачи двух важных государственных военных секретов нашему Посланнику за 1 тысячу ен: в письме предложено мне явиться в означенное место в Уено-парке и описано лицо, которое встретит меня там для переговоров. Письмо это, по прочтении (им — секретарем; мне он и не показал его), секретарь передал полицейским, охраняющим Миссию, ибо они предварительно просили передавать им, если получится что в подобном или угрожающем Миссии роде.

14 (27) октября 1903. Вторник

Отец Петр Сибаяма пишет, что в Нагоя церковный староста Илья Миясита, фотограф, растратил бывшие у него на руках церковные деньги, впрочем, немного, всего 34 ен, за что, однако, не был вновь выбран в церковные старосты. Миясита — один из самых старых и лучших христиан в Нагоя. Тоже — одно из предостережений, что японцу, как бы он ни был хорош, денег на руки доверять нельзя, или делать это с крайнею осторожностью. <...>

19 октября (1 ноября) 1903. Воскресенье

Каждый воскресный № «Дзидзи-Симпоо», газеты серьезной, вроде нашего «Нового Времени»,

выходит с страницей карикатур. Сегодня полстраницы занимала следующая карикатура: заглавие «Ёку-фукаки яро но юме» — «сон жадного мазурика», причем «яро» (мазурик, негодяй) изображено знаками: «я» — дикий, «ро» — Россия, значит, можно читать «сон жадного русского дикаря». Картинки: 1-я — мазурик спит глубоко и сладко; изображен действительно настоящим мазуриком, с штанами, продранными на коленях, с истасканной шляпой; 2-я — мазурик стоит и с восхищением видит на земле гнездо яиц, на которых иероглифами изображено «Маньчжурия»; тут же около стоит бутылка водки с ярлыком «Желтое море»; 3-я — мазурик берет на руки яйца и бутылку и стоит с ними, а перед ним петух, на хвосте которого значится тоже Маньчжурия; 4-я — мазурик сидит и ножом потрошит петуха; 5-я — у очага варит петуха и держит бутылку, видимо, наслаждаясь перспективой на славу угоститься; 6-я и последняя: но это ему не удалось — японский офицер с саблей у бока указывает пальцем ему «вон», и мазурик с лицом, изображающим ужас, и согнутый, в страхе готовится задать стрелка. — И вот как представляют Россию! Натрубили же в уши японцам англичане, что они уже великая и образованная нация, а Россия все еще пребывает дикою и при этом варварски жадною и бессовестною! <...>

20 октября (2 ноября) 1903. Понедельник

Симеон Томии, катехизатор в Тега (в Симооса провинции), пишет между прочим, что и бонзы стараются пользоваться нынешним военным возбуждением Японии против России, чтобы заграждать путь православной проповеди: там везде они оповещают, что «правительство по разрыве с Россией воздвигнет гонение на всех, поддавшихся христианству, пришедшему из России, — итак, не должно слушать православных проповедников». Все на Православие, только Бог за него!

Вечером Всенощная пред завтрашним японским праздником; все учащиеся были в церкви; пели старшие ученики Семинарии. Мы с Накаем дома занимались переводом.

23 октября (5 ноября) 1903. Четверг

Павел Сайто, катехизатор в Оота и Мито, пишет: «Одна девица, еще некрещенная, 20 лет, кончившая курс в школе сиделок и в школе повивальных бабок, хочет сделаться проповедницей, почему просится в здешнюю Женскую школу». Для проповедницы она молода; а то, что, кончивши в двух школах и не служа по тем частям, просится в третью, показывает ее ненадежную юркость. Впрочем, отдал письмо на рассуждение в Женскую школу, откуда пришел ответ: «Во-первых, в школе не преподаются духовные предметы достаточно для образования проповедницы, во-вторых, в школу нельзя принять, не зная, что за личность». В таком роде и отвечено Павлу Сайто.

Был «Павел Павлович Воронов, Командир Приморского Драгунского Полка» с женой Евдокией Алексеевной, урожденной Старцевой, четыре года тому назад повенчанные здесь. Он прибыл на японские маневры. Японский Военный Министр и все военные очень к нему любезны, так что едва ли мы накануне войны с Японией, тем более что, по словам Воронова, у нас к войне совсем готовы. Дал ему напечатанную в «Дзидзи-Симпоо» в прошлое воскресенье на русских карикатуру, которая очень заинтересовала его.

26 октября (8 ноября) 1903. Воскресенье

Отец Симеон Юкава возвратился с острова Формозы. Нашел он там 33 дома наших христиан и в них 44 христианина. Приняли его очень радостно. Он преподавал им Святые Таинства Исповеди и Причастия. Просят они очень — присланным чрез о. Симеона коллективным прошением — священника и катехизатора туда. Но первого нельзя дать — решительно некого; катехизатором же обещан Лин Такахаси, что ныне в Оби; он туда желает, и его же-лают; если до времени Собора желания

не изменятся и если он сам заявит в Оби, что желает на Формозу, то и пусть отправляется вместе с женой, непременно с женой, иначе ненадежно будет его там пребывание и может быть бесполезно. Христиане поусердствовали и пожертвованиями: дорожных о. Симеону собрали 30 ен, так что он из 100 ен, данных мною ему на путь, 30 возвратил мне; собрали еще на обзаведение молитвенной комнаты необходимостями 30 ен.

Между христианами там оказался Григорий Мацуяма, 25 лет тому назад учившийся в Катеизаторской школе, 22 года назад отщепившийся от христианства и ушедший обратно в буддизм, враждебно писавший против христианства; единственный уроженец Кёото, в старые времена сделавшийся таким неудачным представителем в Церкви «японской Москвы». Ныне он в Тайхоку живет зажиточным закладчиком, и христианское сердце в нем возродилось; знать был уголок в его душе, где и в самое мрачное для него время продолжала обитать незаметно для него благодать Божия, ныне и оказавшаяся Благодарение Господу, всегда милосердному! Мацуяма еще не удостоен Таинств Церкви, сам считает себя еще не заслуживающим полного прощения; но молится вместе с христианами, жертвует на Церковь; прислал мне свою карточку и просит книгу св. Киприана одолжить ему, чтобы кончить перевод статьи «О Церкви», который начат им, по моему предложению, 23 года тому назад и не кончен. <...>

27 октября (9 ноября) 1903. Понедельник

Отец Федор Мидзуно принес письмо Павла Ниццума (расстриженного), с тревогой написанное и вопрошающее: «Что ему делать?» Оказывается: надули его, когда женился он во второй раз; катеизатор Филипп Узава сватал ему вдову, а у ней муж жив, — неизвестно, Узава знал об этом или нет, но она-то, конечно, знала. Так спрашивает Ниццума: «Не бросить ли ему жену, предоставив ее первому мужу?», который, однако, не видно из письма, чтобы изъявлял на нее притязание. Я ответил: «Так как все происшедшее с его женой — выход замуж и развод с мужем — было в ее языческое время, то жить ныне не сомнясь с нею».

29 октября (11 ноября) 1903. Среда

Отец Петр Сибаяма извещает, что помер в Оогаки адвокат Павел Секигуци, лучший и почти единственный там христианин, со всем своим семейством твердо хранивший христианство, несмотря на то что там и катеизатора не было. Недавно только о. Петр поместил там катеизатора Павла Терасима, и вот у него не стало доброго помощника там для расширения дела проповеди. Царство ему Небесное!

30 октября (12 ноября) 1903. Четверг

Отец Яков Мацуда, из Окаяма, пишет: «Катеизатор Николай Исикава заболел и положен в госпиталь; без него петь в церкви некому, можно ли без пения, а только с чтением служить Литургию?» Ответчено: «Пусть хоть плохо поют помогавшие Николаю Исикава; без пения Литургии быть не подобает». Спрашивает еще: «Можно ли псаломщику служить без стихаря?» Можно. Еще: «Можно ли дать молитву родильнице и младенцу, когда сошлись жить брачно без брака?» Можно.

31 октября (13 ноября) 1903. Пятница

Ныне идет у нас с Накаем перевод службы Трем Святителям в Праздничной Минее, — и что это за трудности в Канонах Евхаита! А без греческого текста и совсем не понять бы их! Как жаль, что не исправляют славянский текст Богослужения! Давно пора сделать это. Теперь почти наполовину для молящихся — точно мед в закрытых ячейках.

6 (19) ноября 1903. Четверг

Отец Алексей Савабе приходил заявить, что христиане его прихода (мирные) положили собирать с себя деньги на постройку нового храма, так как нынешний и мал и стар: лет в 5-6 надеются собрать тысячи две; Отец Сергей Глебов обещал дать им от себя 500 ен. Дело хорошее. Но я убеждал еще о. Алексея постараться, насколько сможет, привлечь к себе немирных; теперь они успокоились, раздражение улеглось, пусть он посещает их и уговаривает. Если успеет, то в будущем году к Собору может быть составлено общее прошение о поставлении еще священника для прихода отцов Савабе, по причине обширности его; тогда разлад церковный в Коодзимацци сам собою прекратится. Отец Алексей на этот раз был благодушен и наставление мое, повидимому, принял; едва ли только исполнит.

Стефан Кондо, старик, много лет служивший катехизатором, в последнее время практиковавший как «хари-ися», поражен параличом, пред чем постился так, что последние пять дней ни разу не ел. Беден, много детей; приходил И. А. Сенума просить принять дочь Стефана в школу, что и будет сделано.

7 (20) ноября 1903. Пятница

От о. Сергия Судзуки из Оосака довольно хорошее письмо: в Вакаяма Церковь в оживленном состоянии; крестил там 5 человек; на обратном пути был в городе Симоици, в Ямато, где есть христиане из Вакаяма, Лука Оосима с большой семьей; 5 лет они не видели священника, но сохранили живым благочестие; ныне с большою радостью все исповедались и приобщились Святых Тайн.

Отец Федор Мидзуно приходил спросить от Павла Ниццума: «С ним живет племянник Лука, жена которого в отлучке; боится Ниццума оставить дом и в нем Луку со своей собственной женой, не было бы греха между ними; так идти ли ему, как предположено прежде, помогать катехизаторам по проповеди?» Я ответил: «Пусть остается дома и хранит чистоту и мир домашних». Как видно, потерял он доверие к своей жене; пусть же не расстроится между ними вконец мир и согласие.

17 (30) ноября 1903. Понедельник

Отец Роман Фукуи подробно описывает свое посещение христиан на острове Кунашире. Все с радостью принимали его, исповедались и приобщались Святых Тайн; но оказались и охладевшие от многолетнего разобщения со священником и Церковью. Трогателен рассказ об одной христианке. Когда он обедал однажды в небольшой таверне, послышалось, что неподалеку медведь, и все из дома ушли на облаву его; осталась одна молодая женщина, хозяйка, которая со слезами бросилась в ноги отцу Роману и объявила, что она христианка, но что в этой семье все ненавистники христианства, и она принуждена скрывать свою веру. Родом она из Ооцу-цу, где крещена маленькою и, будучи 11-12-летней девочкою, постоянно ходила в церковь, пела при Богослужениях и слушала поучения; но ее отдали в эту семью, где она ныне, чтоб она, подросши, вышла замуж, и вот она здесь ныне много лет без всякого христианского утешения, но не забывшая христианских поучений и не утратившая своей детской веры, хотя и принуждена скрывать ее. Отец Роман, насколько можно, утешил ее словом участия и будет иметь ее в виду при дальнейших посещениях острова.

18 ноября (1 декабря) 1903. Вторник

Отец Сергей Судзуки описывает свою поездку по Церквам в Циукоку. Христиане исповедались и приобщались; но нигде ни одного крещения; особенно безнадежно в Акаси, где бездейтельнейший из катехизаторов Макарий Наказава. Отец Сергей пишет, что много мешали ныне производящиеся там военные маневры; из-за этого будто бы и крещений не было; некогда, мол, было готовиться. Так! Плохим все — помеха!

19 ноября (2 декабря) 1903. Среда

Отец Николай Сакураи пишет, что «в Суцу происходит затруднение в получении денег за проданную церковную землю и здание». Продали за 600 ен; участок хоть в самом центре города, но мал, а за 600 ен можно большой купить на окраине, которая со временем тоже окажется внутри города, потому и продали. Соображение, по-видимому, недурно, а конец чуть ли не выйдет плохой, — деньги едва ли получат. Не нужно было попадаться на удочку прожектера какого-то.

Лука Ясуми пишет, что в Мацукава христиане приторговали дом и земельку под ним очень сходно, за 200 ен, и очень хотят приобрести для церкви, но собрали себе только 80 ен и никак не могут дать больше. Просит Ясуми от меня 120 ен. Но, во-первых, не священник пишет об этом; во-вторых, где же мне набраться денег на подобные просьбы? Впрочем, сказал я секретарю Сергею Нумабе частным образом узнать у священника о. Т. Катакура, верно ли то, что пишет Ясуми.

23 ноября (6 декабря) 1903. Воскресенье

Из Канума была христианка, которая очень хвалилась оживлением своей Церкви, а про Уцуномия говорила, что Церковь совсем в упадке, несмотря на то что там местопребывание священника отца Тита Комацу; зато катехизатор здесь Иоанн Ака-си — совсем плохой.

Князь Гагарин из Нагасаки пишет, что принялся хлопотать о назначении священника для Нагасаки и что этот священник должен, между прочим, завести школу, в которой воспитывались бы переводчики, которых ныне нет. И, кстати, упоминает, что прогнал со службы там Андрея Минамото (бежавшего с миссийской службы кандидата богословия) за недобросовестность и леность; перестал работать с тех пор, как стали в газетах писать про разлад Японии с Россией, или же на требование консула представлял ему вместо переводов из газет свои собственные выдумки.

24 ноября (7 декабря) 1903. Понедельник

Идет перевод Службы Великомученику Георгию. 2-го канона нет здесь на греческом, а славянский текст в иных местах — просто набор слов, которых не свяжешь, как ни думай. Хотел бросить, пока добуду как-нибудь греческий подлинник; впрочем, с присочинением и опущениями — пошло. О выписке из Петербурга полного Греческого Богослужбного Круга, если оный обрящется, тем не менее придется подумать. Нужно будет написать Петру Андреевичу Гильтебрандту, справщику в Синоде и хорошему знакомому. <...>

25 ноября (8 декабря) 1903. Вторник

В Хацинохе не хотят Павла Сибанаи, требуют опять Игнатия Метоки, особенно тамошняя молодежь шумит об этом. А Метоки пред Собором только что выпросился из Хацинохе, — «совсем бесплодное-де место». Отец Борис Ямамура просит удовлетворить просьбу христиан Хацинохе. Ладно; пусть переместятся кате-хизаторы опять, как были до Собора: Сибанай в Саннохе, Метоки в Хацинохе; быть может, последнее — этим будет несколько оживлено.

Большой отчет отца Бориса Ямамура о путешествии по Церквам. Безлюдно в этом году до крайности. Очевидно, нынешний разлад Японии с Россией мешаает проповеди. Нигде крещений нет, нигде оживления. Только в Хиросаки жена майора Одеки, изучающего ныне русский язык в России, хлопочет о привлечении к Православию своих знакомых протестанток, должно быть, товарок ее по учительству в тамошней женской школе.

26 ноября (9 декабря) 1903. Среда

<...> Получил письмо от Федора Янсена, студента Петербургской Академии, письмо с описанием его тяжелой и упорной болезни и того, как невнимательно обращались с ним в Академической больнице; просит сто рублей из своих денег, наследованных от родителей и хранящихся здесь в Миссии. Письмо очень печальное; весьма жаль его. Тотчас же я написал отцу Феодору Быстрову, чтоб дал ему просимые сто рублей (которые дадут ему возможность отправиться на минеральные воды в Старую Руссу, или другое место), а ему, чтоб получил и старался поскорей вылечиться, чтоб не запускать занятий, и что, если мало, пришлю еще.

27 ноября (10 декабря) 1903. Четверг

Так как вышеозначенные письма не скоро дойдут, болезнь же не терпит, а пользуется временем введаться глубже, то я утром отправил телеграмму отцу Феодору, чтобы отдал Янсену 100 рублей на лечение; за 9 слов телеграммы взяли 18 ен 72 сен, по 2 ен 8 сен за слово.

Давид принес корзину груш от одного посетителя-язычника, и я его принял. Замечательный человек: был у него друг, христианин Андрей Хасегава; умер этот друг 17 лет тому назад, и до сих пор язычник этот не перестает поминать его и просить молиться о нем. Живет он в Ниегата и оттуда неоднократно присылал деньги на поминовение его друга; а когда бывал в Токио, то лично просил до сих пор всегда отца Павла Сато служить панихиду по Андрею. И теперь вот, лишь прибыл по делам в Токио, как посетил могилу своего друга и будет просить священника отслужить панихиду. Ныне он очень печален смертью в непродолжительное время двух сыновей, матери и брата, и при всем том о друге нисколько не утратил памяти.

Но странно: сам завзятый буддист и в христианство не думает обращаться, хотя о нем имеет понятие. Человек он образованный и развитый, бывший в Англии, Франции и Бельгии, знающий отлично, что буддизм есть не что иное, как философия пантеизма; но личного Бога признать отказывается и цепко держится за свое старое вероучение, желая только улучшить жизнь бонз и привести в большой порядок внешнее управление буддийского культа. Говорил я с ним о Боге, о будущей жизни; по-видимому, верит, что души его любимых умерших не уничтожились; но все-таки говоренное мною ему — как по стене горох.

Дал ему христианские книги, советовал вдуматься в них и молиться Отцу Небесному, чтоб Он открыл Себя ему; дай Бог, чтоб послужило ему в пользу, чтоб поборолось его гордость и индифферентизм! Много очень симпатичного в его душе. <...>

28 ноября (11 декабря) 1903. Пятница

Вчера Император открыл Парламент, а сегодня закрыл его. Причина следующая: в Нижней Палате вчера, после отъезда Императора, тотчас же вотирован и утвержден ответ на речь Императора. Этот ответ был заранее приготовлен в секрете председателем Нижней Палаты, которым на этот раз избран Кооно Хироюки. Разом он был прочитан и без всяких прений сгоряча принят. В нем выражено «порицание внешней политике Кабинета, печаль по этому поводу и просьба Императору — вразумить Кабинет». За это Нижняя Палата и распущена. Всему виной, значит, неулаженность нынешних переговоров с Россией. Партия войны сильно желает вовлечь Японию в войну, конечно, имея в перспективе победить Россию. Не столь горячие оптимисты думают, — «хоть и не победим, но все же приобретем большое реноме, — воевал и-де с одной из сильнейших держав Европы», — и тоже желают войны. Самые благоразумные люди, к которым принадлежат составляющие нынешний Кабинет (Премьер Кацура, Министр иностранных дел Комура), опасаются поражения и потому не решаются на войну. Масса же страны, разумеется, желает мира. Мира и дай Бог! <...>

29 ноября (12) декабря 1903. Суббота

Сегодня в газетах излагается, что суд нашел виновным Ока-да Куматаро, бывшего оосакского инспектора школ, в домогательстве обманным образом получить с меня 1500 ен за выдачу будто бы важных военных секретов; но вина отнесена к числу не важных преступлений, так как его мошенническое намерение не приведено было в исполнение.

Отделил из запасной библиотеки и выдал в Семинарию много книг, чтоб там для удобства учеников была самостоятельная небольшая библиотека из серьезных религиозных книг.

3 (16) декабря 1903. Среда

От часу не легче! Сегодня в «Japan Daily Mail» некто Rev. Jones из Сендая опрокинулся на Православие в Японии. Это из-за статьи в «Religions Summary», бывшей в «Mail» дней десять тому назад. Там сделано было извлечение из статьи Петра Исикава в «Фуку-ин-симпо» обо мне. Его просили написать в эту протестантскую газету что-нибудь обо мне; он и написал, и пересолил в похвалах, между прочим сопоставил меня с протестантскими миссионерами к их невыгоде, что «Николай-де не ездит летом в горы отдыхать, как делают те, а продолжает заниматься своим делом», и прочее подобное. Сегодня Jones и отпаривает все это, и взводит, кроме того, разное на Православие: «оно-де, идя из России, вводит здесь русский порок — пьянство» (и откуда он взял это?), оно «аскетично», а это для Японии не годится, — «то ли дело протестантская жизнерадостность, заимствованная ими якобы от Апостола Павла!» Оно — «многообрядно», — а это тоже для Японии не идет, и так далее. Если бы он взял в соображение число православных в Японии и число баптистов, — несмотря ни на что у Jones'a десятки товарищей миссионеров, а православных миссионеров хоть шаром покати, — то не стал бы блядословить, что протестантство больше нравится японцам, чем Православие. <...>

6 (19) декабря 1903. Суббота

Тезоименитство нашего Государя; но по болезни ушей я не отправился на молебен в Посольство, а поздравил барона Розена письмом, на которое он ответил, что у него тоже болезнь, да, по-видимому, еще в большей степени, чем у меня. Был на экзамене в Семинарии по русскому языку в 4 классе, где 10 учеников, и во 2-м, где 37 и двое русских. Отвечали удовлетворительно. Очень приятно, что и наши двое начинают порядочно говорить по-японски.

12 (25) декабря 1903. Пятница

Утром последний экзамен был в Семинарии и Катехизаторском училище; я, впрочем, на него не пошел, а переводил и приводил в порядок расписки к отчетам. После полдня была вторая и последняя рассылка содержания провинциальным служащим на 1-й и 2-й месяцы будущего года; всего в два приема разослано: 6150 ен 78 сен.

Ученицы вчера, по окончании своих экзаменов, стали исповедаться; сегодня исповедь всех была кончена, и завтра они приобщатся Святых Тайн. Всенощную пели семинаристы в два голоса, и пели очень порядочно; двухголосное пение начинает пониматься и прививаться.

В «Ямато-симбун» ежедневно печатается две статьи самой наглой лжи и клеветы на Миссию и православных христиан. Пишет протестант, некто Иосида, нанятый буддистами, так как газета буддийская. Приходил сей человек в нашу редакцию и подговаривался, чтоб ему заплатили, чтоб перестал писать. Действительно, мерзкая газетка и мерзкий человек. Мы не отвечали ничего на эти пакости. Но полиция, по-видимому, потеряла терпение и хочет, должно быть, остановить пакости: сегодня из полицейского ведомства сделали запрос в нашу редакцию: в каком она отношении к той газете? Исая Мидзусима написал отзыв, как Иосида два раза приходил в редакцию, как они (наши писатели) разъясняли ему все о нашей Церкви, как он приговаривался, чтоб ему дали денег, хоть

третью часть того, что Окада хотел получить от Миссии, то есть 500 ен, как озлился, что наши над этим только посмеялись, и прочее. Отзыв подписан четырьмя нашими писателями и отправлен в полицейское ведомство.

Сегодняшняя наглость особенно возмутительна: в одной из недавних статей была клевета, будто у нас при крещении попирается портрет Японского Императора: сегодня, якобы в удостоверение этого, приводится письмо одного, будто бы искренне желавшего креститься у нас, но возмущившегося, когда его хотели заставить топтать портрет Императора, и умершего не крестившись. Что за мерзость!

15 (28) декабря 1903. Понедельник

Ученики Семинарии и Катехизаторской школы исповедались сегодня, чтоб завтра приобщиться Святых Тайн.

Молодой наставник Семинарии Василий Нобори с двумя учениками Семинарии приходил попросить позволения разыграть им на Святках в Семинарии комедию Гоголя «Ревизор»; надеются разучить и приготовить не всю, а главные места из ней. Это-де особенно в видах изучения русского языка. Для сей же цели у них будут происходить ежемесячные внеклассные литературные чтения по-русски; профессор Семинарии Ивасава и прочие обещают делать их. Дело хорошее. Я вполне одобрил. И развлечение, и польза.

Когда приступил сегодня к писанию донесения в Святейший Синод о годовом состоянии Церкви, мысль неожиданно увлеклась в сторону: к писанию прошения в Святейший Синод о назначении сюда миссионера, нужда в нем действительно самая вопиющая, особенно для благочиннической службы по церквам. Если это побуждение от воли Божией, то прошение пошлетя и миссионер пришлетя. Дай-то, Господи!

17 (30) декабря 1903. Среда

Отец Павел Морита пишет, что в Оомия бонзы на своих проповедях, подзадоренные злословиями «Ямато-симбун», до того меня поносили, что протестантский епископальный катехизатор не вытерпел и стал защищать меня, и что вследствие этого к его жене, обучавшей маленьких детей, половина детей перестала ходить. Недаром, значит, мы приятели с аглицким епископом.

Виссарион Такахаси, катехизатор в Кумамото, описывает печальное положение молодого человека Иустина Нода. Человек способный, готовился в университет, но захворал и должен был вернуться из Токио в Кумамото. Там познакомился с Виссарионом и скоро сделался христианином, между тем сестра его, 14 лет, уже отдана была на воспитание в католический приют. Там стали требовать, чтоб брат сделался католиком, иначе она будет выгнана из приюта; но вопреки их гневному требованию и бабка была крещена в Православие; тогда католики действительно выгнали сестру Иустина из приюта. И у него теперь на руках мать, бабка и сестра; служит он в почтамте и тем содержит семью. Но очень хочется ему в Катехизаторскую школу; и Виссарион спрашивает: «Нельзя ли ему, учась здесь, служить в то же время переписчиком при редакции и тем зарабатывать на пропитание семьи?» — Плохой план! Пока что я написал к отцу Петру Кавано, чтоб он, коли находит сестру Иустина подходящею к нашей Школе, посоветовал ему просить принять ее сюда в Школу; я послал бы на дорогу ей до Токио. Дальнейшее пусть пока на волю Божию.

19 декабря 1903 (1 января 1904). Пятница. Японский Новый год

Встал с головною болью, должно быть потому, что углерод из камина потянуло в комнату. Уши тоже очень заложены.

В 8 часов Литургия, отслуженная тремя иереями, при пении обоих хоров. Потом обычные поздравления церковнослужаших и немногих христиан из бывших в церкви; в церкви тоже мало было.

Потом обычные раздачи денег — певчим, всем учащимся, служащим, детям Воскресной школы и прочим.

В город с поздравлениями никуда не поехал, а разослал всюду, куда следует, визитные карточки.
<...>

20 декабря 1903 (2 января 1904). Суббота

Приготовление отчетов.

Перед вечером посетил русский турист: «Владимир Николаевич Страшников, артиллерии капитан», служивший в Порт-Артуре с самого начала занятия русскими его, в последнее время лечившийся в Нагасаки и ныне путешествующий по Японии с женою и маленьким сыном. В разговоре с ним я, между прочим, спросил:

— Когда русские заняли Маньчжурию, слышно было, что туземцы очень рады этому: русские освободили их от беспорядочного китайского управления. Теперь же пишут, что маньчжуры возненавидели русских и желают освободиться от них. Правда ли это?

— Пожалуй, что правда, — ответил капитан.

— Но отчего же? Русские, кажется, не притесняют их.

— Прямо не притесняют, а управлять не умеют, что почти то же. Объясню следующим. У одного умного маньчжура спросили: «Под чьим бы управлением он хотел видеть свою страну?» Он, не задумываясь, ответил: «Под английским, у англичанина в груди пусто, но в голове обильно. Он составит 77 правил и даст их в руководство управляемым, да сам прежде всего строго исполняет, требует неуклонного исполнения и от других; и у него под рукою знаешь, чему следовать, — дорога ясна и пряма. А у русского в груди обильно, но в голове пусто; закон для него не закон; он то исполняет его и требует исполнения, то не исполняет и сквозь пальцы смотрит на нарушение; так что у него не знаешь, чему следовать, и не чувствуешь себя обеспеченным...» Нелестно для нас!

21 декабря 1903 (3 января 1904). Воскресенье

После Обедни зашел воин попросить благословения пред отправлением в поход, и именно в Маньчжурию, — значит, на войну с русскими; говорит, что в продолжение следующих десяти дней непременно будет выступление. По-видимому, японцы решили начать с нами войну. Жаль, если так! Не пришлось бы уехать отсюда, что составит большой ущерб для перевода Богослужения. Воин оный — Иоанн, родственник богача Саймару в Оцу, состоит в Гвардии санитаром; человек очень благочестивый; каждое воскресенье бывает за Литургией. Весьма желает приобщиться Святых Тайн пред отправлением, но никак не может отлучиться вечером из казарм, чтоб помолиться за Всенощной. Я сказал ему, чтоб он усердно помолился вечером дома у себя; утром же пусть придет в Собор, поисповедается, помолится за причастным правилом и приобщится Святых Тайн, что он и сделает в один из дней наступающей недели, когда будет совершаться Литургия, если только внезапно не последует выступление.

24 декабря 1903 (6 января 1904). Среда. Сочельник

С 10 часов Богослужение, продолжающееся ровно до 1 часа пополудни, несмотря на значительные сокращения в часах. Из города весьма мало было; почти одни учащиеся молились и пели. Отец Роман Циба служил. На величание по конце Литургии и я выходил.

Всенощная пред праздником была по облачениям великолепна, по молящимся бедна: из города

христиан наших было мало. Русское семейство было вышеупомянутого Страшникова, да протестантских миссионеров слушать пение было много.

26 декабря 1903 (8 января 1904). Пятница. 2-й день Праздника Рождества Христова.

<...> С негодованием в душе вышел от юного секретаря Арсеньева, так любящего копировать Императора Вильгельма в фабрениии своих усов: на главной стене в комнате высоко водружена буддийская божница: «я так люблю это», говорит.

— А иконы-то нет у вас? — спрашиваю, не видя нигде оной по стенам.

— Нет, есть. — говорит. — вот она. — и указывает на входную стену; действительно, налево от порога в углу высоко едва видна какая-то крошечная иконка. Так и отпечатался во всем этом интеллигент последней формации, без религии и без здравого смысла, один из захиренных баранов Панургова стада. А еще с такой прямо русской фамилией! Гадко! Сколько он в свою жизнь наложит грязных пятен на русское имя! Какое мерзкое воспитание ныне дают и каких нравственных калек выпускают в жизнь!

27 декабря 1903 (9 января 1904). Суббота

Усилившаяся боль в горле помешала идти к Обедне, которая была с 8 часов. Послал за доктором Како, чтоб начать лечение ушей, если можно их поправить, да, кстати, и горла. В 4-м часу Како прибыл, осмотрел, испробовал и промыл уши; улучшения, по-видимому, не обещает; говорит: «Косточки (молоток, наковальня, стремя) перестали правильно отправлять свои действия». Горло помазал йодом и прислал полоскательное. Наружу не велел выходить, так и сегодня во Всеношной не был, что довольно тягостно.

28 декабря 1903 (10 января 1904). Воскресенье

Опять Богослужение без моего участия, что решительно удручает. Одна только выгода этого затворничества: над отчетами можно беспрепятственно работать, а работы еще много, — помогать некому.

Во 2-м часу опять был доктор Како, проделал с моими ушами то же, что вчера. Уши мои на этот случай моей жизни я признаю, нимало не колеблясь, ослиными, а обладателя их ослом. В начале девятого месяца, когда началась болезнь, призвать бы врача, и дело было бы упрощено, излечение быстро последовало бы, вероятно. Но я располагал на силы самого организма: исправится-де повреждение взаимным содействием других, здоровых, членов организма. <...> Тотчас бы продуть уши сквозь евстахиеву трубку, пропустив воздух, прочистить среднее ухо, и все бы прошло. Но я — по невежеству и упрямству, свойственным ослу, — предоставил натуре. Натурально и последовала малоподвижность слуховых косточек от склеенности их. Поди жди теперь, пока размягчится клейкая материя между ними! Да и размягчится ли? Во всяком случае, дело долгого лечения, а успех одного сомнителен. Вперед — и себе, и кому попадутся эти строки — завещаю при всякой болезни тотчас же стараться понять причину ее и последствия. Есть, конечно, пустячные болезни, которые, по uznанию, предоставляются самой природе организма, но большая часть болезней требует искусства врача, к которому и Сам Бог велел нам прибегать, если не хотим казаться глупыми рабами, к каковым я причисляю себя. <...>

31 декабря 1903 (13 января 1904). Среда

<...> Ко Всеношной доктор меня не пустил, говорит: «Если простуда горла усилится, то и болезнь ушей делается трудней». Завтра к Обедне тоже велел не ходить, а держаться безвыходно теплой комнаты. Плохое окончание года!

1904 г.

1 (14) января 1904. Четверг

Скучное начало нового года — нигде, кажется, более скучного и тяжелого не было. Кашель мучил ночью; встал с головною болью. Погода пасмурная; в церковь идти нельзя; уши заложены, кашель не перестает; расположение духа мрачное. Натужиться и прогнать его? Да как? Рычаг нужен, а его подчас никак не сыщешь. Терпеть уж, нечего делать! Эх, если бы сию минуту пришла телеграмма: «Едет, мол, миссионер, вновь назначенный на службу в Японию!» Вот бы рычаг. В момент все невзгоды рассеялись бы!..

Между сегодняшними посетителями были Rev. A. King, английский епископальный миссионер, с собратом из Кореи. Вот у них так миссионеров не оберешься, — куда хочешь и сколько запросишь, — с избытком! Должно быть, еще чрез тысячу лет и в Православной Церкви появится сколько-нибудь подобной живости. А теперь она — птица об одном крыле.

2 (15) января 1904. Пятница

Учение в школах началось, а я с Накаем не мог засесть за перевод: доктор запретил употреблять горло, чтоб не помешать ему скорее вылечиться. Впрочем, отчетами занимался, хотя и вяло, — как-то все не оправиться от хандры, кроме болезни.

16 (29) января 1904. Пятница

<...> А сегодня Павел Накаи рассказал мне следующее. Образовалось общество сорванцов разрушить Миссию и убить меня; десять человек из них схвачены и посажены в тюрьму за это; независимо от них еще один готовился убить меня, но его арестовали и нашли сумасшедшим, потому отправили под конвоем на родину, где он посажен в домашнем аресте в клетку. На днях было большое собрание с воинственными речами, и один выступил с темой «Никорай» и начал было доказывать, что меня для блага Японии надо уничтожить, но полицейский остановил его. Что опасность для меня не шуточная, показывает следующее: два дня тому назад 30 полицейских охраняли Миссию ночью, так как враги собирались в эту ночь разгромить Миссию и убить меня. А что такой казус возможен, доказывается тем, что сутками раньше толпа в 40 человек напала на редакцию «Ниро-ку-симбун» за то, что будто бы в составе ее есть русский шпион, и разнесла ее — побила окна, внутри все переломала. Все эти приятные новости сообщены Акиле Кадзима знакомым ему полицейским, а Кадзима просил Павла Накаи передать мне в предосторожность. Спасибо полиции, что охраняет Миссию; без нее бы давно уже беды наделали японские ultra-патриоты.

22 января (4 февраля) 1904. Четверг

<...> Сегодня провели воду в Женскую школу из городского водопровода, то есть из трубы, которая идет из Семинарии в Миссию. До сих пор там употребляли колодезную воду и для питья, и для варки; теперь она будет только для ванной и стирки. Опасность для меня и Миссии от дурных людей увеличивается; сегодня из полиции сообщили: «Три полицейских ночью неусыпно будут охранять Миссию; но в случае нападения толпы заговорщиков их будет мало для защиты Миссии; в то же время они и отлучиться не могут, чтоб призвать помощь; поэтому пусть, в случае нападения, люди Миссии немедленно побегут в три ближайших полицейских дома позвать других полицейских». Вследствие этого даны приказания прислуге исполнить это. В то же время я велел узнать, сколько бы стоило устройство телефонного сообщения Миссии и как скоро оно может быть устроено.

Буддийские бонзы, прикрываясь воинским патриотизмом, воздвигли гонение на Православную Церковь — вот в чем главное; «Ямато-симбун» — буддийская газетка, возбуждающие речи в

устроаемых для этого собраниях (как вчера) против меня и Миссии произносят бывшие или переодетые бонзы. Нужно заметить, впрочем, что ни хорошие, ни даже посредственные люди и газеты нисколько не участвуют в этой неприязненности к Миссии и Православной Церкви. Это — дело подонков японского общества.

Отец Алексей Савабе приходил сказать, что отец его, о. Павел Савабе, очень болен: половина тела в параличе, хотя не полном, ходить с трудом может, речь не свободна, лицо перекошило; кроме того, страдает от задержания мочи. Очень жаль бедного старика! Дал денег на лечение.

25 января (7 февраля) 1904. Воскресенье

Литургия совершена соборно, как и всегда; христиан в церкви было не меньше обыкновенно; нехристиан же, кажется, ни одного.

С половины 12-го часа, когда кончилась Обедня, до половины 3-го пополудни у служащих Церкви шло совещание. Всех участвующих было 45 человек. Когда составлены были решения, известили меня, и я отправился на собрание во 2-й этаж в полукруглую комнату. Иван Акимович Сенума прочитал мне написанные пункты решений, сопровождая пояснениями. 1. все поголовно желают, чтоб я остался; 2. из 45 — шесть голосов за то, чтоб я жил в Миссии, а для безопасности в том посольстве, которому поручены будут русские; 3. чтоб наняты были два человека: один — безотлучно быть при входных в Миссию дверях, другой — ночью охранять Миссию внутри и наблюдать за главными воротами; 4. чтоб из трех ворот в Миссию двое были затворяемы с зажжения фонарей, и прочие маловажные пункты.

Павел Накаи еще прибавил: «Чтобы для всех был очевиден патриотизм христиан Православной Церкви, желательно: 1. чтобы христиане делали пожертвования на войну, 2. чтобы предложены были для употребления на войне переводчиками знатоки русского языка из христиан, даже из учеников Семинарии». Все одобрили и это. Я молча все выслушал и ответил на все пункты, в иных кое-что исправляя. На первый я сказал следующее: «Меня радует ваше желание, чтоб я остался здесь, так как это показывает вашу заботливость о Церкви. Ваше желание вполне совпадает с моим, и я думаю, что оно согласно с волей Божией. Признаюсь, мне приятнее было бы уехать в Отечество, где я не был 23 года; но утром, во время совершения предпричастного правила, совесть меня укорила за это поползновение оставить без призора столь юную Церковь, и я твердо и радостно решил остаться. Оставшись, я буду делать, что доселе делал: заведовать церковными делами, переводить Богослужения. Но в совершении общественного Богослужения, пока война не кончится, участвовать не буду по следующей причине: во время Богослужения я вместе с вами молюсь за Японского Императора, за его победы, за его войско. Если я буду продолжать делать это и теперь, то всякий может сказать обо мне: "Он изменник своему Отечеству". Или напротив: "Он лицемер: устами молится за дарование побед Японскому Императору, а в душе желает совсем противоположного". Итак, вы совершайте Богослужения одни и молитесь искренно за вашего Императора, его победы и прочее. Любовь к Отечеству естественна и священна. Сам Спаситель из любви к Своему земному Отечеству плакал о несчастной участи Иерусалима. Итак, начнется война, служите молебн о даровании побед вашему воинству; одержит оно победу, служите благодарственный молебн: при обычных Богослужениях всегда усердно молитесь за ваше Отечество, как подобает добрым христианам-патриотам. Я, по возможности, буду приходить в церковь на Всенощную и Литургию и стоять в алтаре, совершая мою частную молитву, какую подскажет мне мое сердце; во всяком случае первое место в этой молитве, как и всегда, будет принадлежать Японской Церкви — ее благосостоянию и возрастанию. Думаю, что употребление колоколов на это время лучше прекратить, чтоб не раздражать и не вызывать на грубые поступки тех, которые не успели или не хотели понять, что здесь не русская церковь, а вполне японская; христиане и без звона знают, что с 6 часов Всенощная, а с 9 наутро Обедня. Впрочем, обо всем этом нужно поговорить с Министром внутренних дел и с полицмейстером. Пусть избранные

между вами отправятся в Министерство и прежде всего попросят охраны всем здешним зданиям, так как это — принадлежность Японской Православной Церкви, потом спросят — употреблять звон или нет; наконец, скажут, что я остаюсь, и попросят также охраны для меня». (Причем мне заявили, что такой комитет, «ийн», на всякий случай уже избран — отец Петр Кано, Савва Хорие и Василий Ямада составляют его.)

Что касается перехода в другое место для житья, то я от этого отказался. На нанятие двух человек согласился, на затвор ворот тоже. Положили еще было нанять двух полицейских, кроме тех, что приставлены сюда от полицейского ведомства; на это я не согласился, — было бы излишне и отчасти неделикатно относительно казенной охраны, — как будто мы недовольны ею.

Павлу Накаю я сказал, что его мысль о пожертвовании христиан на военные нужды хороша, пусть исполняют ее. «Что же до предложения переводчиков к войску, то это неудачное соображение: и без того вас всех подозревают, что вы русские шпионы (ротан); тогда сказали бы, что мы постарались наших шпионов втиснуть в самые важные места, чтоб оттуда искусными путями передавать известия русским». Все засмеялись, и мысль Павла Накаи, очевидно, провалилась.

Заведующим школами я сказал, чтоб занятия неукоснительно и правильно продолжались, как всегда. «Ученикам Семинарии еще рано думать о войне, — их время придет потом...»

В половине 5-го часа я отправился в Посольство, чтоб заявить Посланнику, что остаюсь здесь. <...>

26 января (8 февраля) 1904. Понедельник

Утром перенес в архив, в библиотечном здании, из канцелярского шкапа все нужные русские бумаги. Потом разобрал книги, присланные для библиотеки Посланницей, Елисаветой Алексеевной Розен, вследствие моей просьбы ей вчера вечером, чтоб книги, которые она не думает брать в Россию, прислала в библиотеку Миссии. Вместе с книгами прислала 6 икон, все новые и очень изящные.

Комитет, вчера избранный: отец Петр Кано, Савва Хорие и Василий Ямада, был в Министерстве внутренних дел; самого Министра они не видали, — болен; но главное начальство там уверило их, что нашей Церкви и зданиям будет охрана, как всегда; Богослужение может свободно отправляться. Насчет звона — как нам угодно, — это-де не их дело; можем звонить, можем и не звонить; мне — Епископу Николаю, тоже обещали охрану и сказали, что могу остаться здесь без всякого опасения; только советовали вне дома показываться с осторожностью, чтоб избежать возможных оскорблений.

Из Министерства внутренних дел они пошли в Полицейское управление, и там им сказали то же самое, то есть обещали охрану и покровительство Церкви, зданиям и школе.

Значит, и звон к Богослужениям будет здесь, как всегда. Это гораздо лучше, чем придуманная было нами уступка; могли бы подумать, что Церковь струсилась и притаилась; стало быть, есть причины на то в ней и тому подобное.

Так было обрадовался я, что теперь дело решенное — я здесь остаюсь, — и отправился известить Посланника, что со стороны Министерства внутренних дел нет к тому никаких препятствий. Но, увы, новое препятствие! Посланник не решается оставить меня здесь, сказав: «Подумаю об этом и дам ответ завтра». Опасается, видно, чтоб меня не убили здесь, и чтоб снять с себя всякую ответственность, хочет, должно быть, телеграммой спросить — позволяется ли мне здесь остаться? О себе сказал барон Розен, что получил телеграмму от Императора, повелевающую ему «немедленно оставить Японию со всем Посольством».

Если не позволят мне остаться здесь, остановлюсь в Шанхае, чтоб быть вблизи Церкви. И чайка не улетает далеко от своего гнезда, как я могу оставить мою юную, еще не оперившуюся Церковь?

Все они волнуются от одной мысли, что я оставляю их без призора, уеду в Россию. Только что сию минуту вышел от меня отец Павел Морита, прибывший из Маебаси, встревоженный, с вопросом:

как я поступлю? Успокоил его и отправил к отцу Петру Кано узнать все подробности. И так, конечно, по всем Церквам тревожатся. Завтра пойдут по Церквам успокоительные печатные листки, в которых значится то, что было говорено и решено вчера на собрании.

28 января (10 февраля) 1904. Среда

В 9-м часу поехал в Йокохаму по делам. Полипейский в форме сопровождал, не отставая ни на шаг с отъезда до возвращения. Уговаривал не заботиться так уж очень обо мне, — днем среди людей, вероятно, никто не решится напасть на меня. Говорил: «меирей» — «так приказано», с таким словом ничего не поделаешь. <.,>

29 января (11 февраля) 1904. Четверг

<...> В то время как я писал письма, доктор Како прислал счет за лечение моих ушей — по 10 ен за визит, всего 250 ен! Я в ужас пришел! Но нечего делать, молча заплатил. Зато теперь уже доктора — и умирать буду — не позову.

Из экстренных телеграмм (го-гвай) и из «Japan Mail» еще большие ужасы узнал: несомненно, что наши «Кореец» и «Варяг» у Чемульпо потоплены. Кроме того, было морское сражение у Порт-Артура, где будто бы тоже потоплены наши первоклассные броненосцы «Цесаревич», «Пересвет» и «Паллада»; да и затонули в самом входе на Порт-Артурский рейд, так что затворили вход и выход другим судам. Мало того, будто бы 11 наших военных судов повреждены до дальнейшей неспособности к бою; и этого мало: 5 пароходов Добровольного Флота взяты в плен. Ужасы! Если и половина правда, то — великий позор и величайший урок для России.

От известий этих даже голова разболелась. А у японцев лица блистают радостью, — да и как иначе?

Жандармский полковник приезжал сказать, что для лучшей охраны Миссии кроме полицейских поселается здесь еще жандарм. На вопрос «Где бы водвориться ему?» я указал комнату в квартире Д. К. Львовского, который сегодня в полдень со всем семейством выехал в Йокохаму, чтобы завтра вместе со всеми посольскими отправиться на французском пароходе.

В 6-м часу я отправился в Посольство свезти мою корреспонденцию и попрощаться со всеми. Двое полицейских на тележках сопровождали: один впереди, другой — сзади, так как по случаю праздника народа на улицах много. Посланник взял мои пакеты в свой саквояж, чтоб доставить по адресам. Успокоил он отчасти насчет известий об японских победах: по телеграмме из Сайгона, повторяющей телеграмму Наместника Алексева, ни одного нашего броненосца не потоплено у Порт-Артура, хотя все суда, участвовавшие в сражении, потерпели значительные повреждения. В сражении участвовали и крепостные орудия, так что японские суда тоже, вероятно, немало потерпели как от наших судов, так и от крепости, о чем японцы умалчивают.

Прощался я с бароном, баронессой и со всеми посольскими и печально вернулся к себе на Суругадай. Уезжают они из Токио с поездом в 9 часов 10 минут, — в Йокохаме прямо на пароход, а завтра с рассветом — из Йокохамы. Как скромен отъезд Посланника в подобных обстоятельствах! Точно украдкой уезжает.

30 января (12 февраля) 1904. Пятница

Составили следующее окружное письмо к христианам для успокоения встревоженной Церкви. «Благочестивым христианам Святой Православной Церкви великой Японии. Возлюбленные о Господе братия и сестры!

Господу угодно было допустить разрыв между Россией и Японией. Да будет Его святая воля! Будем верить, что это допущено для благих целей и приведет к благому концу, потому что воля Божья всегда благая и премудрая.

Итак, братия и сестры, исполните все, что требует от вас в этих обстоятельствах долг вернополданных.

Молитесь Богу, чтоб Он даровал победы вашему императорскому войску, благодарите Бога за дарованные победы, жертвуйте на военные нужды; кому придется идти в сражения, не шадя своей жизни, сражайтесь не из ненависти к врагу, а из любви к вашим соотечичам, помня слова Спасителя: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Ин. 15:13). Словом, делайте все, что требует от вас любовь к Отечеству. Любовь к Отечеству есть святое чувство. Спаситель освятил это чувство Своим примером: из любви к Своему земному Отечеству Он плакал о бедственной участи Иерусалима (Лк. 19:41).

Но кроме земного Отечества у нас есть еще Отечество Небесное. К нему принадлежат люди без различия народностей, потому что все люди одинаково дети Отца Небесного и братья между собою. Это Отечество наше есть Церковь, которой мы одинаково члены и по которой дети Отца Небесного действительно составляют одну семью. Поэтому-то я не разлучаюсь с вами, братия и сестры, и остаюсь в вашей семье, как в своей семье. И будем исполнять вместе наш долг относительно нашего Небесного Отечества, какой кому надлежит. Я буду, как всегда, молиться за Церковь, заниматься церковными делами, переводить Богослужение; вы, священники, усердно пасите подручное вам от Бога словесное ваше стадо; вы, проповедники, ревностно проповедуйте Евангелие еще не познавшим истинного Бога — Отца Небесного; все христиане, мирно ли живущие дома или идущие на войну, возрастайте и утверждайтесь в вере и преуспевайте во всех христианских добродетелях. Все же вместе будем горячо молиться, чтобы Господь поскорее восстановил нарушенный мир. Да поможет нам во всем этом Господь!

Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами! Аминь».

Призвавши Павла Накаи, перевел с ним это; завтра будет отпечатано и разослано по Церквам.

В газетах напечатано, что в Хакодате наши церковнослужащие: отец Андрей Метокси, катехизаторы Исайя Мураки и Феодор Тоёда, даже престарелый дворник Никита, да, кажется, и все живущие в церковных домах, как русские шпионы (ротан) выгнаны из домов; в 24 часа им приказано выселиться, — куда? Неизвестно. От наших ни от кого оттуда ни малейших известий, хотя это случилось уже несколько дней тому назад. Спрашивали мы телеграммой у христиан объяснения; ответа нет. На «русских шпионах» положительно помешались эти японцы! Всех христиан записали в шпионы и вот так с ними обращаются по местам! Просто несносно, наконец.

По газетным известиям сегодня японские морские победы несколько уменьшены: у Порт-Артура наши суда потоплены не были, только повреждены. Но как же честят нас в газетах! В сегодняшнем номере «Japan Mail» просто целый ушат помоев, самых грязных и вонючих, опрокинут на Россию! Это-де «такая варварская и такая подлая страна, что ее стереть с лица земли мало! А Япония — да это просвещеннейшая и милейшая из наций!» И как же нас ненавидят, кажется, все народы мира! Италия — и та даже радуется, что японцы разбили русский флот, — а какое зло мы причинили ей? Англичане же не помнят себя от ликования.

Надежда Такахаси, начальница Женской школы в Кёото, прибыла, вызванная несчастьем с ее братом Григорием, которого безвинно засадили в тюрьму как «русского шпиона». Говорила, что в день, когда взяли Григория, больше 30 полицейских разом напали на его дом и обыскали все до малейших подробностей, и, разумеется, ничего не нашли подозрительного или виновного.

Дом этот теперь продается, чтоб иметь деньги нанять адвоката. Так трудом добытое

благосостояние невинного человека вконец разрушается из-за глупой подозрительности. Завтра Надежда Такахаси возвращается к своему посту; про школу свою говорила, что в ней 30 учениц, из которых 10 проходящие, а из сих половина язычницы, учащиеся, однако, христианству и поющие в церкви вместе с христианами; про отца Симеона Мии говорила, что он ныне здоров, однако же нервные припадки бывают; про христиан, что все веру хранят, про Кёото, что в нем ни малейшего военного возбуждения, — все так же спокойно, как всегда.

31 января (13 февраля) 1904. Суббота

В четверг я отметил, что «отъезд Посланника был скромн, — точно украдкой уезжает». К счастью, это неправда; из сегодняшних газет узнал, что отъезд, напротив, был торжествен: больше ста человек знати и японской, начиная с придворной, и иностранной было на станции для прощания с ним; букеты были поднесены посланнице и прочим. Я не был на станции, потому что Посланник просил меня не приезжать, когда я прощался с ним в доме; да и куда возиться с хвостом полицейских!

Французский Посланник, господин Harmand, прислал официальное письмо, уведомляющее, что ему поручено охранение русских, пока будет война, и уведомляющее, что «он примет все меры, чтоб не учинено было ничего противного уважению, подобающему моему сану, что я вполне могу полагаться на него и обяжу его, испрашивая помощи во всякое время, когда она понадобится» .<...>

Я поблагодарил за эту любезность и уверил со своей стороны, что считаю себя совершенно безопасным под его покровительством. <...> на войну и выбрали многочисленный комитет заведовать сим сбором. Еще придумали новое: составить общество, по крайней мере, десяти девиц и молодых женщин и послать к услугам раненых воинов в госпитали — писать для раненых письма к их родным. Предложат общество это военному ведомству, которое, вероятно, причислит его к составу Красного Креста. Варвара Накаи, девица, сестра Павла Накаи, уже предложила себя для этого. Елисавета Котама располагает поступиться еще одною учительницею, из живущих в Женской школе. Об всем этом приходят мне докладывать.

Павел Ниццума, расстриженный, прислал письмо здешним священникам, в котором предлагает: «Наложить на христиан пост, пока война, не есть мясного, не пить вина, не курить, не общаться с женами, — усиленно молиться»; сочинил и прошение о мире, для вставления в ектению. Священники спрашивали меня: «Что с этим делать?» Я ответил: «Посоветуйтесь между собою, осуществимо ли, и ответьте ему на письмо, что найдете нужным. Во всяком случае, поблагодарите его за усердие. Впрочем, скажите мне, как вы найдете его предложение». Жаль, что впал в соблазн этот человек и должен был оставить духовное звание. Служить бы ему, как прежде, — много бы пользы принес. Усердие к духовному служению до сих пор не оставляет его.

Сегодня рассылается мое окружное письмо к христианам, выше написанное. Послано и во все редакции здешних газет.

Счел за лучшее отменить в нынешнем году Богослужение 1-й недели Великого Поста. <...> Довольно для учащихся отговорить в этом году на последней неделе; на первой же пусть учатся.

2 (15) февраля 1904. Понедельник. Праздник Сретения Господня

<...> Как начинают иностранцы чуждаться русских! Петр Исикава сегодня с удивлением рассказывал, что его приятель, американский миссионер Hagen, — с которым он переводит на английский статьи, что Rev Green выпрашивает от нас для своего сборника, — боится, чтоб не смешали его с русскими. А один немец на своем доме прямо-таки выставил доску с надписью по-японски: «Я не русский».

4 (17) февраля 1904. Среда

<...> Заказал провести в Миссию телефон. Будет стоить около 200 ен; но нечего делать! Теперь особенно нужен; но и для мирного времени пригодится; давно уже пристаю ко мне обзавести Миссию им, особенно наши авторы для переговоров с типографиями.

5 (18) февраля 1904. Четверг

Сегодня в японских газетах крупнейшим шрифтом длинные телеграммы: «Новая славная победа японского флота»; в «Japan Mail»: «Третье морское сражение». Что такое? Оказывается уж совсем похоже на ребяческую проделку: ночью одна японская миноноска подошла к Порт-Артуру и пустила мину в одно русское судно, а сама что есть пару наутек; эта даже и не хвалится, что ее мина попала в русское судно, а хвалится только тем, что сама осталась цела; потом другая миноноска сделала совершенно то же, но утверждает, что видела, как ее мина взорвалась и «должно быть-де повредила русское судно».

Адмирал Того даже и этого не утверждает в своем официальном донесении, а говорит только, что «моральное воздействие на русских от таких действий его миноносок было, несомненно, очень большое».

Да, моральное воздействие на русских есть, но не в том смысле, в каком хочется этого адмиралу Того, а в том, что этими шутовскими выходками японского флота тем не менее поддерживается бдительность русских и усиливается раздражение и решимость отплатить японцам настоящей победой. Кстати, сегодня есть и телеграмма о том, что адмирал Макаров едет сюда командовать нашим флотом; лучше этого назначения не может быть, если только правда, что он назначен.

Но вот беда: все, идущее ко мне по почте из России, и письма, и газеты, журналы и прочее, конфискуется японским правительством.

Если это продолжится, то Японская Церковь потерпит крушение, — нечем будет содержать служащих, — денежные высылки не достигнут Миссии. Будем всячески стараться устранить эту беду.

6 (19) февраля 1904. Пятница

Хотя в первую неделю Великого Поста не будет говенья, учащиеся тем не менее эти три дня Масленицы, начиная с вечера, отпросились для отдыха. Мы с Накаем, конечно, переводим, — и то много времени пропустили.

Сегодня большое торжество в городе, увешанном флагами, — по случаю прибытия из Италии купленных японцами двух военных судов, приведенных английскими экипажами.

Газеты, японские и аглицкие, даже просматривать невыносимо — так все исполнено восхвалением японцев и злорадством, что Россия не в авантаже (без сомнения, до времени) в нынешнем ее столкновении с Японией. Все, все ненавидят Россию! Прав был Александр III, сказав, что у нее только один друг — Николай, князь Черногогорский.

7 (20) февраля 1904. Суббота

Медовый месяц японского народа и войны: все счастливы, улыбаются, торжествуют. Окружающие меня из деликатности стараются, по возможности, не выказывать на своем лице торжества; тем не менее Накай мой напоминает распутившуюся наседку, счастливую цыплятами.

И уже начинают готовить список статей контрибуций, которую им, в заключение всех побед, придется получить с России; оставившие Владивосток японцы высчитали свои убытки, причиненные этим выселением, ровно в 3 500 000, то есть, вероятно, в сто раз больше действительно понесенных убытков.

8 (21) февраля 1904. Воскресенье сыропустное

Я теперь по окончании Литургии подхожу к кресту первым и потом иду из церкви, благословляя по дороге просящих благословения. Но и этого не советуют делать: «Во время остановки-де для благословения какой-нибудь язычник может подойти и ранить или убить ножом». Но уж слишком опасливы: всякому совету не могу следовать. <...>

10 (23) февраля 1904. Вторник

Вчера и сегодня устроен телефон в Миссии. Проведен в редакцию, которою служит большая полукруглая комната внизу, бывшая когда-то временною церковью.

В «Майници-симбун» сегодня я расхвален, что остаюсь здесь, несмотря на войну, в «Ёмиури-симбун» за то же самое руганя, до «дурака» (гу) включительно; тут же и портрет мой помещен, весь окаймленный руганью; и за портретом приходили нарочно в Миссию, причем, за неимением карточки у меня, кто-то и дал им мою карточку. А в одной протестантской газете похулено наше христианское общество за то, что очень встревожилось войною, что явствует-де из брошюрки, описывающей собрание христиан здесь и речи их. Брошюрку эту, действительно, не следовало рассылать чужим, а только своим бы.

Сегодня вышел походить на церковной площадке, для моциона, и что же? Два жандарма тотчас явились и стали в пяти шагах, а немножко подалше их стоял полицейский; и это несмотря на то, что ворота внизу заперты на замок. Народ пред воротами останавливается и смотрит. Неприятно очень. Ужели так будет все время войны?

По исследовании в почтовом ведомстве оказывается, что никто не отдавал приказаний задерживать письма и газеты, идущие ко мне из России, а их просто нет на почте; ни единого письма или чего-либо, адресованного ко мне. Должно быть, с нового года стали высылать сюда из России всю почту чрез Сибирь, и так как теперь сообщение прервано войною, то и не доходит ничего. Жаль, что оставили прежний способ посылать и заграничным путем.

Отец Игнатий Като пишет, что в его Церквах война не произвела никакого расстройства. — христиане остаются спокойными.

11 (24) февраля 1904. Среда

Генерал Куропаткин назначен главнокомандующим сухопутных войск в Маньчжурии. Таким образом, два лучшие военные человека России, адмирал Макаров и генерал Куропаткин, поставлены против японцев. Первому уже трудно будет поправить дело, потому что русский флот наполовину приведен в боевую неспособность; и при всем том, если он поправит и восстановит морскую честь России, то это будет незабвенная историческая услуга Макарова России. Дай Бог!

Так как в храм теперь никто не ходит — полицейские не пропускают чужих в ворота, — то с сегодняшнего утра перестали открывать храм: стоит он теперь целый день замкнутым. И ворота в Миссию сегодня заперли; открыта только калитка; ворота будут отворены только на время Богослужений. <.,,>

13 (26) февраля 1904. Пятница

Отец Сергей Судзуки, из Осака, пишет, что «настоящая война будет полезна по крайней мере в том отношении, что прекратит всегдашние до сих пор злонамеренные толки католиков, будто Царь есть Папа Русской, а чрез нее и Японской Церкви». Правда! <...>

14 (27) февраля 1904. Суббота

Сегодня между письмами прочитал два от Георгия Абе, катехизатора в Оцу (провинция Мито); одно ровно в три сажень моего полного размаха рук, другое в 21/г сажень. Так он рад, что война началась. — «полезно-де для Церкви. — воодушевление у христиан родит», и так хвалит меня, что закрадывается подозрение, не тронулся ли немножко.

Здесь наши служащие Церкви и церковные старшины из города, рассуждая о посылке в Хиросиму девиц в писательницы писем для раненых воинов и о прочем подобном, рассорились; Исаяя Мидзусима с своей партией вышел из состава комитета, по несогласию с другими. Обе стороны приходили ко мне жаловаться, но я в их патриотических рассуждениях не участвую; помирить же их старался. <...>

15 (28) февраля 1904. Воскресенье 1-й недели Великого Поста

До Литургии крещены трое взрослых. Это показывает, что война с русскими не остановила возрастания Японской Церкви.

Отец Симеон Юкава говорит, что у него был один из офицеров полиции квартала Асакуса и спрашивал, не причиняет ли ему кто-нибудь неприятностей или грубостей как христианскому священнику, и просил, если кто сделает это, представлять в полицию или извещать ее; «если бы даже ребенок бросил песком в дом, где живет отец Симеон, тотчас и об этом доносить полиции для расследования и взыскания». Оказывается, что Министр внутренних дел разослал по Японии циркуляр, в котором строго предписывается «обращаться с русскими, оставшимися в Японии, совершенно так же, как в мирное время, воздерживаться от всяких грубостей в отношении к ним и всякой неприязни». Так как русских в Японии ныне почти никого нет, то этим циркуляром прикровенно оказывается протекция и охрана «православным японцам», — так и понимают циркуляр.

<...> Много писем перечитал, где «христиане изъявляют радость, что я остался в Японии». Не менее и я рад этому.

16 (29) февраля 1904. Понедельник 2-й недели Великого Поста

Пала грусть-тоска глубокая

На кручинную головушку;

Мучит душу мука смертная.

Вон из тела душа просится.

Это по поводу того, что русский флот японцы колотят и Россию все клянут — ругают, поносят и всякие беды ей предвешают. Однако же так долго идти не может для меня. Надо найти такую точку зрения, ставши на которую можно восстановить равновесие духа, и спокойно делать свое дело. Что в самом деле я терзаюсь, коли ровно ни на волос не могу этим помочь никому ни в чем, а своему делу могу повредить, отняв у него бодрость духа. Я здесь не служитель России, а служитель Христа. Все и должны видеть во мне последнего. А служителю Христа подобает быть всегда радостным, бодрым, спокойным, потому что дело Христа — не как дело России — прямо, честно, крепко истинно, не к поношению, а к доброму концу приведет, — Сам Христос ведь невидимо заведует им и направляет его. Так и я должен смотреть на себя и не допускать себе уныния и расслабления духа.

А ты, мое бедное Отечество, знать, заслуживаешь того, что тебя бьют и поносят. Зачем же тебя так дурно управляют? Зачем у тебя такие плохие начальники по всем частям? Зачем у тебя мало честности и благочестия? Зачем ты не привлекаешь на себя любовь и защиту Божью, а возбуждаешь ярость гнева Божия? Да вразумит тебя, по крайней мере, бедствие нынешнего поражения и посрамления. Да будет это исправляющим жезлом в руках Отца Небесного!

17 февраля (1 марта) 1904. Вторник

Так как Франция дружна с Россией, то в Хиросаки католического миссионера, француза, стали подозревать в шпионстве и называть «ротан» (русский шпион), — и как же озлился патер! Написал ругательную статью на Россию и Православие, чураясь от той и другого. Петру Исикава кто-то прислал номер газеты с этой статьей из Хиросаки. Попал патер, как кур в ощи!

Военное ведомство здесь особенно не любит Православия, должно быть, по связи его с Россией: девицам-патриоткам нашей Церкви, собиравшимся отправиться писать письма раненым воинам, сначала обрадовались было в военном ведомстве, а как узнали, что они православные, стали препятствовать и едва ли позволят им отправиться в Хиросиму. <...>

18 февраля (2 марта) 1904. Среда

Как жид не перестает любоваться своим золотом и снова и снова пересчитывать его, так Бринкли не перестает любоваться видом разбитых, поврежденных и плененных японцами русских военных и торговых судов и все снова и опять пересчитывать их, — почти в каждом номере своей «Japan Mail» делает это с бесконечным наслаждением.

<...> Ольга Ямакава, девица из Кесеннума, два года тому назад кончившая курс здесь в нашей Женской школе, была и рассказала о себе: уходом ушла от отца, потому что хочет выдать ее за язычника из местных богачей, а она любит Павла Ямада, служащего Церкви здесь своим писательством. Мать и старший брат не препятствуют ей идти за Ямада; отец же под влиянием других родственников не соглашается до сих пор. Я сказал Елисавете Котама, начальнице Женской школы, и Петру Исикава, сослужителю Павла Ямада, написать к отцу и убедить его не мешать счастью дочери, ибо и Павел Ямада очень любит ее. Пусть в продолжение Великого Поста добудут разрешение отца, тогда после Пасхи они могут перевенчаться. Пока же она помещена своим женихом в семейном доме его приятеля Якова Судзуки и будет ходить в школу шитья.

19 февраля (3 марта) 1904. Четверг

Феодора Тоёда, безвинно виноватого нашего хакодатского катехизатора, полиция выслала отсюда — «лучше-де быть ему дома, на родине»; он отправился на родину, в Исиномаки, и хотел дорогой переночевать у родных в Сендае, — но его не пустили в дом; пошел в церковный дом в Сендае, но ему и здесь отказали в приеме. Вследствие этого он очень жалуется на Сендайскую Церковь: «Пусть-де родные, как язычники, так поступили, но свои — братья, с невинным собратом обошлись так жестоко!» Принимает он все это как испытание веры, но очень огорчен. <...>

Василий Таде, катехизатор в Оказаки, пишет, что там всю первую неделю Поста ежедневно была служба, и всегда несколько христиан собиралось в церковь. Ефрем Ямазаки тоже пишет о своей Церкви. Итак, обычай говеть на 1-й неделе начинает входить. А мы здесь, в главной Церкви, к сожалению, не исполнили в сем году этой святой обязанности.

22 февраля (6 марта) 1904. Воскресенье 2-й недели Великого Поста

В газете «Ёродзу-чёохоо» сегодня заметка: «Срок аренды земли, на которой построен Собор, в нынешнем году кончается, и земля возвращается ее владельцу; Николай все здания свои разрушит и арендует землю в другом месте». Полиция прислала спросить: «Правда ли?» Я ответил, что «от начала до конца все пустая выдумка. Земля эта занята Посольством от Министерства иностранных дел на неопределенный срок». Не мытьем, так катаньем, всякими способами хотят доехать Миссию. Но все будет тщетно.

Впрочем, есть люди и за Миссию и православных. Сегодня же принесли показать номер нового

журнала, в котором большая и отличная статья в нашу пользу. Издатель журнала и писатель статьи известный молодой ученый Анезаки, который недавно вернулся из Германии, где изучал протестантство и вынес крайне пессимистический взгляд на религиозное состояние Германии. Я знаком с ним несколько и убеждал его когда-то отдать свои молодые силы христианству, но он тогда был убежденный буддист; не знаю, что исповедает ныне.

23 февраля (7 марта) 1904. Понедельник 3-й недели Великого Поста

В той же «Ёродзу-чёохоо» сегодня совсем обратное тому, что вчера писалось: «Неправда, что Собор будет разрушен; Николай по-прежнему будет занимать это место» и прочее, и прочее. — очень сочувственная Миссии и довольно большая статья. Не знаю, чему приписать эту внезапную перемену фронта; быть может, полиция порадела. Вообще, теперь о Миссии и Православной Церкви в текущей прессе немало толков, и вероятно, из всего этого выйдет польза Церкви.

24 февраля (8 марта) 1904. Вторник

От доктора Ясосима Ясутаро, имеющего здесь, на Суругадае, госпиталь, но мне незнакомого, получил великолепный букет, состоящий из пунцовых лилий, белых пионов, веток вистерии, камелий и разных других цветов, — все, очевидно, оранжерейное произведение, так как теперь еще далеко не время всех этих цветов. Подарок трогательный. Доктор, видимо, находит мое положение грустным и желает утешить меня. Пошлю ему Новый Завет и мое окружное письмо, сегодня оконченное переводом и отданное в печать, когда будет отпечатано.

25 февраля (9 марта) 1904. Среда

Из Яманаси Стефан Талзима пишет, что измучили его и христиан допросами и исследованиями, не изменники ли и русские шпионы они. Это в глубине-то Японии?

А из Кусиро, на Хоккайдо, Александр Мурукоси извещает, что там нет никакой тревоги по случаю войны. Значит, там начальство поблагоразумнее и хладнокровнее, чем в других местах, в Хакодате в том числе.

До сих пор не прекращаются письма с изъявлением радости, что я остался в Японии. Иные до того красноречивые и длинные, — как, например, сегодня Луки Хироока, — что терпение надо читать.

6 марта была бомбардировка японским флотом Владивостока с 5-мильного расстояния. 200 разрывных бомб выпустили, не причинивших будто бы никакого вреда городу и крепости, по русским известиям. Наши не отвечали по дальности расстояния.

26 февраля (10 марта) 1904. Четверг

Прочитал отмеченную выше (в воскресенье) статью Анезаки, во втором номере издаваемого им ежемесячника «Дзидай си-чёо» — «Современное течение мысли», о Православной Церкви. Дает понятие о ней и показывает ее отличие от католичества; смеется над теми, кто находит Православную Церковь опасною для государства, объясняя, что эта Церковь в каждом государстве верна своему Отечеству, — в России она молится за русского императора, в Греции за греческого короля, в Японии за здешнего императора.

Но находит Анезаки, что пора Японской Церкви сделаться вполне национальной и самостоятельной — ветвью Святой Апостольской Православной Церкви, такую же, как все другие 13 поместных Церквей, составляющих, по учению и постановлениям, одну Церковь Вселенскую. Чтобы стать такою равноправною сестрою других Православных Церквей, Анезаки советует православным

японским христианам, которых-де уже несколько тысяч, взять на себя материальное содержание Церкви, отказавшись от получаемой ныне помощи из России, и мне перейти в японское подданство и принять название Архиепископа, или «кёофу» (так, по-видимому, он называет Патриарха). Находит еще Анезаки, что надо отнять от миссийского места здесь название «Кооси-фузоку ци» — «земля, принадлежащая Посольству», и так или иначе перевести ее на имя самой Церкви. Еще делает укор нашему переводу Священного Писания и Богослужения, плохой-де японский язык.

Во всей статье видна доброжелательность и беспристрастное отношение к Миссии и Церкви. Спасибо и за это, хотя из советуемого ничто пока не осуществимо. Где же еще японцам взять на себя содержание священников и проповедников и всего прочего! И сделаться самостоятельной сестрою других Церквей. Японской Церкви еще очень рано, да и не так легко это, как он думает, для этого надо согласие всех других Церквей: надо, чтоб они опознали свою сестру и нашли ее достойною занять место среди них; когда же еще Японская Церковь дойдет до такой чести! Даже и миссийскую землю перевести с имени Посольства на имя Церкви невозможно; земля эта принадлежит Министерству иностранных дел, которая одолжена Посольству для места жительства одного из членов его (настоятеля Посольской Церкви, каковым был я, когда занималась сия земля, которую я же и отыскал, и купил было для себя, но Министерство возвратило мне стоимость земли, так как она не может быть во владении иностранца). Что до переводов наших, то мы заботились главное о том, чтоб они верно передавали мысль подлинника и чтоб эта мысль была ясна и прозрачна как хрусталь; если при этом японский слог иногда не совсем хорош, то — что ж делать, ибо мы лучше не можем!

27 февраля (11 марта) 1904. Пятница

Параличный отец Павел Сато собственноручно, едва разборчиво, пишет мне следующий совет: «Сделать внушение по Церквам: "во время войны пусть Церкви сами содержат своих проповедников, пусть терпеливо переносят это трудное время христиане и проповедники и пусть чрез это укрепляется Церковь". Этим-де будет положено начало самостоятельности Церкви относительно содержания».

Но что бы сказал отец Павел, если бы я начал с него? Сказал бы христианам здесь, в Канда, — содержите вашего больного священника сами, я больше не дам ни сена ему? Разве это христиане сделали бы? Да скорее вода перестала бы течь с наклонной плоскости!.. Так и по всем Церквам: результатом было бы, что служащие Церкви бросились бы с церковной службы по другим местам, чтобы не умереть с голоду самим и семьям.

28 февраля (12 марта) 1904. Суббота

<...> Посетил Rev. Arming King, английский епископальный миссионер, видимо, из участия: «Видно, мол, печалится, что бьют их, русских: сам-ка схожу утешу». Что ж, спасибо! Перелили малость из пустого в порожнее.

А наших и взаправду все бьют: 10-го числа опять громили японцы Порт-Артур и потопили один наш миноносец. Им-то хорошо, они у себя дома; посидят, потом пойдут постреляют, — вернуться, отдохнут, — опять идут, постреляют; угол свой; если что испортится, — все средства починки под рукой. А орудия-то 12-дюймовые, из-за 5 миль бьют разрушительно. А наши все самонадеянничали и зевали — «куда, мол, им, японцам!» Вот вам и япошки! Теперь они издеваются над вами, что вы, русские, трусы на диво, — только и делаете, что нос прячете; и уж так-то — они, японцы и все с ними, смеются и хохочут на вас, что, кажется, снег покраснеет! А вы — что же? Ужели до конца так? Но нет, русский дух не допускает того, поправимся, наверное поправимся! На берегу еще не было сражения; на берегу мы поколотим японцев.

12 книг сочинения Бринкли об Японии получил от Kelly из Йокохамы, стоят 80 ен. Развернул и почесал в затылке: так разгонисто напечатано, что все можно бы и в 4 тома вместить, а за это 80 ен

баснословно дорого. Впрочем, купил я не для себя, а для будущего миссионера, чтоб он имел возможность изучить Японию не с таким трудом, с каким я то делал.

29 февраля (13 марта) 1904. Воскресенье Крестопоклонное

После Литургии священники собором отслужили молебен о даровании победы их войску. Молитву сочинил Павел Накаи и читал мне; составлена в умеренных и приличных выражениях; прочее в молебне заимствовано из славянской молебной книжки. Напечатана брошюрка на их собственный счет, я не участвовал ни копейкой. Во время молебна стоял в алтаре и молился о даровании побед моему собственному Императору.

Вышло из печати второе мое окружное письмо к христианам, по случаю войны. Вот оно в русском тексте:

«Благочестивым христианам Святой Православной Церкви великой Японии.

Возлюбленные о Господе братия и сестры! В ответ на мое письмо от 11 февраля я получил почти из всех Церквей выражение радости о том, что я на время войны остался в Японии. Этот привет моих христиан в свою очередь радует меня, так как показывает, что моя любовь к ним не остается без ответа. Это служит мне лучшею наградою за мои посильные труды для дела Божия здесь.

Во многих письмах я встретил выражения, что как ни печальна война сама по себе, относительно Православной Церкви она будет полезна тем, что исправит неправильные понятия об отношении японских православных христиан к России. И я вполне уверен в этом: война несомненно принесет это благо. Какие это неправильные понятия?

О вас говорят, будто вы, как православные, зависимы от русского Императора, который будто бы есть глава Православной Церкви, и потому заподозривают вашу искренность в служении вашему собственному Императору и вашей стране. Какое ложное понятие о Православной Церкви! И какое страшное подозрение основано на этой лжи! Русский Император отнюдь не есть глава Церкви. Единственный глава Церкви есть Иисус Христос (Еф. 1:22; Кол. 1:18), учение Которого тщательно хранит в целости Православная Церковь, и русский Император в соблюдении сего учения есть такой же почтительный сын Церкви, как и все другие православные христиане. Нигде и никогда Церковь не усвоила ему никакой власти в учении и не считала и не называла его своим главою. Это заблуждение образовалось на Западе Европы от незнания Русской Церкви и оттуда перешло в Японию и здесь ныне, так же как там, широко распространено. Если основание ложно, то тем более ложно построенное на нем. Если русский Император не есть глава Церкви для русских, то тем менее он есть глава для вас. Для вас он есть не более как брат по вере, так же как и все русские, единовверные вам. Над вами русский Император не имеет ни тени какой-либо религиозной власти; между вами и вашим Императором он отнюдь не становится и вашей верности Отечеству вашему ни на волос не мешает. Как ваш брат по вере, русский Император, конечно, только желает, чтобы вы были хорошими христианами, усердно исполняющими все христианские обязанности, а в том числе и блюдение вашей верности и преданности вашей родной стране и вашему Императору. Эти истины вы с самого начала, когда сделались христианами, и всегда потом знали, и ничего несогласного с ними никогда не слышали от ваших катехизаторов и священников, так как и они, в свою очередь, иного ничего не слышали от своих наставников и не видели в учебниках Догматики и Каноники и ни в каких других книгах, когда воспитывались для своей службы в миссийских училищах. Но незнающие и не хотящие знать православного учения не знают и этих истин и потому думают и говорят о вас совершенно противное. Сколько мы говорили и писали против этого заблуждения! Сколько книжек издали для уяснения истины! Но все усилия наши были, точно попытки голою рукою разбить твердую скалу. И вот, наконец, пришло время рухнуть этой скале и разлететься в прах. Началась война с Россией, и православные усердно молятся о даровании победы своему императорскому войску, с одушевлением

провожают своих воинов на войну, вполне уверенные, что они будут героически защищать свое Отечество против неприятеля; воины с энтузиазмом идут, испросив благословения и молитв у своих священников, чтобы Бог помог им безукоризненно исполнить свой долг относительно Отечества; Православная семинария составляет и жертвует родному воинству десятки тысяч экземпляров японско-русских разговоров, для напечатания которых все воспитанники принесли свои лепты; Православная женская школа выделяет из своего состава наставниц для благотворительного служения раненым воинам; все православные христиане по всей Японии с радостью жертвуют, кто сколько может, на военные нужды Отечества или на содержание семейств воинов. Не ясно ли как день, что Православие не только не вредит патриотическому служению своему Отечеству, а, напротив, возвышает, освящает и тем усиливает его? Если кто и видя все это со стороны православных, станет еще говорить о них что-либо неподобающее, то придется только с сожалением сказать, что кто упорно противится истине, того нет средств убедить. Но думаю, что немного найдется таких, а что вообще откроют глаза на Православие и посмотрят на него дружелюбно все те, кто до сих пор не имел возможности убедиться в неприкосновенности его ко взводимым на него обвинениям.

Итак, возлюбленные братья и сестры, стойте твердо в вере и продолжайте в эти трудные дни служить вашему Отечеству всем, кто чем может; продолжайте неуклонно исполнять и все другие христианские обязанности, чтобы чрез вас святилось Имя Божье и воздавалась хвала Отцу нашему Небесному; продолжайте также молиться, чтобы Бог сократил бедствия войны и скорее послал опять мир нам.

Благословение Божье да будет со всеми вами, и да воссияет скоро свет истинного Христова Евангелия во всем вашем Отечестве! Аминь.

Великой Японии Православной Христовой Церкви

Епископ Николай».

Напечатано 2 тысячи экземпляров и разослано по Церквам, в редакции газет и разным лицам.

1 (14) марта 1904. Понедельник

Утром все покрыто было снегом, как бы в глубокую зиму. Деревья с шапками снега на ветвях очень красивы были, пока снег стоял.

2 (15) марта 1904. Вторник

Начальник полиции квартала Канда был сделать визит и спросить: «не имею ли я какой-нибудь просьбы (циу-мон)? Не нуждаюсь ли в чем-нибудь со стороны полицейского ведомства? Чтобы всегда все говорил, в чем нуждаюсь — все будет сделано, потому что правительство считает долгом охранять меня и ни в чем не стеснять во время войны». Я поблагодарил за любезность и за истинно добрую и крепкую охрану и сказал, что не имею никакой просьбы. В самом деле, день и ночь три или четыре полицейских со всех сторон стоят на страже Миссии. Да еще два жандарма живут в Миссии для охраны ее.

Вчера послал доктору Ясосима в благодарность за его букет цветов при письме золотообрезный Новый Завет малого формата и экземпляр моего окружного послания. Сегодня получил обратно от него Новый Завет с письмом, в котором он благодарит за него, но пишет, что не нуждается, так как имеет «Кин-бун фуме- цу-но кентен» — «златописанную вечную священную книгу», это значит — буддийский молитвенник. Ясосима, как оказывается, убежденный буддист. Прислал он еще картину на шелку; а в письме его стишки, в которых он уподобляет меня «гусю, отставшему от улетевшего стада и потому печальному», — даже «плачущему», как в другом месте письма замечается. Видно, что человек он добрый, мягкий, поэтичный, но с крепко замкнутым для Христова учения сердцем. Много

я знал таких: премилейшие и предобрейшие это люди в Японии, но в то же время это печатные фарисеи Евангелия с гордым словом в устах: «Господи, благодарю Тебя, что я не таков, как другие». На письмо его мы ему ответим ласковым письмом, а на стишки Павел Накаи обещался приготовить ответные, что «у гуся тут есть свое общество, и потому ему не печально».

3 (16) марта 1904. Среда

Из окрестности Хиросима пишет один язычник с полным своим именем и адресом, что их есть целое общество, очень ненавидящее меня, и не прочь от того, чтоб пустить красного петуха в Миссию за то, что я построил храм, в котором поставлены пушки, готовые стрелять по императорскому дворцу; теперь особенно раздраженное на меня за то, что я не отправляюсь домой; «значит, ты не хочешь служить своему отечеству, а этим своим свойством ты можешь заражать и здешних людей и тем также зло приносить Японии», — изъясняется автор. Письмо написано очень складно и красиво: автор — дворянин. Имя его: Хаседа Ка-суке, — Хиросима кен, Тоёда абори, Ёсина-мура. Под красным петухом, очевидно, разумеется какой-нибудь взрывчатый состав (таби-хи[?]). Если я скоро не уберусь из Японии, то мне угрожается бедствием. В приписке требуется в наивозможно скором времени дать объяснение, «почему я вооружил собор пушками». «Требуется это объяснение прежде, чем они приступят к решительным действиям относительно меня и собора».

Письмо это передано полиции, чтоб безумные фанатики в самом деле не наделали беды. Господину Хаседа, впрочем, отвечено будет из нашей редакции мягко, резонным объяснением всего, что нужно. «Допустим, что проповедовать свое учение можно, но пушки-то зачем ставить в храмах?» — Так начинает господин Хаседа свое письмо и продолжает: «С 22 года Мейдзи (значит, ровно 15 лет) я всегда, когда бываю в Токио, возмущаюсь в душе, смотря, как твой собор с пушками невежливо выглядывает на императорский дворец; но до сих пор я терпел; теперь больше ни я, ни другие со мной терпеть не могут...» Вот типичный-то самодур! В продолжении 15 лет не дал себе труда убедиться, есть ли в самом деле столь возмущающие его пушки в Соборе. И при всем его нетерпении и крайней ненависти ко мне письмо написано в вежливых выражениях; это уже типичный японец.

4 (17) марта 1904. Четверг

Сегодня в «Japan Daily Mail» статья «Почему американцы симпатизируют Японии» в настоящей ее войне с Россией? Автор Rev. De Foresh, баптист, кажется, подвизающийся в Сендае; статья эта на японском напечатана в Сендайском журнале, а потом издана отдельной брошюрой. Более злой и мерзкой ругани на Россию нельзя вообразить. Три антитезы развиты, в которых Россия представлена диаметрально противоположно Америке, а Япония, напротив, совершенно сходною с Америкой, и потому Япония восхваляется с лестью, бессовестней которой тоже не может быть. 1. «Россия есть великая деспотка и тиранка, 2. ненавидит всеобщее образование, чтоб держать 99 миллионов на уровне домашнего скота (domestic cattle), 3. употребляет религию для закрепления оков тирании и невежества (employs religion to strengthen the chains of tyranny and ignorance), так что русское христианство есть обман и позор христианского имени (shame and disgrace to the Christian name); оно воспитывает невежество и суеверие и есть слуга деспотизма; если таково христианство, то лучше, чтоб его совсем не было, потому что оно есть враг человеческого прогресса», и так далее. В заключение благочестивый фарисей «сожалеет, что должна была начаться война, верует, что все человеческие расы суть чада одного всемогущего Бога и любвеобильного Отца, ежедневно молится, как Христос учил нас: "Да придет царствие Твое"», и так далее. Только наперед, пред молитвой, подаст руку дьяволу, по-американски потрясет ее и в один голос с ним, проскрежетав зубами, проклянет Россию и посулит ей ад, а потом мелким бесом рассыплется пред Японией, указывая ей на свою лавочку, в которую, к глубокому его внутреннему огорчению, идут несравненно меньше, чем в проклинаяемую им Церковь.

6 (19) марта 1904. Суббота

Начерно кончен перевод Праздничной Минеи. Но это еще половина дела. Предлежит перевод Устава, приложенного к праздникам, и исправление.

Как выхожу походить по двору полчаса, так является жандарм и стоит поблизости все время, а с другой стороны заглядывает полицейский, стоящий у ворот. Так неизменно каждый день. Народ, идущий по улице, с любопытством созерцает все это сквозь решетку. К счастью, у меня нервы не слабые, не возмущает все это.

7 (20) марта 1904. Воскресенье 4-й недели Великого Поста

Утром получил письмо из Мацуяма, на Сикоку, от Rev. Charbon, католического миссионера, о наших пленных больных, переведенных туда из Чемульпо и содержащихся в госпитале. Пишет, что «губернатор, полагая, что русским приятно будет видеть француза, предложил ему посещать русских больных; и он бывает у них. Содержат их хорошо, госпиталь — чистый, находящийся в здоровом месте. Одному из больных сделали операцию, и он хорошо перенес ее; патер предложил ему религиозное утешение, и больной с благодарностью принял его (в чем состояло это consolation de la religion, не видно). Предлагает мне чрез него послать пленным, если я имею что послать».

Я от всей души поблагодарил доброго патера, просил и вперед его заботы о больных, которых, кажется, 22 там, и послал чрез него им 50 ен на красные яйца в Пасху, несколько икон, 65 брошюр Житий святых, 2 Новых Завета, 2 молитвенника, Часослов, Пасхальную Службу и письмо, в котором утешал их, что они пострадали за Отечество, советовал отправлять общую молитву с пением и чтением по Часослову; один Новый Завет и один молитвенник и 2 иконки передать тому больному, которому сделана операция, прочее на всех, и так далее.

После службы сегодня было собрание комитета (иин-квай), избранного для рассуждений по церковным делам, касающимся войны, то есть сбора пожертвований и подобного. Я на этих собраниях не бываю, как русский. Но, согласно моему внушению, сегодня Иван Акимович Сенума предложил на собрании вопрос о содержании Церквей, — что «пора-де Японской Церкви самой содержаться, без русской помощи».

Рассуждения, конечно, ни к чему не привели. <.,.>

8 (21) марта 1904. Понедельник Японский гражданский праздник

Школы отдыхают, мы с Накаем не переводим. Я сижу в комнате, без возможности показаться на глаза кому бы то ни было: голова вся коричневая, вымазана афонским лекарством, не знаю только, поможет ли от лишая, которым я заразился от старика секретаря Сергея Нумабе, пользовавшегося всегда моими ванными принадлежностями и ванной комнаткой. Начиная с последних месяцев прошлого года до сих пор развилась зудь нестерпимая во всей голове, перешедшая уже на грудь и другие части.

Отец Феодор Мидзуно вернулся из Коофу и других тамошних мест, где есть христиане. Везде неудобство от войны, — приходит полиция, осматривает, расспрашивает, хотя притеснений не делает: народ подозревает христиан.

— Да что же подозрительного находят?

— Ничего; а вот «маморё», «маморё» христианам внушается; прямо и говорится: «Христос-но осие-во маморё» (храни учение Христово); а они, опуская «Христово учение», останавливают внимание на слове «храни» и думают, что тут таинственно внушается «хранить» что-то такое, что может быть вредным.

Поди ж ты! Сколько ни будь бел, а коли черные очки надели, чтоб смотреть на тебя, то никогда белым не покажешься.

А вот и еще нечто подобное. Второе мое письмо разослали из нашей редакции во все светские газеты, и ни в одной из них не толь-ко не напечатали его, но и не заикнулись о нем. Первое письмо тоже было разослано, и из него некоторые газеты хоть небольшие выдержки поместили. А это, когда в нем так ясно опровергалось застарелое вредное мнение, будто «русский царь— глава японских христиан», и когда люди, любящие истину, должны были бы радоваться, что наконец истина ясно брызжет в глаза, и стараться распространять ее, — замолчано мертвым молчанием! Как же они все ненавидят нас!

9 (22) марта 1904. Вторник

Отец Сергей Судзуки пишет, что его Церкви все спокойны и благополучны; везде почти были крещения, даже в бесплодных до сих пор Акаси и Химедзи. В последнем замечательно: одна женщина, по приказанию мужа, стала слушать учение, именно когда война началась; соседи смеются и неприязненно отзываются об этом, но муж и жена не смущаются.

А вот «в Оказаки на христианском кладбище надгробные памятники разрушены», катехизатор Василий Таде извещает. Нашли чем ненависть к Православию и России заявлять! <...>

10 (23) марта 1904. Среда

Был Павел Оеда, один из самых первых по времени христиан, сендаец, один из первых тоже учеников русского языка, которого первого я хотел послать в Россию для образования для служения Церкви; к счастью, это последнее не состоялось, — правительство японское не позволило, — так как Оеда потом оказался плохим христианином, — вот 28 лет как мы с ним не видались, и он обратился в язычника; впрочем, обрадовался свиданию, взял христианские книги, чтоб возобновить знание учения и вместе веру.

Слово «ротан» (русский шпион) обратилось теперь в руга-тельное по всей Японии; им ругают все друг друга, по какой бы причине ни поссорились. Особенно им пользуются политические партии во взаимных ссорах: коли не моей партии, стало быть ротан — и нет тем оправдания и пощады!

14 (27) марта 1904. Воскресенье 5-й недели Великого Поста

<...> Экзема моя оказывается нисколько не боящегося афонского лекарства, — с головы перешла на грудь и распространяется большим красным пятном; отсюда уже спустилась на ноги. Пришлось позвать врача. Училищный наш врач Оказаки откровенно сказал, что не мастер по кожным болезням, а надо позвать специалиста, профессора университета, доктора Дон [sic], учившегося в Германии. Онный сегодня и был, и прописал лекарства, и дал инструкцию. Порядочно досадной возни: натираться, сидеть полчаса в ванной и прочее. Как видно, от секретаря Сергия Нумабе, страдающего этою болезнью, заразился я, оттого что он, полоскаясь каждое утро целый час в умывальной, где моя ванна, пользуется моей хецима (ветошкой) и прочим. Отсюда урок для будущего: без церемонии не пускать никого в свою ванную, — опрятность и благоразумие этого требуют; теперь вот возись месяца три!

16 (29) марта 1904. Вторник

Отец Петр Сибаяма пишет, что гонения на православных христиан нет, однако же и там, в Нагоя, полиция делала расследования о Церкви, что, впрочем, служит к пользе самой же Церкви, так как

очищает ее от подозрения в чем-либо противогосударственном. Пишет еще, что христиане составили между собою и пожертвовали 100 ен на обеспечение семейств воинов; упоминает, что фотограф Илья Миясита вконец разорился; жаль! Был до сих пор и состоятельным, и благочестивым христианином.

Отец Матфей Кагета, описывая свое обозрение Церквей, замечает, что везде народ подозрительно и враждебно смотрит на православных с начала войны, но что нигде у него христиане от этого не ослабевают, а твердо хранят свою веру.

Отец Роман Фукуи из Немуро пишет, что 7 чиновников, или христиан, или слушавших учение перестали показываться в церкви со времени открытия военных действий; стало быть, или от маловерия, или от малодушия ослабели.

18 (31) марта 1904. Четверг

В «Japan Daily Mail» сегодня следующее, под заглавием «A question» (вопрос): «Господин Ханай Такузо и другие — необходимые тридцать три — 29-го текущего [месяца] в Нижнем Парламенте сделали запрос, на который, к счастью, Правительство не имело времени ответить. Запрос касался земли, на которой воздвигнут греческий собор на Суругадае. Земля эта не отдана в бессрочную аренду. Она только одолжена Русскому Посольству. Но теперь здесь нет никакого Русского Посольства. Поэтому запросители желают знать: на каком основании держится эта земля под греческим собором?»

К этому редакция присовокупляет: «Есть много японцев, не любящих русского собора. Слишком он господствует над городом и смотрит сверху вниз на императорский дворец. Может быть, благоразумнее было бы избрать другое местоположение. Но день прошел для критицизма этого рода. Совершенно верно! И я верю, что день наступит, когда всем японцам будет нравиться, что их православный собор занимает такое прекрасное местоположение. Божья воля указала ему это место, и Бог приведет к тому, что с императорского места будут молиться на сияющий в синеве небесный крест соборный.

19 марта (1 апреля) 1904. Пятница

Отец Петр Ямагаки описывает посещение своих Церквей — Ямада, Ооцуцу, Мияко и проч. В Мияко крестился отец Петра Уцияма, учителя Семинарии ныне. Отец отдал его мальчиком для христианского воспитания в Семинарию, а сам до сих пор не крестился, хотя знал учение и защищал его пред буддистами всегда, когда представлялся случай. Ныне, в тяжелое время для Церкви, он смело принял крещение; видно, что вера его возросла и тверда. Храни его Бог!

Были у отца Ямагаки желающие креститься и приготовленные к тому и в других местах, но отложили везде под разными предлогами, конечно, не желая сказать настоящей причины — недостатка твердой веры в суровое время.

Отец Василий Усуи из Одавара пишет, что два полицейских поселены на церковном дворе в доме катехизатора для охранения церкви, семейства отца Василия и христиан. Этим отец Василий успокоен и надеется, что нового нападения безобразников не будет.

При письме отца Василия приложен печатный либток, которым Кометани объявляет во всеобщее сведение, что «он отрекся от христианства и опять исповедует прежнюю свою буддийскую веру». Напечатав это крупным шрифтом, помельче потом «просит покупателей по-прежнему покровительствовать его лавке, а он-де еще больше постарается заслужить их благоволение».

Учинив эту пакость, к своему несмываемому позору, он еще усилил ее тем, что послал кого-то наклеить эти свои листки на домах всех христиан, которых считал слабоверными. К счастью, никто не последовал его примеру. Все христиане держат крепко свое исповедание, хотя и запуганы, признаком чего служит то, что мало бывает ныне в церкви на Богослужениях.

<...> Еще тверже, чем в Одавара, держатся христиане предместий города, отчасти по той причине, что самостоятельнее в своей жизни — зависят от земли, а не от людей: ни один из христиан и не думает скрывать свое христианство или иным образом являть робость, а напротив, смело спорят с нападающими и отражают их. Так, в Накамура-хара есть христианин по фамилии Тада; завел он коров и продавал молоко; но с начала войны почти все перестали брать у него молоко как у человека русской веры и, стало быть, врага своей страны; это нисколько не убавило его усердия; притом же он человек состоятельный; когда начались пожертвования на благотворения семействам воинов, он один из первых сделал значительное пожертвование; а из семейства у него — сын на войне. И вот недавно соседи-язычники, собравшись, начали укорять его в измене своей стране; выслушал Тада молча укору и повел речь, что «вера — верой, она дело души и Бога, а Отечество — отечеством, и христианская вера не только не мешает службе Отечеству, а делает эту службу еще усердней; вот у меня, христианина, сын пошел кровь лить за Отечество, а у вас у кого же сын пошел на войну? Ни у кого! Вот я пожертвовал столько-то на семейства других воинов, из вас кто же столько дал?» и так далее. Пристыженные слушатели, в свою очередь, молча разошлись. <...>

20 марта (2 апреля) 1904. Суббота Лазарева

Мы с Накаем сегодня, побывши в ранней Обедне, продолжали перевод до полдня, чем и закончили занятия до после Пасхи. Остановились на переводе Марковых глав, относящихся к празднику Благовещения, на главе — «если праздник случится в Великую Субботу».

Моисей Симономае, катехизатор в Сиракава, пишет, что христиане подвергаются злословию от язычников: «всех вас повяжут», угрожают они православным. И христиане иные трусят, хотя не изменяют вере: некоторые богатые христиане говорят и ему: «Брось проповедь».

Но Моисей Касай, катехизатор в Хигата, пишет совсем противное этому: христиане его ведения так одушевлены настоящими тяжелыми обстоятельствами, что некоторые готовы все бросить и идти в Катехизаторскую школу, чтоб сделаться проповедниками.

Отец Феодор Мидзуно возвратился с обзора своих Церквей в Симооса провинции; здесь все спокойно; христиан никто не тревожит злословием или чем другим, хотя и здесь война очень чувствуется: из округи Сука, ведения катехизатора Филиппа Узава, только отправились восемь христиан на войну. Христиане все усердны в вере, почти все исповедались и приобщились. Было несколько крещений, и один принят из протестантства.

<...> А из селения Фунао, где тоже язычники живут мирно с христианами, отец Петр привез следующую басню, ходящую там между язычниками: «Правительство приказало не давать денег ("кане") в Миссию, там теперь полицейский поставлен, чтоб не допускать "кане" в Миссию, так что там все помрут с голода». «Кане» значит и «деньги», и «колокол». Что в Миссии ныне нет звона «колоколов» к Богослужениям, это повернули так, что в Миссии нет и не допускается «денег», — и ждут мужички Фунао трагического конца всех заключенных в Миссии!

21 марта (3 апреля) 1904. Воскресенье — Вербное

По причине раннего времени, когда еще нет цветов, верба вчера и сегодня состояла почти исключительно из прутьев ивы с зародышами листьев, — не совсем красиво.

До Литургии сегодня крещено 11 взрослых и детей; причастников же с детьми было больше 100. А в церкви в Коодзимаци совершено крещение 12 детей из Сиротского приюта, которые все потом были у меня с начальницею приюта Софиєю Китагава, которой, видимо, помогает Бог в воспитании сирот. Сегодня рассказала она: «За прошлый месяц задолжала за провизию на пищу детей 50 ен и очень горевала, не зная, откуда взять денег, как на днях приходит один, совсем незнакомый человек и вручает

ей 100 ен на приют». Человек этот — язычник, но, видимо, любезный Богу. Пошли ему Бог спасение!

Между гостями после Литургии у меня был христианин Секи из Хацинохе, член Парламента, говорил про церковный дом там, что он совсем обветшал и, кажется, будет скоро разрушен, так как земля под ним занятая, и хозяин требует ее обратно. Новый же христиане едва ли построят — мало их, да и усердных нет, хотя четверо между ними бывшие катехизаторы (Минамото, Икава, Кубо, Сирай).

В 6 часов была Вечерня, за которой были все учащиеся, имеющие говеть на Страстной.

23 марта (5 апреля) 1904. Великий Вторник

<...> И еще воспитанный в России академист ушел с церковной службы, сманенный большим против миссийского жалованьем: Пантелеймон Сато, кандидат Казанской Академии, ушел служить военному ведомству на 70 ен жалованья (от Миссии получал 45). Пришел сегодня и запел Лазарем: я-де и для Церкви это делаю, не смотрите на меня дурно, и прочее и прочее, как все эти продажные души поют при уходе. Прослушав его с улыбкой на лице и скрытой в сердце острой болью, встал, благословил и отпустил. Остался теперь только один безупречный академист в Семинарии, Иван Акимович Сенума. Не знаю, долго ли выдержит он; а, конечно, искушают и манят к измене и его. Другие два — Ивасава и Сайкайси — наполовину служат Семинарии, наполовину военному ведомству, так бессовестно обездоливающему Миссию. <...>

24 марта (6 апреля) 1904. Великая Среда

В 4-м часу сегодня явился французский переводчик Mr. Andre с письмом от французского министра, Mr. Harmand'a, в котором говорится, что он получил от Русского Посланника в Париже следующую телеграмму для передачи мне:

Православному епископу Николаю. Париж. 5 марта (апреля?)

«Император желал бы, чтобы Вы доставили нашим раненым и пленным морякам иконы, книги и все необходимое для их религиозных нужд»

Я ответил, что в исполнение желания Его Императорского Величества сам отвезу все это к ним. Отправлюсь в понедельник, отправивши здесь Пасхальную службу в воскресенье, так как если бы захотели сделать это с русскими, то не успели бы; пришлось бы встретить Пасху где-нибудь в дороге, без службы и без христиан — и русских, и японских. Тотчас же написал в Мацу-яма, чтоб порадовать наших таким трогательным вниманием к ним нашего возлюбленного Государя.

27 марта (9 апреля) 1904. Великая Суббота

В исполнение телеграммы, полученной в Великую Среду, я уже совсем приготовился отправиться в понедельник утром в Мацуяма к нашим пленным и раненым. Но вдруг сегодня от Обедни вызывает меня Mr. Andre на пару слов и объясняет, что он прислан от Французского Посланника удержать меня от путешествия: Министр иностранных дел барон Комура не пускает меня — «опасно-де». Нечего делать, пришлось согласиться. Заготовленное все будет отправлено чрез Французское Посольство к нашим бедным больным и пленным, которых так бы хотелось повидать и утешить. <...>

28 марта (10 апреля) 1904. Воскресенье — Пасхальное

Слишком грустно не служить и в простое воскресенье, а в Пасху это было бы невыносимо мучительно. И потому я сегодня служил Пасхальную Утреню и Литургию в сослужении трех иереев: отцов Циба, Юкава, Мидзуно. Служба была так же Торжественна, и Собор так же великолепен в своем

освещении, как всегда в Пасху. Только народа было гораздо меньше, чем всегда доселе; однако же Собор был почти полон. Ныне были исключительно одни христиане, язычников ни одного, так как предварительно условились церковные старосты с полицией. Зато христианам никому не был воспрещен вход и службе не было никакой помехи от полиции. Полицейских было 12, кроме двух жандармов. Во время крестного хода вокруг Собора полицейские шли по ту и другую сторону от меня, жандармы следовали позади. Никакого беспорядка не случилось; все прошло чинно и благообразно; только довольно сильный ветер погасил все огни в фонарях, которыми, однако, процессия достаточно была снабжена. Из иностранцев на Богослужении были два епископальные миссионера: Rev. Jefferys и Rev. Sweet, оба очень расположенные к Православной Церкви; были до конца Литургии и потом разговлялись вместе с нашею Церковью у меня; я, впрочем, как всегда доселе, не разговлялся с ними, а, освятивши везде в доме куличи и яйца, остался у себя, чтоб христосоваться с христианами, что продолжалось до рассвета.

С 7 часов начались поздравления учащихся, детей семейств служащих Церкви и др. В продолжение дня приходили телеграммы из разных Церквей, как обычно. Одна получена была из Ханькоу от «Мальгина и Лебедева» со словами: «Христос воскрес»; я хотел ответить тоже двумя словами «Воистину воскрес», в которых, кроме буквы «и», все буквы английского алфавита; «и» же я заменил английским «N», надеясь, что наши поймут; они и поняли бы, но телеграфный чиновник не понял и прислал за объяснением; я объяснил все, но опять прислали — «по-русски телеграммы не позволительны»; я взял деньги, посланные на телеграмму (5 ен 76 сен), обратно, и тем дело кончилось.

С 5 часов была Пасхальная Вечерня, которую тоже я служил.

29 марта (11 апреля) 1904. Понедельник Светлой Седмицы

<.,> Сегодня приготовлены четыре ящика посылок отсюда: в Мацуяма два: один для 19 раненых с «Варяга», лежащих в госпитале Красного Креста, другой для трех пленных со «Стережущего» (трое с «Варяга» выздоровели и в Великую Субботу отправлены в Кобе, к Французскому Консулу, для препровождения их в Россию, по взятии с них присяги, что в продолжение этой войны не будут служить против Японии). Другие два ящика в Сасебо: один для господина Рыбакова, капитана парохода «Екатеринослав», и трех с ним офицеров, другой для больного пленного со «Стережущего», лечащегося там в Морском госпитале. Во всех ящиках — красные яйца, куличи, по Евангелию всем и по иконке, а офицерам по Новому Завету и иконке, по кресту всем; кроме того, в Мацуяма книги для чтения, сигары, офицерам, кроме того, ящик чая. Сверх всего этого, группе больных в Мацуяма послана отличная новая икона в серебряном окладе, 6X5 вершков, в киоте: Казанской Божией Матери. На изнанке иконы, на бархате я сделал следующую надпись:

«Христос воскрес!»

Дорогие соотечественники!

Господь молитвами Пречистой Своей Матери да исцелит вас и возвратит в Отечество вскоре!

Посылаю вам сию икону, по желанию Его Императорского Величества, Государя Императора. Когда вернетесь в Россию, передайте ее от имени всех вас в божницу нового крейсера "Варяг", на всегдашнюю молитвенную память о вас и особенно на память о трогательной заботливости Государя Императора о своих моряках.

Ваш богомолец, Епископ Николай.

28 марта 1904 года. День Святой Пасхи.

Токио. Русская Духовная Миссия».

Согласно предварительному условию, прибыл Mr. Andre и сделал список всем вещам, прежде уложения их в ящики, для представления Министру иностранных дел. Ящики отправлены во

Французское Посольство, которое озаботится доставкой их по назначению. Я написал и письма в четыре места с извещением о посылке. Письма незапечатанными тоже переданы во Французское Посольство.

Mr. Andre говорил, что Французскому Посланнику присланы еще из России 400 ен на нужды наших раненых и пленных.

30 марта (12 апреля) 1904. Вторник Светлой Седмицы

С 7 часов Пасхальное Богослужение, как и вчера.

Василий Ямада еще в субботу вечером вернулся из Каяма и рассказал, что там все успокоилось и христианам, кажется, нечего больше опасаться нападения язычников. Последние порядочно напуганы начальством. Не только местное, но даже губернаторское начальство встревожилось беспорядками в Каяма, и наслано было сюда до 30 человек полиции, наехал суд и разбирали дело очень серьезно. Начались беспорядки со следующего: язычники устроили буддийский молебен об успехе японцев на войне и пригласили к нему христиан; те отказались: «не можем-де молиться бездушным идолам», а язычники приняли это за сочувствие в войне русской стороне, раздражились на это и расшибли христиан. Начальство под влиянием инструкции от центрального правительства отнеслось строго к нападавшим на дома христиан; впрочем, в тюрьму никто из них не был взят, так как преступление состояло лишь в причинении некоторого материального убытка христиан, без телесных повреждений.

<...> Опять я получил нагоняй от какого-то язычника, судя по письму, старого ученого, сущность которого можно выразить так: «Зачем допустил войну? Почему не исполняешь как должно своей обязанности водворять мир?» Хорошо, если бы все такую важность придавали христианскому проповеднику. Тогда, пожалуй, и вправду не было бы войны.

2 (15) апреля 1904. Пятница Светлой Седмицы

Боже, что за несчастье России! В среду, третьего дня, погиб адмирал Степан Осипович Макаров и с ним броненосец «Петропавловск», наткнувшийся на одну из мин, незаметно выброшенных неприятельским судном в предыдущую ночь недалеко от входа в гавань Порт-Артура. С Макаровым погиб весь его штаб; спаслись только капитан, пять других офицеров и 32 матроса; все прочие офицеры и матросы, значит, около 750 человек, потонули вместе с взорванным и потонувшим броненосцем; из спасенных почти все ранены, в числе их и Великий князь Кирилл Владимирович. Какое горе, какое великое горе! Красота и сила русского флота — Макаров, потонул! Платится Россия за свое невежество и свою гордость: считала японцев необразованным и слабым народом; не приготовилась как должно к войне, а довела японцев до войны да еще прозевала на первый раз; вот они и идут от успеха к успеху, и русского флота в этих странах почти уже не существует.

3 (16) апреля 1904. Суббота Светлой Седмицы

С 7 часов Пасхальная Служба — вместе Полунощница, Утренняя и Литургия, на которой роздан был артос.

Рассылка содержания за 5 и 6 месяцы дальним из служащих Церкви — разослано 3460 ен.

Целый день тяжелая грусть по Макарову и погибшим с ним, тем более тяжелая, что приходится ее таить в себе, — кругом ведь все исполнены радости, хотя стараются тоже не выказывать ее мне в глаза.

Макарова я знал еще 12-летним мальчиком, когда в 1861 году зимовал в Николаевске на пути в Японию; в кадетской курточке я видел его в доме его отца. А какое теплое участие он оказал в

постройке здешнего Собора! Статьи писал, брошюру издал о постройке Собора, чтоб вызвать пожертвования; и сам собирал в Петербурге и Москве, куда нарочно для того ездил; наконец, побудил Великого князя Александра Михайловича выхлопотать в Миссионерском Обществе разом 14 тысяч, чем и закончена была постройка Собора. За то же вечная молитва будет возноситься о нем в Соборе как об одном из строителей его. Дай ему, Господи, Царство Небесное! Упокой души и всех потонувших с ним!

4 (17) апреля 1904. Фомино Воскресенье

Боже, что за апатия иногда нападает! Ни церковная служба, ни размышления, ни усилие воли, ничто не помогает. Ушел бы куда-нибудь, отдохнул бы в тишине и молчании день или два, — некуда и нельзя. Отвел бы душу в разговоре — не с кем: мои печали — для окружающих меня радости, и радости законные, кто же не радуется отечественным успехам и славе? Ни к чему рук не приложи — простых писем не в состоянии написать. А тут еще экзема несносная, каждый день два раза приходится полтела пачкать лекарствами и сушить пред камином. А там еще из России почему-то деньги на содержание Миссии не идут, хотя двум суммам давно бы пора прийти. Впрочем, вся эта апатия временная — осадок приключившейся печали и тревога за миссийские деньги... Вот со вторника начнется перевод, душа зароется в дело, и хворобу ее как рукой снимет. Знаю это. Но... но теперь пока на душе скверно.

5 (18) апреля 1904. Понедельник Фоминой недели

С 7 часов Литургия, потом панихида, на которую я выходил.

Чашек с кутьею было не меньше, чем в прошлом: 4 столика и 3 длинных классных стола были уставлены, а молящихся было, кажется, больше, чем в прошлом году. Помолился горячо о Степане Осиповиче Макарове, и печаль о нем смягчилась, так что по выходе из церкви мог заняться делом: написал письмо к обер-прокурору К. П. Победоносцеву.

Но сложная моя печаль: осталась еще о побитии нас. Любезные мои японцы торжествуют; но, как я ни люблю их, на этот раз не с ними: Отечество милей и дороже; и крайне печально, что не Отечество бьет японцев, а они нас. <...>

6 (19) апреля 1904. Вторник Фоминой недели

Отец Сергей Судзуки находит, что «война не только не мешает, а, напротив, помогает делу проповеди в Оосака: слушателей учения там теперь больше, чем прежде, и Церковь оживленней. Поэтому он находит весьма неблагоприятным отозвание одного из тамошних катехизаторов, Кирилла Мори, в Токио (куда он вызывается для замещения в Семинарии Пантелеймона Сато), и, уступая его ныне Семинарии, просит заменить его кем-либо другим для Оосака. Если теперь нет никого, то на Соборе непременно выделить одного катехизатора для Оосака».

Но будет ли еще Собор в нынешнем году? Едва ли. А Кирилла Мори, в самом деле, жаль потерять для катехизаторства. Кроме отца Сергия, и отец Иоанн Оно хвалит его, как катехизатора: «И умеет говорить, и понимают, и любят его слушатели и христиане». Но что делать! Без наставника в Семинарии тоже нельзя обойтись. <.,>

9 (22) апреля 1904. Пятница Фоминой Недели

Адмирал Скрыдлов назначен вместо Макарова. Земляк мой — из одного села Березы — и близкий знакомый. Дай Бог ему оправдать возлагаемые на него Государем и Россией надежды! Но,

мне кажется, вполне заменить адмирала Макарова он не в состоянии; он — расшибатель, но не строитель, а Макаров был и то и другое... Не перестает болеть душа по Макарове; но тщетны все вопли сердечные!.. Он так любил море, так исследовал его и так знал; и вот он теперь неразлучно будет в своей любимой стихии до тех пор, пока грозный глас трубный повелит морю изнести своих мертвецов! Среди своего штаба, окруженный своими любимыми и бравыми матросами, он покоится теперь вместе с ними от своих великих бранных трудов. Какой великолепный предмет для баллады! А английская и японская прессы слержанно радуются и притворно сожалеют о гибели его... Еще бы и не радоваться им!

13 (26) апреля 1904. Вторник

Петр Исикава приносил прочитать письмо, составленное под диктовку лежащего в параличе отца Павла Сато к священникам всей Православной Церкви здесь, убеждающее их стараться о поставлении Японской Церкви на свое собственное содержание. Написано умно, мягко и убедительно, но будет бесполезно. Я, однако, поблагодарил отца Павла за усердие и убеждал его не ограничиться этим первым шагом, а вскоре за ним сделать другой, — написать письмо о том же ко всем катехизаторам; эти пожилые и моложе священников, — вероятно, сделают больше; а потом в третий прием — адресовать письмо ко всем христианам; тогда после первых двух попыток и их более или менее успешного действия можно уже надеяться на порядочный успех пред-приятя. <...>

14 (27) апреля 1904. Среда

Вчера неожиданно явился о. Тит Комацу. «По какому делу?» — спрашиваю. «Ничего особенного», — говорит; и вправду, наболтал много — дельного ничего. Сегодня являются вместе: о. Павел Савабе и о. Тит.

«Насилу убедил его приехать; писал и писал я, наконец, вызвался», — прошамкал мне отец Павел. Но зачем же ему-то отец Тит? Больше решительно незачем, как отвести душу, поболтать с ним. И объясняет отец Павел, что «теперь у него единственное удовольствие видаться с людьми и говорить; все время ходить по знакомым, чтоб доставить себе это удовольствие; а если к нему кто придет, так он рад-радешенек».

Худой, истощенный, совсем в гроб смотрит отец Павел, коснеющим языком объясняющий все это, крайнюю жалость и печаль возбуждает. Цепляется еще за жизнь, инстинктивно противится закону разрушения, но тем ярче выступает бессилие человека в этой борьбе.

Господи, ужели и мне предстоит вот-вот скоро так же бояться смерти? Нет, нет! Прочь эту мысль! С радостью буду ждать смерть, как желанную гостью; только дай, Господи, перевести Богослужение, хоть и не все, да еще Ветхий Завет.

16 (29) апреля 1904. Пятница

Доктор Ясосима опять, в выражение своего участия к моему ныне здесь одинокому (без других русских) положению, прислал ящик отличного печенья. Я разделил пирожки с Накаем и секретарями, и завтра Давид Фудзисава, младший секретарь, пойдет с моей карточкой поблагодарить участливого доктора. <...>

17 (30) апреля 1904. Суббота

Катехизатор Павел Оокава пишет, что в Каннари Якова Кава-мата побил некто Сугавара, язычник, так сильно, что он болен; из-за чего, собственно, это произошло, не видно из письма; видно только, что война с русскими и Православие в том виноваты.

Иоанн Коцукури, катехизатор в Ваканай, на Эзо, оставил церковную службу к удовольствию моему и пользе Церкви, ибо бездеятельный и бесполезный был, — даром только тратилась Церковь на него.

18 апреля (1 мая) 1904. Воскресенье

Симеон Такаока, катехизатор в Миязаки, пишет, что там мирно, гонения от язычников нет, христиане хорошо праздновали Пасху; отец Яков Такая посетил их и двоих крестил.

Протестант-японец из Таньдзина пишет: сначала длинная молитва о том, чтоб Бог поскорей прекратил войну; в молитву втянуты все ходячие клеветы о России, — что она тиранка, намеренно держащая народ в невежестве, жадная к завоеваниям и проч., — с просьбою к Господу Богу, чтоб Он освободил Россию от всех этих зол. За молитвой оставлено белое место для псалма, который предоставляется мне самому избрать. А затем следует наставление мне, чтоб я поскорей исхлопотал у Русского Императора заключение мира, с выговором за то, что я не радею о сем. Письмо не являет, чтобы было писано не в своем уме и не с добрым сердцем.

19 апреля (2 мая) 1904. Понедельник

От русских матросов с крейсера «Варяг», находящихся на излечении в госпитале Красного Креста, в Мацуяма, получены фотографии, на которых изображены все они с докторами и сестрами милосердия около них. <...> Фотографии так хорошо представляют добрый уход японцев за нашими больными, что я тотчас же решил послать их к обер-прокурору К. П. Победоносцеву, который, вероятно, покажет их Государю Императору, так милостиво оказавшему заботу об этих больных. В препроводительном письме я известил Константина Петровича и о том, что Министр иностранных дел Комура предполагает просить Французского Посланника ходатайствовать о присылке сюда священника для удовлетворения религиозных нужд наших пленных.

Начал сегодня лекции по толкованию Православного Исповедания (Осиено Кагами) для практики кончающих курс ученикам Семинарии и Катехизаторского училища.

Выкрикивают по городу «гогвай», с известием, что русские третьего дня разбиты японцами в сражении на Ялу. Ужели правда?

22 апреля (5 мая) 1904. Четверг

Не будучи на войне, живешь войной. Никак не можешь отделаться от мысли о ней ни в занятое, ни в свободное время; и ночью, в сновидениях, она мучает. Это, должно быть, и есть то, что называется патриотизмом. И еще мучительно то, что горишь внутренним, закрытым пламенем, — не с кем поделиться мыслями, не с кем разделить горе, — один среди японцев; а их вождения и интересы диаметрально противоположные. И еще хорошо, что все вокруг меня так деликатны: о войне никто ни слова, о японских победах тем меньше; а лица такие сиротные, как будто в душе нет радости и торжества, которые так же естественны при их постоянных победах, как моя печаль при наших постоянных поражениях (так, по крайней мере, неумолкаемо твердят японские и английские газеты, что нас они непрерывно бьют на море, а теперь вот и на берегу). <...>

В «Japan Daily Mail» сегодня есть статейка, с заглавием: «The Prime Minister». В ней говорится, что «Министр-Президент граф Кацура адресовал наказ в "Фукуин доомей квай" (Евангельский Союз) с выражением желанья, чтоб его слова чрез этот Союз переданы были всем христианам в Японии. Граф Кацура говорит, что настоящая война не имеет ничего расового или религиозного; цель ее единственно — обеспечить безопасность Японии и спокойствие Востока. Было бы нелепостью или несчастьем, если бы национальные или религиозные разности причинили какие-либо затруднения в

связи с настоящим столкновением или породили какие-либо подозрения. В ограждение от всего подобного Японское Правительство приняло все возможные меры; но полного успеха нельзя требовать ввиду праздных слухов, распускаемых ко вреду членов Греческой Церкви. Правительство употребляет все усилия к отвращению усложнений сего рода, и Министр-Президент надеется, что христиане со своей стороны окажут всякое содействие в этом».

Граф Кацура говорил это протестанту Хонда, члену «Фукуин доомей квай» (Председатель которого Озаки, — оба методисты). Хонда напечатал разговор с Кацура в протестантских газетах.

23 апреля (6 мая) 1904. Пятница

Письмо от командира «Екатеринослава», захваченного японцами. Петра Рыбакова в ответ на мой пасхальный привет. Жалуется, бедный, что «захватили его пароход японцы 24 января, до объявления войны, и держат военнопленным, хоть он отставной офицер, не могущий быть опасным им». <...>

25 апреля (8 мая) 1904. Воскресенье

Самое первое, что увидел сегодня утром, это объявление, вывешенное в коридоре, что после Обедни «будет благодарственный молебен по случаю победы императорских войск», а у Собора виднелось на большой черной доске другое такое же. После Литургии священники собором и отслужили его. Я стоял в алтаре, молясь с огорчением в душе о бедном моем Отечестве, за поругание которого люди благодарят Бога. <...>

26 апреля (9 мая) 1904. Понедельник

В газетах известие, что Порт-Артур отрезан от сообщения с Маньчжурией — железная дорога разрушена, телеграф прерван; между ним и нашими войсками уже стал Куроки с японскою армиею; а вход в гавань в Порт-Артуре загражден потоплением во входе пяти японских пароходов. Ужели Порт-Артур будет взят? Новый позор для России, пуше прежних.

27 апреля (10 мая) 1904. Вторник

Священники и катехизаторы спрашивают: «будет ли Собор?» Не будет в нынешнем году; совсем неудобно им оставлять свои паствы, здесь толпиться, возбуждая глупые подозрения. Но ответ оставляется до 6-го месяца; пусть, по возможности, трудятся, готовясь явиться на Собор с плодами трудов; иначе обленятся, как всегда, когда нет Собора.

29 апреля (11 мая) 1904. Четверг

Тоокейский городской голова с советниками Думы уже положили советом 10 мая, по взятии японцами Порт-Артура, устроить обед и великое торжество в честь японских побед. И так, Порт-Артур, по понятиям японцев, не сегодня-завтра будет взят ими. Ужели правда? Да где же, наконец, русские войска и русский военный дух?

Послал сегодня еще духовных книг для чтения нашему больному со «Стережущего», лечаемуся в госпитале морском в Сасебо, минно-машинному квартирмейстеру Федору Юрьеву, человеку очень благочестивому, как видно из письма его, которым он благодарил за посылку мою в Пасху.

3 (16) мая 1904. Понедельник

Вследствие внушения графа Кацура (отмеченного выше, 5 мая нового стиля), протестанты и

буддийские бонзы, также и синтоистские каннуси, предприняли устроить большой религиозный митинг, который и состоялся сегодня. Программа разослана была по всей стране, и из разных провинций прибыли религиозисты на это собрание. Вот эта программа:

«Причины созыва митинга представителей всех религий в Японии, имеющего состояться в Циуконсидо-кайкван, Сиба, Токио, 16 мая 1904 г.

Война, которую ведет Япония, имеет в виду своим результатом благосостояние империи и мир на Востоке. Поэтому наш народный долг ныне не только сплотиться в одно для защиты наших прав, но и руководиться принципами, достойными просвещенной нации. Так мы лучше всего можем способствовать осуществлению намерения, выраженного в императорском рескрипте: «Содействовать мирному прогрессу нашей Империи в цивилизации, усиливать дружеские связи с другими государствами и обеспечивать ненарушимый мир Востока.

Со времени открытия войны решимость нашей нации и успешные операции флота вызвали в Европе и Америке многие выражения симпатии к нам. Но, к нашему сожалению, некоторые за границей стараются отчуждить от Японии чувства Запада представлением этой войны не более, как войною между двух рас, а иные — столкновением, в котором Россия стоит за христианство, а Япония за буддизм. Не менее служит для нас предметом сожаления и то, что есть в Японии люди с узкими взглядами, проявляющие антииностранный дух, и даже такие, которые стараются пользоваться настоящими обстоятельствами в интересах своих собственных религиозных воззрений и к обиде других.

Эти факты налагают особенную обязанность на представителей всех религий в Империи. Их долг не только руководить народ в их религии и внушать любовь к стране сообразно с их верою и сознанием, но и внушать великие принципы универсальной любви и мира, — не в интересе одной их веры или культа, но ко благу всех людей. Особенно они должны стараться сделать ясным за границею, что настоящая война не есть столкновение расы с расою или религии с религиею, но война, ведущаяся исключительно за справедливые интересы Японии; дома же, всячески стараясь связать воедино весь народ для борьбы к обеспечению почетного мира, в то же время употреблять усилия к обузданию духа крайнего национализма, или вражды между религиями.

Для осуществления этих целей предположено иметь собрание представителей различных религий в Японии, чтобы дать им случай выразить свои мнения. Если чрез это собрание будет ясно обнаружено, что настоящая война не ведется Япониею для утверждения превосходства расы над расою или религии над религиею, но единственно в интересах справедливости и мира, то результат ею будет достигнут.

Поэтому очень желательно, чтобы представители всех религий в Японии присутствовали на митинге и способствовали уяснению дома и за границей, что их взгляды так широки и просвещенны, как выше изложено».

Предприниматели митинга приглашали меня и наших христиан на митинг. Я, конечно, не пошел, предвидя злословные на Россию речи, но христианам не запретил, так как и в самом деле в войне не видно религиозного оттенка: нас же по всей Японии защищает Правительство от фанатиков и злонамеренных людей. Потому наших христиан человек десять вошло в число «сансейин» (supporters of the project); между ними главные: о. Роман Циба, кандидаты Сенума, Ивасава, Сайкайси, редакторы Петр Исикава, Василий Ямада. По общему их желанию, Павел Накай написал речь для произнесения на митинге, которую сегодня утром прочитал мне; речь довольно приличная, с выражением сожаления, что принимают войну за борьбу рас и религий, и под.; одно только выражение, относящееся к России, было грубое; но я промолчал, зная ultra-патриотизм Накай.

С 2 часов был митинг; собралось на него человек до 2 тысяч. Председателем был 84-летний бонза, которого под руки возвели на возвышение, — до того дряхл; в шамкающей своей речи, однако,

перво-наперво объявил, что он молод для служения Отечеству. Митинг прошел прилично и мирно, с бесчисленным плесканьем рук и энтузиазмом. Разумеется, много злословили Россию, особенно рьяностью в этом отличился протестант Козаки, пустивший речь в поле политики и нашедший там дикую Россию 16 столетия и просвещенную Японию 20 столетия. А представитель буддизма Оуци объявил, что японцы вовсе не желтая опасность, — они имеют белое сердце под желтой кожей, а вот русские точно составляют эту желтую опасность: у них под белой кожей желтое сердце, — сам Наполеон изрек это; да разве еще монголы опасны; но японцы совсем не принадлежат к этому племени. Отличился еще миссионер Rev. Imbric — расплылся в приторнейшей лести японцам и в конце концов уподобил Японию Греции, разбившей большую персидскую монархию, обещая ей полный разгром большой России.

Иван Акимович Сенума прочитал речь Накая; когда он объявил, что принадлежит к Православной Церкви, — плескали, когда кончил речь, — тоже плескали. Изливались в речах самоуслаждений и плесканиях часа три. В заключение прочитали «решение, принятое на митинге представителей всех религий в Японии, держанном в Токио 16 мая 1904 г.», гласящее следующее:

«Война, ведущаяся ныне между Япониею и Россиею, имеет своею целью, со стороны Японии, безопасность Империи и постоянный мир Востока. Она ведется в интересах справедливости, гуманности и мировой цивилизации. Она отнюдь не имеет никакого дела с различиям рас или религий. Итак, мы, собравшиеся на митинге без различия рас или религии, согласились на том, чтобы стараться публиковать миру, — согласно со способами, наблюдаемыми в религиозных корпорациях, к которым кто принадлежит, — действительные цели настоящей войны, как они выше обозначены. Мы также выражаем самое искреннее желание скорейшего достижения почетного мира».

Решение это еще до митинга было составлено и напечатано по- японски и английски. Прочитать английский текст на митинге предоставлено было Rev. Imbric, который и сделал это, соупутствуя своею слашавою и русофобскою речью. В этой речи между прочим он упомянул, что имел свидание с графом Кацура и что Кацура объявил ему то, что заключается в нынешнем решении, сказав, что говорил ему это не лично от себя, а как Министр-Президент, и что такова же и воля Императора. (Значит, настоящий митинг — прямо дело Правительства.)

«Устроителей» митинга (promoters) было 29, — все наиболее известные протестанты и буддисты. «Поддержавших» идею устроителей (Сансейин, supporters of the project) 126, в том числе 7 миссионеров-иностранцев, один маркиз и несколько графов и баронов.

Сегодня извещается в газетах, что вчера прибыли в Такахама, провинции Же, на Сикоку, русские военнопленные, взятые после сражения на реке Ялу: 17 офицеров, из коих 9 раненых, 419 нижних чинов, из которых 284 ранены, и говорится, что они отсюда будут переправлены на жительство в Мацуяма.

Я написал два письма к ним, — одно в Такахама, другое в Мацуяма, и отправил к Французскому Посланнику с просьбою переслать их чрез Министерство иностранных дел к пленным. В письмах я предлагал им, если пожелают, японского священника, несколько знающего по-русски, для совершения Богослужений, к их религиозному утешению; обещал также послать книг для чтения и просил их известить о своих именах, числе, состоянии.

9 (22) мая 1904. Воскресенье и Праздник Святителя Чудотворца Николая

Вчера на Всенощной литию и величание служили священники. Сегодня Литургию и Молебен я служил собором с тремя иереями. Потом поздравления; чай, завтрак и обед с гостями. Ученикам и ученицам по 5 ен дано на симбокквай. День этот всегда проходит суетливо и бесплодно.

13 (26) мая 1904. Четверг

Приготовлены два ящика с книгами для отсылки в Мацуяма нашим военнопленным. Книг 85 названий, но многие во множестве экземпляров; например, Житий святых 90 книжек, бесед к простому народу 50, книжек для школ 220. Послал также всем 453 пленным по серебряному крестику; шелковые шнурки для них стоили 25 ен 24 сен. Написал для них каталог посылаемых книг, а в письме упомянул, что они могут и еще требовать книг, если понадобится. Книги посылаются из запасной библиотеки. Завтра утром ящики отправлены будут к Французскому Посланнику с просьбой препроводить их чрез Гваймусё в Мацуяма.

14 (27) мая 1904. Пятница

По известиям в сегодняшних газетах, в Мацуяма направлены еще 92 наших военнопленных, забранных в сражении при Кумутане. Боже, когда же русские станут побеждать? И начнут ли когда? До сих пор все наших бьют и в плен берут. Только и читаем об этом в газетах. Или здешние известия односторонни? Хотелось бы верить этому. Но блистательного дела не могли бы вполне скрыть, если бы оно было со стороны русских. Горе и горе!

15 (28) мая 1904. Суббота

<...> От наших военнопленных из Мацуяма пришло два письма. Одно в ответ на мое им от 3 (16) мая; пишет подполковник Константин Васильевич Урядов от лица всех, раненый, извещает, что пленных офицеров там всего 15, еще — врач, фельдшер, нижних чинов здоровых 149, раненых около 400; просит книг и газет, кроме русского, на французском, немецком и английском языках; пишет, что для всех их было бы очень приятно, если бы посетил их православный священник. Другое письмо от командира парохода Добровольного флота «Екатеринослав» Георгия Гавриловича Селецкого, сына одесского кафедрального протоиерея, у которого я был проездом в 1884 году. Сегует, бедный, что держат его пленным вопреки международного права, — не на военном судне он служил и захвачен до объявления войны, утром 6 февраля нового стиля; команду его отпустили в Россию, а его с двумя помощниками держат пленными в Мацуяма; один из сих помощников — прежде писавший мне Рыбаков.

19 мая (1 июня) 1904. Среда

До полдня учил отца Сергия Судзуки отправлять различные Богослужения по-славянски и собрал для него славянские богослужебные книги, утварь, облачения.

<...> Служащие Церкви делали собрание, на котором решили: «Взять японским христианам на себя расходы по отправлению и содержанию священника, или двух, если понадобится, во время служения между русскими военнопленными». Это в соответствии с желанием Министерства военного, «чтоб удовлетворение религиозных нужд русских военнопленных было исключительно делом японских православных христиан». Положили христиане собирать ежемесячно для этого 80 ен, о чем и уведомили меня чрез депутатов Арсения Ивасава и Иоанна Акимовича Сенума. Только просили на первый раз, пока соберут, дать на дорогу и на первые нужды отправляемому отцу Сергию Судзуки; этот долг- де после мне уплатят.

Опасаясь я, что плохо станут уплачивать и этот и последующие долги в этом роде. Впрочем, поблагодарил за усердие.

20 мая (2 июня) 1904. Четверг

Отец Сергий Судзуки вечером отправился, чтоб быть священником у наших военнопленных в Мацуяма. До полдня также учил его славянскому Богослужению; ныне знает он порядок всех

необходимых Богослужений так, что может показать чтецам и певцам, если бы там не нашлось никого, знающего несколько церковный устав. <...>

21 мая (3 июня) 1904. Пятница

Расположение духа никак не мирится с тем, чтобы не быть Собору в настоящем году; притом же человек 15 ныне кончат курс в Катехизаторской школе и Семинарии: их надо распределить по местам, что со священниками сделать удобнее, чем одному, хотя я и знаю состояние Церквей лучше, то есть общее, чем священники.

Итак, сказал написать и напечатать оповещение по Церквам, что Собор в нынешнем году в обычное время будет из священнослужителей, то есть переносится Собор будущего года на этот, а этого года Собор, общий, на будущий год, так как ныне, во-первых, неудобно Церкви на некоторое время оставить без служащих, во-вторых, по обстоятельствам времени неудобно многочисленное собрание в Миссии.

Сегодня совсем закончено исправление переведенной «Праздничной Минеи», так что хоть бы и в печать; но, во-первых, надо подставить величания, которых нет в славянском, поэтому они и связанные с ними избранные псалмы должны быть переведены; во-вторых, хорошо бы прежде разделить Евангелие и Апостол на зачала и их подставить вместо глав и стихов, что ныне у нас.

22 мая (4 июня) 1904. Суббота

Боже, сколько денег расходуется кроме определенного содержания катехизаторов! Вот сегодня: у отца Николая Сакураи жена больна; прежде послал на лечение, нисколько не лучше, сегодня опять посылается 10 ен, у Луки Ясуми жена больна, — тоже опять 5 ен, Кацумата Павел жалуется на задолжалость, при одолевающей детворе, просит чрез священника в долг 30 ен — послал так 10, Любовь Асано, учительница Женской школы в Кёото, выходит замуж за катехизатора Ватанабе — послал ей на платье 25, ему 15, ученик Семинарии по глазной болезни уходит домой — 6 ен 50 сен на дорогу. Нет дня, чтоб не было подобных экстренных расходов больше или меньше. А сама Японская Церковь может ли отвечать сей нужде хоть на сотую долю? Может! Мне, пока живу, и во сне-то этой радости не видеть! Начинают приходить отчеты, сколько собралось денег по Церквам вследствие моего прошлогоднего окружного письма, что после Собора разослано, — и что же? В церкви Олавара, такой большой, со священником во главе, собрано за целый год всего 10 ен 15 сен! Тысячу лет должна преуспевать Церковь, чтоб по этой пропорции достигнуть самостоятельного денежного положения.

Один японец-язычник прислал мне письмо, адресованное Русскому Императору, с просьбой передать; посоветовал я переслать чрез японское правительство.

Другой японец — христианин, некто Павел Унно, из Хоккайдо прислал письмо ругательное на Русского Императора, — «он-де священник (сисай), молится за людей, — как же он заграбил Маньчжурию, да еще и войну начал!» Дальнейшего я не читал, и газетной руготни и злословия не оберешься, а тут еще свой христианин туда же! Впрочем, хорош и христианин! И как крестят таких невежд в учении! Императора священником называет. Нужно заметить, однако, что это от первого, якобы православного, христианина встречаю такую неделикатность со времени начатия войны. Нужно будет отцу Сакураю выговор сделать за окрещение такого невежды в учении, если он крестил, или тому, кто крестил.

23 мая (5 июня) 1904. Воскресенье

Такое тягостное, такое мучительное положение одиночества, войны, угрожающего безденежья, заброшенность от России, замкнутости от Японии, что с какою бы радостью помер, если бы смерть естественная стояла вот тут у дверей!

25 мая (7 июня) 1904. Вторник

Английский епископальный миссионер Rev. Buncombe прислал извинительное письмо по поводу происшествия в провинции Симооса, где японский проповедник, состоящий в его ведении, выставил публичное заявление, что «он не принадлежит к русской Николаевой вере, а проповедует веру японской союзницы Англии». Происшествие это вышло в печать, и вчера о нем упоминалось «under Summary of Religious Press» в «Japan Mail». Он-де «был не виноват, — без его сведения проповедник сделал это; он сожалеет о сем и просит извинения». Я ответил успокоительной запиской, что не придавал никакого значения случаю и чтоб он не думал больше о нем.

26 мая (8 июня) 1904. Среда

Сегодня И. А. Сенума в разговоре по поводу имеющей в субботу быть лекции об отношении православной веры к государству заявляет: «Трудно будет объяснить: у Бердникова прямо говорится, что Русский Император есть глава Церкви».

— Где же это? Покажите.

Он взял книгу, долго рылся в ней, нашел выражение, что «русский государь есть верховный защитник веры», и кажет: «Вот!»

Я выбрал за детское неразумение. Даже воспитанные в России академики так мало понимают каноническое положение Церкви; потому что Сенума ссылаясь и на другого академика Сайкайси. Чему удивляться, если инославные и язычники совсем не понимают?

27 мая (9 июня) 1904. Четверг

Два года бесполезно изводящий церковные деньги на лечение своей чахотки отец Павел Косуки пишет, что прибудет на Собор. Вежливо отвечаю ему, что «может не трудить себя этим; два года не служа, не может дать ныне какого-либо совета, не зная нынешнего состояния Церкви; притом же, не может здесь помещаться вместе с прибывшими священниками, ибо чахотка заразительна, — всем будет неприятно жить с ним; если же прибудет, то пусть имеет в виду остановиться у своих родных». Не выживешь потом, если поселится в миссийских зданиях, или потребует, чтоб его поселили в госпитале, и на него пойдут опять такие же огромные расходы, как когда жил больше года в госпитале в Оосака. Наказание с этими дармоедами в здоровом и больном состоянии!

28 мая (10 июня) 1904. Пятница

Война действительно очень мешает церковному делу. Отец Борис Ямамуре описывает свое путешествие по Церквам, как почти совсем бесполезное: крещений почти ни одного, исповедников везде очень мало, кое-где — никого; только у проповедника, который считается самым плохим, Иоанна Нитта в Фукуока, все, кажется, отговели; у него и крещений в продолжение года было 8, — как почти ни у кого.

30 мая (12 июня) 1904. Воскресенье

Некто Ямазаки Мицуаки основал общество под именем «Общество сочувствующих военнопленным». Цель: «показать военнопленным сочувствие делами любви, сообразными с принципом филантропии», война-де между нациями, а не между частными людьми. Иван Накасима, регент церковного хора в Коодзимаци, принес мне конституцию общества, отпечатанную на листе по-японски, по-английски и французски, и сказал, что затевается этим обществом концерт в пользу русских военнопленных в Мацуяма.

31 мая (13 июня) 1904. Понедельник

Вполне кончивши все по переводу Праздничной Минеи, сегодня мы с Павлом Накаем принялись за дело разделения Евангелия и Апостола на зачала. Дело это начерно сделано Акилою Кадзима, сделано, как сегодня мы видим, недурно; нам нужно проверить, дополнить и придумать удобные способы окончания чтений, разграничения и т. п.

Врач Ясосима прислал мне ящик вишен, — все в утешение в моем одиночестве здесь в войну.

2 (15) июня 1904. Среда

Из всех иностранцев, кажется, один Rev. Jefferys, американский епископальный миссионер, искренно расположен и к Православной Церкви, и к России: чуть что доброе находит в получаемых им религиозных журналах, тотчас делает вырезку или целый номер шлет ко мне с красной отметкой. В последнее время четыре раза было это. Спасибо ему за это теплое чувство! Прочие миссионеры все зауряд — явные враги России в текущей войне и, конечно, еще более враги Православия вообще.

На днях везде в газетах приторное письмо английской епископки, Mrs. Awdry, радующейся успехам Японии. Недавно был англиканский епископальный миссионер Rev. Cholmondeley, с пафосом и жестикуляцией объявлявший, что он как союзник Японии за Японию, но как христианин за Россию, — в виде любезности мне прибавивший...

Гуляя сегодня по двору, слышал с улицы объяснение японского джентльмена сопутствующим ему двум дамам: «коре-мото Ни- корай, има сейкан-ни натта» (это прежде было место Николая, теперь правительственное). Неудивительно, что так принимают. Семь полицейских и два жандарма приставлены специально охранять Миссию: на дворе и у ворот только и видны полицейские при саблях и в формах; ворота, кроме времени Богослужений, всегда заперты; только в калитки можно проходить имеющим какое-нибудь отношение к Миссии; публике вход во двор не дозволяется. Да еще полицейских будок натащили целых четыре, которые торчат ныне у ворот, точно вывеска, что место-де и взаправду правительственное; да еще ныне красят эти будки в ярко блистающий белый цвет.

Впрочем, за такое тщательное охранение нельзя не поблагодарить от души японское правительство; до сих пор никакой беды Миссии, даже ни одного стекла не разбито японскими патриотами.

3 (16) июня 1904. Четверг

<...> Японское Правительство весьма гуманно относится к военнопленным и делает все возможное к их удобству. Размещены они в 5 отделениях, — в кумирне и других местах, и отец Сергей ежедневно будет отправлять Богослужения поочередно в каждом или будет посещать эти отделения, в назначенное для того время, с 8 1/2 часов до 11.

Это побудило меня сегодня, тотчас по прочтении письма, заказать киоты к 4 иконам, чтоб их отослать в 4 отделения, так как прежде две большие иконы в киотах отосланы были для молитвенного места, значит, для одного из помещений пленных.

Отец Сергей посетил все помещения. Всех пленных там ныне 21 офицер и 584 нижних чина, из коих 280 раненых больных. Все приняли отца Сергея с почтением, просили у него благословения и целовали руку. Не имевших крестиков от меня, он одарил крестиками, а больным давал и иконки, которыми также снабдил каждую комнату. Во время Богослужения обедницы пели пленные хорошо. — Как видно, между ними есть основательно знающие Богослужение, потому что в письме отца Сергея имелась записка по-русски, которой спрашивалась отсюда Месячная Минея» и Обиход Бахметева, — которые тотчас же здесь и выданы для отправления (Минея за июнь, июль, август; Обиход, за неимением в Миссии, послан из посольской церкви, имевшийся здесь у Петра Тоокайрин.

Послана и Следованная Псалтырь). После Богослужения отцу Сергию вручили собранные между молившимися около 4 ен, — он понял — на вещи, потребные для Богослужения, но, должно быть, русские имели в виду поблагодарить его за служение: у нас здесь не понимают «вознаграждение за труд Богослужения», а русские не понимают «Богослужения без вознаграждения за него». Просит еще отец Сергей посылать ему отсюда просфоры для Богослужений; это неудобно для него же; пусть научит там булочника печь просфоры; для того дана ему просфорная печать. Впрочем, сегодня заказаны 25 для отправки ему.

9 (22) июня 1904. Среда

Побыл в Банке Мицуи, чтоб положить часть денег на fixed deposit. В первый раз сегодня выехал в город после того, как в конце января ездил в Посольство попрощаться с отъезжавшим бароном Розеном. Полицейский в частном платье сопровождал, конечно, не отходя от меня даже в банке. Нехорошее время — войны! Ни на минуту нельзя забыть ее. Да и как забыть? Вот опять было сражение, и в третий раз уже разбили русских на суше, — в Теглице тысячи убитых и раненых на той и другой стороне. Вот когда поучиться смирению!

Сопоставил себя с каждым из убитых: разве я лучше их? Что вы! Избави Бог и подумать это! А между тем жизнь их пошла так дешево, кровь их разлилась как вода. Если каждый из них оказался столь легким на весах суда Божия, то я-то что же пред Богом? Достоин ли Его хранения? И если хранит еще, то какую благодарностью должен гореть мой дух и каким усердием и служением Ему!..

10 (23) июня 1904. Четверг

<...> Разделение Евангелия на зачала и Апостола — тоже кончено. Акила Кадзима очень помог в этом деле; он же поможет и отпечатать то и другое для церковного употребления; нужны внимательность и аккуратность, а эти качества у него есть, хотя по временам, как у молодого человека, изменяют ему; но мы с Накаем будем держать последнюю корректуру. Отпечатание будет после каникул.

13 (26) июня 1904. Воскресенье

Поражает и обескураживает механическое, недостойное отношение японских христиан к исповедуемой ими вере. Новые христиане, принявшие веру по убеждению, должны бы ревностно, тепло относиться к ней, — куда! Старик Иов Накацука, несколько лет с утра до ночи находящийся в Соборе и всем любопытствующим язычникам объясняющий христианство по иконам, конечно, толкующий и о необходимости Христовой веры для вечного спасения, тут же, в Токио, спокойно допускает умереть свою родную сестру в язычестве. Недавно приходит и с улыбкой говорит:

— Сестра очень больна; должен пойти к ней.

— А что же она, сделалась христианской?

— Нет, — улыбается Иов и ушел. Сегодня приходит и с улыбкой докладывает:

— Похоронил сестру, — значит, по-язычески. И горюшка нет, что сестра в слепоте душевной отошла в вечность. А нужно, сейчас же пойдет толковать язычникам, что непременно надо веровать во Христа, иначе, мол, вечная гибель, да еще с пафосом станет толковать. И все это христианство лишь на конце языка, — дальше не проникло. <...>

15 (28) июня 1904. Вторник

В «Japan Mail» сегодня напечатано, что «полковник Halchansky и 7 других офицеров и 331

нижний чин, взятые в плен при сражении в Теглице, привезены 25 числа в Молзи и на следующий день отправлены в Мацуяма». Нужно будет отправить и им книг для чтения. Бедное русское воинство! Разбивают его по частям. Как оказывается, Куропаткин бездарный полководец.

И как же поносят Россию по поводу ее унижения пред японцами! Просто отчаяние берет. Каждый номер газеты точно бич, наносящий удары, от которых кровь сочится. Дай Бог твердости — нести без послабления своему делу!

Получил письмо от отца Феодора Быстрова, что «Феодор Матвеевич Янсен, по собственному его прошению, уволен из Академии, как известил о том отца Феодора Преосвященный Сергей, ректор Академии; что сему обстоятельству предшествовали ежедневные отлучки Янсена из Академии, долги, нежелание жить вместе со студентами. Где ныне он, неизвестно. У отца Феодора не бывает. Денег у отца Феодора до сих пор забрал 314 рублей». Весьма жаль! На скользкий путь вступил, как видно; кто развратил его — неизвестно.

17 (30) июня 1904. Четверг

На экзамене во 2 классе Семинарии по Священной Истории. Этот класс еще обильный учениками, больше 30 человек, и учится хорошо. Русские два мальчика тоже отлично успели в японском языке, почти как японцы говорят.

Хлопотливый день месячных расплат; впрочем, и переводил с Накаем — Богородичны из Часослова.

19 июня (2 июля) 1904. Суббота

На экзамене в 4 классе Семинарии, где 10 учеников, — хорошо отвечали по Гражданской Истории. Симеон Мацубара, катехизатор в Аомори, пишет, что преподавал крещение солдату, слушавшему учение у него всего двадцать дней; по внезапности отданного приказа к выступлению, священник не мог быть призван, а слушавший очень просил крещения, потому Симеон и решил сам крестить его сокращенным крещением, какое преподается, например, внезапно заболевшему ребенку.

20 июня (3 июля) 1904. Воскресенье

После Литургии отслужен мною с иереями провод по бывшем ученике Катехизаторской школы Илье Куний, взят в солдаты и потонувшем на «Хитаци мару», разбитом русскими военными судами недавно, причем потоплено около тысячи японского войска, направлявшегося в Маньчжурию. Куний был замечательно благочестивый молодой человек. Царство Небесное ему!

21 июня (4 июля) 1904. Понедельник

На экзамене в Женской школе по Закону Божию; отвечали, как всегда, отлично.

Всех учениц ныне 76. Потом произвел испытание по церковному пению ученикам Катехизаторской школы, выходящим ныне на церковную службу; кроме первых трех, все преплохо поют, — весьма мало за два года успели, частью по нестаранию, частью по неразвитости вообще в сем отношении. А после как будут жалеть, что мало научились!

22 июня (5 июля) 1904. Вторник

Опять на экзамене в Женской школе. Когда вернулся домой, две ученицы: дочь отца Сергия Судзуки, Мария, лет 14, и сестра отца Игнатия Като, Любовь, лет 15, принесли своего вязанья белые

салфетки, довольно большие, с крестами в середине, и просят «послать русским братьям в Мацуяма, для покровов на столики во время Богослужений». Я с удовольствием исполнил их поручение и написал при посылке отцу Сергию Судзуки об этом. Работа эта — подражание покровцам такого рода, приходившим из России, и нисколько не хуже русских вязаний; выставлены были покровы на экзамене, для которого и приготовлены, но, видимо, с намерением послать потом в подарок русским военно-пленным в Мацуяма.

Приходили Павел Ямада, писатель в наши журналы, и его невеста Ольга, против воли отца приехавшая из Кесеннума сюда, чтоб повенчаться с ним. Ныне и отец согласен, чтоб она вышла за него. Но рассорились они в ожидании своей свадьбы. Кто-то наговорил Ольге, что жених ее неверен ей, думает и о других женщинах; она так обиделась этим, что скрылась от него, и он целую неделю тщетно искал ее, пока наконец она сама явилась к нему, чтобы в последний раз объяснить с ним. Объяснение это привело к тому, что они оба пришли ко мне, чтоб еще раз в моем присутствии и при моем участии объяснить. Часа полтора тянулась эта влюбленная канитель: оба то станут плакать, то начнут улыбаться, смотря по предмету речи; видно, что действительно любят друг друга; но Ольга приревновала его к воображаемым соперницам, и это мучает ее, а Ямада мучается, смотря на это и не зная вины за собой. Я откровенно сказал свое мнение об Ямада, — что у него характер детский, вспыльчивый, но что вины относительно женщин я за ним не знаю и не слыхал, хотя он живет здесь, в доме, лет 10. Ольга успокоилась, а Ямада торжественно дал обещание, хотя этого и не требовали с него, исправить свой характер. Советовал я Ольге еще хорошенько посоветоваться с начальницей и старшими учительницами Женской школы, так как она наша же выпускная. И они оба, успокоенные, оставили меня, видимо примирившись между собою. Если повенчаются, что, кажется, состоится по окончании сего поста, то, конечно, Ольга будет главой в доме.

23 июня (6 июля) 1904. Среда

Утренним занятием мы с Павлом Накаем кончили наше переводное дело до после каникул. Остановились на 3-й песне — темы ирмосов из Ветхого Завета, то есть закончили сегодня перевод 2-й песни: Второзаконие, 32-я глава, 1-43 стихи. По примеру прежних лет дал Накаю 30 ен, чтоб он провел время каникул в Кёото или в другом месте, где хочет. <.,,>

24 июня (7 июля) 1904. Четверг

С 9 часов выпускной акт в Женской школе. Кончило 12: тринадцатая, по болезни, раньше возвратилась домой. Молитва, чтение списков, выдача свидетельств, наградных книг первым по классам, по куче книг религиозного содержания выпускным, моя краткая речь им.

Содержание: «Ваш ум, от Бога данный нам светоч, ныне достаточно развит; в пособие этому свету вы имеете Божественный свет, открытый вам в Христовом учении; осиянный сим светом ваш жизненный путь, имеющий конечною целью Царство Небесное, ясен пред вами; всегда руководитесь им — светом, и вы не собьетесь с прямого пути. Ваша воля ныне согласна с Волей Божьей, ваши силы достаточно развиты к исполнению Воли Божьей; будьте всегда послушны ей, и ваша жизнь будет благополучна. Ваше сердце теперь чисто; пусть всегда будет таким, и вы будете счастливы в жизни. Из этой малой пристани вы выходите теперь в безбрежное море житейское, имейте кормчим Бога, а спутниками Пресвятую Богородицу, Ангела-Хранителя, святых — и вы достигнете небесной пристани».

Благодарственная за воспитание речь выпускных. Пение остающихся воспитанниц поздравительных стихов выпускным. Речь остающихся. Пение выпускных. При пении, как всегда, взаимные слезы, ибо, действительно, это расставание товаров трогательно. Евфимия Ито представила успехи своих учениц в игре на кото: две маленькие девочки очень мило сыграли с ее аккомпанементом.

Угощение чаем собравшихся на акт гостей со стороны выпускных. Все было чинно и в порядке. Я дал б ен на симбокквай воспитанницам, который у них и будет сегодня вечером. <...>

25 июня (8 июля) 1904. Пятница

С 8 1/2 часов выпускной акт в Семинарии и Катехизаторском училище.

Кончило курс 4 в Семинарии, из коих двоих первых учителя просили принять на службу в звании катехизаторов, остальных — катехизаторских помощников; в Катехизаторском училище кончило 10, из коих двоих первых учителя просили прямо сделать катехизаторскими помощниками, следующих пять — катехизаторскими учениками (как всегда доселе выпускались из Катехизаторской школы), трех остальных, как оказавших весьма плохие успехи, принять в звании «денкёо-ходзё»*, чего прежде не бывало.

Порядок акта такой же, как вчера в Женской школе. И здесь пели стихи остающиеся и выпускные, только здесь сочинения Павла Накаи, тогда как воспитанницы сами сочиняли; перекладывает на ноты им Иннокентий Кису, регент хора.

Сущность моей коротенькой речи выпускным: «Вы выходите на поле Христово сеять семя Его учения; в дурную погоду выходите, но бодро идите; мы имеем утешение видеть, что, несмотря на бурю, нива Христова благополучна — на ней не видно никакого изъяна: христиане по всем Церквам верны Христу, из служащих Церкви ни один не убавился. Все это показывает ясно, что Вера Христова здесь уже твердо стоит, что ее хранит Христос и живет обращающаяся в ней благодать Божья, как в теле кровь. Слышал я сетование христиан не нашей Церкви (протестантов) на то, что ныне нет никакого гонения, а вместе с тем и оживления: Церковь — как корабль без ветра за штилем... Вы имеете и в этом некоторую выгоду: язычники еще довольно неприязненно относятся к Православию именно, — имейте это побуждением к еще вящей ревности в проповеди, — это тоже своего рода гонение... Христос — верховный Хозяин наш ждет вас на Своем поле; первоначальники его делателей — Святые Апостолы с высоты небесной шлют вам свои благословения и молятся за вас, ныне трудящиеся по проповеди ожидают вашей помощи, — идите же на дело столь важное, столь радостное...»

Угощение всех гостей и выпускных в столовой. На «сообецу- квай» ученикам дал б ен.

В 3 часа 12 выпускных воспитанниц пришли благодарить и прощаться. Долго беседовал с ними, снабжая наставлениями для жизни во Христе; благословил иконами: Пресвятой Богородицы, — большого формата попросили, — Ангела-Хранителя, Святой Марии Магдалины, Великомученицы Екатерины; дал виды Собора — наружный и два внутренних; попросили по маленькой Псалтыри; снабдил и некоторыми брошюрами.

В то время как я беседовал с ними, Петр Исикава принес из Французского Посольства пакет из России, оказавшийся Указом Святейшего Синода в ответ на мое извещение, что я остался в Японии, и на просьбу молитв. Святейший Синод уведомляет, что «молитесь за Японскую Церковь и надеется, что Бог сохранит ее невредимой». Это большое утешение. Я тут же сообщил это воспитанницам и рассказал о покровительстве Японской Церкви со стороны русских иерархов, Высокопреосвящ. Исидора, Иннокентия, Арсения, а также Иерусалимского Патриарха Кирилла.

Вечер занят был чтением прошений и писем к Собору.

26 июня (9 июля) 1904. Суббота

Собираются священники; первым явился отец Борис Яма- мура, потом вечером прибыли отцы Андрей Метоки и Роман Фукуи; о состоянии Церквей своих еще не рассказывали. Отцу Андрею, кроме Хакодате, можно быть везде, но не иначе как под надзором полиции, который его и сюда сопровождал.

Учащиеся мало-помалу разъезжаются на каникулы.

Отец Сергей Судзуки пишет, что вновь прибыло русских пленных 338, потом еще 40; просит 100 крестиков для них; описывает погребение одного умершего от ран; пишет, что выписал к себе, в Мацуяма, из Оосака семейство, чтоб жить на квартире, а не в гостинице, где очень дорого.

28 июня (11 июля) 1904. Понедельник

Выслушивание священников об их Церквах. Крепкое терпение нужно. С 8 до 12 четыре человека едва успели кончить; нового — ровно ничего, — все то же, что писали в письмах, но тянут и разводняют так, что едва сдерживаешься, чтоб не бросить слушать, часто среди речи наперед подсказываешь, что дальше; благодушно принимается эта услуга, и продолжается водоизлияние, без малейшей догадки, что об известном можно бы и сократить. Особенно отличается отец Петр Сибаяма; этого, коли б не усталость, можно слушать с наслаждением, как артиста краснобайства: катит, как будто с ледяной горки, — нигде ни зацепки, ни задоринки; о содержании не спрашивай — его нет, если не считать Дозы самохвальства.

То же с 2 до 5; неудивительно, что я почувствовал, наконец, раздражительность, от которой, однако, надо воздерживаться; равновесие духа — вещь важная, которою надо дорожить.

На Всенощной и я выходил на Литию и величание. После службы исповедь священников и правило.

29 июня (12 июля) 1904. Вторник. Праздник Святых Апостолов Петра и Павла

Я служил Литургию с собором 8 иереев.

Василий Ямада, ездивший в Мацуяма, рассказал о военнопленных: живут ладно, только очень скучают. Отца Сергея Судзуки не любят чиновники — военные пристава к военнопленным за его многословие и бабью привязчивость и желают замены его кем-либо другим, более способным к сношению с ними; но военнопленным он служит исправно. Всех пленных Ямада нашел 1057; но после последнего сражения еще 160 человек привезут. Боже, и когда это кончится разбитие и пленение русских?

Выслушивание священников и отпуск учащихся на каникулы — снабжение их дорожными, брошюрками и под.

3 (16) июля 1904. Суббота

Четвертый день уже священники заняты предварительными совещаниями по поводу всего присланного и собранного к Собору — статистических отчетов, прошений, писем, предложений. Вот разума накопили, должно быть! Увидим. Дай-то Бог, чтобы все придуманное ими оказалось разумным! Как бы хотелось иметь вполне разумных пособников!

Приходил Матфей Нива, христианин церкви в Коодзимацци, бывший много лет катехизатором и отставленный от церковной службы за то, что развелся со своею женою, несноснейшего, впрочем, характера; как и видно, это один из авторов представленного Собору предложения о преобразовании церковного управления.

Начинает речь издалека, отчасти льстиво, и приступает:

- Все в Японии называют нашу Церковь «Николаевою», — то нехорошо, — я с этим согласился.
- Но это происходит оттого, что вы один управляете Церковь, без участия других.
- Это неправда; в управлении Церкви непрерывно участвуют священники; ни в каком приходе

я ничего не решаю, не посоветовавшись наперед со священником, в ведении которого приход. А наиболее важные дела решаются с участием всех служащих Церкви, для чего у нас и бывает Собор.

— Но нужно, чтоб при вас был постоянно совет не только из священников, но и из мирян.

— Миряне допускаются к участию в делах церковного управления тогда, когда это нужно; например, при избрании священнослужителей, у нас еще на Соборе — при распределении катехизаторов, также в распоряжении церковным имуществом, насколько это нужно; вы это знаете...

— В Японии было прежде Императорское управление; но Император уступил власть народу. Нужно, чтобы и в Церкви у нас было подобное.

— Церковное управление зиждется на неизменных Церковных канонах; отступать от них мы не имеем права, иначе мы не будем членами Православной Вселенской Церкви.

— Но... — и пошел, и пошел болтать, вертясь, как белка в колесе, на одном и том же. Молча послушавши его некоторое время, отослал изливаться пред собранием иереев.

Пришли другие и с другим: Савва Хорие, начальник переводчиков, с Василием Ямада, начальником Общества Православных молодых людей и хлопотуном по церковным делам, недавно вернувшимся из Мацуяма, где осматривал положение русских военнопленных. О своей поездке он рассказал собранию священников, и положили все они, по его представлению, переменить священника Сергия Судзуки, служащего у военнопленных, на другого, о чем и пришли теперь сообщить мне. Но сколько ни говорили, причин, достаточных к перемене, я не видел. Главное то, что он своим многословием надоедает там чиновникам, приставленным к военнопленным, и они не любят его.

— Но это по новости, — говорил я, — и колесо новое скрипит, а обойдется, — гладко катится. Я тоже не совсем доволен отцом Сергием, особенно сначала был недоволен им; но теперь, в полтора месяца, он уже достаточно привык уже к своей службе, и у него все идет хорошо. Вчера я имел от него письмо: заботится о пленных с любовью, как видно, исполняет свои обязанности, навык служить по-русски, напрактиковался в разговорном русском языке, и даже в письменном, как показывает его письмо, очень правильно написанное по-русски. Взять его ныне оттуда и заменить другим священником, хоть бы и окончившим Семинарию, но не имевшим до сих пор практики ни в разговорном русском языке, ни в службе по славянским книгам, — это такое большое неудобство, на которое я никак не могу решиться.

— Но его не любят там.

— Кто? Русские?

— Нет, японские офицеры и чиновники, с которыми он не умеет ладить.

— Он послан служить для русских; русские не жалуются на него, и ладно; а как с японскими чиновниками обращаться, поучите его, и этого довольно.

— Его зовут там «кокузоку» (враг Отечества).

— За то, что он исполняет священнические требы для русских? А врачей, лечащих русских больных, а чиновников, заботящихся о русских, так зовут?

— Нет.

— Значит, пустое слово. Нет ли других, более важных причин для вызова его?

— Он тратит много денег; Общество (заботливости о военно-пленных) не может содержать его.

— Я это вижу; ваше Общество заняло у меня 70 ен для отправления его в Мацуяма и до сих пор не вернуло мне эти деньги; вероятно, и не вернете, как я догадывался с самого начала. Нечего делать. Я буду содержать отца Сергия. Свое обычное месячное содержание они без того получают от Миссии; прибавлю ему несколько экстренных, и пусть он служит у военнопленных вполне на содержании Миссии. Нет ли еще чего против отца Сергия?

Но ничего больше не нашлось; и гневный, — по обычаю, коли что не по его делается, — Хорие и надувшийся Василий Ямада оставили меня.

4 (17) июля 1904. Воскресенье

Начальник протестантского Общества молодых людей Mr. Helm пишет, что это Общество желает послать русским пленным в Мацуяма в подарок по вееру, и просит господин Хельм перевести по-русски надпись, которая будет напечатана на этих веерах, что я тотчас же и исполнил; надпись: «С приветствиями от христианских обществ (associations, в подлиннике) молодых людей в Японии». Пленным будет приятен этот подарок в такое жаркое время; и я от души поблагодарил Mr. Helm'a за это доброе дело.

Вечером отец Иоанн Оно пришел сказать мне вкратке результат четырехдневного совещания священников о делах Собора. Почти все хорошо обсуждено ими; кое с чем только я не согласен.

5 (18) июля 1904. Понедельник

С 8 часов Собор в Крестовой церкви. Заседало всего 20 священников со мною; прочие по разным причинам не пришли на Собор. Так как «кейкёохёо» (статистические листы) рассмотрены были священниками на «найквай'е», то я прямо объявил только суммы всего. Крещено за год всех 720, умерло 289, к живущим ныне христианам присоединилось 431, всех христиан ныне в Японии 28 397. Служащих церкви доселе было 180; ныне прибавилось к ним: кончивших курс в Семинарии 4, в Катехизаторском училище 10, — всего ныне 194. Слава Богу и за все это!

Распределение служащих, хотя сделано было на предварительном совещании, но оно оказалось не совсем удовлетворительным, и потому мы оставили церковь, чтобы в комнате свободней потолковать.

До вечера распределение было исправлено. По окончании сего дела неожиданно выступил Василий Ямада и говорит священникам:

— Трое или четверо из вас отправитесь в Наймусё (Министерство внутренних дел) поговорить о миссийском месте; там с удовольствием потолкуют с вами об этом.

— Это о каком же месте? — спрашиваю.

— Да вот об этом, на котором Миссия и Собор стоят.

— Кто же вам дал право заниматься этим делом? Это место дано Министерством иностранных дел Посланнику, без которого не может быть и речи о нем, если вести дело правильно. Конечно, японское правительство может отнять его у Посольства, и в таком случае, если отдаст его непосредственно во владение нашей Церкви, и я, пожалуй, рад буду; но это был бы неправильный, незаконный ход дела, и японское правительство едва ли прибегнет к такому роду обращения с иностранным посланником, — русский же оставил Токио на время и, без сомнения, вернется сюда; посольское место не отнимается без него, а, напротив, тщательно охраняется для передачи ему; это, миссийское место на тех же условиях занято им, как и посольское; как же японское правительство отнимет его, не нарушая правильности отношений к Посланнику? Притом это дело совсем не «Наймусё», а «Гвай-мурё», и вовсе не ваше дело, — строго сказал я, обращаясь к Василию Ямада; священникам же сказал: «Если пойдете в Наймусё, то имеете сказать только: мы будем рады, если, когда вернется русский посланник, это место, по сношению с ним, будет передано на имя Японской Православной Церкви. Просить об этом вы не должны: это было бы просьбою от моего имени, но я не имею ни права, ни желания заниматься не принадлежащими мне делами; сношение с японскими властями — дело Посланника, не мое».

6 (19) июля 1904. Вторник

Второй день Собора и окончание его. «Найквай» пред Собором действительно облегчает и ускоряет ведение Собора; каждый все предварительно высказал, и другой раз говорить уже и самим им скучно; я же и без того знаю дело.

7 (20) июля 1904. Среда

С утра до 4 часов составление списка книг, отправляемых военнопленным в Мацуяма. Всего из запасной библиотеки, без возврата, на этот раз отправлено 140 наименований книг и 1000 брошюр. Из книг многие во многих экземплярах, например Нового Завета 7, Евангелия на русском 25 и проч.; всего 353 экземпляра. Все книги и брошюры религиозно-нравственного или законоучительного содержания, за исключением нескольких учебников по грамматике, математике и проч. Отправлены отцу Сергию Судзуки с письмом и к полковнику Николаю Ивановичу Мерчанскому, которого прошу помочь отцу Сергию распределить книги офицерам и нижним чинам.

С 4 часов чай со всеми священниками, кандидатами-наставниками Семинарии и писателями. На этот чай они пригласили меня. Я воспользовался случаем, чтоб сказать им речь о том, что после меня Епископ должен быть испрошен из России, и вообще, что Японская Церковь не должна торопиться стать самостоятельной, иначе испортит себя и сделается чем-нибудь вроде протестантской секты. Не менее ста лет Японская Церковь должна быть под управлением Святейшего Синода и из России должна получать епископов, которым и подчиняться строго и безусловно; так только она воспитается в ветвь Единой Соборной Апостольской Церкви.

8 (21) июля 1904. Четверг

Прощание со священниками, отправляющимися обратно по своим местам, и снабжение их крестиками, иконами и всем нужным.

9 (22) июля 1904. Пятница

300 военнопленных из Мацуяма отправлены на жительство в Маругаме, почему мы положили отправить отца Павла Морита совершать Богослужения для них. Сегодня утром я занят был собиранием Богослужбных славянских книг и всего нужного для снабжения его.

Священники и другие служащие Церкви положили добровольно, без всякого вызова с моей стороны, жертвовать из своего содержания, получаемого от Миссии, 1 процент на содержание священников у военнопленных; это даст 20 ен или 25 ен в месяц для отца Морита и 15 ен для отца Судзуки; а с меня они просили прибавлять отцам Морита и Судзуки по 20 ен в месяц, кроме ныне получаемого их обычного содержания. Петр Исикава изъяснил мне все это; я согласился и поблагодарил их за усердие.

Образование же Общества для помощи военнопленным не состоялось, так как предприниматель его, Ямазаки, оказался человеком неблагонадежным; из полиции здесь предупредили наших опасаться его, как человека дурного поведения. <...>

11 (24) июля 1904. Воскресенье

В церкви христиан довольно много. Пение регентов и причетников очень стройное.

Вновь прибывшие военнопленные офицеры из Мацуяма прислали просьбу известить их родных, что они здоровы и находятся в Мацуяма. Писал сегодня почтовые листки (хагаки) в Россию с этими известиями по присланным адресам.

Разосланы сегодня к Церквам и катехизаторам письма о переменах, произведенных Собором в распределении служащих Церкви, вместе с дорожными тем катехизаторам, места службы которых, по их просьбе или по другим причинам, переменены.

12 (25) июля 1904. Понедельник

Утром известили, что умер привратник в Семинарии; в 5 часов отпел его соборне с двумя священниками.

Отец Сергей Судзуки из Мацуяма пишет между прочим, что «русские благочестивее японских христиан, особенно нижние чины; из офицеров же есть благочестивые, но больше — неблагочестивых»; и жалуется отец Сергей на «своеволие и непокорность офицеров». Еще бы! Японцы — строгие исполнители установленных начальством правил, а русские разве привыкли чтить закон? Ну вот теперь и мучатся, выскакивая из нормы, в которую сами же заключили себя. Один офицер побил японского солдата там; воображаю, как страдает его самолюбие от наказания за этот проступок, который в России он волен был делать безнаказанно.

Полдня занят был отборкою в запасной библиотеке книг для посылки пленным в Маругаме, куда вновь еще отправлено их из Мацуяма 350 человек, так что всех там ныне 650.

От директора Хозяйственного Управления при Святейшем Синоде Петра Ивановича Остроумова получил сочувственное письмо и известие, что в Миссию идут еще из Миссионерского Общества чрез Французское Посольство 14850 рублей. Слава Богу!

13 (26) июля 1904. Вторник

Написал донесение в Святейший Синод и в Совет Миссионерского Общества с кратким отчетом о Соборе нынешнего года, из какового отчета видно нынешнее состояние здешней Церкви. Успехи проповеди по теперешним обстоятельствам бедны, но Церковь все же не в дурном состоянии. Слава Богу!

16 (29) июля 1904. Пятница

Тоже занятие в библиотеке: набрал сегодня 1350 религиозных брошюр для пленных в Маругаме.
<...>

17 (30) июля 1904. Суббота

Расчетный за месяц скучный день, с грустными, горькими мыслями, навеваемыми неудачной для России войной и тем, что уже ее поносят все, особенно протестантские миссионеры. А тут еще новое несчастье: Министра внутренних дел Плеве убили.

18 (31) июля 1904. Воскресенье

Сделал сегодня выговор катехизатору Зилоту Моки, явившемуся на перепутье с места прежнего служения в приходе отца Василия Усуи на новое, назначенное Собором, у отца Павла Морита. Воспитан в Семинарии, получает в месяц 20 ен — и в продолжение 4 лет службы хоть бы на волос пользы от него! <...>

А после обеда пришло письмо о другом таком же, воспитанном в Семинарии, но платящем за это, а равно и за свое катехизаторское содержание, бездельничеством: христиане Бато, куда назначен Собором Николай Ока, прислали прошение переменить его, или же совсем им не нужно катехизатора.
<...>

Так-то Семинария, на которую Миссия больше всего издерживается, до сих пор рождает почти одних мертвых чад или же таких уродов, которые никуда не годятся. Неудивительно, коли к нам в Семинарию ползет такая дрянь, которая не находит места в других воспитательных заведениях или по бездарности своей, или по крайнему убожеству родителей. О, Боже! Когда призовишь на Свое здесь дело и пошлешь делателей на ниву Свою? Ни здесь, ни из России!

<...> Бьют нас японцы, ненавидят нас все народы, Господь Бог, по-видимому, гнев Свой изливает на нас. Да и как иначе? За что бы нас любить и жаловать? Дворянство наше веками развращалось крепостным правом и сделалось развратным до мозга костей. Простой народ веками угнетался тем же крепостным состоянием и сделался невежествен и груб до последней степени; служилый класс и чиновничество жили взяточничеством и казнокрадством, и ныне на всех степенях служения — поголовное самое бессовестное казнокрадство везде, где только можно украсть. Верхний класс — коллекция обезьян — подражателей и обожателей то Франции, то Англии, то Германии и всего прочего заграничного; духовенство, гнетомое бедностью, еле содержит катехизис. — до развития ли ему христианских идеалов и освящения ими себя и других?.. И при всем том мы — самого высокого мнения о себе: мы только истинные христиане, у нас только настоящее просвещение, а там — мрак и гнилость; а сильны мы так, что шапками всех забросаем... Нет, недаром нынешние бедствия обрушиваются на Россию, — сама она привлекла их на себя. Только сотвори, Господи Боже, чтобы это было наказующим жезлом Любви Твоей! Не дай, Господи, вконец расстроиться моему бедному Отечеству! Пошади и сохрани его!

19 июля (1 августа) 1904. Понедельник

Раздосадовал счет от врача: за ученика Семинарии Ока, брата вышеозначенного негодного катехизатора Николая Ока, и в этот раз 34 ен, несмотря на то что он давно уже вышел из больницы. Больше 100 ен истрачено на лечение его, а и ученик дрянной, и надежды на его службу Церкви не может быть, — гнилой телом и грубой душой. Даром изводятся деньги, которые должны идти на пользу Церкви. Сказать, что если вперед захворает, то будет отправлен домой для лечения.

20 июля (2 августа) 1904. Вторник

Глухой катехизатор Илья Сато, отставленный от службы Собором за свою глухоту, которому послано обильно на дорогу с семьей из Акита в Такасимидзу, на его родину, с обращением, что, когда прибудет туда, пошлется ему еще помощь в размере двухмесячного содержания, прислал прошение испытать его еще один год. Отказано. <...>

О брате этого Ильи Сато, Пантелеймоне, кандидате Казанской Академии, бывшем наставнике здешней Семинарии, три месяца тому назад сманенном Военным Ведомством на службу ему для переводчества на местах военных действий в Маньчжурии, сегодня получено известие, что он умер в госпитале в Маньчжурии. Царство ему Небесное! Был человек преданный Церкви, пока [не] прельстился на большее, чем Церковь дает, жалованье, хотя всегда был плохой наставник, над которым смеялись ученики.

Прибыл отец Павел Морита из Маебаси, чтоб отправиться отсюда в Маругаме для служения у русских военнопленных. По совету с ним, послано письмо катехизатору Николаю Ока, чтоб отправлялся на службу в Оотавара, где нет катехизатора, а в Оо- тавара написано, чтоб приняли его.

22 июля (4 августа) 1904. Четверг

Все эти дни свободное от церковных дел время я провожу в библиотеке, очищая накопившиеся там дела, то есть вписывая в каталог переплетенные книги, собирая и сдавая переплетчику не

переплетенные. Обычное каникулярное дело.

Mr. Andre привез вексель на 1570 фунтов стерлингов, составляющих 14850 рублей, из Миссионерского Общества и Перервинского Монастыря на содержание Миссии в этом году, из Миссионерского Общества на 1-ю половину, из Перервинского Монастыря на весь год. Слава Богу! Значит, Миссия на этот год обеспечена содержанием.

Была Христина Хасуике, молодая учительница, назначенная для отправления из здешней школы в кеотскую заменить вышедшую замуж тамошнюю учительницу Любовь Асано. 22 марта прошедшего года она просилась в монахини, и ей дано было три года на испытание. Сегодня она тоже просилась; говорит, что намерение ее посвятить себя Богу нисколько не изменилось. Но сегодня мы уже говорили о пяти годах испытания. Если пять лет прослужит учительницей, нисколько не изменив своему благочестивому намерению, то пусть потом отправится в хороший женский монастырь для настоящей монашеской жизни и опыта. До тех же пор и жизнь учительницы — тоже монашеская жизнь.

23 июля (5 августа) 1904. Пятница

Отец Сергей Судзуки, служащий у наших военнопленных в Мацуяма, имеет при сем служении два неудобства:

1. При совершении им Богослужения должны присутствовать японский чиновник и переводчик — оба язычники: они тяготятся Богослужением, скучая при нем, и потому всегда торопят отца Сергия служить скорей; кроме того, им иногда некогда, — заняты другим, и отец Сергей, пришедший для Богослужения, должен долго ожидать их, иногда тщетно; например, недавно он три часа прождал переводчика и ушел, не дождавшись его, оставив больше ста русских пленных без Богослужения.

2. Отец Сергей совершает Богослужение в 8 помещениях пленных; помещения эти разбросаны по городу; в каждое он должен идти один, ища там способных между пленными петь и читать; в некоторых помещениях есть весьма искусные чтецы и певцы, а в иных нет. Следовало бы ему, избрав из русских хорошего чтеца и певца, иметь его при себе причетником, так чтоб этот причетник ходил с ним из одного помещения в другое, помогать при Богослужении. Но правила, составленные для пленных, не позволяют ни служить без переводчика, ни брать пленного из одного помещения в другое.

Сильно настаиваю я теперь, чтоб отец Павел Морита выхлопотал здесь в Военном Министерстве послабление по двум этим пунктам: резоны весьма ясные в пользу сего; но японцы — строгие блюстители установленного; не знаю, удастся ли отцу Павлу выхлопотать; сегодня он остался в Токио преимущественно для этого.

Вечером Вышеозначенное не удалось. И виною этому, как оказывается, бестактность отца Сергия Судзуки, проявленная им при служении в Мацуяма. В Военном Министерстве сказали отцу Павлу: «Отправляйтесь и служите; если будете служить и вести себя как должно, то на месте можете получить нужные для вас послабления правил».

Чиновник же Канцелярии, заведующей военнопленными (Хоре дзёохоо-кёку), ласково и участливо разговаривал с отцом Павлом, сообщил ему следующее: отец Сергей бестактными своими речами в одну и другую сторону очень раздражил там начальство, заведующее военнопленными; сим последним он говорит: «я сделал бы то — и то, или я служил бы тогда и тогда, да не позволяют», как бы жалуясь русским на свое начальство; а начальству часто говорит: «вы притесняете религию, вы гоните христианство, не понимая его».

Все это до того вооружило против него заведующих военнопленными, что отсюда, из Токио, отправили чиновника удостовериться, действительно ли Судзуки совсем неудобный для служения там. Этот самый чиновник, разговаривавший с отцом Павлом, был оным ревизором. Он понял, вникнувши в дело, что Судзуки совсем не враг Отечества (кокузоку), как обозвали его, а просто

бестактный простодушный человек; дал ему наставление и вернулся в Токио, оставив его при своем служении.

Отец Павел Морита, разумеется, не будет таким бестактным — он умней и практичней отца Сергия. Он же может по-товарищески руководить в этом отношении отца Сергия, учась сам у него на первый раз совершению Богослужений и треб по-славянски. Дай Бог только, чтоб отец Павел воздержался от своего собственного недостатка — склонности к интриге; больно любит он отводить чужую воду на свое поле.

Снабдил отца Павла свидетельством за печатью, что он «православный священник, посланный для совершения Богослужений и священнических треб у военнопленных в Маругаме и Химедзи», всеми священными предметами, необходимыми для Богослужений, начиная от антимиона до церковного полотенца, дорожными деньгами, — и завтра рано утром он отправится в путь. Усердное служение наших священников у военнопленных и хорошее обращение японцев с военнопленными вообще немало принесут пользы для Японской Православной Церкви и для сближения Японии с Россией вообще: больше тысячи пленных, вернувшись, разойдутся в тысячи мест России и везде молвят доброе слово о японцах и Японской Православной Церкви.

Нужно надеяться, что с пленными японцами в России также обращаются хорошо, и они, вернувшись домой, молвят не менее доброе слово о России...

24 июля (6 августа) 1904. Суббота

<...> 73-летний старик, язычник из Цусима, застрахованным письмом пишет мне много и убедительно, что «нынешняя война между Россией и Японией дурное дело, противное воле Небесного Царя (Тентеи), одинаково любящего всех людей как своих детей», и просит «постараться о скорейшем прекращении ее».

Какое высокое понятие о важности духовного сана и служении, но как-то не соответствует действительности! И как печально все это! Хотелось бы утешить доброго старика чем-либо, но чем же?

Опять пришлось позвать ушного врача, но на этот раз уже не прежнего обдиралу, по 10 ен за визит, а Оконоги, тоже славящегося своим искусством, 9 лет пробывшего в Германии и учившегося в Тюбингенском университете. Он славится также своим бескорытием. Осмотрел, кое-что посоветовал, дал помпochку продувать уши, то есть по возможности приводить в действие косточки за барабанной перепонкой.

26 июля (8 августа) 1904. Понедельник

Делал список иконам, хранящимся в ризнице; почти все такие, которые нужно беречь, как образцовые для списывания.

Доктор Ясосима, сострадающий моему одиночеству за удалением всех русских по случаю войны, сегодня прислал мне шелковый круглый веер и корзину яблоков и дуль [груши]. Не знаю, чем отдаривать его; как завзятый буддист, христианских книжек не берет, больше у меня нет ничего для подарков.

28 июля (10 августа) 1904. Среда

Утром письма в Россию, потом занятие в ризнице. Отец Яков Мацуда пишет: «В Окаяма один христианин, военный, с начала войны вышел из Церкви. Теперь он на войне убит, и родные просят церковных молитв о нем. Можно ли молиться?» Ответено: «Так как он сам исключил себя из членов Церкви, то церковные молитвы о нем неуместны. Но поелику родные просят, то пусть помолится». Господь с ним! Вероятно, по неразумению оставил Церковь, а не от зловерия.

1 (14) августа 1904. Воскресенье

Грустно начинается 69-й год моей жизни. Вдали канонада Порт-Артура, который, вероятно, долго не выдержит, еще дальше непрерывные бои, результатом которых все больший и больший наплыв в Японию наших пленных.

В Токио уже составилось общество на акциях для эксплуатации в Маньчжурии и Корее. — так уверены японцы в завладении Маньчжурией и Кореей. И весь свет торжествует, что Россия разбита и посрамлена. Особенно дикою кажется радость протестантских миссионеров, которые молятся на Японию за то, что здесь не мешают им петь свой кошачий концерт разноголосицы проповеди, и проклинаят Россию за недозволение им сего. Имбри, Бачелор и все эти Reverend'bi, обливающие ядом своей ненависти Россию, просто изумляют своим антихристианством. Наши настоящие враги — японцы — куда человечней этих проповедников Христа! Японцы только гордятся и бахвалятся нынешними своими победами и с видом превосходства и пренебрежения трактуют Россию, ненависти же не высказывают; а вот англичане и американцы, особенно все их Reverend'bi, по уши погружены в сатанический грех человеконенавидения.

2 (15) августа 1904. Понедельник

По сегодняшнему номеру «Japan Daily Mail», «русский флот, бывший в гавани Порт-Артура, вышел для сражения и японцами совсем разбит, владивостокская эскадра, состоящая из трех судов, в Цусимском проливе также разбита, и "Рюрик" потоплен, а два другие судна поврежденные убежали. Японцы при всем этом имели лишь пустячные (trifling) изъяны». Город ныне расцветен флагами. Издатель «Mail» Captain Brinkley, захлебываясь восторгом, танцует качучу, припевая, что Порт-Артур при последнем издыхании, а Куропаткин подбирает фалды, собираясь бежать.

Впрочем, есть и очень доброе: 12 августа нового стиля наша Русская Императрица родила сына, значит, прямого наследника Императору. Благослови его Бог возрасти в благочестивого, истинно православного и мудрого, и крепкого Императора!

3 (16) августа 1904. Вторник

Нескончаемые подробности о разбитии Порт-Артурского флота и потоплении «Рюрика», с которого, впрочем, 600 человек из 760 спасены японцами. Brinkley долго еще будет смаковать эту необыкновенно сладкую для него и обильную жвачку.

Но так или иначе нас все бьют и бьют. Почему? Потому что к войне не были готовы. Но когда же мы были готовы при начале войны с кем бы то ни было? В 12-м году разве мы были готовы встретить Наполеона? Нисколько; мы заняты были тогда войною с Турциею. Пред Севастопольской войной были? Отнюдь нет. У неприятелей уже был паровой флот, а у нас парусные суда, у тех дальнобойное оружие, у нас старое вооружение, так что враги нас побивали издали точно безоружных против них. — Даже к турецкой войне не вооружились как должно, иначе Плевненского позора не было бы. Вот и теперь то же, как по-писаному. Японцы вооружились до зубов, а мы смотрели на это во все глаза и не замечали, и никаких мер со своей стороны не принимали, — ну и платимся за свое ротозейство и свою феноменальную глупость.

4 (17) августа 1904. Среда

Несчастливая эта война с мыслью не идет, ко всему примешивается и все портит; знать, патриотизм такое же естественное чувство человека, как сознание своего «я». Что будешь делать! Нужно терпеть это непрерывное мучительное колотье.

6 (19) августа 1904. Пятница. Праздник Преображения Господня

Никогда прежде не чувствовал себя так грустно и одиноко. В церкви вчера и сегодня почти никого. В газетах Россия окончательно побита и ограблена: «Маньчжурия возвращена Китаю, Порт-Артур и Дальний сделались японскими; японцы, кроме того, взяли себе Сахалин, Камчатку, Сибирь до Енисея; проведенная Россией Маньчжурская железная дорога, конечно, сделалась японскою; сверх всего этого японцы взяли с России контрибуции тысячу миллионов рублей да еще хвалятся, что это весьма скромно и умеренно».

Вот и утешайся тем, что ты русский! Быть может, в России нечто подобное проделывают и с Японией, но так как русских газет сюда не доходит, то приходится быть односторонним, что так же неприятно, как если бы сквозной ветер продувал одну сторону тела, не касаясь другой, при чем, как известно, возбуждаются ревматические боли, если ревматизм есть в теле.

7 (20) августа 1904. Суббота

В числе 600 спасенных японцами при потоплении крейсера «Рюрик» оказался судовой священник. Но, по сегодняшним газетам, его отписывают в Нагасаки для отправления в Россию, так как он в числе пленных не считается. Просил я Mr. Andre (бывшего сегодня у меня, чтоб передать вексель на 3290 ен 96 сен из Святейшего Синода на содержание Миссии, присланный чрез Французского Посланника) передать мою просьбу Французскому Посланнику, чтоб он походатайствовал у японского правительства оставить здесь священника с «Рюрика», не в виде пленного, а для удовлетворения нужд его же паствы, оставленной пленного в Японии. Очень желательно, чтоб это состоялось.

Последние три дня я занят был выборкою книг и брошюр из запасной библиотеки для отсылки пленным в Химедзи, где уже поселено много их и куда, вероятно, отправят спасенных с «Рюрика».

Всех русских военнопленных ныне к 15 августа нового стиля в Японии, — как сегодня в официальной газете извещается, — 1408, в том числе 53 офицера; из них: 1 полковник, 5 подполковников, 7 майоров, 10 капитанов, 15 поручиков, 15 прапорщиков (и 600 с крейсера «Рюрик»); да пишут еще, что человек 500 больных лежат в японских госпиталях в Маньчжурии, до того слабых, что их нельзя было переправить в Японию с прочими военнопленными).

Получено сегодня от отца Павла Морита весьма подробное письмо, в котором он описывает, как с отцом Сергием Судзуки посещал военнопленных в Мацзюма и как все хорошо, сердечно принимали их. Особенно трогательно описывает благочестие больных: все просят молитв, сами усердно молятся, дорожат священническим благословением, непременно целуют благословляющую руку. Лучшие места письма я велел напечатать для прочтения всем японским христианам. Офицеры спрашивают у священников: «Отчего у них (на рясах) нет наперсных крестов?» Это дало мне мысль: если они до конца хорошо исполняют свою службу у русских, выхлопотать им в награду наперсные кресты от Святейшего Синода.

8 (21) августа 1904. Воскресенье

Видно, что положение Миссии интересует многих между иностранцами; несмотря на то, что к Богослужениям у нас ныне нет звона, иностранцы нередки при Богослужениях; так и сегодня два англичанина в отличной коляске приехали к Обедне и пробыли до конца службы; даже длинную проповедь отца Феодора Мидзуно всю прослушали, вероятно, ни слова не понимая.

9 (22) августа 1904. Понедельник

Составил список книг, отправляемых нашим военнопленным в Химедзи. И сюда пойдет немалое

количество: 104 наименования книг и 1326 брошюр.

Отец Сергей Судзуки извещает о прибытии в Мацуюма 152 раненых с крейсера «Рюрик». Он встретил их при высадке на берег, «сказал им утешительное слово» и помолился с ними; «все они усердно молились и благодарили Бога и нас», пишет отец Сергей. Благословил он крестиками не имевших оных, но недостало для всех; просит отец Сергей еще 300 крестиков послать ему. По прочтении сего я тотчас же послал за шелковыми шнурками (за которые заплачено 15 ен 75 сен), а потом выдал 300 крестиков (которые, все серебряные, стоят 30 ен) и по приготовлении немедленно отправил к отцу Сергию.

11 (24) августа 1904. Среда

Получены 6-7 и 8 выпуски «Известий Братства Православной Церкви в Китае». Преосвященный Иннокентий действует отлично, все русские, служащие под его началом, одушевлены; жаль только, что литература в журнале очень плохая. Петербургское подворье Пекинской Миссии проповедует и служит на славу. И как все широко и разумно устроено! Сколько людей привлечено на служение миссийскому делу! Японская Миссия пред всем этим просто пигмей. А хорошо бы и нам завести подворье в Петербурге или Москве: только ни умения, ни людей на это.

12 (25) августа 1904. Четверг

Японские и английские газеты только и трубят о доброте японцев и о зверствах русских. Но вот и обратная сторона медали. В полученном сегодня 26 номере «Церковного Вестника» пишется:

«На глазах иностранных корреспондентов и военных агентов японцы скрепя сердце ухаживали за русскими ранеными и кормили их, но когда были уверены, что за ними не наблюдают, вымещали на них свою злобу, прокалывали грудь штыками, перерезали горло, разбивали ноги прикладами, а голову камнями, издевались не только над живыми, но и над мертвыми. В деле при Вафангоу, например, видели, как японские кавалеристы кололи и рубили раненых; трупы были потом освидетельствованы и оказались покрытыми десятками ударов (на одном 28 ран), головы и лица рассечены, глаза выбиты и так далее, об этом русским генералом составлен протокол, подписанный французским, английским и испанским агентами. Был случай, что японцы, взявши в плен семь раненых, напоили их, накормили и дали курить, а потом (полагая, что европейский глаз уже не смотрит) вывели их поочередно из фанзы и перерезали горло. Подобных фактов, надлежаще удостоверенных, набралось масса...»

Из того же 26 номера «Церковного Вестника» видно, что Корейская Духовная Миссия лишилась своего прекрасного начальника: Архимандрит Хрисанф возведен в Епископа, наречен Чебоксарским и оставлен в России, к его собственному сожалению, как говорится в известии, так как он уже успел сродниться с миссионерским делом. Крайне прискорбно! Лишь только посеют что — и вырвут с корнем. А так было радостно, что вот у нас теперь и в Китае, и в Корее весьма ревностные и способные начальники Миссий и много надежд впереди...<...>

15 (28) августа 1904. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы

Двадцать четыре года тому назад в этот день я служил Литургию в Крестовой Церкви Высокопреосвященного Митрополита Исидора в Петербурге вместе с ним и после нее уехал из Петербурга сюда. Накануне хотел уехать, но Владыка удержал: «Зачем так торопиться? Завтра помолимся вместе, тогда и отправляйтесь». Сегодня вспомнил это и грустно и бедно молился, стоя в алтаре. Литургию совершали два священника, в церкви весьма мало было. <.,,>

19 августа (1 сентября) 1904. Четверг

Мы с Накаем начали наше обычное дело перевода Богослужения. Считывали сегодня переписанное стариком Оогое за каникулы из Праздничной Минеи. Этому делу не мешало, но порядочно удручало убийственное расположение духа. С самого утра Давид, секретарь, испортил его пачкою писем, по которым требуется экстренная рассылка денег; всего больше 70 ен разослано сегодня экстренно. А тут еще неперестающие поражения русских в войне, и издевательства над сим англичан и японцев, и разное другое неприятное, — как тут соблюсти равновесие духа?

20 августа (2 сентября) 1904. Пятница

С 8 часов в Соборе отслужен молебен пред началом учения мною тремя иереями. — Выходя из Собора, я увидел вывешенные над воротами флаги с солнцем. «Что за причина?» — спрашиваю в комнате у слуги Никанора; он затрудняется ясно ответить, только промямлил: «Там, в Маньчжурии...» Я догадался, что это празднуется японцами разбитие их тремя армиями при Liaoyang'e нашего Куропаткина. Действительно, после видел все соседние дома, увешанные флагами. В школах распределение уроков сделано.

22 августа (4 сентября) 1904. Воскресенье

Выходя из церкви, увидел Варнаву Осозава, который только что перед каникулами кончил курс в Семинарии первым учеником и назначен был катехизатором в церковь Оосака, откуда уже и пришел хороший отзыв, что он хорошо служит.

— Что за причина?

— Потребовали для исполнения воинской повинности.

Весьма жаль! Один из надежных для Церкви молодых людей был. Едва ли опять придется ему служить Церкви; говорит, что недели чрез две должен будет отправиться на поле военных действий — «обучится-де дорогой и на деле» военному искусству.

Добросовестно вернул недавно посланное ему содержание за 10-й месяц вместе с 9-м, которое — за 9-й — истратил на расплаты и на дорогу.

25 августа (7 сентября) 1904. Среда

Отец Тит Комацу пишет, что у него случилось несчастье: дорогой на ночлег антиминс и крест украли. Пишет красно: с вором-де дорогой сошелся и подружился, думая, что это добрый человек; легли спать в одной комнате, но в полночь хватился, — нет ни его, ни антиминса и требного креста.

Что-то хитро; должно быть, не так было; антиминса в дорогу отцу Титу не для чего было брать. Но как пропал у него этот священный, столь важный предмет, трудно догадаться, потому что отец Тит отличается склонностью солгать. Во всяком случае, беда немалая и едва ли поправимая. В наказание не дам отцу Титу антиминса до следующего Собора; пусть это будет вроде запрещения служить Литургию. Для его прихода это не будет чувствительным лишением, так как он и без того по лености почти не служит Литургий. Плохой иерей, и чем дальше, тем плоше делается; только бродит, болтает и занимается своими семейными делами.

Принят опять на службу катехизатором Василий Окуяма, несколько месяцев тому назад в Сендае оставивший церковную службу, чтобы по найму преподавать русский язык военным; ученики его теперь ушли на войну, и он остался, как рак на мели, и стал проситься сюда. Конечно, я его не принял бы, если бы не было крайней необходимости послать в Бато, Кунасе, Янава и Мотеки, каковая Церковь остается до сих пор без катехизатора. Написал ему отправиться туда.

Принялись сегодня мы с Накаем за перевод Ирмология начиная с 1-й песни 1-го гласа. Давно чувствуется необходимость перевести подряд все ирмосы.

26 августа (8 сентября) 1904. Четверг

В Химелзи наших военнопленных 763 человека, в числе которых 66 больных. Отец Павел Морита совершал у них Богослужение и сказал им две проповеди, о чем сегодня получено от него пространнейшее письмо с приложением его проповедей по-русски; в последних сказывается его характер — льстивый и дрянной: нужно было ему угодить японскому начальству чрез переводчика, имеющему сведения о том, что он говорит русским, и вот он долбит русским, что «они чрезмерно облагодетельствованы Его Величеством Японским Императором и потому должны быть бесконечно благодарны ему и Японии, вести себя хорошо, и прочее в этом роде». Зато упоминает, что переводчик весьма хвалил его проповеди. Нет, это не простосердечный отец Сергей Судзуки, который, как видно по его почти ежедневным кратким письмам, с искренним усердием и любовью исполняет свое служение у несчастных русских.

28 августа (10 сентября) 1904. Суббота

Раннюю Обедню пели семинаристы 7 и 6 курсов и наполовину так хорошо, что я истинно порадован был успехом преподавания двухголосного пения, начатого в прошлом году в это время. Почти свободно владеют голосами, так что многое пели не хуже, чем пели сами учителя пения во время каникул. Но многое и разлили, — значит, еще недостаточно научены. Поэтому я призвал регента Алексея Обара и сказал ему, чтоб и в этом году было еженедельно по три класса двухголосного пения у семинаристов и в Женской школе, значит, чтоб расписание семинарских уроков было несколько исправлено, так как в нем для двухголосного пения назначен был всего один класс.

И это последнее сделано было не совсем благовидно: как видно, для Ивасава и Сайкайси, нанятых еще для преподавания русского языка в военных школах, надо было, чтоб совместить обе службы, отнять у пения два класса, и они сделали это, а Иван Акимович Сенума, передавая мне расписание, молвил: «Обара говорит, что пение уже достаточно усвоили и одного класса довольно».

— Вы находите, что ученики двухголосное пение так хорошо усвоили, что теперь им достаточно одного класса в неделю? — спрашиваю я у Обара при начале классов пения.

Он сделал изумленный вид.

— Вы говорили господину Сенума, что довольно одного класса для одногоголосного пения?

Он еще больше изумился, и улыбка заиграла на лице. Я замял разговор, так как было при учениках, собравшихся на класс. А сегодня положительно сказал ему, чтоб три класса двухголосного пения в неделю были. И это будет устроено.

Помер плотник Василий Окамото, много потрудившийся при постройке Собора и потом библиотеки; долго хворал в госпитале, где его посещали христиане, и под конец в своем доме, где его мать, недавно прибывшая из провинции, и отец жены, завзятые язычники, не допускали к нему никого из христиан, и когда скончался, похоронили его третьего дня по-язычески. Царство ему Небесное! Веры он не потерял, и мы о нем молиться будем.

29 августа (11 сентября) 1904. Воскресенье, и день усекновения Святого Иоанна Предтечи

<...> В журнале господина Анезаки прочитал напечатанное по-английски сочинение нашего графа Льва Толстого о войне. Конечно, доказывает, что войны не должно быть, негодует на нынешнюю войну, поносит Россию. Утопия. Хочет основать весь строй жизни на религии, но у самой

религии отнял основание, потому что на пантеизме так же невозможно построить религию, как на хребте океана выстроить дом, — хуже того: тут хоть плоть можно построить, а на воображаемом слепом нуле ровно ничего нельзя сделать.

31 августа (13 сентября) 1904. Вторник

Приходит отец Алексей Савабе и говорит:

— С просьбой: так как мой приход уменьшился, то помощи мне от него меньше. — прибавьте содержание.

— Что ваш приход уменьшился, в том не моя вина, а ваша, и я прибавить не могу; от Миссии вы получаете достаточно, даже для жены получаете (3 ен) и на молоко для нее (1 ен 55 сен). Постарайтесь быть более исправным священником, тогда ваш приход увеличится и помощь от него возрастет. — с тем отец Алексей и ушел. Прибавить ему значило бы награждать леность.

3 (16) сентября 1904. Пятница

156 переплетенных книг русских журналов восьми сортов, больше всего «Русского Вестника» и «Русской Старины», послано в Мацуяма нашим офицерам и за ними нижним чинам для чтения. Послано еще 30 Евангелий для вновь прибывших. Псалтырь и Новый Завет для одного, по просьбе отца Сергия Судзуки.

Японский доктор Ясосима, все утешающий меня в одиночестве, сегодня прислал мне в коробке группу искусственных цветов и ящик винограда; кроме того, сам посетил меня, причем я впервые увидел сего замечательно доброго и симпатичного человека; посетил меня потому, что лечит теперь Иова Накацука, старика, хранителя Собора, лежащего сильно больным здесь же, в малом каменном доме. Говорил Ясосима, что о том, как он утешает меня своими подарками, широко распространилось в обществе, и принц Арисугава, к которому он вхож, с видом симпатии говорил ему об этом.

4 (17) сентября 1904. Суббота

Был старик отец Павел Савабе, по просьбе отца Тита Комацу, — чтобы я простил ему потерю антими́нса. Я сказал, что напрасно отец Тит беспокоил его, отца Савабе; поправить дело, по-видимому, нельзя, — антими́нс не отыскивается, и отцу Титу придется быть некоторое время без этой важной принадлежности священ- нослужения в назидание, чтоб вперед был тщательный. Крест можно дать ему взамен потерянного. <...>

7 (20) сентября 1904. Вторник

Один из военнопленных офицеров в Мацуяма, Георгий Гаврилович Селецкий — сын отца протоиерея Гавриила в Одессе, командир забранного японцами в начале войны парохода Добровольского Флота «Екатеринослав», пишет ко мне, между прочим: «Присылка вами отца Сергия Судзуки и его служение, отличающееся таким благолепием, которое не встретишь везде и у нас в России, делает нас еще более религиозными, чем мы до сих пор были. Не знаю, особенность ли нашего положения или действительно выдающееся служение отца Сергия заставляет меня и многих других во время служения забывать все и помнить только о молитве. Чудная проповедь, сказанная отцом Сергием на слова "Да святится имя Твое", произвела на меня и многих других редкое впечатление и, я уверен, на всю мою жизнь останется у меня в памяти и всегда будет служить для меня путеводной звездой при моих скитаниях по земному шару. Хотя я всегда был религиозным, но служения отца Сергия сделали меня еще более осмысленно религиозным человеком... Многое я передумал за время

моего заключения, и многие из моих взглядов изменились, а многое еще более укрепилось. Не могу умолчать о том глубоком уважении, которым пользуется отец Сергей. Дай Бог, чтоб хотя половина нашего русского духовенства пользовалась таким же уважением».

Очень приятно было прочитать эти строки. Достоинства отца Сергея, конечно, утрированы, но видно, что служение его приносит душевную пользу, а скромность и сердечность его привлекают к нему личные симпатии.

9 (22) сентября 1904. Четверг

Некто Накагава, писатель в газеты, написал и издал книжку «И-со Никорай» (герой-бонза Николай). Павел Накай принес мне эту книжку и просил принять автора, что я и сделал после обеда, успев до того прочитать свою биографию до решения ехать в Японию; совсем плохая сказка; да и откуда же им знать что, коли я не чувствую зуда чесать перед кем-либо свою физиономию прошедшую или настоящую? Автор — молодой симпатичный человек; советовал я ему сделаться христианином и писать о Церкви.

Когда он сидел у меня вместе с Петром Исикава, с которым хорошо знаком и который передавал ему кое-что обо мне для его книжки, пришла жена Пантелеймона Сато, кандидата, оставившего службу в Семинарии, чтоб идти на войну в качестве переводчика, и там умершего, просить принять двух дочерей ее 14 и 11 лет на воспитание в Женскую школу; я тотчас же согласился; хотя отец ее, Моисей Тодороги, человек богатый, но в память службы Пантелеймона Сато Церкви и его сердечной преданности Церкви воспитаем его дочек на церковный счет. Всех детей от него осталось 5; остальных пусть воспитывает дед.

Секретарь Миссии Сергей Нумабе, почти 24 года служивший в сем качестве, ныне лежащий больным дома, в своем семействе, прислал дочь сказать, что ему делается все хуже и он просится в отставку. С глубоким сожалением приходится расстаться с ним. Был вполне честным секретарем, которому можно было поручать довольно большие суммы без всякого опасения. В исполнении других поручений также был вполне надежным человеком. К счастью, он воспитал себе хорошего преемника в теперешнем под секретаре Давиде Фудзисава. Поручил я Давиду: 1. отнести Сергию Нумабе 10 ен на лекарства; 2. сказать ему, что до конца года будет ему идти жалованье, как доселе, 37 ен 50 сен в месяц; 3. с будущего нового года он поступит на содержание заштатного, то есть на половину нынешнего жалованья, — семейство его обеспечено: три сына все на разных службах, три дочери замужем.

12 (25) сентября 1904. Воскресенье

Сегодня заметил в одном окне третьего этажа библиотеки разбитое камнем снаружи стекло. Кавамура — надзиратель библиотеки — повел полицейского офицера, начальника отряда, охраняющего Миссию, показать. Полицейский потом приходил сказать, что «по расследовании найдено, что стекло разбито нечаянно детьми из противоположного дома, которые часто шалят, бросаясь камнями; по всем вероятностям — мол, так». Я принял за правду, хотя на оную не похоже: камень брошен сильной рукой. Это, впрочем, со времени открытия войны первый изъян, нанесенный Миссии.

Три новые учителя Семинарии, в прошлом году сами кончившие здесь семинарский курс: Петр Уцияма, Василий Нобори и Кирилл Мори, — прилежно занимаются своим делом, и люди способные; получают жалования по 14 ен, при пище здесь, но трудятся несравненно более, чем катехизаторы, их товарищи, получающие столько же. Поэтому я сегодня прибавил им по 3 ен в месяц, по совету с начальствующим в Семинарии Иваном Акимовичем Сенума.

Но при сем сказал сему последнему, чтоб он оставил на будущее время свою методу просить каждому учителю прибавку жалованья, лишь только ему выйдет по расписанию лишний против прежнего урок. Как только хоть малость больше труда, сейчас же протягивают руку — заплати; слишком этим оматериализовывается и профанируется дело служения Церкви; а оно должно быть одушевлено и руководимо высшими, идеальными побуждениями. Церковь, конечно, служащих ей не оставляет, заботится о них, делает для них все, что можно; больших окладов и роскоши Церковь никогда не предлагает служащим ей, но и очень бедными их не оставляет. Итак, в расписании иной раз выйдет больше уроков, иной раз меньше, — пусть наставник или за него начальник Семинарии не требует тотчас же перемены в жалованье, тем более что в последнем случае уменьшение жалованья никогда и не просилось, а просится лишь прибавка, когда первое, и так далее. Иван Акимович согласился вперед поступать сообразно сему.

13 (26) сентября 1904. Понедельник

Посоветовавшись с Петром Исикава, принципалом Акилы Кадзима по редакции, прибавил и сему последнему 3 ен к 14, которые он получал доселе, так как он товарищ вышеозначенных трех учителей по выпуску из Семинарии и трудится не меньше их по своей части.

В сегодняшнем номере «Japan Daily Mail» мерзкая статейка английского епископального миссионера в Оосака Rev. Woodd под заглавием «Русское варварство». Начинает с того, что в этой газете напечатано было недавно, что русские во многих отношениях более азиаты, чем сами азиатцы. Вуд подтверждает это из области церковной; откопал у Станлея, в его «History of the Eastern Church», пасквильные строки о России и Русской Церкви, — что «поскреби русского, и сейчас найдем татарина, а это татарство русского, между прочим, видно из того, что у него в доме в переднем углу всегда стоит икона», — и вот сей факт Rev. Woodd торжественно преподносит публике как доказательство, что «у русского белая кожа скрывает желтое сердце, тогда как Япония, напротив, своими национальными действиями показывает, что у нее под желтою кожею кроется белое сердце», каковою фразою и заканчивается статья. <...>

14 (27) сентября 1904. Вторник. Праздник Воздвижения

Петр Исикава рассказал, что у него, здесь же в редакции, был гостем один из учителей в Васеда-гакко (учреждение графа Оокума), замечательно ученый и благонастроенный человек, прежде бывший каннуси; приходил спрашивать о вере и высказывавший свое убеждение, что Япония непременно должна сделаться единой верною с Россиею, чтоб в будущем избежать таких ужасных войн, какая ведется ныне. Он поражен множеством гибнущих в ней и ее упорностью. Итак, вот еще новая точка зрения на полезность нынешней войны: она сближает Японию и Россию по закону противоположностей. Жаль только, что почти со всех своих точек зрения японцы смотрят на веру только как на дойную корову.

18 сентября (1 октября) 1904. Суббота

Наших военнопленных в Японии уже: 87 офицеров и 2586 нижних чинов.

Размещены: в Мацуяма 87 офицеров и 1252 нижнего чина, в Химедзи 891 нижний чин, в Маругаме 350 нижних чинов, в Фукуцияма 93 нижних чина.

Сегодня получил фотографическую группу 9 пленных с крейсера «Варяг», отпускаемых в Россию по излечении их; выглядели они очень хорошо, так что прямо можно сказать, что их заботливо лечили и содержали; по крайнему сожалению только — четверо калеки на всю жизнь: у каждого отрезано по одной ноге.

22 сентября (5 октября) 1904. Среда

«Japan Daily Mail», не переставая в каждом номере оплевывать Россию, должно быть, по некоторому застою ныне военных дел, начинает поносить ее с религиозной точки зрения. В сегодняшнем номере, например, угощает ее такими отборными фразами, как: «Россия еще в веке крестовых походов: ее религия — религия Ислама, распространяемая мечом», «бесполезно рассуждать о таких проявлениях свирепого ханжества (ferocious bigotry)» и под. Бессовестней клеветать невозможно.

А Порт-Артур все еще не слается. Японцы испепелились от нетерпения; даже и «гогвай» перестали выкрикивать; вот уже несколько недель город почти совсем спокоен от этих неистовых криков.

Стоит отметить, для поучения в будущем, что на самых, по-видимому, надежных японцев нельзя полагаться вполне, а нужно наблюдать за ними, чтобы не напортили. Арсения Ивасава и Ивана Акимовича Сенума, кандидатов, я считал самыми надежными по их преподавательскому в Семинарии делу. Сегодня Сенума приносит ко мне список книг, которые нужно выписать для Семинарии; первым стоит «Догматическое Богословие» Малиновского, 20 экземпляров, — выписывается как учебник.

— С этим я не согласен, — говорю Сенума, — учебник Преосвященного Макария хорош, его менять не следует.

— Этот лучше, — возражает он. — Ивасава просит выписать, говорит, что он находит его более пригодным, чем Макария.

— Оставьте, я посмотрю.

Много не нужно было смотреть. Целый том, в 360 страниц, и только еще рассмотрено учение о Святой Троице. Значит, еще нужно томов 5-6, чтобы Догматика кончилась. А внутри книги чего только нет! И история, и еретические споры, и разное подобное. И это Ивасава хочет сделать учебником! Видно, что дальше заглавного листа и не разворачивал книги. Так-то преподаватель Догматики внимательно относится к своему делу! А начальник школы Сенума требует по требованию того и не подумал исполнить свой долг начальника, взглянуть на книгу и вникнуть, основательно ли требование Ивасава.

Я призвал Сенума, растолковал нелепость намерения Ивасава сделать эту книгу учебником и сделал выговор ему и чрез него Арсению Ивасава.

23 сентября (6 октября) 1904. Четверг

Между военнопленными в Химедзи много желающих учиться грамоте, по известию отца Павла Морита, просящего для них 30 азбук. Послано больше сего и написано к главным там — фельдфебелю Стороженко и боцману Петрову, чтобы учили желающих; обещана помощь на письменные принадлежности для обучения письму, если понадобится. Посланы им альбомы собора и проч.

28 сентября (11 октября) 1904. Вторник

Была жена катехизатора Иоанна Нитта на пути из Коофу, где посещала больного отца, в Фукуока и Ицинохе к мужу; говорила, что Церковь в Коофу совсем ослабела, к молитве в воскресенье и в субботу приходит один или не более трех; слушателей учения ни одного, а могли бы быть. Прямо катехизатора не осуждала, но по всему видно, что Стефан Талзима ровно ничего не делает для Церкви. У католиков тоже плохо там, а протестанты преуспевают, — несколько сект там, и все имеют успех. А ведь как просился Талзима опять в катехизаторы! Видно, что после неудачного занятия торговлей просто захотел успокоиться на небогатом, но верном хлебе церковном. Уразумевать надо людей прежде, чем на службу принимать!

1 (14) октября 1904. Пятница. Покров Пресвятой Богородицы

Наше женское благотворительное общество, по обычаю, праздновало свою годовщину. Для сего в Соборе, по просьбе собравшихся женщин, отслужен был благодарственный молебен, потом панихида по умершим членам Общества, которую служил я соборно с иереями. Во главе имен ныне поставлены были, по обстоятельствам времени, трое убиенных на войне, и из них первым Яков Ито, сын соборного старосты Павла Ито, убитый в Порт-Артуре; так Общество хотело почтить благочестивых его родителей, очень сокрушающихся его смертью. После службы здесь же, в Соборе, произошел с отцом Романом Циба весьма неприятный разговор по следующему случаю. Вчера Никон Мацуда, катехизатор церкви Канда, значит, самой центральной во всей Японии, только что женившийся на днях, пришел просить на платье жене, — «становится холодно, нечего надеть». Я дал ему просимое и сказал:

— Я поговорю с отцом Романом, чтоб он убедил христиан церкви Канда положить от них некоторую сумму в дополнение к получаемому от Миссии содержанию, действительно скудному для двоих (14 ен).

По окончании панихиды, в алтаре, и говорю отцу Роману:

— Никон Мацуда до сих пор ничего не получает от своего прихода. Ныне хороший случай убедить христиан помогать ему: он только что женился; для двоих получаемого от Миссии содержания мало. Чтобы христиане здешнего прихода положили от себя некоторое содержание катехизатору, это важно не только как помощь местному катехизатору, но и как пример для всех Церквей. Этот приход при Соборе — центральный всей Церкви; он — точно маяк для нее; и маяк до сих пор темный, — засветите хоть маленький огонек, на него пойдут многие. Итак, соберите же не в это, а в следующее воскресенье христиан вашей Церкви (в это воскресенье, послезавтра, рано, — не успеете всех оповестить) и убедите их положить некоторую сумму на содержание их любимого катехизатора, Никона Мацуда; представьте им, как это будет полезно и в виде примера для всей Японской Церкви, в которой мы так усиленно и до сих пор все еще безрезультатно стараемся возбудить сознание обязанности содержать своих церковнослужащих.

— В следующее воскресенье я в Йокохаму отправлюсь.

— Разве там есть что особенное, — нужно крестить или что другое?

— Ничего нет особенного.

— Так вы можете отправиться в дальнейшее воскресенье.

До сих пор надувавшийся на мою речь отец Роман, видимо, с неудовольствием слушавший ее, как вспыхнет гневом! Точно перед ним не епископ, а церковный сторож, и точно предмет разговора — не весьма важный для Церкви, а швабра.

— Могу распоряжаться своим временем и своими Церквями! В Йокохаме нет ничего особенного, но я положил туда ехать и должен ехать!

На это я ему сказал:

— Ладно. В следующее воскресенье поезжайте в Йокохаму, но в дальнейшее непременно сделайте собрание христиан. Если не делаете, будете виноваты в непослушании епископу и будете наказаны (конечно, ничем иным, как вычетом из жалованья, получаемого от Миссии). И представьте собранию то, что я говорил, и так, как говорил. Кроме того, я попрошу кого-либо из людей надежных говорить собранию, например, Петра Исикава.

С этим я оставил его в алтаре. Он, однако, спохватился и догнал меня на амвоне: «Извините!»

— Извиняю, — я промолвил и ушел. А в комнате позвал Петра Исикава, бывшего в редакции, рассказал ему дело и поручил говорить в собрании и убедить, насколько удастся, христиан положить помощь Никону Мацуда, что Исикава и обещал сделать.

При Кафедральном соборе обыкновенно бывает умный протоиерей, избранный из всего духовенства. А здесь вот отец Роман, из чтецов выпрошенный когда-то в иереи христианами Маебаси, чуть не заморенный там голодом христианами, отказавшимися исполнять свое обещание насчет его содержания, потому взятый сюда, помогавший здесь по приходу отцу Павлу Сато, когда отец Павел был здоров, оставшийся вместо его, когда паралич поразил отца Павла, — и ныне вот первенствующий в Соборе и приходе Канда. Изволь с ним успешно вести церковные дела, когда он не в состоянии в толк взять и важность их! А другие иереи здесь? Отец Петр Кано, прогнанный от себя Церковью в Одавара, отец Феодор Мидзуно, взятый сюда для исправления от пьянства (от которого, к счастью, и исправился, живя дверь с дверью со мною).

Осматриваю я мысленно иереев: кого бы взять сюда в протоиереи — человека, дорожащего истинными интересами Церкви, и притом умного и исполнительного? Никого нет!

7 (20) октября 1904. Четверг

Сегодня «Japan Daily Mail» повествует, что «Англия шокирована ужасным кровопролитием, идущим ныне в Маньчжурии, и приписывает его вполне России; тогда как Япония сражается за свою жизнь, Россия воюет только из бюрократического честолюбия; Япония делала до последней крайности все возможное, чтоб избежать войны, ее правительство решительно все приносило на алтарь мира, но ничто не помогло, — Россия не хотела никаких уступок» и так далее. Что может быть омерзительней этой чудовищной лживости и фарисейства? И кого обманут?

9 (22) октября 1904. Суббота

Вчера кончили мы с Накаем перевод Ирмолога и принялись за пересмотр чтений Евангелия, которое, с Божьей помощью, скоро и станем печатать для употребления в Церкви.

Из России пришли заказанные мною отцу Феодору Быстрову для пленных Новые Заветы — 115 экземпляров и молитвенники — 54 экземпляра.

От военнопленных офицеров из Мацуяма получены их фотографические группы.

11 (24) октября 1904. Понедельник

Остались мелочи по приготовлению к печати Церковных Евангелий и Апостола и исправлению Ирмология. Пора приступать к Октоиху. Боже, еще целое море переводов! Но зато какая польза будет от них! Нужно только в церкви внятно читать и петь, а молящемуся внимательно прислушиваться, — и целое море христианского научения вливается в душу, — озаряет ум познанием догматов, оживляет сердце святою поэзией, одушевляет и движет волю вслед святых примеров. Это не протестантская церковная беднота, пробавляющаяся несколькими ветхозаветными псалмами, своими слезливыми стишками и самодельной каждого пастора проповедью — «чем богаты, тем и рады», — и не католическая богомольная тарабарщина с органами завываниями. Это — светлая, живая, авторитетная проповедь и молитва устами всей Церкви Вселенской, голосом Боговдохновенных Святых Отцов, в совокупности столь же авторитетных, как Евангелисты и Апостолы, верховодители церковной молитвы... Помогите Боже!

12 (25) октября 1904. Вторник

Начали перевод Октоиха и перевели сегодня при разных помехах два листа.

Война прибавила много дела; постоянно приходится переписываться с местами, где военнопленные, и посылать туда разное — деньги священникам, книги, иконы, крестики и проч. А

военнопленных все прибавляется: до 22 числа сего месяца было 95 офицеров и 3005 унтер-офицеров и нижних чинов; сегодня же газеты извещают, что 709 человек вновь взяты в последнем сражении при Шахо. Боже, когда же это прекратится?

13 (26) октября 1904. Среда

С почты принесли на имя Петра Исикава номер газеты «Новое Время», от 23 августа, присланный ему Львом Александровичем Тихомировым. В газете фельетон о «русских военнопленных в Японии»; статья заключается словами: «Отчего наша православная Миссия в Токио не позаботится послать к ним священника, не озаботится доставить им хотя бы образа» и проч. Такая отчаянная неправда на Миссию возмутила меня.

Но сейчас же пришло и успокоение. Как видно, эту статью прочитал и отец Феодор Быстров в Петербурге и тотчас же послал поправку на нее из полученного кстати тогда письма моего к нему, написанного после Собора, в котором, между прочим, упоминалось, что «в Мацуяма давно уже служит священник у военнопленных, и что мы готовим к посылке другого в Маругаме, что я, кроме того, озабочен посылкою книг военнопленным, что ныне готовится к отсылке в Мацуяма 363 ящика книг и 1000 брошюр, и это уже не первая посылка туда», и прочее. Выдержка из письма моего напечатана была в «Новом Времени» 26 августа, а 31 августа в «Московских Ведомостях» появилась передовая статья пера Льва Александровича Тихомирова «Война и Японская Православная Церковь», где приводятся из «Нового Времени» вышеозначенные сведения и очень сочувственно трактуется о Миссии, советуется читателям посылать книги для военнопленных.

И совет этот не пропал даром: сегодня же пришла на мое имя пачка религиозных брошюр из Москвы от одного жертвователя; всех брошюр 188; жаль только, что почти все слишком маленькие.

14 (27) октября 1904. Четверг

В Маругаме и Фукуцияма отправлены буквари для обучения грамоте неграмотных из военнопленных, книжки для чтения, письменные принадлежности для обучения письму. Буквари приходится покупать здесь, печатанные японцами, и платить за них немало, по 27 и 30 сен за книжку, а разослано уже далеко за сотню, и еще надо.

Иконами в киотах с лампадками, конечно, снабжены от Миссии не только все места, где живут пленные, но каждая из комнат у них. Даже масло для лампадок рассылается всюду от Миссии, потому — где же им, бедным, взять?

16 (29) октября 1904. Суббота

Вчера был Rev. Jefferys, американский епископальный миссионер. Спрашивает:

— Правда ли, что православные японцы дали обещание быть верными (loyal) русскому Императору?

— Какие же это японцы?

— Да всей Японии православные.

— Впервой слышу от вас. Православные японцы, напротив, на деле доказывают свою лояльность собственному своему Императору: уже многие умерли, сражаясь за него.

— Я ведь не верю; я только счел нужным сказать вам, что слышал. А слышал я это от одного нашего проповедника здесь в Токио, по фамилии Сасаки, человека весьма близкого ко мне, так как он мною же когда-то обращен в христианство.

— Где он живет? Я пошлю к нему одного из наших христиан разубедить его в заблуждении.

— Я вам пришлю его адрес.

Сегодня и прислал. Я отдал его Петру Исикава, чтоб он повидал этого Сасаки, отнес ему мои окружные письма по поводу войны и исправил его мысли насчет православных, если только он не злонамеренно хочет чернить православных своих соотечественников.

Jefferys говорил еще, что собирается проситься на театр военных действий, чтоб проповедовать христианство японскому войску, о чем, по его словам, тоже «считал (почему-то) нужным предупредить меня». Впрочем, едва ли успеет в своей просьбе; многие миссионеры просились туда, между ними три католических патера; но подозрительные японцы до сих пор никого не пустили; одни японские бонзы там между войском, да несколько японских же христианских проповедников.

Подозрительность японцев доходит до крайностей. Все посылаемое мною нашим военнопленным не скоро доходит до них. «Почему?» — спрашиваю. «Задерживается, пока не рассмотрится властями, а у них других дел много», — ответ.

17 (30) октября 1904. Воскресенье

За неделю объявлена была японцами панихида по убиенным в войне, и сегодня оную после Обедни служили. Я счел нужным участвовать в ней. Облачившись в мантию и вышедши на амвон в сопровождении иереев, я сказал: «Совершим панихиду по убиенным в войне (сенси-ся). Они ваши единокровные (доо-бооно) братья, а мои духовные дети (син-си). Итак, вы с братскою любовью, я с любовью отца принесем теплые моления Господу, чтоб Он их страдания и смерть, принятые ими в исполнении их долга к своему Отечеству и Государю, вменил им как мученический подвиг и удостоил их за него Царствия Небесного.

К их именам присоединили имя диакона Сайкайси, умершего на этой неделе. Он был один из первых по времени христиан церкви в Мориока и много потрудился для нее...»

Всех «сенсися» оказалось 11 человек, с Пантелеймоном Сато в их числе.

Отец Симеон Мии прислал письмо в «И-ан-квай» (наше христианское общество попечения о русских военнопленных) с просьбой, когда поселены будут военнопленные в Нагоя, то его назначить на служение у них. Василий Ямада и Петр Исикава приходили ко мне с этим письмом. Я вполне согласен, если только он будет способен.

18 (31) октября 1904. Понедельник

В Фукуцияма, где ныне уже до 200 наших военнопленных, отправлены сегодня 2 ящика книг из Миссии для чтения им и в их собственность; книг всех 247 и брошюр 888, в том числе 188 брошюр, на днях полученных из Москвы, очевидно, с назначением для военнопленных.

По сегодняшнему подсчету в «Japan Daily Mail» до 15 числа октября нового стиля всех убитых и раненых на войне, с начала ее, японцев: 43902 человека, русских: 120489 человек; в это число еще не входят убитые с той и другой стороны в Порт-Артуре. Не может быть, чтоб эта пропорция была правильна. В каждом сражении всегда убитых и раненых с русской стороны показано вдвое-втрое больше, чем японцев. А Sydney Smith, лондонский корреспондент, на днях говорил про битву при Ляояне, которой он был свидетелем, что японцев убито десять на одного русского. Где же правда? Наверное, японцы скрывают свои подлинные утраты.

19 октября (1 ноября) 1904. Вторник

Тоска давит! Ходишь, говоришь, делаешь свое дело, а червь непрерывно гложет там, в глубине сердца: война тому виною, кровавая, непрерывно неудачная для России, так что приходит на мысль,

не бросил ли Господь Россию, как бросил иудейский народ, когда он впал в идолопоклонство? Да и заслуживает ли Россия в самом деле милости Божьей? Много ли найдется в ней Боголюбезного? Высший и интеллигентный классы поголовно растрелены безверием и крамолой. Духовенство, — много ль в нем ценного в очах Божьих? Хоть в микроскопическом виде, и я имею опыт сего: 35 лет жду миссионера сюда, прошу, ищущу его и — нет! Четыре академии в 35 лет не могут дать одного миссионера! Чудовишно! Дальше что?.. Да что! Не смотрел бы на свет Божий! Перо падает из руки.

21 октября (3 ноября) 1904. Четверг.

Японский праздник «Рождение Императора», русский — «Восшествие на престол Императора»

Вчера была Всенощная, за которой молились учащиеся, пели старшие семинаристы. Мы с Накаем переводили Октоих.

Сегодня с 7 часов была Литургия, после нее благодарственный молебен, отслуженный, как и Литургия, четырьмя иереями. Я стоял в алтаре.

День был ясный. Для японцев выражать свои праздничные чувства парадами, процессиями, фейерверками было весьма удобно. Но «гогвай» не кричали, стало, не исполнились надежды на «особенное порадование народа» со стороны воителей.

Я весь день занимался письменными делами, вечер тоже; послал сказать Накаю, чтоб не приходил для перевода. Ученики вечером творили свой «симбокквей», на который выпросили после Обедни у меня 5 ен.

22 октября (4 ноября) 1904. Пятница

Просил Ивана Акимовича Сенума, как опытного по этой части, найти в лавках 4 волшебные фонаря и к каждому священных картин по сотне, чтоб послать на Рождественские праздники нашим военнопленным в Мацуяма, Маругаме, Химедзи и Фукуцияма. Если найдет, испытаем их здесь и пошлем; он же может, если ничто не помешает, отвезти и показать употребление.

23 октября (5 ноября) 1904. Суббота

Отец Тит Комацу пришел. Вызвал я его письмом, отчасти жалея его, что он, быть может, очень печалится, отчасти потому, что ему нужно посещать его Церкви, а он сидит у себя и не думает о том, между тем как я писал ему прежде, что только не дам ему до времени антиминс, в наказание за его небрежность, а во всем прочем пусть будет его служба, как доселе.

Вошедши в комнату, он упал в ноги и разрыдался. Последнее не имеет много значения, так как он человек нервный и рыдать ему ничего не стоит, много раз я уже видал это от него; неприятно было ждать только, пока он успокоится. Рассказал он потом, что и писал прежде: пришедши на ночлег, положил саквояж, в котором были антиминс и крест, в комнате и пошел в отхожее место; в это время другой ночлежник, бывший с ним в комнате, и выкрал из саквояжа антиминс и крест. Вернувшись в комнату, он не посмотрел в саквояж, но ночью держал его при себе, так что уверен, что ночью не могло быть это сделано. Ночлежник ушел рано; он и утром не заглянул в саквояж, и днем тоже; уже вечером, когда пришел в Сано и нужно было там служить вечерню, открыл саквояж и не нашел в нем антиминса и креста. Приняты были полицейские меры отыскать вора, но где же найти? Полиция лишь укорила отца Тита: «Зачем же он раньше не заявил о пропаже, когда вор еще не мог уйти далеко?»

На мой вопрос, зачем он носил антиминс с собою, когда не имел в виду нигде в это путешествие совершать Литургию, он ответил, что не на кого было оставить его, — катехизатор Иван Акаси часто де отлучается с квартиры. Сказал я ему, чтоб он приготовился сегодня вечером поисповедаться, завтра

пусть участвует в совершении Литургии, и потом дам я ему новый антиминс и крест. — пусть только вперед тщательно бережет.

27 октября (9 ноября) 1904. Среда

Необходимость идти в солдаты обедняет катехизаторский состав и школы: самые лучшие люди забираются. Сегодня для этого должен был оставить Семинарию один из лучших учеников, Павел Аоки. Нечего делать!

Справил сегодня еще две посылки военнопленным в Химедзи и Маругаме книг и письменных принадлежностей для учащихся грамоте.

31 октября (13 ноября) 1904. Воскресенье

Контракт заключен с типографией на отпечатание двумя красками Евангелия и Апостола с церковными чтениями. Три типографии представили образцы и цены. Мы заказали в наиболее дорогой, но зато лучшей, уже напрактикованной в печатании двумя красками, печатавшей доселе наши богослужебные книги.

2 (15) ноября 1904. Вторник

В Соборе на стену, за иконостасом, у окон, поставили в золотых рамах две иконы: направо — Божией Матери, с Афона, налево — Покрова, жертва Аполлонии и Феофании Ушаковых.

4 (17) ноября 1904. Четверг

То же. В душе два течения, и нижнее, скрытое, бурливо, жгуче, мучительно; сердце тоже на войне и тяжело ранено...

8 (21) ноября 1904. Понедельник

По японским газетам, и особенно по «Japan Daily Mail», японцы всегда и везде побеждают, русские терпят поражение. По «Московским Ведомостям» наоборот. Оба лучше!

9 (22) ноября 1904. Вторник

Отец Симеон Мии описывает свое посещение русских военнопленных, после Мацуяма, в Маругаме и Химедзи; везде говорил им поучения и делал посильные подарки от лица христиан Кёото. Пишет между прочим: «В воскресенье (20 числа) отец Павел Морита совершал (в Химедзи) Литургию. Пели так же хорошо, как в Маругаме, и даже лучше. Как здесь, так и в Маругаме я просто тронут был тем, что военнопленные, несмотря на свое стесненное положение, приносят лепты при Богослужении».

Скоро ль японские христиане станут делать это? Путешествие, как видно, очень полезно для здоровья отца Мии; письмо являет его совсем здоровым, и он просит дорожные на объезд по своему приходу.

10 (23) ноября 1904. Среда. Японский гражданский праздник

Мы с Накаем занимались переводом до 11 утра; потом он ушел, чтоб присутствовать на погребении Якова Ито, убитого в Порт-Артуре, а вечером отдохнуть. Хоронили полученную прядь

волос только, — со всею православною торжественностью, три иерея, два диакона, 20 певчих; процессия на кладбище из дома была вполне православная, в ризах, с пением «Святыи Боже». Православных собралось до тысячи, в том числе представители от войска — несколько солдат, городской чиновник; полицейские охраняли порядок процессии; на кладбище было несколько речей. Убитый — сын здешнего соборного старосты Павла Ито, очень благочестивого христианина.

12 (25) ноября 1904. Пятница

Отец Павел Морита пишет, что в Фукуцияма уже 315 наших военнопленных, в том числе 27 унтер-офицеров; православных 249, католиков 40, евреев 26. Певчих для Богослужения составилось 16 человек, есть и регент.

17 (30) ноября 1904. Среда

Сегодня открытие осенних заседаний здешнего Парламента. Как старались к этому дню взять Порт-Артур и с каким дух захватывающим нетерпением вся Япония ждет этого вожделенного события! И все еще ожидания тщетны. Бог весть, долго ли еще продержится эта геройская крепость; но помощь ей и от Балтийского флота, и от Куропаткина еще далека, а сил много ли осталось у нее?

19 ноября (2 декабря) 1904. Пятница

Никто так ненавидит Россию и не желает ей зла, как протестантские миссионеры. Почему? Да потому, что Россия не дает им развращать себя. Во всех зауряд протестантских изданиях если встречается что про Россию, так непременно злое и хульное. Вот, например, сегодня даже в такой плюгавенькой газетке, как методистская «Tidings», издающаяся в Токио: «Если Россия победит, то Миссии в северном Китае будут обречены на гибель, а сам Китай подпадет под влияние москвитов; если победит Япония, то в Китае начнется безмерный прогресс, и христианские Миссии станут благоденствовать, как никогда прежде. Да пошлет Бог победу оружие, которое ускорит наступление Его царства!» О, лицемеры и пройдохи!

22 ноября (5 декабря) 1904. Понедельник

Отправил Василия Ямада в Нагоя, дав 25 ен на дорогу, посмотреть, как помещены военнопленные. Оттуда он имеет побывать в церкви Каяма, где все еще язычники враждуют с нашими христианами, а также в Сидзуока посмотреть приготовленное для наших военнопленных офицеров помещение; скоро их переведут сюда из Мацуяма.

29 ноября (12 декабря) 1904. Понедельник

Еще пришли книги для военнопленных от Константина Петровича Победоносцева, такие же, как в прошлую среду: 40 экземпляров Псалтыри на русском, 22 Канонника, 15 «Училища благочестия» и проч. Должно быть, и еще придут; на несколько почт разделено, как видно.

30 ноября (13 декабря) 1904. Вторник

Отец Сергей Судзуки описывает погребение военнопленного, причем на кладбище один помешанный офицер, Тарковский, произвел большой беспорядок и затруднение: кричал, что он воскресил погребаемого, открыл гроб, не давал хоронить и проч. И еще двое офицеров, Сельков и Назаров, помешались; из нижних чинов еще один сошел с ума. Бедные, бедные! Если бы их не держали строго в такой скученности, вероятно, этого не было бы.

От офицеров получил благодарственный адрес за подписью множества, но за что, и сам не знаю. Видно, что очень страдают, если такая крупница участия, какую можешь оказывать им, так ценна для них.

3 (16) декабря 1904. Пятница

Упорядочение 100 картин из Священной Истории Ветхого и Нового Завета к 4 волшебным фонарям, по сотне к каждому, для военнопленных; приискание текстов и мест в «Священной Истории» протоиерея Рудакова к каждой картине. Жаль только, что картины эти протестантской поделки, почти все плохи; но лучших где же взять? Хорошо, хоть эти нашлись.

6 (19) декабря 1904. Понедельник

На экзамене по Догматике в Семинарии и Катехизаторской школе. Семинария от воинской повинности и от болезни совсем ослабела: в 7 курсе всего трое отвечали, а двое больны, в 6 курсе — 5 отвечали, один болен; из того и другого курса лучшие ученики — одни уже взяты, другие скоро будут взяты в солдаты. В Катехизаторской школе в старшем курсе всего два ученика и хромой Пимен Усуи, в младшем 8 учеников, а одного не далее как сегодня утром потребовали в солдаты. Отвечали почти все хорошо.

7 (20) декабря 1904. Вторник

Кончил надписи на 400 картинках к четырем волшебным фонарям. Вечером было испытание их, и молодые учителя Семинарии Нобори, Уцияма и Мори, имеющие отправиться с ними к военнопленным, учились показывать их. Заплачено за фонари по 30 ен, за стекла с картинками, раскрашенными, по 20 сен за каждую, 80 сен, за палатки по 9 ен, за чемоданы по 6 1/2 ен, — всего 264 ен.

8 (21) декабря 1904. Среда

На экзамене в 3 классе Семинарии по Гражданской истории; 32 ученика и два русских. Класс хороший, много способных; отвечали хорошо почти все. Русские — Романовский и Легасов идут наравне с японцами; то же самое выучили и почти также складно говорят, как они.

Только что написал выше — 32 ученика, как приходится сократить число на 31; из городского госпиталя известили, что положенный там ученик Сасаки, больной дизентерией, — из-за которого Семинария недавно выдержала 5-дневный карантин, — не вынес болезни, помер. Жаль, хороший ученик был. Сожгут его, как умершего заразного, и пепел доставят сюда, который и придется отпевать.

18 (31) декабря 1904. Суббота

Учащиеся все вчера исповедались, сегодня за Литургией с 7 часов приобщились Святых Тайн.

Я целый день был занят распределением книг, пришедших из России от Константина Петровича Победоносцева для военнопленных, по 6 городам, где они содержатся, писанием списков книг и отправлением ящиков.

22 декабря 1904 (4 января 1905). Среда

Развернувши газету «Japan Daily Mail», сегодня в первый раз вышедшую в этом году, первое, что увидел, это что Порт-Артур сдался японцам по причине истощения средств содержания и защиты.

Япония ликует. Англия тоже — в Лондоне даже все дела прекратились на целый день, чтоб достаточно насмаковать сие ликование. России-то каково? Теперь одна надежда на Куропаткина и Маньчжурскую армию. Если и они не выдержат, то, значит, Бог оставил Россию на посмеяние врагам в наказание за то, что забыла Бога и Его заповеди. Окружающие меня японцы так деликатны, что никто и вида не подал, что три дня торжествует взятие Порт-Артура, ибо он в Новый год сдан.

Отправил пленному нашему офицерству в Сидзуока, как Рождественский подарок, фисгармонику в 75 ен и к ней 5 тетрадей нот на 6 ен 90 сен. Жаль их, бедных, — пропадают со скуки и печали.

24 декабря 1904 (6 января 1905). Пятница. Сочельник

С 10 часов в Соборе Часы, Вечерня, Литургия Святого Василия Великого, величание среди церкви, на которое и я выходил. В час кончились службы. Вечером в служении Всенощной и я участвовал.

Целый день удрученное расположение духа, еще более тягостное оттого, что надо страдать внутри, не выказывая того снаружи. А как не страдать? Как не печалиться с Отечеством? Пожалуй, и не невозможно это, если пребывать вечно в верхней камере.

В двухэтажном доме я теперь живу. В верхнем этаже мы все дети Отца Небесного; там нет ни японцев, ни русских. Большею частью я и стараюсь быть там; японцы тоже подлаживаются ко мне, быть может, только наружно; но и это ладно, и за такт их им спасибо! Занимаемся мы вместе христианскими делами по Церкви, переводом, книгопечатанием, даже христианской помощью военнопленным или японским раненым, — все это как подобает детям Единого Отца Небесного, — в единодушии и любви, легко и радостно. Но иногда гнетением обстоятельств душа спускается вниз, в нижний этаж, где уже я остаюсь один, без японцев, которые, вероятно, еще чаще меня спускаются в свой нижний этаж, куда я не вхож; один-одинешенек, так как ни единого русского, с кем бы разделить душу, вместе посетовать и разжидить тем горе. Таков вот сегодняшний день был. Бегом-бегом по лестнице нужно удирать в верхний этаж, чтоб не давило, не гнело, не душило горе! Верхнего этажа ведь я обитатель и должен быть.

Положил непременно хлопотать чрез Французского Министра, чтоб священники команд в Порт-Артуре остались вместе с ними здесь в плену, иначе порт-артурцы останутся без Богослужений. У нас нет больше священников со знанием русского языка, или если есть, то один-два (Андрей Метоки и Алексей Савабе), — где же удовлетворить больше двадцати тысяч, которые будут переселены в Японию из Порт-Артура и, вероятно, размещены по разным городам?

25 декабря 1904 (7 января 1905). Суббота. Праздник Рождества Христова

До Литургии несколько человек крещены. Литургию совершал я с отцами Романом Циба и Симеоном Юкава; прочие священники были по своим приходам: отец Петр Кано в Коодзимацци совершал Литургию, отец Феодор Мидзуно в Суна, у Филиппа Узава, тоже. В Соборе было христиан сначала мало, потом собралось столько, что, пожалуй, как говорят, было гораздо больше, чем в прошлом году, ибо ныне были исключительно одни христиане; из иноверцев был только Rev. Jefferys; и Собор был почти полон. Я был целый день больше в верхнем этаже, чем в нижнем (смотри запись вчера). Впрочем, некогда было и разбирать; кроме времени Богослужения, когда я несомненно был в общехристианском расположении духа, целый день такая суতোлка поздравлений, что оглянуться на себя невозможно.

Праздничному расположению духа немало способствовало то, что из России деньги пришли, хотя немного: часть содержания 2-го полугодия из Миссионерского Общества. Mr. Andre из

Французского Посольства привез кредитов на 615 фунтов стерлингов. <...>

27 декабря 1904 (9 января 1905). Понедельник

С 8 часов Праздничная Литургия.

Померла Текуса Сакай, дочь покойника отца Иоанна Сакай, — по мужу Хагивара, служившая инспектрисой и учительницей здесь, в Миссийской женской школе, благочестивейшая из японских христианок. Долго страдала в городской больнице и скончалась от чахотки. Постоянно в молитве находила утешение и скончалась, молясь, — разрешилась в молитве жизнь ее, точно ладан, разрешающийся в благовоние.

28 декабря 1904 (10 января 1905). Вторник

С утра сегодня мы с Павлом Накай начали наши обычные занятия. Нужно поспешить с приготовлением к печати Церковного Апостола с указателем чтений и месяцесловом; Евангелие скоро окончат печатанием.

С 1 часа было в Соборе отпевание Текусы Сакай мною с иереями и полными хорами. Потом ее проводили на кладбище вполне православным погребением, с пением «Святой Боже» и священнослужителями в облачениях; со школами вместе человек 400 провожали до кладбища.

Сегодня новый покойник из замечательных христиан: тоже от чахотки помер князь Стефан Дале. Но этого родственники непременно хотят похоронить по-язычески, несмотря на все представления им нелепости сего. Не драться же с ними!

31 декабря 1904 (13 января 1905). Пятница

Ренегат Кёбер со сладчайшим лицом явился благодарить за позволение бывать у меня (как будто когда я запрещал это!) и поздравил с Новым годом.

— Да ведь он завтра, — сказал я на поздравление.

— Как завтра? Сегодня 13-е число нового стиля.

— Но ведь уж пять лет, как наш Новый год стал приходиться в 14-е число.

Знак удивления! А считается русским подданным.

Послал в Сидзуока офицерам и нижним чинам долю книг, приходящуюся им из недавней присылки от адмиральши М. Н. Чухниной.

Целый день занятия корректурой и письмами к военнопленным.

Вечером Всенощная с величанием, на которую выходили иереи без меня.

И вот кончился этот несчастнейший для России год. Бедственной этого были разве в татарские лихолетья. Извне враг наносит позор за позором: внутри — смуты от дрянных людишек, служащих орудием тоже внешних врагов. Темной тучей покрыт русский горизонт. Разгонит ли ее наступающий год? Засияет ли солнце мира, спокойствия и величия над Россией? Бог знает!

1905 г.

1 (14) января 1905. Суббота

<...> В Фукуцияма наши пленные до того полюбили Петра Уцияма, в два дня его пребывания там, что плакали, расставаясь с ним; он тоже плакал; даже и рассказывая об этом сегодня, чуть не расплакался. А Василия Нобори, в Маругаме, за его труд пленные оригинально отблагодарили: составили круг, его посадили в нем, и пред ним под скрипку и самодельную балалайку отплясали казачка, да как! Он не нахвалится.

Когда они рассказывали все это, приехали с новогодним визитом из Франц. Посольства секретарь Mr. Cambon и Mr. Andre, привезшие поздравление и от Министра. Между прочим они рассказали, что Министр уже получил позволение от Япон. Правительства на оставление русских священников с Порт-Артурскими пленными командами и что мое письмо к священникам послано в Нагасаки для доставления им там, когда прибудут. Надо надеяться, что ходатайство мое будет успешно.

5 (18) января 1905. Среда

Тот же беспросветный мрак на душе. Вечером несколько утешила телеграмма от о. Сергия Судзуки из Мацуяма, что «русский священник туда прибыл и надолго остался», хотя В. Ямада (секретарь общества духовного утешения военнопленных) уверяет, что Военное Министерство русским священникам не позволяет остаться в Японии. В служении Всенощной вечером и я участвовал.

7 (20) января 1905. Пятница

Благочестивый буддист, старик Иида Ицидри, служащий в дезинфекционном обществе, очистив себя ванной, постом и молитвой, чтоб успешно было гадание; потом погадал и прислал мне результат гадания с убедительным советом послужить благу моей Родины. Дело о текущей войне. Очень уж опечален г. Иида кровопролитием и всячески желает скорейшего прекращения его. Загадал он, к чему поведет война, если она будет продолжаться, и вышло, что Россия подвергнется большому бедствию, будет разгромлена: таков вышел стих в китайской гадальной книге; Иида привел его в подлиннике в письме ко мне с приложением толкования на него. И убеждает меня Иида отправиться в Петербург, представить все дело Императору и настоять, чтоб он поскорей прекратил войну и заключил с Японию мир. «Россия-де на краю гибели». Письмо благочестивого старика дышит такою искренностью и таким доброжелательством и вместе такою наивностью, что я не мог оставить его без доброго ответа: попросил Петра Исикава побыть у него, поблагодарить за добрые чувства и объяснить неисполнимость миссии, возлагаемой им на меня.

8 (21) января 1905. Суббота

О. Петр Сибаяма описывает прибытие наших пленных артурских генералов в Нагоя, где им назначено жить. Высланы были за ними на станцию коляски, и встречало их японское местное начальство. Генералы, по выходе из вагона, прежде всего поздравствовались с ним, священником, бывшим в рясе, подав ему руку, потом уже обратились к японскому начальству; в приемной, куда приглашены были генералы, тоже на первом месте посадили о. Петра. Такое уважение к священнику, являемое здесь нашими важными лицами, истинно приятно и не бесполезно для Японской Церкви. Спасибо нашим добрым героям!

9 (22) января 1905. Воскресенье

О. Сергей Судзуки пишет о русском священнике, находящемся в Мацуяма. Это «о. Дмитрий

Иванович Тресвятский, воспитанник Казанской Семинарии, 37 лет, имеющий в России жену и трех детей. Остался здесь совершенно добровольно из желания послужить военнопленным». Видно, что добрый, самоотверженный иерей. Полковник Кавано, заведующий военнопленными в Мацуяма, дал ему комнату в госпитале пленных. Мы здесь хлопочем в Военном Министерстве, чтоб его оставили в Японии. Дай Бог, чтоб это состоялось. Это будет подспорье доброе нашим священникам.

Сегодня я написал о. Андрею Метоки в Хакодате, чтоб немедленно приехал сюда вместе с женой; отсюда отправится на Ки-усиу, служить у наших военнопленных в Дайри, где помещено две тысячи человек, и в Фукуока, где тысяча. В Фукуока уже и помер один, так что пришлось телеграфировать о. Павлу Морита в Химедзи, чтоб отправился похоронить его.

12 (25) января 1905. Среда

<...> А в Петербурге, по телеграммам, революция: множество убитых и раненых: фабричный народ понастроил баррикад на Вас[ильевском] острове и даже на Невском. Боже, что это творится с Россией? Извне поражения, внутри гнилость. Скоро ль спасение?

15 (28) января 1905. Суббота.

Надежда Такахаси, начальница женской школы в Кёото, просит отставки; две молодые учительницы вместе с нею хотят оставить школу. Причина, как изъясняет Надежда, что «все стали относиться к ней дурно с 9-го месяца, когда поселилась там, поблизости, семья брата ее Григория, сидящего в тюрьме за шпионство». Если она действительно оставит школу, то, значит, и школу в Кёото придется закрыть, а с тем вместе уничтожится там церк[овный] хор. Христиане Кёото не знают сами, что творят, вынуждая Над[ежду] Такахаси бежать оттуда. Надо как-нибудь уладить дело. Без нее некому быть начальницей школы.

17 (30) января 1905. Понедельник. Японский гражданский праздник

Нам с Накаем следовало бы заняться спешным делом — корректурой Евангелия и Апостола, но он простудился и лежит дома.

Я писал письма к военнопленным и отправлял им разное: в Мацуяма — 4 большие иконы в киотах с лампадами, для новых помещений военнопленных, из Порт-Артура, и 3 камертона регентам тамошних хоров, в Нагоя 6 таких же икон и для того же. В Нагоя же приготовлены к отправке 4 больших иконостасных иконы и малые иконы для царских врат, ибо там порт-артурский герой генерал Фок выразил желание построить иконостас в тамошнем молитвенном помещении, где собираются военнопленные нижние чины для Богослужений и где порт-артурские генералы, поселенные в Нагоя, будут молиться вместе с ними. Генерал Фок жертвует деньги на постройку иконостаса, который будет готов к 15 февраля, а мы посылаем для него иконы, сколько оттуда попросили, — очень хорошего письма нашей иконописицы Ирины Ямасита.

В Тенкачая же для 5000 пленных, размещенных в построенных для них 53 казармах, надо послать 53 комнатных иконы и 4 иконы для столовых; и пошлем — иконы имеются — на днях, Спасителя, Божией Матери и некоторых Святых.

21 января (3 февраля) 1905. Пятница

Утром полубольной Накай пришел, чтоб прочесть со мною корректуру Апостола, потом я целый день занимался приведением в порядок расписок к Отчетам.

О. Андрей Метоки с женой приехал, чтобы отправиться для служения у военнопленных на

Киусиу, в Фукуока и Даири. По газетным известиям, в Даири 1964 чел. пленных, а в Фукуока 999.

В Маньчжурии опять было довольно большое сражение, и, разумеется, по японским известиям, русские разбиты, и Brinkley танцует качучу; но подождать нужно русских известий.

25 января (7 февраля) 1905. Вторник

В. Ямада вернулся из Сидзуока и рассказал, что действительно о. Симеон Мии причиною тревожной телеграммы оттуда в воскресенье. Он имел неосторожность привезти кому-то из Нагоя письмо и передать прямо, без освидетельствования его в правлении заведующим военнопленными. Еще прежде озлобленный на него тамошний переводчик за то, что он разговаривает с пленными без его участия, узнавши об этом, донес начальству о таком нарушении правил о. Симеоном, и дело может кончиться запрещением ему служить у военнопленных; дело еще разбирается и судится. Замечательно, что переводчик — православный христианин, только сделавшийся таковым не здесь, в Японии, а где-то в Сибири; здешние, конечно, не сделали бы такой пакости священнику; да и языческие переводчики до сих пор не делали ничего подобного. <...>

27 января (9 февраля) 1905. Четверг

Закончен перевод Месяцеслова и прочих приложений к Церковному Апостолу, который уже печатается. За этой спешной работой остановлена отчетность в Россию, которою теперь и нужно заняться, по части переводной уделяя время лишь на чтение корректуры. Да переписка с пленными и исполнение их поручений еще сколько времени уносит!

29 января (11 февраля) 1905. Суббота. Японский Гражданский праздник

С 8 ч. была Литургия и потом благодарственный молебен, отслуженный священниками.

Ровно год сегодня, как оставил Токио русский Посланник, барон Розен. Много воды и крови утекло в этот год! Красною чертою он будет отмечен в японской истории и черною — в русской.

Получил письмо, первое, от о. Димитрия Тресвятского из Мацуяма. Живет и служит в госпитале военнопленных, в котором, как пишет, ныне больше тысячи больных. Пишет между прочим: «приглядываюсь к жизни солдат в госпитале. Уход за больными великолепный; не грешно было бы и нашим многим сестрам милосердия поучиться уходу за больными у японок (говорю, сравнивая с артурскими "добровольцами"). Пища хорошая. Теперь кухней заведует один из здешних офицеров (Вейсберг). Одно плохо — это отсутствие хотя бы какого-нибудь развлечения; полнейшая бездеятельность. Книги у солдат ни одной».

<...> К письму приложена фотография внутренности госпитальной церкви. Умиление возбуждает бедное устройство: на голой дощатой стене вместо иконостасных икон повешены на полотенцах небольшие иконы, должно быть, взятые на время у владельцев их — солдат. Тут же стоит — о. Димитрий, молодой иерей с крестом на груди, и позади его штабс-капитан

Ив. Мих. Шастин в белом халате с крестом на рукаве, о котором не раз о. Сергей Судзуки писал мне как о благочестивом человеке и регенте госпитального хора и которого ныне о. Димитрий рекомендует в своем письме как «ктитор церкви» и прибавляет, что «поют в церкви очень хорошо».

30 января (12 февраля) 1905. Воскресенье

О. Сергей Судзуки из Мацуяма пишет, что три порт-артурские офицера не хотят отдать свои сабли и нагубили японскому начальству, за что посадили их под арест; еще: недавно бригадный японский генерал приехал осмотреть пленных штаб- и обер-офицеров, и велено им было собраться в

одну комнату, но 8 полковников и много других офицеров не только отказались сделать это, но и наговорили много грубых слов японскому генералу, за что оный весьма рассердился, и будто бы 6 полковников заключены под арест за это. Результатом же таких поступков порт-артурских офицеров — общее стеснение: всем и нижним чинам запрещены выход из своих помещений и прогулка по городу, так что о. Сергей не может взять певчих из отделения нижних чинов, чтоб с ними совершить Богослужение у офицеров, где певчих нет. Все это очень печально. Бедные порт-артурские герои! Гордость их очень страдает. Но лучше бы им иметь благоразумие припрятать ее: в тюрьме-то сидеть еще более позорно, чем явиться на смотр к японскому генералу, который, притом навверное, обошелся с ними вежливо.

4 (17) февраля 1905. Пятница

Каяма — из всех наших Церквей единственное место, где язычники гонят за веру наших христиан. Их всего 5 домов, и народ бедный, не имеющий собственной земли, а арендовавший доселе оную у соседей.

Теперь соседи отбирают у них землю, и им приходится с голоду помирать, если не переселятся в Хоккайдо. Никаких убеждений соседи не слушают, хоть их старается и начальство уговаривать. Твердят одно: «Брось христианство, вернись в буддизм, тогда и пользуйся землею; не хочешь, — долой с земли». Катехизатор Игнатий Идзумикава сегодня прибыл оттуда просить как-нибудь помочь в этой беде. Но я что же могу сделать? Пусть Петр Исикава, человек красноречивый, отправится, попробует еще раз убеждать язычников; если успеха не будет, попросит еще чиновников как-нибудь подействовать на безжалостных, если и это окажется бесполезным, то придется христианам переселиться в Хоккайдо, если только они окажутся твердыми в вере. Один дом, кажется, уже ослабел.

5 (18) февраля 1905. Суббота

Отец Петр Сибаяма, священник Церкви Нагоя, спрашивает:

— Можно ли ему исповедать русских военнопленных, приготовив вопросы по русскому Требнику (сравнивая его с японским), но ответы на них не понимая (так как по-русски не учился)? *

Отвечаю:

— Во внезапной смертной опасности пусть разрешит и не понимая. Здоровых же ни под каким видом так исповедать ему не позволяется, правила церковные запрещают. Для совершения исповеди Великим Постом туда будет приезжать о. Симеон Мии, основательно знающий по-русски.

О. Сибаяма ужасно любит тащить всегда воду на свой огород: всячески хочется ему отстранить о. Симеона от служения у военнопленных в Нагоя; писал он уже сюда, что о. Симеон там не нравится, что не ведет себя как должно и под., что все вздор.

Спрашивал еще о. Петр:

— Можно ли позволить католикам совершать Богослужение, например отпевание умершего, в нашей церкви?

Отвечаю:

— Можно; только пусть алтарь будет заперт и они не входят в него.

Пришедши от Всенощной, нашел на столе «гогвай» газеты «Дзидзи-симпоо», извещающий, что вчера «убит в Москве Великий князь Сергей Александрович бомбой, брошенной под его коляску при выезде из Кремля». Боже, что это творится в России? Видимо, наказывает ее Господь многими бедами! До слез жаль доброго Вел. князя, которому когда-то я рассказывал о Японии. Царство ему Небесное!

11 (24) февраля 1905. Пятница

О. Сергей Судзуки из Мацуяма пишет, что военный Министр Терауци не разрешил о. Димитрию Тресвятскому остаться в Мацуяма и что поэтому он уже уехал в Россию. Экие жестокие формалисты! Хоть малая помощь была нашим священникам, и ту отняли.

15 (28) февраля 1905. Вторник

Учителя Семинарии Петра Уцияма берут во военную службу. Он плакал, прощаясь; и я готов был заплакать; очень жаль хорошего человека. <...>

16 февраля (1 марта) 1905. Среда

О. Симеону Мии написал, чтоб он никак не оставлял служение в Нагоя. Там самые главные из военнопленных, порт-артурские генералы, и притом такие благочестивые, что сейчас же по прибытии захотели устроить церковь с иконостасом; как же можно оставить их без русской службы! <.,,>

19 февраля (4 марта) 1905. Суббота

Унтер-офицер по фамилии Деликатный, сидящий в тюрьме в Нагоя за неповиновение и грубость японскому начальству, просит 30 ен на уплату по суду и на одежду, — да какое бойкое письмо! Надо послать бедному.

Из Фукуцияма просят театральных книг — хотят для развлечения театр устроить. Быть может, найду что-нибудь послать.

23 февраля (8 марта) 1905. Среда

<...> Получил письмо от Преосвященного Тихона из С.-Франциско со вложением векселя на 403 ен (америк. 200 дол.), пожертвования на духовные нужды военнопленных; пишет также, что заказанные отсюда церковные свечи там спешно изготавливают и к Вербному Воскресению сюда поспеют. Слава Богу и благодарение доброму Владыке!

26 февраля (11 марта) 1905. Суббота

Мукден взят японцами, и торжествуют они, вывешивая флаги и фонари и производя процессии. Горевать ли? Да уж, кажется, дальнейшая степень горя будет сумашествие, а между тем здравый смысл нужен — дела много.

Утром из тоокейской тюрьмы получил письмо от нашего штурмана Алексея Цыганцева, который там сидит вместе с сотником Александром Мирским; пишет, что они там отбывают заключение, к которому присуждены за побег из плена в Мацуяма, и просит книг для чтения. Сейчас же послал им по Новому Завету от себя и по связке книг из прибывших недавно от М. Н. Чухниной.

Послал Петра Исикава в Военное Министерство взять точное сведение о числе русских военнопленных в Японии. Оказывается, по 28 февраля н. ст. было: 38358 чел. Сообразно с этим надо разделить книги, остающиеся еще в Миссийской запасной библиотеке, по городам, где они размещены далеко в неравном количестве. Пишут в газетах, что в последних боях взято много пленных. Боже, когда это прекратится перемещение русской армии в Японию?

О. Симеон Мии пишет: «Преждеосвященную Обедню служить постом в Тенгачая нельзя, — ничего там еще не устроено для достоюлжного служения, — а причастники наверное будут. Нельзя ли для них служить простую Литургию в те дни, когда положена Преждеосвященная?» Ответил: «Правило для Преждеосвященной Литургии в важных случаях допускает исключение; напริม[ер].

если случится празднование Святого с полиелеем, то вместо ее служится Литургия Св. Златоустого. Так как приобщить исповедников тоже весьма важно, то пусть о. Симеон служит, с Богом, Литургию Св. Златоуста и в дни Преждеосвященной Литургии, если только он никак не может употребить для этого субботу или воскресенье (т. е. если у него нет надлежащей необходимости служить в субботу и воскресенье в других местах, ибо он служит у военнопленных и в Нагоя, и в Сидзуока, да теперь еще и Тоёхаси, где тоже поселили пленных, будет ему подведомо)».

Rev. Jefferys, американский епископальный миссионер, просится по субботам петь у нас в хоре певчих. Так как регент Алексей Обара это дозволил, то я написал Джефферису, что пусть приходит и поет во славу Божью.

27 февраля (12 марта) 1905 года. Воскресенье Сыропустное

Варвара Окамура, жена литографа Павла, приходила за иконами, которые я обещал дать язычнику для подарка нашим военнопленным, и принесла мне в подарок от сего язычника кипу книг его произведения. Я дал три иконы Пресв. Богородицы на досках; Варвара же заказала киоты для них; «Язычник понесет, — нужно, чтоб его рука не касалась икон», — промолвила Варвара. Я опять повторил, чтоб, передавая иконы, он сказал, что «от Епископа их получил, чтоб сделать подарок». Видно, что этот человек богатый, потому что Варвара не стесняясь заказала хорошие киоты мастеру, который работает на Миссию.

Поясница болит, трудно ходить. Но тоска душевная пуще болезни; третий день город иллюминруется, празднуя новые победы над русскими!

28 февраля (13 марта) 1905. Понедельник 1-й недели Великого Поста

<...> В этом году, так же как и в прошлом, на первой неделе учащиеся не говеют, а ходят в классы; будут говеть на Страстной. Это не мешало им, однако, гулять последние три дня Масленицы; даже и позволения на то не спрашивали; на основании прошлогоднего примера, мол. А не следовало бы. И без того у нас много гулевых дней. <.,,>

1 (14) марта 1905. Вторник 1-й недели Великого Поста

Так как в Мукденском сражении японцами взяты десятки тысяч русских пленных, которых скоро привезут в Японию и разместят по разным городам, то нужны для них священники; ныне же имеющихся отнюдь не достанет для них; поэтому положено избрать из диаконов, кончивших курс в Семинарии и знающих русский язык, для рукоположения в иереи. Завтра соберутся для этого тоокейские священники, кандидаты-наставники Семинарии и главные из членов «Айай-ся».

Был Mr. Andre и привез от Французского Посланника чек на 19 529 ен, хотя бумаги нет и я не могу определить, какие это, собственно, деньги. Во всяком случае, слава Богу и благодарение Петербургу, что не забывается Миссия!

В Тенгачая, где больше 6 тысяч пленных порт-артурцев, отправлены 3 ящика религиозных книг из запасной Миссийской библиотеки и письмо — не предаваться печали, а сохранять бодрость духа.

3 (16) марта 1905. Четверг

Возвратившийся из своего путешествия по местам, где содержатся военнопленные, Василий Ямада, секретарь «Общества духовного утешения военнопленных», рассказал про то, что видел. Главное — из разных мест разные просьбы: книг для чтения, икон, крестиков, церковных свечей и проч., что все по мере возможности будет исполнено. Интересно следующее: для удовлетворения религиозной потребности военнопленных в Хаматера, где их больше 20 тысяч, Городская дума в

соседнем городе Сакае положила построить около их казарм, заключенных в три ограды, три часовни, где священник совершал бы службы для них; часовни будут открываться, чтобы тысячи молящихся видели священнодействие, совершаемое священником; пол часовни будет на 2-3 ступени выше земли. Языческая душа делает такую услугу христианам! Спаси ее, Господи!

Еще из рассказов Ямада замечательно то, что везде, где были столкновения между военнопленными и японскими властями, они происходили из-за недостаточности знания переводчиками русского языка; не понимают друг друга из-за переводчика, и одни представляются неповиновущимися, другие сердятся, и мало-помалу чуть не до оружия доходит. Иногда это случается из-за незнания русских обычаев. Например. В Хаматера японский начальник спрашивает у пленных:

— Есть ли между вашими плотники (дайку*)?

— Есть.

— Выходите, — вышли.

— Так вот, сделайте столы, — для вас же.

Плотники стоят и не показывают вида, что они готовы приняться за работу.

Японский офицер вновь приказывает. Они ни с места. Он настаивает. Не слушаются. Наконец, он сердится и упрекает их в неповиновении, старается убедить, спрашивает: почему противятся?

— Да не можем мы, — отвечают.

— Как не можете, когда вы «дайку»?

— Да мы плотники, а не столяры; мы можем срубить дом, а чтобы сделать стол, нам самим прежде надо учиться этому.

Тут только объясняется, что японское слово «дайку» двусмысленное, — значит и столяра, и плотника, и японский «дайку» действительно и столяр, и плотник вместе; у русских же это два отдельные ремесла. И японский офицер, улыбаясь, отходит, оставляя русских «дайку» в покое.

Посланы книги в Сидзуока для обучения малограмотных из Консанды, чем занялись там некоторые офицеры, — книги из Миссийской библиотеки; другие книги, из присланных адмиральшею М. Н. Чухниною, посланы для чтения офицерам, и написаны к двум офицерам письма — воздерживаться от печали и уныния. Бедные, до сумасшествия тоскуют. Недавно там помешался и отвезен в больницу молодой офицер Н. Л. Фришман. <...>

4 (17) марта 1905. Пятница

Отправлено по большому ящику книг из Миссийской запасной библиотеки военнопленным в Даири и Фукуока, на Киусиу, с письмами в то и другое место — хранить бодрость духа, неграмотным: учиться грамоте; буквари обещаны.

Василий Ямада из Военного Министерства принес расписание, куда, по каким городам размещены будут военнопленные, взятые в Мукденских боях. Всех вновь взятых военнопленных 52 694 человека! Боже Ты наш! Вконец Ты оставил нас, потому что мы прежде оставили Тебя! Отъял Ты помогающую руку Свою и предоставил нас собственной гордости и силе нашей, и — вот она, сила наша, — в прах мы повержены! Но да будет это наказанием от любящего Отца! Пробуди в нас дух смирения и воспламени ревность к исполнению заповедей Твоих!.. Нет меры печали, но избави от отчаяния и уныния!

5 (18) марта 1905. Суббота

Отец Сергей Судзуки из Мацуяма пишет: просит разрешить ему совершение «Общей исповеди».

какую разрешено совершать о. Иоанну Кронштадтскому, по причине слишком большого числа желающих исповедаться и причаститься у него. О. Сергию, очевидно, исповедывавшиеся у о. Иоанна офицеры рассказали об этой исповеди и настроили его просить о разрешении оной и ему. Действительно, в Мацуюма 3069 больных и здоровых пленных. Где же управиться одному с таким числом? Поэтому я, не колеблясь, разрешил ему и послал книжицу, где «генеральное исповедание грехов», с наставлением, чтобы после исповедных молитв один из исповедников громко и раздельно прочитал ее, после чего священник прочитает следующие за исповедью молитву и разрешение. Предпричастные канон и правило должны быть исполнены как обычно. Кто имеет что-либо особенное сказать на духу, тот должен исповедаться отдельно.

Отец Симеон Мии в ответ на мое письмо об избрании трех диаконов для хиротонии в иереи настоятельно советует присоединить к ним и четвертого, Петра Уцида. Вероятно, придется и сделать это; иереев все-таки очень недостаточно для стотысячной паствы военнопленных.

Американский Bishop Mc'Kim прислал 25 ен для военнопленных при очень милым письме; я тотчас ответил ему благодарностью.

6 (19) марта 1905. Воскресенье — первое Великого Поста

Я совершал Литургию с тремя иереями и рукоположил диакона, служившего доселе проповедником в церкви города Такасаки, Иоанна Оно, в иерея.

По окончании Литургии я отошел в боковой придел разоблачаться, а иереи вышли на средину церкви совершать благодарственный молебен за Мукденскую и уже дальнейшие победы. Что ж, они право [имеют] на то.

После обеда я делал каталог книг, отправляемым из запасной Миссийской библиотеки военнопленным в Хаматера.

8 (21) марта 1905. Вторник

<...> Был Mr. Andre, сказать, что Французским Министром получены деньги, пожертвованные из Берлина отцом Мальцевым для военнопленных: 1500 марок = 1843,85 франков = 717 ен, 45 сен. Я просил его в следующий раз привезти эту сумму ко мне. Еще он говорил, что у Французского Министра много денег для военнопленных и что он намерен что-либо сделать для них в праздник Пасхи. Я просил его, чтобы, по крайней мере, по одному красному яйцу дано было каждому военнопленному. Миссия на это, к сожалению, средств не имеет, ибо это составит расход в 3000 ен (по яйцу в 3 сен для ста тысяч человек); Французскому же Министру на имеющиеся у него суммы для военнопленных это возможно.

Сегодня японский гражданский праздник, но учащимся не удалось погулять: целый день мокрый снег шел. Иван Акимович Сенума говорил, что в Семинарии грустное настроение: кроме отправившихся уже на войну из учеников, еще человек десять должны будут в непродолжительном времени оставить Семинарию и пойти в солдаты. Жаль, да что поделаешь!

9 (22) марта 1905. Среда

Не хотел я объявлять в этом году приема в Семинарию учеников для нового, младшего курса, и вчера только что сказал Ивану Акимовичу Сенума, спрашивавшему, будет ли прием, что оно не будет, чтобы так и объявил в «Сейкёо-Симпо» для вопрошающих о сем из провинциальных Церквей, — денег, мол, неостанет для содержания семинаристов, много уходит на экстренные расходы по случаю войны. Но беспокойно стало на душе: совсем оставить Семинарию неприглядно для Церкви и невыгодно для нее в разных отношениях. Притом же деньги ассигнуются на учебные заведения, а не

на военнопленных, и так далее. Призвал сегодня Ивана Акимовича и сказал, чтобы объявил прием, если найдется не менее 20 желающих поступить. Он уверяет, что найдется больше 30, так как уже многие спрашивали, будет ли набор в нынешнем году в Семинарию.

Объявил сегодня Петру Исикава, что прибавлю еще по 10 ен новым священникам, посылаемым для служения у военнопленных, то есть что будут получать они от Миссии по 40 ен в месяц; прежде я сказал, что дам по 30, но за то пусть они — члены «И-анквай» (Общества духовного утешения военнопленных), не заботятся от себя прибавлять. Этого жалованья вместе с разъездными, которые будут даваемы особо, для священников достаточно. <...>

10 (23) марта 1905. Четверг

<...> И отец Павел Морита, из Химедзи, просит разрешения совершать общую исповедь, по многочисленности говеющих военнопленных. Но так как и другие священники в тех же обстоятельствах, книжек же «генерального исповедания» нет, и притом это исповедание не совсем подходит к здешней среде, то положил я, несколько сократив его и сделав более удобным, напечатать здесь во многих экземплярах и разослать священникам вместе с печатным письмом, как употреблять его.

11 (24) марта 1905. Пятница

Думал я, чем приветствовать наших братьев военнопленных в светлый день Пасхи. Наконец придумал. Мысль Петра Исикава, сказанная мне третьего дня, о газете на русском языке для них внушила мне следующий план. К Пасхе мы издадим не газету, а хорошенькую брошюру: «Приветствие русским братьям от Японской Церкви». В красивой обложке будут заключаться следующие статьи: мое приветствие, Японской Церкви приветствие, Пасхальное слово святого Иоанна Златоуста, Пасхальная песнь святого Григория Богослова и краткое статистическое сведение о Японской Миссии и Церкви. В приветствие Японской Церкви войдет картинка, олицетворяющая Японскую Церковь: девочка 13-14 лет, одна из учениц здешней школы, с подносом в руках, на котором будет красное яйцо. Свое приветствие я уже написал, статистическое сведение взял из донесения Святейшему Синоду с некоторым дополнением. Брошюра будет напечатана в ста тысячах экземпляров, так чтобы ни один из военнопленных не остался без этого подарка. Стоить это будет близко к тысяче ен, но что ж делать! Дешевле и целесообразнее ничего нельзя придумать. <...>

12 (25) марта 1905. Суббота

Вчера на Всенощной и сегодня на Литургии, служенных новопоставленным иереем о. Иоанном Оно по-славянски, я нашел, что он совсем хорошо научился служить, и потому объявил ему, чтобы он готовился отправиться на назначенное ему место служения у военнопленных в Хаматера.

Из Кёото прибыл для принятия хиротонии в иерея диакон Акила Хирота.

Сегодня мы с Павлом Накаи и после Всенощной занимались корректурой Церковного Апостола; зато уже и кончили это дело совсем. К сожалению, не можем мы с ним засесть за регулярное дело перевода Богослужения. Переписка и разные дела по поводу военнопленных занимают все время.

17 (30) марта 1905. Четверг

Посланы по 20 экземпляров «Общего исповедания грехов» и письма отцам Андрею Метоки, Алексею Савабе и Симеону Мии. Дано разрешение и служить Литургии Златоустого в дни Преждеосвященных Литургии для приобщения исповедников. Отцу Симеону, в приходе которого

много офицеров, написано, чтобы их он исповедал отдельно каждого. Всем написано, что если кто просит отдельной исповеди, непременно чтобы отдельно исповедали таковых, назначив для того определенное время.

Отец Иоанн Оно, прибывший из Такасаки, снабжен антимином и всем необходимым и отправлен на служение в Хаматера, вместе с о. Алексеем Савабе.

18 (31) марта 1905. Пятница

Утром получена телеграмма от отца Павла Морита, что он вполне согласен на перемещение Игнатия Такану в Такасаки; почему тотчас же написано к Такаку, чтобы перебирался с семейством в Такасаки, и посланы дорожные деньги для того, но чтобы он, оставляя Комемаки, успокоил христиан, что «по-прежнему остается их катехизатором, только, не имея здесь слушателей, на время переходит в Такасаки, где ныне 6 весьма надежных слушателей, до половины пути ко Христу доведенных Иоанном Оно; проповедуя в Такасаки, он, по крайней мере, два раза в месяц будет посещать своих христиан в Комемаки, Сукава», и проч. Игнатию Такану я обещал дорожные для сих посещений; в Такасаки же к христианам написал, чтобы поскорее нашли ему квартиру, за которую тоже обещал платить.

Из Нагоя 30 ен прислали из тамошних кружечных у военнопленных на Миссию. Но просят оттуда 250 экземпляров «Русской речи» (букваря) для учащихся грамоте. Во всем городе найдено только 130 экземпляров, которые и посланы. Просит еще тамошний регент, Александр Димитревский, сын протоиерея, кончивший курс Семинарии, «один из концертов, поемых во Святую Пасху, — генералы-де и прочие господа офицеры очень любят партесное песнопение». К сожалению, концерта нет, но «Ангел вопияше» и еще кое-что партесное нашел и пошлю; пошлю еще отличное партесное пение Страстной Седмицы, подаренное мне в 1880 г. в Петербурге в Новодевичьем монастыре.

Получены прежде 4 пакета, а сегодня 15 пакетов палестинских изданий, должно быть, от Константина Петровича Победоносцева, и конечно, для военнопленных.

19 марта (1 апреля) 1905. Суббота

Вчера получена была еще сумма из России: «от госпожи Синельниковой на пасхальные свечи русским военнопленным: 5165 ен 83 сен».

Слава Богу! Если свечей столько нельзя добыть им, то серебряные крестики будут.

Газеты и письма из России (от отца Феодора Быстрова) приносят только печальные известия. Там бунты, разлад, разложение, здесь поражение и переселение русских войск в Японию. Видно прямо, что Господь наказывает Россию за ее тяжкие грехи. Но да будет это ударами бичующей руки любящего Отца, хотящего только блага России!

22 марта (4 апреля) 1905. Вторник

Ночью получена телеграмма от отца Петра Кавано, что он согласен на поставление Виссариона Такахаси диаконом к нему.

Отец Алексей Савабе из Хаматера пишет, что три часовни во дворах помещений военнопленных в Хаматера, построенные на пожертвование членов Городской думы соседнего города Сакай (язычников), освящены им очень торжественно; на освящении были сами жертвователи, японский генерал с офицерами; часовни украшены св. иконами, привезенными из Порт-Артура военнопленными, которые очень рады и молились усердно.

Пишет еще отец Алексей, что военнопленные там собирают деньги на золотой крестик

Наследнику, и спрашивает: как сделать, чтобы желание их осуществилось? Я ответил: пусть напишут письмо, подпишутся под ним все жертвователи и при собранных деньгах доставят мне. Письмо должно быть на имя Государя Императора с просьбою удостоить принять крестик для Наследника Цесаревича. Я пошлю деньги и письмо Обер-Прокурору с просьбою озаботиться приобретением достойного крестика и вместе с письмом военнопленных представить Его Величеству.

Еще пишет, что в бараках 4-го двора пленные не слушаются японского начальства, и просит сделать им увещание, чтобы слушались. К сожалению, он ясно не изложил дела, и потому я не могу, пока не получу от него ясного изложения.

Капитан Гобято из Тоёхаси просит не только книг для школы зауряд-прапорщиков там, но и физических инструментов. Ящик книг я тотчас же послал ему, инструменты заказал найти здесь в лавках.

В Сидзуока капитану Васильеву также послал ящик учебников для устроенной им школы из 23 зауряд-прапорщиков.

23 марта (5 апреля) 1905. Среда

Кандидаты Арсений Ивасава и Иван Акимович Сенума приходили спрашивать, какого числа была в 1880 г. моя хиротония, — хотят-де поздравить меня с 25-летием. Наруходо! Показал им книжку «Российская иерархия», где это пропечатано.

Опять грустнейшая почта из России. К счастью, некогда печалиться, а надо почти не отрываясь от стола письма писать к военнопленным и в Россию.

Из Хозяйственного управления отношение, что Совет Православного Палестинского общества предоставил 2173 экземпляра разных изданий о Святой Земле для препровождения их ко мне, чтобы разослать для чтения нашим военнопленным здесь. Часть их уже пришла, и я думал было, что это от Константина Петровича Победоносцева.

26 марта (8 апреля) 1905. Суббота

Ночью получена телеграмма от Виссариона Такахаси из Кумамо-то: «Отказываюсь от диаконства (хосай о дзису)». А днем от отца Петра Кавано пришло и объяснение; пишет, что «Такахаси не имеет решимости всю жизнь свою отдать на служение Церкви». Значит, задумал с прямой дороги свернуть в кусты, по примеру великого множества других, надувших Церковь.

В Тоёхаси отосланы физические инструменты капитану Леониду Николаевичу Гобято, по его просьбе, для школы зауряд-прапорщиков: спираль Румкорфа, 2 элемента Бунзена с кислотами, магниты, изолированная проволока.

В Сидзуока посланы 15 священных изображений, по просьбе офицеров, для украшения молитвенной комнаты к Пасхе и писано подполковнику Константину Васильевичу Урядову ободрение.

За Всенощной сегодня начал петь с правым хором, в числе теноров, Rev. Jefferys, американский епископальный миссионер, просившийся в хор. Стоит и поет с видимым благоговением.

27 марта (9 апреля) 1905. Воскресенье 4-е Великого Поста

За Литургией много было христиан и порядочно причастников.

После Литургии заходили ко мне христиане из Акуцу и Мито, после был еще христианин из Касивазаки. Приятно всегда от провинциальных христиан слышать, что война не вредит церковному делу.

— При начале войны все думали, что Церковь разрушится, — говорил сегодня христианин из Акуцу, — а она по-прежнему благополучна.

— Не мешает ли война Христову делу у вас? — спросил я христианина из Касивазаки.

— Нисколько: война — одно, вера — другое, война — земное дело, вера — небесное; все это знают.

А до войны этого не знали и были убеждены, что православная вера, идущая из России, — пагуба для Японии.

30 марта (12 апреля) 1905. Среда

25-летие епископства все-таки пришлось праздновать. В 9 часов отслужен в соборе благодарственный молебен, и народа было порядочно, кстати, и погода была хороша. Потом снимались группой собравшиеся христиане, за ними Женская школа; после в редакции оказание поздравительных телеграмм (60) и писем (36); в продолжение дня затем еще больше собралось. Я — речь плохую, ибо не готовился к ней. Угощение чаем всех было. От военнопленных тоже телеграммы приходили, из которых под одной, из Мацуяма, оказалось 73 подписи наших офицеров. Я благодарил ответными.

31 марта (13 апреля) 1905. Четверг

Написал в Россию: в «Московские Ведомости» и в «Новое Время», воззвание жертвовать книги для военнопленных и на шейные крестики им. В оба места, кроме того, письма со статистическими данными о сделанных доселе пожертвованиях книгами, о числе и размещении военнопленных и прочее. Для «Московских Ведомостей» адресовал Льву Александровичу Тихомирову. Копии воззваний послал сотрудникам Миссии, в Санкт-Петербург отцам Быстрову и Дёмкину одну, в Москву Н. В. Благоразумову другую, ибо указал денежные пожертвования посылать им.

3 (16) апреля 1905. Воскресенье 5-е Великого Поста

На Литургии катехизатор Антоний Такай, из кончивших курс Семинарии, рукоположен во диакона. Причастников было, с детьми, около ста человек.

От генерала К. Н. Смирнова письмо, в котором говорится, что между нашими военнопленными здесь, надо полагать, 20% неграмотных. А из Нарасино фельдфебель Алексей Саранкин, — по письму судя, человек умный и образованный, — извещает, что там из 3000 военнопленных 25% неграмотных. Значит, на 63 844 человек пленных, по сему последнему расчету, приходится 15 961 неграмотных. Если принять расчет генерала, то будет 12 768 неграмотных, значит, азбучников надо для них, — если на два человека по одной книжке, как полагает генерал, — 6384. Он полагает 5700 книг, считая только пленных 58 759 человек, находящихся в Японии, без тех 5085, которые еще в Порт-Артуре. Посмотрим, нельзя ли напечатать такое количество книг в Японии. Из России ждать было бы слишком долго.

4 (17) апреля 1905. Понедельник 6-й недели Великого Поста

Послал в Нарасино 300 букварей Вольпера, полученных сегодня из книжной лавки, по отпечатании; 700 еще печатается, это тоже возьму; а дальше отпечатаем сами небольшой букварь, без всяких картинок, не нужных взрослым; обойдется сена два книжка, а за сегодняшние пришлось заплатить по 28 сен. Послал еще несколько книг, из присланных Советом Палестинского общества и проч., и советовал в письме к фельдфебелю завести там общие чтения, чтобы по возможности все могли получить назидание и пользу от сих немногих книг.

5 (18) апреля 1905. Вторник

<...> Заказаны к Пасхе яйца для военнопленных, по два яйца для 58 759 человек, всего 117 518 яиц, по 2 сен 8 рин за яйцо с доставкой, да на 397 ящиков по 2 яйца запасных, на случай разбития, всего на сумму: 3314 ен 73 сен 4 рин. Эти деньги будут из тех, что присланы жертвователями из России на пасхальные свечи, так как свечей для всех достать неоткуда, и деньги останутся. Окрасить яйца материал также разошлем всюду. Это сделает христианин Павел Ито.

6 (19) апреля 1905. Среда.

Отец Петр Ямагаки, снабженный всем нужным для совершения Богослужений, отправился служить в Ниносима и Ямагуци.

Утром на Литургии слушал, как новый диакон Антоний Такай произносит по-русски ектении, оказалось — превосходно, и все служение совершает хорошо. Поэтому сегодня он также отправлен к месту своего служения в Кумамото; даны ему все необходимые славянские богослужебные книги.

Написаны и отправлены с ними письма к военнопленным в Ниносима и Кумамото. Послано и несколько книг для чтения, из полученных от жертвователей из России.

Вечером стал было просматривать пришедшие вчера номера «Московских Ведомостей», но боль нестерпимая душевная заставила скоро бросить: внутри — мерзейшие бунты и забастовки, вне — Мукденские поражения. Не смотрел бы на свет Божий!

9(22) апреля 1905. Лазарева суббота

С 6 часов Литургия. Пели на клиросе старшие семинаристы и попросились пропеть «Херувимскую», «Милость» и «Отче Наш» по-русски. Я позволил «Херувимскую» и «Отче Наш». Пропели превосходно, хоть бы и русским семинаристам так. Классы двухголосного пения, видимо, приносят пользу; ученики научились владеть своими голосами. В церкви были все учащиеся, из посторонних порядочно было причастников.

Разослал для окраски яиц красильный порошок во все места военнопленных на имя контор, заведующих ими.

Вчера получены в Миссии 12 ящиков церковных свечей из Сан-Франциско. Сегодня все они распределены равномерно, сообразно с числом пленных, на 22 места их пребывания и разосланы для доставления им. <...>

10 (23) апреля 1905. Вербное Воскресенье

До Литургии было крещение 8 младенцев и возрастной. За Литургией очень много причастников. Служили иереи, как и вчера Всенощную. Между гостями после Литургии у меня был один раненый воин, христианин из Иваядо; обе руки плохо действуют. Слышать о раненых и видеть их — совсем другое; слышишь почти равнодушно, видеть — больно, жалость ножом режет душу; такой молодой, и на всю жизнь калека! Затаенное страдание написано на лице... И таких десятки тысяч на той и другой стороне, и все это невинные страдальцы, — разве из-за них война? <...>

И (24) апреля 1905. Великий Понедельник

Вчера о. Роман Цибя и соборный староста Петр Исивара от лица всех христиан в Токио представили мне в подарок 300 ен: «У вас, мол, теперь много расходов, так употребите, на что хотите». Я принял и сказал, что положу эти деньги в Банк для хранения, как деньги Тоокейской церкви, и на что нужно будет для Церкви, употреблю их, но не иначе, как по совету и соглашению с самими

жертвователями. Сегодня эти 300 ен и положены в Банк Мицуи, на 5% в год.

Из России получены деньги для военнопленных: 10983 ен 61 сен от Терещенко и др. Значит, к Пасхе кроме яиц можно будет и деньгами дать всем военнопленным сен по 20.

Целый день занят был рассылкою по местам военнопленных книжки: «Пасхальное приветствие Японской Православной Церкви русским братьям», напечатанной в 70 тысячах экземпляров. Рассылается так, чтобы все получили по книжке: и грамотные, и неграмотные.

Совершаются обычные в эту неделю Богослужения: с 6 часов — Утренняя, с 10 — Литургия, с 6 вечера — Великое Повечерие. Все учащиеся говеют. Из города почти никого.

16 (29) апреля 1905. Великая Суббота

Евангелие с указателем церковных чтений, переплетенное в бархат и оправленное для положения на престол, сегодня от переплетчика было принесено в двух экземплярах в Собор во время Литургии. Я тотчас же освятил их в приделе, облачившись в епитрахиль и малый омофор, и возложил одно Евангелие здесь на престол, другое с отцом Феодором Мидзуно послал в церковь в Коодзимацэ.

От общества офицеров в Сидзуока присланы в Женскую школу два благодарственные письма за посланные недавно туда вышитые покровы на престол, жертвенник и аналой; одно письмо начальнице школы Елисавете Котама, другое учительницам и нескольким посторонним сестрам, участвовавшим в труде вышивания или в расходе на материал (Софья Сугияма — докторша, Анна Сайто — дочь отца Павла); оба за подписью 48 офицеров.

Алексей Саранкин, военнопленный в Нарасино, пишет между прочим, что к ним из справочного бюро присылаются между другими книгами «заграничные издания Влад. Черткова и Л. Толстого», подчеркивает эти слова, видимо, жалуясь на это между строками, и продолжает: «Весьма желательно иметь побольше русских произведений, допущенных цензурой». Развратители!

Из Министерства военного вернули ящик с 4 тыс. «Пасхального приветствия» — книжки, посланной нами в таком количестве русским военнопленным в Порт-Артур; взяли только 400 для отсылки туда, говоря, что теперь там только такое количество пленных больных остается.

День, как всегда, проведенный в хлопотах по приготовлению к празднику.

17 (30) апреля 1905. Светлое Христово Воскресенье

Вечером получены были приветственные праздничные телеграммы от генерала Фока и других генералов и адъютантов, живущих с ним, из Нагоя, и от офицеров из Мацуяма.

Ночью народа нынче меньше, чем в предыдущие годы, собралось в доме. Впрочем, дом был полон, особенно детей много было, и от них шума и звонких голосов столько же. С 12 часов ночи обычная торжественная Пасхальная Служба. Погода была хорошая и тихая; вокруг Собора обойти было удобно. Полицейская охрана была усилена до 20 человек. В Соборе народа, видимо, было меньше, чем прежде. Из иностранцев были Rev. Jefferys, американский епископальный миссионер, певший в правом хоре, и The Ven. W-m M. Jefferys, Archideacon of Little Rock, как значится на карточке, и еще двое; все — до конца Богослужения, и потом разговелись вместе с нашими служащими Церкви, в чем я не участвовал, по обычаю, христосуясь в это время с христианами. Светом уже кончилось это. Потом поздравление школ: сначала Женской, причем учительницы были угощены разговорием, потом Катехизаторской школы, Семинарии, воскресной школы, то есть толпы детей под руководством старика Оогое. Одиночные поздравления продолжаются до полдня и после, так что отдохнуть нет никакой возможности, и под конец устаешь немало.

Немало телеграмм поздравительных от наших военнопленных, на которые я отвечал взаимными поздравлениями.

С 5 часов в Соборе Пасхальная Вечерня, отслуженная мною с отцом Мидзуно; в церкви, кроме учащихся, почти никого.

18 апреля (1 мая) 1905. Понедельник Светлой Седмицы

С 7 часов Пасхальная Служба: вместе Утреня и Обедня. Я служил с отцом Мидзуно. Потом поздравление певчих своих, церкви из Коодзимац. Старик отец Павел Савабе также был. Поздравление жен и детей служащих Церкви. Письма с поздравлениями от пленных.

Усталость телесная и тягота душевная. И светлый праздник мало веселит, хотя пленных стараешься ободрить.

21 апреля (4 мая) 1905. Четверг Светлой Седмицы

Распределение книг по местам военнопленных, причем делаются списки всего отосланного. Ящик с книгами и письменным материалом послал в Нарасино, где 3000 пленных. Возивший туда два ящика со свечами семинарист Самуил Хирота вернулся сегодня и рассказал, что свечей для всех достало. Пасхальное Богослужение пленные сами отправили, за неимением священника, который потом служил у них Литургию в понедельник.

23 апреля (6 мая) 1905. Суббота Светлой Седмицы

С 7 часов Пасхальное Богослужение: сряду Полуногница, Утреня, Часы и Литургия — до четверти 11-го часа; вставши в половине 6-го, чтобы приготовиться да совершить эту службу, по моим летам устать можно, и я устал, что неприятно напомнило старость, чего в прежние годы не бывало.

24 апреля (7 мая) 1905. Фомино воскресенье

<...> До сих пор я крайне бережно обращался с юною Японской Церковью, стараясь не производить ни малейшего давления из опасения, что юная впечатлительность примет отпечаток слишком глубоко и это отзовется некоторого рода болезненностью. При всех собраниях я почти всегда молчал, давая им полную свободу выбирать или нет и углубляя тем семя соборной церковности. Но следует показать и то, что епископ своей властью, без избрания церковного, может поставить священника и диакона. Такого примера еще не было здесь, и он ныне будет. Я написал письма отцу Петру Сасагава и отцу Матфею Кагета; у первого, как у духовника Фомы Исида, спрашиваю, не знает ли он препятствий к поставлению Исида диаконом? У отца Матфея спрашиваю, не имеет ли что он против поставления Петра Исида иереем? Если не имеют препятствий, пусть ответят телеграммой (так как я имею в виду немедленно вызвать их и в будущее воскресенье рукоположить)...

И для Японской Церкви как хорошо будет, когда военнопленные вернутся домой: священнослужителей разом так значительно прибудет! Содержать их Господь поможет. Не деньги главное, а дело Божие.

25 апреля (8 мая) 1905. Понедельник

С 7 часов Литургия, потом всеобщая панихида, на которую я и выходил. Чашек с кутьей было также много, как и в прежние годы, и молящихся много. Потом иереи и христиане отправились на кладбище.

Я писал письма военнопленным, предпроводительные к книгам и вопросительные, сколько где неграмотных, чтобы столько послать словарей. Букварь печатаем здесь, так как из России ждать было бы долго, да и пришлют недостаточно; а мы напечатаем 10 тысяч — всем хватит, а останутся — в Россию пошлем.

28 апреля (11 мая) 1905. Четверг

Rev. Bishop, седой американский миссионер, казначей и Такеси Укай, секретарь, принесли мне 2000 ен, пожертвование американцев на больных и раненых русских солдат в госпиталях. Десять тысяч собрано было в Америке: из них 8 тысяч определено на вдов и сирот японских воинов и на больных и раненых японцев, а две тысячи — на русских, для употребления по моему усмотрению, с замечанием, что часть суммы я могу, если сочту нужным, уделить в Общество духовного утешения военнопленных. Я принял, поблагодарил и обещал сообщить после, как эта сумма будет употреблена.

29 апреля (12 мая) 1905. Пятница

На мое сообщение вчера нашему Обществу духовного утешения военнопленных, что я получил 2 тысячи от американцев, из которых имею право несколько уделить им, — чтобы посоветовались, сколько им нужно, и заявили мне свои нужды; сегодня, после долгого совещания, члены Общества прислали ко мне двух депутатов с просьбой дать им ни более ни менее как 1850 ен.

30 апреля (13 мая) 1905. Суббота

800 ен из американского пожертвования послал в Мацуяма полковнику Кавано, начальнику депо военнопленных, для передачи капитану Ивану Михайловичу Шастину, живущему в госпитале; а ему вчера и сегодня писал, чтобы он употребил эти деньги на белье и платье нуждающимся больным, на улучшение пищи нуждающимся в подкреплении и на все другое, что найдет нужным для них. Написал также, чтобы требовал у меня еще для сего: русских пожертвований у меня много для военнопленных.
<...>

1 (14) мая 1905. Воскресенье Жен Мироносиц

Тоже целый день писал письма к военнопленным и к священникам у них. Предметы разные; один комичный: на днях получил от Вейсберга из Мацуяма пожертвование офицеров — 165 рублей 40 копеек; тотчас же ответил, что употреблю их на мраморную архиерейскую запрестольную кафедру, а сегодня пришло письмо Вейсберга, объясняющее, что офицеры просят меня только хранить эти деньги: назначение их — соорудить образ того святого, в день которого они получают свободу; или же, если пожертвований соберется достаточно, для того, чтобы построить в Петербурге часовню в память своего освобождения из плена. Я тотчас же отписал Вейсбергу, чтобы он похерил мою болтовню ему о кафедре и что деньги буду хранить.

Из Хаматера от отца Алексея Савабе получена фотография, снятая ночью, во время Пасхального Богослужения, очень интересная. Заказал я еще, для отсылки в Америку Преосвященному Тихону и в Петербург.

2 (15 мая) 1905. Понедельник

Посоветовался с иереями о Фоме Исида и Фоме Такеока; насчет последнего никто ничего не имеет; против Исида имеют только то, что он спорлив и заносчив, но это больше предубеждение, чем правда; много вредит ему то, что он не поладил с о. Савабе и они выжили его из Коодзимаци; фактически дурного никто о нем не знает и не говорит. И потому я поставлю его диаконом. Обоим послал вызов в Токио для рукоположения.

Писал в Америку Преосвященному Тихону, благодарил за пожертвования для военнопленных и проч.

5 (18) мая 1905. Четверг

Из Фукусима прибыл катехизатор Фома Исида, чтобы быть рукоположенным во диакона. При

первом свидании тотчас же я поставил ему в условие, чтобы совсем бросил спорливость и заносчивость, за которые его все не любят. Он отвечал, что от спорливости уже исправился, а заносчивость и не замечает у себя.

8 (21) мая 1905. Воскресенье

На Литургии, которую я совершал, катехизатор Фома Исида рукоположен во диакона. Имеет назначение в Сидзуока с отцом Матфеем Кагета служить у военнопленных.

Вечером была Всенощная с величанием пред завтрашним праздником.

9 (22) мая 1905. Понедельник. Праздник Святителя Николая Чудотворца

С 7 часов Литургия. Совершали иереи. Я выходил на молебен. Обычные поздравления и празднично проведенный день. Вечером писание писем.

13 (26) мая 1905. Пятница

Днем тоже корреспонденция. За Всенощной слушал произношение ектений и проч. по-русски новым диаконом Фомою Исида. После службы у себя дома целый вечер еще учил его сему.

14 (27) мая 1905. Суббота

Литургию в сослужении с отцом Петром Кано диакон Фома Исида всю свою диаконскую часть служил по-русски, чем и закончилось его обучение служению. В понедельник отправится на место своей службы в Сидзуока, в помощь отцу Матфею Кагета.

15 (28) мая 1905. Воскресенье

На Литургии катехизатор Фома Такеока рукоположен во диакона для служения вместе с отцом Фомою Маки, не знающим по-русски, у военнопленных в Маругаме и прочих [местах] на острове Сикоку.

17 (30) мая 1905. Вторник

Ужасное поражение русских! Флот адмирала Рождественского уничтожен: из 28 боевых судов, которые он вел, 15 пушено ко дну, 5 взято в плен; в числе последних такие первоклассные новые броненосцы, как «Орел» и «Император Николай». Адмирал Рождественский ранен и взят в плен, адмирал Небогатов тоже в плену; до 3000 пленных взято, а погибло с судами сколько! Боже, Боже, в отчаяние можно прийти от таких несчастий. непрерывною вереницею тянующихся, одно горше другого. Над воротами Миссии и, конечно, по всему городу и по всей Японии — красные флаги, и японский народ торжествует; теперь для него на море нет врага, он — господин всех окрестных морей. Ничто не идет в голову, одна печаль, молча в одиночестве переносимая... Тем не менее 8 пакетов отправлено на почту.

19 мая (1 июня) 1905. Четверг

Опять красные флаги кругом. Беспрерывное ликование у японцев. «Japan Daily Mail» захлебывается от лакейского восторга и упивается блаженством пересчитывать, сколько у России погибло, какие беспримерно великие трофеи у Японии, и долго-долго еще не отнимет уст от этой чаши наслаждения.

Иван Акимович Сенума пишет: «Завтра мы справим ликование, отслужим утром молебен и будем гулять; все школы будут гулять», — говорит. Что же я мог ответить, кроме «хорошо!». На «ликование» свое и позволения не спрашивает, а только докладывает о нем. И они правы со своим ликованием. Где же бы не ликовали при таких обстоятельствах?

В невыносимой душевной тяжести в эти дни я занялся переводом и приведением в порядок расписок к счетам — полумеханическое дело, не мешающее грустить, но и не оставляющее совсем в жертву грусти.

20 мая (2 июня) 1905. Пятница

Не морская держава Россия. Бог дал ей землю, составляющую 6-ю часть света и тянущуюся непрерывно по материке, без всяких островов. И владеть бы мирно ею, разрабатывать ее богатства, обращать их во благо своего народа; заботиться о материальном и духовном благе обитателей ее. А русскому правительству все кажется мало, и ширит оно свои владения все больше и больше; да еще какими способами! Маньчжурию завладеть, отнять ее у Китая, разве доброе дело? «Незамерзающий порт нужен».

На что? На похвальбу морякам? Ну вот и пусть теперь хвалятся своим неслыханным позором поражения. Очевидно, Бог не с нами был, потому что мы нарушили правду. «России нет выхода в океан». Для чего? Разве у нас здесь есть торговля? Никакой. Флот ладился защищать горсть немцев, ведущих здесь свою немецкую торговлю, да выводить мелких жидов в больших своими расходами, много противозаконными. Нам нужны были всего несколько судов, ловить воров нашей рыбы, да несколько береговых крепостей: в случае войны эти же крепости защитили бы имеющиеся суда и не дали бы неприятелю завладеть берегом.

«Зачем вам Корея?» — спросил я когда-то адмирала Дубасова. «По естественному праву она должна быть наша, — ответил он, — когда человек протягивает ноги, то сковывает то, что у ног; мы растем и протягиваем ноги, Корея у наших ног, мы не можем не протянуться до моря и не сделать Корею нашею». Ну вот и сделали! Ноги отрубают!

И Бог не защищает Свой народ, потому что он сотворил неправду. Богочеловек плакал об Иудее, однако же не защитил ее от римлян. Я, бывало, твердил японцам: «Мы с вами всегда будем в дружбе, потому что не можем столкнуться: мы — континентальная держава, вы — морская; мы можем помогать друг другу, дополнять друг друга, но для вражды никогда не будет причины». Так смело это я всегда говорил до занятия нами отбитого у японцев Порт-Артура после китайско-японской войны. «Боже, что это они наделали!» — со стоном вырвавшиеся у меня первые слова были, когда я услышал об этом нечистом акте русского правительства. Видно теперь, к какому бедствию это привело Россию.

Но поймет ли она хоть отныне этот грозный урок, даваемый ей Провидением? Поймет ли, что ей совсем не нужен большой флот, потому что не морская держава? Царские братья стояли во главе флота доселе, сначала Константин Николаевич, потом — доселе Алексей Александрович, требовали на флот, сколько хотели, и брали, сколько забирала рука; беднили Россию, истощали ее средства, — на что? Чтобы купить позор! Вот теперь владеют японцы миллионными русскими броненосцами. Не нужда во флоте создавала русский флот, а тщеславие; бездарность же не умела порядочно и вооружить его, оттого и пошло все прахом. Откажется ли ныне Россия от не принадлежащей ей роли большой морской державы? Или все будет в ослеплении — потянется опять творить флот, истощать свои средства, весьма нужные на более существенное, на истинно существенное, как образование народа, разработки своих внутренних богатств и подобное? Она будет беспримерно могущественною, если твердо и ясно сознает себя континентальною державою, и хрупкою и слабою, как слаб гермафродит, если опять станет воображать о себе, что она великая и морская держава и потому должна иметь большой флот, который и будет в таком случае всегда добычею врагов ее и источником позора для нее. Помогите ей,

Господи, сделаться и умнее и честнее!.. Истрадалась душа из-за дорогого Отечества, которое правящий им класс делает глупым и бесчестным.

21 мая (3 июня) 1905. Суббота

Вчера и сегодня утром прослушал Богослужение диакона Фомы Такеока по-русски; оказывается, голос лучше, чем у всех других диаконов, легкий бас; и произношение хорошо; служить научился, так что может уже отправиться на место своей службы, на Сикоку.

70 пакетов и свертков чтения для наших военнопленных пришло из Бостона; Rev. Loomis, мой знакомый, выписал. 28 из них послал в Мацуяма, но едва ли понравится нашим — все из религиозной американской прессы.

22 мая (4 июня) 1905. Воскресенье

Иереи после Обедни служили благодарственный молебен о своей блестящей морской победе над русским флотом. Я стоял в алтаре, молясь за бедное мое униженное Отечество. Хорошо, что с самого начала войны звон и трезвон в Соборе прекращен, еще горчее было бы слушать, как русские колокола торжествуют японские победы.

25 мая (7 июня) 1905. Среда

За праздничной Всенощной сегодня иереи выходили на Литию.

Тоска гложет душу. Копаешься все время с распределением и рассылкою книг по местам военнопленным и хоть этим отвлекаешься от горьких мыслей и чувств.

27 мая (9 июня) 1905. Пятница

Опять телеграмма — о судьбе моряков с броненосца «Бородино». Но и «Бородино» потоплено в битве, и все на нем погибли; таков и ответ.

28 мая (10 июня) 1905. Суббота

Какую прекрасную телеграмму прислал Государь адмиралу Рождественскому! Вчера приносили ее ко мне поправить русскую транскрипцию, сегодня Mr. Andre принес перевести на французский. Вот она:

«Адмирал Рождественский! Благодарю Вас и всех чинов, честно исполнявших свой долг в бою, за самоотвержение, с которым послужили России и Мне. Волею Всевышнего не суждено было увенчать успехом ваш подвиг, но вашим беззаветным мужеством Отечество всегда будет гордиться. Желаю вам скорее выздороветь, и да утешит Господь всех вас! Николай».

Поговорили мы с Mr. Andre о том, что до мира еще, вероятно, далеко и проч., и только что он вышел в одни двери, как в другие вошел о. Феодор Мидзуно с улыбкой на лице и «гогваем» в руке: «мир заключается», — говорит.

— А я думал, что вы с распиской за деньгами на дорогу в Си-мооса (о чем он недавно говорил), — молвил я и пошел набирать книги для отсылки пленным в Фукуока.

Желать мира я должен, несомненно, и я его желаю и молюсь за него. Но мир, такой постыдный для России, — иным он не может быть, — мир, при котором Россию обдерут как липку контрибуцией, тогда как она уже и без того крайне истощена войной (одна только нынешняя потеря флота в Цусимской битве, по собственному признанию русского Адмиралтейства, как значится в сегодняшней

телеграмме в «Japan Mail», обошлась ей в 185 миллионов рублей). — такого мира как же пожелаешь для своего Отечества!..

29 мая (11 июня) 1905. Воскресенье

Не переставая приходится распивать горькую чашу. И как глотнешь, так невыносимо горько всегда, как вот теперь, воспринимать мысль о позорнейшем для Отечества мире. Мало-помалу, обыкновенно, вкус горечи смягчается. Но затем новый глоток. И так полтора года. Неудивительно, что чувствуешь себя иногда крайне усталым и изможденным.

31 мая (13 июня) 1905. Вторник

Нет нужды записывать каждый день. Все одна и та же канитель. Каждый день приходят письма то от пленных, то из России к пленным или о пленных. И вертишься как белка в колесе: то туда пишешь, то сюда пишешь. А тут священники, служащие у пленных, с непереставшими запросами и требованиями: масла, вина, свечей, икон, книг, иконописных материалов, крестиков и разного другого. Всех надо удовлетворить. И это — ежедневная суতোлка. Миссийское дело совсем заброшено: перевод Богослужения остановлен, письма из Церквей не читаю; секретарь их прочитывает, и что нужно к исполнению, о том говорит мне, чтобы немедленно исполнить. <...>

9 (22) июня 1905. Четверг

Умер секретарь Миссии Сергей Нумабе, в прошлом году заболевший до невозможности служить и бывший на положении заштатного, на половинном жалованье — 18 ен 75 сен в месяц. Служил секретарем больше 20 лет, а прежде того несколько лет катехизатором. Родом из Сендая, дворянин, вполне честный — деньги Миссии могли быть поручаемы ему без опасения. Кроме того, мысленно я звал его моим громоотводом. Через его кисть проходили все мои письма к служащим Церкви и к христианам. Иной раз письмо от кого-нибудь рассердит ужасно, и продиктуешь ему ответ в самых жестких и сердитых выражениях; поклонится и уйдет, а чрез два-три часа приносит ответ в самых мягких и деликатных выражениях, но с соблюдением моих мыслей; между тем и у меня за это время уляжется гнев; и идет письмо, как подобает в японском духе, вежливое и приличное, хотя и строгое по содержанию. Редко-редко когда я заставлял его переписать письмо и сгустить краски. Зато уже иной раз если и сгустит по-своему, то приходится делать отбой: пожалуйста, перепиши и смягчи! Отличался также аккуратностью и точностью; всякое письмо непременно принесет прочитать, и если нужен ответ, попросит его и не забудет послать. Словом, хорошо послужил Церкви. Царство ему Небесное!

Воспитал себе и доброго преемника в нынешнем секретаре Давиде Фудзисава, отличающегося теми же японскими качествами — мягкость, вежливость, аккуратность, то есть строгой исполнительностью.

11 (24) июня 1905. Суббота

Между военнопленными много просящихся писать иконы, и по присылаемым опытам их рисования видно, что они могут писать. Потому разосланы иконописный материал и инструменты: в Мацуяма офицеру Инглизу, в Сидзуока офицеру Рейнгардту, в Хаматера, Нарасино, Тоёхаси нижним чинам. Пусть себе с Богом занимаются! Один рисует, несколько десятков около него смотрят и развлекаются этим. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. А может, и порядочные иконы напишут, — будут полезны японским церквам. В Нарасино иконописный материал на свой счет купили, в прочие места я покупал в счет пожертвований из России на нужды военнопленных. Это тоже нужда.

13 (26) июня 1905. Понедельник

В Тоёхаси военнопленные предприняли построить в японской церкви там иконостас, что, вероятно, и успеют сделать. А в Сидзуока еще больше — хотят храм построить и оставить японским христианам в память по себе, но это едва ли выполнимо. <...>

14 (27) июня 1905. Вторник

Наши добрые христиане-военнопленные истинно оставят по себе незабвенный пример для японцев, как нужно, не жалея, жертвовать для Бога: постоянно приходят их пожертвования на Миссию и Церковь; и небольшие, никогда, однако, меньше ена, и довольно значительные, ен до 60 и больше. Даже жаль их; думается, на свои нужды тратили бы, ведь так бедны теперь сами, но нельзя сказать им этого, нельзя обидеть и стеснить свободное религиозное чувство.

Вот особенно замечательные коллективные пожертвования последнего времени: 1. Нижние чины, живущие в Тоофукудзи, в Фусими пожертвовали 100 ен на сооружение иконы Святителя Николая Чудотворца в серебряной ризе для того, чтобы поставить ее в храме в Кёото в память их. 2. Военнопленные порт-ар-турцы, живущие в 1-м дворе в Хаматера, собрали между собою и прислали мне 104 ен 40 сен на сооружение иконы Воскресения Христова для поставления в здешнем Соборе. 3. Военнопленные в Нарасино собрали и прислали 135 ен на сооружение иконы Спасителя для поставления тоже в здешнем Соборе, в память их пребывания в Нарасино, с подписью о сем на металлической дощечке на обороте иконы.

Сегодня в «Japan Daily Mail», в «Monthly Summary of Japanese Current Literature» есть следующее: «Оокаи Масами в журнале "Тайёо", в статье "Взятие Санкт-Петербурга", настаивает, чтобы японская армия шла и взяла Петербург для того, чтобы прямо с царем трактовать о мире. Поход этот дороговато обойдется, но можно экономить, можно заложить железные дороги» и под. Начинает и Англия вкушать плоды дружбы с Японией. Там же в «Тайёо» Кояма трактует, что «во всей Азии prestige Англии возрос от союза с Японией», и перечисляет разные другие благодеяния для Англии от этого союза.

15 (28) июня 1905. Среда

Краткий Молитвослов для рассылки всем военнопленным напечатан Миссией и с сегодняшнего дня начинает рассылаться при следующем письме, тоже напечатанном и в нескольких экземплярах препровождаемом в места военнопленных:

«Почтенные и дорогие соотечественники!

В письмах, получаемых мною от многих из вас, чаще всего встречаются просьбы прислать Молитвенник и Евангелие. Меня всегда радуют такие просьбы, как показывающие благочестивое настроение просящих. Но, к сожалению, я далеко не всех мог удовлетворить: в миссийской библиотеке просимые книги истощились, из России их получается недостаточно. Чтобы не оставить благочестивых желаний и просьб без исполнения, я решился здесь напечатать Краткий Молитвослов и Евангелие. Молитвослов готов и ныне рассылается. Прошу всех господ офицеров и нижних чинов, между последними грамотных и еще не успевших сделаться таковыми, принять по экземпляру на благочестивое употребление и душевную пользу.

Токио. 15 (28) июня 1905.

Епископ Николай».

Напечатано 65000 экземпляров, что стоит 884 ен, то есть экземпляр Молитвослова стоит 1 сен 3 рин 6 му, тогда как русский стоит 3 копейки, больше чем вдвое дороже нашего. Этого количества, однако, неостанет. Мы начали печатать прежде, чем стало известно точное число военнопленных ныне в Японии. Моряков после Цусимского сражения взято в плен 7281, в том числе 415 офицеров. Всех же наших пленных ныне 67 700 человек.

16 (29) июня 1905. Четверг

Отец Симеон Мии преусердно служит военнопленным, и его служение весьма полезно им. Постоянно в движении: поспекает отслужить и в Нагоя, у генералов, и в Тоёхаси захватить и совершить Богослужение, и Каназава, Сабае, Цуруга посетить и везде утешить Богослужением.

Для его здоровья это движение тоже весьма полезно: нервные припадки с ним не повторяются с тех пор, как он так деятельно стал служить у военнопленных.

Однако же его надо беречь и с ним осторожно обращаться — нервы его все еще не в порядке. В последние дни я ему на несколько его писем не ответил потому, что дела особенного не было, по которым бы они требовали ответа без промедления. И что же? Он до того расстроился этим, что стал близок к помешательству. «Простите меня, недостойного, по великой милости Вашей. Я день и ночь душевно мучусь. Мое сердце беспрестанно терзает сознание, что я за свое недостойство лишился Вашей отеческой милости», и так далее, пишет он уже во второй раз, не дождавшись ответа на первое такого рода письмо, а ответ я ему послал почти мгновенно по прочтении его письма, испугавшись за него. Да мало того: вслед за этим вторым письмом послал сюда о. Акилу Хирота исключительно только затем, чтобы узнать, за что я сержусь, и умолить не сердиться. Я, конечно, и письмами, и ответами о. Акиле постарался всячески успокоить о. Симеона и в то же время зарубил себе на носу: отвечать о. Симеону на все его письма и беречь его благодушное настроение.

18 июня (1 июля) 1905. Суббота

Редко бывает такой тягостный день, как сегодня. Тоска и апатия неодолимые. Вечный гнет печальных известий давит душу до того, что она кричит и плачет неутешно. На войне мы всегда разбиты, а внутри-то России! Лучше бы не знать и не ведать того! Даже наше духовное ведомство, и то замутилось страшно. Нет просвета от бури и ненастья! А тут еще и нефигуральная непогодь и непрерывающийся дождь расстраивают нервы.

19 июня (2 июля) 1905. Воскресенье

<...> От военнопленных порт-артурцев 4-го двора в Хаматера получил 150 рублей с просьбою «на эти деньги соорудить икону св. Алексея для подарка от них о. Алексею Савабе, в благодарность за его ревностное служение у них». Тотчас же ответил им, что закажу икону в России и, когда будет доставлена сюда, передам ее о. Алексею. Истинно приятно, что о. Алексей стяжал такую любовь своею службою. Это уже не в первый раз свидетельствуют ему пленные свою любовь. Недавно порт-артурцы 2-го двора прислали мне прошение доставить им крест для поднесения о. Алексею и разрешить ему носить его на груди. Этим я ответил, что не имею права и власти сделать это, а пусть они, вернувшись в Россию, приобретут там крест и попросят Св. Синод разрешить им послать о. Алексею и разрешить также о. Алексею носить его. Св. Синод, конечно, разрешит.

От о. Алексея Савабе сегодня печальное известие, что там, в Хаматера, во 2-м дворе, случилось какое-то возмущение военнопленных, вследствие которого один из них застрелен, другой подстрелен. Бедные порт-артурские герои! И, вероятно, какое-нибудь недоразумение из-за плохого переводчика, не больше.

23 июня (6 июля) 1905. Четверг

С 2-х часов производился выпускной акт в Женской школе. Все было благоприлично и согласно с установленным порядком: чтение списков, раздача аттестатов кончившим курс, которых ныне 12. моя краткая речь им, чтение их речей, пение, слезы. Я в речи уподобил их «разумным девам, зажегшим светильники здесь, и внушал беречь их горящими, снабжать елеем, который есть добрые дела; если

будет сие, то они будут счастливы в жизни, ибо всегда будут со светлой душой, а это и есть счастье: Царствие Божие внутри вас есть, и другим они будут доставлять счастье — всем будет тепло и светло вокруг их...». По окончании всего дал б ен на «симбокквей» всем и, отказавшись от угощения, вернулся домой писать письма и делать рассылки разного к военнопленным.

24 июня (7 июля) 1905. Пятница

С 9 часов выпускной акт в Семинарии и Катехизаторской школе. В Семинарии 5 кончили курс и выходят в катехизаторы, если только лучшие из них не будут взяты в военную службу; из Катехизаторской школы двое кончили, и не жаль будет, если одного возьмут в солдаты. Тоже все было согласно с этикетом, начиная с вазы цветов на столе. В краткой речи выпускным, по поводу малого числа их, я им напомнил еврейскую пословицу «Если мало людей, будь сам за двоих», пусть трудятся, заменяя многих. Пусть смело выходят на поле своего делания: Бог видимо ободряет нас, храня Свою Церковь здесь целою и невредимою, несмотря на теперешние неблагоприятные обстоятельства; служащие Церкви у нас нисколько не уменьшаются, напротив, в нынешнем году их несколько более, чем было в это время в прошлом; христиане все твердо блюдут свою веру. Вы можете встретить на своем пути неразумных людей, которые вам скажут, что вы проповедуете веру, приходящую из неприятельской страны. Но вы твердо и ясно знаете, что вы идете проповедовать веру, пришедшую не из какого-либо земного царства, а с неба; вашему духовному слуху звучат слова: «Шедше в мир весь...» Сему велению повинуюсь, вы идете на проповедь, и так далее. К концу акта прибыл о. Павел Савабе, в нынешнем году более бодрый, чем как был в это время в прошлом. По окончании все угощены были чаем и печеньем, и я в том числе. На «сообецуквай» дал всем ученикам б ен.

На акте был и о. Борис Ямамура, утром прибывший в Токио; он первым из иереев прибыл. Ждал я в этом году на Соборе о. Якова Такая из Кагосима, много лет не бывшего в Токио; и он сам известил, что будет. Но письмо получилось от катехизатора Николая Иосида, что с о. Яковом приключился паралич — половина тела поражена. Весьма жаль! Дай Бог поправиться! Не очень он стар; а какая добрая, кроткая душа у него! <...>

25 июня (8 июля) 1905. Суббота

Целый день писал письма к военнопленным и священникам у них и рассылал разное по их требованиям.

В 3 часа пришли 12 выпускных воспитанниц, снабдил их иконами, видами Собора, наставлениями и угостил чаем.

29 июня (12 июля) 1905. Среда. Праздник Святых Апостолов Петра и Павла

Литургию и после нее молебен я совершал соборно с 6 иереями.

Между тенорами в правом хоре был и Rev. Jefferys, американский епископальный миссионер, всегда аккуратно приходящий петь Всенощную, а сегодня певший и Обедню. После службы он зашел ко мне, чтобы презентовать картину нашего Собора, обделанную, как японское «какемоно», и несколько номеров «Living Church» с интересными статьями. Тут же заговорил о том, что недавно писал в письме ко мне:

— Не позабочусь ли я о просвещении христианством китайских студентов, которых теперь множество в Токио и о религиозном образовании которых никто не заботится?

— Но у нас для этого людей нет, нам и для теперешних наших потребностей катехизаторов и священников мало, где же еще брать на себя новые обязанности?

— Я хотел бы заняться этим делом под вашим руководством.

— Пожалуйста, займитесь. Разве вы находите у китайских студентов благоприятную почву для сеяния Слова Божия?

— Нет. Сколько я знаю, они совсем не думают и не склонны думать о религиозных предметах.

— Так что же вам так хочется заняться ими?

— Никто не занимается ими, а мне хотелось бы под вашим руководством (опять повторяет!). Не найдется ли у вас места для этого?

— То есть комнаты в доме для катехизации китайцам? Конечно, найдется, даже и людей можно найти для катехизации им, если они будут приходить сюда: П. Исикава, А. Кадзима, о. Роман Циба...

— Вот и отлично. Я попытаюсь.

Но, разумеется, ничего не выйдет. «Под вашим руководством». Кто-нибудь молодой на моем месте уши бы развесил. Чуть не в Православие просится. Но тщетны надежды на принятие истины всеми такими. На дешевое сочувствие у них душевных сил хватает, а смело и решительно переступить порог, отделяющий их от сознаваемой ими истины, нога не поднимается, гордости еще много у них, епископалов, мешающей им стряхнуть неправду и покориться истине.

Часа в три пришел Mr. Andre сдать три ящика с пожертвованиями Александро-Невской Лавры для военнопленных: книги и священные предметы. <...>

30 июня (13 июля) 1905. Четверг

Приведение в порядок статистических листов (кейкёохёо) и выписка из них для Собора; чтение писем и прошений к Собору, которых ныне больше, чем было в прошлом году.

Между сим делом осмотр покрыва и ящика, посылаемых купцом Минамидани Сеибей губернатору Санкт-Петербурга господину Зиновьеву в память сына его Александра, убитого сыном Сеибей'я в мае прошедшего года. Покров превосходно вышитый золотом: на белом поле два свирепых льва, кругом цветы. Ящик, в котором помещается покров, и во всю величину его, превосходно лакированный. На покрове надпись, шитая золотом, что он «в память Александра Зиновьева». При этом ящике с покровом — небольшой ящик с «макимоно», в котором должно быть описание обстоятельств. Приносил показать Минамидани-сын, убивший, но и сам имеющий рану от Зиновьева; пуля от его револьвера до сих пор в теле Минамидани и мешает ему ходить и двигаться скоро, больно тогда; она где-то в груди. Я советовал попросить кого-нибудь из наших перевести «макимоно», а я поправлю; все же послать к Зиновьеву-отцу чрез Французского Посланника. <...>

1 (14) июля 1905. Пятница

Утром в 7 часу Женская школа приходила прощаться: отправляются в Тonosава на каникулы, человек 25 учениц и учительниц.

Целый день выслушивание отчетов священников, пришедших на Собор. Выслушал только 6 человек. Батюшки с развитым красноречием плодят речи до пресыщения. Нового, однако, почти ничего не узнал <...>

2 (15) июля 1905. Суббота

Выслушивание остальных священников. Всех из провинции собралось ныне только 9 доселе, почти все — старики.

Военнопленные 5-го двора в Хаматера, порт-артурцы, прислали 110 ен пожертвования на

Церковь. Бедные! Столько жертвуют для Бога, забывая свои нужды! Даже стеснительно принимать, жаль их, но как же и отказать? Вознагради их, Господи, душевным утешением!

После Всенощной была исповедь священников.

3 (16) июля 1905. Воскресенье

<...> Наказывает Бог Россию, то есть отступил от нее, потому что она отступила от Него. Что за дикое неистовство атеизма, злейшей вражды на Православие и всякой умственной и нравственной мерзости теперь в русской литературе и в русской жизни! Адский мрак окутал Россию, и отчаяние берет, настанет ли когда просвет? Способны ли мы к исторической жизни? Без Бога, без нравственности, без патриотизма народ не может самостоятельно существовать. А в России, судя по ее мерзкой не только светской, но и духовной литературе, совсем гаснет вера в личного Бога, в бессмертие души; гнилой труп она по нравственности, в грязного скота почти вся превратилась, не только над патриотизмом, но над всяким напоминанием о нем издевается.

Мерзкая, проклятая, оскотинившаяся, озверевшая интеллигенция в ад тянет и простой, грубый и невежественный народ. Бичуется ныне Россия. Опозорена, обесславлена, ограблена; но разве же это отрезвляет ее? Сатанический хохот радости этому из конца в конец раздается по ней. Коли собственному позору и гибели смеется, то уже не в когтях ли злого демона она вся? Неистовое безумие обуяло ее, и нет помогающего ей, потому что самое злое неистовство ее — против Бога, самое имя которого она топчет в грязь, богохульством дышат уста ее. Конечно, есть малый остаток добра, но он, видно, до того мал, что не о нем сказано: «Семя свято стояние ее...» [Ис. 6:13. Так святое семя будет корнем ее (Земли)...] Душа стонет, сердце разорваться готово. Единственное утешение, что смерть не за горами, не долго еще мытариться видом всех мерзостей, неистового безбожия и падения в пропасть проклятия Божия навлекаемого на себя моего Отечества.

4 (17) июля 1905. Понедельник

Ночью помер в университетском госпитале катехизатор Николай Явата, давно уже заболевший ужасною болезнью — суживанием глотки, почти совсем лишившей его возможности питаться.

Священники сегодня держат свой «найквай», предварительное пред Собором частное совещание.

Послал в Мацуяма одну тысячу ен из двух, пожертвованных американским благотворительным обществом; на белье, платье и прочие нужды наших больных в госпитале будет употреблена.

5 (18 июля) 1905. Вторник

С 8 часов было в Соборе отпевание катехизатора Николая Явата; четыре иерея со мной отпели его.

С 10 часов начался Собор наш. Всего 15 человек на нем заседало: 9 священников, собравшихся из провинции, 5 здешних и я. До 12 часов в Крестовой церкви ценили состояние Церкви, число служащих, решили кое-что о священниках. С 2 часов делали распределение катехизаторов, заседаая в большой красной комнате наверху.

6 (19) июля 1905. Среда

Распределение катехизаторов прочитано, кое-что переменено. С 10 часов вошли в церковь, где распределение опять было прочитано и утверждено. Затем о. Иоанн Оно сказал поочередно сущность всех «икен» — предложений, присланных Собору; ничто из них не было принято. К 12 часам соборные дела все кончились. Пропето было «Достойно», и я сделал отпуст. Речи никакой не говорил, только

при открытии Собора сказал краткую речь. В рутину обратилось это дело, вдохновения не чувствуется, особенно при таком маленьком Соборе и при таких грустных обстоятельствах.

7 (20) июля 1905. Четверг

Послесоборные дела. Чтение корректуры Евангелия, печатаемого для военнопленных. Отпуск учеников Семинарии в Босиу на каникулы; 15 человек осталось и отправлены туда; при них повар и слуга; за их помещение там 10 ен в месяц.

9 (22) июля 1905. Суббота

Утром является о. Борис Ямамура и говорит:

— Ошиблись в распределении. И. Синовара и не думал проситься о переводе его из Мидзусава, а мы на частном собрании приняли, что он просился. Он обиделся, когда я уведомил его, что он переведен. Нельзя ли его оставить в Мидзусава?

— Посоветуйтесь со священниками, как это сделать.

Через час приходит он вместе с о. И. Оно, и приносят они целый лист надуманных перемен, уже не одного Синовара касающихся, а многих. Я рассердился и не мог удержаться от горячего выговора им. Так-то они уважают Собор! Сами подрывают его силу и значение. Кто же после этого станет дорожить соборным определением и подчиняться ему, если священники так легкомысленно нарушают его? Только что утверждено в церкви, пред лицом Божиим, и когда часть заседавших уже разошлась, остальные переделывают утвержденное по-своему! И прочее. Синовара оставить на прежнем месте я позволил и еще одну перемену — тоже, все прочее не допустил.

И еще одно легкомыслие — в другом роде. Отец Иоанн Оно младший, служащий у военнопленных в Хаматера, на днях написал мне, что у него недостает 1300 Азбук неграмотным. Я удивился, однако же послал это количество из вновь напечатанных экземпляров. Сегодня отправлен ящик, и сегодня же получено потом письмо от него, что «Азбуки всем есть из прежде посланных, что он прежде написал по ошибке, а если кто еще будет нуждаться, то он известит». Возись с этим народом!

10 (23) июля 1905. Воскресенье

Было бы хорошее воскресенье: и погода радостная, и в церкви христиан много; но свинцом лежит на душе опозорение России, и от этого все в свинцовом, тусклом и мутном виде.

До следующего воскресенья, 17 (30) июля 1905 г., вся неделя прошла в разборке книг, пришедших из России для военнопленных. Особенно много пришло творений св. Иоанна Златоустого, нового перевода Санкт-Петербургской Духовной Академии, все доселе вышедшие 10 томов, каждый в 15 экземплярах. Кроме сего дела, — ответы на кипы писем от военнопленных и из России о них же. Но сегодня, сверх всего этого, я болен. И к Обедне не ходил. Ночью простудил желудок, и ныне почти непрерывная резь, невозможность заснуть, отсюда ослабелость и необходимость лежать и ныть. Несносно!

18 (31) июля 1905. Понедельник

Необходимость раздавать жалованье заставила не лежать, хоть и охать. А к позору присоединилась новая клякса на лицо России: Сахалин забирают японцы по частям; нигде, конечно, нет им сопротивления, по малочисленности нашей. Кладут японцы наше сокровище себе в карман; уже рассчитали, что одного каменного угля у них на Сахалине теперь на 500 миллионов; а пленных

русских — чиновников с женами и детьми привозят сюда и сдают французским консулам, военных забирают в плен и расселяют по колониям русских военнопленных здесь. Впрочем, в Хироаки открыли для сахалинцев новую колонию, поселили там офицеров; нижних же чинов, около 500 человек, прислали в Нарасино, поблизости от Токио.

Сейчас только что ушел от меня Петр Уцияма, наш учитель Семинарии, взятый в военную службу и ныне в качестве переводчика сопровождавший пленных сахалинцев в Нарасино.

Встреча лично для нас с ним приятная, так как я люблю его, как своего хорошего воспитанника; и я его напоил чаем и обласкал, но он не знает, какую боль причинил мне своими добродушными рассказами.

19 июля (1 августа) 1905. Вторник

Еще беда. Отца Алексея Савабе очень полюбили его нынешние прихожане — военнопленные порт-артурцы в Хаматера. И вдруг ныне ему — запрещение ходить к ним и служить у них! И решено это Военным министром, так что уже и поправить нельзя. Отчего? Нарушил какое-нибудь маленькое правило; кажется, хотел отослать ко мне прямо, не чрез контору, какое-то письмо военнопленных, так, по крайней мере, по его известию мне. Письмо, конечно, должно быть, самое невинное — о книгах или о пожертвованиях и под.

Но такова японская система. Здесь закон и правило царят, и этим сильна Япония; этим, между прочим, она ныне и Россию бьет. В России не закон, а «усмотрение», и оттого разброд и беспорядок. Всякий знает, что закон во всякое время может быть нарушен имеющим право «усмотрения», отчего и не имеющие сего права не хотят знать закона. В Японии не так. Исполняешь закон и правило, — будь покоен, никто тебе не помешает жить и делать свое дело; нарушил хоть бы маленький параграф установленного порядка, — долой с твоего места, вот как теперь и о. Алексей. Японию, несомненно, в этом отношении нужно поставить в образец России, хотя нельзя не заметить, что мертвая японская система значительно выиграла бы, если оживить ее несколько русским «усмотрением», не тем беспорядочным и самовольным усмотрением, границ не знающим, которое ныне царит в России, а разумным и вникающим. Например, следовало бы усмотреть, что отставление о. Алексея от служения у военнопленных большое огорчение и неудобство им, а отставляется он из-за проступка самого микроскопического и не имеющего никакого значения.

22 июля (4 августа) 1905. Пятница

Запрещение от Военного министерства о. Алексею Савабе служить у военнопленных за нарушение одного из правил опубликовано по всем местам военнопленных, так что нельзя и надеяться, чтобы это запрещение было когда-нибудь снято. Жаль, военнопленные лишились одного из наиболее усердных иереев. Придется, вероятно, о. Романа Циба послать вместо него, хотя он может только читать ектений, не понимая смысла их, так как образования в Семинарии не получил, а вышел из причетников.

1 (14) августа 1905. Понедельник

Разслано по всем местам военнопленных мое печатное письмо к ним, уведомляющее, что всем им послано будет по крестик, нижним чинам — серебряные, господам офицерам — вызолоченные; прошу я, чтобы отовсюду известили меня о числе православных, имеющих получить крестики. Католики и протестанты, кто желает, тоже может получить крестик. А не желающие, равно евреи и магометане, получают деньгами стоимость крестика — 10 сен и шнурка к нему — 5 сен, чтобы выставили и число сих в приложенном листе.

Японцы уже забрали Сахалин. Военный губернатор Сахалина генерал-лейтенант Ляпунов взят в плен и с ним больше тысячи нашего войска. Поселяют воинов наших, перевезя в Японию, в Хиросаки и Нарасино, как выше сказано; гражданских чинов с женами и детьми сдают французским властям здесь для отправки в Россию. Дальше японцы принимаются за Камчатку, кажется.

2 (15) августа 1905. Вторник

Подобно как о. Алексею Савабе, и о. Петру Ямагаке японское начальство запретило вход к военнопленным и, значит, служение у них. Из Военного министерства дано нам уведомление о сем. Какая причина, не известно; тоже, конечно, за нарушение какого-нибудь мизерного правила. Нечего делать! Послал о. Петру дорожные, чтобы он возвращался в Токио и отсюда домой, в Мориока, для служения своей Японской Церкви.

4 (17) августа 1905. Четверг

Рано утром из Кагосима катехизатор Николай Иосида уведомил телеграммой, что о. Яков Такая помер. Царство ему Небесное! Добрый был иерей. Тотчас же послана телеграмма о. Петру

Ямагаке в Кокура, чтобы он немедленно отправился погребсти о. Якова, а в Кагосима, что о. Петр прибудет для погребения. <...> В Кагосима еще телеграммой переведено 40 ен на расходы по погребению о. Якова.

Занятия все эти дни одни и те же — рассылка книг военнопленным и переписка с ними. Еще рассылка содержания служащим Церкви на 9 и 10 месяцы.

8 (21) августа 1905. Понедельник

Отец Петр Сибаяма из Нагоя прибыл, привез дочку в школу; долго рассказывал про военнопленных в Нагоя; между прочим рассказал, что генералы, живущие в Ниси Хонгвандзи, никогда не видятся с генералами, помещенными в Хигаси Хонгвандзи; видно, что Смирнов и Фок не согласны были в деле сдачи Порт- Артура японцам: Смирнов был против Стесселя и сдачи, а Фок за Стесселя.

17 (30) августа 1905. Среда

<...> По газетам — толки о мире. Но в душе было еще упование, что мир не будет бесславленным для России. Линевич стоит еще со своим войском против японской армии, и знать же силен он, что вот уже сколько месяцев японцы не осмеливаются напасть на него. Должно быть, скоро будет большое сражение, и в нем, наверное, мы победим, а тогда положение дел совсем изменится; мы еще можем со славою для себя кончить эту войну.

Так мечтая, я в самом хорошем расположении духа делал обычный получасовой моцион от библиотеки к дому и обратно перед вечерней работой; надеялся много писем написать сегодня вечером. Увидев Акилу Калзима, остановившегося на крыльце, я подозвал его, чтобы спросить что-то. Он ответил и говорит: «Мир заключен, получена телеграмма из Америки». Меня точно холодной водой обдало. Мгновенно отлетела веселость и охватила тоска. Совершенно так, как было при разбитии нашего флота, когда я, не зная о том, весело шагал между домом и библиотекой, мечтая о возможной победе Рождественского, и неожиданно увидел у соседа красный флаг, возвещающий, что он уже разбит.

Мир! Но, значит, это не смываемый веками позор России! Кто же из настоящих русских пожелает теперь мира, не смыв хоть бы одной победой стыда непрерывных доселе поражений? Мир — это новое великое бедствие России... Я проворчал что-то Акиле, ушел к себе и целый вечер не мог заняться

делом, а перелистывал и читал накопившиеся «Московские Ведомости».

19 августа (1 сентября) 1905. Пятница

От переплетчика Хрисанфа привезли 14000 Евангелий. Всего будет 68000 — всем военнопленным по Евангелию. Покончивши с рассылкою крестиков, станем рассылать и Евангелия.

Семинаристы прибыли из Босиу — те, которые проводили там каникулы, другие явились из своих домов, ученицы прибыли из Тоносава. Вновь поступающие в Семинарию и Женское училище тоже почти все собрались.

24 августа (6 сентября) 1905. Среда

Ночью, прежде чем успел заснуть, часов в 11, обратил внимание на почти без перерыва звеневший телефонный колокольчик. Вышел узнать, почему это, и застал в коридоре Никифора, сторожащего ночью мою комнату, и жандарма. Никифор говорит:

— Сорок человек гвардейцев идут охранять Миссию.

— Что за причина?

— В городе бунт, народ волнуется по городу и жжет полицейские дома.

— Из-за чего?

— В парке Хибия было народное собрание с противоправительственными речами. Полиция стала запрещать это и разгонять народ, произошла свалка, в которой полиция пустила в ход сабли. Все это крайне раздражило народ против полиции, и теперь толпы ходят по городу и разбивают и жгут полицейские дома и будки.

Действительно, в городе в разных местах виднелось зарево. Между тем встали и наполнили коридоры ученики и все живущие в доме. Я пошел было обойти вокруг дома. Полицейские догнали меня и с тревогою попросили скрыться в доме. Шум и беготня полицейских наполняли двор. Гвардейцы с ружьями взяли в охрану все трое ворот, так как полицейских мало было для крепкой охраны; притом же народ именно против полиции бунтует. Меня наши уговаривают спрятаться, внезапно явившийся среди них полисмен тоже. Я рассмеялся на это, так как не ощущал ни малейшего страха или тревоги. Наконец я отправился на третий этаж, чтобы оттуда с полукруглой веранды посмотреть на многие зарева в городе и послушать рев разъяренной черни. Со мною увязались Никанор, слуга мой, и Марк, сторож мой ныне. Никанор все уговаривал меня не стоять, — видно-де, и сажал на стул. Рев народа делался все ближе и ближе. Множество солдат пробежало к нижним воротам. Наконец толпа с ревом и визгом остановилась у ворот и стала ломиться в них; гвардейцы, снаружи и внутри охранявшие ворота, защищали их и уговаривали толпу. Чугунные ворота не уступили напору, только замок сломался, но железное кольцо удержалось. После долгого крика и визга, похожего на кошачий — тысячи котов вместе, толпа, не переставая визжать, повалила мимо. Был еще напор на малые ворота вверху, тоже охраненные гвардейцами, потом стук и треск в ворота Женской школы и Семинарии, также защищенные солдатами; и толпа повалила жечь ближайший к Миссии полицейский дом, в чем и успела. Всю ночь продолжались крики волнующейся черни и виднелось в разных местах зарево, на дворе же Миссии не прекращался шум и говор солдат, которых вслед за первым взводом в 40 человек прибыл поспешно второй, всех же было больше сотни.

Утром в 6 часов я отправился поблагодарить капитана гвардейцев, который ночью прислал мне свою карточку с уведомлением, что охранит Миссию. Гвардейцы наполовину бодрствовали, наполовину спали на полу в ученической столовой, на соборном крыльце и везде, где можно.

Первоначальною причиною волнения служит недовольство заключенным миром. Почему с

России не взята контрибуция? Зачем ей отдана половина Сахалина? Коно Хиронака, известный своим беспокойным характером политический деятель, подал петицию Императору, чтобы делегаты были наказаны и мир не ратифицирован. В Хибия-парке были зажигательные речи в тон этой петиции, остановленные полицией, с чего и загорелся сыр-бор.

День прошел в обычных занятиях. В школах шли занятия, я писал письма к военнопленным.

Взвод гвардейских солдат весь день был во дворе Миссии, и часовые охраняли все ворота. К вечеру число солдат удвоено, всего стало 120 человек. <...>

25 августа (7 сентября) 1905. Четверг

Для Миссии ночь прошла спокойно. Но в городе было немало волнения и пожаров: сожгли полицейские дома в Асакуса, Сиба, Канда. Почему-то озлобление перешло против христианских мест проповеди: сожгли протестантские церковные дома, один епископальный, два методистских, в Асакуса, Ситая и Хондзё, и католический в Фукагава. Деревянные дома разрушали, стаскивали лом на середину улицы и жгли, чтобы не спалить соседних домов: епископальный кирпичный разобрали по кирпичам; захваченное в проповеднических домах имущество и книги тоже все пожгли. Но наших православных проповеднических домов нигде не тронули, хотя пробегали мимо их. В Ситая наш проповедник (Тит Косияма), ожидая разгрома, поспешил вынести иконы и все свое имущество к соседнему христианину, но дома не тронули. Когда сожгли соседний с протестантской церковью полицейский дом квартала Канда (в котором и наша Миссия), то набросились было на протестантскую церковь, чтобы сжечь ее, но солдаты не дали. Кричали там: «Теперь Никорая надо бы сжечь, да солдаты мешают» (под Никораем понимаются все миссийские здания). Некоторые и устремлялись было к Миссии и к нашим школам, но гвардейцы преградили им дорогу и не дали коснуться ни Миссии, ни школ. 12 солдат охраняли Семинарию и 12 других Женскую школу. Учащиеся были в тревоге всю ночь, видя недалекий пожар и слыша рев толпы.

Семинаристы очистили нижний этаж своего дома для учениц, чтобы принять и защитить их, если нападут на Женскую школу, сами же стеснились на втором этаже и почти всю ночь не спали, почему и классы у них сегодня были только до обеда: все ослабели и после обеда отдыхали.

Оказывается, что Миссии, действительно, готовился разгром. Вчера в Асакуса на 12-ти этажной башне было вывешено крупное объявление, гласившее: «В 8 часов вечера Никорай будет гореть». Такие же афиши были наклеены по городу на многих телеграфных столбах. Поэтому к 8-ми часам многие любители зрелищ толпились на местах, откуда хорошо виден Собор, чтобы полюбоваться, как он будет гореть. Иные искали возвышенных мест, чтобы еще лучше видеть и наслаждаться. Настает 8 часов, все таращат глаза по направлению к Миссии. Проходит 8 часов, все в недоумении спрашивают: «Что же не горит?» И так далее, пока все, разочарованные, расходятся. Исая Мидзусима, ходивший вечером по городу, наблюдал одну толпу сих зрителей и рассказывал, что слышал.

Под вечер был здесь и Mr. Andre спросить от имени Французского Посланника: в каком состоянии Миссия?

— Слышно, что здесь толпа очень буйствовала и что солдаты стреляли и одного убили, правда ли? — говорит.

— Правда, что толпа буйствовала, но не очень; солдаты не стреляли и никого не убили, — отвечаю.

— В городе сожгли одно католическое место, а в эту ночь угрожают сжечь Католическую женскую школу (что не так далеко от нашей Миссии) и другой католический дом. Но войско уже охраняет их.

— У нас, слава Богу, все проповеднические места в городе целы. (Мне показалось, что Mr. Andre,

при всей своей доброте, не порадовался этому.)

— Достается и другим, — продолжал Mr. Andre.

— Американское посольство охраняют 400 солдат, Английское тоже много. На них народ сердится за трактат о мире.

Во Французском посольстве 80 солдат для охраны.

Но правительство уже приняло строгие меры. Вчера издан указ, которым изгоняются из Токио и столичного округа все замеченные в буйстве. Неповинующиеся сему попадут в тюрьму.

Указ дал другой тон и охраняющим войскам. Сегодня капитан, собрав своих гвардейцев в кружок у окна канцелярии, давал им инструкцию, как обращаться с буйными. Между прочим слышалось: «Правительство старалось вразумить их, но тщетно, теперь — обращаться с ними, как с бунтовщиками».

— То есть как же? — спрашиваю я пояснения у секретаря Давида Фудзисава, с которым вместе мы слушали слова капитана.

— Стрелять, — поясняет он.

Конечно, при такой мере бунт не замедлит утихнуть.

В шестом часу вечера я вышел сделать обычный моцион, — о Боже, какие меры охранения! Три полисмена стали на улице у ограды на протяжении от библиотеки до дома, на котором я ходил, один полисмен внутри двора стал, не спуская меня с глаз, один жандарм тоже вышел на улицу, другой стал у библиотеки; да двор солдатами наполнен. Но так как «у семи нянек дитя без глазу», то и я отлично бы погиб, если не было Воли Божией не погибнуть. А, кстати, в городе сегодня и ходит слух, по словам Исайи Мидзусима, что «Николая убили».

Народ весь день около Миссии проходит в удвоенном, иногда в упятиренном против обыкновенного количестве, взглянуть, «что, мол, тут творится?», а иные, вероятно, и сообразить, как удобнее напасть на Миссию и разгромить ее.

26 августа (8 сентября) 1905. Пятница

Оказывается, что вчера Токио поставлено было прямо на военное положение, зато же и бунта как не бывало. Ночь прошла совершенно спокойно — нигде ни пожара, ни волнения; сегодня целый день то же. Военные патрули ходят по городу с властью нигде не допускать никаких собраний; видя собравшихся, уговаривать разойтись, если не слушаются, то выпалить холостым зарядом, если это не действует, то палить в скопище, всячески остерегаясь при этом только, чтобы не убить простых зрителей. Таков наказ войску от генерала Сакума, под власть которого отдано Токио. Миссия обратилась в военный стан; отсюда рассылаются патрули по окрестности Миссии и сюда обратно собираются. Небольшое количество солдат всегда остается при Миссии, и часовые под ружьем и ранцем стоят у всех ворот. Вот так бы действовать правительству в России, тогда не было бы отвратительного кровавого списка убийств губернаторов, полицмейстеров и множества городских...

Протестантских станов в городе сожжено не три, а много; в одном только квартале Ситая сожжено 4 проповеднических дома их, в Сиба сожжена недавно построенная церковь их. Забавны меры, принятые некоторыми из протестантских проповедников, чтобы защитить свои обиталища: один наклеил на своем доме объявление, что «отдается в наем», другой вывесил на доме белый флаг, третий повесил на стене огромную надпись, что в его церкви множество сторонников народа. Все это описывают сегодняшние японские газеты. Из газет четыре вчера разом запрещены. Католический патер, убежавший из подоженного своего стана в Фукагава, куда-то так запрятался, что его сегодня везде искали, и в нашей Миссии по телефону из Министерства, где производятся следствия, спрашивали, не знаем ли, где он. Причем, кстати, телефонировали оттуда, чтобы мы не беспокоились, приняты все меры к безопасности Миссии.

Истинно, мы должны благодарить Бога за чудное покровительство! Мы бы, кажется больше всех должны пострадать, и между тем мы совершенно целы и в Миссии, и в городе; <...> Не явный ли знак, что Ангел Божий охраняет нас, несмотря на все наше недостойство?

Заключение мира принесло новую работу: множество вопросов от военнопленных, на которые надо отвечать; устал сегодня, пища письма по самым разнообразным предметам.

31 августа (13 сентября) 1905. Среда

То же дело. Отправка крестиков, причем всюду отправляется потребное количество шнурков, по 3 фута на крестик; занимается преимущественно иподиакон Моисей Кавамура, отправкой Евангелий редактор Петр Исикава, и дело это нелегкое; сегодня Евангелия отправлены в пять мест, из которых в Нарасино только пошло 13325 книг в 58 ящиках. Я занят больше всего разбором и рассылкою получаемых из России русских книг и корреспонденциею с военнопленными.

Написал также сегодня письмо к о. Алексею Савабе. Пишет из Коодзимацзи: «У меня дела мало, скучно: дайте дела, буду работать». В ответ на это я убеждал его заботиться о своих прихожанах и проповедовать язычникам. Дело его собственное, священническое, у него пред глазами и вопиет к нему, а он просит дела! Если бы он так усердно стал служить на своем приходе, как служил у военнопленных, то был бы прекрасным священником. Всячески убеждал его, но едва ли будет успех.

Военное положение все еще продолжается; солдаты, рассеянные по городу, охраняют спокойствие граждан. И это спокойствие вполне восстановилось.

2 (15) сентября 1905. Пятница

Вечером, в 9 часов, получена следующая телеграмма от Святейшего Синода на русском языке латинскими буквами:

«2-го сентября исполняется 35-летие со дня назначения вашего на должность начальника Миссии. Обозревая мысленно вашу деятельность за столь продолжительное время, Святейший Синод прежде всего не может не вознести горячей благодарности Господу Богу, благоволившему благословить ваши плодотворные труды в деле насаждения и распространения Христовой веры на Дальнем Востоке, а затем считает долгом изъявить вам глубокую признательность за ваши неусыпные заботы о вверенной вашему водительству пастве, особенно за отеческие попечения о духовном утешении и просвещении раненых и пленных русских воинов, находящихся ныне в Японии. Молим Всевышнего Мздовоздателя, да воздаст Он Своими великими и богатыми милостями вашему Преосвященству за все вами содеянное и да укрепит ваши силы на продолжение ваших много полезных трудов на пользу Святой Православной Церкви.»

Алексий, архиепископ Тверской, Гурий, архиепископ Новгородский, Лаврентий, епископ Тульский, Вениамин, епископ Калужский».

Первенствующего члена, Санкт-Петербургского Митрополита, ныне нет в Петербурге, лечится в Крыму, но, конечно, не без его согласия эта телеграмма.

К глубокому сожалению и стыду, нисколько не чувствую себя заслуживающим такое высокое внимание и похвалу, а потому почти нисколько не обрадовался. Приятно только то, что Миссию начинают ценить.

11 (24) сентября 1905. Воскресенье

Из Хаматера получена большая священная картина, написанная на полотне, — «Нагорная проповедь Спасителя». Мы же отсюда посылали полотно и краски, но то же мы делали и для других

мест военнопленных, куда просили это. Я думал просто давать занятие военнопленным, чтобы спасти их от скуки и уныния, и совсем не думал, чтобы из этого вышло что-нибудь серьезное. Но в Хаматера оказался превосходный, талантливый живописец. «Нагорная проповедь» — его прекрасное произведение, вполне достойное занимать место в Соборе. Весьма жаль, что я не знал прежде, что такой редкий живописец скрывается в числе порт-артурских нижних чинов, он бы мог написать для Собора несколько священных картин. Тем не менее и теперь я послал ему предложение написать еще хоть одну картину из Нового Завета. — например, «Воскрешение Лазаря» или «Вход Господень в Иерусалим». Быть может, до отъезда в Россию успеет. Послал ему 20 ен не в виде платы за картину, а в знак моей благодарности.

13 (26) сентября 1905. Вторник

Кончена рассылка Евангелий военнопленным.

Немалое дело было. Один переплет только 68 тыс. экземпляров наших трудов стоил! 80 человек 70 дней трудились над переплетом, и 150 женщин складывали листы; 6 мастерских соединенными силами работали. Цена Евангелия с печатью и переплетом стоит 15 сен; для офицеров с золотым тиснением несколько дороже.

Презанимательная старая японка — пресвитерианка из Йокохамы посетила меня, выражала свою радость, что я остался в Японии, также что война теперь кончилась; несколько раз принималась молиться — по-протестантски, своими словами, нескладно. «У меня вот что главное!» — несколько раз повторяла она, потрясая свертком листов, на которых крупнейшими литерами напечатаны изречения из Священного Писания; листы действительно истрепаны. Желая доставить ей удовольствие, я попросил ее прочитывать самый первый лист, и — увы! живая и бойкая баба оторопела, — не может; чтобы замять дело, я стал читать лист, — и она со мной, — так мы и доехали до конца, после чего она распрощалась; но так как она принесла мне в подарок корзинку винограда, то я подарил ей Альбом Собора, от чего она пришла в неописанное восхищение.

26 сентября (9 октября) 1905. Понедельник

Отменено военное положение в Токио. Поэтому солдаты, жившие в Миссии для охраны ее и державшие караул у ворот, возвратились в казармы. Ворота по-прежнему стали охранять одни полицейские; жандармы, помещавшиеся в комнате, смежной с моей, перешли в прежнее свое помещение, доселе занятое солдатами, — квартиру Львовского.

28 сентября (11 октября) 1905. Среда

Был опять французский корреспондент Ludovic Naudeau. Спрашивает:

— Рад ли я миру?

— Что кровопролитие остановлено, этому я не могу не радоваться; но не могу сказать, что рад миру, завершающему ряд непрерывных наших неудач в войне.

Он начал рассказывать то, что сам видел на войне, и уверял, что в Мукденском сражении победа почти была наша, и была бы наша, если бы Куропаткин не отдал приказание отступить. Заговорив о развитии нашего флота, он сказал между прочим:

— Бог одарил Россию сплошным континентальным пространством, она совсем не морская держава, но она не хочет этого понять и из подражания другим делает себя морской державою, заводит большой флот, зачем он ей? Он не может быть таким хорошим, как у держав, своим положением обязанных быть морскими. Ну его и разбили...

Я ему сказал, что его мысли буквально те же самые, что у меня.

5 (18) октября 1905. Среда

Среди самого спешного письма в Мацуяма докладывают:

— Штабс-капитан Армии Спасения Гамильтон.

— Скажите, что очень занят весьма нужным делом к военно-пленным.

Приходят опять сказать:

— Да и у него тоже дело, касающееся военнопленных.

Выхожу — очень симпатичный молодой англичанин, говорит:

— Мы приготовили Священное Писание для пожертвования русским военнопленным. В какие места нам направить пожертвования и нельзя ли через вас?

— Через меня будет лишняя проволочка времени, а теперь нужно торопиться. Отправляйте прямо.

Он развернул добытый в Военном министерстве список всех мест, где живут военнопленные, с означением количества их. Я указал на места, куда, по моему мнению, лучше отправить, и говорю:

— Четвероевангелие они имеют все до единого, полученное от Миссии, — вот такое, — и повел его в редакцию, где лежат оставшиеся Евангелия, показать, — если кто из них получит еще и от вас Евангелие, то тоже будет благодарен: привезет домой два; но гораздо лучше, если бы они получили от вас Апостольские Послания, которых мы не успели доставить им.

— Послания мы и постараемся доставить, — ответил он и раскланялся; я послал с ним поклон комиссионеру Railton'u; вероятно, это пожертвование — его дело.

Лишь только он ушел, как новый посетитель, Rev. King, епископальный английский миссионер, мой хороший знакомый; прямо заговорил о деле, для которого пришел:

— Скажите, отираете ли вы Святую Чашу по причащении? У нас все приобщаются из Чаши, и я утверждаю, что по причащении каждого следует отереть Чашу, в видах предосторожности (от перехода какой-нибудь болезни от одного к другому), но мне возражают, что это непочтительно. Я указываю на пример Восточной Церкви, в Греческом Служебнике, который я прочитал об отирании. Ведь это практикуется?

— Без сомнения. У нас священнослужители приобщаются непосредственно из Чаши, и каждый, приобщившись, отирает свои губы, потом край Чаши.

— Губкой?

— Как же можно! Она напаялась бы Святой кровью, и ее нужно было бы мыть и сушить после каждой службы, что крайне неудобно.

— Но в Греческом Служебнике сказано, что губкой.

— Вы смешиваете два действия: губкой отирается рука над дискосом по приобщении Святого Тела, чтобы ни малейшая частица не пристала к руке и не упала.

— Значит, салфеткой?

— Не салфеткой, а красным шелковым платом, специально для этого имеющимся в числе предметов священной утвари. Пойдемте в церковь, я вам покажу.

И я повел его в собор и у жертвенника и престола показал священную утварь и как приобщаются священнослужители. Всегда приходится дивиться, как инославные, даже хорошо расположенные к нам, мало знают о нашей Церкви и о нашей церковной практике.

6 (19) октября 1905. Четверг

Из Французского Посольства дали знать мне по телефону, что «Министерство иностранных дел разрешает мне отправиться к военнопленным, но чтобы за два или три дня раньше отправления уведомить Министерство, когда и в какие места я намерен отправиться». Потом был Mr. Andre и сказал о том же. К сожалению, до конца этого месяца я никак не могу оставить Миссию, — нужно рассылать жалованье служащим Церкви за ноябрь и декабрь, что без меня не может быть сделано. С наступлением ноября по новому стилю, если не поздно будет, посетю несколько мест. Неудобно теперь оставить Миссию и потому, что надо рассылать деньги, жертвованные из России на нужды военнопленных, в разные места на теплые платья готовящимся к отъезду больным, раненым и бедным из военнопленных, каковых денег у меня на руках еще больше 36 тысяч ен, не говорю уже о том, что каждый день нужно отвечать на пачку самых разнообразных писем; особенно нельзя оставить без ответов писем с пожертвованиями на Миссию, на иконы в память пребывания в Японии военнопленных и на разное другое.

8 (21) октября 1905. Суббота

Так как Императорский манифест о заключении мира на этой неделе обнародован, то нет причины нам более совершать богослужение без звона из опасения японских фанатиков. Вчера, по нашему представлению, полицейское начальство разрешило нам звон, говоря: «Хотя еще не совсем успокоилось, но можно». Итак, после того, как в начале февраля 1904 года наши соборные колокола замолкли, сегодня в 6 часов утра в первый раз раздался звон второго колокола к обедне и потом обычный трезвон. Но печальней похоронного звона он терзал слух мой!..

Личность каждого коренится в своей народности, как растение в почве; разметайте почву или иссушите, обесплодите ее – растение завянет. Так я вяну духом от посрамления моей родины поражением ее на суше и море, и внутренними неурядицами. Грешно думать, но такое мучение, что невольно думается: как хорошо бы не существовать! Да, я твердо сознаю, что во плен не сдался бы; в сто раз лучше умереть, чем терзаться позором и отчаянием.

Целый день такая тоска, такое уныние, что не смотрел бы на свет Божий, всякое дело из рук валится! А тут еще посетители. Bishop Awdry с своей супругой счел долгом явиться поздравить с миром. Да, англичанину есть с чем поздравить Россию. Вот там на рейде в Йокохаме оба флота: английский и японский, празднуют свой вновь заключенный братский союз и поражение вражеской России; радостным восторгом захлебываются обе нации... Но есть уголок, при взгляде на который бишопское лицо теряет свою игривость и принимает серьезный вид, это – Православная Церковь в Японии.

– Как дела по Церкви?

– Ничего, слава Богу; не блестящи, как и следует ожидать в такое время, но и не назад, а все же несколько вперед. В прошедшее воскресенье здесь было крещение нескольких, завтра в Йокохаме будут трое крещены.

Впрочем разговор с добрым бишопом и его супругой несколько развлек и освежил меня. В их доброе расположение к России, как англичан, я, разумеется, нисколько не верю, но они, несомненно, люди добрые и симпатичные, и я им от души желаю всех милостей от Бога и вечного спасения.

Ко всеобщей загремел уже большой соборный колокол и торжественный трезвон, но тоже нерадостно для меня.

9/22 октября 1905. Воскресенье.

Служил Литургию, и этим начинается обычное мое ежесубботное и ежепраздничное

совершение Литургии, тогда как до сих пор, в продолжение всей войны, я служил только в самые большие праздники и еще когда надо было совершить рукоположение священника или диакона. После Литургии отслужен благодарственный молебен по случаю заключения мира.

Приобщение Святых Тайн за Литургией произвело свое благодатное действие: вышел из Церкви с легким сердцем, печальное и унылое расположение духа совсем прошло. Разбит русский флот; но, по крайней мере, одно суденышко осталось нисколько не поврежденным, это Православная Японская Церковь – не явно ли, что сам Христос правит этим судном? И позволительно ли мне, служа под рукой у Него, предаваться унынию? Спаси от него, Боже, и дай крепость!

После Литургии Ив. Ак. Сенума пришел сказать, что «во всех школах следующие два дня не учатся, а празднуют победные торжества и заключение мира, что, стало быть, и нашим школам нужно следовать этому». Несомненно! Пусть себе и наши учащиеся празднуют и радуются не меньше других, имеют на то полное право как патриоты.

13 (26) октября 1905. Четверг

Военнопленный порт-артурец Павел Петрович Хаулин из Хаматера прислал еще картину своей работы, «Воскрешение Лазаря», превосходно написанную, достойную стоять в Соборе, как и прежняя. Просится он еще поработать для Собора, в ответ на что я послал ему предложение остаться здесь после плена, чтобы расписать Собор. Не знаю только, можно ли это ему, — из запасных ли служащих он.

16 (29) октября 1905. Воскресенье

Два жандарма, жившие в Миссии для охранения ее с самого начала войны, сегодня взяты из Миссии за ненадобностью больше их охраны. Я поблагодарил офицера, приходившего снять их с этого поста, дал по фотографической карточке ему и двум прощавшимся жандармам, больше, к сожалению, ничем не могу выразить им своей благодарности; а они очень заслуживают ее; Миссия все время войны полицейскими и ими так хорошо была охранена, что нигде ни одного стекла не было разбито, не говоря уже о каком-либо большем повреждении.

17 (30) октября 1905. Понедельник

Послал о. Сергию Судзуки в Мацуяма 15 рекомендательных писем в Россию, начиная с Одессы до Петербурга, 100 рублей на дорогу и расходы между Одессой и Петербургом, 40 ен на теплые платья и 20 ен на гостиницы в России. Будет сопровождать больных и калек из военнопленных на судне до Одессы, если только они будут отправлены этим путем, если же нет, то все мое снабжение о. Сергию бесполезно и он возвратит мне его назад. А хотелось бы наградить его удовольствием путешествия по России, — стоит, — много потрудился для пленных.

20 октября (2 ноября) 1905. Четверг

Приехали комиссары принимать наших военнопленных и отвозить их в Россию: генерал-лейтенант Владимир Никол. Данилов, подполковник Андрей Андреевич Веселовский и проч., всего 6 человек. Данилов и Владимир Владимирович Мекк были перед вечером у меня. Оказывается, что все военнопленные будут отправлены во Владивосток, больные и калеки тоже. Будут перевозить их на судах нашего Добровольного флота, которых 6 для того, и на каждом могут поместиться 2500 человек. Начнут перевозить с севера, с посадкой на суда в Йокохаме, потом в Кобе, Нагасаки.

Вечером, по приглашению от Французского Посланника, я был на обеде у него, в компании со всеми нашими комиссарами и членами французского посольства.

24 октября (6 ноября) 1905. Понедельник

Были военнопленные из Сидзуока: полковник Николай Иванович Мерчанский, 65-летний старик, и другие офицеры. Мерчанский заплакал, вошедши, так настрадался, бедный, потерявший единственного сына в эту войну. Между прочим, видно из разговоров с офицерами, что многие из них не теряли праздно время в плену, а занимались кто чем мог, иные — изучением японского языка. Сегодня удивил меня один из них, остался после всех и говорит:

— У меня есть просьба к вам.

— К вашим услугам. Какая?

— Поговорите со мной пять минут по-японски.

— Нет ничего легче. — И начинаю говорить совершенно так, как говорю с японцами, нисколько не замедляя речи и не подбирая легкие слова и фразы. Офицер все понимает и на все отвечает почти так же свободно, как говорят японцы. Подивился я способности и прилежанию. Собирается потом приехать в Японию, чтобы окончательно изучить язык и страну. Невольно подумалось: вот миссионера бы сюда, такого способного и прилежного. Но куда! Духовенство русское бесплодно родить даже одного.

28 октября (10 ноября) 1905. Пятница

Из Кумамото подполковник Александр Исидорович Веприцкий пишет, что матросы и солдаты, которых всех там 6000, бунтуют. Прежде я предложил Веприцкому озаботиться снабжением теплыми вещами нижних чинов там, он попросил на это 6000 ен, которые я немедленно и послал ему. Но сначала матросы, а потом солдаты потребовали у него, чтобы эти деньги розданы были им на руки: «вещей-де нам не нужно... а деньги эти наши, собраны от наших отцов и матерей». Веприцкий отвечал, что не имеет права раздать, деньги присланы на покупку теплых вещей. Те заупрямились и наговорили еще разное: «Нас постоянно обманывают, денег нам присылают много и часто, но их офицеры не дают нам, крестики нам обещаны серебряные, а раздали медные», и так далее. Веприцкий положил прислать мне обратно деньги назад, за удержанием того, что пойдет на вещи военнопленным в Куруме, где люди не бунтуют.

Теперь я понял слова генерала Данилова, вчера оброненные им в разговоре со мной: «В Кумамото бунт, — просят оттуда взять пленных поскорее».

Кстати, и из Хаматера, где 22 тысячи порт-артурцев, сегодня подобное же известие. Отец Роман Циба пишет, что военнопленных посещают люди, говорящие им революционные речи, чем произвели разделение, и военнопленные, разделившись на две партии, задают сражения черепицами и камнями, и много уже между ними раненых.

29 октября (11 ноября) 1905. Суббота

Еще письмо от подполковника Веприцкого из Кумамото; пишет опять о возмущении нижних чинов и между прочим, что ему принесли в доказательство того, что их обманывают, крестики, полученные от Миссии, «в которых от трения сейчас же обнаруживается красный цвет, и излом — красный». Веприцкий «препровождает сюда при письме три таких крестика».

Крестиков этих при письме я не получил, но, встревоженный, тотчас же стал производить опыты с имеющимися у меня крестиками, и о ужас! Они совершенно правы: под белым серебряным цветом при трении тотчас обнаруживается красный — медный, излом тоже совсем красный; у позолоченных только излом несколько побелее, должно быть, прибавлено серебра к меди. У меня холодный пот выступил. Значит, мастер-японец надул меня, а я, не зная не ведая того, надул всех военнопленных. Заказ и приемка производились чрез иподиакона, ризничего Моисея Кавамура, ужели он участвовал в

обмане? Мысль о сем еще больше огорчила и расстроила меня. Все остальное время дня я ходил как в воду опущенный, в первый раз в жизни со мною такой большой скандал; 70 тысяч военнопленных могут сказать обо мне, что я обманул их: обещал серебряные крестики, дал медные, значит, разность положил себе в карман; что может быть позорнее и печальнее этого!

30 октября (12 ноября) 1905. Воскресенье

<...> Имел разговор с иподиаконом М. Кавамура о крестиках, и когда высказал, что невольно приходится подозревать его в соучастии с мастером в обмане, то он заплакал. На слезы, впрочем, он слаб, и я не слался, а сильно потребовал, чтобы он уличил мастера в обмане, коли сам невинен, и принудил возратить сумму, на которую обманул, иначе я судом потребую у него эту сумму. (В душе, однако, я очень сомневаюсь, чтобы можно было выиграть дело в суде: писаного контракта нет, а только словесный договор, и свидетелей, кроме Кавамура, нельзя поставить.)

31 октября (13 ноября) 1905. Понедельник

Отправил иподиакона М. Кавамура и учителя Семинарии Петра Уцияма, говорящего по-русски, в Йокохаму сдать фланелевые рубашки, исподники и шерстяные чулки садящимся сегодня на судно военнопленным, отправляемым во Владивосток. Потом занялся сведением счетов по приходу-расходу денег, присылавшихся из России мне на нужды военнопленных. В приходе было 96 тысяч с половиной, остается из них теперь не более двух тысяч, так что большие расходы уже нельзя делать.

2 (15) ноября 1905. Среда

Производил исследование о крестиках. И каким же дураком, кругом виноватым, сам я оказался! Одно извинение: за всем не усмотришь, будучи один-одинешенек на все дела. Мастеру поставлено было в условие, чтобы он сделал, по составу серебра с лигатуры, точно такие крестики, какие доселе делал для Миссии уже много лет христианин Андрей Аменомия. Он отвечал, что сделает еще лучше, то есть положит больше серебра. Первоначальное условие с Андреем, много лет тому назад заключенное, было, чтобы серебра полагалось 70 частей (мне помнилось даже, что 80) и меди 30. И я был уверен, что доселе Андрей исполняет это условие. Но увы! По собственным словам Андрея, уже четыре года, как он отступил от него, стал класть меньше серебра, так что последние его крестики состоят из 50% серебра и 50% меди, по его словам. Совсем и не знал я того, что его крестики также, если потереть, тотчас являют красный цвет и в изломе красны. Эти крестики его даны были в образец новому мастеру — язычнику (по невозможности Андрею в своей небольшой мастерской выполнить в короткое время большой заказ), и неудивительно, что он обещал сделать крестики лучше, чем у Андрея, то есть разумел он, вероятно, не такими красными, как у Андрея, хотя этого не исполнил. Спрашиваю сегодня у призванного Андрея:

— Ты зачем же изменил условие? Ты должен был класть 80% серебра и 20% лигатуры.

— 70% серебра, — поправил он меня.

— Положим, что 70, быть может, я действительно забыл, условие заключалось много лет тому назад. Но почему же ты не клал 70% ?

— Серебро стало дорого, я сообразовался с ценою серебра и с тем, чтобы крестик был всегда не дороже 10 сен, как условлено было.

— Но отчего же ты мне этого не сказал? Ведь я всегда принимал твой крестик за серебряный, так говорил об нем всегда христианам. А он уже давно перестал быть серебряным, и если верно, что ты клал в последнее время 50% серебра и 50% меди, то он полусеребряный, так следовало его и называть, а не серебряным, причем люди могут подумать, что мы их обманываем, продавая им крестики

фальшивой поделки.

Молчит Андрей, но видно, что сознает себя виновным, так как говорит все время с дрожью и запинаясь.

Не стал я объяснять ему, какая беда теперь вышла, что в Кумамото пленные бунтуют между прочим из-за крестика, говоря, что их обманули, обещали серебряный, а дали медный. А спросил только настоятельно:

— Скажи точную истину; правда ли, что твои крестики полу-серебряные? Не хуже ли? По красному цвету внутри их трудно поверить, что в них наполовину серебра.

Но Андрей заклился, что правда, никак не хотел отступить от этого, с чем я его и отпустил.

Послал я Кавамура к химику-лаборанту, чтобы разложил содержимое крестиков и в точности определил, сколько серебра и лигатуры как в крестике Андрея, так и нового мастера. Но намеченный нами лаборант закрыл свою лабораторию и не производит больше таких опытов, а посредством пробирного камня исследовал и сказал, что в крестике мастера-язычника не больше 30% серебра, в крестике Андрея побольше, но сколько именно, не взялся определить.

Новый мастер заклился, что он отнюдь не спускался ниже 38% и 36% серебра; по расчету цены разность между 36% и 50% серебра образцового крестика (то есть Андреева) выходит, что он лишнего получил от всего заказа (в 6600 ен) только 250 ен, каковые и возвращает Миссии. Я взял деньги и прекратил дело.

3 (16) ноября 1905. Четверг

Почти каждый день теперь посещают офицеры из разных мест. Отпускают их на 3-4 и даже больше дней, по истечении которых они непременно должны явиться в свое место, рискуя, в случае просрочки, подвергнуться выговору или лишению отпуска вперед. Все это так унижительно для наших бедных офицеров, начиная с младших до генералов! Но терпеть должны, наподобие школьников, которых держат под строгой ферулой.

Сегодня были из Нагоя четыре молодцеватые морские кондукторы. Хвалили Стесселя и генерала Фока: от них первых слышу эту похвалу, все доселе находили разные причины порицать обоих этих генералов.

4 (17) ноября 1905. Пятница

Встал с таким бодрым расположением работать целый день, то есть писать к военнопленным на их письма, которых каждый день приходит не меньше десятка, часть из них непременно с деньгами на Миссию и на разное. К несчастью, заглянул в «Japan Daily Mail» и совсем расстроился: в России везде бунты, во Владивостоке бунт, в Хаматера бунт, в Кумамото бунт. Ужас! Забунтовало и мое сердце, вялость к работе напала. И потащился весь день с мрачным колоритом. Как ни муштруй себя, а в машину не обратишь, жизнь кладет свой отпечаток на душу.

8 (21) ноября 1905. Вторник

Ровно 25 лет, как я в последний раз приехал в Японию. Слава Богу, что следующее 25-летие придется встречать в могиле, в одиночестве, так как и черви перемрут.

Был из Сендая военнопленный военный губернатор Сахалина генерал-лейтенант Михаил Николаевич Ляпунов с одним из своих адъютантов. Много грустного рассказал он про наше административное неустройство, как все его представления в Петербург оставались без всякого исполнения, как его оставили без войска — на всем Сахалине было только 15 тысяч, и прочее; в

заклучение чуть не заплакал, говоря: «И вот я взят в плен, арестант». А адъютант рассказал про чудовищную жестокость японцев: отряд в 130 человек русских отдался в плен им, и они, связавши всем руки, вывели их на поляну, вырыли могилу и всех до единого изрубили, двух офицеров даже с истязанием, и зарыли в землю. Один русский солдат, скрытно следуя за отрядом, все это видел и ныне, будучи в плену, рассказал Ляпунову, которым составлен протокол, имеющий быть обнародованным после плена. <...>

11 (24) ноября 1905. Пятница

Давно уже началось то, что утром встаю глухим на правое ухо, но мало-помалу глухота отходит и ухо вступает в обычное отправление своей службы. Так было доселе, но сегодня совсем не то: глухота не проходила целый день, и это повергло меня в отчаяние, мрачное настроение целый день, работа из рук валится. Слух так еще нужен лет на пять! И ужели наполовину пропал? Какое страшное неудобство для службы!

Ящики с книгами отправлены в Хаматера и Нагоя, а вновь наложены для Нарасино 6 ящиков и для Сендая 2 ящика.

13 (26) ноября 1905. Воскресенье.

После Богослужения всегда лучше, уныние проходит, бодрость приходит. Полуглухим — так полуглухим! И в этом виде еще можно работать, переводу Богослужения это не помешает, а это и есть главное дело конца моей жизни. Богу не угодно освободить меня от неудобства глухоты — Его святая воля!

14 (27) ноября 1905. Понедельник

С 3-х часов ночи встал, бодрый и готовый к работе, и много писем сегодня за день написал. Дождь льет целый день; несмотря на это, в Йокохаме идет посадка военнопленных на вновь прибывший пароход. Я отправил вчера туда отца А. Савабе с молебной книжкой и облачением, — если удобно, отслужить на судне напутственный молебен и передать мое благословение и благожелания.

15 (28) ноября 1905. Вторник

День бодро-рабочий, начиная с трех часов утра: письма к военнопленным в Америку и Пекин. Вечером был из Кумамото хорунжий Николай Михайлович Вейсберг. Генерал Данилов взял его к себе в качестве чиновника особых поручений, как знатока многих языков и офицера распорядительного; ныне он приехал от генерала к Французскому Министру для переговоров о чем-то. Рассказывал, что бунт между матросами и солдатами в Кумамото прекратился; он же и убедил их успокоиться и раскаяться, причем, когда говорил речь им, один бунтовщик занес на него руку. Это был самый главный заводчик беспорядка, его на другой день раскаявшиеся товарищи избili до полусмерти, хотели то же учинить и с другими 22 главными бунтовщиками, но эти успели убежать к японцам и теперь скрываются у них. Бунт был, по-видимому, на подкладке нигилизма; бунтовавшие порассекали и побросали крестики, полученные от Миссии. Но теперь, раскаявшись, сокрушаются об этом и чрез Н. М. Вейсберга просят меня простить их. Я сказал Н. Михайловичу, что с готовностью прощаю и желающим вновь получить крестики, если известят меня о числе их, пошлю, крестики еще имеются.

16 (29) ноября 1905. Среда

Отец Алексей Савабе явился, чтобы рассказать, как он проводил садившихся в Йокохаме на

пароход военнопленных: отслужил для них на судне напутственный молебен, передал им мой прощальный привет и благословение. Все необыкновенно счастливы своим отправлением. Отъезжают на этом пароходе «Воронеж» генерал-лейтенант Ляпунов, военный губернатор Сахалина, и другие офицеры, содержащиеся в Седае, офицеры и все нижние чины из Такасаки и проч.

В сегодняшних газетах объявлено, что по вчерашнее число выбывших из Японии военнопленных уже 16 527 человек. Так как всех русских военнопленных в Японии было 71937, то, значит, остается еще в Японии 55410 человек. Сегодня был у меня лейтенант Павел Покович-Шишко из Кёото, рассказывал, что слышал генерала Данилова говорящим, что «к Новому году ни одного пленного не останется в Японии». Дай Бог! <...>

17 (30) ноября 1905. Четверг

Был из Хироаки военнопленный Хрисанф Платонович Бирич, работопромышленник на Сахалине, во время же войны начальник вольной дружины. Рассказывал про такие жестокости японцев, что в ужас приходишь. Не было тогда иностранных корреспондентов, не перед кем было роль гуманных разыгрывать, и потому показали себя в своем натуральном виде: массы мирных жителей избивали без всяких причин, женщин насиловали, других женщин и детей рубили и расстреливали, так же как мужчин; русских каторжников множество и массами расстреляли, под предлогом, что «этот народ, мол, ни к чему не годный»; даже умалишенных больных повытаскивали из госпиталя и расстреляли; а другие массы каторжников, как скотов, перевезли в Де-Кастри и бросили без пищи... Поверит ли Бринкли всему этому, если рассказать ему? Ни за что! Он, если бы и своими глазами увидел эти зверства японцев, то принял бы это за оптический обман и обернувшись, тотчас бы завопил: «Русские варвары творят ужасные зверства, русские дикари свирепствуют и т. д.». <.,,>

23 ноября (6 декабря) 1905. Среда

Каждый день одно и то же: письма военнопленных, ответные письма к ним и подобное. Нечем отмечать дни. Только над Россией все ниже и ниже нависают грозовые тучи; анархия царит в ней. Сегодня прочитал в «Московских Ведомостях», что даже все четыре Духовные Академии забастовали. Но для записи многообразных всероссийских бед есть история. А в Японии забастовки другого рода: завтра опять во всем Токио в школах и присутственных местах нет занятий, встречаются возвращающегося с торжеством победителя русских — берегового маршала Оояма.

27 ноября (10 декабря) 1905. Воскресенье

<...> Вечером исправил прежде написанное «Окружное послание к военнопленным», убеждающее их не верить пройдохам-возмутителям и не подчиняться им. Из возмутителей тут главный пройдоха Руссель, живущий в Кобе и оттуда наводняющий приюты военнопленных мерзейшею нигилистскою и анархистскою литературой. Ему помогают нигилисты и анархисты из военнопленных офицеров — какой-то капитан Булгаков, живший в Сидзуока и оттуда делавший свои экскурсии в разные места военнопленных, — смущать простаков нижних чинов, какой-то еще Соловьев и другие.

28 ноября (11 декабря) 1905. Понедельник

<...> Был еще сегодня доктор из Владивостока, физиономия симпатичная, голос мягкий; привлек с первого раза; но до того стал поносить все в России, особенно войско, — «под Мукленом», говорил, «было постыднейшее бегство; бросали ружья, орудия, всё — и бежали от японцев; не хотели сражаться; царь-де велел — довольно воевать, бросайте всё и возвращайтесь по домам», — что я

удивился его разглагольствию, противоречащему всем речам других, и спросил его имя; оказалось: Семен Леонидович Рашкевич.

— Да вы русский? — спрашиваю.

— Нет, еврей. Но это ничего не значит; я не потому говорю худо о войске и России, что еврей, а потому, что все это действительно так.

И пошел, и пошел опять расписывать черными красками. Когда дошел до Плеве, бывшего министра, убитого неголяями, то не было предела злохулениям его. Я пытался возражать, — не остановить! Ужасно мерзко становилось. К счастью, ушной мой врач пришел, и я распрошался с евреем, значительно поняв, почему его единоверцев ныне избивают в России.

5 (18) декабря 1905. Понедельник

Вечером был капитан Влад. Васил. Алексеев, адъютант генерала Данилова, и рассказал следующее: генерал получил вчера с парохода «Владимир» от военнопленных артурцев, бывших в Нарасино, ругательное письмо, — которое Алексеев тут же и дал мне прочитать, — письмо необычайной дерзости и ругательства за то, что генерал не спешит эвакуировать пленных, особенно их, порт-артурцев, заканчивающееся смертным приговором генералу и уверением, что по возвращении в Россию он непременно будет казнен.

Получивши это письмо, Данилов чрезвычайно рассердился и хотел задержать «Владимир» до тех пор, пока найден будет автор письма; но Алексеев уговорил его не делать этого. Данилов, тем не менее, отправился на судно и вызвал для разговора с собою унтер-офицеров. Когда они явились, то впереди всех стал один — с четырьмя Георгиями на груди и начал допрашивать генерала: Почему так медленно идет эвакуация? Почему не зафрахтуется больше судов? Почему правительство не дает средств на это? И прочее. Вопросы все новые и новые предлагаемы были по мере ответов Данилова на них. Кончилось все тем, что «Владимир» снялся и ушел.

Но генерал написал прокламацию к военнопленным в очень строгом тоне, — оную господин Алексеев тут же вынул и дал мне прочитать, прокламация, кроме некоторых грамматических и логических неисправностей, может сойти, — и предложил напечатать, — с тем и привез, чтобы оставить ее здесь для возможно скорейшего отпечатания. Напечатать я обещал, но не иначе как если она будет несколько исправлена и освобождена от шероховатостей и отлично переписана, так как печатник совсем безграмотный по-русски. Алексеев обещал завтра прислать ее в подобающем виде.

Моисей Кавамура вернулся, исполнивши поручение раздать теплые вещи отправляющимся на «Владимире», и рассказал, что пленные из Нарасино чуть бунт не произвели из-за того, что их наделяли только кальсонами и чулками. «Не может быть, чтобы нам не назначались также рубашки! Это офицеры виноваты, что нам не дают их», — стали говорить и зашумели. По требованию офицеров Кавамура должен был отправиться на судно и, с помощью перевода речей его семинаристом Романовским, разъяснить, почему даются только кальсоны и чулки, — что «нет для всех полного снабжения, — денег нет больше у епископа купить, да и вещей больше нет, ни в Токио, ни в Йокохаме, — все скуплено». Услышав эти резоны, успокоились.

6 (19) декабря 1905. Вторник

Генерал Данилов прислал вчерашнюю прокламацию для отпечатания, отлично переписанную, но не исправленную: слог плохой, логические скачки. Исправить бы? Генерал может рассердиться, что чужая рука коснулась его композиции. Пусть уж так; пойдет ведь к малограмотному военному человеку. Ужасные откровенности в прокламации генерала, вроде того, что «мятежники в России жгут, режут, живых детей бросают в огонь, чего и звери не творят». Но телеграммы в газетах почти что и

хуже того. Пожар мятежа все больше и больше разрастается: войско почти все в открытом восстании; одни казаки верны долгу и присяге. Балтийские провинции отложились и имеют уже свое собственное правительство. На Кавказе резня продолжается. Аграрные беспорядки разрастаются; по Волге служники везде грабят и жгут усадьбы помещиков, а их самих и управляющих бросают в импровизированные тюрьмы. Словом, в России полная анархия; и нет просвета в этой тьме, нет надежды, чтобы скоро изменилось к лучшему. От всего этого, как ни храбрись, уныние тяжелым свинцом облегает душу, руки опускаются, работа останавливается. От бессилия принудить себя работать душой, пусть хоть механическое занятие будет; впишу сюда мое послание к военнопленным. Вот оно:

Окружное послание к русским военнопленным в Японии

Русские христолюбивые воины, достопочтенные мои соотечественники и возлюбленные братие во Христе! Мир и благословение вам от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа!

Бог судил мне быть временно вашим архипастырем, и Он видит, что я не пренебрег этим велением Его, а старался по мере сил моих служить вам. Знаю, что служение мое было недостаточно для удовлетворения ваших духовных потребностей, совесть мне говорит это, но совесть и не укоряет меня в нерадении: я делал то, что мог. И делание мое было с любовью к вам, братие. Свои письма к вам я большею частью подписывал словами «ваш брат во Христе», и я истинно чувствовал братскую любовь к вам, питаемую особенно соболезнованием к постигшему вас несчастью плена. Любовь эта возвышалась и укреплялась вашим добрым христианским поведением. Я с радостью видел, что вы, как природные христиане, во многом представляете для новых чад Церкви Христовой в сей стране пример христианских добродетелей. И эти новые чада Церкви видели это и со своей стороны также полюбили вас братскою христианскою любовью, которую и старались по мере возможности являть вам. Все это было хотя некоторым утешением для вас среди тягостей пленной жизни. Так было до последнего времени. И уже настал конец вашего плена, и предстояло радостное возвращение в Отечество, к дорогим сердцу вашим родным и друзьям и для дальнейшего вашего служения Отечеству.

Но что при этом открылось еще? Увы, с печалью и стыдом только можно говорить о том, что открылось! «Спящим человеком прииде враг, и вся плевелы посреде пшеницы» (Мф. 13, 25). Вознерадели некоторые из вас, и среди этого душевного усыпления пришел враг и посеял в их души семена раздора, противления, возмущения. Какой это враг? Тот же, которого указывал Спаситель в притче о сеятеле и от которого устами Своего Апостола предостерегает христиан: «Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш — диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» (1 Пет. 5, 8). Им руководимые и невидимо научаемые уже видимые враги вашего душевного мира и нашего общего Отечества земного и Отечества Небесного приходят к вам и говорят свои речи, или присылают свои сочинения, те и другие, исполненные душевного яда, и стараются отравлять вас ими. Своими коварными внушениями они стараются посеять вражду между вами, влить озлобление в ваши сердца, сделать вас врагами своего Отечества земного, затворить для вас Отечество Небесное и разверзть под вашими ногами ад душевных терзаний на земле и вечных мучений за гробом. И есть уже отравленные этим ядом и тщасиися отравлять других. Между вами, жившими доселе везде мирно, происходят в некоторых местах ссоры, драки, побоища, доходящие до смертоубийства, — и это в чужой стране, на позорище всему свету! О горе и стыд! Но что же это значит? Из-за чего все это? Отравленные развратителями в душевной слепоте своей мнят себя тоже хотящими добра и служащими Отечеству. Это добро-то и служение Отечеству в забвении товарищества и братства и во вражде, ссорах и даже убийствах? В поспрании всякой дисциплины и дерзких возмущениях? В разрушительных замыслах и наглom вторжении в дела государственного управления, в котором ничего не понимают? Какое безумие! Поясню примером. У каждого из вас, братие, есть дом, а в нем отец, у многих же и старший брат; в доме, быть может, нужно произвести поправки и улучшения; кто же когда видел на земле что-

либо такое совершенное, что уже не требовало бы улучшений! И так, отец со старшим братом советует, как все в доме исправить и улучшить. Но представьте, что в это время к вам украдкой подходит кто-то и шепчет на ухо: «Твой отец и брат ничего не смыслят в домашнем деле: ты сам возмись за поправки: разрушь дом, подожги ригу, — а чтобы тебе свободней было, свяжи отца и убей брата». Что бы ты сказал на это? Конечно, сказал бы: «Твой совет дьявольский; отойди от меня, сатана» (Мф. 16, 23). Вот точь-в-точь подобное теперь творится в России. Нужны исправления и улучшения по управлению в России, никто не отрицает этого. Об этом и думает, и заботится ныне наш возлюбленный Государь со своими советниками, старшими в государстве. Но враги нашего Отечества, точно змеи, прокравшись всюду в нем, вливают яд возмущения и злых замыслов во все неосторожные сердца, особенно в сердца людей, по своей малообразованности не могущих уразуметь их коварных целей, — и в России теперь сколько смуты, разладицы, взаимной вражды, убийств! Отравленные ядом возмущения обратились в братоубийц и с остервенением творят свое дело: бросают бомбы, от которых гибнут ни в чем не повинные люди, стреляют, режут, жгут... И вас, братие, эти озверевшие люди хотят обратить к этому преступному, противогосударственному и противочеловеческому служению дьяволу. К несчастью плена, оставляющему вас чистыми в вашей совести и пред людьми, так как честный плен никогда не считался позором, эти коварные слуги дьявола хотят присоединить несчастье, которое опозорит вас пред людьми и растерзает впоследствии вашу душу угрызениями совести, хотят сделать вас бунтовщиками и изменниками своему долгу и присяге, врагами своего Отечества, хотят обратить вас в людей-зверей, терзающих утробу своей матери России. О братие, да не будь сего! Опознайте скорей в людях, смущающих вас, волков, хотящих прикрыться овечьей одеждою, а в их речах и писаниях — яд, убивающий навеки. Вы, отравленные уже, слезами раскаяния смойте заражение и осквернение с ваших душ, очиститесь и исцелитесь; это можно, это легко с помощью благодати Божией, которую призовите сердечною молитвою; если же останетесь нераскаянными, то знайте наперед, что ваша участь — ужасная участь братоубийцы Каина. Вы, еще не успевшие до дна души впитать в себя яд речей и писаний, ради Бога, поскорее изблуйте этот яд из души и будьте по-прежнему добрыми воинами, верными своей присяге служить верою и правдою Царю и Отечеству. Вы, остающиеся доселе чистыми и здоровыми душою, «блюдите, како опасно ходите, не яко не мудри, но яко же премудри» (Еф. 5, 15), трезвитесь и бодрствуйте, чтобы не впасть в сети невидимого врага, расставляемые видимыми слугами его. Помните, братие, что если вы станете мутить и бунтовать, то своим скопом, своею численностью можете много зла причинить дорогому нашему Отечеству и самим себе, но добра никакого, ни малейшего, не можете сделать никому, потому что в ослеплении своем послужите врагам нашего Отечества, своим собственным злым врагам. Да удержит же Господь от сего всех вас!

Примите, дорогие мои соотечественники, слова мои с такою же любовью, с какою они направляются к вам. Усердною молитвою призываю на всех вас благословение Божие и остаюсь любящим вас вашим братом во Христе, слугою и богомольцем.

Епископ Николай.

1 (14) декабря 1905 г. Токио.

9 (22) декабря 1905. Пятница

На экзамене по Закону Божию в Женской школе, где ныне 75 учениц. Отвечали, как всегда, превосходно. Офицер в Силзу-ока, Петр Булгаков, прислал ругательное письмо в ответ на мое Окружное послание к военнопленным. И прежде я слышал, что это самый главный мутитель нижних чинов; по письму видно, что это отчаянный нигилист и анархист. Чего-чего только он не наплел! Между прочим советует мне познакомиться с Евангелием и говорит, что это «хорошая книга», даже беретса указать мне особенно хорошие места в нем; а в оправдание нынешней резни, производимой анархистами в России, прямо приводит «слова Христа: и враги человеку домашние его». Я отвечал ему коротко, но ведь к стене горох!

11 (24) декабря 1905. Воскресенье

Во время Литургии появился в церкви русской священник, во время проповеди вошедший в алтарь и оказавшийся одним из священников Красного Креста, служившим в Маньчжурии при военных действиях. После Литургии был у меня, завтракал со мной и даже предложил свою службу Миссии; но я отказал ему, — не простые монахи здесь нужны, каким оказался он, о. Давид, а ученые, способные безустанно возиться с японскими рационалистами.

16 (29) декабря 1905. Пятница

<„> Второй уже вечер провел у меня и красноречиво проговорил «Максимилиан Карлович фон Мекк, уполномоченный Красного Креста», 11-летним мальчиком в Москве, под именем Макса, подписавший на построение Собора, кажется 15 рублей в доме своих родителей, в 1880 году; Иван Сергеевич Аксаков тогда привез мне на Саввинское подворье подписной лист и деньги, подписанные в доме Мекков, шестьсот с лишком рублей. Ныне этот Макс — красивый, величественный джентльмен, служивший много лет в заграничных наших Миссиях, отлично знающий политику. Утверждает он между прочим, что нынешняя революция в России ведется еврейским синдикатом, помещающимся в Нью-Йорке; и много другого интересного рассказывал он.

21 декабря 1905 (3 января 1906). Среда

Из Кокура извешают, что катехизатор Василий Накараи бежал неизвестно куда, захватив с собою церковные деньги 150 ен и, конечно, только что высланное ему содержание и квартирные на одно и два лица, всего 50 ен. Человек он семейный, даже и отец жил при нем, — и все исчезли куда-то. А считался Василий Накараи хорошим и благонадежным человеком. Полагайся на людей!

28 декабря 1905 (10 января 1906). Среда

Приходит сегодня начальник Семинарии Иван Акимович Сенума, приносит подарок мне от капитана Василия Павловича Озеки (ящик, должно быть, с печеньем, — я передал обратно детям Ив. Акимовича) и говорит:

— А ведь Озеки не по своей воле отправлялся в Петербург (4 года тому назад), а по приказанию начальства; он сам об этом сказал о. Павлу Сато. И в Сибирь потом перешел по тому же приказанию, чтобы исследовать, как продовольствуются там войска.

— Значит, он фальшиво принял христианство?

— Вот об этом я хочу узнать от него, но что-то не удастся видеться с ним; непременно повидаясь на днях. Жена его, кажется, искренняя христианка.

— Может быть, только искренняя помощница мужу...

Неудивительно, что Иван Акимович несколько обескуражен: он именно оглашал Озеки и привел его к крещению. Будучи сам искренним христианином, он, конечно, не желал бы, чтобы его наученец оказался обманщиком, проводшим его, о. П. Сато, меня, и чрез меня в России — сотрудников Миссии и кого еще! Он обласкан был Петербургским Митрополитом, о. И. Кронштадтским, — какие еще духовные лица не истощали ему свои ласки в России!

Так смиренно и симпатично было заявленное им желание: «Вера имеет важное значение для воина; хочу изучить отношение веры к благочестивому русскому воину, чтобы ввести то же в японское войско; для сего сам прежде всего делаюсь православным христианином и отправляюсь в Россию — изучить, как ввести христианскую веру в японское войско; мое начальство несочувственно смотрит на мое предприятие, но не мешает мне...» Чрез несколько времени слышалось из Петербурга от капитана

Озеки, что «японское посольство в Петербурге не любит его и вредит ему; поэтому он переходит в Сибирь, чтобы здесь свободней изучить и русский язык, и все, что требуется ему по религиозной части».

И все это ныне, по признанию самого же Озеки, оказывается стечением лжей. Был он послан в Россию шпионом, таким же, какими и во все концы России были рассылаемы японским военным Генеральным штабом шпионы в качестве фотографов, цирюльников, слуг в гостиницах и в частных домах, купцов и проч., и проч., и все офицеры, народ развитый, во всех тонкостях могущий исполнять возложенное на них поручение. И все они обманывали, лгали, хитрили, подличали, но все — в низшей земной сфере, и только господину Озеки предоставлена была честь лгать, обманывать, подличать в сфере возвышенной, отрешенной от земных мелочей, в области религии. Если те подлы, то он неизмеримо подлее. И хороша же ты, моя любезная Япония, классическая поистине страна шпионства и поэтому — хитрости, обмана и подлости! Не хотелось бы мне этого для тебя; ты могла бы побеждать и при более благородном поведении. Напрасно ты пакостишь себе самой! Или в этом пункте человек монгольской расы никогда не поймет человека кавказской? Ну, в таком случае уж лучше быть побежденным кавказцем, чем победителем-монгольцем. Я скорее соглашусь умереть (говорю о себе — в общем смысле), чем сделать подлость и бесчестность в свою ли личную пользу или в пользу моего Отечества; и в последнем случае тем более. Или для монгольца эта азбука — непонятный шифр?

30 декабря 1905 (12 января 1906). Пятница

Целый день писание писем к военнопленным.

31 декабря 1905 (13 января 1906). Суббота

То же писание писем. Среди этого занятия является морской офицер из разбитых при Цусиме, как прямо себя отрекомендовал, и говорит:

— Я приехал из Нагоя только затем, чтобы встретить здесь Новый год в обществе русских.

— Значит, вы уехали от того, что ищете и чего здесь не найдете.

— Как так? Здесь же есть русские?

— Я один, да, вероятно, человека два-три случайных посетителей найдется в отелях.

— А русские священники?

— Ни одного. Впрочем, вы можете встретить здесь Новый год по-христиански; вот сегодня вечером приходите ко Всенощной, завтра утром к Обедне.

Но обескураженный моряк ушел и более не являлся. Учитель Семинарии Петр Давидович Уцияма сочинил для своей невесты, Екатерины Александровны Накаи (по родному отцу — Мален да), два письма к крестным ее в Россию, и она принесла ко мне с просьбою отослать в Россию. Письма составлены так плохо, что их необходимо исправить, что я и сделаю. В них, между прочим, изъясняется история их взаимной любви. Оказывается, что они давно уже влюбились друг в друга и скрывали свою любовь, боясь не встретить взаимности. Наконец, как пишут, Бог послал им момент, в который они объяснились; и это уже было год тому назад, о чем я не имел никакого понятия, а между тем ломал голову, как сосватать Катю именно за Уцияма. Слава Богу! Он, видимо, промышляет о сироте.

1907 г.

30 декабря 1907 (12 января 1908). Воскресенье

<...> Слава Богу, в России делается спокойнее, и третья Дума, кажется, работоспособная. Только одну весьма печальную новость вычитал: о. Иоанн Кронштадтский очень болен; посетили его три архиерея вместе, в числе прочих был Московский Митрополит Владимир, и это описывается очень трогательно. Дай Господи ему еще пожить, на благо Святой нашей Церкви!

Известили сегодня, что о. Павел Савабе болен. Вчера пошел он в дом родителей о. Якова... по случаю смерти матери его; на обратном пути попал под лошадь кавалериста; кричали ему свернуть, но он за глухоту не слышал, а тот не остерегся; подняли о. Павла в бессознании с раненою головою, и теперь он лежит. И так-то старик едва жив, и тут еще такое несчастье с ним! Очень жаль бедного.
<...>

1908 г.

18 сентября (1 октября) 1908. Четверг

Слава Богу, кончили мы с Накаем перевод Богослужений. Теперь надо исправить его, что, вероятно, займет года два. Сегодня начали с Ирмология. Прежде всего идет пробная читка двух экземпляров, верно ли переписан другой, с рукописи Накая. Потом начнется исправление. Прежде всего каждый стих будет прочитан быстро. Накая должно спросить, понимает [ли] все... если замедлит в ответе, значит, мысль неясна и надо выразить ее яснее. <...> Такое исправление, серьезное и вдумчивое, должно быть произведено два раза.

18 (31) октября 1908. Суббота

<...> Так как с Ирмологием у нас все кончено, — его осталось только печатать, — то мы приступили к исправлению Октоиха. <...>

16 (29) декабря 1908. Вторник

Ирмологий отпечатан, и почти без ошибок. Сегодня мы с Накаем кончили проверочное чтение отпечатанного. Всего оттиснуто 500 экз., стоит печать и бумага 437 ен 58 сен.

27 декабря 1908 (9 января 1909). Суббота

С 8 ч. Литургия. После нее панихида по о. Иоанну Кронштадтскому и Великому Князю Алексею Александровичу. Мы с Преосв. Сергием вышли в мантиях. С амвона я объяснил, что «о. Иоанн — великий благодетель Миссии; несколько раз жертвовал большие деньги на Миссию; последняя жертва была в только что минувшем году: прислал 1000 р. в пользу Миссии, жертвовал также свящ. утварью и облачениями». <...>

1909 г.

1 (14) января 1909. Четверг

Пасмурное утро. Предвестие ли это пасмурного года? Не дай Господи! <...>

6 (19) января 1909. Вторник. Праздник Богоявления

Литургия и обычное Водоосвящение. Со мной служили все здешние 5 иереев. Христиан в церкви по прискорбию было совсем мало. — мокрый снег и дурная дорога, как видно, причиною. В России подобные причины не задерживают христиан в такой великий праздник дома.

Весь остальной день самое печальное расположение духа; редко бывает так тяжело и неприветливо на душе. <...>

31 января (13 февр.) 1909. Суббота

Принялись мы с Павлом Накай за наше дело: начали исправлять Октоих. Быть может, Бог поможет в этом году напечатать. Исправлять почти нечего, так как при переводе серьезно продумано все.

7 (20) апреля 1909. Пятница

Прочитал книгу о русском замечательном филантропе Н. Н. Неплюеве, основателе «Трудового Братства» в Черниговской губернии, в котором состоит до 500 человек. <...> Даруй Господи побольше таких людей России!

4 (17) июля 1909. Суббота

С 8-ми ч. заседание Собора. <...> [Вопросы].

1-й. Христиан считается 30 тысяч, но налицо их не видно и половины...

Ответ. По статистике Миссии Православных христиан... в Японии 31175 человек. Это и есть подлинное число наших христиан. Но они так рассеяны по разным местам Японии и разным частям света, что нет возможности определить, где и сколько человек находится. Конечно, по статистическим листам... местных Церквей должно быть показываемо число наличных христиан, на которых между прочим лежит обязанность заботиться о содержании служащих местной Церкви.

2-й сицумон*. Наша Японская Церковь составляет ли ветвь Русской Церкви или Вселенской?

Ответ. С тех пор как поставлен Архиепископ Японской Церкви, можно сказать, что Японская Церковь есть ветвь Церкви Вселенской. Если бы созван был Вселенский Собор, то, конечно, на нем был бы и самостоятельный представитель Японской Церкви.

3-й сицумон. Православная Церковь из Греции перешла в Россию, отсюда в Японию. Церковное управление Японской Церкви независимо ли от русской власти?

Ответ. Православная Церковь, как в Греции, так и в России, а равно и в Японии, управляется каноническими правилами Св. Апостолов и Св. Вселенских и Поместных Соборов. Японская Церковь в этом отношении совершенно независима от России. Предстоятель Японской Церкви в продолжение 40 лет кряду не спросил Русский Синод по делам церковного управления, а книгу канонических правил он часто развертывает и по ней поступает.

4-й сицумон. Если Японская Церковь не находится под властью России, то получаемые от Синода и от русских братьев деньги жертвуются ли всей Японской Церкви?

Ответ. Деньги эти жертвуются на нужды Миссии и присылаются в распоряжение начальника Миссии.

5-й сицумон. Имеет ли право Японская Церковь распределять эти деньги сообразно с нуждами, например, на ненужное уменьшить, на более нужное прибавить?

Ответ. Японская Церковь этого права не имеет. Деньги приходят, как выше сказано, в распоряжение начальника Миссии, который знает, как нужно распределять их...

10 (23) июля 1909. Пятница

В протодиаконство к Собору просится некто Соболев (или Зозуля) из Нагасаки. Родом из духовных, в России был певчим, потом несколько лет актером; в Нагасаки торговал водкой; женат на японке. «Басом обладаю», — говорит, что верно. «Соборное Богослужение ваше украсю», — уверяет. Едва ли, если бы стал протодиаконствовать наподобие того, как диакон в России, японцы диву дивились бы только, а не наставлялись. Голоса у японских диаконов, правда, плохие, но служат натурально, не кричат. Не надо! Отказано.

7 (20) августа 1909. Пятница

<...> Репортер «Хоописимбун» приходит, спрашивает:

— Какое отношение патриотизма к религии?

— Патриотизм — чувство естественное, вложенное Творцом в природу человека, как чувство птицы к своему гнезду, оленя к своему стаду. Религия только освящает его, углубляет и укрепляет.
<...>

— Как в России это чувство?

— У настоящих русских людей совершенно так же. <...>

— Что граф Толстой?

— По последнему периоду своего писательства — враг России.

4 (17) сентября 1909. Пятница

О. Тит Комацу пишет, что похоронил в Накамацу Корнилия Судзуки, первого по времени и очень благочестивого тамошнего христианина; бедный, в последнее время лежал в параличе; пред смертью пособорован о. Титом в присутствии тамошней братии, очень любившей его. Царство ему Небесное! Первые христиане мало-помалу отходят в тот мир, скоро никого не останется, а следующее поколение лучше ли будет?

22 декабря 1909 (4 января 1910). Вторник

С сегодняшней почтой получена из Москвы книжка об о. Иоанне Кронштадтском. Как трогательна и как поучительна она! Вот кто стяжал дух молитвы!

28 декабря 1909 (10 января 1910). Понедельник

Д. М. Позднеев принес в подарок 3 книги своих сочинений «Материалы по описанию северной части Японии». Капитальный труд, показывающий и большую даровитость, и великую трудоспособность автора. <...>

1910 г.

2 (15) февраля 1910. Вторник. Сретение Господне

После Богослужения были у меня и пили чай два курильца с о. Сикотана, Евтихий Причин и Максим Сторожев, вместе с товарищем, японцем Лазарем. С выбритыми лицами, кроме усов, одетые в пиджаки, — совсем не похожи на курильцев. Нанял их японец, владелец судна, имеющего отправиться бить котиков, бобров и проч.; ждут изготовления судна. По-русски говорить не могут, но веру держат крепко.

6 (19) февраля 1910. Суббота

Глаза начинают болеть. Впрочем, даст Бог, хватит на перевод Богослужения, а быть может, и Ветхого Завета.

8 (21) февраля 1910. Понедельник

Кончен перевод службы свят. Иннокентию. Теперь надо еще раз прочитать всю Праздн. Минею, чтобы уже окончательно убедиться в ее исправности и отдать в печать.

15 (28) февраля 1910. Понедельник

Последнее чтение и последняя поправка Праздничной Минеи. Перевод нам с Накаем нравится. Еще бы не нравился! Овсяная каша сама себя хвалит. Но нельзя сказать, чтобы все было понятно всем. Во многих местах знающий иероглифы посмотрит на них и поймет; а по слуху и ученый не всегда схватит смысл; неученому же будет многое так непонятно, как непонятен во многом славянский текст русскому простолудину. А что же делать? Где взять понятные для всех японские слова? Никак не обойтись без китайского чтения иероглифов. Но у нас зато для чтущего все ясно; мысль прозрачна, как хрусталь, и все можно изъяснить и истолковать.

21 февраля (6 марта) 1910. Воскресенье

Явился русский «синаематографист», — на карточке «Пантелеймон Васильевич Кобцев. Синаематограф», — просил позволения снять для кинематографа наше Богослужение. Как же можно! Для представления точно в театре, — нельзя! Зато он установил свой аппарат против собора и ловил всех выходящих по окончании Богослужения.

Пойман и я, совсем неожиданно; на крыльце ветер рвет полы платья... я обертываюсь туда и сюда, защищаясь от ветра. Кругом копошатся дети, а ручка аппарата бешено крутится, — слишком поздно, увы, я это заметил, — хороша картинка выйдет, нечего сказать!

31 декабря 1910 (13 января 1911). Пятница

Начал переписку приходно-расходного Миссийского отчета. Из-за болезни запоздал с этим делом в минувшем году. Немалая потеря времени выйдет для главного дела — приготовления к печати Постной Триоди.

<...> На Всенощной я выходил с иереями на Литию и Величание. Итак, еще один год канул в вечность. Холодно душа провожает его и холодно готовится встретить новый. Замерло одушевление; знать, с годами выгорело оно. Что ж, дотянем ляжку; недалеко пристань. Дай Бог только не упасть в грязь и не ушибиться насмерть! Без Божией охраны на каждом шагу можно споткнуться. Ангел-Хранитель, не оставь без руководства! И просвети, Господи, сию страну светом истинного Твоего Евангелия! Дай, Боже, Православной Твоей Церкви родить чадо!

1911 г.

4(17)января 1911. Вторник

<...> В 11 часу Посол Николай Андр. Малевский официально посетил меня, — как предварительно говорил, — чтоб доставить Рескрипт Государя Императора и орден Владимира 1-й степени. Младший секретарь Заневский нес за ним пакет и ящичек. Я встретил также официально: в орденах и клобуке с крестом, из почтения к высокому дару Государя Императора. Но так как искренно считаю себя не стоящим никаких наград и принимаю их не на свой счет, а на счет Миссии, то остался совершенно равнодушен. Да благословит Господь Государя Императора за его необыкновенно милостивое расположение к Миссии! Первая молитва моя пред Престолом Божиим всегда за Царя и Его Наследника.

18 (31) января 1911 года. Вторник

Мы с Накаем принялись за окончательную проверку перевода «Постной Триоди». С русским текстом было тщательно проверено прежде; поэтому теперь мы прямо читаем японский текст; смотрим, чтобы все было ясно и прозрачно как кристалл; и так на самом деле есть; самые незначительные поправки кое-где приходится делать.

20 марта (2 апреля) 1911. Воскресенье

Когда после Литургии я вернулся к себе и отпустил уже посетителей-японцев, угостив чаем, сказали мне, что 7 русских пришли в Собор и желают отслужить молебен. Вышел к ним. Люди простые, едут в Америку на заработки, — 6 мужчин и одна женщина. Говорю им:

— Я отслужу для вас молебен путешественный морской. Но петь по-русски здесь некому. Пойте сами.

— Мы не умеем.

— Хоть «Господи помилуй».

— Это можем.

И действительно, это только пели, — все прочее я один пел. Апостола, однако, нашелся прочесть между ними один, но точно брел по вспаханному полю, поминутно спотыкался.

По окончании спрашивают прямо, по русскому обычаю:

— Батюшка, сколько следует заплатить?

— Господь с вами! Ничего не нужно. Берегите себе на дорогу.

Бедные! Наверное, горько раскаются в своем предприятии.

28 апреля (11 мая) 1911. Четверг

Необыкновенно трудно перевести Богослужение в Четверток и Пятюк Светлой Седмицы. «О Источнице Пресвятыя Богородицы». Прежде мы оставили это место непереуведенным. Теперь приходится возобновить опущенное. Что за убийственный перевод с греческого на славянский! <...>

20 июня (3 июля) 1911. Понедельник

Получено уведомление, что внезапно помер Павел Цуда, самый старый из катехизаторов и один из самых первых христиан, в 1872-1873 гг. сидевший в тюрьме в Хакодате за исповедание Христовой веры. Теперь направлялся он сюда, на Собор... и во время беседы с о. Петром Сасагава у него сделалось кровоизлияние в мозг и он скончался. Царство ему Небесное!

30 июля (12 авг.) 1911. Суббота

Написал Вл. К. Саблеру защитительное письмо об о. Декасии. Описал, как много лет и как много он благотворил Миссии иконами, книгами, разными афонскими святынями, и просил пощадить его, избавить его от теперешнего наказания, наложенного на него, возвратить в обитель, которой он уже 30 лет принадлежит.

20 августа (2 сентября) 1911. Суббота

Читал «Троицкое Слово», полученное от Преосв. Николая, Еп. Вологодского, № 38-80. Дневники его какую мрачную картину религиозного состояния России рисуют! Одно уныние! Не дай Господи, чтобы все было так плохо! <...>

4 (17) сентября 1911. Воскресенье

Сегодня день канонизации преподобного отца нашего Иоасафа, Епископа Белгородского и чудотворца. После Обедни я сказал о нем и о решении Св. Синода канонизировать его. Потом отслужен был молебен Св. Иоасафу. По окончании его положен был на столик крест и около него изображение св. Иоасафа, приложенное к «Церк. Ведомостям»; все лобызали крест и изображение.

4 (17) октября 1911. Вторник

Письмо с Афона от игумена монастыря Св. Пантелеймона о самочинствах отца Декасия. Самого первого обета, послушания, для него, в иноках сущаго, кажется, вовсе не существует. Совсем я не знал этого. Нужно будет ответить, что впредь от Декасия не примем здесь никакие пожертвования, если не будет удостоверено, что оно посылается с благословения о. Игумена.

7 (20) октября 1911. Пятница

Павел Накаи вернулся из Осака и рассказал о празднике чествования городом его предков. Многочисленное собрание, великолепные речи, китайские представления и музыка. Чествовались предки Накая, как насадители добродетели в Осака своею знаменитою китайскою школою и своими сочинениями. <...>

3 (16) ноября 1911. Четверг

В половине 3-го часа астма разбудила и не дала больше спать; встал и занимался делами. Освоившись и с этой болезнью жить можно; дал бы Бог подольше прожить, чтоб побольше перевести.

Словарь используемых японских слов

Словарь используемых японских слов

Абори — не разобрано.

Адзукари-ката — кассир-распорядитель.

Айай-ся — издательство при Миссии.

Амма — массаж, слепой массажист.

Асагао — растение ипомея.

Байсин — вассал вассала, субвассал.

Бакка — штаб, штабной офицер.

Банто — приказчик.

Бася — общее название повозки, коляски, экипажа, телеги.

Бейю — теплая вода с рисом.

Бекке Намбуского князя — боковая ветвь рода князя Намбу.

Бенто — завтрак в коробке.

Бонза — буддийский священник.

Боодоо — бунт, мятеж.

Бунмей-но — цивилизованный.

Бура-бура суру — бродить.

Вабисуру — извиниться.

Варадзи — японские соломенные лапти.

Варимодоси — частичный возврат внесенных денег.

Варимодосу — частично возвращать.

Васеда-гакко — училище Васеда.

Гваймусё — министерство иностранных дел.

Гееко — гейша.

Гиан — предложение.

Гиин — другое название сицудзи.

Гиин — депутат парламента.

Гинкоо — банк.

Ги-юу — руководящие христиане.

Го, он — префиксы вежливости.

Гогвай (Го-гвай) — экстренный выпуск газеты, продавец этой газеты.

Гоенся — Общество взаимной помощи.

Гоиссин — революция Мейдзи, иссин.

Госё — императорский дворец.

Гу — дурак.

Гузу-гузу — лениво, медлительно.

Гумин — глупый народ.

Гунчёо — окружной начальник.
Дайку — плотник.
Даквайсита — оставили церковь.
Даккайсу — оставляют церковь.
Денкёо-ходзё — помощник катехизатора.
Денкё[о]ся — катехизатор.
Дзенго — около.
Дзё — единица измер. жилой площади (несколько больше 1,5 кв. м).
Дзёёёку — страсть.
Дзюуман — сто тысяч.
Докурицу — самостоятельность.
Докухон — учебник.
Доо-боо — соотечественники.
Доосин — пехотинцы.
Доцяку — местный.
Доцяку денкё[о]ся — местный катехизатор.
Ендзецу — речь, выступление.
Ендзя — родственники.
Ёку-фукаки яро но юме — сон жадного мазурика.
«Ёмиурисимбун» — одна из влиятельных газет.
Ёосан — шелководство.
«Иородзу-чёохоо» — одна из влиятельных газет.
Ироо-квай — собрание с обедом в благодарность за труды.
Иссайкёо — полное собрание буддийских сутр.
«И-со Никорай» — краткая биография отца Николая, изданная в 1904 г.
Ихаи — деревянная табличка с посмертным именем.
Каготатеба — стоянка паланкинов.
Кайкей-ката — кассир.
Кайко — шелковичный червь.
Какемоно — картина на продолговатой полосе шелка или бумаги.
Камбёнин — санитар(ка), сиделка.
Ками-но цукай Си — посланец Бога.
Кане — деньги.
Кане — колокол.
Каннуси — синтоистский жрец.
Кацура-рикиу — вилла одной из императорских семей, построенная в 17 веке, на западе Киото, у реки Кацура. Каю — каша.
Квайдо — здание, где собираются христиане для молитвы (собор, церковь или часовня).
Квайдоо-мори — сторож церкви и храма, смотритель квайдо.

Кван ме — мера веса = 3,75 кг.
«Кванпо» — правительственный вестник.
Кваси — сласти.
Квасия — конфетчик.
Кейкёо-хёо — статистический лист.
Кеймоодзё — училище, где учат основам веры желающих перейти в Православие.
Кеймоосики — оглашение.
Кейтей — братья.
Кенсай-бако — церковная кружка.
Кен — мера длины = 1,8 м.
Кенгисё — письменное предложение.
Кенкай гиин — член губернского совета.
Кеньейквай — название христианской общины. Преображенская община.
Керай — вассал.
Кеяки — дерево дзельква пильчатая. Кёоквай — церковь.
Кёофу — общее название руководителя церковной организации.
Кин-бун фумецу-но кентен — златописанная вечная священная книга.
Кисеи — не разобрано.
Киусуру — одолжать.
Коку — мера ёмкости = около 150 кг.
Кокузоку — враг Отечества.
Конамбу — малый Намбу.
Коогёо — промышленность, индустрия.
Коогёо-квайся — горнопромышленная компания.
Коодзё — фабрика, завод.
Коейдан — не разобрано.
Коори — корзина, мера веса = 33,7 кг.
Кооси-фузоку ци — земля, принадлежащая посольству.
Коофу — рудокоп.
Кооцууса — не разобрано.
Кото — японский тринадцатиструнный музыкальный инструмент.
Кочёо — староста двора.
Кояси — удобрение.
Кува — шелковица.
Кумару [Комару?] — находиться в затруднительном положении.
Кумиай кёоквай — протестантская секта конгрегационалистов.
Кунайсе — министерство двора.
Курамае — самураи, которые получали содержание рисом.
Курума — такси или рикша.

Магуро (манчуро) — рыба тунец.

Маканай — питание. Тот, кто готовит питание, повар, кухарка.

Макимоно — свиток, картина в виде свитка.

Маморё — давайте хранить.

Ман — десять тысяч.

Мандара — изображение Будды.

Мандзю — пирожок с начинкой.

Маса — прямослойная древесина.

Матакациу — вассал вассала. См. Байсин.

Мацц — город, улица.

Меирей — приказание, приказ.

Мейдзи б нен — шестой год Мейдзи.

Эпоха Мейдзи охватывает период с 1868 по 1912 г.

Мидзугурума — водяное колесо, водяная мельница.

Микадо — старое японское название императора.

Мимай — денежный подарок пострадавшим.

Митама — дух.

Мицубиси — одна из финансовых групп.

Момбусё — министерство просвещения.

Моми — рис в шелухе.

Моми — дерево пихта.

Монто — название одной из буддийских сект.

Мудзин — лотерея в обществе взаимного кредита.

Мура — волость, село.

Мусиро — циновка.

Мутонцяку — не обращать внимания; равнодушие.

Нессиннисите кёокей-о севасуру-моноо — того, кто сердечно заботится о христианах.

Нидзё-рикиу — дворец японских императоров в Нидзё в Киото.

Ниппон — Япония, (здесь) главный остров Японии, собственно Япония.

Ноогё — земледелие.

Ноодзи — сельскохозяйственные работы.

Осё — другое название бонзы.

Осиено Кагами — книга, Православное исповедание.

Раке (раккё) — лук Бакера.

Ренго — союз.

Рёонгёо (гёгё) — рыболовство.

Рикиу — отдельный дворец.

Рин — самая мелкая денежная единица =1/10 сена.

Ринкоо — чтение по очереди, чтение цикла лекций.

Ри сихоо — ри: мера длины = 3,9 км.; сихоо: квадратный.

Риукоо-но докуго ротан — модное ругательство: «русский шпион».

Рокёо — Православная вера (буквально: русская религия, русская вера).

Роокей — почетное наименование старшего.

Ро-тан — русский шпион.

Ро — Россия или русский. Тан: шпион или сыщик.

Русуй — присмотр за домом.

Садайдзин — ист. «Левый министр» (второй по рангу министр).

Сайбансё — суд.

Сакан — процветающий, развивающийся.

Сакура — дерево вишня.

Сансейин — сторонники.

Сатана сиризоке — долой сатану.

Сахайнин — управляющий.

Се — мера поверхности = 99 кв. м.

Сё — мера ёмкости = 1,8 л.

Севаката — организатор, распорядитель.

Севаката онна — организаторша, распорядительница.

Сейбоквай — название христианской общины: община Богоматери.

«Сейкёо Ёова» — журнал для православных семей.

«Сейкёо-Симпо» — орган русской Православной миссии в Японии.

Сейкёо фудзин кёодзюцу квай — Женское благотворительное общество.

Сейсидзё — шелкообрабатывающее заведение.

Сейсися — шелкообрабатывающая компания.

Секкё — проповедь.

Сен коку — тысяча коку.

Сен-си-ся — погибший на войне.

Сёогакко — начальная школа.

Сёогун — тайкун, повелитель страны эпохи Токугава.

Сива-рикиу — загородная резиденция японских императоров в Сива.

Сиви — другое название «магуро» (тунца).

Сизоку — дворянство, потомки самураев.

Сикуси (сюкуси) — поздравительное послание.

Симай — сестры.

Симбокквай — дружеская встреча.

Симпо — сокращенное название «Сейкёо-Симпо».

Симпу — отец, священник.

Син-сейдзин — новый святой.

Син-си — духовные дети.

Синто — синтоизм.

Сисай — священник.

Сихон-кин — капитал, средства.

Сиция — ломбард, ростовщик.

Сицудзи (сюцудзи) — староста церкви, управляющий церковными делами.

Сицумон — вопросы, справки.

Собор Николая — Токийский Собор Воскресения Христа.

Согейская школа — школа Согей-мура.

Содоку — чтение китайских классиков без комментариев.

Созей — пошлина.

Сончёо — деревенский старшина.

Сообецу-квай — прощальный вечер.

Соомен — вермишель, лапша.

Соцу — солдаты.

Соцугёо-сики — выпускной акт.

Суги — дерево криптомерия.

Суругадай — холм Суруга, место, где находится Миссия.

Сэйнэнквай (сейненквай) — Общество молодых людей.

Сю аваремеё — Господи, помилуй.

Табакобон — пепельница.

Таби-хи — не разобрано.

«Тайёо» — «Солнце» (ежемесячный журнал).

Тайко-тад[т]аку сюси (Хокке) — одна из буддийских сект, в которой принято бить в барабаны во время молитвы (хокке).

Тан — мера поверхности = 992 кв. м.

Таномоси —; см. мудзин.

Тантей — сыщик, полицейский агент.

Татами — татами, соломенный мат стандартного размера, несколько больше 1,5 кв. м, очень плотный, служит для настилки полов.

Тацидзини — смерть в стоячем положении.

Тендай — название одной из старейших буддийских сект.

Тендоосогей — не разобрано.

Тензей — «Налог к небу», пожертвование Церкви.

Тентеи — Небесный царь.

То — мера ёмкости = 18 л.

Тоодзиба — воды, курорт.

Тоокёосоокан — китайский перевод Библии.

Тоофуя — продавец тоофу, соевого творога.

Фудоо — бог огня.

Фуку денкёся — вице-катехизатор, помощник катехизатора.
Фукуин доомей квай — Евангельский союз.
Фуре-доодзёо квай — Общество сочувствующих военнопленным.
Фуру — баня.
Фуузоку — обычаи.
Фуци — пособие, вспомоществование.
Хагаки — почтовый листок, открытка.
Хай — чашка.
Ханьякёо — одна из основных сутр буддизма.
Хари-ися — врач-иглотерапевт.
Хатагоя — постоянный двор.
Хеймин — простой народ, название третьего сословия.
Хецима — высушенная луффа для вытирания грязи.
Хибаси — щипцы для углей.
Хикаридоо — Золотой храм.
Хикеси — пожарный.
Хиноки — дерево кипарисовик японский.
«Хитацци мару» — японское грузовое судно, потопленное 15 июня (н. ст.) 1904 г.
Ходзё — пособник, помощник.
Хокке — одна из сект буддизма.
Хонк[в]ай — Миссия.
Хоре дзёохоо-кёку — канцелярия для военнопленных, отдел информации о военнопленных.
Христос-но осие-во маморё — давайте хранить учение Христово.
Цёонин — горожане.
Цидзи — губернатор.
«Цуивоо коорон» — «Центральное общественное мнение» (ежемесячный журнал).
Циугакко — средняя школа.
Циуконсидо-кайкван — дом верноподданных.
Циу-мон — просьба, заказ.
Цихоосисай — местный священник.
Цубо — мера поверхности = 3,3 кв. м.
Цуморигаки — предварительный счет.
Чабанаси — непринужденная беседа за чашкой чая.
Чё — 1. Мера длины = 109 метров; 2. городской (здесь), частно практикующий в городе.
Чёонин — горожане.
Энгава — открытая галерея с двух или трех сторон японского дома.
Энзецу квай — вечер выступлений.
Юуси — желающий.
Ябан-но — варварский.

Яваракай меси — мягкий вареный рис.

Якуба — управление (сельское).

Якусоку — обещание.

Якушё — административное учреждение.

Ямато тамасии — японская душа, японский дух.

Яро — бранное слово: негодяй.

Ясо макета — христиане побеждены.

«Ясо»: старое название христианина и христиан.